

Санкт-Петербургский государственный университет

на правах рукописи

Гусева Наталья Константиновна

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОБУЖДЕНИЯ В
РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Научная специальность 5.9.8. — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Кисилиер М. Л.

Санкт-Петербург 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая. Теоретико-методологические предпосылки кросс-культурного исследования коммуникативных стратегий и тактик (theoretical background)	16
1.1. Современные теории общения и коммуникации	16
1.1.1. Диалог как основа коммуникации	18
1.1.2. Модели коммуникации	20
1.2. Кросс-культурный аспект исследований в области межкультурной коммуникации	23
1.2.1. Западная и отечественная школы в теории межкультурной коммуникации	23
1.2.2. Контекст в культуре и самоидентификация	31
1.2.3. Бином языка и культуры	33
1.2.4. Гипотеза лингвистической относительности и ее критика	34
1.2.5. Лингвистический релятивизм и универсализм	37
1.2.6. Этнография коммуникации	38
1.3. Выводы по первой главе	40
Глава вторая. Коммуникативные стратегии и тактики в кросс-культурной перспективе. Теоретические основы исследования (theoretical framework)	43
2.1. Базовые процессы диалогической коммуникации	43
2.1.1. Импликатуры и инференции в диалоге	43
2.1.2. Контекст и контекстуализация	46
2.2. Стилеобразующий фактор культуры в диалоге	53
2.2.1. Понятие этностила. Параметры национального стиля коммуникации	53
2.2.2. Лингвокультурные фреймы, сценарии, скрипты	56
2.2.3. Культурные ценности итальянского коммуникативного поведения	59
2.2.4. Культурные ценности русского коммуникативного поведения	62
2.3. Побудительные стратегии и тактики	65
2.3.1. Понятия коммуникативной стратегии и тактики	65
2.3.2. Проблема таксономии побудительных стратегий	67
2.3.3. Тактики побудительных стратегий как отражение установок (диспозиций) личности в речевой деятельности	72
2.4. Выводы по второй главе	74
Глава третья. Императивы и директивы как основные способы реализации побудительных стратегий	77
3.1. Языковые средства побудительных стратегий и тактик в типологическом плане	77
3.1.1. Канонический императив	78

3.1.2. Неимперативные директивы	79
3.2. Грамматика и семантика императива в русском и итальянском языках	81
3.2.1. Императивная парадигма	81
3.2.2. Морфологическая и синтаксическая маркировка императива	82
3.2.3. Маркировка единственного и множественного числа, формального и неформального обращения (Т/V) в императиве	87
3.2.4. Глагольный вид в императиве	90
3.2.5. Непрямое употребление императива в русском и итальянском языках	93
3.3. Неимперативные директивы	95
3.3.1. Интеррогативы	95
3.3.2. Декларативы	96
3.3.3. Субстантивированные формы и эллиптические конструкции	97
3.4. Выводы по третьей главе	99
Глава четвертая. Тактики побудительных стратегий в итальянской и русской устной речи .	101
4.1. Корпус примеров	101
4.1.1. Ситуативные контексты, коммуникативные и социальные роли	102
4.1.2. Социальная стратификация языка	104
4.1.3. Краткая характеристика современного состояния русского и итальянского языков	107
4.1.4. Итальянская фильмография	110
4.1.5. Российская фильмография	111
4.2. Тактики межличностных установок	113
4.2.1 Тактики установки на самого себя (говорящего)	115
4.2.1.1. Тактика дезидератива	115
4.2.1.2. Тактика констатации важности каузируемого действия для говорящего ...	118
4.2.1.3. Тактика увеличения интенсивности побуждения	120
4.2.1.4. Тактика синтаксического повтора	121
4.2.1.5. Тактика интеррогатива	125
4.2.2. Тактики установки на адресата	133
4.2.2.1. Тактика указания на бенефактивность для адресата	133
4.2.2.2. Тактика маркеров вежливости	138
4.2.2.3. Тактика деонтической модальности	143
4.2.2.4. Тактика обращения к лицу	154
4.2.2.5. Тактика поиска одобрения каузируемого действия	156
4.2.3. Тактика совместного действия	157

4.2.4. Тактика установки на третье лицо	166
4.3. Тактики внеличностных установок	168
4.3.1. Тактики установки на действительность	168
4.3.1.1. Тактика обезличенности каузатора или исполнителя действия	169
4.3.1.2. Тактика обозначения цели	171
4.3.1.3. Тактика фокуса на действии или состоянии	173
4.3.1.4. Тактика фокуса на условиях реализации каузируемого действия	181
4.3.1.5. Тактика предупреждения о последствиях (не)исполнения действия	183
4.3.1.6. Тактика облигаторного или авторитарного прескриптива	187
4.3.1.7. Тактика указания на срочность исполнения каузируемого действия	195
4.3.2. Тактики установки на пропозициональное содержание	198
4.3.2.1. Тактика обращения к прецедентным ситуациям	199
4.3.2.2. Тактика метапрагматического контроля	202
4.3.2.3. Тактика сентенции	209
4.3.3. Тактики установки на языковые средства	210
4.3.3.1. Тактика стилевой сниженности директива	210
4.3.3.2. Тактика субститута	212
4.4. Количественный анализ зафиксированных языковых средств	215
4.5. Выводы по четвертой главе	217
Заключение	225
Список сокращений	238
Список литературы	239
Электронные ресурсы	270

Введение

Настоящая диссертация посвящена сопоставительному исследованию стратегий и тактик побуждения в русской и итальянской лингвокультурах на синхронном срезе и направлена на выявление сходств и различий на уровне коммуникативных ходов (тактик), составляющих коммуникативные стратегии побуждения, в устной речи носителей языка. В диссертации широко используется термин *лингвокультура*, призванный подчеркнуть бинomialный характер исследуемого предмета и неразрывную связь конкретного языка и культуры, в которой он функционирует. Работа носит дескриптивный характер, и перед нами стоит задача обнаружения и перечисления особенностей, характерных для коммуникативных стратегий и тактик побуждения в современных русском и итальянском языках.

В центре внимания находятся языковые средства, посредством которых реализуются коммуникативные ходы в диалогических единствах с побудительной интенцией. Языковым материалом для сопоставительного анализа послужили диалоги из современных фильмов на русском и итальянском языках. Нами намеренно не принимались во внимание переводные фильмы в целях сохранения оригинальности высказываний, порожденных носителем языка, и во избежание отрицательной языковой интерференции в процессе перевода с одного языка на другой. В диссертации приводится наш перевод диалогов с итальянского на русский исключительно в целях облегчения понимания для тех, кто не владеет итальянским языком. В некоторых случаях для большей наглядности нами дается почти дословный перевод, повторяющий грамматическую и синтаксическую структуру высказывания на итальянском языке.

Диалоги, составляющие корпус примеров, взяты из фильмов массовой кинокультуры, к которым мы относимся как к одному из явлений, формирующих речеповеденческие паттерны, и поэтому представляющих интерес с исследовательской точки зрения, позволяющих определить тенденции, присутствующие в устной речи носителей двух языков.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена, прежде всего, возрастающим интересом современной лингвистики к проблемам коммуникации в общем и к ее специфическим особенностям в отдельных лингвокультурах. При выборе темы исследования мы руководствовались, с одной стороны, необходимостью теоретического изучения вопросов использования языковых средств морфологического и синтаксического уровня языка для достижения конкретных коммуникативных целей, которые являются общими для разных лингвокультур. С другой стороны, наш интерес был продиктован практической необходимостью выделить сходства и различия в речевом поведении современного носителя русского и итальянского языков в дидактических целях. Актуальность работы связана с тем, что

сопоставление коммуникативных стратегий и тактик в русском и итальянском лингвокультурах до настоящего времени не предпринималось ни в России, ни в Италии. По крайней мере, нам не известны самостоятельные научные исследования, посвященные данной тематике.

Актуальности настоящего исследования также способствуют его включенность в антропологическую парадигму современной лингвистики и приоритетность исследований в области коммуникативной этнолингвистики и, в частности, в сопоставлении неродственных языков. Реализация категории побудительности является частотной ситуацией в коммуникации, и поиск культуро- и этноспецифических средств ее экспликации представляется значимым для современного языкознания как в теоретическом, так и в практическом плане.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые производится комплексный сопоставительный анализ языковых средств, используемых при речевой реализации побуждения, в двух лингвокультурах – русской и итальянской – в рамках коммуникативно-прагматического и функционально-семантического подходов. Впервые предпринята попытка описания речевых тактик побуждения с учетом ряда предпосылок, носящих внеличностный и межличностный характер.

Степень разработанности темы исследования. Стратегии и тактики речи изучаются в рамках коммуникативной лингвистики и прагмалингвистики (внутренняя лингвистика), что позволяет исследовать взаимодействие субстанциональных и функциональных свойств языковых единиц, задействованных в отдельных ходах речевых тактик в ситуациях реального общения в устной и письменной форме, а также определить их прагматическую ценность в разных актах коммуникации на основе теории речевой деятельности. Речеведение, понимаемое как комплекс наук о реальном функционировании языковых единиц в конкретных речевых ситуациях, предполагает изучение не только сугубо лингвистического материала, но и экстралингвистических факторов. Исследованием этих факторов занимаются такие области внешней лингвистики, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, а также коммуникативно-прагматическая лингвистика — антропоцентрическая дисциплина, изучающая механизмы речевого воздействия с учетом таких экстралингвистических факторов, как субъект речи, адресат, их взаимодействие и ситуация общения. Изучение стратегий и тактик в двух или более языках обязывает исследователя работать в парадигме контрастивной или сопоставительной лингвистики на синхронном срезе языке.

Лингвокультурный аспект изучения коммуникативных ситуаций заключается в выделении особенностей лингвокультур: коммуникативная норма в одной лингвокультуре может не соответствовать или противоречить коммуникативным нормам в другой.

Понятия коммуникативной стратегии и тактики стали использоваться в лингвистике с середины 80-х годов XX века, когда стал широко применяться коммуникативно-прагматический

подход к анализу языковых фактов и явлений. Для постгенеративизма характерен «выход в речевую деятельность» [Касевич 2001: 70], правила которой становятся частью органической модели языка, разрабатываемой лингвистами. Речевая коммуникация, составной частью которой является речевая деятельность, — это стратегический процесс, в основе которого лежит выбор оптимальных языковых средств [Иссерс 2008: 10]. Языковые средства, процесс их использования и продукт этого процесса являются предметом теории языка, в то время как цель использования языковых и неязыковых средств и достигаемый соответствующими процессами результат — предметом теории коммуникации. Теория языка и теория коммуникации пересекаются в теории речевых актов, а в частности, в теории иллокутивных и перлокутивных функций. В теории языка коммуникация означает речевое общение, т. е. использование языка для общения и обмена информацией, обеспечивающее нормальную жизнь социума и удовлетворяющее психологическую потребность человека в контакте с другими людьми [Куликова, Салмина 2009: 35; Жеребило 2010: 159]. Практика речевого общения, его формы и функции, условия успешности и эффективности изучаются в общем контексте функциональной лингвистики с учетом социально-психологических оснований теории речевой коммуникации в таких направлениях, как теория речевых актов, дискурс-анализ, конверсационный анализ, теория речевой коммуникации, этнография речи, теория речевых жанров, теория межкультурной коммуникации.

Проблемы коммуникации оказались релевантными и заслуживающими внимания в целом комплексе наук: психологии, лингвистике, семиотике, герменевтике, философии, риторике, эстетике, поэтике и др. Теория общения и коммуникации разрабатывалась почти всеми крупными учеными прошлого века. Наиболее известные из них — диалогика В. С. Библера; диалогическая философия М. Бубера, Ф. Эбнера, Ф. Розенцвейга и О. Розенштока-Хюсси; феноменология intersубъективности Э. Гуссерля, А. Шюца и Л. Ландгребе; структурная антропология К. Леви-Стросса; экзистенциальная философия К. Ясперса.

К концу XX в. структурная лингвистика, господствующая в исследованиях языка во второй половине прошлого века, достигла той степени абстракции, которая обеспечила переход от изучения минимальных лингвистических единиц к исследованию многомерных и сложных образований. В сферу интересов лингвистов вошли такие аспекты, как речевая деятельность, речевое взаимодействие и речевая коммуникация. Иными словами, объектом лингвистики стала вся языковая реальность. Теория коммуникации как область исследования получила свое признание со становлением кибернетики, информатики, семиотики. К середине XX в. выделились как минимум три направления в осмыслении проблем человеческой коммуникации:

1) перенос фокуса исследований со структуры языка на его функции, на язык в широком социальном контексте (Дж. Дж. Гамперц, Д. Х. Хаймс, У. Лабов, Д. Фишман, С. Эрвин-Трипп).

Задача этого направления состоит в лингвистическом анализе феномена человеческой коммуникации;

2) включение в круг исследуемых проблем коммуникации языка в совокупности с социальными проблемами современного общества. Эта дихотомия стала предметом исследований в самом широком круге гуманитарных дисциплин экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, М. Шелер, М. Мерло-Понти, А. Камю, М. Лакан, М. Фуко, Ж. Делёз, Р. Барт, Ж. Деррида, П. Рикёр);

3) признание диалога в качестве основной формой реализации коммуникации и диалогизма в качестве центральной проблемы ряда философско-эстетических и психологических учений (К. Ясперс, Г. Марсель). В отечественной лингвистике научное исследование диалога было заложено в 1920-е гг. XX в. работами Л. П. Якубинского, В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина.

Для Бахтина в диалоге происходит непрерывное продуцирование значения и смысла: в слове, в средствах речевого выражения открывается человек-личность и его сознание [Бахтин 1977: 306]. Диалогическая коммуникация является фундаментальным образованием, выходящим за пределы языка. Как отмечает Ю. М. Лотман: «сознание есть обмен сообщениями — от обмена между полушариями большого мозга человека до обмена между культурами. Сознание без коммуникации невозможно. В этом смысле можно сказать, что диалог предшествует языку и порождает его» [Лотман 1992а: 19]. Следовательно, в реализации смысла слова или высказывания одинаково важны как говорящий, так и слушающий. Одной из существенных характеристик диалога является совместная интерпретация значения и смысла. Подобный диалогический подход прослеживается также и в начале XXI века в исследованиях по прагматике у Э. Вайганд [Weigand 2010a; 2010b], Д. Карбо [Carbaugh 2013], И. Кечкеша [Kecskes 2016]. Шведским лингвистом П. Линеллом была предпринята попытка обоснования необходимости выделения диалогии в отдельную область исследования — диалогическую лингвистику [Linell 2006].

Стратегии и тактики становятся одним из ключевых понятий теории коммуникации (см., например, [Ellingsworth, Clevenger 1967; Демьянков 1982; Сухих 1986; Ёйм 1985; Дейк ван, Кинч 1988; Neuliep, Mattson 1990; Янко 2001; Иссерс 2008; 2012]). В исследованиях, посвященных коммуникативным (речевым) стратегиям и тактикам, существует множество их дефиниций. Их обзор дается в [Жданова 2010: 42-64]. В настоящее время в лингвистике не существует единого определения речевой стратегии. Более того, в работах разных исследователей встречаются разные наименования этого явления — *коммуникативные стратегии*, *речевые стратегии*, *когнитивные стратегии*, *семантические стратегии*. Несомненно, наименование и дефиниция в определенной мере зависят от конкретной лингвистической дисциплины, в рамках которой

ведется исследование, и от применяемых методов. Б. В. Кашкин определяет коммуникативную стратегию как «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [Кашкин 2000: 116]. Под коммуникативной стратегией Е. В. Клюев понимает «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 2002: 17]. Иногда под стратегией понимают реализацию набора целей в структуре общения. По мнению М. Л. Макарова, этот подход не находится в противоречии к вышеописанному, но дополняет его, так как позволяет полнее раскрыть природу естественного языкового общения и его строение [Макаров 2003: 193]. Таким образом, в нашем исследовании под стратегией понимается некий план достижения конкретных целей и, в то же время, необходимый для этого набор действий (ср. [Романов 1988: 104]). Стратегия относится к глобальному уровню коммуникативной ситуации, в то время как отдельные риторические приемы и линии речевого поведения реализуются в тактиках. Тактика — более мелкая по сравнению со стратегией единица коммуникативного процесса. Стратегия соотносится с коммуникативной целью, а тактика — с отдельным коммуникативным намерением [Кашкин 2000]. Речевая стратегия и речевая тактика реализуются в совокупности речевых актов, являющихся функционально цельным фрагментом коммуникации.

В современной лингвистике коммуникативные стратегии и тактики рассматриваются в рамках коммуникативно-прагматического подхода в межпарадигмальных лингвистических исследованиях на основе логико-философской доктрины речевых актов, опирающейся на работы Дж. Остина, Дж. Серля, З. Вендлера и др., а также на теорию речевой деятельности, разрабатываемой в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней и др. В настоящее время не существует единой типологии коммуникативных стратегий. Они могут подразделяться на кооперативные и некооперативные. У разных исследователей мы находим разные формулировки принципа кооперации (см. [Грайс 1985; Ивин 2004; Кириллова 2012]). Однако, общим для них является то, что коммуникативные цели достигаются при соблюдении неких установленных принципов. Существует и иная классификация коммуникативных стратегий, основанная также на принципе взаимодействия с окружающими, но здесь на выбор модели речевого поведения оказывают влияние такие антропологические категории, как воспитание, культурные традиции, темперамент и другие. Речевые стратегии могут подразделяться на стратегии близости, отстранения и стратегию отказа от выбора [Михальская 1996: 98].

В настоящее время перед коммуникативной лингвистикой стоит задача более точной классификации частных речевых стратегий, которая представляется затруднительной по

причине многообразия коммуникативных ситуаций. Типологии стратегий строятся по аналогии с типологией речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, либо с типологией речевых жанров [Вежбицка 1997; Шмелева 1990; 1995; 1997; Дементьев 2010]. Но очень часто возникают ситуации, когда конкретная коммуникативная ситуация не подводится ни под один определенный тип речевого акта или речевого жанра. О. С. Иссерс ограничивается выделением наиболее продуктивных в русском речевом общении частных стратегий, пересекающихся с номенклатурой речевых жанров и речевых актов [Иссерс 2008]. В круг ее интересов не вошли стратегии и тактики побуждения. Т. Е. Янко классифицирует коммуникативные стратегии русской речи, понимаемые ей как планирование речи в масштабе речевого акта, в зависимости от компонентов речевого акта, от образуемых ими структур и от смыслов, выражаемых их различными конфигурациями [Янко 2001]. Стратегии побуждения также не были выделены в отдельный класс в ее исследовании.

В глоттогенезе побуждение, в частности, императивный жест в языке считается основным наряду с жестами привлечения внимания (англ. *sharing attention*), хотя в случае «привлекающих» жестов (англ. *attractors*) некоторые ученые их основной функцией считают императивную [Tomasello 2003]. В жестикуляции человекообразных обезьян наблюдается преимущественно императивная сигнализация, наряду с которой у людей в процессе эволюции появляется и становится доминирующим декларативный тип намеренной коммуникации [Фитч 2013: 501], т. е. выражение директивных интенций в языке относится к первичным языковым способностям человека. В онтогенезе речевой деятельности императивные формы глаголов, в том числе так называемых «матричных» глаголов [Tomasello 2003], оказываются одними из первых, которыми дети начинают пользоваться. Это объясняется также тем, что канонический императив позволяет пользоваться им без синтаксического расширения.

В современной лингвистике различаются такие понятия как побуждение, побудительность и волеизъявление. Трактовка терминов «побуждение» и «побудительность», а также прикладные вопросы, связанные с ними, рассматривались в трудах Дж. Р. Серля [Searle 1969, 1979; Серль 1986], Дж. Остина [1986, 1999], Г. Г. Почепцова [1981], Р. О. Якобсона [1985], А. Вежбицкой [1986], Н. И. Формановской [2002] и других. Н. И. Формановская дает следующее определение побудительности, включая в это понятие два других — волеизъявление и побуждение: побудительность — это «одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление с одной стороны, а с другой — побуждение к действию адресата» [Формановская 2002: 141]. В. С. Храковский и А. П. Володин определяют императив, отражающий референтную побудительную ситуацию, как «волеизъявление говорящего относительно выполнения/невыполнения действия» [Храковский, Володин 2001: 13]. А. Вежбицка в побудительных высказываниях постулирует компонент «я говорю: я хочу, чтобы

ты это сделал [Wierzbicka 2006] Таким образом, побудительность как коммуникативное явление, предполагающее двух участников — говорящего и слушающего, несет в себе двусубъектность, где говорящий является субъектом речевого действия, а слушающий (адресат побудительной интенции) — субъектом будущего действия. Очевидно, что побуждение и тактики его реализации должны изучаться в рамках более широкого понятия побудительности и во взаимосвязи с волеизъявлением, понимаемым как декларирование собственной воли в плане изменения окружающей реальности.

В отечественной лингвистике побуждение рассматривается с разных точек зрения. А. В. Бондарко разработал понятие функционально-семантического поля императивности и императивной ситуации [Бондарко 1971; 1984; 1990; 2002]. В. С. Храковский и Л. А. Бирюлин выделяют три уровня плана содержания побудительного высказывания, указывая на ряд прагматических факторов, влияющих на интерпретацию побуждения [Бирюлин 1992; 1992а; Бирюлин, Храковский 1992]. В итальянской лингвистике императив был предметом исследований в рамках формализма в работах таких ученых как Л. Спитцер [Spitzer 1951; 1952], О. Менкаччи [Mencacci 1983], Дж. Патота [Patota 1984]. В рамках интеракциональной лингвистики прагматика прямого и косвенного побуждения в итальянском языке рассматривается в работах Дж. Росси [Rossi 2012; 2014; 2015; 2017]. В парадигме типологических исследований императивные конструкции получили широкое освещение у А. Айхенвальд [Aikhenvald 2010; 2017], В. Ю. Гусева [2013], М. Джери и М. Киссина [Jary, Kissine 2014].

Сопоставление стратегий и тактик побуждения в двух различающихся лингвокультурах и исследование специфических особенностей коммуникации в них обуславливает «тройственный» подход: кроме указанных уже коммуникативного и лингвокультурологического, продуктивным является межкультурный подход, предполагающий кросс-культурное сопоставление паттернов межличностной коммуникации [Gudykunst, Mody 2002: ix]. Изучение коммуникации в кросс-культурной перспективе берет свое начало из антропологических исследований процесса коммуникации в различных культурах. Родоначальниками теории межкультурной коммуникации можно считать трех интеллектуалов XIX-XX вв. — Ч. Дарвина, К. Маркса и З. Фрейда [Rogers 1994]. Эволюционная теория Дарвина оказала влияние на развитие названной теории главным образом через модели общей теории социальной эволюции, разработанные Г. Спенсером и К. Марксом. В конце XIX в. антропологи Л. Г. Морган и Э. Тайлор предложили модели культурной эволюции [Морган 1934; Тайлор 1989]. Согласно этим моделям, различные общности людей (общества) в своем развитии проходят через несколько стадий — от дикого состояния и варварства к цивилизации, которая в то время считалась воплощенной в Англии. Ф. Боас решительно критиковал модели Моргана и Тайлора по причине свойственного им этноцентризма. Исходя из своей критики Боас сформулировал основное положение

антропологии, которое впоследствии легло в основу теории межкультурной коммуникации — культурный релятивизм, при котором каждая культура считается уникальной и не подвергается оценке по стандартам другой культуры [Hart 1999: 60].

К шестидесятым годам XX века в американской антропологии, выступающей флагманом в западной парадигме межкультурных исследований, наметились следующие тенденции: 1) переход от изучения одной культуры на общественном уровне к межличностным и межкультурным исследованиям; 2) сосредоточение на изучении невербальной коммуникации; 3) осознание культурного бессознательного; 4) неосуждающий этнорелятивизм; 5) взаимосвязь между коммуникацией и культурой [Gudykunst, Mody 2002: 4].

Если в западной коммуникативистике исследования концентрируются в первую очередь на типах коммуникации (межличностная, семейная, групповая, массовая, деловая, профессиональная), то российская коммуникативная теория имеет несколько иную направленность: для нее характерна лингвоцентричность, чему свидетельствует большое количество работ по речевому общению, языковому поведению человека, невербальной/вербальной коммуникации, речевым жанрам [Комарова 2012: 546]. По мнению О. А. Леонтович в российской науке можно выделить три основных направления исследований, базирующиеся на идее взаимосвязи языка и культуры: лингвострановедение (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин, В. В. Щепкова и др.); этнолингвистика (А. С. Герд, А. М. Копыленко, Н. И. Толстой и др.); лингвокультурология (В. Н. Телия, В. И. Хайруллин, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, М. А. Кулинич и др.) [Леонтович 2003: 17-18]. Для межкультурных исследований большое значение имеет рассмотрение взаимоотношений языка и культуры в рамках таких направлений лингвистики как психоллингвистика (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов и др.) и социоллингвистика (А. Д. Швейцер, В. И. Карасик, Н. Б. Мечковская, В. П. Конецкая и др.). Учет результатов исследований в таких междисциплинарных областях, как этнопсихоллингвистика и лингвосоциопсихология (Т. М. Дридзе), позволяет глубже понять механизмы процесса коммуникации между представителями разных культур. Также нельзя переоценить для кросс-культурных исследований важность описания национально-специфических особенностей языковой картины мира (Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева, С. А. Арутюнов, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Н. Д. Арутюнова), а также соотношения языка и национального самосознания (Н. Д. Арутюнова, Н. В. Уфимцева, В. Г. Гак).

Единицей анализа в теории межкультурной коммуникации выступает индивидуальное, то есть микроуровень процессов общения индивидов, принадлежащих к разным культурам, а также способы достижения ими взаимопонимания в коммуникации. В рамках настоящего исследования нами будет приниматься во внимание теория межкультурной коммуникации в ее кросс-

культурном аспекте, базирующемся на релятивизме культурной деятельности. В нормативных дефинициях культуры встречается в том числе и поведенческое определение: «всеобъемлющее или холистическое понятие культуры включает в себя приобретенные и культивируемые способы поведения, чувства и мысли индивида в обществе, а также модели или формы интеллектуальных, социальных и художественных идеалов, исторически исповедуемых человеческими сообществами»¹ [Bidney 1946: 535]. К способам поведения мы относим также и речевое поведение, реализуемое в конкретных видах или стратегиях, в зависимости от темы, обстановки, цели общения, ролевых отношений коммуникантов, их социального статуса и установки [см. также Жеребило 2010: 308].

Объектом исследования в настоящей работе являются диалогические единства на русском и итальянском языках, в которых реализуются стратегии и тактики побуждения.

Непосредственным **предметом** нашего исследования выступают сходства и различия в средствах и способах реализации побуждения в двух лингвокультурах в относительно одинаковых коммуникативных контекстах.

Цели и задачи. Цель настоящей диссертации состоит в сопоставительном комплексном синхронном анализе способов реализации в устной речи стратегий и тактик побуждения в русской и итальянской лингвокультурах, а также в сравнительно-сопоставительном описании их семантики и прагматики. Для достижения поставленной цели предполагается решение ряда конкретных задач:

- 1) на основе анализа научной литературы уточнить понятийно-терминологический инструментарий для исследования частных коммуникативных стратегий и тактик;
- 2) исчислить и классифицировать тактики побуждения в двух лингвокультурах;
- 3) выявить тенденции, действующие в сфере выражения побуждения, специфичные для каждой лингвокультуры;
- 4) определить и описать наиболее частотные тактики побуждения в русском и итальянском языках;
- 5) установить преференции, обусловленные факторами социокультурного (диастратического) и функционально-стилистического (диафазического) порядка, в двух лингвокультурах;
- 6) определить степень влияния социально-культурных и национально-языковых факторов на выбор тактических средств побуждения.

¹ здесь и далее — перевод наш. Оригинал цитаты: «An integral or holistic concept of culture comprises the acquired or cultivated behavior, feeling, and thought of individuals within a society as well as the patterns or forms of intellectual, social, and artistic ideals which human societies have professed historically».

В качестве **предварительной гипотезы** исследования было выдвинуто предположение о том, что коммуникативные тактики побуждения отличаются этноспецифичностью в силу их детерминированности социально-контекстными факторами, различными для разных лингвокультур. В языковой паре русский—итальянский, двух неродственных языков, принадлежащих, однако, к одной языковой семье (и культуре), наиболее частотные тактики побуждения различаются социолингвистическим и когнитивным потенциалом используемых средств.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в расширении сферы исследований в коммуникативной лингвистике посредством включения в проблемное поле коммуникативистики кросс-культурное прагматическое исследование, нацеленное на выделение этноспецифических социально-культурных и лингвистических факторов, влияющих на выбор способа выражения волеизъявления. Настоящее исследование вносит вклад в разработку более объемной темы – сопоставительной коммуникативной грамматики и прагматики русского и итальянского языков.

Практическая ценность работы состоит в возможности использовать материалы и результаты исследования при подготовке теоретических и практических курсов по прагматике русского и итальянского языков как иностранных, а также в курсах по теории и практике перевода в паре русский – итальянский.

Методология и методы исследования. Поставленные задачи решаются посредством использования соответствующих методов. В качестве основного метода исследования мы задействуем метод сопоставительного описания языкового материала. Также используются метод сравнения, метод контекстуального анализа, метод контент-анализа с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Стратегии речевого поведения описываются метаязыком симптоматической статистики с использованием терминов «больше/меньше», «чаще/реже».

В нашей работе мы используем методы «социологической драматургии» И. Гофмана, которые базируются на понятиях статуса и роли². Предпринимается анализ мелких, обыденных, повседневных актов взаимодействия коммуникантов, в которые они оказываются вовлеченными практически ежеминутно. Разнообразные приемы, в том числе тактики побуждения, служат для конструирования и поддержания социального взаимодействия, а также для конструирования представления индивидов о самих себе и о других участниках коммуникации.

² Анализ в рамках социальной драматургии базируется на концепциях статуса и роли. Статус — это персонаж в пьесе, а роль служит сценарием, предписывая актёрам диалоги и действия. В исследовании, посвященном стратегиям и тактикам побуждения, драматический статус говорящего — каузатор действия, а роль определяется выбираемой тактикой побуждения.

В работе применяется функциональный подход, в рамках которого исследуется функционирование языковых явлений в реальных актах коммуникации, в речи, а также экспериенциальный подход, учитывающий теоретическое и обыденное, повседневное знание. Наш выбор экспериенциального подхода базируется на парадоксальной мысли: нет ничего более практического, чем хорошая теория [Lewin 1951: 169] и нет ничего более теоретически ценного, чем убедительная практика [Levy-Leboyer 1988: 785].

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, библиографического списка использованной литературы и приложения.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) тактики побуждения имеют вид паттернов, обусловленных принятыми в конкретном социуме культурными нормами, которые реализуются в речи в соответствии с имеющимися в каждом отдельном языке грамматическими средствами;
- 2) среди факторов, определяющих предпочтения при выборе конкретной тактики побуждения, существенную роль играют межличностные и внеличностные установки говорящего, основывающиеся в значительной степени на самоинтерпретации индивида;
- 3) в тактиках проявляется социокогнитивная природа побуждения;
- 4) в тактике побуждения заключается социально значимая информация, касающаяся социального статуса говорящего и адресата. Эта информация составляет социолингвистическое измерение побуждения;
- 5) побудительное высказывание в интерпретации адресата оказывает формирующее на его сознание влияние – адресат воспринимает социальную картину мира говорящего и осознает свое место в этой картине. В этом заключается когнитивное измерение побуждения;
- 6) механизмы, задействованные в тактическом использовании побудительных высказываний в диалоге, основаны на когнитивном анализе динамики экстралингвистической ситуации и ее переменных, социально-ролевых характеристик коммуникантов и социально-психологических условий реализации побуждения.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования освещены в 4-х статьях, опубликованных в журналах ВАК, и 3-х докладах на международном симпозиуме «Le lingue all'università: questioni di mediazione culturale e di traduzione specialistica» (г. Пескара, Италия), на форуме «Lingua, cultura e letteratura russa in Italia tra scuola e università» (г. Рим, Италия) и на международном научно-практическом семинаре «Уровневая концепция владения русским языком как иностранным в системе российского и белорусского вузовского образования» (г. Полоцк, Белоруссия).

Глава первая. Теоретико-методологические предпосылки кросс-культурного исследования коммуникативных стратегий и тактик (theoretical background)

1.1. Современные теории общения и коммуникации

Проблемы коммуникации привлекали внимания ученых и исследователей в целом комплексе наук: психологии, лингвистике, семиотике, герменевтике, философии, риторике, эстетике, поэтике и др. Теория общения и коммуникации разрабатывалась почти всеми крупными гуманитариями прошлого века. К наиболее известным теориям относятся диалогика В. С. Библера; диалогическая философия М. Бубера, Ф. Эбнера, Ф. Розенцвейга и О. Розенштока-Хюсси; феноменология intersубъективности Э. Гуссерля, А. Шюца и Л. Ландгребе; структурная антропология К. Леви-Стросса; экзистенциальная философия К. Ясперса.

Теория коммуникации как область исследования получила свое признание со становлением кибернетики, информатики, семиотики [Бориснёв 2003: 7-8; Яковлев 2001: 13]. К середине XX в. выделились как минимум три направления в осмыслении проблем человеческой коммуникации:

1) англо-американское, в рамках которого исследования фокусируются на лингвистическом анализе. Вообще, в англо-американской лингвистической традиции исследования проблем коммуникативной лингвистики приобретают центральное значение начиная с 60-х гг. XX в. и дают начало американской социолингвистике и этнографии речи. В научных исследованиях акцент смещается от структуры к функции, от языковой компетенции к коммуникативной (термин коммуникативная компетенция был предложен американским социолингвистом и антропологом Д. Хаймсом), от языка «в самом себе» к языку в широком социальном контексте [Gumperz 1964; Gumperz 1971; Gumperz 1982; Gumperz, Hymes 1964; Gumperz, Hymes 1972; Hymes 1964b; Hymes 1967; Hymes 1971; Labov 1972; Fishman 1971; Fishman 1972; Ervin-Tripp 1964; Ervin-Tripp 1969]. Коммуникативная лингвистика сместила методологическую доминанту с лингвистики на коммуникативность;

2) французское, включающее в проблематику коммуникации не только язык, но и различные социальные проблемы современного общества. Большое внимание уделяется осмыслению идеологии, власти и дискурса в коммуникации. Спектр тем оказался очень широким от персоналистичности и одиночества бытия экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, М. Шелер, М. Мерло-Понти, А. Камю) и социального психоанализа (М. Лакан, М. Фуко, Ж. Делёз) до литературного дискурса и критики символического порядка (Р. Барт, Ж. Деррида, П. Рикёр);

3) философия диалога, в которой диалог выступает основной формой философского приближения к проблеме коммуникации. Философская парадигма диалогизма послужила

основой концепта коммуникации лингвистического и системно-кибернетического подходов. В XX в. исследование диалога стало центральной проблемой ряда философско-эстетических и психологических учений, среди которых отметим представителей экзистенциально-философской мысли К. Ясперса и Г. Марселя. В отечественной лингвистике научное исследование диалога было заложено в 1920-е гг. XX в. работами Л. П. Якубинского, В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина.

Однако, несмотря на четко выраженные различия в исследованиях коммуникационной проблематики, следует признать, что относительно самого термина 'коммуникация' не существует полного согласия. Часто термины, используемые в работах, затрагивающих проблемы коммуникации, не согласуются между собой. Роберт Т. Крейг предпринял попытку унифицировать область знания, в которой оперируют все теории коммуникации, и выделил семь традиционных подходов к пониманию коммуникации [Craig 1999: 132-149]. Оставляя за рамками нашей работы метамоделю теории коммуникации, предложенную автором, на основе которой он полагает возможным достичь взаимодействия различных точек зрения на коммуникации³, перечислим семь традиций в понимании коммуникации:

- 1) риторическая: общение как практическое искусство дискурса;
- 2) семиотическая: общение как взаимодействие посредством систем знаков;
- 3) феноменологическая: коммуникация как опыт инаковости, диалог;
- 4) кибернетическая: коммуникация как обработка информации;
- 5) социально-психологическая: общение как выражение, взаимодействие и влияние индивидов;
- 6) социально-культурная: коммуникация как (вос)производство общественного порядка;
- 7) критическая: коммуникация как процесс, в котором все предположения могут быть оспорены.

В нашем исследовании под коммуникацией мы понимаем речевое общение, использование языка для общения и обмена информацией, обеспечивающее нормальную жизнь социума и удовлетворяющее психологическую потребность человека в контакте с другими людьми (см. также [Куликова, Салмина 2009: 35; Жеребило 2010: 159]). Обмен речевыми действиями между коммуникантами является фундаментальной идеей в диалогической теории М. М. Бахтина. К нашему исследованию она приложима в той степени, в какой любое побуждение может рассматриваться как интеракциональная деятельность, присущая ситуациям, в которых нам необходим кто-то другой для исполнения какого-либо действия. Мы можем признать диалогический характер побуждения даже в том случае, когда оно обращено к самому

³ Критику идей Р. Т. Крейга см. в [Myers 2001]

себе (*дай-ка спюю*) и представляет собой диалог с самим собой. Для диалога как межличностной деятельности, имеющей своей целью создание текста, важна структура, стратегии и тактики. В последние годы соответствующие исследования фокусируются не просто на директивах, а на директивах в их естественном речевом окружении, т. е. на диалогических единствах, содержащих директивы (см., например [Sorjonen et al. 2017]). Поэтому представляется важным определить в теории общения и коммуникации, диалогике в частности, место такого языкового и речевого явления как побуждение.

1.1.1. Диалог как основа коммуникации

В современной парадигме социально-гуманитарного знания диалог выступает как междисциплинарная проблема. Теория диалога связана с широким кругом философских проблем. Понятие диалога было введено Сократом, для которого он был основным методом нахождения истины. В представлении Сократа диалог — это форма проникновения людей друг в друга через познание предмета. Античные мыслители исходили из того, что в диалоге знания приобретаются не в готовом виде, и через размышление и совместное обсуждение вопроса, что о всякой вещи существуют разные представления, и в диалоге (споре) собеседники отстаивают каждый свое мнение. Рубеж XVIII-XIX вв. отмечен новым проявлением интереса к диалогике. Голландский мыслитель Ф. Гемстергойс в своей работе *Lettre sur l'homme et ses rapports* (1772) поставил в центр своих исследований отношение человека к человеку, моего «я» к другому «я», рассматривая человека в обществе. Учение Гемстергойса обнаруживает потребность такого периода в философском осмыслении человеческого общения с точки зрения внутренних механизмов связи взаимодействующих субъектов. Его идеи получили развитие в учении Ф. Шлейермахера, который рассматривал диалог как способ самосознания и самоосознания человека. В XX в., как уже отмечалось выше, методологическая доминанта в дисциплинах, рассматривающих язык, постепенно смещается с собственно языка на коммуникативность. Если с позиции имманентной лингвистики, изучающей овеществленный язык в качестве объекта исследования, языковое общение невозможно исследовать адекватно, то коммуникативная лингвистика, изучающая языковые аспекты общения, строится на новой дискурсивной онтологии и выделяет следующие методологические принципы: примат коммуникации как конститутивного фактора, принцип социального конструкционизма и интерсубъективности общения. Иными словами, во второй половине XX в. осуществился поворот от изучения «языка в себе» к «языку в нас» и «нас в языке» [Макаров 2003: 242].

Исследования вопросов диалогических отношений находятся в постоянном развитии, и проблематика общения актуализируется в периоды, для которых характерен приоритет

гуманистических отношений в обществе. Так, израильский экзистенциальный философ М. Бубер рассматривал диалог как сущностную характеристику человека. Для него диалог — средство духовного единения людей, некий высший смысл жизни, экзистенциальная коммуникация, представляющая один из различных типов взаимосвязей людей [Бубер 1993]. Также М. М. Бахтин высказывает мысль, что «диалогические отношения не просто отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это — почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения, и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [Бахтин 2002: 51]. В. В. Бибихин говорит об общении, что оно «укоренено в человеческой природе» и что «оно само и есть, можно сказать, человеческая природа» [Бибихин 1987: 110]. У Бахтина диалог — само бытие человека, так как «быть — значит общаться диалогически. [...] Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия» [Бахтин 2002: 280]. Ср. у Э. В. Сайко: «общение изначально присуще человеку и выступает как своего рода атрибут социальности» [Сайко 1999: 16].

Фундаментом для диалогической теории М. М. Бахтина служит идея диалога как постоянного обмена речевыми действиями между коммуникантами. Фокусирование внимания на нормативных проблемах взаимности при реализации речевых намерений и их распознавании происходит с учетом динамической и интерактивной природы языка. «Любое предложение [...] в неограниченном речевом потоке может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме, но как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повториться: это всегда новое высказывание» [Бахтин 1996: 312], его диалогической сущности и сложного взаимоотношения с «обрамляющим контекстом» в процессе функционирования [Бахтин 1996: 310]. У М. М. Бахтина текст рассматривается как средство самовыражения человека и понимание текста как понимание автора: «Увидеть и понять автора произведения значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другого субъекта» [Бахтин 1994: 481-482]. Понимание носит диалогический характер, в отличие от объяснения, которое направлено на объект и его описание. В диалоге Бахтин придавал большое значение фатической функции: интересы собеседников сосредоточены друг на друге, а предмет речи, понимаемый как статичная форма, «эстетичная чистота», — вторичен. «Отношение к собеседнику и его речи — определяющий момент речи в диалоге, вне которого нельзя понять реплики» [Бахтин 1996: 216].

Для Бахтина в диалоге происходит непрерывное продуцирование значения и смысла: в слове, в средствах речевого выражения открывается человек-личность и его сознание [Бахтин 1977: 306]. Слово неразрывно связано с диалогическим общением и по своей природе «хочет быть услышанным и отвеченным» и переосмысленным [Бахтин 1977: 315]. Диалогическая коммуникация является фундаментальным образованием, выходящим за пределы языка. Как

отмечает Ю. М. Лотман: «сознание есть обмен сообщениями — от обмена между полушариями большого мозга человека до обмена между культурами. Сознание без коммуникации невозможно. В этом смысле можно сказать, что диалог предшествует языку и порождает его» [Лотман 1992а: 19]. Следовательно, в реализации смысла слова или высказывания одинаково важны как говорящий, так и слушающий. Одной из существенных характеристик диалога является совместная интерпретация значения и смысла. Подобный диалогический подход прослеживается также и в начале XXI в. в исследованиях по прагматике [Weigand 2010a; 2010b; Carbaugh 2013; Kecskes 2016]. Шведским лингвистом П. Линеллом была предпринята попытка обоснования необходимости выделения диалогистики в отдельную область исследования — диалогическую лингвистику [Linell 2006].

Взаимодействие субъектов в диалоге основано на понимании, которое воспринимается как действительный результат коммуникации. Исследования в области прагматики и теории текста показывают (см., напр., Дж. Серль, А. В. Бондарко), что любая интерпретация базируется не только на знании пропозициональных правил (лексики, грамматики и синтаксиса), но и на пресуппозиции интерпретатора, т. е. на его субъективной семантической картине мира. По большому счету, ни одно предложение не может быть одинаково истолковано и понято различными людьми. «Два разных человека и даже один и тот же, но в разное время воспримут один и тот же приказ по-разному, хотя и выполнят одинаково» [Докучаев 2013: 19].

В свете сказанного становится очевидным, что исследование диалогического взаимодействия не должно и не может ограничиваться наблюдением отдельных фактов употребления языка, но должно осуществляться в широком социально-психологическом контексте. «Модель диалога предполагает рассмотрение языковых фактов в структуре общения, понимаемого как взаимодействие, сообщение и самовыражение» [Федорова 2007: 105].

1.1.2. Модели коммуникации

Одной из первых и классических моделей коммуникации стала модель, предложенная американским политологом и теоретиком коммуникации Г. Д. Лассуэллом (1902-1978), применившим междисциплинарный подход к исследованию поведения личности в различных сферах деятельности. В своей статье *The structure and function of communication in society* он предлагает пятиэлементную линейную модель коммуникации, основанную на ответах на следующие вопросы: 1) Кто? 2) Что говорит? 3) По какому каналу? (здесь под каналом понимается способ передачи данных: радио, пресса, фильмы); 4) Кому? 5) С каким эффектом?

Позже эта модель была дополнена американскими учеными К. Шенноном и Э. Уивером и представлена в работе *Mathematical theory of communication* [Shannon, Weaver 1949], в которой

были введены принципиально новые структурные элементы — шумы, затрудняющие коммуникацию. Шумы или помехи в коммуникации — нарушение законов построения и восприятия дискурса. В случае побудительного дискурса, исследуемого в настоящей работе, к шумам можно отнести вербальные помехи, связанные с неверным пониманием значения слов и их употреблением; несоответствие формы и содержания побудительного речевого акта, которое может выражаться в тоне, лексическом наполнении, жестах и т.д. В кросс-культурной перспективе это могут быть культурообусловленные помехи, основанные на различном понимании социальной и психологической иерархии в конкретном социуме и неверном применении поведенческих паттернов.

Во второй половине XX в. в лингвистике были предложены различные модели коммуникации, среди которых особо отметим следующие:

- 1) модель К. Бюлера, представляющая собой семиотическую модель функционирования языка, где язык соотносится с говорящим и собеседником. В этой модели конкретное речевое событие рассматривается в совокупности с контекстом, в котором это событие происходит более или менее регулярно. Язык помещается им в центр схемы, а с трех сторон — предметы и ситуации, отправитель и получатель. Бюлер одним из первых предложил простейшую коммуникативную модель на основе трех семиотических функций языка, присущих каждому знаку, хотя и не в равной степени. Выделение экспрессивной и апеллятивной функций наряду с репрезентативной положило начало изучению модальных элементов языка, связанных с функцией экспрессии, а также форм обращения к собеседнику. Бюлер пришёл к выводу о интерсубъективности речи. Его «повторное открытие партнера по речи» по меткому выражению Э. Штрёкер представляет собой особую заслугу перед лингвистикой [Бюлер 1993: XIX];
- 2) модель Р. Якобсона, в которой схема К. Бюлера была расширена и стала включать шесть функционально обеспеченных компонента или базисных функций речевой коммуникации [Якобсон 1985: 317]. В этой модели учитываются все факторы, относящиеся к сообщению. В число таких факторов входят «неотъемлемые свойства сообщения самого по себе, его адресанта и адресата, либо действительного, либо лишь предполагаемого адресантом в качестве реципиента» [Якобсон 1985: 319] — во внимание должна приниматься вся совокупность реплик и ответов на них. При этом язык понимается как средство не только интерперсональной, но и интраперсональной коммуникации. К последней относятся также диалоги с самим собой и побуждение самого себя, в частности. Следуя этой модели, необходимо попытаться определить место, занимаемое данным сообщением, в контексте сообщений, составляющих его окружение или связывающих его с предполагаемым будущим. По мнению Р. О. Якобсона здесь встает вопрос «об отношении данного

сообщения к универсуму дискурса» [Якобсон 1985: 319]. Хотя не уточняется, что нужно понимать под понятием универсума дискурса, можно предположить, что это накопленный отдельным этносом или всем человечеством коммуникативный опыт, коррелирующий с культурой, куда входят также литература и наука. Эта идея позднее получила развитие в работах М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана;

- 3) модель Ю. М. Лотмана, который не поддержал идею идентичности говорящего и слушающего, прослеживаемую в модели Р. О. Якобсона [Лотман 1992b: 13]: коды, используемые говорящим и слушающим в коммуникации, не могут быть абсолютно одинаковыми. У людей не может быть одинакового объема памяти (ср. 'коммуникативный опыт' у Р. О. Якобсона), предполагаемого абстрактной моделью. Кроме того, недопустима подмена термина 'язык' термином 'код', поскольку последний «несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. [...] Язык – это код плюс его история» [Лотман 1992b: 13]. Идентичные передающий и принимающий будут прекрасно понимать друг друга и тогда все общение будет заключаться лишь в передаче команд. «В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего» [Лотман 1992b: 14]. Таким образом, вновь подчеркивается intersubjectivity общения: оно возможно только между двумя различными субъектами;
- 4) модель У. Эко, продолжающая семиотическую традицию моделей коммуникации. У. Эко выделяет модель как процесс коммуникации между механизмами и модель коммуникации между людьми. Обе модели включают такие элементы как источник, отправитель, сигнал, канал, приемник, сообщение, адресат, шум и код, но во второй модели (коммуникативный процесс между людьми) кроме названных элементов имеются также вторичные коды или лексикоды, присущие какой-то части носителей языка. Код устанавливает исходные денотативные значения, а вторичные коды – созначения [Эко 2006: 71]. Другим моментом, отличающим У. Эко от тартуско-московской семиотической школы, является его замечание о том, что «далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий» [Эко 2006: 121], в то время как у Ю. М. Лотмана подчеркивалась первичная роль лингвистических методов в семиотическом анализе.

Сопоставление различных моделей коммуникации обнаруживает их сходство, несмотря на различные исследовательско-научные области, в которых эти модели находят свое применение. И. И. Докучаев выделяет в общении три необходимых и достаточных элемента [Докучаев 2013: 25]:

- 1) два основных действующих лица;

- 2) контекст (или ситуация), типичность которого может иметь различную степень;
- 3) набор кодированных правил порождения и понимания материально-телесных средств трансляции сообщения.

К основным субъектам коммуникации, без которых коммуникация не может осуществиться, относятся 'адресант' и 'адресат'. «К контексту общения относятся все экстракоммуникативные факторы, теснейшим образом взаимосвязанные с ним и оказывающие влияние на его содержание и структуру: на характеристики участников, особенности канала и кода» [Докучаев 2013: 33]. Совокупность условий и конвенций, в равной мере присущих участникам общения составляет код, идеальную сторону общения, в отличие от канала общения, к которому относятся средства общения, вербальные языки, в частности, — конкретной и материальной стороны общения [Докучаев 2013: 38-39]. Код общения (поведенческие конвенции) организует канал общения (язык общения) в соответствии с условиями контекста в целях осуществления эффективного коммуникативного контакта.

1.2. Кросс-культурный аспект исследований в области межкультурной коммуникации

Теория коммуникации, изучающая речевое взаимодействие между людьми, принадлежащими к различным национальным культурам, носит название теории межкультурной коммуникации. Одну из наиболее значительных областей исследований этой теории составляет кросс-культурная коммуникация или сопоставление межличностной коммуникации в различных культурах [Gudykunst, Mody 2002: ix]. Изучение коммуникации в кросс-культурной перспективе берет свое начало из антропологических исследований процесса коммуникации в различных культурах. Большинство кросс-культурных исследований являются сопоставительными и сосредотачиваются на роли так называемой «культурной коммуникации» в формировании культурных идентичности и самосознания в определенной общности людей.

1.2.1. Западная и отечественная школы в теории межкультурной коммуникации

Родоначальниками теории межкультурной коммуникации в ее социально-психологическом аспекте считаются три интеллектуала XIX-XX вв. — Ч. Дарвина, К. Маркса и З. Фрейда [Rogers 1994: 34]. Эволюционная теория Дарвина оказала влияние на развитие названной теории главным образом через модели общей теории социальной эволюции, разработанные в дальнейшем Г. Спенсером и К. Марксом. Одна из работ Ч. Дарвина *The Expression of the Emotions in Men and Animals* стала основополагающей для исследований в области невербальной коммуникации. Идеи фрейдизма дали толчок к развитию американской

школы интеракциональной коммуникации. Г. Д. Лассуэлл широко использовал метод психоанализа в исследованиях процесса коммуникации. Для изучения вербальной межкультурной коммуникации огромное значение имели работы Вильгельма фон Гумбольдта, положившие начало развитию многих направлений в языкознании и лингвокультурологии. Его идеи о взаимовлиянии языка и мышления; о различиях в картинах мира, свойственных носителям разных языков; о этнокультурной специфике языков; о различении коллективного и индивидуального в языке; о расхождениях в культурно-языковых кодах и т.д., получили развитие в трудах последующих поколений лингвистов.

В конце XIX в. антропологи Л. Г. Морган и Э. Тайлор предложили модели культурной эволюции [Морган 1934; Тайлор 1989]. Согласно этим моделям, различные общности людей в своем развитии проходят через несколько стадий — от дикого состояния и варварства к цивилизации. Цивилизованной страной в то время считалась Англия. Ф. Боас решительно критиковал модели Л. Г. Моргана и Э. Тайлора по причине свойственного им этноцентризма⁴ и сформулировал основное положение антропологии, которое впоследствии легло в основу теории межкультурной коммуникации — культурный релятивизм, при котором каждая культура считается уникальной и не подвергается оценке по стандартам другой культуры [Hart 1999: 60]. Концепция бессознательного, сформулированная Фрейдом, послужила основой для истолкования бессознательного уровня культуры Ф. Боасом и Э. Сепиром. Десятилетия спустя Эдвард Холл признаёт, основываясь на психоанализе Фрейда, что люди часто не осознают многие аспекты своего коммуникативного поведения [Hall 1959: 89, 96]. Работы Ф. Боаса, Э. Сепира и Р. Бенедикт отличал эгалитарный подход к изучению различных культур. Б. Уорф, студент и коллега Э. Сепира в Йельском университете, выдвинул гипотезу лингвистической относительности, известной под названием гипотезы Сепира-Уорфа, согласно которой язык оказывает влияние на процессы восприятия и, следовательно, на поведение человека.

К шестидесятым годам XX века в американской антропологии, выступающей флагманом в западной парадигме межкультурных исследований, наметились следующие тенденции: 1) переход от изучения одной культуры на общественном уровне к межличностным и кросс-культурным исследованиям; 2) фокусирование внимания на изучении невербальной коммуникации; 3) осознание культурного бессознательного; 4) неосуждающий этнорелятивизм; 5) взаимосвязь между коммуникацией и культурой [Gudykunst, Mody 2002: 4].

Если в западной коммуникативистике исследования концентрируются в первую очередь на типах коммуникации (межличностная, семейная, групповая, массовая, деловая, профессиональная), то российская коммуникативная теория имеет несколько иную

⁴ Этноцентризм — тенденция оценивать жизненные и культурные процессы через традиции этнического самосознания, которое выступает в качестве идеального образца [Ивин 2004].

направленность: для нее характерна лингвоцентричность, чему свидетельствует большое количество работ по речевому общению, языковому поведению человека, невербальной/вербальной коммуникации, речевым жанрам [Комарова 2012: 546]. По мнению О. А. Леонтович в российской науке можно выделить три основных направления исследований, базирующиеся на идее взаимосвязи языка и культуры: лингвострановедение (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин, В. В. Щепкова и др.); этнолингвистика (А. С. Герд, А. М. Копыленко, Н. И. Толстой и др.); лингвокультурология (В. Н. Телия, В. И. Хайруллин, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, М. А. Кулинич и др.) [Леонтович 2003: 17-19]. Для межкультурных исследований большое значение имеет рассмотрение взаимоотношений языка и культуры в рамках таких направлений лингвистики как психоллингвистика (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов и др.) и социоллингвистика (А. Д. Швейцер, В. И. Карасик, Н. Б. Мечковская, В. П. Конечкая и др.). Учет результатов исследований в таких междисциплинарных областях, как этнопсихоллингвистика и лингвосоциопсихология (Т. М. Дридзе), позволяет глубже понять механизмы процесса коммуникации между представителями разных культур. Также нельзя переоценить для кросс-культурных исследований важность описания национально-специфических особенностей языковой картины мира (Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева, С. А. Арутюнов, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Н. Д. Арутюнова), а также соотношения языка и национального самосознания (Н. Д. Арутюнова, Н. В. Уфимцева, В. Г. Гак). Коммуникативные стратегии в кросс-культурном аспекте нашли свое отражение в работах И. Н. Горелова, В. И. Карасика, Е. В. Ключева, Н. И. Формановской.

Анализ сложившихся американской и российской школ межкультурной коммуникации позволяет говорить о возможной интеграции достижений этих школ [Пермякова 2007: 23], несмотря на отсутствие единой теоретической базы, единой терминологии и исходных посылок. В настоящем исследовании будут затрагиваться такие вопросы межкультурной коммуникации как типология культур, вербальные и невербальные маркеры культуры или ее субкультур, закономерности кодирования знания о мире в определенной культуре, способы активации сведений о мире, особенности социальной перцепции и культурно обусловленные дискурсивные стратегии.

Изучение коммуникационных процессов обычно осуществляется с точки зрения инсайдера или внутреннего наблюдателя. Кросс-культурная перспектива является необходимым предварительным требованием для понимания межкультурной коммуникации. Теория межкультурной коммуникации занимается изучением гетерофильной межличностной коммуникации, и гетерофилия здесь понимается как несхожесть отправителя и получателя сообщения по каким-либо признакам, в нашем случае — по языку и культуре, носителями которых они являются. В процессе кросс-культурных исследований осуществляется

сопоставление двух или более культур. Монокультурные и кросс-культурные исследования в обязательном порядке предшествуют исследованиям межкультурной коммуникации.

Кросс-культурные исследования стратегий и тактик базируются на понимании коммуникации как культурно-обусловленного явления, т. е. коммуникация между индивидами представляет собой вербальное, а также паравербальное и невербальное взаимодействие в определенной культуре. Коммуникативное поведение любой личности детерминировано культурными особенностями, поскольку после рождения любой человек формируется не как абстрактная личность, а социализируется в процессе коммуникации, приобретая характеристики «окультуренного» человека. Поэтому в случае сопоставления тех или иных вербальных и невербальных явлений в различных языках, целесообразно говорить не просто о коммуникации, а о *культурной коммуникации*.

В процессе культурной коммуникации индивид создает и выверяет понимание аспектов социальной жизни, необходимое как основание смыслов, разделяемых другими членами этого общества, и совместной с ними деятельности⁵ [Philipsen 2002: 52]. Исследования по культурной коммуникации базируются на методах и принципах этнографии коммуникации, реализовавшей программу описательно-сопоставительных исследований речи в конкретных культурах [Hymes 1962; Philipsen 1975; Murray 1993]. Выстраивая теорию культурной коммуникации, Дж. Филипсен выдвигает аксиому, согласно которой каждая культура обладает своей спецификой, и в ее поддержку приводит большое количество результатов этнографических исследований [Philipsen 1989]. Центральное положение этой аксиомы гласит, что эффективные средства, необходимые для создания общих смыслов и побуждения к согласованной деятельности, различаются от одной социальной группы к другой. Работы по культурной коммуникации основываются на описаниях коммуникативных моделей этнографического характера и исследуют конкретные средства и значения, которые эти средства имеют для коммуникантов в конкретных обыденных диалогах. Такие исследования выходят за рамки описания коммуникативных практик в терминах поведенческих норм и создают культурно-детерминированную модель идеального индивида, социальных отношений и стратегий, укорененных в местных практиках. Использование сопоставительного подхода позволяет обнаружить существенные различия в определенных культурных элементах, проявляющихся среди прочих⁶ в таких коммуникативных актах, как:

- косвенные речевые акты [Katriel 1986];

⁵ В оригинале: “cultural communication refers to a process of activity in which individuals in a society act so as to produce and regulate shared understandings about social life that will serve as a warrant for shared meaning and coordinated activity among the members of that society”.

⁶ Укажем здесь только те коммуникативные акты, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего исследования, а именно – директивы.

- советы в межличностном контексте [Goldsmith, Fitch 1997];
- проявления власти в межличностных отношениях [Fitch 1998];
- побудительные речевые акты (просьбы, советы, директивы) [Ларина 2009; Guseva 2021].

Кросс-культурные исследования базируются на использовании как эмического (взгляд изнутри, глазами инсайдера), так и этического (взгляд снаружи, глазами стороннего наблюдателя) подходов. Кросс-культурный анализ разных культур позволяет выделить относительность норм, ценностей, правил и социальных ролей в различных обществах. Наибольшие трудности в кросс-культурном анализе возникают в тех случаях, когда приходится признать, что культурные воззрения самого исследователя могут оказаться в противоречии с результатами наблюдений и анализом так называемой «иностранной» группы. Это может произойти, когда языки наблюдателя и наблюдаемых сильно различаются [O'Sullivan et al. 1994: 68].

Соотношение культуры и коммуникативных процессов, а также их взаимосвязь в теориях коммуникации могут быть различными в зависимости от предпринимаемого подхода:

- 1) культура может рассматриваться как часть коммуникативного процесса в различных теориях;
- 2) коммуникация может рассматриваться как формирующая культуру;
- 3) коммуникативные теории, зародившиеся в одной культуре, могут распространяться на другие культуры;
- 4) теории могут создаваться для объяснения процессов коммуникации между людьми из разных культур;
- 5) теории могут создаваться для объяснения того, как изменяется коммуникация от культуры к культуре [Gudykunst, Mody 2002: 25].

За все время своего существования термин «культура» претерпел значительные изменения. Одним из первых определений культуры принадлежит Эдуарду Тайлору (1832-1917), английскому этнологу, культурологу, исследователю религиозных обрядов: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [Тайлор 1989: 18]. Позднее, в своей книге *Culture: A critical review of concepts and definitions* Альфред Крёбер собрал более 160 различных дефиниций культуры, среди которых выделил следующие определения: дескриптивные, исторические, нормативные, психологические, структурные и генетические [Kroeber, Kluckhohn 1952: 41-82]. В нормативных встречается в том числе и поведенческое определение: «всеобъемлющее или холистическое понятие культуры включает в себя приобретенные и культивируемые способы поведения, чувства и мысли индивида в обществе, а также модели или

формы интеллектуальных, социальных и художественных идеалов, исторически исповедуемые человеческими сообществами»⁷ [Bidney 1946: 535]. К способам поведения мы относим также и речевое поведение, реализуемое в конкретных видах или стратегиях, в зависимости от темы, обстановки, цели общения, ролевых отношений коммуникантов, их социального статуса и установки [Жеребило 2010: 308]. Впоследствии дефиниции культуры продолжали уточняться. В 1974 г. Р. Кисинг (1935-1993), американский лингвист и антрополог, в одной из своих статей, посвященных теории культуры, указывает на индивидуалистический характер культуры: «Мы можем признать, что не каждый индивид полностью разделяет одну и ту же теорию культурного кода, что не каждый индивид знает все области культуры ... при том, что никто из носителей культуры не знает всей культуры, и каждый обладает какой-то одной версией культуры. С этой точки зрения культура представляется не просто как коллекция символов, подогнанных друг к другу исследователем, а как система знания, формируемая по мере того, как мозг человека приобретает, организует, обрабатывает информацию и создает «внутренние модели реальности»⁸ [Keesing 1974: 89].

Некоторые лингвисты указывают, что для изучения различных коммуникативных моделей необходимо создать единообразную модель коммуникации, которая позволила бы описать модели коммуникации в различных культурах с внекультурной (*cultural-free*) точки зрения и, как следствие, облегчила бы сравнение этих моделей [Вежбицкая 1999а: 114]. Одним из шагов в этом направлении являются кросс-культурные исследования коммуникации, направленные на вскрытие когнитивных закономерностей общения: «... в межкультурном поле не хватает одного элемента – адекватных моделей, позволяющих нам заглянуть глубже в процессы, происходящие внутри людей, когда они думают и общаются. Нам необходимо знать больше о том, как думают люди в разных культурах, а также как они организуют и объясняют свои представления о мире»⁹ [Hall 1983: 91]. А. Вежбицкая в этой связи предложила свою модель – культурно-обусловленные сценарии [см. Wierzbicka 1985], составляющие «культурную грамматику» (*cultural grammar*) языкового коллектива, элементы которой проявляются в формулах ежедневного общения, в популярных фразах, в форме пословиц и поговорок [Вежбицкая 1999а: 130].

⁷ Оригинал цитаты: «An integral or holistic concept of culture comprises the acquired or cultivated behavior, feeling, and thought of individuals within a society as well as the patterns or forms of intellectual, social, and artistic ideals which human societies have professed historically».

⁸ Оригинал цитаты: «We can recognize that not every individual shares precisely the same theory of the cultural code, that not every individual knows all the sectors of the culture ... even though no one native actor [or actress] knows all the culture, and each has a variant version of the code. Culture in this view is ordered not simply as a collection of symbols fitted together by the analyst but as a system of knowledge, shaped and constrained by the way the human brain acquires, organizes, and processes information and creates “internal models of reality».

⁹ Оригинал цитаты: «... there is one element lacking in the cross-cultural field, and that is the existence of adequate models to enable us to gain more insight into the processes going on inside people while they are thinking or communicating. We need to know more about how people think in different cultures, as well as how they organize and explain ideas».

Культура рассматривается как одна из переменных в теории коммуникации. Типология культур может формироваться на основе различных параметров. Одной из наиболее известных и популярных считается типология Герта Хофстеде, нидерландского социолога, предложившего ряд параметров (измерений), проявляющих свою универсальность в самых различных культурах. Впервые эта модель была предложена в 1980 году и содержала 4 переменных. Позднее к ним добавилась еще одна [Hofstede 1980; Hofstede 2001]. Сопоставление культур предполагает наличие того, что может быть сопоставимо. Всякая культура не настолько уникальна, чтобы не иметь ни единой параллели с другой культурой [Hofstede 2001: 24]. Разграничение между уникальным и сопоставимым, специфическим и универсальным впервые было предложено Вильгельмом Виндельбандом (1848-1915), немецким философом, в конце XIX в., когда он выделил номотетические (имеющие дело с закономерностями) и идиографические (изучающие единичные явления в их неповторимости) методы. В своем дальнейшем развитии социальные науки оперировали в пределах этих двух методов. Проблема выбора между ними получила название «дилемма Малиновского» [Goldschmidt 1966; Lammers 1976: 28; Berry 1969: 120], по имени Бронислава Малиновского, который в 1920-е гг. ввел в антропологию принцип функционализма. Функционализм акцентирует внимание на целевой природе организаций в обществе, но их цели берут начало в культуре этого общества, уникальной в своем роде. Таким образом, организации могут осмысливаться лишь в терминах собственной культуры, и функциональная эквивалентность организациям в других обществах не может быть доказана. Согласно Малиновскому «кросс-культурное сопоставление организаций является ошибочным предприятием, так как мы сопоставляем несопоставимое»¹⁰ [Goldschmidt 1966: 8]. Схожую точку зрения на необходимость изучения и осмысления социальной системы общества изнутри и посредством определений его членов высказывали представители и других наук, занимающиеся изучением жизни и деятельности отдельных этносов (см., например, работы по этнометодологии [Garfinkel 1984]). Тем не менее, большинство исследователей признает важность равновесия между осмыслением культуры изнутри общества и ее оценкой с позиций внешнего наблюдателя [Hofstede 2001: 25]. В различных кросс-культурных исследованиях 1960-х, 1970-х гг. стали применяться эмпирический и этический подходы.

Методы исследования Г. Хофстеде были революционными для своего времени и до сих пор являются «во многих отношениях непревзойденными методами этнометрического анализа» [Комарова 2012: 550]. Его исследования базировались на изучении и анализе различий в национальной культуре более чем 50 стран, в результате которых было выделено пять переменных:

¹⁰ Оригинал цитаты: «cross-cultural comparison of institutions is essentially a false enterprise, for we are comparing incomparables».

- 1) индекс дистанции власти (дистанцированность от власти), связанный с жесткостью существующей в обществе социальной иерархии и степенью принятия ее членами этого общества;
- 2) избегание неопределенности, коррелирующее с уровнем стресса в обществе перед лицом неизвестного будущего;
- 3) индивидуализм / коллективизм, связанный со степенью интеграции индивида в первичные социальные группы;
- 4) мужской или женский тип поведения, связанный с разделением эмоциональных ролей между женщинами и мужчинами в обществе;
- 5) краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее, связанная со сосредоточением интересов членов общества на настоящем или будущем [Hofstede 2001: 29].

Результаты исследования, опубликованные в 2001 г. [Hofstede 2001], вряд ли могут считаться показательными в настоящее время. Примерно в эти же годы по той же методике было проведено отдельное исследование на основе ответов 250 российских респондентов [Naumov, Puffer 2000]. Их показатели несколько отличаются от представленных Хофстеде. По названным причинам мы решили не основываться на индексах двадцатилетней давности, однако, все же любопытно сравнить показатели для Италии и России конца XX – начала XXI в.:

Таблица 1. Параметры культурных измерений для Италии и России.

	Италия	Россия
индекс дистанции власти	50	93
индекс избегания неопределенности	75	95
индекс индивидуализма	76	39
индекс маскулинности	70	36

В рамках нашего исследования мы будем опираться на такие понятия, как дистанция власти и индивидуализм/коллективизм, которые оказываются релевантными при выборе стратегий и тактик побуждения. Гендерные различия речевого поведения также очень интересны и важны, но представляются нерелевантными в материалах нашего исследования.

Очевидно, что индекс дистанции власти будет отражаться в речи в использовании формул вежливости, форм уважительного обращения, подчеркивающих социально-иерархическую дистанцию между коммуникантами. Что касается директивов, то, как это будет показано ниже, индекс дистанции власти непосредственно проявляется в таких коммуникативных категориях, как категоричность и митигация. Индекс индивидуализма проявляется в тактиках солидарности.

Индивидуализм-коллективизм — одно из основных измерений культурной вариативности, используемое для объяснения различия и сходства в кросс-культурной

коммуникации. Члены индивидуалистических культур проявляют большую склонность к универсальному подходу к людям и применяют одинаковые ценностные стандарты ко всем. Члены коллективистских культур, напротив, проявляют интересы, связанные с интересами одной группы (коллектива), и применяют разные ценностные стандарты к членам ингруппы и аутгруппы. В [Triandis 1995; Triandis, Gelfand 1998] утверждается, что индивидуалистические и коллективистские культуры могут различаться в зависимости от того, к какому типу относятся отношения между индивидами в культуре — вертикальным или горизонтальным. В горизонтальных культурах человек склонен воспринимать себя наравне с другими. В таких культурах значение равенства как ценности высоко. В вертикальных культурах люди склонны считать себя не такими, как все, и равенство ценится невысоко.

1.2.2. Контекст в культуре и самоидентификация

Э. Т. Холл предложил деление культур на ширококонтекстные и узкоконтекстные¹¹ [Hall 1976]. В ширококонтекстной культуре большая часть информации содержится в физическом контексте или интериоризирована человеком, в то время как очень малая часть сообщения передается эксплицитно посредством кода¹² [Hall 1976: 79]. Коммуникация в узкоконтекстной культуре, напротив, предполагает кодирование основной массы информации в эксплицитном виде¹³ [Hall 1976: 70]. Узкоконтекстный и ширококонтекстный типы коммуникации хорошо уживаются во всех культурах, но одна из форм неизменно доминирует. Члены индивидуалистических культур проявляют тенденцию к узкоконтекстной коммуникации и предпочитают общаться в прямой манере. Члены коллективистской культуры, напротив, чаще обмениваются ширококонтекстными сообщениями и для их общения характерна непрямая манера [Gudykunst, Ting-Toomey 1988]. Члены индивидуалистических культур, общающиеся в узкоконтекстной манере, часто считают, что коммуникация посредством не прямых сообщений является неэффективной. Однако, такие утверждения не могут служить доказательными. Ширококонтекстная коммуникация может быть как эффективной, так и неэффективной, подобно узкоконтекстной. Большая часть ширококонтекстной коммуникация является эффективной. Ее эффективность базируется на умении слушателя интерпретировать косвенные сообщения в определенных контекстах.

¹¹ В англоязычной научной литературе эти термины звучат как *high context culture* и *low context culture*. Вслед за Т.В. Лариной мы полагаем, что для русскоязычной традиции гораздо логичнее употреблять не дословный перевод этих терминов «высококонтекстный» и «низкоконтекстный», а именно «широко»- и «узкоконтекстный», поскольку контекст характеризуется либо как широкий, либо как узкий [Ларина 2009: 32].

¹² В оригинале: «most of the information is either in the physical context or internalized in the person, while very little is in the coded, explicit, transmitted part of the message».

¹³ В оригинале: «the mass of information is vested in the explicit code».

Культурное варьирование напрямую связано с представлениями членов общества о самих себе. Самоинтерпертация индивида может быть независимой или взаимозависимой¹⁴. Независимость самоинтерпертации проявляется в организации и осмысления собственного поведения с опорой на внутреннюю совокупность идей, чувств и действий, а не на идеи, чувства и действия других [Markus, Kitayama 1991: 226]. Испытывать взаимозависимость в самоинтерпертации означает видеть себя частью социальных взаимоотношений и признавать, что поведение индивида определяется и, по большому счету, зависит от того, как он воспринимает идеи, чувства и действия других людей¹⁵ [Markus, Kitayama 1991: 227]. Некоторые ученые выделяют три разновидности собственного «я»: индивидуальное, реляционное и коллективное¹⁶ [Kashima et al. 1995]. В речи индивидов это проявляется в социальной категоризации собственного «я» и «другого» — от выбора аллокутивного местоимения до синтаксических форм, используемых для выражения того или иного коммуникативного намерения. Самоинтерпертация связана с различными аспектами коммуникации. Например, взаимозависимость соотносится с заботой о чувствах других людей, а независимость самоинтерпертации связывается с заботой о ясности в выражении мыслей в диалоге [Kim et al. 1994]. Независимая самоинтерпертация позволяет с большой вероятностью предполагать большую точность в коммуникации, взаимозависимая же связывается некоторыми исследователями с непрямой коммуникацией и заботой о чувствах других людей [Gudykunst et al. 1996]. Однако, следует отметить, что у любого человека имеется как независимая, так и взаимозависимая самоинтерпертация, но обычно какая-то одна из них превалирует. Независимая самоинтерпертация не оппозитивна взаимозависимой. Некоторые ученые отмечают, что взаимозависимые самоинтерпертации чаще наблюдаются в ширококонтекстной коммуникации [Singelis, Brown 1995].

1.2.3. Бином языка и культуры

Существенной и неотъемлемой частью культуры является язык, который позволяет отдельным человеческим индивидам образовывать группы, в том числе и этнические. «Среди всех аспектов культурного наследия самыми фундаментальными антропологи практически единодушно признают два: орудия труда и речь, поскольку они являются необходимыми предварительными условиями для всех остальных» [Гринберг 2004: 8]. Э. Сепир тоже считал

¹⁴ В англоязычной лингвистике: «independent or interdependent».

¹⁵ В оригинале: «experiencing interdependence entails seeing oneself as part of an encompassing social relationship and recognizing that one's behavior is determined, contingent on, and, to a large extent, organized by what the actor [or actress] perceives to be the thoughts, feelings, and actions of others in the relationship».

¹⁶ В оригинале: «individual self, relational self, and the collective self».

язык частью культуры: «... речь есть чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления. Она многообразна, как и всякая творческая деятельность, быть может, не столько осознанно, но всё же не в меньшей степени, чем религии, верования, обычаи, искусства различных народов» [Сепир 1993: 29]. О бинOME языка и культуры говорили многие антропологи, начиная с Ф. Боаса. В частности, Н. И. Толстой считает, что «коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы, крепки. Язык может рассматриваться как орудие культуры, даже как одна из её ипостасей (в особенности литературный язык, сакральный язык или язык фольклора) и, как таковой, может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры. С другой стороны, язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы, во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображённые» [Толстой 1995: 36].

Говоря о культуре, нельзя не принимать во внимание социальную стратификацию конкретного социума. Д. Хаймс был первым, кто указал на необходимость системного изучения отношений между языком и социокультурной жизнью [Hymes 1962; 1972; 1974a; 1977]. Коммуникативное поведение в речевых сообществах должно исследоваться в совокупности с многочисленными функциями этого поведения в повседневной жизни сообщества и со всем разнообразием коммуникативных средств в данном сообществе и в сопоставлении с другими.

Любое общество фатично и базируется на языковом контакте между своими членами, реализующемся в диалогах и обмене информацией. Укорененность коммуникации в конкретных ситуациях повседневной жизни, для которых характерна определенная повторяемость, приводит к тому, что большая часть обыденных диалогов стереотипична и подвержена сильному влиянию нашей культуры. В некотором роде это строгий ритуал, предписываемый обществом, где каждый говорит то, что другие так или иначе ожидают от него¹⁷ [Firth 1957: 184,186].

В реальной (естественной) коммуникации каждая произнесённая фраза является лишь частью определённой ситуации: ситуация общения включает в себя три вида контекста — вербальный, ситуативный и культурный [Malinowski 1935: 242-243, 314]. Памятуя о практической значимости предпринимаемого исследования, а именно о поиске переводческой эквивалентности стратегий и тактик побуждения, отметим, что адекватный перевод высказывания на другой язык заключается не в поиске его эквивалентов (в другом языке), а в толковании всех фактов, которые способствуют формированию значения высказывания в данной ситуации (см., например [Guseva 2016]). В анализе возможных значений важную роль играет

¹⁷ В оригинале: «Every social person is a bundle of *personae*, a bundle of parts, each part having its lines. If you do not know your lines, you are no use in the play. It is very good for you and society if you are cast for your parts and remembered your lines. [...] It is true that in everyday life we generally say what the other fellow expects us, one way or the other, to say, but this expectancy is the measure even of our most delightful surprises, and good personal style is highly valued».

контекстуализация, под которой понимается прием установления контекста, в котором используется единица языка.

1.2.4. Гипотеза лингвистической относительности и ее критика

Утверждение о том, что язык, мышление и культура тесно связаны восходит через Сепира и Боаса к Гумбольдту. Ф. Боас отмечал, что в языках отображается лежащий в основе нашего бытия опыт, что разные языки классифицируют опыт по-разному [Boas 1966: 26], и что эта классификация не нуждается в сознательном понимании¹⁸ [Lucy 1992: 16]. Ф. Боаса в основном интересовало то, каким образом в языке отражается мысль или психология его носителей. В поздние годы он также не отвергал идею о том, что языковые категории могут сильно влиять на мышление человека¹⁹ [Lucy 1992: 17].

Позднее сложилось два представления о взаимосвязи между фактами языка и фактами культуры. Б. Малиновский, а впоследствии и Э. Эванс-Притчард [Evans-Pritchard 1956] и Дж. Р. Ферс [Firth 1957], рассматривал взаимоотношение языка и других аспектов культуры как «взаимозависимость между различными аспектами одного и того же события или действия, происходящего в социуме. Сам язык рассматривается как деятельность, а его задействие в социальном контексте — как необходимая часть его описания. Его роль в коммуникации рассматривается прежде всего в терминах функции контроля или влияния на действия»²⁰ [Hymes 1964a: 5]. Единство языка и культуры здесь выделяется на уровне события или действия индивида в социуме. Слова являются неотъемлемой частью социума. В собственно антропологических исследованиях эта идея была подхвачена Клодом Леви-Строссом. Язык рассматривался им как система, разделяемая всеми членами общества и передаваемая от одних другим. Первичной функцией языка считалась когнитивная функция, позволяющая различать или выражать значения²¹ [Hymes 1964a: 5]. Связь языка и других аспектов культуры видится как единство на уровне мысли.

Э. Сепир в ходе своих исследований пришел к более радикальному пониманию связи языка и мышления. Он придерживался мнения, что язык представляет собой руководство к

¹⁸ В оригинале: «So, Boas emphasized that every language represents a classification of experience, these classification vary dramatically from language to language, and they are so automatic that they typically lie outside the sphere of conscious awareness».

¹⁹ В оригинале: «Quite late in his life he voiced, somewhat tentatively, the possibility of a shaping role for language in thought and culture».

²⁰ Оригинал цитаты: «In the British point of view [...], the relation between language and other aspects of culture is seen as interdependence between different aspects of the same event or social action. Language itself is seen as primarily an activity and its engagement in social context as a necessary part of its description. Its use in communication tends to be seen primarily in terms of the function of controlling or influencing action».

²¹ В оригинале: «Language itself is seen as primarily a shared, socially inherited system, the use of which in communication tends to be seen primarily in terms of the cognitive function of distinguishing or expressing meanings».

пониманию социальной действительности: люди не живут обособленно в объективном мире, но «по большей части во власти определенного языка, ставшего средством общения в их обществе» [Sapir 1949: 162]. Американская традиция этнографии речи с характерным для нее релятивизмом берет свое начало в полевых исследованиях Ф. Боас, А. Кребер, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Блумфилд и др. Среди прочих тем, разрабатываемых американской лингвистической антропологией, первостепенной является происхождение и интерпретация социального значения языковых категорий. Ф. Боас со всей очевидностью показал силу языка, проявляемую им в организации человеческого опыта. Основываясь на рассуждениях В. Гумбольдта, он утверждал, что отношения между языком и мышлением однонаправленные: от мышления к языку и никогда в обратном направлении [Matera 2007: 22]. Языковые категории не определяют мышление, но частично отражают его²² [Boas 1938: 142]. В вышедшей в 1938 г. под его редакцией книге *General Anthropology* в главе, посвященной языку, он демонстрирует, как грамматические категории языка накладывают на говорящего обязательность выбора [Boas 1938: 124-145]. Ф. Боас всегда оставался верен принципу психического единства человеческого рода и активно отстаивал идею того, что языковые различия не подразумевают разницу в когнитивных способностях людей, но лишь свидетельствуют о разнице в культурах. Учение о народном духе и о языке как непрерывном творческом процессе И. Г. Гердера и В. Гумбольдта были переработаны Ф. Боасом в отношении конкретных этнических контекстов и в пятидесятые годы прошлого века получили свое выражение в гипотезе Сепира-Уорфа.

Б. Уорф развил идеи своего учителя и коллеги и пришел к выводу, что «автоматические, неосознаваемые языковые модели», специфические для каждого языка, «составляют формализованную сторону языка или его «грамматику» — термин, включающий в себя гораздо более, чем просто грамматику, которую мы изучаем по учебникам в школе»²³ [Whorf 1956: 221]. Далее он формулирует «принцип лингвистической относительности», который, говоря простыми словами, означает, что пользователи существенно различающихся грамматик направляемы своими грамматиками к различным видам суждений и к различным оценкам внешне схожих актов суждений, поэтому эти пользователи не равны в качестве выносящих суждения и должны прийти к различному видению мира»²⁴ [Whorf 1956: 221]. Уорф не останавливается на этом и далее утверждает: «форма человеческой мысли находится под контролем неумолимого закона моделей и схем, которого сам он не осознает. Эти схемы представляют собой неосознаваемую и

²² В оригинале: «We should rather say that language is a reflection of the state of culture and follows in its development the demands of culture. In another way, however, language exerts an influence upon culture».

²³ Оригинал цитаты: «These automatic, involuntary patterns of language are not the same for all men but are specific for each language and constitute the formalized side of the language, or its “grammar” – a term that includes much more than the grammar we learned in the textbooks of our school days».

²⁴ Оригинал цитаты: «the “linguistic relativity principle”, which means, in informal terms, that users of markedly different grammars are pointed by their grammars toward different types of observations and different evaluations of externally similar acts of observation, and hence are not equivalent as observers but must arrive at somewhat different views of the world».

многосложную систему его родного языка, со всей ясностью проявляющуюся в сравнении и сопоставлении с другими языками, особенно с принадлежащими к другим языковым семьям»²⁵ [Whorf 1956: 252]. Утверждения Уорфа вызвали широкий интерес со стороны исследователей самых разных научных направлений, но они не принесли никаких значимых результатов. Несмотря на значительное количество эмпирического материала по данному вопросу, большая его часть не смогла подтвердить гипотезу лингвистической относительности. Общим недостатком для сопоставительных исследований является работа в пределах одного языка, сосредоточение на категориях одного языка или культуры с фокусированием внимания на второстепенных аспектах языка без подкрепления теории фактами о механизмах индивидуального мышления [Lucy 1996: 37].

С развитием когнитивной лингвистики во второй половине XX в. гипотеза Уорфа была почти полностью отвергнута. Для когнитивных наук разум представляет собой врожденные способности, носящие универсальный характер. Мышление «встроено» во внутренний язык, структурно одинаковый для всех представителей человеческой расы и не связанный с фактами языкового разнообразия [Fodor 1983]. П. Уейсон и П. Н. Джонсон-Лэрд утверждали, что «не существует доказательств строгой версии гипотезы, заключающейся в том, что язык обязывает его носителей к особому способу восприятия мира»²⁶ [Wason, Johnson-Laird 1977: 411]. Однако, попытки полностью эмпирически опровергнуть гипотезу Уорфа не увенчались успехом. С одной стороны, немалое количество исследований по психолингвистике показало, что некоторые лексические термины, особенно названия цветов, могут быть универсальными [Berlin, Kay 1969; Heider 1972; Kay, McDaniel 1978; Lucy, Shweder 1979; Newman 1954]. Однако, критики этого подхода отмечают неадекватность избранной методологии задачам исследования. Джон Луси, сторонник когнитивного релятивизма, указывает на тот факт, что большинство исследований подобного типа основывается на реалиях западных обществ и сравнивает названия основных цветов нескольких «экзотических» языков с названиями в западных языках, в основном в английском [Lucy 1996: 47]. Подобный подход неизбежно ведет к заключению, что названия цветов относятся к языковым универсалиям. Однако используемый метод основан на ошибочном предположении, что лексическая и концептуальная компетенции заключаются только в маркировке и денотации [Lucy 1997]. Впоследствии, сами авторы универсализма названий цветов высказались в поддержку идеи перцептивного и концептуального универсализма, не противоречащей мягкой версии гипотезы лингвистической относительности, согласно которой

²⁵ Оригинал цитаты: «the forms of a person's thoughts are controlled by inexorable laws of pattern of which he is unconscious. These patterns are the unperceived intricate systematizations of his own language — shown readily enough by a candid comparison and contrast with other languages, especially those of a different linguistic family».

²⁶ Оригинал цитаты: «there is no evidence for the strong version of the hypothesis — that language imposes upon its speakers a particular way of thinking about the world».

вариативность в названиях цветов влияет на процесс концептуализации, что, в принципе, в настоящее время признают и сторонники универсализма [Kay, Regier 2007]. В начале XXI в. интерлингвистика перешла от методологической критики универсализма к опытному подтверждению релятивизма [Lalumera 2016: 74]. К примеру, исследования по перцепции цвета правым и левым полушарием показали, что гипотеза когнитивного релятивизма верна «наполовину»: язык влияет на наше восприятие и категоризацию цвета только когда мы видим его справа от себя [Gilbert et al. 2006: 493]. Следовательно, организация нашего мозга повышает сложность вопроса еще на один уровень, способствуя таким образом развитию смешанной гипотезы универсализма-релятивизма.

1.2.5. Лингвистический релятивизм и универсализм

Другой проблемой в исследованиях, направленных на опровержение гипотезы лингвистической относительности, является тот факт, что предмет исследования большинства работ отличается от первоначального, бывшего центральным у Уорфа — грамматического материала, и сместился на лексические единицы. Это смещение положило начало неверной оценке утверждения Уорфа. Г. Э. Ферро-Луцци отмечает, что «только совсем небольшое количество фигуральных выражений создает трудности при кросс-культурном понимании и только в 2% стихотворных форм рифма или многозначность могут затруднить понимание»²⁷ [Ferro-Luzzi 1992: 391]. Далее она утверждает, что хотя бы мягкая версия лингвистической относительности должна быть реабилитирована. Уорф подчеркивал вовсе не «экзотическую» разницу в лексике, а то, как различные языки передают картину мира в различных грамматических формах [Keesing 1994]. Кажется, что лингвистический релятивизм и универсализм обнаруживают непримиримые различия, но все же они могут быть «совместимыми, если только разделить семантическую репрезентацию на атомарный и молекулярный уровни»²⁸ [Gumperz, Levinson 1996: 25]. На первом располагаются концептуальные «атомы», являющиеся идентичными в разных языках (например, *мужчина*, *взрослый* и т.д.). Они происходят из универсального языка мышления. Молекулярный уровень представляет собой особые языковые сочетания универсальных атомарных примитивов, которые могут оказывать специфическое концептуальное влияние на носителя языка.

В центре спора между лингвистическим релятивизмом и универсализмом оказываются не кросс-культурные языковые различия, а влияние языка на когнитивные способности. В отличие

²⁷ Оригинал цитаты: «only a tiny minority of figurative expressions create problems for cross-cultural understanding and in only about 2% of the verses rhyme or double meaning seems to inspire what is said».

²⁸ Оригинал цитаты: «entirely compatible, as long as one subscribes to the distinction between atomic and molecular levels of semantic representation».

от лингвистов боасовской традиции некоторые исследователи, принадлежащие к таким направлениям, как этнография коммуникации [Gumperz 1982; Gumperz, Hymes 1972; Hymes 1974b], социолингвистика [Bernstein 2003 (1971); Labov 1975] и антропология [Hall 1976], не рассматривали когнитивную деятельность в качестве центрального предмета, но исследовали отношения языка и культуры, занимаясь функциональными свойствами языкового употребления, то есть вербальными способами, которыми пользуются различные социальные группы для достижения определенных коммуникативных целей.

1.2.6. Этнография коммуникации

Изучением применения языковых кодов в социально обусловленных целях в культурно детерминированных ситуациях занимается этнография речи (*ethnography of speaking*), в последнее время известная как этнография коммуникации (*ethnography of communication*). Этнография речи, зародившаяся в рамках лингвистической антропологии, получила свое развитие в 60-е годы XX в. в трудах Д. Хаймса, который определял лингвистическую антропологию как изучение языка в антропологическом контексте [Hymes 1964a]. Последователи этого направления полагают, что любая самобытная культура имеет свой самобытный языковой код, который подразумевает самобытную психологию, социологию и риторику [Philipsen 1992: 130]. Компетентные носители языка должны уметь не только продуцировать соответствующие определенным целям высказывания, но и прагматически обоснованно пользоваться языком в конкретных социальных и культурных контекстах [Hymes 1971].

Контекст в этнографии речи понимается не как «рамка», обрамляющая речь, внутри которой порождаются значения, не как нечто неизменное и неподвижное, что находится «вне» процесса речи [Duranti, Goodwin 1992: 7] и оказывает решающее влияние на коммуникативные практики. Речь сама представляет собой важный ресурс, посредством которого конструируется контекст [Bauman 1992]. Часто использование различных стилей, подстилей или форм речи (например, переключение кодов (*code-switching*)) создает новые контексты, в результате чего происходит одновременная переориентация речевого поведения коммуникантов как в плане продуцирования, так и в плане интерпретации.

Этнография речи базируется на следующем теоретическом основании:

- 1) значение конструируется в социуме;
- 2) язык — основной инструмент, посредством которого люди могут вступать во взаимодействия друг с другом и создавать реальность вокруг себя;

- 3) речевое взаимодействие отражает экзистенциальную модальность, и поэтому, изучая первое, можно узнать больше о второй [Matera 2007: 14].

Вообще, мысль о том, что коммуникативная деятельность находится в связи с социокультурной организацией социума, получила свое признание в лингвистических исследованиях и на протяжении долгого времени доминировала в социолингвистике. Вариативность речевого или, более обобщенно, коммуникативного поведения отражает систему социальных отношений и развивается согласно культурным моделям. Можно сказать, что таким образом в коммуникативном взаимодействии выражается (кодифицируется) социокультурная структура общества [Matera 2007: 23], в синтаксических структурах и лексических единицах неизбежно отражается идиосинкратический опыт языкового сообщества [Lim 2002: 73].

Отдельные социолингвистические и антропологические исследования тоже могут рассматриваться как этнографические: семантика силы и солидарности индоевропейской системы местоимений [Brown, Gilman 1960]; системные культурно-гендерные речевые различия [Keenan 1974; Sherzer 1987]; нюансы косвенного выражения просьбы [Ervin-Tripp 1976].

Б. Бернштейн [Bernstein 2003 (1971)], исследуя детскую речь, обнаружил, что принадлежность к определенной социальной группе в одном языковом сообществе предопределяет различное пользование языком. Развитый языковой код предполагает использование точных и сложных грамматических конструкций. Он не зависим от контекста, интенции говорящего эксплицитны, в речи употребляются распространенные предложения, интерпретация высказывания не требует деления фоновых предпосылок говорящего. Ограниченный языковой код, напротив, предполагает использование коротких, грамматически простых и часто незаконченных предложений с бедной синтаксической структурой. Он сильно зависим от контекста и требует от коммуникантов общего предыдущего опыта. Интенции говорящего имплицитны и просты, в речи проявляется большая зависимость от экстралингвистических каналов. Базируясь на наблюдениях Бернштейна, Э. Холл [Hall 1976] создал теорию контекста, в которой утверждается, что код, контекст и значения взаимосвязаны, то есть понимание контекста является одним из ключевых моментов в интерпретации сообщения. И тем не менее, роль контекста в коммуникации может быть различной: как уже отмечалось, ширококонтекстной считается та коммуникация или то сообщение, в которых большая часть информации заключается в материальном контексте, либо интериоризирована человеком, в кодифицированном, эксплицитном виде передается меньшая часть сообщения. В узкоконтекстной коммуникации, наоборот, основная часть сообщения эксплицитно кодифицируется [Hall 1976: 79]. Узкоконтекстное и ширококонтекстное сообщение у Холла

соответствует «ограниченному и развитому коду»²⁹ у Бернштейна [Bernstein 2003 (1971): 58]. Холл применяет теорию контекста в объяснении культурных различий в использовании языка. Он утверждает, что восточноазиатские культуры проявляют склонность к ширококонтекстной коммуникации, а западные — к узкоконтекстной.

Большинство кросс-культурных исследований следуют принципу функциональной, а не лингвистической относительности. Функциональный релятивизм утверждает, что особая форма грамматической системы языка тесно связана с социальными и личными нуждами людей, которых он обслуживает [Halliday 1973; 1978]. Формы языка не только отражают социальное положение людей и связанные с ним обстоятельства, но и передают восприятие ими организации общества и их собственного положения в этом обществе. Иными словами, формы языка кодифицируют социальную картину мира. Языки отличаются друг от друга, потому что их культуры отличаются средой, ценностями, верованиями и принятыми в них отношениями между людьми. Такой подход, как представляется, меняет направление причинной зависимости в гипотезе Уорфа. Функциональный релятивизм, хотя и утверждает, что языковые конструкции являются продуктом необходимости, все же полагает, что как только языковые формы становятся частью языковой системы, то начинают влиять на образ мышления носителей³⁰ [Lim 2002: 76].

1.3. Выводы по первой главе

Исследования проблем, связанных с процессами общения и обмена информацией, неизбежно затрагивают самый широкий спектр деятельности человека: от собственно речевой до познавательной, от материально-производственной до социально-преобразовательной. Коммуникация, понимаемая как речевое общение для обмена информацией, обеспечивающее нормальную жизнь социума и удовлетворяющее психологическую потребность индивида в контакте с другими людьми, представляет собой интеракционную деятельность человека, для которой основой является диалог как постоянный обмен речевыми действиями между коммуникантами. Диалог, по мнению М. М. Бахтина, пронизывает всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни. Минимумом для жизни и бытия служат два голоса. В диалоге происходит постоянное продуцирование значения и смысла, в языковых средствах открывается сознание человека. Одной из существенных характеристик диалога

²⁹ Оригинал цитаты: «restricted and elaborated codes».

³⁰ В оригинале: «different cultures have different environments, values, beliefs, and attitudes, their languages tend to be different from each other. This perspective seemingly reverses the direction of causality of Whorf's proposition. Functional relativism, although it assumes that the linguistic forms are the product of necessity, believes that once the linguistic forms are systematized, they influence the thought patterns of the users».

выступает не только совместное порождение смысла, но и совместная интерпретация значения и смысла, воспринимаемая как результат коммуникации. Исследование диалогического взаимодействия не ограничивается наблюдением отдельных фактов употребления языка, но осуществляется в широком социально-психологическом контексте.

В современных моделях коммуникации принимаются во внимание не только базовые структурные элементы (коммуниканты, канал связи, содержание сообщения и т. д.), но и контекст, в котором развивается коммуникативный процесс, а также набор кодированных правил порождения речи. В число последних входят не только грамматические правила, но и закономерности стратегического и тактического планирования речевого сообщения.

Большинство сопоставительных исследований речевых стратегий и тактик в разных языках являются кросс-культурными и сосредотачиваются на так называемой «культурной коммуникации», т. е. на коммуникации, протекающей в определенном культурном контексте между людьми со сформированной в определенном социуме культурной идентичностью и самосознанием. Кросс-культурные исследования составляют одну из значительных областей теории межкультурной коммуникации, в основе которой лежит культурный релятивизм, и базируются на понимании коммуникации как культурно-обусловленного явления, и, следовательно, на методах этнографии коммуникации, реализующей программу описательно-сопоставительных исследований речи в конкретных культурах.

Соотношение культуры и коммуникативных процессов в нашем исследовании основывается на холистическом понятии культуры, включающем в себя приобретенные культивируемые способы поведения, к числу которых мы относим и речевое поведение, реализуемое в конкретных стратегиях и тактиках в зависимости от темы, обстановки, цели общения, ролевых отношений коммуникантов, их социального статуса и установок. Однако, мы делаем оговорку, что наряду с общим этнокультурным кодом человек обладает и индивидуальным культурным кодом на основании того, что не каждый индивид знает все области культуры и каждый обладает какой-то одной версией культуры. Поэтому целесообразно отдавать предпочтение номотетическим методам исследования, имеющим дело с закономерностями, а не с единичными явлениями.

Кросс-лингвистические наблюдения, вписываемые в более глобальные кросс-культурные исследования, основываются на понимании того, что язык, мышление и культура тесно связаны. Различия в культурах отражаются в языковых различиях, но не подразумевают разницу в когнитивных способностях людей, говорящих на разных языках. Основываясь на утверждении Ф. Боаса об однонаправленности отношений между мышлением и языком (от мышления к языку и никогда в обратном направлении) и о том, что грамматические категории языка накладывают на говорящего обязательность выбора, можно утверждать, что различные языки передают

картину мира в различных грамматических формах. Язык мышления остается универсальным явлением для носителей любых языков, но языковые сочетания универсальных атомарных примитивов могут оказывать специфическое концептуальное влияние на носителя языка. Большинство кросс-культурных исследований следуют принципу функциональной, а не лингвистической относительности. Функциональный релятивизм утверждает, что особая форма грамматической системы языка тесно связана с социальными и личными нуждами людей, которых он обслуживает. Формы языка не только отражают социальное положение людей и связанные с ним обстоятельства, но и кодифицируют социальную картину мира. Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании мы намерены сконцентрироваться на функциональных свойствах употребления русского и итальянского языков при побуждении, т. е. на вербальных способах достижения конкретных коммуникативных целей.

Глава вторая. Коммуникативные стратегии и тактики в кросс-культурной перспективе. Теоретические основы исследования (theoretical framework)

2.1. Базовые процессы диалогической коммуникации

Идея диалогичности языка не нова сама по себе. Еще в XVIII веке Фюксель писал в связи с вопросом о происхождении языка: «... *daß jeder Sprecher zugleich einen Anhörer erfordere, und ein einzelner, von keinem andern was wüßte, hätte gar keinen Grund zum Sprechen*» [Füchsel 1773: 77]. В XIX в. подобную мысль высказал В. Гумбольдт: «В самой сущности языка заключен неизменный дуализм, и сама возможность говорения обусловлена обращением и ответом»³¹ [Гумбольдт 1985: 399]. Языковая способность «приводится в действие только при общении» [Гумбольдт 1985: 381] и «язык не может реализоваться индивидуально, он может воплощаться в действительность лишь в обществе, когда попытка говорить находит соответствующий отклик» [Гумбольдт 1985: 400]. Такое понимание языка включает в себе центральное положение диалогической теории языка. Утверждение, что люди — это «диалогичные» («социальные») личности и их коммуникация присуща диалогичность, выражающаяся не только в продуцировании и интерпретации высказываний, но также в действии и реагировании, может служить аналитическим ключом ко всем тем случаям, когда мы пользуемся языком³² [Weigand 2010a: 22].

Процессы диалогической коммуникации базируются на кодировании и декодировании информации. Декодирование — это интерпретация коммуникантами интенций друг друга. Г. П. Грайс в интерпретации выделяет два аспекта: что сказано (what is said) и что имплицировано (what is implied), и это позволяет разделить семантику и прагматику высказывания [Grice 1975; Грайс 1985]. В теории Грайса и его последователей главным оказывается значение, которое говорящий вкладывает в высказывание. В этой коммуникативной модели внимание фокусируется на реципиенте и распознавании им интенции говорящего. При таком подходе говорящий формулирует свое высказывание с учетом восприятия его адресатом, и задачей адресата является верное распознавание интенции говорящего.

2.1.1. Имплицатуры и инференции в диалоге

Диалог рассматривается исследователями как один из видов социального взаимодействия, в котором каждый из участников признает в какой-то мере общую цель (см. главу I настоящей

³¹ Оригинал цитаты: «Es liegt aber in dem ursprünglichen Wesen der Sprache ein unabänderliches Dualismus, und die Möglichkeit des Sprechens selbst wird durch Anrede und Erwiederung bedingt» [Humboldt 1827: 138]

³² В оригинале: «[...] can be taken as the analytic key to all the ways we act with language».

диссертации). Каждый конкретный коммуникативный шаг должен быть «таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 222]. В этом заключается принцип кооперации, который опирается на более конкретные постулаты, разделяемые на четыре категории: количества, качества, отношения и способа. Соблюдение постулатов качества накладывает на коммуникантов обязательство включать в собственное высказывание достаточную для текущих целей информацию, не больше и не меньше. Постулаты качества предполагают, что высказывание должно быть истинным, не содержать лживой информации, а также информации, для которой у говорящего нет достаточных оснований. Постулат релевантности, касающийся категории отношения, заключается в следовании теме диалога. Категория способа отличается от предыдущих трех тем, что она касается того, как говорится, а не что говорится (как в остальных категориях). Согласно этому постулату коммуниканты должны выражаться ясно, без непонятных выражений [Грайс 1985: 222-223]. Далее Грайс добавляет, что существуют постулаты и другой природы — эстетические, социальные или моральные. К таким относится, к примеру, категория вежливости. Они также могут порождать неконвенциональные импликатуры. Постулаты, согласно которым протекает речевое взаимодействие, относятся Грайсом к коммуникативным универсалиям: «эмпирически достоверный факт состоит в том, что люди на самом деле ведут себя именно таким образом; они учатся этому в детстве и не теряют эту привычку в дальнейшем» [Грайс 1985: 224].

Импликатуры могут быть коммуникативными (или конверсационными), если они логически выводимы из высказывания, и конвенциональными, если они постигаются интуитивно. Конвенциональные импликатуры выводимы из значения слов, а коммуникативные не выводятся из семантики слов, составляющих высказывание, а порождаются более общими принципами, регулирующими коммуникативное поведение.

При выведении коммуникативной импликатуры, т. е. тех смыслов, существование которых предполагается для сохранения презумпции соблюдения принципа кооперации, реципиент опирается на релевантную для конкретного диалога информацию, в которую входит знание таких элементов, как референты используемых слов, контекст, фоновые знания [Грайс 1985: 227, 237]. Коммуникативная импликатура связана с лингвистическим содержанием высказывания только косвенным образом. Ее наличие зависит от контекста, и одно из логических свойств коммуникативной импликатуры — аннулируемость — означает, что она может «погашаться» (не существовать) в других контекстах, не порождая противоречия. Именно коммуникативные импликатуры порождают наибольшие проблемы в межкультурном общении, именно они бывают причиной того, что результат интерпретации не всегда соответствует интенции, т.е. тому имплицату (*implicatum*), который вкладывает в высказывание говорящий, по той причине, что когнитивные контексты и предшествующий опыт участников могут сильно

различаться, в особенности при кросс-культурной коммуникации, когда собеседники являются носителями разных языков и культур и имеют мало общего друг с другом [более подробно см. Kecskes 2013].

Импликатуры Грайса характеризуют значение с точки зрения говорящего. Но холистический подход, учитывающий диалогическую природу коммуникации, предполагает, что диалог — это последовательность действий и реакций по крайней мере двух агентов. В интеракционной модели коммуникации, в которой контекст понимается не как данное, а как создаваемое коммуникантами в процессе их речевого взаимодействия, различается два вида информации, передаваемой в высказывании: информация, сознательно передаваемая языковыми средствами (*information given*), и информация, получаемая реципиентом в результате интерпретации, даже если эта информация не была предназначена для передачи смысла (*information given-off*) [Goffman 1959]³³. Под вторым типом информации обычно понимаются некоторые невербальные сигналы и намеки, которые помогают привязать высказывание к конкретной ситуации и верифицировать то, что мы говорим. Оба типа информации могут быть интерпретированы реципиентом, поскольку оба принадлежат к коммуникативному типу. Более того, первостепенная коммуникативная значимость может принадлежать как одному, так и другому типу: и говорящий, и слушающий могут использовать непредусмотренную к интерпретации информацию каждый в своих интересах [Schiffrin 1994: 398-399]. Поэтому необходимо различать «импликатуры говорящего» и «импликатуры слушателя»: первые не обязательно распознаются слушателем, а вторые могут не совпадать с импликатурами говорящего [Saul 2002]. В этой модели важнейшая роль отводится интерпретации, которая становится критерием успешности и главной целью коммуникации.

В этой связи представляется необходимым различать импликатуру и инференцию [Horn 2004; Bach 2006]. Л. Хорн пишет: «Говорящие подразумевают, слушающие делают выводы [...] успешная коммуникация обычно основывается на импликатурах. То, что говорящий имплицитно часто сильно отличается от импликатур, содержащихся в его словах, или от того, что должен бы был извлечь из них слушающий»³⁴ [Horn 2004: 6-7]. К. Бах подчеркивает, что стоит остерегаться смешивать инференцию и импликатуру. Импликатура касается той части информации, которая не была изложена прямо и недвусмысленно говорящим, а инференция это деятельность, осуществляемая получателем сообщения и состоящая в извлечении неэксплицитных смыслов сказанного: «Люди иногда не различают *инференцию* и *импликатуру*, но между ними полезно провести разграничительную черту. Когда мы говорим, что говорящий

³³ Э. Гоффман – автор социологической теории взаимодействия

³⁴ Оригинал цитаты: «Speakers implicate, hearers infer. [...] While successful communication commonly relies on implicature, what a speaker implicates is often quite distinct from what her words imply or from a hearer may be expected to take from them».

или предложение имплицитно что-то, мы имеем в виду, что информация передается или выражается непрямым способом. [...] Инференция, с другой стороны, — это деятельность, осуществляемая читателем или истолкователем и состоящая в выведении заключений, которые не содержатся в высказывании в эксплицитном виде»³⁵ [Bach 2006: 24]. То, что имеет в виду говорящий, определяется его коммуникативной интенцией, но смысл его высказывания может вполне зависеть от той информации, которую говорящий считает взаимно отмеченной (*mutually salient*) для него и слушающего. В этом проявляется прагматическая роль контекста.

2.1.2. Контекст и контекстуализация

В коммуникативной теории Дж. Гамперца под интерпретацией высказывания понимается «конверсационная инференция», определяющая перлокутивный эффект [Gumperz 1964, 1971, 1972]. Конверсационная инференция — это «привязанный к конкретной ситуации или связанный конкретным контекстом процесс интерпретации, при помощи которого участники по очереди оценивают интенции собеседника и на основе которого строят свои ответы»³⁶ [Gumperz 1982: 153]. Под контекстом Гамперц понимал не просто совокупность внешних по отношению к речи элементов, а то, что строится и создается в процессе интеракции посредством координированной интерпретации ситуации.

В современной лингвистике и философии языка не существует единой концепции контекста. По мнению Т. ван Дейка понятие контекста, фундаментального для изучения языка, дискурса и когниции, остается неопределенным и неоднозначным³⁷ [van Dijk 2009: 1]. В отечественной научной мысли А. Ф. Лосев считал, что единственным решающим принципом для употребления конкретного знака (слова) является «как языковой, так и внеязыковой контекст в широчайшем смысле этого слова» [Лосев 1995: 122]. Тезис о контекстовой значимости знака полагался аксиомой: «Всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков, понимая под контекстом широчайший принцип»³⁸ [Лосев 1995: 123]. Наиболее известной в отечественной науке считается теория контекста Н. Н. Амосовой [Амосова 1963]. В последние годы контекст изучается применительно самых различных эмпирических данных и в современной научной литературе выделяются следующие виды контекста: диалогический,

³⁵ Оригинал цитаты: «People sometimes confuse *infer* with *imply*, but the distinction is a useful one. When we say that a speaker or sentence implies something, we mean that information is conveyed or suggested without being stated outright. [...] Inference, on the other hand, is the activity performed by a reader or interpreter in drawing conclusions that are not explicit in what is said».

³⁶ Оригинал цитаты: «Conversational inference [...] is situated or contextbound process of interpretation, by means of which participants in an exchange assess others' intentions, and on which they base their responses».

³⁷ В оригинале: «vague and ambiguous».

³⁸ так в оригинале

коммуникативный, перспективный, ретроспективный, синтаксический, семантико-прагматический [Сивенкова 2006: 11].

Несмотря на множественность подходов к изучению контекста в рамках различных дисциплин, представляется возможным выделить его фундаментальную черту: «нечто является контекстом по отношению к некоторому выражению, когда на основе первого устанавливается смысл и/или значение второго» [Черноскутов 2005: 220]. По отношению к контексту можно использовать метафору горизонта (*Sinnhorizont*) из феноменологии Гуссерля, которая поясняет, что значение любого события или вещи не может быть понято без должного принятия во внимание его/ее горизонта.

В языке существуют элементы, связанные с контекстом и помогающие «поместить» высказывание в конкретную ситуацию реального мира. Это дейктические элементы. Они составляют контекст, понимаемый в узком смысле. Однако, существует достаточно обширная область языковых структур, которые могут быть объединены термином «субъективность»³⁹. Эти структуры отражают жизненный мир говорящего, его предпочтения, самоинтерпретацию в обществе других людей и т. п. У Р. О. Якобсона такие грамматические и морфологические средства, посредством которых говорящий указывает на осознанность степени истинности его высказывания, относятся к категории засвидетельствованности (*evidential*), относительно которой он приводит пример двух форм болгарского глагола «прямого повествования» (с основанием на собственном прошлом опыте) и «косвенного повествования» (с основанием на сообщениях другого лица, снах, догадках) [Якобсон 1972: 101]. Выбор конкретных синтаксических конструкций (пассивные конструкции, придаточные предложения, наклонение) и лексических единиц (глаголы взаимного действия, некоторые глаголы движения) может отражать эмпатию говорящего. Способность просодии, в особенности интонации, выражать точку зрения говорящего признавалась еще в самом начале современного периода в развитии лингвистики (напр., [Волошинов 1926]). Грамматическая структура высказывания, кроме того, что выражает точку зрения говорящего, указывает также на точку зрения реципиента. Это указание заключается в делении сообщаемой информации на данное и новое, или на тему и рему. Кроме этого, синтаксис наряду с лексиконом является индексом общего фонового знания [Ауер 1996: 14]. Все вышесказанное демонстрирует, что значимость контекстуальных факторов для понимания языковой структуры высказывания не ограничивается дейксисом.

Взаимозависимые отношения контекста и знака (текста) достаточно многогранны и попытки описать их предпринимались многими исследователями. Одной из самых известных моделей речевой ситуации, соотносимой с контекстом, является модель Д. Хаймса [Hymes 1972],

³⁹ См. *subjectivité dans le langage* в [Benveniste 1966]

в которой различаются восемь элементов, первые буквы названий которых составляют слово *SPEAKING*. В их число входят 1) обстоятельства (*setting and scene*), то есть место, время и другие значимые параметры; 2) участники (*participants*), то есть говорящий и слушающие, как те, к которым обращено сообщение, так и те, к кому оно не обращено; 3) намерения, цели и искомый результат (*ends*), которые могут не совпадать между собой; 4) последовательность речевых актов (*act sequence*), образующих речевое событие и включающих в свое число смену ролей в диалоге и прерывание собеседника; 5) тон, манера говорить или настроение в речевом акте (*key*); 6) каналы (*instrumentalities*), используемые для построения законченного речевого акта, куда входят способ коммуникации (письменный, устный способы, пение или невербальный способ), язык, диалект или стиль; 7) нормы и правила социального взаимодействия (*norms*), которыми участники руководствуются в речевых действиях и реакциях на них; 8) речевой жанр (*genre*), то есть тип речевого акта или события – шутка, исторический анекдот, сплетня, диалог.

Зависимость значения отдельного слова, а вместе с ним и всего высказывания, в современных теориях прагматики постулируется от контекста. Прагматика позиционирует себя как учение о ситуативном значении высказывания [Leech 1983]. Неограйсовская теория [Bach 1994; Levinson 2000; Horn 2005] и теория релевантности [Sperber, Wilson 1986; Carston 2002, 2005] полагают, что значение порождается в контексте, обусловлено им и неопределимо без него, продолжая таким образом традицию, известную в теории языка с раннего средневековья и считающую, что слово вне контекста вообще не обладает значением [Кечкеш 2014: 7].

Для холистического описания процесса коммуникации, однако, необходимо объединить модели, описывающие речевое событие с точки зрения говорящего (неограйсовская теория) и модель, где в центр поставлены инференции реципиента (теория релевантности). Слово само по себе «присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов 2001: 14]. Слово в контексте порождает значение на основе всего предыдущего опыта с этим словом, включая прежние контексты употребления данного слова. Таким образом, слово содержит в себе все прежние контексты [Kecskes 2008, 2013], а актуальный контекст реализует необходимое в данной конкретной ситуации значение. Это значение вычленяется на основе градуированной отмеченности (*graded salience*) [Giora 1997, 2003] языковой единицы для слушающего. Если отмеченное значение не противоречит актуальному ситуативному контексту, то процесс интерпретации продолжается. Наиболее отмеченное — это «самое вероятное значение из всех возможных значений слова» [Кечкеш 2014: 15]. На отмеченность слова влияет частотность, общепризнанность, конвенциональность и прототипичность/стереотипичность информации, заключенной в слове. Чем сильнее проявляются эти признаки, тем более отмеченной становится информация как для отдельного индивида, так и для отдельного языкового сообщества [Giora

2003: 15-16]. Она может быть разной для говорящего и слушающего. Актуальное коммуникативное значение высказывания является результатом пересечения личного контекста слушающего и личного контекста говорящего, которые содержат в себе, как отмечалось выше, все прежние контексты, закодированные в лексических единицах и синтаксических конструкциях. Следовательно, такая модель постулирует диалектическую связь между двумя аспектами контекста, выражающуюся в том, что контексты порождают значения слов, но в то же время и слова порождают актуальные контексты. Порождение актуального контекста происходит в совместной деятельности говорящего и слушающего. Для успешной коммуникации говорящий должен на основании собственных предположений о фоновом знании слушающего, о его прежних контекстах и представлений о мире решить, в какую из форм облечь собственную интенцию, какие импликатуры допустимы и какие нет. Реципиент, в свою очередь, должен расшифровать на основе имеющихся у него знаний интенции говорящего, и лишь при совпадении импликатур говорящего с инференцией реципиента можно говорить об успешной передаче интенции.

Контекст может пониматься как в широком, так и узком смысле в зависимости от объема и масштаба «окружения, в рамках которого изучается языковое или литературное явление» [Болотнова 2009: 74]. Из всего многообразия теорий контекста представляется возможным выделить пять измерений, являющихся общими для большинства из них:

- языковой контекст, заключающий в себе прежний языковой опыт;
- неязыковые данные из окружающей обстановки, в которой протекает речевая деятельность, то есть сама ситуация в физическом смысле;
- социальные характеристики ситуации;
- фоновые знания, общие для коммуникантов, не входящие в первое и второе измерения;
- канал коммуникации [Auer 1996: 16].

Языковой контекст устанавливает текстовую когезию, в которой важную роль играют анафорические и катафорические местоименные элементы. Элементы чувственного, визуального восприятия, находящиеся в поле зрения коммуникантов — это контекст в узком смысле. Такое понимание контекста впервые было предложено Б. Малиновским [Malinowski 1926], который полагал, что речь является частью потока элементов вербальной и невербальной деятельности, взаимосвязанных и взаимозависимых между собой и высказывание приобретает смысл в конкретном «контексте ситуации» [Hatim, Mason 1994: 37]. Малиновский полагал, что контекст, необходимый для понимания высказывания, включает множество факторов — от ритуалов до практических аспектов повседневной жизни. Социальная ситуация включает в себя всех коммуникантов, их социальные роли и социальную деятельность, в которой они

задействованы. В социальную ситуацию некоторые лингвисты включают также интеракционные роли и тип речевого события (врачебная консультация, вечеринка с друзьями, телефонный опрос и т. д.), в рамках которого коммуниканты воспринимают отведенные им роли, например, врача и пациента во время врачебного осмотра [Auer 1996: 18]. Общие знания коммуникантов представляют собой довольно сложное образование. Этот аспект контекста разрабатывался в формальной прагматике и в теории релевантности [Sperber, Wilson 1986]. Общие знания пересекаются с уже описанными измерениями. Они могут включать индексы (дейктические средства) языкового контекста. Социальные роли коммуникантов, которые могут стать очевидными в конкретной ситуации благодаря их определенному проявлению, включая речевое поведение коммуникантов, также могут быть частью общего знания. Общее знание накапливается в процессе интеракций между коммуникантами и может частично забываться или переноситься на последующие интеракции. Частью общего знания являются также специфические знания, разделяемые представителями одной профессии, субкультуры или ближайшего социального окружения. Максимально широкой областью общего знания является общая культура. Последнее измерение контекста представляет собой канал или способ коммуникации, при помощи которого осуществляется интеракция.

Несмотря на то, что вербальный код считается основным средством передачи сообщения, он не может считаться единственным — «понимание текста, например, только частично определяется тем, что эксплицитовано в нем, и большей частью основывается на знании коммуникантами окружающей действительности, на отношениях, устанавливаемых между контекстом и сообщением, на всех дополнительных значениях, могущих повлиять на смысл того, что находится на поверхности текста»⁴⁰ [Diadori 2000: 70].

Понятие «контекстуализации» как основного средства адекватного восприятия явлений культуры, разрабатываемое сторонниками функционализма Б. Малиновским и Р. Ферсом и, позднее, представителями Лондонской лингвистической школы, в трактовке Дж. Гамперца стало означать процесс построения контекста участниками интеракции посредством координированной интерпретации ситуации. Контекст — это не набор материальных или социальных фактов, а когнитивная схема или модель, состоящая из наиболее релевантных для конкретной интеракции элементов в определенный момент времени. Это означает, что любой контекст коренится во взаимодействии коммуникантов.

Знание грамматики, лексики и конвенций контекстуализации используется коммуникантами для установления правдоподобных целей коммуникации. Результат этой

⁴⁰ Оригинал цитаты: «la comprensione di un testo, per esempio, dipende solo parzialmente da ciò che viene detto in maniera esplicita, e si basa piuttosto sulla conoscenza del mondo degli interlocutori, sulle relazioni che si possono stabilire fra il contesto e il messaggio stesso, su tutti i significati aggiuntivi che si possono inferire al di là di ciò che appare nel testo di superficie».

идентификации затем закладывается в отдельные высказывания или воспроизводится при переводе (см. [Gumperz 1982: 130–152]). Интерпретация заключается в актуализации схем, относящихся к области общего знания и включающих в себя «намеки контекстуализации»⁴¹ (*contextualization cues*) [Gumperz 1982: 131; 157], под которыми подразумеваются любые проявления лингвистического характера, сигнализирующие о контекстуальных пресуппозициях коммуникации. К намекам контекстуализации относятся разновидность языкового кода, некоторые просодические явления, лексический и синтаксический выбор, языковые клише, разговорные стратегии. В отличие от отдельных слов, обладающих значением вне контекста, значение намеков контекстуализации имплицитно, и они участвуют в создании коммуникативных (разговорных) импликатур. Их ценность основана на скрытой осведомленности коммуникантов об их значении. «Тип действия⁴² не определяет смысл, но накладывает ограничения на интерпретацию, направляя инференции таким образом, чтобы вывести на первый план или сделать релевантными одни аспекты фонового знания и умалить другие»⁴³ [Gumperz 1982: 131].

Итак, понимание высказывания слушающим происходит в результате интерпретации языковых структур, употребляемых говорящим, а также интерпретации индивидуальных и социокультурных пресуппозиций. Основу интерпретации речевого поведения составляет понятие тематической когерентности (см. *topical coherence* в [Sacks 1972]). В отношении побудительных высказываний Л. А. Бирюлин утверждает, что для успешности директивного высказывания необходима его ситуативная обусловленность: почему и с какой целью было произнесено данное высказывание, насколько оно уместно в определённой ситуации [Бирюлин 1992: 13]. В коммуникативной лингвистике функционирование языковых единиц «должно рассматриваться в рамках языковых отрезков, достаточных для однозначного восприятия конкретных языковых единиц, требующих лишь знаний, непосредственно относящихся к данному речевому акту» [Колшанский 1980: 38-39]. На основании вышесказанного и для обеспечения однозначной интерпретации исследуемых языковых явлений в качестве примеров мы используем минимальные диалогические единства, позволяющие фиксировать взаимозависимость употребляемых языковых средств и ситуативного контекста. Там, где пример содержит всего одно высказывание, ответной реакцией слушателя является либо молчание, либо исполнение казулируемого действия. Иными словами, мы старались фиксировать только языковой контекст, иногда описывая, впрочем, экстралингвистическую ситуацию для лучшего

⁴¹ В русскоязычных академических текстах термин «contextualization cues» может переводиться также как «индикаторы контекстуализации» или «маркеры контекстуализации».

⁴² Под действием здесь понимается базовая социально значимая единица взаимодействия.

⁴³ Оригинал цитаты: «The activity type does not determine meaning but simply constrains interpretations by channeling inferences so as to foreground or make relevant certain aspects of background knowledge and to underplay others».

понимания лексического или синтаксического контекста. Просодические особенности высказываний указывались нами только в отдельных случаях.

Современная отечественная теория контекста имеет когнитивно-коммуникативные основания. Речевая деятельность человека протекает одновременно в объективном мире, т.е. в определенном временном и пространственном континууме, и в мире субъективном, который человек конструирует в своем сознании: «любая ситуация может быть описана по-разному: разные способы ее кодирования, ее портретирования означают, что ее концептуализация осуществлена в соответствии с разным ее видением: она не просто отражена человеком, она определенным образом им ‘сконструирована’» [Кубрякова 2012: 196]. Взаимозависимость ситуации и стратегии проявляется также и в том факте, что регулярное и последовательное использование носителями языковой культуры конкретных интерактивных и языковых стратегий устной и письменной коммуникации формирует определенный дискурсивный стиль (манеру речи) этих носителей. Это процесс неизбежно происходит в контексте как явления когнитивно-коммуникативной природы. В речевой деятельности человека, как известно, когнитивная и коммуникативная составляющие тесно переплетены, поскольку человек — субъект одновременно познающий и говорящий.

Н. Н. Болдырев отмечает, что когнитивный контекст — это связанная структура знания, «в которой нашим опытом познания мира запрограммировано наличие определенных элементов или событий и их соответствующая интерпретация или оценка» [Болдырев 2006: 17]. Контекст формирует основания для работы со смыслом, очерчивая некую область, необходимую для понимания. У Т. ван Дейка под контекстом понимается не социальная ситуация, а субъективная ментальная модель этой ситуации [van Dijk 2009: 7]⁴⁴. Эти модели содержат коллективные, разделяемые членами общества, и индивидуальные знания, которые образуют сложные взаимосвязи в процессе коммуникации: «Контексты субъективны, они репрезентируют личный опыт, а именно, опыт текущего коммуникативного эпизода, но они также представляют собой конкретизацию социокультурного разделяемого нами знания о социальных и коммуникативных ситуациях и их участниках»⁴⁵ [van Dijk 2009: 6-7].

Контекст в его коммуникативном аспекте может рассматриваться как «совокупность моделей поведения, принятых в той или иной культуре, и, как правило, имеющих невербальную основу» [Дубровская 2011: 20]. В «культурной грамматике» Э. Холла [Hall 1959] на основе пяти различных типов пространственных отношений между людьми выделяются следующие коммуникативные стили: близкий, непринужденный, консультативный, формальный и ледяной.

⁴⁴ Оригинал цитаты: «Contexts are not some (part of a) social situation, but a subjective mental model of such a situation».

⁴⁵ Оригинал цитаты: «Contexts are subjective, they represent personal experiences, namely the experience of the current communicative episode, and they also feature instantiations of sociocultural knowledge we share about social and communicative situations and their participants».

Позднее на основе невербальных стилей поведения были выделены другие стили (сбалансированный, отчужденный, опекающий, лаконичный, многословный и т. п.) [Куликова 2009: 111-119].

2.2. Стилеобразующий фактор культуры в диалоге

2.2.1. Понятие этностыля. Параметры национального стиля коммуникации

Национальный стиль коммуникативного поведения выделяется на основе анализа социально и коммуникативно значимого варьирования поведения носителей конкретного языка в межкультурном аспекте [Ларина 2009: 26]. Коммуникативный этностыль охватывает не только языковую норму, но и реальный узус языка в самых широких контекстах, который может отличаться от нормы, в него входит весь спектр вербальных и невербальных коммуникативных средств, пригодных и уместных для решения конкретных коммуникативных задач, для наилучшего выражения интенции. Этностилистика связана с этнопрагматикой подобно тому, как стилистика в ее широком значении связана с прагматикой: «Прагматика занимается особыми, только ей присущими вопросами, которыми не занимается синтактика и семантика, и вопросы эти – те же, что и в традиционной стилистике и в еще более старинной риторике: выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства, выражения наиболее точного, или наиболее красивого, или наиболее соответствующего обстоятельства, или, наконец, для наиболее удачной лжи; для наилучшего воздействия на слушающего или читающего — с целью убедить его, или взволновать и растрогать, или рассмешить, или ввести в заблуждение и т. д. и т. п.» [Степанов 1981: 325-326]. Коммуникативный стиль в языковом (вербальном) аспекте соотносится не столько с самим языком, сколько с субъективностью человека, говорящем на этом языке [Левицкий 2006: 8], поскольку «стиль — явление не объективного, а субъективного мира, это явление второй, человеческой природы, и в этом качестве он относится к миру культуры, т. е. миру вещей в широком смысле, созданному человеком» [Брандес 2004: 17].

У. Гудикунст и С. Тинг-Туми [Gudykunst, Ting-Toomey 1988: 99-116] выделили четыре национальных стиля коммуникации, основанных на дихотомическом противопоставлении и отражающих эмоциональные, моральные и эстетические нормы определенной культуры:

- прямой (*direct*) / непрямой (*indirect*): преобладание прямого или косвенного выражения интенций в речи;
- развернутый (*elaborate*) / краткий (*succinct*): количественные характеристики речи, ее выразительность, многословие или частое использование пауз с определенной

семантической нагрузкой. Возможно выделение промежуточного стиля — умеренного (*exacting*), свойственного многим европейским странам;

- личностный (*personal*) / контекстуальный (*contextual*): фокусирование внимания на индивидуе, отдельной личности, независимо от ее социального статуса, или на ролевых отношениях между коммуникантами;
- инструментальный (*instrumental*) / аффективный (*affective*): ориентированность на говорящего и на цель общения или на сам процесс общения как таковой, когда достижение цели общения не является первостепенной задачей.

По мнению Т. В. Лариной такое представление национальных коммуникативных стилей дает лишь самую общую схему возможных стилевых различий, но способствует выделению стилеобразующих черт, таких как объем текста, способ выражения коммуникативных интенций (прямой, не прямой), субъектно-объектная ориентированность, степень эмоциональности, экспрессивности, степень информативности, целевая установка общения (передача информации или поддержание отношений), степень официальности в общении и др. [Ларина 2009: 32].

При изучении этнокультурной специфики речевого поведения первостепенное значение приобретают определяющие его социокультурные факторы. В вербальной коммуникации прагматический аспект речевого общения скорее всего лежит не в сфере взаимоотношения языковых знаков, а в сфере взаимоотношений участников коммуникации [Колшанский 2007: 128]. На основе того факта, что в коммуникации выделяется два аспекта, языковой и поведенческий, этнокультурный стиль коммуникации можно определить как «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закреплённый традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтении определенных средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия» [Ларина 2013: 196]. Этностиль коммуникации формируется в результате регулярного использования определенных коммуникативных стратегий и свойственных им языковых и неязыковых (проксемических, кинесических, тактильных) средств. Т. В. Ларина [Ларина 2009: 34-35] выделяет количественные и качественные параметры, лежащие в основе описания этностиля:

- 1) социокультурные (дистантность/контактность; ориентированность на статус/ориентированность на личность; симметричность/асимметричность отношений и др.);
- 2) аксиологические (приоритетные ценности данной культуры, влияющие на процесс коммуникации: личная автономия или интимность, уважение к статусу или равенство; правда, искренность или сохранение лица, молодость или старость);

- 3) социолингвистические (субъектно-объектная ориентированность коммуникантов; степень допустимости прямого коммуникативного воздействия; прямолинейность/косвенность; степень формальности/неформальности (демократичности) в общении);
- 4) психолингвистические (эмоциональная сдержанность/эмоциональная открытость, направленность и функциональная значимость эмоций, степень речевой экспрессивности);
- 5) лингвистические (наличие, выбор и предпочтение тех или иных языковых средств, особенности синтаксической организации высказываний, степень ритуализированности высказываний и т. д.), в том числе количественные характеристики (длина отдельного высказывания, количество реплик, употребляемых в различных ситуациях общения, лаконичность/многословность и т. д.);
- 6) паравербальные (темп речи, громкость, тональность, допустимость и длина пауз, допустимость и роль молчания и т. п.);
- 7) невербальные (проксемика: использование пространства в процессе коммуникации, необходимое количество личной территории; кинесика: специфические жесты и частотность их использования, выражение лица, позы, телодвижения; тактильность: допустимость прикосновений и тактильные жесты).

И. А. Стернин рассматривает коммуникативное поведение как «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин 2015: 3]. Речевое поведение лишено осознанной мотивировки и является автоматизированным, стереотипным речевым проявлением «в силу типичной прикреплённости такого проявления к типичной, часто повторяющейся ситуации общения» [Формановская 2005: 39]. Описание коммуникативного поведения того или иного народа базируется на совокупности факторов и параметров, отражающих вербальное и невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм. Основными принципами такого описания являются принципы системности и контрастивности с разграничением общественной нормы и общественной практики. Значительное количество коммуникативных признаков в разных, особенно в исторически и географически близких культурах, совпадают, ещё большее количество при некотором сходстве демонстрирует определённые национальные различия [Стернин 2015: 9]. Описание коммуникативного поведения конкретного народа составляется на базе систематического рассмотрения его отдельных фактов в сопоставлении со всеми возможными способами выражения данного смысла в сопоставляемой культуре и включает как «лакуны», так и «положительный» материал.

2.2.2. Лингвокультурные фреймы, сценарии, скрипты

Национальный стиль коммуникации, понимаемый как совокупность норм речевого поведения, принятых в обществе и свойственных отдельной языковой личности, описывается в виде общих закономерностей, регулирующих функции и системные связи отдельных коммуникативных элементов. «Характеризовать стили нужно с двух сторон: со стороны языка и со стороны действий человека в определенной общественной ситуации» [Степанов 1975: 202]. Ю. С. Степанов говорит о «типовой» общественной ситуации, в которой коммуниканты пользуются определенным «видом речи», отбор языковых средств для которого основан на общих принципах отбора, лежащих вне языка. Такие типовые ситуации изучаются как общие коммуникативные сценарии или скрипты.

«Культурные скрипты — это общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, — мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению. [...] они представляют собой некую «наивную аксиологию», запечатленную в языке. И так же, как в любой области наивная картина мира, запечатленная в одном языке, может отличаться от картины, запечатленной в другом, «наивная аксиология», запечатленная в одном языке, может отличаться от аксиологии, запечатленной в других языках» (Вежбицкая 2005: 467). Понятийно-методологические парадигмы лингвокультурологии, прагмалингвистики и ряда других научных дисциплин оперируют такими терминами, как «когнитивные сценарии» [Петров 1990; Schank, Abelson 1977]; «ситуационные фреймы», из которых складывается жизнь отдельных людей и организаций⁴⁶ [Hall 1976], «ситуационные модели», инкорпорирующие в эпизодической памяти предыдущий опыт и предыдущие текстовые базы, связанные с такими же или похожими ситуациями [ван Дейк, Кинч 1988: 165]; «концептуальные фреймы», определенным образом организующие поведение индивидов и позволяющие правильно интерпретировать поведение других людей [ван Дейк 1989]; «фрейм-структуры» — наборы «обязательных», «предсказуемых» векторов ассоциаций, вызываемых типовой ситуацией, гранями фрейм-структуры являются клише или штампы сознания [Красных 2003]. Все приведенные термины соотносимы между собой и описывают этнокультурные конвенции или конвенциональное знание [ван Дейк 1989], обеспечивающее коммуникацию в конкретных ситуациях. Элементами конвенционального знания являются концепты, категории, правила и стратегии.

⁴⁶ В оригинале: “Situational frames are the building blocks of both individual lives and institutions and are the meeting point of: the individual and his psychic makeup, institutions ranging from marriage to large bureaucracies, and culture, which gives meaning to the other two” [Hall 1976: 140].

Под скриптом понимается динамическая модель, содержащая «стандартную последовательность событий; при этом большинство скриптов усваивается в детстве как результат непосредственного опыта или наблюдения над другими людьми» [Красных 2003: 234]. Скрипты привязаны к конкретной ситуации, определяют стандартизированную норму поведения, в том числе речевого, и касаются всех возможных вариантов развития ситуации. В. И. Карасик рассматривает лингвокультурный скрипт как нормативное предписание, на основе которого строится коммуникативное поведение, воплощаемое в речевых формулах [Карасик 2007]. «Скрипт – алгоритмизированная поведенческая культурная норма, формирующая узус для данной коммуникативной ситуации в определенной этнокультурной общности» [Моторина 2013]. В современной лингвистике лингвокультурные скрипты рассматриваются как набор инструкций для языкового и поведенческого кодов, употребляемых в ситуациях, носящих выраженный ценностный характер, типичный для данной этнокультуры.

С каждой прототипической ситуацией у носителя конкретной лингвокультуры ассоциируется определенный набор лексико-грамматических средств — ключевые слова определенной культуры (*key words*), общепринятые фразы (*colloquial phrases*) и речевые обороты (*conversational routines*), которые А. Вежбицкая рассматривает в качестве элементов культурного скрипта [Wierzbicka 2002]. Набор речевых средств, стереотипно используемых носителем языка в той или иной ситуации, Э. Холл называет «ситуационным диалектом» [Hall 1976: 132]. Выделение и описание коммуникативных сценариев помогает понять более частные (лексико-семантические, грамматические и прагматические) законы конкретной лингвокультуры.

В сознании человека за типичной, часто повторяющейся ситуацией общения закрепляется определенная схема коммуникативного поведения, формируемая совокупностью не только общепринятых норм и традиций определенного социума, но и особенностями речевых привычек отдельной личности (см. выше [Стернин 2015: 3; Формановская 2005: 39]). «Акт коммуникации всегда имеет двойственный характер – как частный, так и общественный. Сообщение — это *индивидуальное* сочетание *социальных* средств выражения, причём общественный аспект коммуникации надо видеть в повторяющемся использовании слов и других номинативных единиц языка, а её индивидуальный аспект — в сочетании этих слов во фразе» [Верещагин, Костомаров 2005: 506].

Скрипт, формирующийся у индивида в результате наблюдения за типовыми ситуациями и собственного опыта взаимодействия с носителями определенной культуры, соотносится с понятием этнического стереотипа [Красных 2003: 234]. Речь идет об этнокультурных стереотипах как об обобщенных представлениях о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Коммуникативное поведение конкретного народа может рассматриваться не только как совокупность норм и традиций речевого поведения, но и как интегральный компонент

стереотипа поведения вообще [Баева 2012: 7]. Этнокультурные стереотипы делятся на автостереотипы (то, что носителя языка и культуры думают сами о себе) и гетеростереотипы (представления, относящиеся к другому народу) [Гетьманенко 2010: 17-18]. Сущностными характеристиками стереотипа являются:

- 1) стереотип рассматривается как единица ментально-лингвального комплекса представителя определенного этноса, реализуется в стандартных ситуациях общения (деятельности) этого этноса, являясь устойчивой социокультурной маркированной локальной ассоциацией к данной ситуации;
- 2) стереотип является нормативной социокультурной единицей речевого общения представителя определенного этноса;
- 3) стереотип может проявляться в форме речевого клише или вербализованного / невербализованного штампа сознания [Прохоров 2008: 34-35].

Представляется уместным и оправданным изучение суждений стереотипного характера об изучаемой лингвокультуре со стороны представителей других культур.

Этноспецифика коммуникативного поведения сказывается в первую очередь в межкультурной коммуникации. Согласно метафоре, предложенной Г. Хофстеде, ум каждого человека обладает своим «программным обеспечением» (*software of the mind*), которое среди прочих включает также «файлы», составляющие коммуникативную компетенцию [Hofstede et al. 2010]. Более привычный термин для таких «ментальных программ» — культура (в том числе и национальная), которая является не врожденным, а приобретенным признаком человека. «Программы», ответственные за коммуникативную компетенцию, срабатывают, когда мы находимся в своей культуре, но при общении с представителями других культур их приходится переформатировать таким образом, чтобы эти программы были пригодны для общения в других культурах. Модель такого «переформатирования» была предложена итальянскими лингвистами П. Бальбони и Ф. Каон [Balboni, Caon 2015]. Анализ потенциальных коммуникативных проблем, вызываемых недостаточным или отсутствующим переформатированием ментальных программ, основывается на ряде взаимосвязанных параметров, в число которых входят основные культурные ценности, невербальные и вербальные коды. К основным культурным ценностям, отражающимся в коммуникативном поведении, авторы модели относят понятия, являющиеся предметом многих этнолингвистических исследований: это восприятие времени и пространства; общественные иерархии и вопросы социального статуса; концепты семьи, честности, верности и «честной игры» (*fair play*); метафоры, свойственные конкретной культуре; сферы религиозности и сексуальности и т.д. Особенности вербального кода определяются с учетом таких факторов, как звучание языка; подбор лексики и тем для разговоров; грамматические аспекты конкретного языка; структура текста; социолингвистический аспект речевой деятельности; прагматика

коммуникативных стратегий. При анализе невербального кода во внимание принимаются такие параметры, как кинесика, просемика и социальный символизм отдельных предметов [Balboni, Caon 2015].

Следует учитывать, что культура — это динамичное образование, которое не может быть «зафиксировано» раз и навсегда в научном описании, поэтому всякое эмпирическое описание не может претендовать на законченность и фундаментальность.

2.2.3. Культурные ценности итальянского коммуникативного поведения

В отношении Италии понятия «культура», «ценности» и «коммуникативное поведения» должны рассматриваться с поправкой на достаточно большое культурное и языковое разнообразие территорий Италии: различия наблюдаются между севером и югом, между континентом и островами, между северо-востоком и северо-западом. Вопрос национальной и территориальной самоидентификации очень важен для итальянцев. Знакомство почти всегда начинается с вопроса *Di dove è Lei/sei tu? (Откуда Вы/ты родом?)*. Место рождения навечно определяет самосознание обычного итальянца. Причины этого кроются в позднем формировании итальянского государства и, как следствие, в поздней национальной унификации народа. Привязанность к родным местам получила отражение в итальянском языке в таких лексемах, как *localismo* (локализм — тенденция решать политические и социальные проблемы исключительно в местечковых интересах, без учета национальной или региональной ситуации), *municipalismo* (муниципализм — тенденция рассматривать политические, экономические и социальные проблемы в рамках одного муниципалитета безотносительно к проблемам национального или регионального характера), *campanilismo* (кампанилизм — преувеличенная и мелочная привязанность к традициям и обычаям собственного города). Фактором национальной унификации итальянского народа служит общая территория и общая история, которая часто интерпретируется как история культуры [Гончарова 2018: 73]. Проблематичная национальная самоидентификация итальянцев находит отражение в известном афоризме “*Fatta l’Italia bisogna fare gli italiani*” или его вариантах “*S’è fatta l’Italia, ma non si fanno gl’Italiani*”, “*Fatta l’Italia, facciamo gli italiani*”, который на русский может быть переведен как «*Мы создали Италию, осталось создать итальянцев*» (авторство и историю появления афоризма см. в [Gigante 2011]).

Семья играет огромную роль в жизни любого итальянца. Центральная роль семьи и защита ее интересов иногда приобретает гипертрофированные формы, что послужило причиной появления таких неологизмов, как *familismo morale* (аморальная семейственность — неоднозначный термин, введенный американским политологом Э. Банфилдом для объяснения причин социального и экономического отставания некоторых обществ), *parentopoli* (система

обмена услугами между членами семьи, схожая с феноменом коррупции), *nepotismo* (непотизм — фаворитизм, выражающийся в предоставлении привилегий родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств).

Русские воспринимают итальянцев и их национальный характер во всем их разнообразии и с достаточной легкостью определяют региональные различия [Dalla Libera 2017: 24]. Объяснение этому кроется в том факте, что Италия — популярное туристическое направление, которому русские отдают предпочтение раз за разом, возвращаясь сюда ежегодно. Со временем русские туристы начинают лучше понимать местный менталитет и понимать региональные различия. Типичный итальянец в представлении русских обладает следующими коммуникативно-релевантными чертами характера: «открытость, радушие, гостеприимство, любознательность, обаятельность, оптимизм, прямолинейность в суждениях и не оставляющая никого равнодушным повышенная эмоциональность итальянцев, которые оказывают прямое или косвенное влияние на общение, обуславливают его характер или содержание» [Баева 2010: 177].

Большинство исследователей невербальной коммуникации приходят к выводу, что естественный язык используется для передачи информации, а язык тела — для установления и поддержания межличностных отношений [Pease, Pease 2004: 10]. Для итальянского невербального коммуникативного поведения характерен ряд доминантных особенностей: выразительная мимика, тембр и громкость речи как следствие высокого уровня коммуникативной эмоциональности. Для большинства итальянцев минимальной дистанцией, не нарушающей дистанцию психологического комфорта, считается расстояние вытянутой руки, но для северных итальянцев эта дистанция увеличивается до одного метра [Lobasso et al. 2007: 65-66]. Улыбка для итальянцев — естественный атрибут межличностной коммуникации и не означает близких отношений или какого бы то ни было знакомства [Dalla Libera 2017: 49].

Коммуникативное поведение итальянцев может быть охарактеризовано как высококинетическое с развитой жестовой коммуникацией. Большинство вербальных сообщений дублируется в речи итальянцев соответствующими невербальными средствами [Баева 2012: 5]. Анализируя гоголевский перевод пьесы итальянского драматурга Дж. Жиро, Ю. А. Рылов отмечает, что отдельные языковые средства, такие как междометия, повтор, дополнительные авторские ремарки, встречающиеся в русском тексте и отсутствующие в итальянском, призваны компенсировать этноспецифику коммуникативного поведения итальянцев — богатую жестикуляцию и мимику [Рылов 2002]. Многие авторы отмечают характерную для итальянского коммуникативного поведения театральность и стремление «*fare bella figura*», особый кодекс норм и принципов поведения на публике (см. [Баева 2012, Павловская 2014; Солли 1999: 17, 22]).

В общем, для коммуникативного поведения итальянцев свойственна небольшая коммуникативная дистанция, частый физический контакт, нормативная улыбка, обязательный

зрительный контакт «глаза в глаза», выраженный социальный символизм [см. Баева 2012, Dalla Libera 2017: 29]. Спонтанная лицевая мимика отражает внутренне эмоциональное состояние итальянцев: удовольствие, недовольство.

В последние годы активно исследуются культурные ценности и ключевые понятия итальянской культуры, заключенные как в отдельных лексических единицах, так и в речевых актах. Они изучаются в рамках теории культурных скриптов с использованием естественного семантического метаязыка [Wierzbicka 1999b; Wierzbicka 2003; Harkins, Wierzbicka 2001; Capone, Mey 2015; Martínez-Flor, Usò-Juan 2010]. Например, отдельное исследование было посвящено итальянскому культурно-специфичному слову *sfogarsi*, вызывающему затруднение при переводе на английский язык и означающему способ выражения эмоций, которые при сдерживании могли бы вызвать взрывоопасный психологический дискомфорт [Maher 2006]. Б. Махер высказывает предположение, что это слово включает в себе типичную для итальянской коммуникативной культуры ценность успешного «менеджмента» в вопросах эмоционального здоровья человека. Другой интересный вывод был сделан Г. М. Фарезе в результате наблюдения различий в выражении личного мнения у носителей английского и итальянского языков: в то время как англичане проявляют тенденцию к сдержанному высказыванию личного мнения (*understatement*), итальянцы следуют модели гиперболизации (*exaggeration*) [Farese 2020]. Оба наблюдения подтверждают гипотезу высокой коммуникативной эмоциональности итальянцев.

Итальянский язык воспринимается многими иностранцами, в том числе и русскими, как очень красивый язык (*la lingua bella*), однако, разговорный тон характеризуется как слишком высокий [Dalla Libera 2017: 30]. Громкость и тон, активная жестикуляция, лицевая мимика могут производить впечатление, что итальянцы — не только веселые, но и «слишком» разговорчивые и эмоциональные люди, не очень уважительно относящиеся к другим.

В итальянской вербальной коммуникации наблюдается более частое по сравнению с русской лингвокультурой обращение к собеседнику по имени или даже с использованием ласковых прозвищ. Кроме того, в качестве аллокутивного средства используются профессиональные титулы, практически отсутствующие в русскоязычной культуре [Баева 2012: 13; Павловская 2014]. Итальянцы с большой непринужденностью могут прервать собеседника, что в других культурах, в том числе и в русской, представляется недопустимым [Balboni 2009: 136]. Извинения также входят в число распространенных социолингвистических стратегий в Италии: здесь они не считаются «потерей лица» [Balboni 2009: 136].

Перед лицом непредвиденных ситуаций итальянцы проявляют гибкость и свободу мышления, что рассматривается ими самими как способность легко перестраиваться и менять стратегию для достижения конечной цели [Dalla Libera 2017: 71]. Как отмечают информанты, в речевых стратегиях это проявляется прежде всего в ситуациях, когда адресат проявляет

непонимание услышанного сообщения. В таких случаях адресант повторяет сказанное, эксплицируя смысл при помощи жестов и переформулируя высказывание [Dalla Libera 2017: 90].

Рабочие отношения итальянцев, как и во многих других западноевропейских странах, подчинены иерархии, формирующейся на принципах вертикальности и непроницаемости. Однако, в деловой сфере иерархия служит интересам капиталистического образа мышления, одно из центральных мест в котором занимает стремление к повышению продуктивности, росту и расширению бизнеса, а не только к получению прибыли. Особенно это заметно на предприятиях малого и среднего бизнеса, где перечисленные цели напрямую зависят от благосостояния сотрудников, достигаемого созданием почти «семейной» атмосферы, в том числе и в дискурсивном (речевом) плане (см. [Dalla Libera 2017: 76]).

2.2.4. Культурные ценности русского коммуникативного поведения

При описании этноспецифики русского коммуникативного поведения необходимо принимать во внимание этническое и культурное разнообразие населения, проживающего на территории Российской Федерации: здесь проживают представители более 145 национальностей и около 48 малочисленных народов с уникальными традициями и разными религиями. Основное различие в ценностных приоритетах русской и западноевропейской культур заключается в центральном положении человеческих отношений в ценностной иерархии русской культуры, в то время как для западной культуры в центре находится личность с ее индивидуальностью и свободолобием [Касьянова 2003: 463]. В русском коммуникативном поведении именно фатическая коммуникация обладает особой значимостью [Дементьев 2013: 231]. Многие исследователи отмечают, что общение — приоритетная форма проведения времени и форма проявления соборности русского народа [Стернин 2002: 11; Шаманова 2002: 62; Прохоров, Стернин 2002: 95].

Русские в представлении итальянцев слывут людьми холодными в общении, серьезными, сдержанными, не улыбкаемыми и обидчивыми — обидеть их легче, чем итальянцев [Dalla Libera 2017: 40]. Холодность в общении русских часто воспринимается иностранцами как скрытая или намеренная замкнутость характера [Dalla Libera 2017: 51]. Однако, сами русские считают себя общительными людьми, и одна из основных культурных ценностей заключается в их свободном общении с незнакомыми людьми [Sternina, Sternin 2003: 77; Ларина 2009: 87]. Понятия «дружба», «друг» применяются для определения исключительно близких отношений, для поверхностного знакомства в отличие от итальянского языка имеются отдельные лексемы, например «знакомый», «приятель» и т.д. Дружба в ценностной системе русской культуры занимает особое положение. Это всеобъемлющие, честные и искренние отношения, позволяющие всегда

рассчитывать на помощь и участие другого человека. В рабочей обстановке уровень официальности возрастает. Большую роль начинает играть соблюдение социальных ролей и иерархии, корпоративная этика, ролевой статус, возраст коммуникантов. При более близком знакомстве привычная сдержанность русских уступает место искренности и душевности, когда возможны даже прямые вопросы на достаточно личные темы. В профессиональных и рабочих кругах отношения развиваются в основном горизонтально, т. е. между представителями одного уровня в социальной иерархии. Считается, что даже в нерабочие моменты (совместный чай, сигарета, обед), когда становится возможным ослабить официальность отношений, работают привычные поведенческие схемы [Dalla Libera 2017: 46].

В общении русские неизменно проявляют такие базовые для русской культуры ценности как правда и искренность — важные для людей, привыкших жить в тесном коллективе. На это неоднократно указывали исследователи русского коммуникативного поведения [Аругюнова 1995; Шмелев 2002; Wierzbicka 1992, 1997, 2002; 2003].

Для русской невербальной коммуникации характерна достаточно большая дистанция между коммуникантами — более одного метра, т. е. для простого пожатия руки иногда необходимо немного наклониться вперед и вернуться потом в прежнее положение. Уменьшение этой дистанции может вызвать психологический дискомфорт [Dalla Libera 2017: 40]. Улыбка считается проявлением эмоций и не приветствуется в обществе незнакомых или малознакомых людей, русские «хранят» ее для общения с близкими людьми. Неярко выраженная мимика русских достаточно небогата. В русской невербальной коммуникации присутствует также и жестовый элемент — движения, которые русские привычно используют в общении. Их разнообразие отражает социальную стратификацию и этническое разнообразие российского общества [Dalla Libera 2017: 52].

Символы социального положения играют большую роль в русской культуре — демонстрация богатства равноценна демонстрации авторитета или силы [Dalla Libera 2017: 30]. Если в провинции сохраняются прежние поведенческие модели, то в Москве и Санкт-Петербурге очевидно западное влияние на поведенческие схемы, на стиль одежды и символы социального статуса.

В официальных (рабочих) отношениях русские предпочитают в качестве аллокутивов имя и отчество или фамилию [Гусева, Елоева 2019]. Переход с «ты» на «Вы» никогда не бывает автоматическим. Большинство русских утверждает, что очень часто многолетние рабочие отношения даже между коллегами одного ранга базируются на уважительном отношении, выражающемся в речи в форме личного местоимения 2 л. мн. ч. [Dalla Libera 2017: 46]. В любом случае, подчиненный не может по собственной инициативе перейти на «ты», это всегда прерогатива вышестоящего на служебной лестнице, при этом такой переход может произойти

лишь в одном направлении — при обращении вышестоящего к нижестоящему. В русской культуре степень демонстрируемого уважения не всегда прямо пропорционально занимаемой должности. Необходимо различать «приобретенный» социальный статус и «возлагаемый»⁴⁷. В первом случае это будет уважение, основанное на ценности выполняемой человеком работы и его личных качествах, во втором случае — уважение, мотивированное престижем занимаемой должности.

Рабочие отношения русских строятся в форме иерархической пирамиды, предполагающей подчинение нижестоящих вышестоящим. Все указания, разрешения и распоряжения исходят от человека, наделенного властью внутри этой пирамиды, и, по мнению итальянских исследователей, на рабочем месте волеизъявление вышестоящего интерпретируются подчиненными как приказ, а не просьба [Dalla Libera 2017: 71]. Недостаточная гибкость русских в решении рабочих вопросов, их неспособность рассматривать проблемные ситуации с некоторой долей релятивизма может быть связана с необходимостью избегания неопределенности, объясняемой уровнем стресса в обществе перед лицом неизвестного будущего [Hofstede 2010].

По мнению некоторых итальянских наблюдателей при вопросе, понятно ли распоряжение или достаточно ли ясен приказ, русские вряд ли ответят отрицательно — это равнозначно признанию собственной несостоятельности или утрате достоинства. По этой же причине русским нелегко даются признания собственных ошибок или публичные извинения [Dalla Libera 2017: 77]. При возникновении непонимания между коммуникантами русские не стремятся переформулировать высказывание, а часто повторяют его в том же виде, т. е. просто дублируют его [Dalla Libera 2017: 90]. Прерывание собеседника считается недопустимым, но встречается очень часто [Sternina, Sternin 2003: 44]. Прерывание вышестоящим нижестоящего на служебной или социальной лестнице может означать окончание разговора [Dalla Libera 2017: 90].

Директивы воспринимаются русскими без обсуждений, если они исходят от обладающего более высоким социальным статусом. Однако, директив, выраженный в форме менее импозитивного предложения («можно сделать так»), соответствует в представлении русских указанию и может быть воспринят как результат неуважения или недоверия [Dalla Libera 2017: 97].

По мнению итальянцев русские часто не соблюдают принцип политкорректности и употребляют слова и выражения, несвободные от предрассудков [Dalla Libera 2017: 31]. Длинные паузы и молчание в диалоге для русских имеют негативное значение, отражающееся в оценке человека [Dalla Libera 2017: 104].

⁴⁷ Соответственно ит. «*acquisito*» и «*attribuito*»

2.3. Побудительные стратегии и тактики

2.3.1. Понятия коммуникативной стратегии и тактики

В большинстве случаев одно и то же коммуникативное действие разными людьми совершается разными языковыми способами. С одной стороны, любое коммуникативное действие нуждается в планировании, то есть в выборе стратегии для эффективного достижения его цели, и базисом для этого процесса является выбор оптимальных языковых средств [Иссерс 2008: 10], обусловленный присущими языковому сообществу культурными ценностями, ориентирами, верованиями и ожиданиями. С другой стороны, коммуникация осуществляется автоматически [Kellermann 1992: 288] и большинство языковых решений говорящего принимаются неосознанно [Иссерс 2008: 10], на основе стереотипов поведения, обусловленных лингвокультурными скриптами. Носители разных языков (и разных вариантов одного языка), следуя принятым в их языковых сообществах конвенциям общения, «в аналогичных коммуникативных условиях могут вести общение по-разному, реализуя свойственный их культуре дискурсивный стиль» [Гришаева, Цурикова 2007: 305]. Выбор определенных средств для достижения определенной цели в определенной ситуации рассматривается в дискурсе как реализация определенной стратегии.

У Э. Гоффмана [Goffman 1967] стратегический характер взаимодействия между людьми (*strategic interaction*) определяется ритуальной организацией общественной жизни в общем. В основе «ритуализации» мышления и речевого поведения, в частности, лежит принцип речевой экономии. Постулат количества Г. П. Грайса включает принцип экономии: «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [Грайс 1985: 222]. В речевых действиях говорящего экономия реализуется в минимизации речевых усилий, допускающей имплицитность, а для слушающего это экономия мыслительных усилий, предпринимаемых для понимания речи, и для него важна эксплицитность воспринимаемой речи.

В современной лингвистической литературе понятия коммуникативная и речевая стратегии очень часто воспринимаются как синонимы и обозначают наиболее общие процессы планирования в межличностной коммуникации. По определению, данному Т. А. ван Дейк, стратегия как общее понятие позволяет контролировать взаимодействие в ситуации общения [ван Дейк, Кинч 1988: 160]. Стратегии могут подразделяться на стратегии порождения речи (текста) и стратегии ее понимания. Представляется возможным перенести сказанное о стратегическом процессе в отношении стратегии понимания на стратегии порождения, рассматриваемые в настоящем исследовании. Т. А. ван Дейк и В. Кинч не усматривают полной аналогии между стратегией и алгоритмом, т. к. алгоритм предоставляет большую гарантию

успеха в достижении цели. Стратегии больше «похожи на эффективные рабочие гипотезы относительно правильной структуры и значения фрагмента текста» [ван Дейк, Кинч 1988: 1604].

Когнитивная стратегия, как частный случай стратегий, задействованных в процессе коммуникации, это план «помощи» адресату в процедуре интерпертации сообщаемой информации [ван Дейк, Кинч 1988], а семантические стратегии определяются как способ индуцирования желаемой семантики посредством подбора определенных языковых средств [ван Дейк 1989; Иссерс 2008]. Коммуникативная стратегия представляется понятием глобального плана, охватывающем весь спектр действий человека для достижения поставленных коммуникативных целей. Иногда под коммуникативной стратегией понимается реализация набора целей в процессе общения. Однако, в любом случае стратегия связана с подбором языковых средств, оптимально соответствующих имеющимся целям [Макаров 2003: 193]. По определению Т. Е. Янко коммуникативная стратегия заключается в выборе коммуникативного намерения (может варьироваться от констатации факта до обращения с просьбой), распределении квантов информации и в выборе порядка следования коммуникативных составляющих [Янко 2001: 38]. У О. С. Иссерс речевая стратегия — это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели и включающих в себя планирование процесса речевой коммуникации [Иссерс 2008: 54] или план общения, творческая реализация которого допускает различные способы его осуществления [Иссерс 2008: 109].

Речевые стратегии представляют особый интерес в кросс-культурном плане. Идиоэтнические стратегии порождения и интерпертации речи — часть национальной традиции. В коммуникативных и речевых стратегиях объединяются индивидуальные культурные скрипты и готовые образцы, которые сложились в конкретном социуме (узуальные тактики). В ситуативных сценариях (скриптах, фреймах) кроме конвенциональных правил и стратегий реализуются также индивидуальные модели культурного поведения человека — особые способы построения отношений с самим собой и другими. Кроме прочих определений, культура может мыслиться как продукт публичного и частного взаимодействия людей, лежащего в основе процессов продуцирования, интерпертации и дальнейшей передачи культурных потоков, конкретных концептов и понятий мира, общества и своего «я» [Matera 2007: 76]. В этом контексте собственная идентичность, чувство принадлежности к одному из социумов (или исключения из него) приобретает важнейшую когнитивную функцию: самоидентификация становится критерием дифференциации, унификации, классификации в противостоянии многообразию мира.

Если стратегии относятся к глобальному уровню осознания коммуникации, то отдельные риторические приемы и линии речевого поведения, соответствующие общей стратегии, называются тактиками. Со стратегией связан общий план достижения конечной цели общения, а

с тактиками цепочка конкретных ходов [Формановская 1998: 72]. Коммуникативные тактики соотносятся с отдельными коммуникативными намерениями. Для коммуникативной стратегии характерна гибкость и динамика, так как в процессе общения она зависит от меняющегося контекста и подвергается корректировке, достигаемой путем использования различных тактик. Способность эффективно участвовать в общении и выбирать для этого правильные стратегии и тактики составляет стратегическую компетенцию говорящего. Стратегическая компетенция наряду с другими (лингвистическая (языковая), прагматическая, социокультурная, речевая (социолингвистическая), предметная, дискурсивная и др.) составляет коммуникативную компетенцию индивида.

В речеповеденческих тактиках прослеживаются этнокультурные модели поведения. Речеповеденческая тактика — «это (в границах определенной речеповеденческой ситуации) однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта-1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [Верещагин, Костомаров 2005: 525]. Сверхзадачи могут быть универсальны, а речеповеденческие тактики производны от национальной культуры [Верещагин, Костомаров 2005: 628]. Стратегии нейтральны и внекультурны, неэтноспецифичны. Они определяют интенциональный аспект общения и реализуются через генеральный речевой акт. Так, побудительная стратегия получает свою реализацию через речевые акты побуждения (директивы). Речеповеденческие тактики отличаются от стратегий конвенциональностью и этноспецифичностью.

2.3.2. Проблема таксономии побудительных стратегий

Стратегии побуждения в плане их реализации совпадают с побудительными речевыми актами. При номинации этих стратегий встает проблема таксономии, подобная аналогичной проблеме классификаций иллокутивных функций высказываний или речевых актов, количество которых отличается от автора к автору.

Основоположники теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль выделяют от трёх до пяти классов модельных образований, основываясь на ядерных значениях иллокутивных предикатов [Searle, Vanderveken 1985; Остин 1986; Серль 1986]. Эти ядерные значения определяются как перформативные. Повелительное наклонение, по мнению Дж. Остина, можно перевести в эксплицитный перформатив, и в зависимости от того, как говорящий желает оформить свое волеизъявление и побудить адресата, например, закрыть дверь, ему будет соответствовать конкретный перформатив: «Закройте же!» — напоминает перформатив «Я приказываю вам закрыть» (приказ); «Закройте — я бы это сделал» — напоминает перформатив «Я советую вам закрыть» (совет) или другие [Остин 1986: 70]. Согласно классификации Серля-Вандервекена

директивы и комиссивы противопоставляются ассертивам и экспрессивам по признаку побуждения к вербальной или невербальной деятельности.

Ю. Д. Апресян, различая дескриптивные значения и смыслы перформативных предикатов, лежащих в основе грамматического значения речевого акта, и прагматические, структурные значения, заданные условиями коммуникации и полярностью ролей участников речевого акта, максимально расширяет круг значений и выделяет более развернутую номенклатуру иллокутивных актов [Апресян 1995b].

Таблица 2. Соответствие базовых таксономий у разных авторов

Дж. Остин	Дж. Серль	Ю. Д. Апресян
Экспозитивы Вердиктивы	Ассертивы	Специализированные сообщения и утверждения Согласия и возражения
Комиссивы	Комиссивы	Обещания
Экзерситивы Вердиктивы	Директивы	Просьбы Предложения и советы Предупреждения и предсказания Требования и приказы Запреты и разрешения
Вердиктивы Экзерситивы	Декларативы	Признания Одобрения и осуждения Прощения Специализированные акты отчуждения Называния и назначения
Бехабитивы	Экспрессивы	Речевые ритуалы Признания Одобрения Прощения Специализированные акты отчуждения

Генеративная лингвистика также предполагает наличие перформативных глаголов в глубинной структуре при порождении разных модально маркированных типов предложений [McCawley1968: 155]. Глубинную структуру побудительных предложений представляет базис матричного предложения (MS) (перформативный глагол и пустая позиция) и базис конститутивного предложения (CS) (объект матричного предложения тождественен субъекту конститутивного предложения): «*Я приказываю тебе + compl, ты верн_книг_*» (Svobodová 1973: 265). При переходе в поверхностную структуру глаголы MS и CS приобретают конкретную морфологическую форму: «*Верни книгу!*», «*Я приказываю тебе вернуть книгу!*», «*Я приказываю тебе, чтобы ты вернул книгу!*» Альтернативность этих высказываний касается прежде всего эксплицитности или неэксплицитности выражения перформативного глагола.

Проблема референции побудительных предложений заключается в том, что в их глубинной структуре лежит перформативный глагол, а перформативное предложение имеет нестандартное соотношение между высказыванием и действительностью — они автореферентные [Падучева 2010: 20]. «Обычно перформативное употребление допускают только такие предложения, в которых перформативный глагол стоит в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения. [...] Однако перформативный глагол может, вообще говоря, давать перформативное предложение и не будучи в первом лице, ср. *Пассажиры просят пройти на посадку в третью секцию; Пассажиры приглашаются в салон*» [Падучева 2010: 21]. Э. Бенвенист указывает на прагматическую особенность перформативных глаголов, заключающуюся в том, что в смысл этих глаголов существенным образом входит компонент «говорить», и приводит пример глагола *salutare* (*приветствовать, здороваться*), который может быть перефразирован в «*сказать Salus!*» [Бенвенист 2010: 320]. В качестве возможных перформативов признаются и другие формы: *Пассажиры просят пройти на посадку* (объявление в аэропорту), *Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны* (объявление в метро).

В приведённых примерах используются всего два перформативных глагола матричного предложения *приказывать* и *просить*, но конкретное значение перформативного глагола в глубинном показателе может быть иным и зависеть от степени императивности данного побудительного высказывания, обусловленной конкретной ситуацией. Для каузации какого-то одного действия и получения желаемого перлокутивного эффекта говорящий может прибегать к мольбе, просьбе, убеждению, совету и т. д., следовательно, в базе побудительного предложения находятся перформативные глаголы *умолять, просить, убеждать, советовать*.

Существует известная зависимость между употреблением того или иного перформативного глагола в глубинной структуре и формальной конструкцией побудительного предложения. Например:

- *приказать*: чаще всего встречается форма повелительного наклонения глагола или инфинитив — *Молчи! Молчать!*
- *советовать, рекомендовать*: форма сослагательного наклонения глагола или инфинитив с частицей *бы* — *Вы бы лечились! Вам бы лечиться!*
- *предлагать*: глагольная форма совместного действия — *Пошли! Пойдемте!*

Однако, основываясь только на глубинных перформативах, невозможно получить точную и однозначную таксономию речевых актов, поскольку в одном глаголе могут сосуществовать различные семантические доли и только некоторые из них могут подходить под выделенный нами класс. Е. В. Падучева приводит пример глагола *угрожать*, который может быть отнесён к комиссивам, так как он бывает близок по значению к глаголу *обещать*, но в то же время у него

немало общего с глаголами требования: «угрожая, человек хочет вынудить другого что-то сделать», и отмечает, что «на современном уровне развития семантики классификации играют ограниченную роль» [Падучева 2004: 356]. А. Айхенвальд в своих исследованиях директивных речевых актов, не содержащих императив, и императивов с недирективной иллокутивной силой, высказывает мысль о прагматической многогранности речевого акта⁴⁸ [Aikhenvald 2010: 257].

Если рассматривать структуру речевого акта как четырехчастную (локуция, пропозиция, иллокуция и перлокуция), то содержание иллокутивного акта может быть вербально эксплицировано, т. е. ему будет соответствовать определенный перформативный глагол (*Я прошу тебя помириться с ним*). В зависимости от лежащего в глубинной структуре перформативного глагола высказывание может быть отнесено к одному из видов речевых актов. Недостатком всех подобных классификаций является исключение из рассмотрения перлокутивного аспекта намерения говорящего, которое не относится к собственно речевым. Как не раз отмечалось критиками теории речевых актов, один из ее недостатков — изоляция от процессов реального общения и закономерностей диалогического взаимодействия. «Основной и универсальный диалогический принцип основывается на понимании того, что не существует такого речевого акта, который, взятый в отдельности, был бы коммуникативно автономным. Наименьшей автономной единицей коммуникации является последовательность действий и реакций. Ожидаемые реакции определяются начальным действием. Ожидания проистекают из его функциональной структуры. Таким образом, центральной проблемой таксономии диалогической речи является функциональное определение начального действия, основополагающим условием для которого должно быть такое понимание природы того или иного типа отдельно взятого акта, которое показало бы, что он (акт) определяется нашими когнитивными возможностями. Таким образом, в самый решающий момент связь между речевым действием и мыслительной деятельностью становится очевидной»⁴⁹ [Weigand 2010: 22].

Дж. Лич полагает, что вопрос иллокутивной силы может быть переведен в парадигму решения речевых задач в плане средств-цели. Перформативы, выделяемые в соответствии с классификацией иллокутивных функций, оказываются специализированными и атипическими, т. к. обладают специфичной иллокутивной силой и аномальной категоричностью [Leech 1983: 229-230]. Дж. Лич развивает грайсовскую модель, основанную на принципах кооперации, и с

⁴⁸ В оригинале: «Both non-imperative directives and non-directive imperatives confirm the idea of pragmatic versatility of speech act».

⁴⁹ Оригинал цитаты: «The basic universal dialogic principle thus rests on the insight that there is no individual speech act which is, taken on its own, communicatively autonomous. The smallest autonomous unit of communication is the sequence of action and reaction. The initiative action determines what reactions can be expected. These expectations result from the functional structure of the initiative action. The central problem of a dialogic speech act taxonomy is, therefore, to define the initiative acts functionally. As essential criterion for such a definition should be that we could grasp the nature of the individual action types in a way which shows that they are determined by our cognitive possibilities. Thus, at a decisive point the affinity between linguistic action and cognition would become obvious».

учетом способностей различных видов речевых актов поддерживать социальную гармонию в intersubъективном общении предлагает собственную классификацию, выделяя конфликтивы, конвивиалы, компететивы и коллаборативы. Первые противопоставляются вторым и третьим, а четвертые остаются нейтральными. В качестве средств достижения социальной гармонии рассматриваются прагматическая категория вежливости и ирония.

В основе классификации У. Стайлза лежит зависимость различных видов речевых актов от предыдущего жизненного опыта и структуры референции говорящего и адресата [Stiles 1981]. В процессе общения коммуникантам приходится оценивать и учитывать три критерия: 1) степень отражения их жизненного опыта в содержании высказываний; 2) выражение опыта с собственной точки зрения или с точки зрения, разделяемой с адресатом; 3) фокус на говорящем или адресате в зависимости от степени уверенности говорящего в том, насколько ему известны опыт и структура референции адресата.

Рассмотренные выше классификации подчеркивают наиболее важные факторы, которые должен учитывать говорящий при выборе иллокутивной функции и, как следствие, той или иной стратегии:

- ради чего инициируется речевое взаимодействие (классификация Серля-Вандервекена);
- как в общении достигается гармония (классификация Лича);
- как учитываются сферы говорящего и адресата (классификация Стайлза).

Исходя из вышесказанного во введении и во второй главе, под побудительными стратегиями мы понимаем комплекс запланированных речевых действий, раскрывающий, с одной стороны, волеизъявление говорящего и выражающий, с другой стороны, побуждение к действию адресата. В «зонтичное» понятие побудительной стратегии входят отдельные стратегии, соотносимые с речевыми актами с конкретной иллокутивной функцией, чья номинация может основываться на той или иной классификации речевых актов, например: стратегия просьбы, стратегия совета, стратегия требования, стратегия приказа и т. д. Однако, нам не представляется необходимым и чрезвычайно важным предложить здесь какую-либо однозначную классификацию побудительных стратегий, поскольку проблема множественности побудительных интенций неоднократно ставилась в лингвистической литературе [Searle 1979; Butler 1988; Leech 1983; Храковский, Володин 2002; Храковский и др. 1988; Богданов 1990; Формановская 1998] и остается нерешенной до настоящего времени. Некоторые исследователи отмечают практическую невозможность выделения формального языкового критерия, на основании которого можно было бы отличить, например, приказ от просьбы [Leech, Thomas 1990: 196]. Высказывалось мнение, что для разделения побудительных речевых актов на подклассы необходимо знать контекст ситуации [Ступин, Игнатъев 1980: 94]. При кросс-лингвистическом

исследовании такое разделение представляется еще более затруднительным [Markkanen 1985: 23].

2.3.3. Тактики побудительных стратегий как отражение установок (диспозиций) личности в речевой деятельности

Как уже отмечалось выше, стратегия представляет собой наиболее общий план достижения конечной цели общения, а тактики — цепочку конкретных ходов, ведущих к исполнению этого плана в реальной коммуникации. Именно тактики являются теми элементами стратегического планирования, в которых отражается индивидуальность говорящего, основанная на целом наборе признаков, отличающих людей друг от друга и влияющих в конечном счете на характер вербальной коммуникации. В. В. Богданов [Богданов 2007: 205] выделяет девять таких признаков:

- 1) языковая компетенция;
- 2) национальная принадлежность;
- 3) социально-культурный статус;
- 4) биологические данные (пол, возраст, состояние здоровья и т.п.);
- 5) психологический тип (темперамент, элементы патологии);
- 6) текущее психологическое состояние;
- 7) степень знакомства коммуникантов;
- 8) устойчивые вкусы, пристрастия и привычки;
- 9) внешний вид (одежда, манеры).

Названные признаки неравнозначимы в различных социумах и проявляются в речевом взаимодействии в разной степени.

В коммуникативной иерархии, которая отличается от социальной, В. В. Богданов различает четыре коммуникативных статуса, в число которых входят говорящий, адресат, слушающий и третьи лица, не участвующие в коммуникации, но упоминаемые в ней [Богданов 2007: 206]. Говорящий — это точка отсчета в вербальной коммуникации. Независимо от того, как определяется его социальный статус (проситель или начальник) в процессе коммуникации, говорящий находится в более выигрышном положении в коммуникативном плане и обладает коммуникативным приоритетом, поскольку именно он задаёт стратегию в общении, в рамках которой система его собственных установок определяет набор отдельных тактик. Говорящий знает, что он хочет сказать, а в случае побудительного высказывания, что именно он хочет каузировать. Для обеспечения успешности ему необходимо подобрать наиболее соответствующие стратегии и тактики. Адресат или адресаты имеют возможность проникнуть в

замысел воспринимаемого высказывания, основываясь на стратегиях интерпретации, принятых в том или ином социуме. Часто интерпретация высказывания носит творческий характер.

Коммуникативные установки представляют собой когнитивный конструкт, отражающий ориентацию говорящего в коммуникативном процессе: что для него является наиболее важным в конкретном ситуативном контексте и какие экстралингвистические факторы принимать во внимание. Установки являются результатом анализа контекста коммуникативной ситуации, сопоставления ее с собственными интенциями, которым соответствуют конкретные стратегии, и принятыми в данном социуме конвенциями и правилами (не)речевого поведения. Таким образом, коммуникативные тактики определяются системой установок, которые зависят от объективных и субъективных факторов и подразделяются на межличностные и внеличностные (см. [Богданов 2007: 205-208]).

К межличностным относятся установка на самого себя (самоинтерпретация); установка на адресата, самая важная в коммуникативном плане, потому что обеспечивает информационный обмен и определяет весь спектр иллокутивных функций и иных модальных значений; установка на слушающего, присутствующего при общении и влияющего на выбор коммуникативных стратегий и тактик говорящего, например, присутствие женщин или детей в отдельных культурах накладывает ограничение на употребление некоторых форм выражений или некоторой информации; установка на третьи лица, не являющиеся ни адресатом, ни слушающим, но входящие в сферу интересов говорящего или адресата (см. также модель коммуникации Лассуэлла [Lasswell 1948]).

К внеличностным установкам относятся установки на действительность, на пропозициональное содержание высказывания и на языковые средства. Установка на действительность выражается в референции, т. е. в соотнесении языковых выражений и их компонентов с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире [Падучева 2010: 7]. Установка на пропозициональное содержание является сферой действий иллокутивных и модальных операторов, так как пропозиция всегда существует в том или ином модусе, задающем отношения между миром и содержанием наших мыслей (см. также [Searle, Vanderveken 1985: 53]). Установка на языковые средства определяет языковой инвентарь, используемый говорящим для воплощения замысла и выражения пропозиционального содержания. Эти установки влияют на выбор функционального стиля, использование литературных или диалектных форм языка, возможность употребления устаревших выражений, выбор конкретных синтаксических конструкций и конкретной лексики.

Описанные коммуникативные установки действительны и являются рабочими для любых стратегий, но, следуя нашим целям и задачам, мы соотнесем их с побудительными стратегиями и тактиками в четвертой главе.

2.4. Выводы по второй главе

Итак, в силу «диалогичности» человеческой коммуникации, выражающейся как в продуцировании, так и в интерпретации высказываний, каждый конкретный коммуникативный шаг должен рассматриваться не только как кодирование информации и интенций, но и их декодирование. Холистический подход в исследовании коммуникации делает необходимым различение импликатур говорящего и инференций слушателя, которые могут не совпадать между собой. Импликатура говорящего определяется его коммуникативной интенцией, но инференция зависит от контекста, частью которого является взаимно отмеченная для говорящего и для слушающего информация. Фундаментальной чертой контекста является его способность устанавливать смысл и/или значение результата человеческой деятельности, в том числе и речевой.

Любой язык содержит в своей структуре элементы, связующие содержание высказывания, с контекстом. Кроме дейктических элементов это синтаксические конструкции, лексические единицы и просодические элементы. Грамматическая структура высказывания, в частности, деление на тему и рему, отражающая точку зрения говорящего, имеет когнитивное значение и для реципиента, который воспринимает картину мира говорящего и осознает свое место в этой картине, совпадающее или несовпадающее с его самоидентификацией. Последнее может определять степень успешности коммуникации. Просодические явления, лексический и синтаксический выбор, языковые клише, речевые стратегии и тактики составляют намеки контекстуализации, участвующие в создании коммуникативных импликатур говорящего.

При порождении директивных высказываний контекст должен обеспечивать ситуативную обусловленность побудительной интенции: почему и с какой целью произносится данное высказывание, насколько оно уместно в этой ситуации. Поэтому в коммуникативной лингвистике функционирование языковых единиц рассматривается в рамках речевых отрезков, достаточных для однозначной интерпретации конкретных языковых единиц.

Носителю любого естественного языка присущ определенный стиль коммуникативного поведения, который охватывает не только языковую норму, но и реальный узус языка. Анализ социально и коммуникативно значимого варьирования речевого поведения в его кросс-культурном аспекте позволяет выделить национальный стиль коммуникативного поведения. Это становится возможным благодаря выделению отдельных стилеобразующих черт коммуникации, среди которых отметим способы выражения коммуникативных интенций (прямой или косвенный), степень официальности в общении, регулярное использование определенных коммуникативных стратегий и тактик и свойственных им языковых и неязыковых средств. Описание набора речевых средств, стереотипно используемых носителем языка в той или иной

ситуации, и коммуникативных сценариев позволяет понять лексико-семантические, грамматические и прагматические законы конкретной лингвокультуры. Однако, здесь необходимо отметить, что всякое эмпирическое описание, имеющее своим объектом совокупность таких динамичных образований как язык и культура, не может претендовать на законченность и фундаментальность.

Предпринятые попытки исследования национального коммуникативного поведения двух рассматриваемых нами лингвокультур показали, что для коммуникативного поведения итальянцев характерна повышенная кинесика, высокая эмоциональность, гибкость и свобода мышления, рассматриваемые ими самими как способность легко перестраиваться и менять стратегию для достижения конечной цели. В русском коммуникативном поведении особую значимость имеет фатическая составляющая. Между поведенческими моделями в крупных городах и в провинции обнаруживаются определенные различия: в Москве и Санкт-Петербурге наблюдается заимствование западноевропейских и североамериканских поведенческих схем, в то время как в провинции сохраняются традиционные модели поведения, в том числе и речевого. Первым и наиболее очевидным отличием итальянского и русского речевого поведения, фиксируемым исследователями, является система аллокутивов: меньшая по сравнению с итальянцами готовность русских к переходу с этикетного «Вы» на «ты». Оказался любопытным вывод исследовательницы русского и итальянского коммуникативного поведения К. Далла Либера в отношении восприятия носителями русского языка директивов. Степень импозитивности директивов находится в прямой зависимости от позиции человека, от которого исходит побуждение, в социальной иерархии: чем выше стоит человек на служебной или социальной лестнице, тем более импозитивное побуждение ожидается от него.

Любое коммуникативное действие нуждается в планировании, которое заключается в выборе стратегии и тактик. Последние, в свою очередь, базируются на подборе оптимальных языковых средств. Под стратегиями понимаются наиболее общие процессы планирования, они относятся к глобальному уровню осознания коммуникации. Идиоэтнические стратегии порождения и интерпретации речи являются частью национальной традиции. Со стратегиями связан общий план достижения конечной цели общения, в то время как с тактиками — конкретные ходы. Речеповеденческие тактики в большей степени определяются национальной культурой, чем стратегии, и отличаются большей конвенциональностью и этноспецифичностью.

Номинация побудительных стратегий затрудняется общими проблемами таксономии иллокутивных функций речевых актов, которые подобно стратегиям определяются на основе коммуникативной интенции. Поскольку под побудительными стратегиями понимается комплекс запланированных речевых действий, раскрывающий, с одной стороны, волеизъявление говорящего и выражающий, с другой стороны, побуждение к действию адресата, то различные

побудительные стратегии могут заимствовать свои названия у речевых актов соответствующей иллокутивной силы — стратегия просьбы, стратегия совета, стратегия приказа и т. д. Подчеркивая более глобальный характер понятия стратегии, мы полагаем своей задачей описание отдельных коммуникативных ходов (тактик), задействованных в реализации побудительных стратегий в общем, тем более, что именно в тактиках проявляется индивидуальность говорящего, в том числе и этнокультурная.

Коммуникативные тактики определяются системой установок, которые зависят от объективных и субъективных факторов, и подразделяются на межличностные и внеличностные.

Глава третья. Императивы и директивы как основные способы реализации побудительных стратегий⁵⁰

3.1. Языковые средства побудительных стратегий и тактик в типологическом плане

В научной литературе под побуждением понимается выражение волеизъявления говорящего, имеющего целью осуществление желаемого действия адресатом. Прагматическое значение *Я хочу, чтобы ты сделал это* реализуется в речевых актах различных иллокутивных функций: это может быть приказ, указание, просьба, приглашение, требование и т. д. Проблема множественности побудительных интенций неоднократно ставилась в лингвистической литературе [Searle 1979; Butler 1988; Leech 1983; Храковский, Володин 2002; Храковский и др. 1988; Богданов 1990; Формановская 1998]. Некоторые исследователи отмечают практическую невозможность выделения формального языкового критерия, на основании которого можно было бы отличить, например, приказ от просьбы [Leech, Thomas 1990: 196]. Высказывалось мнение, что для разделения побудительных речевых актов на подклассы необходимо знать контекст ситуации [Ступин, Игнатьев 1980: 94]. При кросс-лингвистическом исследовании такое разделение оказывается еще более затруднительным [Markkanen 1985: 23]. В современных прагматических кросс-культурных исследованиях принято разделение на основе формальных признаков выражения побуждения: это императивы (*imperatives*), т. е. глагольные формы императивной парадигмы, и директивы (*directive strategies* [Van Olmen, Heinold 2017] и *command strategies* [Aikhenvald, Dixon 2017]), выражаемые иными морфосинтаксическими способами. В кросс-культурных исследованиях в рамках интеракциональной лингвистики, рассматривающих речевые акты в более широком контексте диалогического взаимодействия, для обозначений стратегий побуждения, реализуемых средствами императивной парадигмы, употребляется термин «императивные ходы» (*imperative turns*) [Sorjonen et al. 2107]. По аналогии с этим, в нашем исследовании побудительные высказывания, формируемые средствами ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, долженствовательного) и средствами реального (изъявительного) наклонения, характеризуемого временной определённой, будут называться «директивные ходы» (*directive turns*).

⁵⁰ В этой главе и далее, где не указано отдельно, используются примеры из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>) для русского языка и из корпуса итальянского языка PAISA' (<https://www.corpusitaliano.it>) для итальянского языка.

3.1.1. Канонический императив

В последние два десятилетия было опубликовано несколько монографий об императивах в типологическом [Aikhenvald 2010; Takahashi 2012; Гусев 2013; Jary, Kissine 2014] и в формальном аспектах [Kaufmann 2012; Alcàzar, Saltarelli 2014], в том числе и в рамках генеративной лингвистики [van der Wurff 2007]. Исследовались также отношения императива с такими грамматическими категориями, как время [Mastop 2011; Schwager 2011], порядок слов в императивных конструкциях [Potsdam 2007; Fortuin 2010; Rupp 2003], природа императивного субъекта [Zanuttini 2008; Zanuttini et al. 2012], императив в подчинении (в косвенной речи) [Kaufmann, Poschmann 2013; Medeiros 2015]. Типологические исследования императива в естественных языках [van der Auwera et al. 2005; van der Auwera, Lejeune 2005a, 2005b; Aikhenvald 2010; Гусев 2013] показали, что императив является широко распространенным кросс-лингвистическим явлением (ср. утверждение об универсальности императива в [Sadock, Zwicky 1985]), хотя встречаются языки, в которых отсутствуют специализированные глагольные формы для выражения волеизъявления [König, Siemund 2007].

Для императивов в типологическом плане характерны следующие формальные признаки:

- 1) с точки зрения морфологии это чаще всего самые простые и однозначные языковые формы⁵¹ [Aikhenvald 2010: 89];
- 2) во многих языках наблюдается эллипсис грамматического субъекта императивной конструкции⁵² [Aikhenvald 2010: 92];
- 3) императивные парадигмы часто включают формы, отличающиеся от канонических (2Sg, 2Pl), хотя полная императивная парадигма не очень частое явление, и во многих языках для тех позиций в парадигме, где нет специализированной формы, используются супплетивные конструкции [van der Auwera et al. 2005];
- 4) прохибитив (отрицательный императив) во многих языках образуется с помощью маркеров, отличных от «стандартного отрицания» [Miestamo 2005; Van Olmen 2010: 500-501], отметим, однако, что в итальянском используется маркер стандартного отрицания *non*, но глагольная форма императивной парадигмы меняется на инфинитив;
- 5) в синтаксически сложных предложениях императивные конструкции занимают позицию главного предложения и только в редких случаях могут находиться в подчинении, чаще всего это «подчинение» оказывается кажущимся [Aikhenvald 2010: 109-110].

⁵¹ В оригинале: “Morphologically speaking, imperatives are often the simplest and the most straightforward forms in a language”

⁵² В оригинале: “In the vast majority of the world’s languages, the subject of canonical imperatives — especially ones with a singular addressee — does not have to be overtly expressed”

Несмотря на достаточно широкий интерес исследователей к данному вопросу и их большую продуктивность, продолжаются дискуссии о самом предмете этих исследований: что, собственно, считать императивом. М. Джери и М. Киссин, представляя императив как кросс-культурное понятие (*comparative concept*), предлагают относить к нему конструкции, морфологически и синтаксически выражаемые формами второго лица, прототипической функцией которых является мотивация адресата к действию [Jary, Kissine 2016: 132]. В этой перспективе императив соответствует всем типам директивных речевых актов и предстает многофункциональным кросс-лингвистическим фактом. Императивные глагольные формы используются не только для приказов, но также и для советов, разрешений и предостережений, хотя во многих языках такие речевые акты, как разрешения, приглашения, предостережения и предложения имеют специальные маркеры [Aikhenvald 2010: 223-228]. Что касается императивных форм, отличных от 2Sg и 2Pl, то в научной литературе их именуют гортативом и пермиссивом (см., например [Подлеская 2003; Jary, Kissine 2016: 144]).

Достаточно широкий обзор взаимодействия императива с другими грамматическими категориями (лицо, число, глагольный вид и аргумент) дается у А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2010: 119-164]. Кросс-культурные исследования по прагматике выявили зависимость между определенными речевыми актами и реализацией вежливости [Ogiermann 2009; Van Olmen, Heinold 2017: 18]. В отличие от типологических исследований по грамматике императива, кросс-культурное изучение прагматики императива имеет своей отправной точкой различные средства реализации конкретных речевых актов (в нашем случае — стратегий), набор которых зависит от культурных конвенций и ограничений [Sorjonen et al. 2017: 2].

В последнее десятилетие получил развитие конверсационно-аналитический подход в изучении императивных ходов в естественном диалоге. Наблюдения, сделанные в рамках этого подхода, позволили сделать некоторые выводы о факторах, влияющих на выбор той или иной тактики побуждения и специфического употребления императивных форм [Craven, Potter 2010; Rossi 2012; Zinken, Ogiermann 2013].

3.1.2. Неимперативные директивы

В современной лингвистике неимперативные директивы исследовались по большей части с функциональной точки зрения, в рамках теорий речевых актов и вежливости [Blum-Kulka 1987; Brown, Levinson 1987], конверсационного анализа и когнитивной лингвистики [Pérez Hernández, Ruiz de Mendoza 2002; Heinemann 2006; Curl, Drew 2008; Takahashi 2014, 2015]. Они демонстрируют большое морфосинтаксическое разнообразие в естественных языках: директив может быть выражен глагольными и именными формами, финитными и нефинитными глаголами,

придаточными и главными предложениями, а также простыми восклицаниями и жестами. Вопросительные предложения считаются наиболее распространенным субститутом императивного, и их часто классифицируют как наиболее вежливый способ мотивировать слушателя на исполнения действия [Searle 1969; Brown, Levinson 1987]. Также повествовательные предложения с успехом заменяют императивное выражение побуждения. Л. А. Бирюлин и В. Храковский отмечают эту способность, в частности, для германских, романских, славянских и тюркских языков [Birjulin, Храkovskij 2001]. Директивы и будущее время глагола имеют одну общую характеристику в том плане, что и в том, и в другом случае речь идет о ситуации, еще не реализованной в момент речи: некоторые императивные формы происходят от исторических форм настоящего или будущего времени или совпадают с ними, а в некоторых языках индикатив настоящего и будущего времени часто являются равноправными синонимами специализированных императивов [Birjulin, Храkovskij 2001: 28]. Будущее время в функции побуждения позволяет избежать излишней импозитивности, часто присущей императивной форме [Aikhenvald 2014: 212]. Кроме вопросительных и повествовательных предложений, которые синтаксически являются главными предложениями, директивную функцию могут выполнять некоторые придаточные с опущенной главной частью предложения (*free-standing dependent clauses*), как, например, условное придаточное в современном итальянском, употребляемое в качестве просьбы: *Se mi dice la pagina...* (*Если ты мне скажешь страницу...*) [Vallauri 2004: 196]. Достаточно часто побудительную семантику имеют предложения с маркерами долженствования, возможности или желательности [Van Olmen, Heinold 2017: 29]. Потенциальная свобода интерпретации высказываний самой разнообразной семантики как побудительных делает число возможных побудительных языковых тактик почти неограниченным (например: *в комнате очень холодно = закрой окно*). Однако, следует отметить, что в некоторых высказываниях побудительная семантика «считывается» гораздо легче, чем в других. То, как адресат истолкует высказывание, во многом зависит от речевых привычек, конвенций и этнографии коммуникации в языковом сообществе⁵³ [Aikhenvald 2010: 289].

К прототипическим иллокутивным значениям неимперативных директивов относятся приказ (*order*), требование (*demand*), просьба (*request*) и мольба (*plea*) [Searle 1976: 11; De Rycker 1990: 218]. По своим характеристикам советы, предупреждения, предложения, угрозы, приглашения, разрешения и др. могут относиться не только к директивам, но и другим иллокутивным актам. Например, разрешение может входить как в класс директивов, так и в класс

⁵³ В оригинале: «Some expressions lend themselves more readily to a directive reading than others. And whether or not the addressee will interpret a statement as a directive depends on speech habits, conventions and the ethnography of communication in a language community».

комиссивов: оно может побуждать адресата произвести действие или позволяет говорящему допустить его исполнение [Van Olmen, Heinold 2017: 33].

Отношения между императивом и неимперативным директивом очень часто объясняется в терминах уровня импозитивности, свойственной им. Так, в классическом примере *Передай мне соль vs Не мог бы ты передать мне соль?* вопросительная форма просьбы содержит меньшую угрозу негативному лицу адресата [Brown, Levinson 1987], предоставляя тому большую свободу в отношении исполнения называемого действия. По мнению Дж. Серля и Д. Вандервекена, причина, по которой интеррогатив с семантикой вопроса о способности адресата выполнить просимое действие имеет ярко выраженный эффект вежливости, заключается в том, что адресат имеет возможность понять вопрос буквально, ответить отрицательно и не передавать соль, нарушая таким образом одно из подготовительных условий речевого акта просьбы [Searle, Vanderveken 1985: 18]. В некоторых языках в ситуациях, для которых характерна социальная дистанция или неравенство ролевых статусов между коммуникантами, чем выше риск ликоугрожающего акта и чем ниже импозитивность, тем длиннее и/или неопределеннее становится директивная конструкция⁵⁴ (в отношении английского языка см. [Takahashi 2012: 110]).

Некоторые исследования в рамках корпусного подхода показывают, что в плане частотности инфинитив по сравнению с императивом оказывается более употребляемой формой повеления в негативном контексте, нежели в позитивном, то есть почти половина негативных директивов выражаются в форме инфинитива [Van Olmen, Heinold 2017: 38]. Это наводит на мысль, что выбор в пользу определенной стратегии обусловлен как функциональной направленностью высказывания, так и синтаксисом конкретного языка.

3.2. Грамматика и семантика императива в русском и итальянском языках

3.2.1. Императивная парадигма

Частная императивная парадигма (ИП) — это совокупность системно организованных словоформ одного глагола, регулярно выражающих грамматическое значение, определяемое как волеизъявление говорящего относительно выполнения называемого действия. Помимо волеизъявления императивная форма передает информацию об исполнителе каузируемого действия. В структуру плана содержания императивных форм входят постоянные и переменные компоненты. К постоянным относятся грамматическое императивное значение волеизъявления и указание на исполнителя, номинативное значение действия, т. е. название действия, которое

⁵⁴ В оригинале: «the higher the degree of COST and the lower the degree of OBLIGATION to comply, the longer and/or more tentative a directive construction becomes».

должно быть выполнено, и информация о говорящем, т. е. о лице, от которого исходит побуждение. К переменным компонентам относятся грамматическое значение лица и числа исполнителя, которое меняется в зависимости от ситуации, и грамматическое значение числа слушающего [Храковский, Володин 2002: 17-18].

Формальными требованиями к словоформам, включаемым в ИП, являются следующие: регулярное образование от всех лексем, по своей семантике допускающих императивное значение, и их узнавание в контексте в качестве форм с императивным значением.

При определении количества лично-числовых форм императива исследователи расходятся во мнениях. Причиной этих расхождений является вопрос об ограничении на то, кто может являться исполнителем каузируемого действия. По мнению одних, императивом может считаться только та словоформа, которая требует действия непосредственно от слушающего, т.е. это могут быть только формы 2Sg, 2Pl и 1Pl (императив совместного действия) [Апресян 1995а: 2 сн.9; Мельчук 1998: 155; Wierzbicka 1999а: 29]. Другие распространяют термин «императив» на все возможные комбинации лица и числа [Храковский, Володин 2002: 16; Бирюлин, Храковский 1992: 7-9]. А. Айхенвальд делит все императивы на канонические (2Sg, 2Pl) и неканонические (все остальные) [Aikhenvald 2010: 17]. М. Джери и М. Киссин полагают, что в кросс-лингвистической перспективе императивные парадигмы не однородны: в одних языках существуют императивные формы всех лично-числовых комбинаций, в других — неполная парадигма дополняется иными способами выражения императивности [Jary, Kissine 2014: 40].

На основании прототипичности, частотности разных форм императивной парадигмы и соотношения прямой и опосредованной каузации В. Ю. Гусев выделяет иерархию лично-числовых форм императива [Гусев 2013: 54-55]:

2Sg — прямая каузация (более простое значение в отличие от опосредованной каузации);

2Pl — сочетание прямой каузации слушающего с опосредованной каузацией третьих лиц либо (более редкий случай) прямая каузация нескольких слушающих;

1Pl.Incl — обязательное сочетание прямой каузации слушающего/слушающих с опосредованной каузацией самого себя;

3Sg, 3Pl — опосредованная каузация третьих лиц;

1Sg/1Pl.Excl — опосредованная каузация самого себя (более редкая, чем каузация третьих лиц) / самого себя и других лиц, но не адресата.

3.2.2. Морфологическая и синтаксическая маркировка императива

В русском языке императивные формы могут быть легко идентифицированы морфологически, хотя правила их образования достаточно разнообразны и сложны: их

морфология зависит от различных характеристик глагола, окончания глагольной основы и ударности/безударности флексии. В итальянском языке формы императивной парадигмы идентифицируются с помощью как морфологических, так и синтаксических средств. К последним относится, например, позиция клитических местоимений: при императиве они занимают энклитическую позицию, и в индикативе — проклитическую.

Лингвисты сходятся во мнении, что центральной в ИП является форма 2-го лица ед. числа, встречающаяся в императивных парадигмах большинства естественных языков. Она наиболее чётко выражает значение волеизъявления и является самой частотной [Храковский, Володин 2002: 73; Гусев 2013: 45]. В русскую императивную парадигму русистами бесспорно включаются формы 2Sg и 2Pl. Различают несколько способов образования императивных словоформ 2Sg, которые зависят от принадлежности глагола к тому или иному словоизменительному классу. Императивная форма образуется от основы настоящего времени у глаголов НСВ и будущего времени у глаголов СВ. Форма 2Sg может иметь три окончания: *-й*, *-и* или *-ь* (*делай*, *пиши*, *сядь*). Форма 2Pl образуется путем присоединения к форме ед. ч. показателя *-те* (*делайте*, *пишите*, *сядьте*). Глаголы, оканчивающиеся на *-ся* сохраняют частицу в формах повелительного наклонения: *-ся* после согласной и *-сь* после гласной (*улыбайся*, *садись*). Итальянские лингвисты единодушно относят к императивной парадигме формы 2Sg и 2Pl с той оговоркой, что только форма 2Sg глаголов I спряжения является собственно императивной формой, отличной от других глагольных форм (индикатива, конъюнктива и кондиционала) того же лица, тогда как остальные императивные формы омонимичны иным неимперативным глагольным словоформам того же лица. М. Дардано и П. Трифоне считают, что итальянский императив имеет 2 времени: настоящее и будущее [Dardano, Trifone 1997: 324], относя к ИП формы *farai* (*сделаешь*), *dirai* (*скажешь*), *andrai* (*пойдёшь*) и т.п. в высказываниях типа *farai quello che ti dico io!* (*будешь делать/сделаешь то, что я тебе говорю!*). Л. Серианни [Serianni 1989] и Р. Чималья [Cimaglia 2010] придерживаются мнения, что при употреблении будущего времени речь идёт не об императиве будущего времени, а о транспозиции форм индикатива будущего времени, что наблюдается также и в формах индикатива настоящего времени, например: буд. вр. *domani ti presenterai all'appuntamento* (*завтра ты придёшь на встречу*) и наст. вр. *ora ti siedi e mi racconti tutto* (*сейчас ты сядешь и всё расскажешь* (ср. *ты сейчас сядишься и всё рассказываешь*)). Формы 2Sg являются специализированными только у глаголов I спряжения, оканчивающихся на *-are*, и у некоторых неправильных глаголов: *canta!* (*пой!*) (Ind *canti* (*поёшь*)), *ama!* (*люби!*) (Ind *ami* (*любишь*)), *va'va* (*иди*) (Ind *vai* (*идёшь*)), *abbi* (*имей*) (Ind *hai* (*имеешь*)), *da'dà* (*дай*) (Ind *dai* (*даёшь*)), *fa'fa* (*делай*) (Ind *fai* (*делаешь*)) и др. У всех остальных глаголов форма 2Sg идентична форме 2Sg индикатива настоящего времени: *temi!* (*бойся!*) (Ind *temi* (*боишься*)), *dormi!* (*спи!*) (Ind *dormi* (*спишь*)). В качестве императивных форм употребляются также формы индикатива

следующих глаголов: *vai* (идёшь), *dai* (даёшь), *fai* (делаешь), *stai* (стоишь/находишься), но исключительно в отсутствии клитического местоимения. При его использовании допускается только специализированная глагольная форма императива: *dammi!* (дай мне!) *fallo!* (сделай это!) *stammi!* (досл. – будь мне!). Формы 2P1 совпадают с формами 2P1 индикатива настоящего времени: *cantate!* (пойте!/поёте) *temete!* (бойтесь!/боитесь) *scrivete!* (пишите!/пишете), за исключением нескольких неправильных глаголов, императивные формы 2P1 которых совпадают с соответствующим лицом конъюнктива настоящего времени: *abbiate!* (имейте!) *siate!* (будьте!) *sappiate!* (знайте!) *vogliate!* (досл. – желайте!). Омонимия снимается позицией клитики, если она имеется (см. также [Maiden, Robustelli 2007: 247-248; Aikhenvald 2017: 9]).

Формы 1P1.Incl в русском языке омонимичны (без суффикса *-me*) формам индикатива 1P1.Fut как для глаголов СВ, так и для глаголов НСВ формам, а также 1P1.Praes только для глаголов НСВ: *напишем(me)!* (СВ), *будем(me) писать!* (НСВ), *идем! едем! бежим!* (НСВ). Еще один возможный вариант образования формы 1P1.Incl в русском языке — каузативные конструкции типа *давай(me) напишем(me)* (СВ) и *давай(me) писать* (НСВ). Формы совместного действия означают, что исполнителем является слушающий/слушающие совместно с говорящим. Наличие двух вариантов форм совместного действия в русском языке может объясняться тем, что формы с частицей *давай(me)* исторически вторичны и используются для снятия омонимичности императива и индикатива [Храковский, Володин 2002: 122]. Формы совместного действия 1P1.Incl в итальянском языке полностью совпадают с формой соответствующего лица в индикативе и конъюнктиве настоящего времени: *cantiamo!* (поём!) *scriviamo!* (пишем!) *facciamo!* (делаем!). Как в русском, так и в итальянском языке императив не имеет семантики и формальных показателей 1P1.Excl.

Формы 3Sg и 3P1 в русском языке образуются с помощью каузативного показателя пермиссивной (не фактитивной) семантики [Гусев 2013: 211]: *пусть/пускай он(а) напишет;* *пусть/пускай они напишут* (СВ); *пусть/пускай он(а) пишет,* *пусть/пускай они пишут* (НСВ). Частицы *пусть/пускай* являются равноправными и могут свободно заменять друг друга [Храковский, Володин 2002: 122]. В отношении итальянского языка Л. Серианни говорит об императивных формах 3Sg и 3P1 как о формах, заимствованных из конъюнктива настоящего времени, но с особым побудительным значением, называя его побудительный конъюнктив (*congiuntivo esortativo*): *dia/diano qualcosa ai poveri* (пусть даст/дадут чего-нибудь нищим) [Serianni 1989: 477].

В русском языке выделяются следующие формы 1Sg: *напишу(-ка), дай(me)(-ка) напишу,* *давай(me)(-ка) напишу,* *дай(me)(-ка) написать* (СВ); *буду(-ка) писать,* *дай(me)(-ка) буду писать,* *давай(me)(-ка) буду писать* (НСВ). Эти формы означают, что исполнителем действия является сам говорящий. Отметим, что формы типа *буду писать,* *напишу* омонимичны индикативным

формам будущего времени и близки с ними по значению, поскольку, как и будущее время индикатива, императив выражает действие, которое ещё не осуществлено. Семантическая особенность всех форм 1Sg «состоит в том, что стимулом для их употребления является наблюдаемая говорящим ситуация» [Храковский, Володин 2002: 123]. В отличие от аналитических форм с частицей *дай(me)/давай(me)* формы, омонимичные формы типа *буду писать/напишу* выражают волеизъявление по отношению к говорящему, не нуждающееся в реакции слушающего и, следовательно, используются и в монологическом высказывании, обращённом к самому себе. Частица *дай(me)* включает в себе значение испрашивания санкции со стороны слушающего на планируемое действие. Употребление частицы *давай(me)* приближает высказывание к предложению со стороны говорящего исполнить какое-либо действие, с которым слушающий или слушающие приглашены согласиться. Что касается императивной парадигмы итальянского языка, Р. Чималья включает в число форм с императивным значением форму 1Sg, заимствованную, как и предыдущие две, из конъюнктива: *che io la veda!* (*да увижу я её!*) [Cimaglia 2010]. У других авторов мы не находим упоминания 1Sg в качестве словоформы с императивным значением. Напротив, Л. Серианни пишет об отсутствии императивной формы 1Sg в итальянском языке, подчёркивая, что подобная лакуна в ИП встречается не только в итальянском, но и в других языках [Serianni 1989: 477; ср. Гусев 2013: 174].

При омонимичных формах индикатива/конъюнктива и императива в итальянском языке индикатором императивной формы выступают местоимения-энклитики [Fava 2001: 24]. При глаголах в индикативе местоимение стоит в препозиции (проклитика): *lui lo guarda* (*он его открывает*), *lui li apre* (*он их открывает*), *glielo diciamo* (*мы ему об этом говорим*). В императивных формах местоимение перемещается на энклитическую позицию: *Guardalo!* (*Посмотри на него!*) *Aprili!* (*Открой их!*) *Guardiamolo!* (*Посмотрим на него!*) *Apriamoli!* (*Откроем их!*) *Guardatelo!* (*Посмотрите на него!*) *Apriteli!* (*Откройте их!*) *Diciamoglielo* (*Скажем ему об этом!*). В императивных формах, совпадающих с конъюнктивом, клитическое местоимение сохраняет свою препозицию: *Lo guardi!* (*На него посмотрите!* (при обращении на «Вы»)); *Li apra!* (*Их откройте!* (при обращении на «Вы»)); *Che lo guardi!* (*Пусть на него смотрит!*); *Che li apra!* (*Пусть их откроет!*). Обращаясь к русскому языку, отметим, что позиция местоимения по отношению к глагольной словоформе не является категориальной, но выполняет стилистическую функцию. Сравним: *(По)смотри на него!* *На него (по)смотри!* – в этих двух примерах позиция местоимения меняет эмоционально-экспрессивную окраску побудительного высказывания. В первом случае наблюдается прямой порядок слов, фразовое ударение падает на глагол в императивной форме, которая в силу своей фатической функции концентрирует внимание на собеседнике, к которому обращено высказывание. Во втором случае

наблюдается инверсия, которая позволяет сконцентрировать внимание говорящего и слушающего на третьем лице, объекте каузируемого действия.

Императивные предложения могут отличаться от вопросительных и утвердительных редуцией грамматического субъекта. В императивных высказываниях употребление подлежащего становится избыточным. Это явление объясняется тем, что императив подобно вокативу в сфере имени, не относится к самому сообщаемому факту, как это происходит в других наклонениях, то есть не описывает его, а относится к речевой ситуации и к его участникам (я «говорящий» — ты «слушающий» или вы «слушающие»). Лично-числовые показатели в императиве становятся не согласовательной, а содержательной категорией, которая позволяет слушающему распознать роли участников речевой ситуации и определяет перлокутивный эффект высказывания. Подлежащее при императиве в естественных языках опускается очень часто или почти всегда, хотя во многих языках допускается употребление именной субъектной группы в различных целях: при необходимости эксплицитного противопоставления слушающих или указания, кто именно из них предполагается исполнителем действия, или для модификации иллокутивной силы (усиление или смягчение категоричности) [König, Siemund 2007: 297]. А. Ю. Айхенвальд придерживается мнения, что редуция подлежащего при императиве не является языковой универсалией [Aikhenvald 2017: 13]. В русском языке подлежащее при императиве возможно. Оно отличается от обращения, выражаемого интонационно и на письме [Гусев 2013: 166]: ср. *Ты, возьми чемодан!* и *Ты возьми чемодан, а он пусть возьмет корзину*. Е. А. Земская отмечает, что в русской разговорной речи употребление императива с субъектными местоимениями очень частотно [Земская 1979: 87]. Находясь в препозиции к императиву, личные местоимения усиливают категоричность приказа, совета, побуждения. Постпозиция местоимения смягчают тон приказа, если нет оттенка заклинания, брани или пожелания (см. также [Виноградов 2001: 484]).

В итальянском языке также возможно употребление как обращения, так и местоименного субъекта при императиве: *Lei, venga qui un momento, per favore* (Вы, подойдите сюда на минутку, пожалуйста) и *Tu dammi il tuo piatto e io ti do il mio* (Ты дай мне свою тарелку, а я дам тебе свою). Как и в русском языке местоимение-обращение выделяется в устной речи паузой, а на письме — запятой [Mazzoleni 2001: 392]. Субъектное местоимение при императиве в целях фокусирования внимания на исполнителе каузируемого действия находится в постпозиции по отношению к глаголу: *Esci tu da questa stanza!* (Выйди ты из этой комнаты!) [Salvi, Borgato 2001: 159]. В препозиции к глаголу оно рассматривается как тема в оппозиции к реме, содержащей императив, или как вокатив: *Tu, esci da questa stanza!* (Ты, выйди из этой комнаты!), но при необходимости противопоставления может занимать «позицию вводного элемента, не включённого в грамматическую схему» [Алисова 1971: 208]: *Tu, porta questa valigia, che io prendo*

le altre! (Ты, носи этот чемодан, а я возьму другие!). По отношению к итальянскому языку добавим, что наличие или отсутствие субъектного местоимения в императиве не является характерной чертой именно повелительного наклонения, поскольку эллипс подлежащего возможен также и в других наклонениях.

3.2.3. Маркировка единственного и множественного числа, формального и неформального обращения (T/V) в императиве

В русском языке императивы 2Sg и 2Pl различаются морфологически, в то время как в итальянском языке имеется морфологическая форма только для 2Sg, а 2Pl выражается синтаксически. Личные местоимения, а также сами императивные формы при редукции именного субъекта, относятся к аллокутивным языковым средствам⁵⁵ и являются эксплицитными формами выражения социальных отношений между участниками речевого акта [Гусева 2021]. В силу своих ярко выраженных конативной и фатической функций императивная форма глагола в русском и итальянском языках указывает на относительный или абсолютный социальный статус адресата – это так называемые обращения на *ты* и на *Вы* (*T/V forms*). Способность глагола указывать на социальный статус адресата или на социально-психологическую дистанцию между адресантом и адресатом ставит грамматическое лицо в ряд грамматикализованных средств социального дейксиса. В русском языке система аллокутивных местоимений и соответствующих им императивных форм включает две формы: 2Sg для неформального обращения к одному человеку и 2Pl как для неформального обращения к нескольким лицам, к каждому из которых по отдельности употребляются аллокутивные формы на *ты*, так и для формального, этикетного обращения к одному человеку. В итальянском языке нормативная аллокутивная система содержит пять форм: это местоимения *tu* (неформальное по отношению к одному человеку), *voi* (неформальное по отношению к нескольким лицам, к каждому из которых по отдельности говорящий обращается на *tu*), *Voi* (формальное или дистантное по отношению к одному человеку в некоторых диалектных вариантах итальянского языка), *Lei* (нормативное формальное или дистантное обращение к одному человеку), *Loro* (нормативное формальное или дистантное обращение к нескольким лицам, к каждому из которых по отдельности говорящий обращается на *Lei*) и соответствующие им императивные формы (о диахроническом аспекте аллокутивной системы см. [Гусева 2019]).

⁵⁵ Аллокутивные языковые средства — это отдельные слова (местоимения, существительные, личные формы глагола) и синтагмы или описательные обороты, употребляемые в речи для обозначения реципиента, являющегося участником речевого акта. Кроме референциального значения они несут в себе также социально-статусное значение. (От лат. *alloquor* – обращаться с речью, заговаривать; взывать, обращаться с мольбой. См. также *allocutor* в [Brown, Miller 2013])

Современный итальянский язык демонстрирует пример последовательной эволюции аллокутивных местоимений, реализующих социальный дейксис: исторически единое аллокутивное местоимение 2Sg уступило свои позиции в некоторых контекстах местоимению 2Pl, которое в свою очередь позднее было заменено на 3Sg (*tu – Voi – Lei*). В современном итальянском языке местоимение *Voi* утрачивает свои позиции как социально-дейктическое, этикетное местоимение: наблюдается аллокутивный сдвиг по оси солидарность-дистанция: в кругу семьи *Voi* замещается местоимением *tu*, а в общественной сфере – местоимением *Lei*. Этикетная форма *Loro* при обращении к нескольким лицам практически вышла из употребления еще в конце 60-х – начале 70-х годов (см., например [Benigni, Bates 1974; Benigni, Bates 1975]). Иногда аллокутивное местоимение *Lei* и соответствующие ему формы императива маркируют как «вежливые», однако они могут быть использованы и в очень невежливых контекстах [Maiden, Robustelli 2007: 461]. Эта форма отражает прежде всего социальную дистанцию между коммуникантами и мы называем ее «этикетной». Сказанное выше относится также и для русской формы *Вы*. Для различения этикетных форм и омонимичных форм 2Pl в русском языке и 3Sg женского рода в итальянском первые будем писать с прописной буквы.

Аллокутивное местоимение *Lei* (а также *Loro* в письменных источниках недавних времен) в побудительных высказываниях, в том числе и при редукции местоименного субъекта, требует согласования глагола в конъюнктиве настоящего времени. Конъюнктив является одним из индикаторов побудительности наряду с императивом и инфинитивом. Разграничение императивной и конъюнктивной парадигм затруднено тем фактом, что императивная парадигма итальянского глагола почти полностью заимствована из других парадигм: индикативной и конъюнктивной, обе настоящего времени. Наложение императивной, индикативной и конъюнктивной парадигм было унаследовано итальянским языком от латинского.

Семантика сослагательного наклонения (конъюнктива) в латинском и итальянском языках тесно связана с описанием состояний и событий, рассматриваемых как «внутренние» или ментальные, а также с выражением концептов, которым не усваивается «внешняя» объективная реальность. Конъюнктив может быть употреблён в тех случаях, когда конкретному событию или состоянию противостоят факты, так как фактическая реальность того, что утверждается, неопределенна, недостоверна или сомнительна, или эта реальность просто находится на втором плане и воспринимается как маловажная. М. Майден выделяет четыре случая использования конъюнктива: 1) в предложениях, где содержание представлено как ложное; 2) когда реальность события, действия или состояния, выражаемая глаголом, неясна по причине неопределённой идентичности субъекта или субъект не уточняется; 3) когда достоверность высказывания рассматривается как маловажная; 4) в главных или в придаточных предложениях, передающих условие, идеальное представление о действии, состоянии или событии, которые обычно

являются нереализованными [Maiden 1998: 223-224]. К последнему случаю относятся выражения волеизъявления и запреты в тех случаях, когда желаемое или каузируемое событие или состояние ещё не исполнено: *E' necessario che i treni rispettino l'orario* (Необходимо, чтобы поезда соблюдали расписание); *Voglio che venga* (Хочу, чтобы он/она пришел/пришла); *Impedirò che cantino* (Я не позволю им петь). В приведенных примерах конъюнктив находится в придаточном предложении. В главных предложениях конъюнктив обычно выражает желание или побуждение: *Vengano domani!* (Пусть придут завтра!); *Non cantino* (Пусть не поют); *Fosse vero!* (Если бы это было правдой!). В отличие от латинского языка современный итальянский допускает употребление дополнительного элемента *che* в составе главного предложения для выражения побуждения или желания *Che venga domani!* (Пусть придет завтра!); *Che non cantino!* (Пусть не поют!). Широкое распространение данной конструкции, в том числе и в главных предложениях, может быть объяснено тесной связью союза *che* и конъюнктива в придаточных предложениях [Stefinlongo 1977]. Позже, в своей фундаментальной работе об императиве А. Айхенвальд будет утверждать, что в некоторых языках императивные высказывания могут иметь 'поверхностное' сходство с придаточными [Aikhenvald 2010: 110] по причине облигаторного использования с императивами маркеров, слов-связок или союзов, вводящих придаточные, как и в случае с итальянским *che*.

Отметим также, что конъюнктив используется для передачи побуждения в косвенной речи: *Ho detto a Veronica: "Vieni pure domani!"* (Я сказал Веронике: «Приходи завтра!») – *Ho detto a Veronica che venga pure domani.* (Я сказал Веронике, чтобы она пришла завтра). Еще примеры: *Il professore gli disse che parlasse ad alta voce* (Профессор сказал ему, чтобы говорил громко); *L'hanno incaricato di dire al commissario che esamini questo caso complicato* (Ему поручили сказать инспектору, чтобы тот изучил это запутанное дело); *Ho detto al cameriere che mi portasse due caffè* (Я сказал официанту принести два кофе). Конъюнктив здесь реализует модальность волеизъявления в придаточном предложении. В прямой речи в тех случаях, когда волеизъявление адресовано третьему лицу, побуждение выражается в главном предложении при помощи той же конструкции, что и в рассмотренных выше придаточных: *Che venga domani!* (Пусть придет завтра!); *Che esamini questo caso complicato!* (Пусть изучит это запутанное дело!). Очевидно, что как в первом, так и во втором случае субъект действия, выраженного конъюнктивом, это третье лицо единственного числа: *che (lei) venga domani* (пусть (она) придет завтра); *che (lui) esamini questo caso complicato* (пусть (он) изучит это запутанное дело). Таким образом прослеживается связь конъюнктива настоящего времени с прототипическим императивом и местоимением третьего лица единственного числа. Если аллокутивное местоимение *Lei* этимологически происходит от абстрактных аллокутивов типа *Vostra signoria!* (Ваша милость!) [Гусева 2019], то побуждение при обращении к абстрактному лицу, выраженному третьим лицом

единственного числа женского рода, в глубинной структуре может выглядеть следующим образом: *pretendo che questa persona venga domani* (я требую, **чтобы** этот человек **пришел** завтра); *voglio che questa persona esamini il caso complicato* (хочу, **чтобы** этот человек **изучил** сложное дело).

В русском языке в отсутствии морфологических показателей конъюнктив образуется посредством сочетания глагола в прошедшем времени либо инфинитива с неизменяемой частицей *бы*, которая при передаче повелительного наклонения в косвенной речи, а также в глубинной структуре побуждения находится в позиции энклитики по отношению к союзу *что*: *Хочу, чтобы ты пришел завтра*. Это соответствует итальянскому союзу *che* и морфологически выраженному конъюнктиву. Употребление аналитически выраженного конъюнктива в независимом предложении в русском языке может иметь побудительное значение с повышенной категоричностью, например, *чтобы завтра был у меня!* = *приходи завтра ко мне, пусть он придет завтра ко мне*, в отличие от итальянского *Che venga domani!* с выраженным пермиссивным значением.

3.2.4. Глагольный вид в императиве

В русском языке в зависимости от вида глагола волеизъявление может иметь различные модальные и экспрессивные оттенки. «Императив не имеет собственного значения времени, однако в процессе употребления у него устанавливается определённое отношение к моменту речи» [Рассудова 1982: 128]. Формы НСВ обычно выражают более категоричное побуждение и делают высказывание более резким. При этом из контекста обычно очевидно, что исполнение каузируемого действия должно произойти немедленно: *Выверните карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? Выворачивайте!* (Н. Островский). НСВ в своей семантике имеет значение «приступа к действию в момент речи» [Рассудова 1982: 128]. Если высказывание содержит побуждение к действию постоянному, повторяющемуся, то императивные формы НСВ не имеют экспрессивного оттенка категоричности: *Живи тихонько, спокойненько, а упрямо! Слушай всех, а делай, как тебе лучше* (М. Горький). Однако, «экспрессивные оттенки видовых значений в формах повелительного наклонения могут резко измениться, почти до полной противоположности. Так как в форме СВ приказание направлено на результат, то при соответствующей ситуации и при соответствующем взаимоотношении лиц эта форма повелительного наклонения иногда звучит более категорично и безапелляционно как призыв к безусловному и безоговорочному исполнению» [Виноградов 2001: 485]. Различия в модально-экспрессивных оттенках выражения побуждения в зависимости от видовой принадлежности глагола не всегда регулируются устойчивыми и строгими правилами. Скорее всего, можно

говорить лишь о закономерностях или «тенденциях» [Бондарко, Буланин 1967: 127]. Главным фактором, который определяет употребление того или иного вида, выступает речевая ситуация. Коммуникативная интенция говорящего определяет необходимость «характеризовать протекание действия или представить его как целостное явление, включающее его последствия» [Рассудова 1982: 128]. Императивные формы глагола служат для передачи просьбы, приказа, совета, предупреждения, запрещения, пожелания, приглашения к действию, рекомендации. Эти экспрессивно-модальные значения могут быть выражены либо одним из видов, либо и тем, и другим. Для выражения одних значений регулярно употребляются глаголы НСВ, для других — глаголы СВ. Отдельные значения могут быть выражены как тем, так и другим видом, и тогда речь идёт о «конкуренции видов» [Рассудова 1982: 130].

При определении правил, регулирующих употребление глаголов разного вида в императиве, необходимо принимать во внимание наличие при императиве отрицания. В прохибитиве почти все коммуникативные интенции выражаются НСВ. Прохибитивные предложения передают волеизъявление относительно невыполнения действия [Храковский 1990: 211]. Когда при каузации единичного действия используется глагол СВ, в соответствующем ему прохибитиве употребляется глагол НСВ: *Напомни ему о нашем разговоре. – Не напоминай ему о нашем разговоре.* У непарных глаголов СВ прохибитивных форм не существует, как, например, у глаголов *очнуться, опомниться, юркнуть, полежать, нагуляться* и т.п. При необходимости можно прибегнуть к употреблению близкого по значению парного (имеющего формы НСВ и СВ) глагола: *юркнуть* — близкий по значению глагол *прятаться/спрятаться*, прохибитив *не прячься!*

Кроме прохибитивных предложений, в которых употребляется императивная форма глагола НСВ с отрицательной частицей *не*, в русском языке используется также другой тип предложений с отрицательной формой императива СВ — превентивные предложения. Прохибитивные и превентивные предложения объединяет то, что в них «выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия», а различает то, что «волеизъявление предстает как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил бы называемое действие, которое, по мнению говорящего, в случае его осуществления нанесёт ущерб либо исполнителю, либо говорящему, либо какому-нибудь другому лицу» [Храковский 1990: 213]. В отличие от прохибитива у превентивных предложений нет соотносительных повелительных предложений. Отметим также, что как в повелительных, так и в прохибитивных предложениях волеизъявление может относиться к действию, которое в момент речи ещё не совершается или к действию, которое в момент речи уже совершается.

Категория глагольного вида в императиве еще не до конца определена и изучена лингвистами (см. также [Forsyth 1970; Храковский 1988; Durst-Andersen 1995; Бенаккьо 2002; Бенаккио 2010]). Высказываются предположения, что НСВ глагола в императиве более вежлив и «мягче», чем СВ, который имеет оттенок формальности [Forsyth 1970; Бенаккьо 1993; Бенаккьо 1997; Турикова 2008; Бенаккьо 2002; Бенаккио 2010]. Другое мнение о семантическом и прагматическом значении глагольных видов в императиве заключается в том, каким образом рассматривается каузируемое действие: 1) как новое действие (СВ); 2) как действие, проистекающее из настоящей ситуации, или как запланированное действие [Forsyth 1970; Virjulin, Храковский 2001].

В итальянском языке вид глагола не является грамматикализованной категорией, но, тем не менее, глагол может воспринимать разные видовые значения, выражающие способ протекания действия. Иными словами, описываемая ситуация может рассматриваться как целостная, как единый процесс, который невозможно проанализировать по частям; либо действие может быть зафиксировано в какой-то определённый момент его протекания; либо внимание концентрируется более на результате действия, нежели на его протекании; либо подчеркивается повторяемость и привычность действия, состояния или ситуации [Bertinetto 2001: 23]. За основными видовыми значениями закреплены определённые словоформы глагольной флективной системы. «В романских языках вид как словоизменительная категория глагола существует лишь в составе временной парадигмы, где видовые значения «завершённости-незавершённости» служат основанием для противопоставления некоторых глагольных времён» [Алисова 2007: 345]. Особенно отчётливо это видно при противопоставлении имперфекта и перфекта, употребление которых в тексте обусловлено, несомненно, контекстом. Например, в предложении *Quel mattino, Giovanni andava a scuola* (В то утро Джованни шёл в школу) описывается тот момент, когда субъект направлялся в школу. Предложение может быть продолжено словами *quando all'improvviso si sentì male* (когда вдруг почувствовал себя плохо). При распространении главного предложения придаточным времени оба события (идёт в школу, чувствует себя плохо) протекают в определённый момент, который ограничен тем временем, которое нужно Джованни, для того чтобы дойти до школы. При употреблении вместо *andava* (имперфект) глагола *andò* (перфект) такое распространение невозможно: **Quel mattino, Giovanni andò a scuola quando all'improvviso si sentì male*. В этом случае действие описано в своей целостности. В первом случае действие представлено в своём развитии, во втором случае подразумевается его завершённость. Таким образом, можно говорить о несовершенном виде в первом случае и о совершенном виде во втором. Несовершенный вид итальянского глагола описывает действие таким образом, что исключается «отображение его конечной точки», в то время как совершенный вид включает его [Bertinetto 2001: 25]. Глагольный

вид в итальянском языке обнаруживает семантические валентности, присущие глагольным временным словоформам, связанные со способом отображения процесса, всякий раз избираемым говорящим в зависимости от ситуации. Поскольку видовое значение является частью значения временного, а императив находится вне категории времени, то перевод русских глаголов с различным видовым значением на итальянский представляется возможным только исходя из семантики глаголов.

3.2.5. Непрямое употребление императива в русском и итальянском языках

Одно из затруднений, возникающих при определении семантики императива, связано с так называемыми непрямыми функциями императивных форм [Dobrushina 2008; Franke 2008; Fortuin, Voogaart 2009]. Непрямое употребление императива характерно также и для рассматриваемой пары языков — русского и итальянского [Володин 2003; Фортейн 2008; Mencacci 1983]. Э. Фортейн выделяет пять не прямых императивных значений в русском языке:

- должностное (*Вы будете бездельничать, жрать и дрыхнуть, а я иди на передовую*);
- повествовательное (*А он и приди!*);
- желательное (*Приди-ка он к нам!*);
- условное (*Приди он вовремя, ничего бы не случилось*);
- уступительное (*Куда я ни приди, везде знакомые*) [Фортейн 2008: 3].

Перечисленные конструкции имеют неимперативные трансформы, оформляемые ирреальными наклонениями (конъюнктив, дебитив, оптатив, футур и т.д.), одним из которых является и сам императив в его прямом значении (см. [Володин 2003]).

Для более четкого различения прямого и непрямого значения императива в русском языке Э. Фортейн выделяет следующие языковые и прагматические контекстуальные признаки императива в его прототипическом директивном значении:

- говорящий желает реализации действия или хотя бы не против его, если речь идет о разрешении;
- употребляется глагол со значением, предполагающим контроль ситуации человеком;
- каузируемое действие еще не реализуется в момент речи или предполагается, что оно уже завершится к этому моменту: 1) *Садитесь!*; 2) *Сидите! Сидите!*;
- момент речи предшествует времени реализации побуждаемого действия [Фортейн 2008: 6].

В итальянском языке гетерогенность функций императивных глагольных форм проявляется в «деепричастном» (*gerundiale*) и «повествовательном» (*descrittivo*) императивах в

таких предложениях, как *La predica comincia a ridere, e ridi ridi tanto che per buona pezza né il detto maestro poteva dire né altri ascoltare* (Приход начал смеяться, **да так сильно**, что ни проповеднику не удавалось что-либо сказать, ни всем остальным – послушать) (Sacchetti, cit. in [Spitzer 1951: 449]), *Gira e rigira siamo sempre allo stesso punto* (**Крутимся-крутимся**, а воз и ныне там) (Sacchetti, cit. in [Spitzer 1951: 450]). Термины «gerundiale» и «descrittivo» были введены Л. Спитцером (см. [Spitzer 1918; Spitzer 1951; Spitzer 1952]), который настаивал на четком разделении двух употреблений, но с точки зрения О. Менкаччи они трудно поддаются различению [Mencacci 1983: 174]. Повествовательный императив имеет временное значение, сопоставимое с индикативом — в первом примере императив *ridi ridi tanto* (досл. – *смейся-смейся много*) можно заменить индикативом *rise tanto* (*много смеялся*). Деепричастный императив используется с причинно-уступительным значением с оттенком гипотетичности, присущим деепричастию в итальянском языке, для указания на результат, выраженный в предикате: во втором примере *gira e rigira* может быть парафразированно в *girando* (*крутясь*) или *per quanto si giri* (*как бы ни крутился/крутились*). Однако, деепричастные обороты могут выражать и предшествование, и одновременность, и тогда деепричастный и повествовательный императивы действительно трудно различить: *E così, cammina cammina, il femminismo è arrivato a incidere sul pensiero di Jurgen Habermas* (*И таким образом, феминизм, следуя своим путем, начал оказывать влияние на идеи Юргена Хабермаса*) (корпус “La Repubblica”). В этом примере *cammina cammina* может быть заменено и деепричастием *camminando* (*идя, следуя*), и обстоятельством со значением времени *dopo il lungo cammino* (*после долгого пути*).

Обе формы непрямого употребления императива чаще употребляются в нарративном и реже в диалогическом дискурсе, которому свойственен императив в его регулятивно-апеллятивной функции. Иногда императив с повтором может иметь рефактивный префикс *re-* или *ri-*: *pensa e ripensa, batti e ribatti*. Употребление императивных форм там, где можно было использовать нейтральное по своей апеллятивной функции деепричастие, Л. Спитцер объясняет склонностью итальянцев и вообще жителей Средиземноморья к театральности и экспрессивности в коммуникации. Слушатель или читатель подобного высказывания, становится адресатом побуждения, делается соучастником действия и из разряда зрителя переходит в разряд действующего лица наряду с другими участниками описываемого события [Spitzer 1951: 20; Spitzer 1952: 435]. Отметим, что и другие исследователи называют повествовательный императив «драматическим» [De Santis 2014: 182].

Непрямое употребление императива в двух языках также наблюдается в функции прагматических маркеров в структуре диалога. В лингвистике регулярные формы типа *извините, будьте любезны, слушай, scusi, senti, vedi* и др. чаще всего относят к формулам вежливости (см. [Формановская 1992: 14]), хотя в структуре диалога они наряду с другими языковыми средствами

играют роль опорных элементов, некоего каркаса для высказываний определенного пропозиционального содержания. В силу сохранения этими императивными глагольными формами лексических значений и приобретения ими новых прагматических функций можно говорить об их прагматикализации. Они используются в речи как прагматические маркеры того или иного действия: привлечения внимания; манипулирования вниманием слушающего; анонсирования следующего действия; смены коммуникативных ролей; согласия/несогласия (более подробно см. [Гусева 2016]).

3.3. Неимперативные директивы

Императивы — основной, но не единственный способ выражения волеизъявления. Повеление может быть передано вообще без использования языка. Это может быть взгляд, жест, визуальный или акустический способ передачи побуждения к действию (например, конвенциональные знаки безопасности на производстве). Неимперативные директивные стратегии, как вербальные, так и невербальные, используются в тех случаях, когда необходимо «сохранить лицо» или избежать прямой конфронтации, следовать правилам поведения в существующей социальной иерархии и этикета или передать определенный оттенок повеления, который невозможно выразить с помощью императива [Aikhenvald 2010: 256].

Многие вербальные неимперативные директивы попадают под определение «конвенциональной косвенности» (*conventionalized indirectness*) [Brown, Levinson 1987: 70]. Побудительные РА по своей семантике считаются опасными коммуникативными действиями (*hazardous communicative activities*) [Fasold 1990: 58]. Опасность заключается в неверной оценке установок говорящим при выборе им тактик побудительного высказывания: либо говорящий полагает, что имеются достаточные основания для того, чтобы адресат исполнил приказ или просьбу (более высокая социальная позиция говорящего, близость/солидарность между коммуникантами); либо он ошибается в оценке этих оснований, и адресат, не разделяя их, может отказаться выполнить приказ или просьбу. В последнем случае налицо коммуникативная неудача. Многие из неимперативных директивов позволяют избежать этой опасности, они могут рассматриваться как не прямой (*off-the-record*) способ решить потенциально опасную ситуации.

3.3.1. Интеррогативы

Интеррогативы могут передавать просьбу, приглашение к действию, предложение. И в итальянском, и в русском языках возможен общий вопрос с семантикой, касающейся способности адресата выполнить действие: *Telefoni alla libreria?* (*Позвонить в библиотеку?*); *He*

могли бы вы закрыть окно? (Potresti chiudere la finestra?). Общие вопросы, не являясь, впрочем, универсалией, могут быть как с отрицанием, так и без. В коллективной работе итальянских лингвистов 1977 года о способах выражения просьбы вопросительными предложениями не приведено ни одного варианта с отрицанием [Benincà et al. 1977: 524-525]. В то время как в русском языке вопросительные высказывания без отрицания не считаются конвенциональными выражениями просьбы. По мнению Б. Комри в русском разговорном языке вопросы типа *Ты можешь убрать?* интерпретируются адресатом как не допускающий возражения приказ [Comrie 1984: 281]. Вопросы с глаголом в условном наклонении с отрицанием воспринимаются слушающими как конвенциональный способ вежливой просьбы (см. пример выше).

А. Айхенвальд относит к директивным вопросы с семантикой, касающейся необходимости выполнения действия, с модальными *must, have, need, be necessary* [Aikhenvald 2010: 260]. Такие вопросы служат выражению инструкции не делать или прекратить делать какое-то действие. В итальянском это может быть вопрос типа *Devi stare proprio qui?*, эквивалент в русском — *Ты должен стоять именно здесь?* Оба вопроса в определенном контексте могут передавать повеление подвинуться, сделать шаг в сторону или даже уйти.

Косвенным выражением побудительности считаются также вопросы с имплицитной семантикой причинности искомого действия: *Perché non chiudi la porta? (Почему ты не закрываешь/закроешь дверь?)* Подобные вопросы могут использоваться в качестве инклюзивных директивов IP1: *Почему мы не идем в кино? (Perché non andiamo al cinema?)* Отрицание в таких вопросах играет дифференцирующую роль: *Perché chiudi la porta? (Почему ты закрываешь дверь?)* и *Perché andiamo al cinema? (Почему мы идем в кино?)* не имеют директивного значения, а являются специализированными вопросами. В русском языке возможен вариант с сослагательным наклонением: *Почему бы нам не пойти в кино? Почему бы тебе не закрыть дверь?*

3.3.2. Декларативы

Директивность может выражаться повествовательными предложениями, к которым относятся и перформативные конструкции, эксплицирующие приказ, просьбу, мольбу и т. п. В неперформативных повествовательных предложениях может использоваться настоящее, будущее, а в русском языке и прошедшее время: *Сейчас ты идешь и рассказываешь ему все. Ты пойдешь и расскажешь ему все. Пошел и рассказал ему все! Vai e gli racconti tutto. Andrai e gli racconterai tutto.* В итальянском языке одной из форм передачи деонтической модальности, представляющей генерализованный субъект как образец для подражания, являются конструкции с пассивно-рефлексивной частицей *si*: *Non si fa così = non si deve fare così = non fare così* (Так не

делают = нельзя так делать = не делай так) или *Si dice "fate", non "facete" = si deve dire "fate", non "facete" = di "fate", non "facete"* (Говорят "fate", а не "facete" = нужно говорить "fate", а не "facete" = говори "fate", а не "facete") [Salvi 2001: 121]. Подобное директивное значение может иметь и индикатив будущего времени, но будущее время может выражать повеление независимо от наличия частицы.

Во многих языках отсутствие указания на исполнителя каузируемого действия, т. е. обезличенность, рассматривается как тактика снижения импозитивности. Это коррелирует с тактиками снятия ликоугрожающего (*face-threatening*) эффекта [Brown, Levinson 1987: 226]. Однако, это верно только для пассивных или повествовательных предложений с финитной формой глагола [Aikhenvald 2010: 268]. В русском языке директив, обращенный к одному адресату и выраженный с помощью инфинитива, передает категоричный приказ или обязательное к исполнению предписание, его неизбежность [Виноградов 1938: 604-605]. Повышенная категоричность и даже грубость, свойственная инфинитиву в директивной функции, подчеркивает власть говорящего над слушающим или его более высокое положение в социальной иерархии.

Директивы могут иметь форму свободных придаточных с опущенной главной частью предложения (*free-standing dependent clauses*), как, например, условное придаточное в современном итальянском, употребляемое в качестве просьбы: *Se mi dice la pagina...* [Vallauri 2004: 196]. Представляется, что и в русском языке возможно подобное косвенное побуждение: *Если ты мне скажешь страницу...* Свободные условные придаточные имеют ту же интонацию, что и предложения или приглашения, сформулированные иным способом [Cresti 2000]. Для них характерна меньшая импозитивность по сравнению с другими синтаксическими конструкциями, что согласуется с ликосохраняющей стратегией, описанной П. Браун и С. К. Левинсон: «не договаривай, используй эллипсис»⁵⁶ [Brown, Levinson 1987: 227]. Условные придаточные содержат элемент суппозиции, желательности, проекцию на будущее и относятся к еще не совершенным действиям. Все это объединяет их более с мягко выраженным желанием свершения чего-либо, чем с требованием сделать что-либо [Aikhenvald 2010: 278].

3.3.3. Субстантивированные формы и эллиптические конструкции

К наиболее типологически рекуррентным способам передачи волеизъявления без использования канонического императива, кроме названных выше глагольных, относятся также субстантивированные формы и эллиптические конструкции.

⁵⁶ Оригинал цитаты: «Be incomplete, use ellipsis».

В «безглагольных» побудительных предложениях Е. С. Скобликова в русском языке различает следующие типы [Скобликова 2006: 293-296]:

- называние состояния, к которому побуждают собеседника: *Спокойно, спокойно, Дарья Дмитриевна* (А. Толстой);
- конструкции, обязательным компонентом которых является прямое дополнение, предполагающее (при побудительной интонации) эллипсис глагола *дать* в разных значениях: *Прохор, шашку! Маузер!* (М. Шолохов) *Коней, - зычно крикнул Григорий, комкая в руках плетъ* (М.Шолохов). Формальным показателем побудительности таких предложений является винительный падеж существительного;
- конструкции, содержащие обстоятельства, указывающие на направление требуемого перемещения: *Он скомандовал тихо: «За мной!» – и солдаты пошли* (О. Кожухова); – *Егор Павлович! Сюда!* (К. Федин). При наличии подобных обстоятельств призыв к движению ясен и без соответствующих глаголов типа *двигаться, отправляться, идти* и т. д.;
- междометные и вокативные побудительные предложения: *Ну! А ну-ка! Давай!* Такие предложения в самом общем виде выражают побуждение начать или прекратить действие без конкретизации того, какое именно действия имеется в виду: – *Давай!* – *кричал он гармонисту. – А ну ещё!* (Ю. Нагибин). Другие междометные предложения имеют более конкретную семантику: – *На конюшню! Марш!* (М. Шолохов).

Безглагольные побудительные предложения в итальянском языке употребляются в случаях, соотносимых с вышеописанными случаями в русском языке, и могут как состоять из одного наречия места/направления, так и из словосочетания с существительным и предлогом, могут представлять собой предложения, состоящие из прямого дополнения или именной части сказуемого с эллипсом глагола: *fuori!* (*вон!*), *fuori da questa stanza!* (*вон из этой комнаты!*), *giù la testa!* (*вниз голову! = опустить голову!*), *a casa!* (*домой!*), *silenzio!* (*тишина!*), *attenti!* (*внимательны! = будьте внимательны/осторожны!*).

Чем короче и немногословнее директивное высказывание, тем оно менее вежливо и обязательнее к исполнению незамедлительно. Эллиптические директивы относятся к речевым актам повышенной опасности, поэтому сфера их употребления ограничивается отдельными дискурсами. А. Айхенвальд отмечает, что такие директивы частотны в военной речи европейских языков, где межличностные отношения подчинены строгой иерархии [Aikhenvald 2010: 281].

3.4. Выводы по третьей главе

Типологически языковые средства, реализующие побуждение, подразделяются на императивы, к которым относятся глагольные формы императивной парадигмы, и директивы, включающие все иные морфосинтаксические способы выражения побуждения. В русском языке императивные формы идентифицируются морфологически, в то время как в итальянском морфологически и синтаксически. Последнее связано с позицией клитических местоимений: при императиве они занимают энклитическую позицию, а в индикативе — проклитическую, т.е. позиция местоимения по отношению к глагольной словоформе является категориальной в отличие от русского языка. Итальянская императивная парадигма формируется при помощи морфем, заимствованных из парадигмы индикатива. Специализированными императивными формами в итальянском языке являются только формы 2Sg глаголов I спряжения на *-are*, у всех остальных глаголов императивная форма 2Sg идентична форме 2Sg индикатива настоящего времени. Глагольный вид в русском языке, отсутствующий как грамматикализованная категория в итальянском языке, накладывает некоторые ограничения на использование тех или иных глагольных форм в определенных контекстах.

Современные нормативные грамматики русского языка описывают императивную парадигму как полную, т. е. имеющую все возможные, за исключением 1Pl.Ex1, формы, из которых только 2Sg и 2Pl имеют собственную морфологическую маркировку – окончания *-й*, *-й* или *-ь* для единственного числа и показатель множественного числа *-те*, присоединяемый к императивной форме единственного числа. Остальные формы образуются аналитическим способом или путем заимствования формы из парадигмы индикатива (инклюзив). Итальянские лингвисты не имеют единодушного мнения по поводу полноты императивной парадигмы: некоторые из них исключают форму 1Sg из парадигмального состава. Итальянская императивная парадигма отличается многочисленными заимствованиями из других глагольных парадигм — индикативной и конъюнктивной. Если в русском языке показатели формального и неформального обращения к одному или к нескольким слушателям совпадают с формой 2Pl, т. е. формально выбор ограничивается двумя императивными формами, то в итальянском языке различаются четыре типа маркировки единственного и множественного числа, формального и неформального обращения в императиве. Единственное и множественное число выражается формами императивной парадигмы, из которых большинство омонимичны формам индикатива. Формальное (этикетное) обращение в императиве выражается глагольными словоформами, заимствованными из парадигмы конъюнктива настоящего времени: это так называемые формы на *Lei* и на *Loro*. Наложение императивной, индикативной и конъюнктивной парадигм было унаследовано итальянским языком от латинского.

Императивы — канонический, но не единственный способ выражения волеизъявления и побуждения. Неимперативные директивы в двух языках по своим конструкциям представляются подобными и представлены интеррогативами, декларативами, а также субстантивированными формами и эллиптическими конструкциями.

Таково нормативное описание языковых средств побудительных стратегий. В четвертой главе мы приступим к описанию и функциональному сопоставлению языковых средств в русской и итальянской устной речи в условиях, максимально приближенных к реальным.

Глава четвертая. Тактики побудительных стратегий в итальянской и русской устной речи

4.1. Корпус примеров

Корпус примеров в нашем исследовании состоит из диалогов современных телевизионных фильмов и сериалов. Кино — одно из самых антропологических искусств: его язык построен на ситуативных способах поведения, свойственных конкретным людям, живущим в конкретных социально-культурных условиях и поставленным в конкретные обстоятельства. В нашей работе мы анализируем диалоги фильмов и сериалов, относящихся к современной массовой культуре, в которой доминирующая роль принадлежит именно кинематографу — кино фактически превалирует над всеми другими формами культурного потребления. Наше позитивное отношение к массовому кино обуславливается прагматизмом: если фильм находит свою многочисленную аудиторию, это может нам что-то сказать о современном обществе, о его культуре и языке в целом. Поэтому мы не отвергаем массовую культуру и его потребителей, а, исходя из исследовательского интереса, намерены изучать язык, представленный в фильмах, не отмеченных критиками и наградами. В современном, динамически развивающемся обществе массовая культура является не только механизмом социализации, но и формирует поведенческие, речевые и другие паттерны, определяет стратегии и тактики межличностной коммуникации. Для массовой кинокультуры характерна стандартизованность и шаблонность, и именно этим она интересна для нас, как исследователей: в границах массовой культуры тексты и коммуникация сама по себе выполняют прежде всего социальную функцию, поскольку они ориентированы на адаптацию индивида к определенным социальным и культурным контекстам и на речевую социализацию, в частности. Принимая во внимание тривиальность, смысловую и эстетическую вторичность массовой кинокультуры, мы обращаемся в первую очередь к воспроизводимому ею обыденному опыту, к архетипическим поведенческим и речевым моделям⁵⁷.

Критерием отбора послужила современность сюжетов, событий и языка, используемого для рассказа о них. Такой выбор позволяет охватить широкий спектр актуальных тенденций в двух языках и типичные контексты в разных социальных группах современного общества. Диалоги из фильмов, очевидно, не являются спонтанным порождением коммуникантов в отличие от «живых» разговоров в естественных условиях и не могут считаться «чистыми» образцами определенных речевых жанров. Однако, при выборе источников примеров мы

⁵⁷ В этом плане нам кажутся заслуживающими внимания работы А. В. Костиной [2020] и А. В. Павлова [2014].

полагались на естественное стремление авторов диалогов к созданию типичных языковых личностей своего времени, определенного социального статуса и коммуникативных ролей. Несомненно, что авторы диалогов, не будучи лингвистами, но, будучи мастерами слова, имеют интуитивное представление о том, как говорит учитель, шофер такси, журналист и т.д.

4.1.1. Ситуативные контексты, коммуникативные и социальные роли

Рассмотренные нами контексты, определяющие социальные роли участников диалогического взаимодействия, включают в себя как бытовые разговоры ровесников и разновозрастных людей, родителей и детей в том числе, так и профессионально детерминированные ситуации: адвокатская и медицинская практика, коммуникация представителей силовых структур, педагогическая деятельность. Коммуникативные роли — это роли говорящего и слушающего, не являющиеся постоянными в коммуникации. Социальные роли располагаются на оси солидарности-власти, отражая общение между равноправными участниками, например, диалоги между коллегами, друзьями, родственниками, или общение в системе вышестоящий-нижестоящий, например, начальник-подчиненный или родитель-ребенок. Теоретические исследования в малых группах показали, что понятие социальная роль чрезвычайно важно, так как один и тот же коммуникант демонстрирует изменения в своем речевом поведении в зависимости от присущей ему в данный момент социальной роли.

Что касается коммуникативных намерений коммуникантов, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова делят их на две группы в зависимости от двух типов общения: фатического и нефатического. Фатическая коммуникация реализуется в метаязыковой и поэтической функции, а нефатическая тяготеет к реализации прежде всего информативной, апеллятивной и прескриптивной функций [Китайгородская, Розанова 2003: 107]. Связь теории социальных ролей с вопросами функциональной стилистики была показана еще в работах К. А. Долинина во второй половине XX века [Долинин 1976; 1987].

Под ситуативными контекстами нами понимаются речевые ситуации как некие структурированные объекты, состоящие из нескольких варьируемых элементов: 1) говорящий и его социальная роль; 2) адресат и его социальная роль; 3) психологическая дистанция между говорящим и адресатом (официальная, нейтральная или дружеская); 4) тональность коммуникации; 5) цель; 6) языковой код (язык литературной нормы, местный диалект, профессиональный язык, социально-групповой жаргон); 7) тип коммуникации (контактный/дистантный или устный/письменный). Этот перечень основан на наборе признаков речевых ситуаций, предложенного Р. Якобсоном [Jakobson 1960], дополненного позднее Д. Хаймсом [Hymes 1964c] и Л. П. Крысиным [Крысин 1992] (см. также [Михальченко 2006:

194]). По определению британского социолога Э. Гидденса, известного теорией структурирования и целостной оригинальной концепцией современных обществ, социальные роли — это «социально заданные ожидания, которым следует личность, имея определенный *статус* или общественное положение»⁵⁸ [Гидденс 2005: 90-91]. Так, учитель, как лицо, занимающее особое положение, будет действовать точно установленными способами в отношении своих учеников.

Ситуативная вариативность языка проявляется в предпочтении одних языковых средств, наиболее эффективных с точки зрения говорящего, другим в зависимости от ситуации общения [Михальченко 2006: 199]. В силу того, что никакая речевая ситуация не может иметь место вне социального контекста, прослеживается тесная взаимосвязь между социальной стратификационной вариативностью и ситуативной, в результате которой на различия, обусловленные социальной ситуацией, накладываются различия, обусловленные социальной стратификацией общества [Лабов 1975: 150-151]. Социальная роль может рассматриваться как динамический аспект социального статуса: статус отвечает на вопрос «кто этот человек?», а социальная роль — на вопрос «что он делает?» [Крысин 2003: 21]. В. И. Карасик под ролью понимает «устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека» [Карасик 2002: 13]. Социальные роли, воспринимаемые коммуникантами, определяются нашим повседневным поведением и взаимодействием с окружающими и помогают конструировать личностные представления о себе и других [Гофман 2000]. Исполнители ролей следуют определенным нормам поведения. Так, покупатель имеет право рассматривать товар, делать замечания о цене, торговаться в некоторых случаях и в некоторых культурах, но не имеет права уйти, не расплатившись [Шибутани 1969: 44].

Способность к ситуативному варьированию речи предполагает определённый уровень коммуникативной компетенции носителя языка. Понятие «ситуативное варьирование» не равнозначно понятиям «стиль речи» или «функциональный стиль», первое из которых носит достаточно регулярный и устойчивый характер, а второе соотносится со сферой речевой практики, а не с ситуацией общения.

В нашей работе будут также рассматриваться особенности тактик побуждения в малых социальных группах, одна из которых — семья. Исследование языка семьи в общем и тактик побуждения, в частности, само по себе представляет большой интерес, поскольку затрагивает онтологические проблемы речи: именно в семье закладывается основа языковой, речевой и коммуникативной личности индивида, начинается процесс языковой социализации. Под семейной речью понимается бытовая разговорная речь «совместно проживающих людей, связанных кровно родственными связями или вступивших в родственные отношения»

⁵⁸ Оригинал цитаты: “socially defined expectations that a person in a given *status*, or *social position*, follows”.

[Байкулова 2006: 7]. Специфика семейной речи заключается в наличии широкой апперцепционной базы у коммуникантов и социумно-прецедентных (внутрисемейных) феноменов [Занадворова 2003: 279-280].

4.1.2. Социальная стратификация языка

Наличие в языке альтернативных социально обусловленных элементов находит свое выражение в стратификационной вариативности, под которой понимается зависимость речевого поведения индивидов от их принадлежности к различным социальным слоям и социальным группам [Михальченко 2006: 199]. Во многих обществах для речи представители верхней и средней социальных страт характерен нормированный литературный язык во всех коммуникативных ситуациях, а для представители нижней — просторечие или диалект. Количественное и качественное распределение носителей того или иного языка представляет интерес для нашего исследования прежде всего с точки зрения доступности образования, а, значит, и уровня формирования языковой личности. Кроме того, социальная стратификация и связанные с ней социальные статусы влияют на выбор средств социальной категоризации в побудительных высказываниях, которые, как будет показано ниже, обладают высоким когнитивным потенциалом.

Основными критериями определения социальных страт общества принято считать 1) политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; 2) экономический потенциал, проявляющийся в масштабах собственности, доходов и в уровне жизни; 3) социокультурный потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и профессионализма работников, особенности образа и качества жизни, и, наконец, социальный престиж, являющийся концентрированным отражением названных выше признаков [Заславская, Громова 1998]. У Т. И. Заславской разработана эмпирическая модель социальной структуры российского общества, которая включает пять основных страт:

- правящая элита;
- верхний слой, который объединяет крупных и средних предпринимателей, директоров, представителей верхнего звена государственной бюрократии с высоким потенциалом;
- средний слой (мелкие предприниматели, менеджеры среднего звена и специалисты);
- базовый слой, являющийся наиболее многочисленным и включающим наемных работников разной квалификации с низким доходом и с невысоким потенциалом;
- «социальное дно» — социальные маргиналы, не имеющие самостоятельного дохода с низким потенциалом [Заславская 1997; 2003; 2004].

По результатам исследования Н. Е. Тихоновой, проводимых в 2003-2006 годах по методике ESOMAR (European Society of Marketing Research Professionals), в современной России превалирует средний класс (прибл. 33,3%) и бедный класс (прибл. 34,3%). [Тихонова 2007]. Динамическая картина стратификации российского общества, уже начинающая проявлять тенденцию к устойчивости, показывает, что общество находится в состоянии перехода к капиталистической организации социума по примеру Запада и «в процессе становления капитализма в России были утеряны классовое самосознание и классовая солидарность, которые важны в контексте идентичности любого социально-экономического класса» [Гонашвили 2015: 16].

Самой известной стратификационной моделью итальянского общества считается модель Паоло Лабини 1974 года [Labini 2015], основанная на экономических показателях: уровне дохода и способе его получения. Кроме основных категорий дохода (рента, оклад и экономическая прибыль) Лабини принимал во внимание и смешанные доходы, получаемые от комбинации трех указанных, а также доходы работников непромышленного сектора, занятых в поддержании социального порядка и не производящих материальных благ. Итальянское общество делится на три страты, включающие в себя в общей сложности шесть групп:

- «подлинная» буржуазия: крупные землевладельцы (рента), предприниматели и менеджеры высшего класса в акционерных обществах (экономическая прибыль и смешанные доходы), независимые предприниматели (смешанный доход);
- мелкая буржуазия (средний класс):
 - служащие (оклад);
 - относительно независимые предприниматели (смешанный доход): фермеры, ремесленники, торговцы, мелкие предприниматели;
 - особые категории мелкой буржуазии, такие как военные и священнослужители (жалованье);
- пролетариат:
 - класс рабочих (оклад);
 - люмпены.

Социальный статус индивида в обществе неизбежно определяется наличием и разнообразием социальных страт в том или ином обществе. В современной научной литературе по социологии и психологии предпринимаются попытки свести социальный статус к конкретному набору компонентов, среди которых указываются такие, как доход, карьера, власть, образ жизни, возраст, гендер и другие [Гидденс 2005; Driskell, Mullen 2006]. Социальный статус объединяет в себе объективно присущие индивиду характеристики, определяющие его место в социальной группе, и субъективное восприятие его другими членами группы [Андреева 2002:

142]. Э. Гидденс приводит слова Ирвинга Гоффмана⁵⁹, что в определенных контекстах или местах возникают социальные правила и создаются статусы: «Когда человек попадает на глаза другим, последние сообща стараются добыть информацию о нем либо воспользоваться той, что уже есть в их распоряжении... Сведения о человеке позволяют определить ситуацию, давая им возможность знать заранее, что он будет ждать от них, а они — от него»⁶⁰ (цит. по [Гидденс 2005: 89]). В наших примерах есть тактики побуждения, основанные именно на таких сведениях, известных как говорящему, так и адресату. В. Карасик рассматривает социальный статус как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения [Карасик 2002: 5].

В языкознании социальный статус рассматривается как явление, закрепленное в семантике многих языковых единиц, обозначающих поведение людей. Социальная дифференциация языка служит наиболее ярким проявлением связи между языком и обществом. В некоторых языках Юго-Восточной Азии, в том числе в японском и корейском, категория социального статуса человека представлена в эксплицитной форме [Карасик 2002: 174].

Категориальный признак социального статуса в лексической семантике может выступать в качестве основного признака, когда первичной функцией слова является выражение социального статуса (статусные апеллятивы и слова, обозначающие положение человека в системе социальной иерархии, например, армейские чины). В плане информативности формулы социального этикета представляют собой явления одного порядка с апеллятивами. В отличие от многих европейских языков в русском количество специальных апеллятивов очень ограничено. В связи с этим в русском языке имеет место некоторая проблема со снижением ликоугрожающего эффекта и увеличением перлокутивного эффекта из-за отсутствия общепринятых обращений к представителям социальной группы. По меткому замечанию Д. С. Лихачева «мы страна без обращения к другому»⁶¹. Для обращения к соотечественникам в официальной обстановке чаще всего используется имя в сочетании с отчеством по причине трудной приживаемости апеллятивов *господин* и *госпожа*, а также ярко выраженной связи апеллятива *товарищ* с эгалитарной идеологией советского прошлого, утратившей свою актуальность в современном мире. Вообще, имена собственные, представляющие собой комбинацию антропонимичного и вокативного признаков, обладают способностью указывать на статусное различие коммуникантов. «Статусный признак в именах собственных актуализируется

⁵⁹ Ирвинг Гоффман (1922–1982) — американский социолог, работал на стыке различных научных дисциплин. По этой причине о нем говорят также как о представителе психологии, философии, психиатрии.

⁶⁰ Оригинал цитаты: “When an individual enters the presence of others, they commonly seek to acquire information about him or bring into play information already possessed. ... Information about the individual helps to define the situation, enabling others to know in advance what he will expect of them and they may expect of him”

⁶¹ Из интервью Д. С. Лихачева «В лагере тех, кто не матерился, расстреливали первыми» (<https://www.pravmir.ru/o-russkom-yazyke-i-nenormativnoj-leksike/> дата обращения: 07.05.2021)

при определенных комбинаторных вариантах имени собственного (компонентов имени собственного) и титула или звания» [Карасик 2002: 201]. В итальянском языке апеллятив может быть представлен как указанной комбинацией титула и имени (фамилии), так и только титулом или званием. В русском языке в обращении по имени и отчеству выражается уважение.

Социальный статус человека является специфической категорией прагмалингвистики [Карасик 2002: 142]. Статусные отношения коммуникантов находят свое отражение в классификации речевых актов, которые делятся на статусно-маркированные и статусно-нейтральные. Инъюнктивы (приказы, требования), реквестивы (просьбы, мольбы), инструктивы (предписания, запреты) относятся к статусно-маркированным речевым актам, которые в свою очередь подразделяются на статусно-фиксированные и статусно-лабильные [Карасик 2002: 119]. Социальный статус коммуникантов проявляется в модусе высказывания.

4.1.3. Краткая характеристика современного состояния русского и итальянского языков

Собранный нами эмпирический материал на русском языке относится к образцам русской разговорной речи, которая по определению О. Б. Сиротининой является устной литературной формой непосредственного общения [Сиротинина 1969: 373], а по определению Е. А. Земской — одной из двух разновидностей литературного языка или непринужденной речью носителей литературного языка [Земская 1973: 5]. В среде образованных горожан наблюдается стратификация языка, основанная на уровне владения возможностями языка и находящаяся в зависимости от социальной стратификации общества. Эти страты определяются как «внутринациональные типы речевой культуры»: элитарная речевая культура; среднелитературная речевая культура; литературно-разговорный тип речевой культуры; фамильярно-разговорный тип и просторечный тип речевой культуры [Гольдин, Сиротинина 1998: 414-415]. С точки зрения языковой нормы языковая стратификация базируется на отношении непринужденной речи к норме литературного языка. Разговорность, как признак речевого действия, может быть неосознаваемой и естественной, и характеризовать речь людей «просторечной культуры». Или она может быть преднамеренной и использоваться для демонстрации солидарности (близости) с адресатом [Кормилицина 2007: 268]. Для разговорной речи характерны неоднородность, диффузность и различные степени сниженности [Химик 2013: 164]. Позволим себе применить к нашему исследованию слова У. Лабова о том, что «неправильность повседневной речи оказалась мифом, не имеющим опоры в реальной действительности» [Лабов 1975: 114], и именно поэтому она представляет повышенный исследовательский интерес.

К факторам, формирующим речевой портрет коммуникантов, относятся уровень образования, связанный с такими параметрами, как условия общения (деловые, дружеские или бытовые), нормативность и ненормативность речи. К определяющим факторам Т. А. Милёхина относит также общий уровень культуры [Милёхина 2003: 518]. Стилистическое варьирование языка кроме собственно социальных факторов социального статуса и социальной роли говорящего обусловлено также ситуативными факторами, что дает нам динамическую картину социального расслоения того или иного языка [Крысин 2003: 20].

Таким образом, на характер коммуникации в неоднородной социальной среде, которая коррелирует, но не совпадает с языковой неоднородностью коммуникантов, влияют языковые, социальные и ситуативные факторы. Кроме этого, при установке на общение каждый коммуникант ориентирован на коммуникативное «сотрудничество» (принцип кооперации Грайса), а, значит, на поиск наиболее эффективных для этого форм и средств общения.

Для нашего исследования большое значение имеет понятие языковой нормы, которое в современной лингвистике используется в двух смыслах — широком и узком. В широком смысле — это совокупность традиционно и стихийно сложившихся способов речи, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом. В этом понимании норма близка к узусу, к общепринятым и устоявшимся способам использования языка [Крысин 2010: 10]. В узком смысле норма это совокупность нормативных прескрипций, касающихся употребления языковых средств и содержащихся в словарях и грамматиках. В отношении побудительных конструкций мы рассмотрели языковую норму в третьей главе. Нарушения языковой нормы оцениваются как недостаточное владение кодифицированной формой языка (литературным языком) и свидетельствует об определенном статусе говорящего [Михальченко 2006: 263]. Узус заключается в следовании носителей языка нормативным предписаниям. Очевидно, что в живой разговорной речи будет наблюдаться несовпадение нормативных прескрипций и речевой практики. Одной из целей нашего исследования является сопоставление того, как *надо*, как *правильно* говорить, то есть *прескриптивной* нормы, и того, как *принято* говорить, как по традиции *говорится* в русском и итальянском обществе, то есть нормы в ее *дескриптивном* понимании (см. также [Косериу 1963: 175]). Кроме этого, следует помнить, что в речевой практике могут наблюдаться отклонения как от прескриптивной нормы, так и от традиционной [Крысин 2010: 12]. Что касается речевой практики современных носителей русского языка, лингвистами фиксируется отличительная черта последних десятилетий XX века – начала XXI века — раскованность, раскрепощенность, сменившие безликость и стандарт [Земская 2010: 210]. Высказываются и более радикальные мнения о том, что в настоящее время наблюдается размывание границ функциональных стилей из-за невладения большинством населения

функционально-стилевой дифференциацией литературного языка по причине недостаточной коммуникативной компетенции говорящего/пишущего [Сиротинина 2013: 33].

В современной итальянской лингвистике различаются понятия нормы (*norma linguistica*) и стандартного варианта национального языка (*italiano standard*). Под первым понимается совокупность правил, относящихся ко всем уровням языка (фонология, морфология, синтаксис, лексика, текстуальность) и принимаемых большинством носителей языка в определенный культурно-исторический период [Giovanardi 2010: 17]. Такую норму называют еще «имплицитной». Норма может также пониматься как нейтральный немаркированный вариант языка с точки зрения стилистики и диатопики [Antonelli 2007: 46]. Понятие стандарта относится к варианту языка, подлежащего нормативной кодификации и служащего моделью для корректного использования языковых средств [Berruto 2016: 26]. Под кодификацией понимается наличие определенного корпуса эталонных текстов (литературные произведения, грамматики, словари) и совокупность правил, опирающихся на авторитеты в этой области. Этот вариант, в отличие от предыдущего, называется «эксплицитной» нормой. Стандартный вариант итальянского языка призван удовлетворять нуждам носителей в любых контекстах и во всех областях использования языка. Именно этот вариант языка преподается в школе. Понятие стандартного варианта языка противопоставляется понятию диалекта. Итальянизация диалектов в период объединенной Италии (последние 150 лет) привела к смене языковой дихотомии «язык-диалект» на множественность «диалект - региональный диалект - региональный итальянский - общий итальянский» [Pellegrini 1975: 11-54]. Г. Берруто выделяет девять вариантов итальянского языка: благородный (формальный), научно-технический, бюрократический, стандартный литературный, нестандартный, разговорный, народный региональный, сниженный (неформальный) и жаргонный [Berruto 2016: 24]. Все эти варианты организованы иерархически: стандартный литературный и нестандартный составляют единое ядро современного итальянского языка. Последний из двух вариантов приравнивается к среднему итальянскому региональному культивированному языку, из чего становится понятным происхождение нестандартного языка — с одной стороны это порождение стандартного литературного языка, с другой в нем проявляется влияние диатопической дифференциации. Неостандарт предполагает общую для всех образованных носителей итальянского языка языковую базу, включающую в себя прежде всего единую морфологию и синтаксис, и проявления региональных особенностей языка, ощутимых в речи большинства итальянцев [Berruto 2016: 26-27]. Чаще всего региональные особенности проявляются в произношении и интонации. Неостандарт отличается более простыми конструкциями, чаще всего характерными для разговорного языка, а в диафазии — употреблением в обыденно-бытовом общении особых функциональных стилей (*linguaggi settoriali*) [Mioni 1983: 515].

В данной диссертации представлена сплошная выборка минимальных диалогических единств⁶² с побудительными репликами из итальянских и российских фильмов и сериалов, вышедших в прокат в 2014-2019 годах. Такой короткий временной отрезок был выбран намеренно в целях наибольшей репрезентативности современной разговорной речи. Всего было выписано 291 МДЕ (6 280 слов) на итальянском языке и 259 МДЕ (6 580 слов) на русском языке (в среднем по 14 часов экранного времени на каждом языке). Примеры реализаций некоторых конкретных тактик изобилуют в каждом из проанализированных фильмов, но в качестве иллюстративного материала в настоящую диссертацию вошли только некоторые из них. Кажущееся предпочтение примеров из одного фильма другим обусловлено лишь случайной очередностью языкового материала в процессе анализа: во избежание повторов и загромождения диссертации аналогичными примерами мы ограничивались минимальным количеством примеров. В конце главы приводится количественный анализ выделенных тактик и языковых средств, задействованных в них. После каждого примера в скобках дается название фильма, из которого он был взят. Для большей ясности к примерам на итальянском языке дается наш собственный перевод ДЕ, иногда в двух вариантах — литературном и дословном. Мы намеренно не использовали переводную версию итальянских фильмов по причине трудоемкости сбора языкового материала, а также по той причине, что в наши задачи не входит переводческий анализ тактик побуждения. В отдельных случаях нами предпринимались синтаксические трансформации оригинальных высказываний в целях их верификации в названных корпусах русского и итальянского языков. Весь корпус примеров содержится в приложении к диссертации.

Критериями отбора фильмографии в нашем исследовании стали синхронность языкового материала моменту исследования и возможно большая представленность социальных страт современного общества, а следовательно, и социальной стратификации речи персонажей. Сюжет, тематика поднимаемых проблем и изображаемых ситуаций практически не принимался во внимание.

4.1.4. Итальянская фильмография

Выбор фильмов был обусловлен репрезентативностью языкового материала и, в некоторой степени, популярностью у зрителей, как наиболее верно и точно отражающие социально-лингвистические тенденции в современном обществе.

⁶² Минимальное диалогическое единство (МДЕ) — совокупность иницирующей и ответной реплик в диалогическом взаимодействии коммуникантов. Представляет собой объединение соседних реплик диалога на коммуникативно-психологической основе. Объем МДЕ определяется информативной и психологической исчерпанностью данного этапа общения с позиции речевых партнеров [Матвеева 2010: 90-91].

Субурра (Suburra) (2017), 2 сезона (проанализировано около 11 часов экранного времени). Сериал снят по мотивам одноименного романа Джанкарло Де Катальдо и Карло Бонини. В сериале рассказывается о передаче на конкурсной основе подряда на строительство туристического порта в г. Остия и разворачивающихся на этом фоне событиях криминального характера, героями которых становятся политики, прелаты церкви, криминальные элементы и обычные жители Рима. Политики, адвокаты и прелаты церкви в итальянском обществе — это чаще всего выходцы из высшего или среднего класса, традиционно являющиеся носителями нормативного варианта языка в силу своего происхождения, полученного образования и исторической преемственности поколений. Чаще всего они прекрасно владеют различными типами речевой культуры. Фамильярно-разговорный и просторечный тип речевой культуры в сериале свойственен откровенно криминальным элементам, использующим определенный социолект. Нами не принимались во внимание их высказывания на римском диалекте и на языке синти.

Не говори моему шефу (Non dire al mio capo) (2016), 1 сезон (проанализировано около 3 часов экранного времени). Герои сериала — успешный адвокат с непростым характером, молодая женщина, поступающая к нему на работу ассистентом, ее двое детей и другие сотрудники адвокатской конторы. Несмотря на то, что действие происходит в Неаполе, речь персонажей полностью свободна от диалектизмов и регионализмов. С точки зрения социальных ролей сериал представляет немалый интерес: сюжет затрагивает отношения солидарности между коллегами и друзьями, отношения власти в системе начальник-подчиненный и родитель-ребенок.

Захочу и соскочу (Smetto quando voglio) (2014), фильм (проанализировано около 100 минут экранного времени). Этот комедийный фильм рассказывает историю одаренных итальянских исследователей самых разных областей науки, которые в поисках выхода из экзистенциального тупика прекариата объединяются в банду и начинают производить и распространять ноотропы (*smart drugs*), не занесенные на тот момент в реестр запрещенных веществ. Комичность ситуаций, однако, не влияет на стиль речи героев, который варьируется от элитарного и среднелитературного до литературно-разговорного типа речевой культуры.

4.1.5. Российская фильмография

Как и в случае с итальянской фильмографией, фильмы на русском языке отбирались по степени популярности и репрезентативности социально-лингвистического материала. Однако, российское общество, как мы уже указывали выше, отличается меньшим разнообразием исторически сложившихся социальных страт и, как следствие, более однородными языковыми портретами героев.

Мажор (2014), 1 сезон (проанализировано около 8 часов экранного времени). Остросюжетный детективно-криминальный сериал рассказывает историю молодого москвича, имеющего высшее юридическое образование. Диалоги в сериале представляют собой образцы диалогической речи между коллегами, друзьями, начальниками и подчиненными, возлюбленными. Социальная стратификация российского общества, представленная в современных российских фильмах, оказывается не такой определенной и ярко выраженной в речи, как в итальянских. Представляется возможным выделить только сниженность речи криминальных элементов. В речевых взаимоотношениях между представителями силовых структур и нарушителями общественного порядка и закона хорошо прослеживаются отношения власти, выражаемые различными языковыми средствами.

Шторм (2019), 1 сезон (проанализировано около 6 часов экранного времени). В центре сюжета двое друзей-коллег. Оба работают в полиции, но ни один не подчиняется другому. Пока их отношения остаются дружескими в обыденной жизни и равноправными в рабочей обстановке, для их диалогов характерны языковые средства, выражающие отношения солидарности. Однако, когда один из них идет на должностное преступление, а другой начинает догадываться об этом и пытается изобличить друга, их речевое взаимодействие меняет свой характер – первый не принимает попыток заставить его признаться во всем, а второй проявляет все большую импозитивность в побуждении друга к определенному поведению. В сериале есть другие сюжетные линии, в которых прослеживаются различные типы отношений в двух парах «мужчина-женщина». Если в одной из них партнерам присуще открытое и достаточно трепетное обращение друг с другом, то для другой пары свойственны недомолвки и демонстрация собственной свободы от другого.

Садовое кольцо (2016). В центре повествования — обеспеченная московская семья. Жена — психотерапевт, муж — предприниматель. Их социальный статус достаточно высок для современной России. Отметим, что для устной речи современных предпринимателей характерны разговорные синтаксические структуры, парцелляции, эллипсис, что соответствует замечаниям Т. А. Милёхиной [Милёхина 2003]. Особенности диалогов сериала определяются сюжетом — почти все они происходят в кругу семьи и близких людей, за редким исключением диалогов следователя и родителей пропавшего молодого человека. Герои сериала владеют культурной нормой и разнообразными речевыми ресурсами.

4.2. Тактики межличностных установок

Как уже было обосновано во второй главе, стратегии и тактики высказывания определяются системой установок, которые подразделяются на межличностные и внеличностные. К межличностным относятся:

- установка на самого себя. На эту установку оказывает влияние самоинтерпретация;
- установка на адресата, самая важная в коммуникативном плане, потому что обеспечивает информационный обмен и определяет весь спектр иллокутивных функций и иных модусных значений;
- установка на третьи лица, которые могут присутствовать при общении в роли слушающего и в этом случае влиять на коммуникативную стратегию говорящего.

К внеличностным установкам относятся:

- установка на действительность. Выражается в референции, т.е. в соотнесении языковых выражений и их компонентов с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире;
- установка на пропозициональное содержание высказывания;
- установка на языковые средства. Определяет языковой инвентарь, используемый говорящим для воплощения замысла и выражения пропозиционального содержания.

Эти установки влияют на выбор функционального стиля, использование литературных или диалектных форм языка, возможность употребления устаревших выражений, выбор конкретных синтаксических конструкций и конкретной лексики.

При выборе той или иной тактики говорящий не может принимать во внимание лишь какую-то одну из установок, чаще всего бывает необходимо учитывать комплекс установок. Побуждение представляет собой каузацию какого-либо действия или состояния, прекращения или предотвращения действия или состояния [Гусев 2013] и, как следствие, изменение действительности. Поэтому любое побудительное высказывание имеет установку на действительность. У всякого действия должен быть агент. В побудительных высказываниях агентом будущего действия является чаще всего слушающий (адресат высказывания), хотя это может быть и сам говорящий, и третье лицо, и говорящий вместе со слушающим или слушающий с третьими лицами. Таким образом, почти любое побудительное высказывание имеет межличностные установки. Иными словами, не существует побудительных высказываний, обладающих только одним типом установок — межличностными или внеличностными, однако, один из типов является преобладающим. Ниже рассмотрим все шесть типов основных установок, начиная с межличностных, и выделим соответствующие им тактики.

А. П. Володин и В. С. Храковский предложили классификацию «частных семантических интерпретаций императивного значения» [Храковский, Володин 2002: 132, 137], основанную на трех бинарных признаках:

1. Импульс каузации:

- исходит от говорящего;
- исходит от слушающего.

2. Заинтересованность:

- исполнение каузируемого действия в интересах говорящего;
- исполнение каузируемого действия в интересах слушающего.

3. Субординация:

- говорящий ставит себя выше слушающего;
- говорящий ставит себя не выше слушающего.

Очевидно, что при выборе тактики побуждения говорящий должен учитывать указанные признаки. Так, в речевом акте разрешения, который сам по себе бенефактивен для адресата, импульс каузации исходит от слушающего. Практически, побуждение является ответом на эксплицитный запрос разрешения или на выражение необходимости в каком-либо действии.

Различия в заинтересованности в исполнении искомого действия отражается в установках на самого себя (говорящего) или в установках на адресата (слушающего). Логично полагать, что побуждение слушающего при бенефактивности каузируемого действия для слушающего значительно упрощает задачу успешности речевого акта для говорящего. В то время как достижение искомого результата при бенефактивности каузируемого действия для говорящего потребует большего тактического творчества от говорящего.

Субординация реализуется в отношениях власти, а отсутствие субординации характерно для отношений солидарности. В побудительных речевых актах говорящий может находиться или полагать, что находится на более высокой социальной позиции, которая позволяет ему заставить собеседника исполнить искомое действие. В этом случае искомое действие считается обязательным к исполнению, и говорящему нет необходимости задумываться об успешности побудительного высказывания. К таким побудительным стратегиям относятся, например, приказы. Либо говорящий находится на более низкой социальной позиции по отношению к слушающему или ставит себя ниже слушающего, и тогда первому необходимо особо тщательно продумать тактики побуждения в целях достижения искомого перлокутивного эффекта. Кроме того, существуют отношения, в которых отсутствует субординация, и собеседники признают друг друга равными друг другу, солидарными друг с другом. В этом случае говорящий также ставит себя не выше слушающего, и его тактики побуждения будут строиться иным образом, нежели в первых двух случаях.

4.2.1. Тактики установки на самого себя (говорящего)

Бенефактивность искомого действия для говорящего может отражаться в используемой тактике эксплицитно или имплицитно. Говорящий может открыто сообщать адресату о собственном желании, чтобы конкретное действие было исполнено, или говорить о важности и необходимости искомого действия для себя, либо использовать конвенциональные языковые маркеры для указания на бенефактивность действия для него самого, либо иными способами сигнализировать о собственной заинтересованности в исполнении каузируемого действия. Случаи бенефактивности каузируемого действия для говорящего могут быть двух типов: либо говорящий полагает, что находится на более высокой социальной позиции, достаточной для того, чтобы заставить адресата выполнить искомое действие, либо отношения между говорящим и адресатом характеризуются такой степенью близости (солидарности), что адресат готов выполнить действие в интересах говорящего и говорящий в этом уверен. В число побудительных стратегий первого типа входят приказ, команда, требование, распоряжение и т.п., ко второму типу относятся просьба, мольба, увещание. Интересы говорящего могут быть как личного, так и неличного (например, профессионального) характера.

4.2.1.1. Тактика *дезидератива*. Многие исследователи связывают семантику императива с желанием (волей) говорящего (см., напр., [Апресян 1974: 22; Мельчук 1998 (I); 155]). Отметим, однако, что в ряде работ желание исключается из толкования императива, поскольку такие побудительные акты, как разрешение и совет, не мотивируются желанием говорящего. Иными словами, дезидеративы⁶³ имеют побудительную семантику, если каузируемое действие является бенефактивным для говорящего, а не для адресата.

В итальянском языке говорящий высказывает побуждение совершить конкретное действие в форме собственного желания, иногда выдаваемого за общее с адресатом желание, посредством конъюнктива желательности⁶⁴: *voglio che Cong.Preas.* В примере (1) кардинал обращается к членам совета, главой которого он выступает, и дает указания, что необходимо сделать. В примере (2) глава мафиозного клана обращается к политику, которого пытается подкупить.

(1)

Cardinale

Io voglio che ognuno di noi **pensi** beni a cosa è meglio per la Chiesa. E per pensare bene è necessario prendersi delle pause. La riunione è aggiornata, fratelli.
(Suburra)

⁶³ Термин В. А. Плулгяна [Плулгян 2011].

⁶⁴ В итальянском языке различают следующие значения конъюнктива: волитивное, дубитативное (эпистемическое), тематическое (фактивное) [Wandruszka 2001: 416-420].

(Кардинал

Хочу, чтобы каждый из нас хорошенько **обдумал**, что лучше для Церкви. А чтобы это обдумать, необходимо взять паузу. Собрание откладывается, братья.)

(2)

Samurai

Voglio che usi tutto il potere che hai conquistato in questi anni per affidare la direzione dei musei di Roma a un amico comune. (Suburra)

(Самураи

(Хочу, чтобы ты задействовал все ресурсы, что ты смог получить за эти годы, для передачи управления музеями Рима нашему общему другу.)

В русском языке существует аналогичная конструкция выражения побуждения посредством эксплицирования собственного желания в форме сложноподчиненного предложения с изъяснительным придаточным в сослагательном наклонении с желательным значением, подобно тому, что мы наблюдаем и в итальянском языке. Различаются грамматические показатели сослагательного наклонения, но волитивное значение одинаково в обоих языках.

В примере (3) университетский преподаватель обращается к студентам во время лекции:

(3)

Марина

Так, дорогие мои, любимые. Я **хочу, чтобы вы не молчали**. Если у вас назревает вопрос, **чтобы вы** его сразу **произносили** вслух. Я должна знать, что вы сидите эти полтора часа не просто так. Договорились? Покивали головами. Молодцы. (Шторм)

(4)

Марина

Ну, хорошо, хорошо. Ладно. Давай тогда поговорим о каких-то насущных вещах. **Я хочу, чтобы мы обсудили**, как вы меня будете хоронить.

Варя

Мам, я не хочу это обсуждать. (Шторм)

(5)

Ольга

Это понятно, но я бы хотела доверять вам.

Градов

А мне вы будете доверять априори.

Ольга

А что вы хотите?

Градов

Я хочу, чтобы вы рассказали все. Все, что вы знаете.

Ольга

Вот прямо здесь? Сейчас? (Шторм)

Выражение побуждения посредством эксплицирования собственного желания указывает на иерархичность социальных отношений между коммуникантами. Только вышестоящий и обладающий правом проявлять силу (*power*), понимаемую как оппозицию солидарности (*solidarity*) [Brown, Gilman 1960], может полагать, что для исполнения искомого действия достаточно его желания. Это утверждение находит подтверждение в примерах (1) и (3), где

говорящий выражает свое, единоличное желание, в то время как в примере (6) формально выражается общее желание, и тактика переходит в разряд тактики сотрудничества (см. далее), к которой в данном случае говорящий прибегает потому, что конечный результат зависит от действий как говорящего, так и адресата.

(6)

Monsignor Theodosiou	Vogliamo fare stasera?
Sara	Stasera? Perché no?
Monsignor Theodosiou	Mi fa sapere lei?
Sara	Ci penso io. (Suburra)
(Кардинал Феодосий	Может быть, сегодня вечером? (досл. Хотим сделать сегодня вечером?)
Sara	Сегодня вечером? Почему бы и нет?
Кардинал Феодосий	Вы мне дадите знать?
Sara	Я сама все сделаю.)

Последний пример может быть отнесен не только к тактике дезидератива, но и к тактике интеррогатива.

Прохибитив в тактике дезидератива может принимать форму отрицательного дезидератива, т. е. собственного нежелания исполнения какого-либо действия, в форме конструкции *non voglio (più) Inf: non voglio più sentire parlare = non parlate più ((больше) не хочу Inf: больше не хочу слышать, что об этом говорят = больше не говорите об этом)*.

(7)

Sara	Adesso, però, è necessario che Lei convochi al più presto la Commissione.
Monsignore	Non voglio più sentire parlare di questa storia.
Sara	Certo. Lo so. (Suburra)
(Sara	А сейчас, все-таки, нужно, чтобы Вы созвали заседание комиссии как можно быстрее.
Монсиньор	Не хочу (ничего) больше слышать об этой истории.
Sara	Конечно. Я знаю.)

В русском языке также возможна конструкция с отрицанием собственного желания: *Я не хочу, чтобы об этом говорили = не говорите об этом*, с той разницей, что в русском варианты с обезличенным и определенным исполнителем не отличаются по структуре придаточного (ср. *я не хочу, чтобы ты об этом говорил = не говори об этом*), а в итальянской конструкции при обезличивании исполнителя действия используется инфинитив (7), а не конъюнктив (2), как при указании на конкретного исполнителя. В русском языке возможна и другая прохибитивная конструкция в тактике дезидератива. В корпусе наших примеров нами был выделен пример (3) с отрицанием не дезидеративного глагола, а глагола, обозначающего каузируемое действие: *Я хочу, чтобы вы не молчали = не молчите*. В итальянском языке конструкция с отрицанием глагола,

обозначающего искомое действие, является грамматически корректной, но практически не употребляется в речи: *Voglio che non tacciate*. Подобных примеров в нашем корпусе примеров на итальянском языке зафиксировано не было.

Исходя из рассмотренных примеров, можно заключить, что тактика дезидератива в обоих языках оформляется при помощи глагола с семантикой желания (*volere/хотеть*) и придаточного предложения, которое в каждом из языков соответствует конкретным грамматическим нормам. Каузируемое действие обозначается глаголом в придаточном предложении и выражается в русском языке формой прошедшего времени, а в итальянском языке — конъюнктива. В этой тактике выражение побуждения находится в зависимой синтаксической позиции, не может существовать независимо и, следовательно, нуждается в синтаксическом распространении. В прохибитиве, понимаемом как отрицательный императив, тактика дезидератива в русском языке принимает две практически равнозначные конструкции: с отрицанием лексического показателя дезидератива и с отрицанием глагола, обозначающего каузируемое действие. В итальянской речи в собранных примерах употребляется вариант с отрицанием лексического показателя дезидератива, вариант с отрицанием знаменательного глагола в конъюнктиве встречается в корпусе итальянского языка PAISA': например, *Ma vogliamo che non vengano mai usate* (Мы хотим, чтоб они никогда не использовались); *Vorrei che non si dimenticasse il prezzo della vita* (Я бы хотел, чтобы не забывали о цене жизни = не забывай/те о цене жизни).

4.2.1.2. Тактика констатации важности каузируемого действия для говорящего.

Сигналом «субъективной жизненной важности для говорящего будущего действия адресата, независимо от объективной ценности такого действия» является оформление побуждения в виде просьбы и мольбы [Формановская 1998: 193].

Просьба может быть выражена посредством констатации необходимости и важности для говорящего какого-либо объекта, состояния или положения вещей. Для этого чаще всего используются лексические средства, как в примере (8), где каузатор сообщает о необходимости для нее лично договориться о встрече, используя лексику соответствующей семантики: *ti servirebbe* (мне нужно), *è molto importante* (это очень важно). То, что это побуждение к действию, понятно из ответной реплики мужа, отказывающегося от каких-либо действий в этом отношении, и из заключительного хода жены — метапрагматической конструкции *ti prego* (прошу тебя). Выбор условного наклонения (*servirebbe*) здесь показателен только в силу его потенциала в снижении ликоугрожающего эффекта по сравнению с индикативом.

(8)

Sara	Ho bisogno di un favore. È l'ultimo che ti chiedo. Mi servirebbe con urgenza un appuntamento col suo sostituto, il Cardinal Nascari.
Marito	Non spendo più il mio nome per te in Vaticano.

Sara	Ma è molto importante... Sandro. Ti prego. (Suburra)
(Сара	Сделай мне одолжение (досл. Мне нужно одолжение). Это последнее, о чем я тебя прошу. Мне срочно нужна аудиенция с его заместителем, кардиналом Наскари.
Муж	Я больше не буду просить за тебя в Ватикане.
Сара	Но это очень важно... Сандро. Прошу тебя.)

Констатация заинтересованности каузатора в исполнении некоторого действия в русском языке может также выражаться посредством показателя необходимости. Для убеждения адресата в непременном исполнении действия тактика может получить развитие в виде дополнительной аргументации. В примере (9) это указание на важность каузируемого действия. Далее наблюдается переход от установки на самого себя к установке на адресата — говорящий меняет тактику и различными способами указывает на бенефактивность искомого действия для адресата: от запугивания (*муж находится в опасности*) до реализации служебных полномочия (*провести официальный обыск*) и оценки решения, принимаемого адресатом (*глупый поступок*).

(9)

Градов	Евгений Анатольевич на допросе мне рассказал про запись. Мне необходимо, чтобы вы ее мне передали. Это очень важно.
Жена Маркина	Но я...
Градов	Дело в том, что Крюков, он узнал о существовании записи и ваш муж сейчас находится в опасности.
Жена Маркина	Я не могу вам ее отдать. Это невозможно.
Градов	Послушайте, я могу провести официальный обыск. Это все время.
Жена Маркина	Я отдам запись только тогда, когда Женя мне об этом скажет. И тому, кому он скажет. Понятно? [...] Ну, тогда снимите видео, где мне он сам скажет о том, что я должна отдать эту запись именно вам.
Градов	Вы сейчас делаете очень глупый поступок. (Шторм)

В примерах (10) и (11) говорящий также эксплицитно указывает на необходимость и на важность искомого действия для него самого:

(10)	
Сотрудник полиции	Помощник прокурора готов его сдать за неоднократное получение взяток от Крюкова.
Осокин	Цена?
Сотрудник	Пока не знаю. Уточню.
Осокин	Достань мне это. Мне нужно, чтобы прокуратура ужом вилась.
Сотрудник	Сделаем. (Шторм)
(11)	

Градов	Смотри. (<i>протягивает конверт</i>) Здесь бабушка с двумя детьми. Не доехали до отеля в Греции. Вообще непонятно. Они границу пересекли в Финляндии и куда-то пропали. Их нужно найти.
Ассистент	Окей.
Градов	Это очень важно. Они мне дороги.
Ассистент	Сергей Михайлович, да я понял. Сделаю.
Градов	Давай. (Шторм)

Тактика может сопровождаться аргументацией в бенефактивности для говорящего, как в примере (12). Побуждение и аргументация находятся в причинно-следственных отношениях.

(12)

– **Садись поближе. Мне тяжело** говорить громко. (Мажор)

Побуждение в интересах говорящего с указанием на важность действия для него выражается любым из возможных способов: прямым (императивная форма глагола) или косвенным. Констатация бенефактивности и важности действия для говорящего может быть синтаксически независима, а может находиться с побуждением в причинно-следственных отношениях. Указание на бенефактивность каузируемого действия выражается как эксплицитно при помощи показателей необходимости и важности (8)-(10), так и имплицитно — слушающий самостоятельно устанавливает причинно-следственную связь между побуждением и его причиной (12). В приведенных примерах на русском языке показатель важности находится в постпозиции, которая, однако, не является единственно возможным вариантом: ср. *Мне тяжело говорить. Садись поближе.* В итальянском языке в примере (8) первый шаг диалогического хода *No bisogno di un favore* (показатель бенефактивности для говорящего) предваряет побуждение, выраженное в косвенной форме. После получения отказа от собеседника выражение важности становится эксплицитным: *è molto importante.*

4.2.1.3. Тактика увеличения интенсивности побуждения. Всякое побудительное высказывание рассчитано на достижение определенного перлокутивного эффекта — исполнение искомого действия. В целях успешности побуждения каузатор должен оценивать его эффективность, и в случае неудачи или демонстрации слушающим нежелания или неготовности исполнить действия он может увеличивать интенсивность побуждения, которая рассматривается нами как признак повышенной заинтересованности говорящего в реализации каузируемого действия.

В итальянском языке интенсивность побуждения может увеличиваться за счет изменения формы одного и того же глагола. В примере (13) говорящий переходит от императивной формы глагола к индикативу настоящего времени. В результате такого сочетания становится очевидно, что формы индикатива настоящего времени являются более импозитивными по сравнению с императивными.

(13)

Professore

Maurizio! **Accosta** immediatamente perché io e te dobbiamo parlare! [...] Maurizio, **adesso tu accosti e mi dai i soldi** che mi devi! (Smetto quando voglio)

(Учитель

Маурицио! **Останови** немедленно машину: нам с тобой нужно поговорить! [...] Маурицио, **сейчас ты остановишь машину и отдашь мне деньги**, которые ты мне должен!)

В примере (14) интенсивность побуждения увеличивается за счет повтора императивных форм глагола и перехода от формы СВ к форме НСВ. Императив НСВ воспринимается как побуждение к действию, которое необходимо выполнить незамедлительно. НСВ является здесь «сигналом к действию» [Benacchio 2007: 241].

(14)

Врач посетителю

Уйдите отсюда. **Выйдите**, пожалуйста. **Выходите**. (Мажор)

Интенсивность побуждения в обоих языках увеличивается за счет смены глагольной формы. В итальянском языке это переход от императивной формы глагола к индикативу настоящего времени, в русском — смена глагольного вида.

4.2.1.4. Тактика синтаксического повтора. Понятие мольбы как выражения субъективно жизненной важности для говорящего будущего действия включает в себя настойчивое повторение просьбы. В примерах нами были выделены тактики повтора отдельных языковых единиц (слов) со значением побуждения в пределах одного диалогического единства. Словные повторы не имеют в лингвистике четкой интерпретации, т.к. ориентация на те или иные признаки обуславливает их классификацию либо как синтаксических единиц, либо как сложных слов (см., например, [Шанский 1968; Ахманова 1966: 327; Вежбицкая 1999b; Плунгян 2003; Рожанский 2011]). Повторы одной лексемы типа *работай-работай, давай-давай, parla, parla! corri, corri!* все же тяготеют к собственно синтаксическим и существуют в языковом сознании «не как инвентарные единицы, а как единицы конструктивные, как своеобразные речевые производные слова, свободно (подобно синтаксическим структурам) производимые носителями языка в процессе речевой деятельности» [Крючкова 2004: 80].

Ф. И. Рожанский отмечает, что повторы слов на уровне предложения распространены во многих языках: «если повторяется прилагательное, то подразумевается высокая степень соответствующего качества, если повторяется глагол, то это повторяющееся или продолжающееся действие и т. д.» [Рожанский 2011: 27]. Некоторые исследователи относят синтаксическую редупликацию к средствам «интенсификации» [Вежбицкая 1999b]. Однако, исследования затрагивают чаще всего удвоение прилагательных, наречий и адвербиальных выражений. В отношении глагольных редупликатов отмечалось, что они выражают «идею количества» [Панков, Овтина 2018: 147]. В частности, в языках, в которых императив является грамматической категорией, его можно повторить «для эмпазы» [Вежбицкая 1999b: 229]. По-

итальянски можно сказать *Parla, parla!*, по-русски — *Говори, говори!* Такой повтор, когда повторяется вся клауза⁶⁵, даже если она состоит из одного слова, А. Вежбицкая называет клаузальным повтором (*clausal repetition*). По ее наблюдениям⁶⁶ клаузальный повтор в итальянском языке встречается чаще, чем в английском. Однако, если в английском языке клаузальный повтор может быть расшифрован следующим образом: «Я хочу, чтобы ты сделал нечто СЕЙЧАС» и указывать на срочность выполнения действия, то в итальянском языке такой повтор выражает желание повлиять на адресата, но «не обязательно заставить его сделать что-то быстро» [Вежбицкая 1999b: 232].

Синтаксический повтор интерпретируется как заверение в крайней необходимости в совершении каузируемого действия. Повтор может сопровождаться аргументацией в необходимости конкретного действия (15), или представлять собой исключительно словный повтор (16), (17), или включать парафраз сказанного с использованием иной тактики как в (18). Синтаксический повтор может сопровождаться паралингвистическими средствами вынуждения, например, повышением тона, голоса, как в (17).

(15)

Livia a Aureliano Non lo fare perché ti ha chiesto papà. **Fallo** per me.
Fallo perché te lo chiedo io. (*Aureliano non risponde*)
 Oh! Mi rispondi? (*Suburra*)
 (Ливия брату Аурельяно) Не надо этого делать, если тебя попросил папа. **Сделай это** ради меня. **Сделай**, потому что я прошу тебя об этом.
 (*Аурельяно не отвечает*) Эй! Что молчишь?)

(16)

— **Per favore, vai** di là. **Vai** di là. (*Suburra*)
 (— **Пожалуйста, иди** туда. **Иди** туда.)

(17)

Sara a Gabriele Voglio sapere chi è. Tu la devi trovare, perché lei è sicuramente coinvolta
 Lele Tu mi devi comunque ancora pagare.
 Sara **Trova** la ragazza. (*urlando*) **Trovala**. (*Suburra*)
 (Сара, обращаясь к Габриэлю
 Я хочу знать, кто она. Ты должен найти ее, потому что она точно замешана.
 Леле А ты мне еще должна заплатить.
 Сара **Найди** девочку. (*кричит*) **Найди ее.**)

(18)

— E tu **trovala**. Capito? **La devi trovare!** (*Suburra*)
 (— А ты **найди ее**. Понял? **Ты должен ее найти.**)

⁶⁵ Термин, предложенный А.Е. Кибриком (см. прим. переводчика в [Вежбицкая 1999а: 229]).

⁶⁶ Все примеры в ее исследовании происходят из текстов А. Manzoni (XIX век) и их переводов А. Colquhoun (1954 г.).

(19)

Poliziotto	Zitto e fermo , pezzo di merda!
Spadino	Ma che vuoi?
Poliziotto	Zitto , stronzo.
Spadino	Io non ho fatto un cazzo.
Poliziotto	Devi stare zitto . (Suburra)
(Полицейский	Молчи и не двигайся , урод!
Спадино	Че надо?
Полицейский	Молчи , сволочь.
Спадино	А че я сделал?
Полицейский	Ты должен заткнуться!)

Кратность синтаксического повтора не ограничена. В примере (19) повтор демонстрирует не только настойчивость каузатора, но и отсутствие разнообразия тактик, которое может быть объяснено особенностями ситуационного контекста: после долгого преследования полицейскому удастся настичь и обездвигать подозреваемого в совершении преступления. Понимая, что терпит коммуникативную неудачу, каузатор не изменяет тактику, не указывает, например, на бенефактивность действия для адресата (молчать и не двигаться) или на возможные негативные последствия, но продолжает повторять одно и то же. В этом случае речь идет не о просьбе, а о приказе, который не предполагает аргументации.

В примерах (18) и (19) кульминацией синтаксического повтора является употребление показателя деонтической модальности (*devi*) со знаменательной лексической единицей, выражающей побуждение. В приведенных примерах побуждение выражается императивной формой глагола, хотя во втором случае наблюдается ее эллипсис: *zitto = stai zitto* (досл. *будь молчалив*). Поскольку при повторе интенсивность побуждения нарастает, то тактика деонтической модальности (см. далее) представляется более импозитивной и обладает большей иллокутивной силой по сравнению с каноническим императивом (см. пример (19)).

Если какое-либо действие бенефактивно для говорящего, он, скорее всего, будет добиваться его исполнения всеми возможными способами. В русской лингвокультуре синтаксический повтор, один из языковых способов заставить адресата исполнить конкретное действие, интерпретируется слушающим как сигнал о важности действия для говорящего и о том, что он не намерен отказываться от своей интенции. Эта тактика не содержит лексических показателей важности. Как и в примерах (16), (17) в примере (20) наблюдается словный повтор без аргументации. Однако, следует отметить неравенство социального статуса двух коммуникантов: Градов — старший по возрасту, Варя — молодая девушка, дочь гражданской жены Градова. К тому же Градов — полицейский и привык разговаривать в приказном тоне.

(20)

Градов	Дай мне с ней поговорить.
--------	---------------------------

Варя	Сереж, она не хочет, понимаешь?
Градов	Она спит сейчас?
Варя	Нет, она не хочет говорить.
Градов	Дай ей трубку.
Варя	Сереж.
Градов	Дай ей трубку.
Варя	Сейчас. (Шторм)

В русском языке синтаксический повтор при побуждении может быть идентичным исходной конструкции, либо конструкция может распространяться за счет второстепенных членов предложения или, наоборот, сокращаться. В примере (21) номинальная синтагма, выражающая объект, замещается местоимением, и вводится наречие способа и образа действия *просто* — говорящий пытается убедить слушающего в том, что исполнить искомое действие будет незатруднительно.

(21)

Моргулис	Оль, шутки кончились. Отдай мне отчет Лукьянова.
Ольга	Какой отчет?
Моргулис	Операция бесполезна. Просто отдай его мне.
Ольга	Но у меня его нет. (Шторм)

Повтор может быть синонимическим, как в примере (22). В данном контексте слова *стоп* и *хватит* семантически очень близки и оба выражают побуждение к прекращению совершаемого действия.

(22)

- **Стоп, стоп, стоп. Хватит.** (Мажор)

Пример (23) содержит синтаксический повтор с парафразом, в состав которого входит модальный показатель деонтической необходимости *надо*. Вернее, его отрицательная форма, поскольку здесь речь идет о прохибитиве. Формально личное и безличное выражение побуждения чередуются в данном примере. Интенсивность побуждения увеличивается за счет использования и повтора метапрагматического элемента — перформативного глагола *просить*.

(23)

- **Не говори. Слышишь? Не надо**, так лучше будет. День **не говори**. Я прошу тебя, Игорь. За день мы все уберем. **Прошу тебя, Игорь, не надо.** (Мажор)

В этом примере просматривается аналогия с примером на итальянском языке с показателем деонтической модальности глаголом *dovere*, и безличное *надо* представляется более мягким вариантом модального *не должен*, требующего личной формы. Безличная форма снижает импозитивность.

Из приведенных примеров очевидно, что синтаксический повтор распространяется на побудительную конструкцию, содержащую императивную форму глагола, инфинитив, показатель деонтической модальности либо состоящую из именного элемента или наречия с

опущенным глаголом. Повтор предпочтителен для кратких выражений побуждения: трудно представить в повторе, например, развернутый вопрос с побудительной семантикой. Синтаксический повтор используется как в просьбе, так и в приказе, т. е. как в статусно-маркированном, так и в статусно-нейтральном общении. В просьбе синтаксический повтор нуждается в митигации иллокутивной силы средствами вежливости, метапрагматическими единицами, обнаруживающими глубинные перформативные конструкции, и смягчающими показателями модальности.

4.2.1.5. Тактика интеррогатива. Во многих языках для побуждения используются вопросы с директивной семантикой. А. Айхенвальд выделяет четыре типа вопросительных предложений [Aikhenvald 2010: 257-265]. Три из них относятся к общим вопросам (*yes/no questions*), один — к специальным вопросам с вопросительным словом.

- вопрос о способности адресата совершить действие (*ability question*) — *He могли бы Вы закрыть окно? = закройте окно* (Айхенвальд отмечает, что положительные вопросы о способности в русском языке не являются конвенциональными директивами [Aikhenvald 2010: 259]) *Potresti chiudere la finestra? = chiudi la finestra*. Такие вопросы содержат модальный показатель возможности/способности;
- вопрос о необходимости или облигаторности искомого действия (*necessity question*) — *Тебе это надо? = не делай этого* (в русском языке встречается в разговорной речи или в региолектах [Aikhenvald 2010: 291]), *Lo devi proprio fare? = non lo fare*. Такие вопросы должны содержать модальные показатели необходимости.
- вопрос о желании/готовности адресата исполнить действие (*desire/willingness question*) — *He хочешь мне все рассказать? = расскажи мне все, Vuoi chiudere la porta? = chiudi la porta*. Пропозиционально такой вопрос соотносится с желанием слушающего исполнить искомое действие.
- вопрос о мотивированности действия (*reason question*) — *Почему бы тебе не остаться? = останься, Perché non resti? = resta, non andare via*. И в русском, и в итальянском языке эти вопросы имеют в своем составе вопросительный показатель причинности.

Однако, при исследовании корпуса примеров на обоих языках нами были обнаружены общие вопросы без модальных показателей и не соотносимые с желанием адресата. Каузируемое действие в таком вопросе обозначается знаменательным глаголом.

(24)

Sara	Hai fatto un gran casino, lo sai?
Lele	Oh. Ti calmi? (Suburra)
(Саpa	Ну, ты и натворил делов, а?

- Леле Эй-эй, **поттише!** (досл. **Ты успокоишься?**)
- (25)
- Il padre ad Aureliano A me, queste cose non me le devi dire, Aurelia'! **Adesso mi spieghi perché?**
- Aureliano Non mi devi toccare. [...] T'ho detto che non mi devi toccare! (Suburra)
- (Отец Аурельяно Лучше не говори мне этого, Аурельяно! **А вот сейчас объясни мне: почему?** (досл. **Объяснишь мне сейчас?**))
- Аурельяно Не трогай меня. [...] Я сказал тебе: не трогай меня!)

Прямое побуждение с использованием канонического императива считается ликоугрожающим речевым актом [Brown, Levinson 1987]. Многие директивы, не содержащие императивную форму глагола (интеррогативы и декларативы), позволяют избежать прямой конфронтации между коммуникантами и часто полагаются менее импозитивными [Aikhenvald 2010: 256]. Однако, в приведенных нами примерах на итальянском языке общий вопрос о готовности адресата исполнить действие (*willingness question*) воспринимается носителями языка как более импозитивный и менее вежливый по сравнению с прототипическим императивом: *calmati!* < *ti calmi?*, *spiegami!* < *mi spieghi?* Тот факт, что в тактике интеррогатива говорящий не демонстрирует заинтересованности «сохранить лицо» собеседника, позволяет отнести эту тактику к установкам на самого себя.

Общий вопрос с побудительной семантикой в итальянском языке может сопровождаться маркером вежливости *per favore/пожалуйста*. В русском языке такое сочетание невозможно.

- (26)
- **Mi lasci, per favore?** (Suburra)
- (– **Оставь меня в покое, пожалуйста.** (досл. **Оставишь меня в покое, пожалуйста?**))

В русском языке общие вопросы также могут иметь побудительную семантику, но в наших примерах отличие от итальянского такие вопросы выражают солидарность между коммуникантами. Они допустимы при общении с социально равным собеседником и не интерпретируются как побуждение с повышенной импозитивностью.

- (27)
- (Игорь задерживается)
- Игорь, **идешь?** (Мажор)

- (28)
- **Подождешь меня?** Я сейчас. (Мажор)

В общем вопросе говорящий как бы демонстрирует, что находится в поиске исполнителя действия, целесообразность которого уже решена и не обсуждается. Ответ «да» предполагает согласие адресата на исполнение каузируемого действия. Частные вопросы о мотивированности в отличие от общих вопросов обнаруживают скорее поиск бенефактивности для самого исполнителя.

Вопрос о мотивированности действия в итальянском обладает семантикой противоположной формальной: если в вопросе содержится отрицание, то это побуждение исполнить действие; если вопрос положительный — это прохибитив: *perché non resti qua?* = *resta qua*, *perché resti qua?* = *non restare qua*.

(29)

– **Perché non resti** qua? A me piace che stai qua. (Suburra)

(– **Почему бы тебе не остаться?** (досл. **Почему ты не остаешься здесь?**) Мне нравится, когда ты здесь.)

В итальянском языке вопрос о мотивированности *perché non* + 2*Sg/PlPraes* представляет каузируемое действие как более результативную альтернативу совершаемому действию:

(30)

– **Perché non gli proponi** un'altra cosa? Se non te lo vuole dare, non te lo dà.

(Suburra)

(– **Почему бы тебе не предложить ему** чего-нибудь другого? (досл. **Почему ты не предложишь ему** чего-нибудь другого?) Если он не захочет дать, то не даст.)

(31)

Samurai Passavo di qui ed ero curioso di conoscerla.

Sara Conoscermi?

Samurai Beh, ho sentito molto parlare di lei. Del fatto che adesso sta in quella Commissione del Vaticano. **Perché non si siede?**

Sara (non si siede) Senta, che cosa vuole da me? (Suburra)

(Самурай)

Я тут проездом, просто захотел познакомиться с Вами.

Sara Со мной?

Самурай Ну, Я много слышал о Вас. О том, что Вы сейчас в этой Ватиканской комиссии. **Почему бы вам не сесть? Почему Вы не садитесь?**

Sara (не садится) Послушайте, что Вам от меня надо?)

Подобные вопросы с отрицанием в русском языке не были зафиксированы в корпусе наших примеров, однако их наличие легко верифицируется в Национальном корпусе русского языка: *А почему бы тебе не съездить в командировку от нашей газеты? Почему бы тебе не рассказать сейчас о себе?*

Пример прохибитива, выраженного вопросом о мотивированности, содержится в нашем корпусе примеров на русском языке (32): *ты чего так гонишь?* = *не гони*. Конвенциональность такого побуждения подтверждается интерпретацией слушателя, который в ответ демонстрирует свое согласие прекратить совершаемое действие.

(32)

Жена адвоката

Гриш, **ты чего так гонишь-то?**

Адвокат Глушаков

Все-все, больше не буду. (Шторм)

В последнем примере общий вопрос формально не содержит отрицания, но обладает отрицательной семантикой⁶⁷ — он также выражает прохибитив, который прототипически в русском языке образуется при помощи показателя отрицания *не*. В примере (33) вопрос содержит отрицательную частицу *не*, однако его побудительное значение не отрицательно: *не спросишь меня?* = *спроси меня*. Иными словами, здесь мы наблюдаем полную аналогию с рассмотренными выше примерами на итальянском языке.

(33)

Марина	Осокин, ты даже не спросишь меня , где я ночую?
Осокин	Нет. (Шторм)

Отрицание, содержащееся в предикативе (категория состояния [Летучий 2017]) вопроса о возможности или способности адресата исполнить искомое действие *вам нетрудно подождать?* = *подождите*, выступает в роли маркера побудительности: положительный вариант того же вопроса будет восприниматься как общий вопрос, на который ожидается ответ *да* или *нет*.

(34)

– Вам **нетрудно** будет **подождать**? Мне нужно сделать один звонок.
 – Конечно. (*встает и отходит*) (Мажор)

Не все общие вопросы могут интерпретироваться как побуждение. Общий вопрос, как известно, предполагает ответ *да* или *нет*, т. е., задавая общий вопрос, говорящий хочет получить информацию об истинности или ложности высказываемой пропозиции. В примерах (35) и (36) мы наблюдаем именно такие вопросы. Вопрос *Вы можете сделать так [...]?* адресат, возможно, понимает как побуждение, т. к. его ответ может интерпретироваться следующим образом: *да-да, конечно, естественно я могу* или *да-да, конечно, естественно я сделаю это*, т. е. как вербальный ответ на побуждение. В (36) адресат эксплицитно отвечает о собственной возможности/способности совершить действие (подтверждает истинность высказанной пропозиции). И все же, мы относим оба эти вопроса к вопросительно-побудительным [Валгина 2003: 70], т. к. провести четкую разграничительную черту между собственно-вопросительными предложениями и вопросительно-побудительными представляется затруднительным⁶⁸.

(35)

– Я только очень вас прошу. Вы, пожалуйста... Вы **можете сделать так**, чтобы никто не знал, что она (*запись*) у вас от меня?
 – Да-да, конечно, естественно. Можете за это не переживать.
 – Я могу идти?
 – Да-да. Вот вам мой личный телефон. Звоните, если что.
 – Хорошо. Спасибо. (Шторм)

(36)

⁶⁷ Прохибитив — «отрицательный императив» [Плунгян 2003: 319].

⁶⁸ Подробнее см. [Грамматика 1980: 394-321; Булыгина, Шмелев 1982: 314-326; Храковский, Володин 2002: 207-210; Филатова 2005: 147-162]

- Слушай, до дома меня сегодня **подбросишь?**
- Могу.
- Здорово. Через час тогда поедем. (Мажор)

В примере (37) общий вопрос *сходишь купишь?* может быть приравнен к конструкции с дублетными императивными формами *сходи купи*.

(37)

Ольга	Артем, ты как думаешь, здесь алкоголь можно купить?
Артем	Да. Там бар на ресепшене. Думаю, можно.
Ольга	Слушай, давай купим, а? А то я сейчас с ума от всего этого сойду. Сходишь купишь? (Шторм)

Вопрос о наличие какого-либо предмета служит побуждением дать этот предмет говорящему:

(38)

Соколовский	Телефон (номер телефона) есть?
Агалов	Сокол, а тебе зачем?
Соколовский	Надо. (Мажор)

Вопрос-побуждение может иметь оттенок сомнения в возможном исполнении искомого действия, как в примерах (39) и (40). Любопытно, что обе реплики принадлежат одному человеку. Возможно, что иллюстрируемая тактика составляет характерную черту именно этой языковой личности.

(39)

Родионова	Может, пропустишь? (Мажор)

(40)

Родионова	Может, работать поедешь? Чего время теряем? (Мажор)

Побудительная конструкция с вводным словом *может*, сообщающее оттенок сомнения вопросу, предполагает знаменательный глагол в личной форме (в приведенных примера — 2Sg), которая определяет и выделяет адресата высказывания и исполнителя искомого действия из всех возможных: *может, пропустишь?* = *пропусти!*; *может, работать поедешь* = *езжай работать*.

Конвенциональность наблюдается также в риторическом вопросе или вопросе, который говорящий обращает к самому себе. В примере (41) Сара вопрошает сама себя о возможности совершить совместно определенные действия для сохранения доброй памяти прелата. Собеседник, подхватывая мысль Сары, интерпретирует его как призыв сделать именно так, как это описывается в вопросе. Само содержание побуждения не совсем ясно слушателю, как это становится понятно из его вопроса, но иллюкутивную силу косвенного вопроса он понимает как просьбу — *che cosa mi sta chiedendo?*

(41)

- Sara Siamo parlando di un uomo di Chiesa, dottore. **Mi chiedevo** se potevamo⁶⁹ **fare qualcosa** assieme **per farlo riposare in pace**. Un gesto di umanità che ne salvi la memoria.
- Dottore Una cosa compassionevole.
- Sara Esatto.
- Dottore Va bene. Ma, in concreto **che cosa mi sta chiedendo?**
- Sara Una dichiarazione che attesti che padre Theodosiou ha avuto un malore. In conseguenza di quello è caduto dalla finestra. Una cortesia, che potrei contraccambiare. (Suburra)
- (Sara) Мы говорим о прелате, доктор. **Я вот подумала**, не могли бы мы **сделать что-нибудь** вместе, **чтобы он упокоился** в мире? Жест доброй воли, который спасет его память.
- Врач Проявить сострадание.
- Sara Да.
- Врач Хорошо. Но **что именно Вы от меня хотите?** (досл. **О чем именно Вы меня просите?**)
- Sara Свидетельство о том, что отец Феодосий почувствовал себя плохо и вследствие этого выпал из окна. Я не останусь перед Вами в долгу.)

Общий вопрос в итальянском языке может быть сформулирован при помощи модального глагола в условном наклонении. Такой способ косвенной каузации считается наименее ликоугрожающим и, следовательно, наиболее вежливым: *mi saprebbe dire?* Подобная косвенность наблюдается и в утвердительном варианте пропозиции *potrebbe mandare/dire*, также имеющем побудительное значение.

(42)

- Cardinale Dottore, scusi, permette? **Mi saprebbe dire** il numero esatto delle persone che dobbiamo accogliere?
- Amministratore Sono 514, eminenza.
del centro accoglienza
- Sara all'amministratore Noi potremmo accogliere tutti.
- Sara al suo collaboratore Cerchiamo almeno di non dividere le famiglie.
- Suora La struttura della Monaschi è nata da poco e serve gente di esperienza per mandarla avanti.
- Cardinale **Potrebbe mandare** il suo personale nella struttura della Monaschi e **darle** una mano?
- Suora E i soldi chi li prende?
- Cardinale Sorella! In una situazione come questa, lei si preoccupa dei soldi?

⁶⁹ так в фильме

Amministratore	Prenda lei le famiglie, dottoressa.
Sara	Va bene.
Amministratore	Venga con me. (Suburra)
(Кардинал	Простите, Вы позволите? Вы не могли бы мне назвать (досл. Могли бы мне назвать) точное количество человек, которых нам нужно разместить?
Администратор лагеря беженцев	514, кардинал.
Sara администратору	Мы можем принять всех.
Sara своему сотруднику	Нужно постараться хотя бы не разлучать семьи.
Монахиня	Ассоциация госпожи Монаски появилась совсем недавно, а тут нужен квалифицированный персонал.
Кардинал	Вы не могли бы направить свой персонал в организацию Монаски и помочь ей? (Могли бы Вы [...])
Монахиня	А деньги кому пойдут?
Кардинал	Сестра! В такой ситуации Вы думаете о деньгах?)

Общий вопрос может означать каузацию действия, прямо противоположное тому, что обозначается лексическим глаголом вопроса. В (43) вопрос *ancora qua stai?* эквивалентен побуждению *vai via*:

(43)

Livia	Ancora qua stai?
Fidanzato di Livia	Non ti lascio sola, Livia. (Suburra)
(Ливия	Ты все еще здесь?
Жених Ливии	Я не оставлю тебя, Ливия.)

В (44) общий вопрос звучит как осуждение в неуместности описываемого поведения. Эффект прохибитива усиливается апеллятивом *sorella* и употреблением субъекта *lei* при традиционной редукции подлежащего: этот вопрос обращен исключительно к одному адресату и интерпретируется как совет или даже приказ, поскольку исходит от человека, занимающего более высокое положение в иерархии, отправить свой персонал для помощи третьему человеку и не задумываться о последствиях: *Lei si preoccupa dei soldi?* (Вы беспокоитесь о деньгах?) = *Non si preoccupi dei soldi* (Не беспокойтесь о деньгах).

(44)

Eminenza	Potrebbe mandare il suo personale nella struttura della Monaschi e darle una mano?
Suora	E i soldi chi li prende?
Eminenza	Sorella! In una situazione come questa, lei si preoccupa dei soldi?
Amministratore	Prenda lei le famiglie, dottoressa.
Sara	Va bene.
Amministratore	Venga con me. (Suburra)

(Кардинал	Вы не могли бы направить свой персонал в организацию Монаски и помочь ей? (Могли бы Вы [...])
Монахиня	А деньги кому пойдут?
Кардинал	Сестра! В такой ситуации Вы думаете о деньгах?
Администратор	Возьмите Вы семьи, госпожа Монаски.
Сара	Хорошо.
Администратор	Пойдемте со мной.)

Итак, в итальянском и русском языках вопросительные высказывания могут употребляться в побудительном значении. Это могут быть общие вопросы с модальными показателями или без них. В функции побудительных используются также частные вопросы с вопросительным показателем причинности типа *почему/perché*. Предикаты в побудительных вопросах могут стоять как в индикативе, так и в сослагательном наклонении (примеры на итальянском языке). Сослагательное наклонение в итальянском языке употребляется в статусно-маркированном общении и служит показателем благородного и литературного варианта языка. Отрицание в общем вопросе, предполагающем ответ *да* или *нет*, в русском языке сигнализирует о его побудительном значении, подобно тому, как отрицание в вопросах о мотивированности действия (частные вопросы) в итальянском языке служит сигналом о побуждении. Общий вопрос в итальянском языке обходится без отрицания. Частный вопрос о мотивированности действия имеет побудительное значение в обоих языках, если глагол, обозначающий каузируемое действие подвергается отрицанию, в то время как положительный вариант частного вопроса о мотивированности имеет прохибитивное значение.

Побудительность вопроса о наличии какого-либо предмета определяется контекстом: в тех случаях, когда не имеется предпосылок для простого подтверждения или отрицания существования предмета, когда знание о его наличии не является необходимым условием продолжения вербального или невербального взаимодействия, такой вопрос конвенционально интерпретируется как побуждение дать этот предмет говорящему. В общих вопросах с побудительной семантикой каузируемое действие обозначается глаголом Ind.Praes в итальянском языке и Ind.Fut.Pvf в русском языке. Форма Ind.Praes была зафиксирована нами только с глаголом движения. В итальянском языке общие вопросы по большей части употребляются в отношениях власти, а в русском — в отношениях солидарности, т.е. в итальянском языке такие вопросы обладают большей импозитивностью.

В нормативных грамматиках общий вопрос представляется менее ликоугрожающим. Считается, что у слушающего всегда есть возможность интерпретировать вопрос как запрос информации и, следовательно, ответить *да* или *нет*, замаскировав таким образом отказ исполнять искомое действие. Побуждение, высказанное в вопросительной форме, каузирует действие в интересах говорящего.

4.2.2. Тактики установки на адресата

В побудительных речевых актах отражается волеизъявление говорящего, и необходимым условием успешности каузации или попытки каузации является контроль говорящего над искомым действием. В понятии «контроль» различаются два аспекта: пропозициональный и коммуникативный. Первый означает, что само действие должно контролироваться его исполнителем [Булыгина, Шмелев 1997: 99-100]. Глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, состояния, свойства могут не иметь императива или используют его только в непрямых контекстах [Добрушина 2014]. Второй связан со степенью влияния, которое говорящий имеет или полагает, что имеет, на исполнителя [Бергельсон 1990: 14], которое реализуется в тактиках установки на адресата. Степень контроля в его коммуникативном аспекте может быть различной [Добрушина 2001: 80]. Например, так называемые «вежливые» императивы — ничто иное, как понижение степени контроля со стороны говорящего [Гусев 2013: 26].

4.2.2.1. Тактика указания на бенефактивность для адресата. Бенефактивность действия для адресата может быть выражена посредством положительной субъективной оценки искомого действия со стороны говорящего (каузатора). В итальянском языке такой совет синтаксически может быть оформлен как гипотаксис с императивной формой глагола в подчинении. В главной части — именной предикат, выражающий оценку каузируемого действия, неизменно положительную: *è meglio/bene che Conj.Praes*.

(45)

Lele	Lo stanno venendo a prendere. È meglio che ti sbrighi a decidere. (Suburra)
(Леле	Они едут за ним сюда. Решай уже быстрее! (досл. Было бы лучше, если бы ты принял решение побыстрее.))

(46)

— Guardi, **è meglio che se ne vada.** (Suburra)
 (- Знаете, что? **Лучше бы Вы ушли!**)

(47)

Monsignore	Io non voglio vedere più quelle persone. Mai più.
Sara	Ecco, appunto. Allora mi dia retta. È bene che se ne vada da Roma. Si faccia dimenticare. Finché tutti non si sono scordati di quello che è successo. (Suburra)
(Кардинал	Не хочу больше видеть этих людей. Никогда!
Sara	Вот именно! Тогда послушайте меня. Вам лучше уехать из Рима. Чтобы вас забыли. Пока все не забудут о том, что здесь произошло.)

В русском языке также существует подобный способ выражения положительной оценки каузируемого действия, формально совпадающий в предикативной части с описанным итальянским выражением, но отличающийся в части распространителя предиката: *лучше Inf.*

(48)

– Я думаю, **тебе лучше** домой **поехать**. (Мажор)

В итальянском языке для указания на бенефактивность может использоваться инфинитив в качестве распространителя предиката, в этом случае глагольного — *ti/Le/vi conviene + Inf*, как в примере (49). В этом же диалогическом единстве наблюдается еще один директив, воспринимаемый, однако, как далеко не вежливый — это конструкция с каузативным глаголом *lasciare*. Реакция третьего лица (слушателя) позволяет понять, насколько директив оказался невежливым.

(49)

Giornalista	Non oggi, venga in radio quando sapremo i risultati.
Cinaglia	Le conviene invitare quelli che vincono.
Giornalista	Cinaglia, guardi che lei sarà la sorpresa di queste elezioni.
Cinaglia	Lasci perdere le sorprese.
<i>(Il giornalista si allontana)</i>	
La moglie di Cinaglia al marito	Che rispostaccia. (Suburra)
(Журналист	Не сегодня. Приходите на радио, когда будут известны результаты.
Чиналья	Вам лучше пригласить тех, кто выиграет.
Журналист	Чиналья, а ведь Ваша победа будет сюрпризом на этих выборах.
Чиналья	Бросьте Вы эти сюрпризы.
<i>(Журналист отходит)</i>	
Жена Чиналья мужу	Ну ты ответил!

Бенефактивность для адресата может быть не очевидной и тогда говорящий должен аргументировать каузацию действия. В примере (50) указание на заинтересованность адресата (здесь — по мнению говорящего) выражено прямо: *это в ваших интересах*.

(50)

Игорь	Михаил Ефимыч настоятельно просил вас вернуться к работе. А мы пока будем с вашей семьей. И вы должны поступить правильно. Понимаете меня? Очень правильно.
Ольга	Да-да, я поняла.
Игорь	Вам нужно подъехать по адресу: Гончарова, дом 9. Скажите, как скоро вы можете быть там?
Ольга	Я просто сейчас далеко. Я... я не близко. Я поняла. Постараюсь как можно быстрее.

Игорь

Ольга Андревна, **это в ваших интересах**. Пожалуйста, постарайтесь. Мы пока будем с вашей семьей. Телефон вашей дочери будет у меня, и, если что, звоните. Всего доброго. (Шторм)

Для достижения бенефактивного результата иногда достаточно минимального усилия, о чем может сообщаться в самом директиве. В примере (51) говорящий призывает слушательницу быть внимательнее или осторожнее, не используя, однако, при этом тактики прямого побуждения. Адресату следует исполнить действие, которое обозначается говорящим как достаточное для получения бенефактивного результата при помощи конструкции *basta che Praes*. (51)

Aureliano a Livia **Basta che stai attenta.** (Suburra)
(Аурельяно Ливии Тебе **только нужно быть осторожной.**)

В примере (52) указывается на неподобающее положение дел: отсылка к опозданию, а опоздание — действие, имеющее негативную коннотацию. Такое высказывание может интерпретироваться как *будет лучше, если ты поторопишься = поторопись!*. В этом случае речь идет об имплицитном указании, для верной интерпретации которого слушатель должен знать о нормах поведения в конкретном социуме. (52)

Адвокат жене Маш, **собирайся. Опаздываешь уже.**

Аргументация может находиться в постпозиции к побуждению (53), (56), а может предшествовать ему или чередоваться с ним (55). Побуждение может быть выражено императивом либо любым другим грамматически допустимым в конкретном языке способом.

В корпусе исследуемых примеров на итальянском языке аргументация в бенефактивности для адресата реализуется по следующим моделям:

- *Dir + Indep.Clause:*

(53)

Segretario Signori consiglieri, **un attimo di silenzio**, per favore.
Il sindaco sta facendo il suo ingresso. (Suburra)
(Секретарь Господа советники, **минуточку тишины**, пожалуйста. **Мэр идет.**)

Отметим, что побуждение в именной форме *un attimo di silenzio* является менее импозитивной формой по сравнению с каноническим императивом, например, *fate silenzio*.

Аргументация может быть выделена в отдельное предложение (53) либо выражаться в виде придаточного следствия (54). В этих случаях тактика указания на бенефактивность для адресата совпадает с тактикой указания на негативные последствия для адресата, которая рассматривается в числе тактик установок на действительность.

- *Imp, così Praes.*

(54)

Samurai	Accendi la radio stasera, così senti in diretta quello che c'ho da dirti. (Suburra)
(Самураи	Включи сегодня вечером радио и услышишь в прямом эфире то, что я должен тебе сказать.)

При указании на бенефактивность действия для адресата аргументация может состоять в причинной связи с побуждением, т.е. побуждение может вытекать из какой-либо нежелательной ситуации для адресата, во избежание которой говорящий советует исполнить конкретное действие.

- *Dir + Dep.Clause*

(55)

Giulia	Maurizio senti, ma secondo me, tu un bel check-up generale dovresti fartelo. Perché con tutte le volte che ti addormenti potrebbe essere un principio di narcolessia. È una cosa grave, lo sai? (Smetto quando voglio)
(Джулия	Послушай, Маурицио. По-моему, тебе нужно хорошенько обследоваться . Потому что все эти твои засыпания на ходу могут быть симптомом нарколепсии. Ты знаешь, что это серьезное заболевание?)

Здесь побуждение (совет) выражено условным наклонением (*condizionale presente attivo*) глагола *dovere* со знаменательным глаголом, обозначающим искомое действие (55). Союз *perché* указывает на причину: почему необходимо прислушаться к совету.

Предикат в независимом предложении (*independent clause*) может стоять в индикативе настоящего или будущего времени. В предыдущих двух примерах (53) и (54) — индикатив настоящего времени. В следующих (56) и (57) — в форме будущего времени.

- *Indep.Clause (Praes) + Imp + Indep.Clause (Fut)*

(56)

Il marito di Sara a Lele	Lei è giovane. Si trovi una ragazza della sua età che le voglia bene. Senza pretese. Sara non le darà mai quello che cerca. Non è in grado. Si fidi. (Suburra)
(Муж Сары Габриэлю	Вы молоды. Найдите себе девушку Вашего возраста, которая Вас полюбит. Простую девушку. Сара никогда не даст Вам то, что Вы ищете. Не сможет. Поверьте мне.)

В корпусе примеров на русском языке были выделены следующие модели:

- *Imp + Indep.Clause.*

(57)

Медсестра Градову	Сходите лучше перекусите, ничего с ней без вас не случится. (Шторм)
-------------------	--

(58)

- С ним надо что-то решать, Семен.
- Я уже решаю, Миш.
- Вот **иди и решай**. (Шторм)

В примере (57) употребляется конструкция с дублетными императивными формами (см. [Градинарова 2006: 16]), каузирующая последовательность действий — сходить и перекусить. Последовательность двух императивов встречается нередко в разговорной речи, однако, с прагматической точки зрения необходимо различать две конструкции — *Imp + Imp* и *Imp + u + Imp*. Первая конструкция по сравнению со второй является более мягкой и воспринимается как совет (57), а вторая имеет оттенок категоричности и звучит как приказ (58).

Аргументация может заключаться в простом выражении цели — для чего, с какой целью каузируется то или иное действие. Придаточное цели является одним из самых распространенных способов указать на цель побуждения:

- *Imp. + Dep. Clause*

(59)

Врач	Слушайте, дайте мне ключ от квартиры, чтобы я мог зайти , если вы мне не сможете открыть.
Градов	Нет, не надо. Все нормально. Спасибо.
Врач	До завтра.
Градов	Спасибо. (Шторм)

В последнем примере указанная в придаточном предложении цель может показаться бенефактивной для говорящего. Однако, контекст позволяет нам интерпретировать ее как необходимую для благосостояния адресата, которому трудно передвигаться по квартире.

Тактика указания на бенефактивность для адресата может быть задействована также и в прохибитиве, подкрепленном дальнейшей аргументацией о выгоде неосуществления конкретного действия для адресата:

(60)

- Пожалуйста, **не отправляйте** меня обратно. Я готов с вами сотрудничать. Как угодно, чем угодно. (Шторм)

Итак, для успешности речевого акта побуждения большое значение играет заинтересованность потенциального исполнителя действия или адекватная аргументация в бенефактивности действия для адресата, которая может быть эксплицитной или имплицитной. К эксплицитным способам указания на бенефактивность для адресата относятся предикативные конструкции с распространителем, грамматика которого зависит от строя конкретного языка. Примеры реализации тактики указания на бенефактивность для адресата на итальянском языке оказались более многочисленными, чем на русском. Это позволило выделить четыре рекуррентные модели реализации тактики против двух моделей на русском языке. Только одна из моделей совпадает в обоих языках.

4.2.2.2. Тактика маркеров вежливости. В теории П. Браун и С Левинсон [Brown, Levinson 1987] вежливость представлена в виде системы стратегий и тактик, способствующих успешности коммуникации. Вежливость подразделяется на два типа — позитивную, основанную на сближении между коммуникантами, и негативную, основанную на их дистанцировании. В естественной коммуникации эти два типа вежливости постоянно взаимодействуют: с одной стороны, при общении необходимо приблизить собеседника, а с другой — проявить взаимное почтение и дистанцирование. Вежливый стиль общения предполагает соблюдение коммуникантами баланса между демонстрацией солидарности и дистанции. Поэтому жестко разделять два типа вежливости не представляется целесообразным, хотя разные типы вежливости связаны с разными речевыми актами. Поскольку главной целью негативной вежливости является демонстрация соблюдения личной автономии адресата, то она является необходимым условием общения при побудительных речевых актах, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на адресата. «Негативная вежливость рассматривается как способ снизить невежливость невежливых иллокуций, в то время как позитивная вежливость как способ усилить вежливость вежливых иллокуций» [Sifianou 1992: 29].

Категория вежливости реализуется на различных уровнях языка: на интонационном, морфемном, лексическом и синтаксическом. Здесь мы не рассматриваем интонационный уровень по причине трудоемкости работы с аудиоматериалами, но это может оказаться небезынттересным в будущем.

К лексическим средствам выражения вежливости относятся прежде всего маркеры вежливости, включающие этикетные клише. В итальянском языке такое клише (*per favore*) может употребляться как в императивных побудительных высказываниях, так и в неимперативных директивах.

(61)

– Stai calmo! **Vai** di là, **per favore**! (Suburra)

(– Успокойся. **Иди** туда, **пожалуйста!**)

Этикетное клише может находиться как в постпозиции к императиву (61), так и в препозиции (62).

(62)

– **Per favore**, **vai** di là. **Vai** di là. (Suburra)

(– **Пожалуйста**, **иди** туда. **Иди** туда.)

(63)

Maurizio

Per favore, **chiudi** sta porta, fa un sacco di luce e mi scoppia la testa! 5 minuti e arrivò. Va bene?

Pietro

No, niente 5 minuti. Ma pensa tu! (Smetto quando voglio)

(Маурицио

Пожалуйста, **закрой** дверь, а то слишком светло, и у меня раскалывается голова! Приду через пять минут. Хорошо?

- Пьетро Никаких пять минут! Только посмотрите на него!)
 (64)
 – Basta! Basta! **Spegni** questo arnese **per favore**! È una lapide commemorativa di Teodosio il Grande, non puoi andarci con un martello pneumatico. (Smetto quando voglio)
 (– Хватит! Хватит! **Выключи** эту штуку, **пожалуйста**! Это же памятная доска Феодосия Великого! Нельзя к ней с пневматическим молотком!)
- (65)
 Sara Questa (la rete del letto) va qua, la **sistemiamo** qua, **per favore**. Sorella, appena possibile facciamo anche questi due. [...] Michela, mi fai vedere la lista degli arrivi? (Suburra)
 (Сара Эту сетку (кроватную) – сюда, **поставьте** ее здесь, **пожалуйста** (досл. **поставим** ее здесь, **пожалуйста**). Сестра, по возможности разместим и эти две. [...] Микела, покажешь мне список прибывающих?)

В русском языке маркер вежливости *пожалуйста*, аналогичный итальянскому *per favore*, употребляется и в препозиции, и в постпозиции к побуждению, выраженному императивной формой глагола.

- (66)
 Врач пациенту И, **пожалуйста**, не спорьте. (Мажор)
- (67)
 Служащий посетителю Уйдите отсюда. **Выйдите**, **пожалуйста**. (посетитель медлит)
 Выходите. (Мажор)
- (68)
 Марина Сергею Серез, **прости**, **пожалуйста**. Ну, прости, пожалуйста.
 (Шторм)
- (69)
 Женя **Не заводись**, **пожалуйста**.
 Осокин Я не заводжусь. (Шторм)

В большинстве примеров на итальянском языке маркер вежливости *per favore* используется с императивной формой глагола, но может употребляться также и с иными средствами выражения побудительности. В примере (70) это именная синтагма *un attimo di silenzio*.

- (70)
 – Signori consiglieri, **un attimo di silenzio, per favore**. Il sindaco sta facendo il suo ingresso. (Suburra)
 (– Господа советники, **минуточку тишины**, **пожалуйста**. Мэр идет.)

В примере (71) маркер вежливости употребляется в сочетании с индикативом настоящего времени в вопросительной форме. Такое употребление считается нормативным в итальянском языке в отличие от русского. Однако, нами были зафиксированы употребления маркера

пожалуйста в побудительно-вопросительных высказываниях на русском языке (72) и (73), которые представляются калькой с английского языка.

(71)

Gabriele	Sara, per favore, parliamo?
Sara	Zitto.
Gabriele	Mi dispiace.
Sara (<i>urlando</i>)	Stai zitto, ho detto! (Suburra)
(Габриэле)	Сара, пожалуйста, поговорим?
Сара	Замолчи. (досл. прилагательное «тихий, молчаливый»)
Габриэле	Извини. (досл. Мне жаль.)
Сара (<i>кричит</i>)	Замолчи, я сказала! (досл. Будь молчаливым, я сказала!)

(72)

- Дядя, **а можно, пожалуйста, мячик?** (девочка просит у Игоря мячик, который он поймал, сидя на скамейке у детской площадки) (Мажор)

(73)

Вера примеру **Помаду можно, пожалуйста?** (Садовое кольцо)

Маркеры вежливости в обоих языках могут употребляться в сочетании с другими паргматическими средствами, снижающими импозитивность побуждения. Одним из таких средств является имя собственное как показатель отношений солидарности.

(74)

Lele	Ci provo.
Sara	Non mi basta un tentativo.
Lele	Sara. Non mi chiami da tre mesi.
Sara	Dai, Gabriele, per favore.
Lele	Va bene.
Sara	Ti prego. (Suburra)
(Леле)	Я попробую.
Сара	Попробовать будет недостаточно.
Леле	Сара, ты мне не звонила три месяца.
Сара	Ну, брось, Габриэле. Пожалуйста.
Леле	Ладно.
Сара	Я прошу тебя.)

(75)

Isabel	Sono due giorni che non ti vedo.
Aureliano	Isabel, per favore, non ti ci mettere pure te. [...] Dimmi che è successo.
Isabel	Chiedilo a tua sorella.
Aureliano	Cosa ha fatto mia sorella? (Suburra)
(Изабель)	Ты уже два дня не приходил.
Аурельяно	Изабель, (пожалуйста), ты еще не начинай! [...] Что случилось?
Изабель	Спроси у своей сестры.

соединительным союзом *pure*, который в комбинации с императивом или конъюнктивом может выражать уступку в самом широком смысле этого слова или поощрение к совершению действия. Кроме названного союза диалогический ход в (82) имеет также дополнительный маркер вежливости — благодарность за еще не совершенное действие:

(82)

- **Stampi pure** le copie e le consegne. **Grazie.**
 – Va bene. (Suburra)
 (– **Распечатайте** копии и отдайте их. **Спасибо.**
 – Хорошо.)

(83)

- È tutto a posto, Anna. **Vada pure.** (Suburra)
 (– Все в порядке, Анна. **Можете идти.**)

В итальянской речевой практике для сохранения социально-психологической дистанции могут употребляться титулы, как в (84), где героиня фильма противоречит кардиналу, просит его «не говорить так» и для смягчения ликоугрожающего эффекта обращается к нему с титульным апеллятивом, подчеркивая свою осведомленность в необходимости сохранять иерархическую дистанцию.

(84)

Sara	Non dica così, Monsignore. Non è così. [...] Mi ascolti.
(Suburra)
(Sara	Не говорите так, Ваше преосвященство. Это не так. [...] Послушайте меня.)

Ликоугрожающий эффект снижается строгим следованием этикету. Офицер папской жандармерии сначала удостоверяется в том, что перед ним именно тот человек, который ему нужен, затем представляется, хотя и в очень обобщенной форме, и только после этого высказывает побуждение следовать за ним. Побуждение он предваряет выражением сожаления о сложившейся ситуации:

(85)

Gendarme	Eminenza Pascagni? Gendarmeria Vaticana. Ci dispiace disturbarla, ma ci deve seguire. (Suburra)
(Жандарм	Ваше высокопреосвященство? Жандармерия Ватикана. Нам не хотелось бы Вас беспокоить, но Вы должны проследовать с нами.)

В русском языке одним из основных лексических маркеров вежливости является личная форма глагола *извинить* в препозиции к побуждению, как просьба о прощении за еще невысказанное побуждение и неудобство, которое может испытать адресат при исполнении искомого действия или в результате его. Пример (86) — реплика-реакция полицейской, работающей в кабинете, на появление уборщицы. Диалогический ход начинается с извинения за

просьбу прийти на уборку позже, выраженную косвенно в форме общего вопроса о деонтической возможности.

(86)

– **Извините, можно попозже?** Мы поговорим. (Мажор)

Любопытно, что в нашем корпусе примеров на русском языке личная форма глагола *извинить* в качестве прагматического маркера вежливости перед побуждением встретилась всего один раз. Кроме того, в примере (86) этот маркер употребляется в побудительно-вопросительном высказывании. В остальных случаях (например, (87), (88), (89)) этот глагол используется в его первичном значении — извинение за действие, совершенное или совершаемое говорящим, в то время как в функции прагматического маркера глагол не несет семантической нагрузки и служит привлечению внимания адресата к тому, что будет сказано (пример (86)).

(87)

Марголис	Оль, посиди, подожди минутку. Олег. Давай, давай.
Олег Ольге	Ольга, извините еще раз! (Шторм)

(88)

– Здравствуйте. **Извините, что так поздно.** (Шторм)

(89)

Марина	Знаешь, чего я хочу?
Варя	Ну?
Марина	Я выпить хочу, вот чего хочу.
Варя	Ну, тогда пойдем выпьем.
Марина	Но мне же нельзя.
Варя	Тогда извини. Нельзя так нельзя. (Шторм)

Итак, говорящий прибегает к тактике маркеров вежливости, чтобы снизить импозитивность побуждения к действию, в заинтересованности которого со стороны адресата говорящий не уверен, либо для того, чтобы продемонстрировать отношения солидарности с адресатом. Основные маркеры вежливости *per favore* и *пожалуйста* в двух языках употребляются одинаково, чаще всего в сочетании с императивной формой глагола, за одним исключением — их употребление различно в побудительно-вопросительных высказываниях. В итальянском языке оно нормативно, в русском языке — нет. Однако, в русском языке в вопросах употребляется прагматический маркер вежливости в форме императива глагола *извинить*. Маркерами вежливости в обоих лингвокультурах служат также вокативы, которые сочетаются с императивной формой глагола. В русском языке имя собственное адресата в отношениях солидарности используется чаще, чем в итальянском, а в итальянском, в отличие от русского, в статусно-маркированных ситуациях используются чаще обращения-тителы, играющие роль дополнительного этикетного маркера, призванного смягчить импозитивность побуждения.

4.2.2.3. Тактика деонтической модальности. Побудительные значения включаются в число модальных многими учеными (см., напр., [Грамматика 1980 (I): 215; Бондарко и др. 1990]).

Термины «модальность» и «наклонение» семантически не противопоставляются: «наклонением считается любая грамматическая категория, грамме́мы которой выражают модальные значения [...] Наклонение — это просто «грамматикализованная модальность» [Плунгян 2011: 423]. Дж. Лайонс, например, отмечает семантическую близость императива и деонтической модальности: в частности, при необходимости регуляции поведенческих паттернов, базирующихся на моральных и социальных нормах, наряду с деонтическими предложениями употребляются директивные⁷⁰[Lyons 1977: 828]. В сфере модальности различают три понятийных центра: а) отношение высказывания к действительности; б) отношение говорящего к содержанию высказывания; в) коммуникативная цель высказывания [Падучева 2016b: 23]⁷¹. В [Грамматика 1980 (II): 216] к сфере субъективной модальности среди прочих относятся призыв, побуждение, предостережение, которые традиционно следовало бы отнести к иллокутивной сфере.

Деонтическая модальность — категория, описывающая необходимость или возможность действий. Возможность и необходимость — главные понятия модальной логики (см., например, [Фейс 1974]), понятийный аппарат которой используется при описании модальности в естественном языке, в частности, при описании синонимических отношений между возможностью и необходимостью.

Деонтическая возможность характеризует действия какого-либо агенса и утверждается морально или социально ответственным субъектом или институцией. Деонтическая возможность соотносится с понятием долга, норм поведения и системой правил. Прототип деонтической возможности — это разрешение, полученное от авторитета [Падучева 2016b: 67]. В естественном диалоге таким авторитетом может быть говорящий, под контролем которого находится деонтическая возможность, свободно употребляемая в побудительных речевых актах: *Можете идти!, Идите!, Разрешите пройти!, Можно пройти?* Деонтическая необходимость связана с обязательствами совершить (совершать) некоторые действия. Эти обязательства — результат существования моральных принципов или социальных установок, или признанного авторитета какого-либо человека или институции. С деонтической необходимостью связаны понятия морального долга, обязательства, законопослушного поведения [Падучева 2016b: 70], поэтому в целях нашего исследования кроме названных двух мы выделяем также деонтическую

⁷⁰ В оригинале: «The range of utterances whereby parents and those in authority over him regulate the behaviour of the child and inculcate in him (if they are successful) a set of moral and social norms and patterns of behavior includes not only directives, but also statements. The parent can say, not only *Don't tell lies*, but also, *It's wrong to tell lies*».

⁷¹ В. А. Плунгян в своей работе указывает на два понятийных центра сферы модальности: «отношение говорящего к ситуации (или «оценка») и [...] статус ситуации по отношению к реальному миру (или «ирреальность»)» [Плунгян 2011: 423].

модальность долженствования, т. е. кроме POSSIBILITY и DEBTIVITY⁷² мы вводим понятие «OBLIGATIVITY».

Деонтическая модальность затрагивает различные стороны нашей социальной жизни, регулируемые принятыми в обществе представлениями о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупностью норм поведения, вытекающих из этих представлений. Тактика деонтической модальности включает в себя апелляцию к обязанностям индивида, которые охватывают сферы нравственности (нравственные императивы) и социальных обязанностей. Деонтическая модальность относится к общечеловеческим универсалиям и может обладать этноспецифичностью только в плане устройства конкретного социума, накладывающего определенные обязанности на его членов.

Апелляции к нравственным императивам, к моральной необходимости снимает с говорящего роль каузатора — в этом случае не он выступает инициатором искомого действия, а того требуют определенные нормы поведения.

В итальянском языке в качестве показателя деонтической модальности чаще всего используется модальный глагол *dovere*. Пример (90) взят из разговора между двумя близкими друзьями, а дружба, как известно, налагает некоторые обязательства в плане взаимоотношений:

(90)

Sara a Gabriele	Devo organizzare una festa stasera. Mi devi dare una mano. (Suburra)
(Сара Габриэлю	Мне нужно организовать вечеринку сегодня. Ты мне должен помочь.)

Пример (91) из корпуса примеров на русском языке — диалог между мужем и женой, родителями двух несовершеннолетних детей, в котором отец «наставляет» мать в том, как нужно вести себя с детьми.

(91)

Крюков	Как дети?
Ольга (жена Крюкова)	Марк очень сильно подавлен.
Крюков	Потому что ты сама нервничаешь. А ты должна быть спокойна. Мы ни в чем не виноваты. И тебе надо транслировать это через свое спокойствие. Что Агата?
Ольга	Сидит у себя в комнате, гнобит Марка. Говорит всякую чушь.
Крюков	Про меня?
Ольга	Да.
Крюков	Ты должна заткнуть ей рот любым способом. Если она ляпнет про меня что-нибудь в интернете, ты представляешь, что будет? Отруби ей доступ.

⁷² термины В. А. Плунгяна [Плунгян 2011].

Ольга Я не буду этого делать. (Шторм)

Нравственный императив — это нравственная максима, принятая в том или ином социуме и заставляющая человека определять важность, а, значит, и первоочередность действий в случае возникновения нравственного выбора. В повседневной жизни это чаще всего действия, связанные с исполнением обязанностей внутрисемейного круга. В примерах (91) и (92) это обязанности матери по отношению к детям. В обоих случаях в русском языке используются как модальные показатели *надо* и *должна*, так и канонический императив.

(92)

Адвокат Глушаков Короче, я думаю, **надо валить**.
 Ольга Куда?
 Адвокат Глушаков Пока не знаю, куда, но **надо**. У меня семья.
 Ольга Да нет, я понимаю, но ...
 Адвокат Глушаков **И тебе тоже надо**, Оля.
 Ольга Я не могу. У меня контракт на подписании по фондам.
 Адвокат Глушаков Ну, **отправь** детей, хотя бы.
 Ольга Куда я их отправлю? Как? Им сейчас так плохо.
 Адвокат Глушаков Вот именно поэтому и **отправь**. На море, чтобы они отвлеклись, были в безопасности. И никому **не надо говорить**, куда они уехали. **Уезжай**, Оля. **Вместе с детьми. Пока не поздно**. (Шторм)

Апелляция к нравственным императивам задается социальным контекстом, который обуславливает право говорящего на нее. В некоторых случаях представляется затруднительным провести разделительную черту между нравственными и социальными обязанностями индивида.

Под социальными обязанностями мы понимаем профессиональные и гражданские обязанности коммуникантов в силу того, что все мы являемся членами того или иного социума. Названная тактика может использоваться для обозначения обязанности (профессиональной или межличностной) как в (93) или для выражения совета как в (94).

(93)

Sara Io non ho più potere in Commissione.
 Samurai **Devi convincere** Theodosiou a far vendere quei terreni a noi. (Suburra)
 (Саpa У меня больше нет влияния в Комиссии.
 Самураи **Ты должна убедить** Феодосия продать эти земли мне.)

(94)

(*al funerale del padre di Gabriele*)
 Un poliziotto a Gabriele **Ti devi fare** coraggio, Lele. Questo è un mestiere infame. Tu **non lo devi fare**, dammi retta. Lasciali perdere i sogni di tuo padre. Vai a riposare. Ti porto a casa?
 Gabriele No. Non ti preoccupare. (Suburra)

((на похоронах отца Габриэля))

Один из полицейских

Мужайся (досл. **Ты должен собраться** с духом), Леле.
Это неблагодарная профессия. **Тебе не надо быть**
полицейским (досл. **Ты не должен этого делать**),
послушай меня. Брось эти отцовские мечты. Иди
отдохни. Тебя подвезти?

Габриэле

Нет, спасибо.)

Митигация побуждения в речевом акте совета в тактике деонтической модальности в итальянском языке достигается путем использования сослагательного наклонения модального глагола:

(95)

Un poliziotto a Gabriele

Queste sono le cose che tuo padre teneva in ufficio. Per il resto **dovresti aspettare** un attimo, stanno svuotando l'armadietto, ma hanno bisogno di tempo perché devono verbalizzare tutto. (Suburra)

(Один из полицейских

Вот вещи из кабинета твоего отца. Там еще есть, но **это не сейчас** (досл. **Ты должен подождать**) – разбирают шкаф, но им нужно время, потому что все надо запротоколировать.)

(96)

– **Dovresti smettere** [di fumare] anche te. Ti fanno male. (Suburra)

(– Тебе тоже **пора бросать** курить (досл. Ты тоже **должен перестать** курить).
Вредишь своему здоровью.)

В примерах (95) и (96) советы сопровождаются аргументацией, находящейся в семантической связи с побуждением.

Изъявительное и сослагательное наклонение модального глагола *dovere* в итальянском языке могут чередоваться в коммуникативных ходах. Как представляется, выбор наклонения не имеет четко определенных критериев. В примере (97) можно предположить, что в первом случае изъявительное наклонение используется для обозначения деонтической обязанности адресата как гражданина (члена гражданского общества) исполнить некоторое действие — проследовать в полицейский участок. Во втором случае тот же модальный глагол употреблен в сослагательном наклонении, считающемся средством митигации побуждения. Одним из возможных объяснений на наш взгляд может быть именно митигация первого более жесткого побуждения, учитывая общую тенденцию итальянского общества к снижению жесткой социальной иерархичности и увеличивающуюся популярность дискурса солидарности.

(97)

Poliziotto

Aureliano Adami?

Aureliano

Sì.

Poliziotto

Deve venire con noi in commissariato.

Aureliano	Perché? Che è successo?
Poliziotto	C'è una richiesta d'informazione sommaria. Dovrebbe rispondere a qualche domanda. (Suburra)
(Полицейский)	Аурельяно Адами?
Аурельяно	Да.
Полицейский	Вы должны пройти с нами в комиссариат.
Аурельяно	Зачем? Что случилось?
Полицейский	Есть запрос на общую информацию. Вам придется (досл. Вы должны) ответить на несколько вопросов.)

При несогласии адресата исполнять некоторые обязательства тактика деонтического долженствования развивается в сторону аргументации в пользу последней. Как и в примере (97), в (98) аргументация каузирована вопросами коммуниканта:

(98)

1-й сотрудник полиции	Мы долго думали, какое может быть решение, и поняли, что оно единственное. Ты должна пойти к Маркину и сказать , чтобы он ни при каких обстоятельствах не открывал свой рот.
Женя	Я?
1-й сотрудник полиции	Ну, а кто?
Женя	А почему я?
2-й сотрудник полиции	Ну, я по-твоему? Меня весь город в лицо знает...
Женя	А если меня там кто-нибудь узнает?
1-й сотрудник полиции	Жень, не смейся.
Женя	Нет, все равно нет. Это опасно. Ну, вы что?
1-й сотрудник полиции	Женечка, такого ответа у тебя нет: ты сядешь.
2-й сотрудник полиции	Жень, деньги брала? Сядешь.
1-й сотрудник полиции	Женечка, так надо. Давай, давай . (Шторм)

Каузируемое действие в деонтической модальности долженствования обозначается инфинитивом в распространителе предиката главного предложения. В двух языках предикаты различаются вследствие особенностей грамматического строя каждого из языков: в итальянском это глагол *dovere* в личной форме, в русском языке — предикативные слова *должен*, *надо*. Поскольку в итальянском языке показатель долженствования — глагол, то возможен грамматический способ митигации побуждения — перевод глагола в сослагательное наклонение (напр., *deve > dovrebbe*). Глагол, обозначающий каузируемое действие, является составной частью предиката. В русском языке грамматический способ митигации не представляется возможным, по крайней мере, верификация в НКРЯ не дала положительного результата.

Деонтическая модальность может быть выражена в более мягкой форме необходимости вместо долженствования:

(99)

Aureliano a Spadino Guarda che i [...] tuoi dentro a `sta casa non esistono, Spadi. **Bisogna che te lo ricordi.** (Suburra)
 (Аурельяно Спадино Знаешь что? Твоих в этом доме нет, Спади. **Придется тебе это запомнить** (досл. Тебе нужно это запомнить).)

(100)

Sara Adesso, però, è **necessario che lei convochi** al più presto la Commissione.
 Monsignore Non voglio più sentire parlare di questa storia.
 Sara Certo. Lo so. (Suburra)
 (Саpa А сейчас, все-таки, **нужно, чтобы Вы созвали** заседание комиссии как можно быстрее.
 Монсиньор Не хочу больше (ничего) слышать об этой истории.
 Саpa Конечно. Я знаю.)

В дебитивах искомое действие в итальянском языке обозначается глаголом в подчинении в форме конъюнктива настоящего времени, если показателем необходимости является глагол *bisognare* или именной предикат с прилагательным *necessario*. В приведенных нами примерах предикат в главном предложении безличен, в то время как в зависимой позиции глагол стоит в личной форме. Деонтическая необходимость здесь как бы не имеет автора, она безлична, но задача ее реализации возлагается на адресата. Предикат необходимости и побуждение находятся в синтаксической связи.

В приведенных выше примерах необходимость реализуется в действиях, которые должен исполнить адресат, т. е. необходимость контекстно связана с адресатом в отличие от примера (101), в котором звучит констатация необходимости в интересах говорящего: приказ полицейского предъявить документы для идентификации личностей в помещении. Этот пример относится к тактике констатации важности каузируемого действия для говорящего. То есть если показатель необходимости семантически и грамматически соотносится с говорящим, то в этом случае речь идет об установке на самого себя (говорящего).

(101)

Agente di polizia **No bisogno dei documenti**, di tutti. (Suburra)
 (Полицейский **Предъявите документы.** Все. (досл. **Мне нужны документы** всех.))

В русском языке безличные показатели необходимости *надо*, *нужно* управляют глаголом в инфинитиве, т. е. неличной формой. Это значит, что исполнитель не выражается грамматически. Для указания на исполнителя действия говорящий вынужден использовать лексические средства: в примере (102) это обращение по имени, в примере (103) — прагматический маркер *слушай* в функции обращения и семантическое распространение модального безличного *надо решать* личной формой следующего за ним *думай*. Глагол, обозначающий искомое действие, как и в итальянских примерах стоит в зависимой позиции в

безличной форме. Предикат необходимости и глагол побуждения находятся в синтаксической связи.

(102)

Полицейский	Крюков? Семен Александрович? Ознакомьтесь с постановлением.
Крюков	Так, Оля, нужно срочно звонить ...
Полицейский	На выход!
Крюков	Оля, срочно звони Грише. (Шторм)

Показатель необходимости в русском языке не указывает на адресата, т. е. агенс действия остается неопределенным. Поэтому часто за безличной деонтической каузацией действия следует личная форма глагола — императивная (102), (103).

(103)

Градов	Слушай , с этим надо что-то делать . Он наша проблема.
Олег	Ну, вы же не думаете, что эту проблему надо решать радикальными средствами.
Градов	Вот эту проблему надо решать любыми средствами. Думай как. (Шторм)

Модальность необходимости в высказываниях с побудительной семантикой в русском языке смягчает иллюкутивность по сравнению с каноническим императивом. Это хорошо заметно в диалогических единствах с семантическим повтором (парафразом). В примере (102) Крюков, полагая, что ситуацию удастся удержать под контролем, просит жену позвонить адвокату, используя модальность необходимости. Однако, понимая, что делать это нужно срочно, повторяет побуждение, но уже с использованием императивной формы глагола.

Модальность необходимости, а, вернее, отсутствие необходимости в русском языке употребляется как прохибитив.

(104)

Адвокат	Сереза, вы знаете, как я к вам хорошо отношусь. Зря вы все это.
Сергей Градов	Не очень понимаю.
Адвокат	Не нужно к нему лезть . Не нужно под него копать . Понимаете?
Сергей Градов	Вы про кого?
Адвокат	Давайте мы сейчас без фамилий обойдемся. (Шторм)

(105)

Олег	Слушай, давай договоримся. Не будем терять твое время, мое. Просто возьмем как аксиому: я все знаю. Хорошо? Не надо мне вот это: бубнить . (Шторм)
------	---

В примерах (104) и (105) отрицательная форма модальных слов *нужно, надо* в сочетании со знаменательным глаголом представляют собой синтаксический синоним канонического

прохибитива со знаменательным глаголом: *не лезь, не копай, не бубни*. В тактике деонтической модальности в русском языке модальные слова употребляются в безличной форме, что подчеркивает отстранение слушателя от роли исполнителя. Такое побуждение грамматически безлично и ни к кому не обращено.

Еще один пример употребления отрицательной формы модального слова *надо* со знаменательным глаголом: *не надо меня опасаться = не опасайся меня*.

(106)

Градов Олег, послушай. Мы сейчас здесь с тобой одни. Я тебя не записываю, ни к чему не принуждаю. В общем-то я нормально к тебе отношусь. **Не надо меня опасаться.**
(Шторм)

Взаимозаменяемость этих двух синтаксических форм прохибитива демонстрирует пример (107), где наблюдается семантический повтор: *не женись = не надо это тебе*.

(107)

Градов Осокину А хочешь совет? **Не женись. Не надо это** тебе. (Шторм)

В примере (108) можно наблюдать комбинацию двух прохибитивных тактик: тактику дескрипции (*ты со своими подругами так разговаривай = не разговаривай со мной в таком тоне*), которая может быть достаточной для побуждения, и тактику апелляции к нравственным императивам (*со мной — не надо = не надо так разговаривать со мной*) с последующей аргументацией (*я твой начальник*).

(108)

- Ты со своими подругами **так разговаривай. Со мной — не надо**, я твой начальник.
(Мажор)

Деонтическая возможность в итальянском языке выражается посредством модального глагола *potere*. В (109) адресат интерпретирует констатацию возможности исполнить действие как побуждение и выражает согласие выполнить его:

(109)

Sara Sì, ma intanto **lei può cambiare** le cose.
Taccon E farò del mio meglio. (Suburra)
(Сара Да, между тем, **Вы можете изменить** положение вещей.
Таккон И я сделаю все от меня зависящее.)

В примере (110) отрицанием *non* формируется прохибитив в модальности возможности: *non ci puoi stare = non stare qui*.

(110)

Alberto Pietro, qua **non ci puoi stare!** (Smetto quando voglio)
(Альберто Пьетро, **тебе нельзя** (досл. **ты не можешь**) здесь находиться!)

В итальянском языке вопрос о возможности исполнения действия также может быть сформулирован в безличной форме в тех случаях, когда говорящий не намерен выделять исполнителя каузируемого действия из всех возможных слушателей. В примере (111) Амедео обращается к одному слушателю, что очевидно благодаря форме аллокутивного местоимения *tu* (*scusa*), однако следующий вопрос не содержит личной формы глагола *potere*:

(111)

Amedeo	Scusa, si può alzare il volume? (Suburra)
(Амедео)	Извини, можно прибавить громкость?)

Вопрос о возможности (поссибилитив) сделать что-либо с использованием глагола *potere* в условном наклонении в итальянском языке является одним из самых традиционных и считается наименее ликоугрожающим и, следовательно, наиболее вежливым: *potrebbe mandare/dire?*

(112)

Eminenza	Dottore, scusi, permette? Mi saprebbe dire il numero esatto delle persone che dobbiamo accogliere?
Amministratore del centro accoglienza	Sono 514, eminenza.
Sara all'amministratore	Noi potremmo accogliere tutti.
Sara al suo collaboratore	Cerchiamo almeno di non dividere le famiglie.
Suora	La struttura della Monaschi è nata da poco e serve gente di esperienza per mandarla avanti.
Eminenza	Potrebbe mandare il suo personale nella struttura della Monaschi e darle una mano?
Suora	E i soldi chi li prende?
Eminenza	Sorella! In una situazione come questa, lei si preoccupa dei soldi?
Amministratore	Prenda lei le famiglie, dottoressa.
Sara	Va bene.
Amministratore (Кардинал)	Venga con me. (Suburra)
Администратор лагеря беженцев	Простите, Вы позволите? Вы не могли бы мне назвать точное количество человек, которых нам нужно разместить? (досл. Могли бы мне назвать [...]?)
Sara администратору	514, кардинал.
Sara своему сотруднику	Мы можем принять всех.
Монахиня	Нужно постараться хотя бы не разлучать семьи.
Кардинал	Ассоциация госпожи Монаски появилась совсем недавно, а тут нужен квалифицированный персонал.
Кардинал	Вы не могли бы направить свой персонал в организацию Монаски и помочь ей? (досл. Могли бы Вы [...]?)

Монахиня А деньги кому пойдут?
 Кардинал Сестра! В такой ситуации Вы думаете о деньгах?)

В итальянском языке деонтическую модальность выражают и другие глаголы с семантикой долженствования, как в следующем примере с глаголом *toccare*:

(113)

Samurai So come farti uscire da questa prigione. Però, **ti tocca andare** il più lontano possibile. (Suburra)
 (Самураи Я знаю, как освободить тебя из этой тюрьмы. Но **тебе придется уехать** отсюда далеко-далеко.)

Здесь каузируемое действие выражено инфинитивом, а указание на исполнителя действия содержится в личном местоимении *ti*.

В русском языке модальность может быть выражена и без лексических показателей, как в примере (114), где в ответ на сообщение об отсутствии понимания будущих действий одного из коммуникантов, другой дает достаточно развернутый план действий, который воспринимается как побуждение поступать так, а не иначе. Все будущие действия, подлежащие исполнению, выражены в форме инфинитива: *не делать, вести, молчать, не думать*. Та же семантика могла быть реализована императивной формой глагола: *ничего не делай, веди себя, молчи* и т.д. Именно инфинитив, как глагольная форма, имеющая в русском языке большую иллокутивную силу по сравнению с каноническим императивом, указывает здесь на модальность необходимости [Падучева 2016b: 21].

(114)

- Я вообще не знаю, что теперь делать.
 - Женечка, послушай. Ничего **не делать**. **Вести** себя спокойно. **Молчать**. Понимаешь? **Не думать** про глупости. **Не думать** про плохое. Поняла меня? Вот и молодец.
 (Шторм)

(115)

- И что мне делать?
 - Пока ничего. **Сдавать** билет и **оставаться** дома. Дальше посмотрим.
 - Понятно. (Шторм)

В примерах (115) и (116) инициатором тактики деонтической модальности выступает не каузатор, а потенциальный исполнитель каузируемого действия. Это происходит в том случае, когда последний спрашивает совета. То есть тактика побуждения «запускается» (получает свой импульс) не каузатором действия, а самим исполнителем, который как бы «ищет» каузацию извне.

(116)

Крюков Что мне делать?
 Адвокат **Сидеть** тихо. **Ничего делать** сейчас **не надо**. (Шторм)

Здесь, как и в (115), глагол, обозначающий каузируемое действие, стоит в форме инфинитива. Никаких показателей, указывающих на личность исполнителя, нет по причине целевого вынуждения такого побуждения. Необходимость и побуждение находятся в контекстной зависимости.

Итак, тактика деонтической модальности основана на лексических модальных показателях долженствования, необходимости и возможности, которые семантически сходны в двух языках, но грамматически имеют некоторые частеречные различия: например, *dovere (V)* – *должен, должна, должны (Adj)*; *bisogna (V)* – *необходимо (Adv)*. В тактике деонтической модальности форма глагола, обозначающего искомое действие, зависит от типа модального предиката. Если это предикат долженствования, и в русском, и в итальянском языке глагол каузируемого действия стоит в инфинитиве. В случае предиката необходимости нормы итальянского языка требуют синтаксического распространения за счет придаточного с конъюнктивом настоящего времени, обозначающим искомое действие. В русском языке каузируемое действие обозначается инфинитивом. Модальность возможности на русском языке не была зафиксирована нами в примерах, но по конструкциям она схожа с итальянской: *si può alzare il volume?* = *можно прибавить громкость?*; *potrebbe mandare il suo personale?* = *не могли бы Вы прислать своих работников?* В обоих языках модальность возможности с побудительным значением реализуется в вопросительных высказываниях. Обезличенность в итальянском языке достигается посредством частицы *si*, а в русском языке — за счет неизменяемости по лицам предикативного слова *можно*.

4.2.2.4. Тактика обращения к лицу. В естественных диалогах часто наблюдается ситуация, когда говорящий просто называет слушателя по имени или использует иное обращение, и из дальнейшей реакции адресата следует, что имя человека или иной апеллатив интерпретируется как побуждение. В примере (117) дочь не участвует в диалоге активно, а только присутствует при нем. В определенный момент она призывает отца прекратить спор: одно лишь слово «папа» интерпретируется отцом именно так, как это предполагается дочерью, т. е. такие обращения-побуждения носят конвенциональный характер — в данном контексте *Parà = non parlare (не говори)*, *fermati (остановись)*, *lascia fare a me (оставь это мне, дай я сделаю)*. Отец незамедлительно прекращает дискуссию с сыном и предлагает дочери продолжить убеждать брата.

(117)

Aureliano

Porca di quella puttana, ma ce li hai gli occhi? Tu lo vedi o no la gente che locali vuole frequentare? Su quel chiosco ci butti due spicci e si riempie. Un certo tipo di clientela, oltre a mangiare e bere, vuole pippare.

Il padre a Livia	Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi.
Aureliano a Livia	Quel posto non è tuo, era di mamma.
Il padre a Aureliano	Oh! Oh!
Aureliano	"Oh" che?
Il padre a Aureliano	Te l'ho detto duemila volte! Tua madre lasciala perdere.
Livia	Papà.
Il padre a Livia	Vedi se con te ragiona questo coglione.
Livia ad Aureliano	Pure te non insistere, no? Lo sai che gli dà fastidio.
Aureliano	Lasciami perdere. (Suburra)
(Аурельяно	Вот черт! Разуи глаза! (досл. У тебя есть глаза?) Ты видишь или нет, в какие кабаки хочет ходить народ? Вложишь по мелочи в этот киоск и народ повалит туда. Некоторые кроме еды и выпивки еще и закинуться хотят.
Отец Ливии	Ливия, послушай-ка, обхохочешься! Этот принялся учить меня, как деньги делать.
Аурельяно Ливии	Этот киоск не твой, он был мамин.
Отец Аурельяно	Эй! Эй!
Аурельяно	Чего «Эй»?
Отец Аурельяно	Я тебе сто раз говорил! Не трогай мать!
Ливия	Пап.
Отец Ливии	Поговори с ним ты, может у тебя получится.
Ливия Аурельяно	И ты не настаивай на своем, понятно? Ты же знаешь, что он этого не выносит.
Аурельяно	Не трогай меня!)

В некоторых случаях предыдущий контекстный опыт (договоренность) служат основанием для интерпретации собственного имени как побуждение к конкретному действию:

(118)

- **Sara!**
- Arrivo! (Suburra)
- (- Саpa!
- Иду.)

Адресат интерпретирует вокатив как каузацию конкретного действия и эксплицирует в речи перлокутивный эффект для каузатора в целях коммуникативного сотрудничества: *Sara = vieni qua.*

Еще один подобный пример:

(119)

Professore	Maurizio!
Maurizio	Altri 5 minuti, professò.
Professore	No no, niente 5 minuti. (Smetto quando voglio)
(Преподаватель	Маурицио!

Маурицио

Еще пять минут!

Преподаватель

Нет-нет, никаких пять минут.)

В корпусе примеров на русском языке примеров с именем собственным зафиксировано не было, хотя любому носителю языка очевидно, что восклицание имени собственного слушателя может иметь различные значения в зависимости от интонации: от прохибитива до побуждения немедленно приступить к исполнению действия. Одним из примеров это тактики может служить (168), в котором сын пытается остановить отца словами *ну, пап* от исполнения нежелательного действия (мягкий прохибитив).

4.2.2.5. Тактика поиска одобрения каузируемого действия. В русской разговорной речи встречаются конструкции, напоминающие по форме разделительные вопросы: в первой части — императивная форма глагола, во второй — либо наречие с семантикой согласия (*хорошо, ладно*), произносимое с вопросительной интонацией, либо вопросительная частица *а*. Здесь говорящий как бы приглашает адресата поразмыслить над побуждением и принять его как необходимость, согласиться с его неизбежностью.

(120)

Врач Градову

Вы, пожалуйста, отлежитесь. **Не ходите** никуда, **ладно?**

(Шторм)

(121)

– Короче, опросите всех еще раз. И всю инфу мне по инженеру. Жена, дети, кто посещал его здесь. Да **побыстрее, ладно?**

– Хорошо. Сделаем. (Шторм)

(122)

Осокин

А хочешь совет?

Градов

Нет.

Осокин

Серез, ну просто **включи** логику, **а?** Мы все любим очень Маринку. Она супер! Ты рискуешь. Заразишься гепатитом. Это навсегда.

Градов

Юр, **отвали, а?** (Шторм)

(123)

Осокин

Либо ты мне все выкладываешь, либо я тебя арестовываю к чертям собачьим и все.

Градов

Слушай, **давай без ультиматума, а?** Надо меня арестовывать – арестовывай, не надо – не арестовывай. Че ты орешь-то? (Шторм)

(124)

– Жека, **помоги, а?** (Мажор)

Из приведенных примеров следует, что в этой тактике побуждение может выражаться практически любым из возможных способов.

На итальянском языке нами был выделен следующий пример этой тактики:

(125)

- Durante l'identificazione voglio provare a entrare.
- Da solo?
- Sì. L'unico agente che mi sarei portato sei tu, però **mi servi fuori, va bene?**
- Va bene. (Suburra)
- (- Во время проверки документов хочу попробовать войти.
- Один?
- Да. Единственный оперативник, которого я взял бы с собой это ты, но **ты мне нужна снаружи, хорошо?**
- Хорошо.)

Здесь побуждение выражено имплицитно: *mi servi fuori = rimani fuori*.

Исходя из собранных примеров, представляется возможным констатировать бóльшую распространенность тактики поиска одобрения каузируемого действия в русском языке по сравнению с итальянским.

4.2.3. Тактика совместного действия

Бенефактивность каузируемого действия для адресата не исключает бенефактивности и для говорящего, то есть в исполнении некоего действия могут быть заинтересованы оба собеседника. Прототипическое значение глагольной формы 1P1 индикатива — обозначение совместного действия. В побудительном контексте она указывает на заинтересованность в каузируемом действии как говорящего, так и слушающего/слушающих, которая может быть как реальной, так и мнимой согласно субъективному мнению говорящего, как в примерах на итальянском языке (126), (127).

(126)

- Lo sai chi sono io, sì? Meno male, così **evitiamo** le presentazioni e **arriviamo** subito al dunque. **Facciamo** due passi, **vieni**. (Suburra)
- (- Ты знаешь, кто я, правда? Так даже лучше, **не надо** представляться (досл. **избежим представления**), сразу **перейдем** к делу. **Пройдемся. Пойдем.**)

(127)

Livia a Aureliano	Facciamo una cosa. Tu chiedi scusa allo zingaro e io parlo con papà. E vediamo che si può fare. [...] Pareggia 'sta storia e io parlo con papà. (Suburra)
(Ливия Аурельяно	Вот что сделаем . Ты извинишься перед цыганом, а я поговорю с папой. Посмотрим , что у нас получится. [...] Закрой это дело, а я поговорю с папой.)

Инклюзивный императив в итальянском языке может употребляться с последующей аргументацией в синтаксическом подчинении:

(128)

– **Andiamo a mangiare che si fredda.** (Suburra)

(– **Пойдем есть, а то остынет.**)

В (129) каузации, носящей инклюзивный характер, предшествует обоснование необходимости каузируемого действия:

(129)

Poliziotto **Non c'è, continuiamo** a cercare. (Suburra)

(Полицейский **Здесь нет, продолжаем** искать.)

В итальянском языке инклюзивное побуждение может выражаться конструкцией со значением намерения или «интенциональным» желанием (см. [Плунгян 2011: 435]), как в примерах (130), (131).

(130)

Professore **Vogliamo provare** a risincronizzare il cellulare?

Pietro Professore, io starei proprio scappando, glielo faccio domani. (Smetto quando voglio)

(Профессор Может, **перезагрузить** (досл. **хотим попробовать перезагрузить**) телефон?)

Пьетро Господин профессор, мне уже бежать нужно, я Вам завтра все сделаю.)

(131)

Monsignore Theodosiou **Vogliamo fare** stasera?

Sara Stasera? Perché no?

Monsignore Theodosiou Mi fa sapere lei?

Sara Ci penso io. (Suburra)

(Кардинал Феодосий **Может быть, сегодня вечером?** (досл. **Хотим сделать это сегодня вечером?**))

Sara Сегодня вечером? Почему бы и нет?

Кардинал Феодосий Вы мне дадите знать?

Sara Я сама все сделаю.)

Тактика сотрудничества может предполагать и эксплицированное распределение ролей при исполнении ряда действий, необходимых для достижения конкретной цели. В примере (132) на русском языке тактика начинается с предложения сотрудничества или совместного действия (**давайте сделаем так**), а затем следует указание на то, что делает адресат (**вы расскажете**), и что делает говорящий самостоятельно или совместно с адресатом (**мы закончим**).

(132)

– Поэтому **давайте сделаем** таким образом: **вы** мне сейчас просто **расскажете**, что происходит, и на этом **мы закончим**. (Мажор)

Распределение ролей также может быть оформлено в виде сложносочиненного предложения с союзом *а* с сопоставительным значением, где в одной из частей содержится побуждение к действию, обращенное к слушателю (**вы работайте**), а в другой — дескрипция

действий самого говорящего (*мы поедем*), которые он предполагает исполнить совместно с третьим лицом.

(133)

– Ладно, Иван Петрович, **вы работайте, а мы поедем** побеседуем с задержанными.
(Мажор)

Глагольная форма 1Pl индикатива может чередоваться с глаголами 2Sg и 1Sg индикатива, указывающими на распределение ролей в общей деятельности коммуникантов, которое представляется четким и подразумевает сотрудничество в (134) или создает только его видимость путем последовательного сочетания форм 1Pl и 2Sg как в (135):

(134)

Livia a Aureliano	Facciamo una cosa. Tu chiedi scusa allo zingaro e io parlo con papà. E vediamo che si può fare. [...] Pareggia 'sta storia e io parlo con papà. (Suburra)
(Ливия Аурельяно	Вот что сделаем . Ты извинишься перед цыганом, а я поговорю с папой. Посмотрим , что у нас получится. [...] Закрой это дело, а я поговорю с папой.)

(135)

– **Dobbiamo corrompere** chi verrà al suo posto e **deve essere lei a farlo**. (Suburra)
(– **Нужно** (досл. **Мы должны**) подкупить того, кто придет на его место, и **это должны будете сделать Вы**.)

(136)

Padre di Gabriele	Stammi a sentire. Io adesso faccio 'sta cosa. Poi però mi racconti per bene tutto. [...] Sistemiamo tutto, Gabrie'. Tutto. (Suburra)
(Отец Габриэле	Послушай меня. Я сам все устрою . Но потом ты мне все подробно расскажешь . [...] Мы все уладим , Габриэле. Все.)

Распределение ролей может выражаться сочетанием 2Sg и 1Sg индикатива:

(137)

– Inventati qualcosa, **tu parli** e **io entro**. (Suburra)
(– Придумай что-нибудь. **Ты говори**, а **я зайду**.)

Распределение ролей в русском и итальянском языках происходит по аналогичным схемам: совместное действие обозначается 1Pl, действие исполнителя — 2Sg.Imp в русском языке и 2Sg.Ind в итальянском языке, действие говорящего — 1Sg.

Форма 1Pl может указывать как на совместное действие, так и на действие, которое должно быть исполнено адресатом самостоятельно. В примере (138) речь идет о прохибитиве, однако, так называемое «мнимое» сотрудничество возможно и в непрохибитивном значении (139). Мнимым его можно назвать на том основании, что действие должно быть исполнено адресатом единолично, но заинтересованность в нем каузатора делает его как бы соучастником действия. В примере (138) графиня обращается к своему дворецкому. Очевидно, что она не

собирается заниматься организацией парковочного пространства, однако, считает себя участником совершаемых действий

(138)

Contessa al maggiordomo Mi raccomando col parcheggio, **non facciamo** il solito casino. (Suburra)

(Графиня дворецкому Очень прошу – повнимательнее с парковкой, **чтобы не было** обычной путаницы (досл. **не будем устраивать бардак**).

Тактика мнимого сотрудничества имеет место тогда, когда каузация исходит от вышестоящего в социальной иерархии, как, например, в (139), где Сара руководит работами по организации приемного пункта для иммигрантов. Ее указания содержат глаголы 1Pl, однако, это совсем не означает, что она тоже будет участвовать в исполнении называемых действий. Такое эксплицируемое сотрудничество может быть объяснено только совместной ответственностью за совершаемое действие.

(139)

Sara Questa [la rete del letto] va qua, la **sistemiamo** qua, per favore. Sorella, appena possibile **facciamo** anche questi due. [...] Michela, mi fai vedere la lista degli arrivi? (Suburra)

(Сара Эту сетку (кроватьную) – сюда, **поставим** ее здесь, пожалуйста. Сестра, по возможности эти две тоже **поставим**. [...] Микела, покажешь мне список прибывающих?)

В русском языке *давай* — грамматикализованный показатель побуждения к совместному действию, который может употребляться как с глаголами СВ, так и НСВ. В следующем примере мы можем наблюдать разговорный вариант без глагола. Однако, в любом случае такая конструкция предполагает совместное действие, но и в этом примере никакого совместного действия не предполагается — каритивная конструкция обращена только к адресату.

(140)

- Кошмар какой.

- Жень, **давай** только **без этого**, ладно? (Шторм)

В примере (141) можно наблюдать неканоническое употребление показателя побуждения к совместному действию: *давай + ты + 2Sg.Fut.Pf.* Любопытна смена тактик в приведенном примере, которая делает очевидным уровень импозитивности разных способов каузации одного и того же действия — *лететь в Москву*. Конструкция с показателем совместного действия *давай* оказывается наиболее «мягкой», затем следует побуждение в форме констатации будущего действия адресата и, наконец, говорящий констатирует свое будущее действие, следствием которого будет неизбежное выполнение первоначально искомого действия. Констатация будущего действия говорящего как побуждение адресата к действию представляется наиболее

категоричной и импозитивной, так как фактор адресата в плане исполнения действия не рассматривается совсем.

(141)

Градов	Знаешь что? Давай-ка ты завтра полетишь в Москву.
Варя	Да щас. Никуда я не полечу, пока она не найдется, и я не пойму, что она опять пьет лекарства.
Градов	Завтра ты полетишь в Москву.
Варя	Нет.
Градов	Да.
Варя	Да почему?
Градов	Потому что я так сказал.
Варя	И что, что ты так сказал? Ты понимаешь, что я тоже человек? И ты понимаешь, что у меня тоже есть чувства? И я не могу лететь, пока она не найдется! Ты понимаешь, что это моя мама? А сейчас я пойду и буду расклеивать эти долбанные объявления, чтобы хотя бы что-то делать.
(выходит из машины)
Градов	Завтра возьму тебе билет. (Шторм)

Тактика сотрудничества нередко используется в разговоре с детьми. В примере (144) эта тактика формально представлена конструкцией *давай ты* + 2*Sg.Fut.Pf*. Согласно нормативным грамматикам *давай* употребляется с *1Pl.Pfv* или *Inf.Impfv*. Но в нашем примере императив глагола *давать*, не несущий семантической нагрузки знаменательного глагола, здесь выступает как маркер директивности, так как глагол, обозначающий каузируемое действие, стоит в форме 2-го лица ед. числа в изъявительном наклонении будущего времени совершенного вида (*сходишь*). Такой директив можно расшифровать следующим образом: *Давай мы сделаем так: ты сходишь с Наташей*.

(142)

Ребенок	Пап, мне в туалет надо.
Отец	Ты что, сынок? Ну, потерпи немного.
Ребенок	Не могу.
Отец	А ты через не могу. Мне же сейчас выступать идти.
Ребенок	Пап, мне очень надо. Я не дотерплю.
Отец	Ну, давай ты с Наташей сходишь .
Ребенок	Пап, я не могу с Наташей. Я хочу с тобой.
Отец	Боже мой. Пойдем. Только быстро. (Шторм)

Отметим, что в НКРЯ такие конструкции были обнаружены в показательно малом количестве: 11 вхождений в основном корпусе и 8 в устном.

Тактика сотрудничества в русском языке может быть выражена некоторыми глаголами 1*Pl* прошедшего времени. К этой группе глаголов чаще всего относятся глаголы движения и перемещения. Здесь необходимо различать инклюзивное и неинклюзивное значение, т. е.

дифференцировать ситуации в зависимости от включенности говорящего в число исполнителей каузируемого действия. Глагол в прошедшем времени в значении неинклюзивного побуждения (*пошел, пошла, пошли*) звучит очень грубо, отражает жесткую иерархию отношений между коммуникантами, и относится к средствам со сниженной стилистикой, а инклюзивное значение формы множественного числа не имеет негативной окраски и используется в качестве синонима регулярной формы, заимствованной из парадигмы настоящего времени — *пошли=пойдем*.

(143)

– Послушай, а можешь мне показать дело Крюкова?

– **Пошли**. (Шторм)

(144)

Градов Осокину **Поехали, поехали**. Пацанов уже отпустили. На, бери свой телефон. Куртку одевай⁷³. (Шторм)

(145)

Родионова Так, все. **Забьли**. Не сейчас. (Мажор)

Поскольку не все глаголы могут употребляться в форме прошедшего времени в значении побуждения, в одной фразе один глагол может употребляться в форме прошедшего времени, а другой — в форме настоящего времени. В примере (146) СВ прошедшего времени необходим для указания на желаемую завершенность действия, а НСВ настоящего времени — для указания на продолжительное действие.

(146)

Родионова Хватит! Я больше глаза на это закрывать не буду. Табельный из-за него потерял, он тебе его вернул. Ты ему губу разбил, он тебе руку порезал. Все! **Закончили и работаем**. (Мажор)

В итальянском языке тактика мнимого сотрудничества, если она используется не в контексте власти, а в контексте солидарности, может сигнализировать адресату о возможности отказаться от исполнения требуемого действия или переложить его на другое лицо. В (147) жена кандидата на политических выборах обращается к одной из сотрудниц мужа. Очевидно, что она не имеет никаких социальных прав распоряжаться действиями других лиц. Поэтому каузацию необходимого действия она выражает в форме 1P1, как предложение решить совместно, кто же будет исполнять названное действие. Контекст солидарности подтверждается также использованием сотрудницей аллокутивного местоимения *tu (dimmi)*. Конвенциональность подобной тактики подтверждается перлокутивным эффектом — Кьяра незамедлительно соглашается исполнить искомое действие. Отметим, что эта тактика оформляется в виде вопроса, а вопрос, как известно, оставляет слушающему возможность отказаться от исполнения искомого действия, что и является признаком отношений сотрудничества.

⁷³ так в фильме.

(147)

La moglie di Amedeo	Secondo me, mancano le cose da bere. Chiara.
Chiara	Dimmi.
La moglie di Amedeo	Prendiamo qualcos'altro da bere al bar?
Chiara	Ci vado al volo, prendo la borsa. (Suburra)
(Жена Амедео	По-моему, напитков не хватает. Кьяра!
Кьяра	Да?
Жена Амедео	Возьмем еще напитков в баре?
Кьяра	Я сейчас сбегая, сумку возьму.)

В русском языке тактика мнимого сотрудничества также используется для снижения импозитивности. В ситуации примера (148) единственный, кто пытается «давить» это Градов, однако, адвокат вместо императивной формы *не дави* использует формы 1P1, позволяющие представить будущее действие как совместное. Тактика мнимого сотрудничества здесь совмещается с тактикой деонтической модальности.

(148)

Адвокат	Слушай, Сергей, я думаю нам не стоит на первой же встрече пытаться давить друг на друга. Может, мы обсудим какой-то план? Ты говорил, что у тебя есть план. Вот мы пришли. Как нам действовать?
Градов	Послушайте, вы меня, наверное, неправильно поняли. Мы будем сотрудничать, если вы будете мне полностью доверять. Понятно? (Шторм)

Некоторые ситуации требуют от говорящего непрерывной оценки перлокутивного эффекта, которая становится возможной благодаря реактивным репликам слушающего. В примере (149) говорящий получает отказ в исполнении казулируемого действия (подписать постановление об аресте), но поскольку его интенция — добиться исполнения действия, то он применяет тактику семантического повтора (тактика парафразы) с усилением иллокутивного намерения посредством использования личного местоимения 2Sg как субъекта действия, обычно редуцируемого, при императивной форме глагола. Первый коммуникативный шаг, предпринимаемый каузатором (коллега 2) для побуждения адресата, представляет собой конструкцию с глагольной формой будущего времени. К основным иллокутивным функциям, свойственным формам будущего времени в значении императива, относятся приказ, инструкция, разрешение. Дифференциация иллокутивных значений основывается на признаке «субординации»: «для будущего времени характерны императивные употребления, при которых говорящий оказывается иерархически «выше» адресата, но не наоборот» [Стойнова 2016]. Рассматриваемый шаг в нашем контексте представляется приказом. Аспектуальный выбор обусловлен общей предпочтительностью СВ в контексте приказа (ср. [Падучева 1996: 76]). Второй шаг — императивная форма глагола с эксплицированным субъектом. Третий —

конструкция, содержащая императивные формы двух глаголов, один из которых представляет собой семантический компонент, а другой несет в себе прагматическую функцию иллокутивного усиления. С точки зрения нормативной грамматики такая конструкция отличается прагматической избыточностью. Четвертый шаг — тактика мнимого сотрудничества в поиске решения возникшей проблемы. Из предыдущих реплик совершенно очевидно, что никакого совместного действия не предвидится, и «заходить с другого конца» будет только один говорящий.

(149)

- Коллега 1 Знаете, что я вам скажу? Вы забудьте об этом деле. У вас не получится ничего. Там такие люди. Вы даже не представляете. Вы даже не представляете. Вам никто не даст арест.
- Коллега 2 **Ты дашь арест.**
- Коллега 1 Нет, это невозможно.
- Коллега 2 **Ну, ты подпиши.**
- Коллега 1 Даже если я вам дам постановление, вас в этот же вечер заставят его отпустить.
- Коллега 2 **Ты давай подписывай.**
- Коллега 1 Нет, нет. Вы же понимаете, что ко мне придут. Не просите меня, невозможно.
- Коллега 2 **Давай зайдём** с другого конца. [...]
- Коллега 1 [...] Не просите меня, невозможно. (Шторм)

Тактика мнимого сотрудничества используется в тех случаях, когда в реализации действия заинтересован говорящий, который не желает использовать тактику прямого побуждения, чтобы не получить отказа, т. е. говорящий осознает высокий риск получения несогласия со стороны адресата, поэтому он представляет будущее действие как совместное, что снижает импозитивность. В примере (150) после выражения побуждения к совместному действию *давай купим* практически сразу же следует вопросительно-побудительное предложение *сходишь купишь?*, предполагающее только адресата в роли исполнителя.

(150)

- Ольга Артем, ты как думаешь, здесь алкоголь можно купить?
- Артем Да. Там бар на ресепшене. Думаю, можно.
- Ольга **Слушай, давай купим, а?** А то я сейчас с ума от всего этого сойду. **Сходишь купишь?**
- Артем Меня просили вас одну не оставлять.
- Ольга **Ну давай вместе сходим купим.**
- Артем Ладно. **Давайте я по-быстрому сгоняю** сейчас. Что купить? Вино? (Шторм)

Тактика мнимого сотрудничества с использованием показателя инклюзивного действия *давайте* может использоваться не для побуждения, а для информирования адресата о своих будущих действиях. Хотя, данный диалогический ход можно интерпретировать и как прохибитив: *не пугайте иллюзий*.

(151)

Адвокат Глушаков **Давайте я сразу лишу вас иллюзий:** вы либо мне полезны, либо вы мне врете, значит, вы мне бесполезны. Значит, я отправляю вас обратно в СИЗО и вы разбираетесь со всем сами... (Шторм)

Аналогичной кажется тактика в следующем примере: мать обращается к дочери с запретом на затрагивание некоторых тем и употребляет показатель инклюзивного императива *давай*. Однако, очевидно, что директив адресован только дочери, и только она должна выполнить требуемое действие — не обвинять отца.

(152)

Дочь Офигеть! Ты правда его будешь выгораживать?
Мать Так, Агата. **Давай сейчас не надо этих наездов.** Ему сейчас очень сложно. (Шторм)

Побуждение в примере (153), выраженное в инклюзивной форме, не предполагает никаких действий со стороны говорящего. В семантике данного побуждения наблюдается формальное противоречие: говорящий призывает своих слушателей и самого себя не угрожать ему самому и его подзащитному. Совершенно очевидно, что говорящий не относит побуждение к самому себе и не собирается делать что-либо для реализации каузируемого действия.

(153)

Адвокат Глушаков **Давайте все-таки не будем угрожать** нам расправой. Мы очень сожалеем о гибели детей. (*адвокат после заявления следователя, что родители погибших детей с готовностью разорвали бы виновников трагедии*) (Шторм)

Тактика мнимого сотрудничества может использоваться как смягчение импозитивности. В примере (154) после трех диалогических шагов с использованием инклюзивного императива, демонстрирующего намерение говорящего сотрудничать в целях, интересующих обоих коммуникантов, говорящий употребляет тактику безличной деонтической модальности, посредством которой адресат как бы отстраняется от роли исполнителя. Таким образом, интенция данного диалогического хода — прохибитив (*не бубни*), который, однако, является ликоугрожающим актом, и поэтому говорящий по-своему уменьшает импозитивность. Тем не менее, общий тон — покровительственный и не предполагает сотрудничества, солидарности и отношений равноправия, поэтому такие ходы относятся к тактикам мнимого сотрудничества. В отличие от примера из итальянского языка (147) реализуемая тактика представлена в виде

утвердительного (не вопросительного) высказывания и не предполагает несогласия адресата на исполнение каузируемого действия.

(154)

Олег

Слушай, **давай договоримся. Не будем терять** твое время, мое. Просто **возьмем** как аксиому: я все знаю. Хорошо? **Не надо мне вот это: бубнить.** (Шторм)

В тактиках сотрудничества представляется уместным различать три вида тактик в зависимости от степени участия говорящего в исполнении каузируемого действия: от полной идентичности действий, исполняемых говорящим и слушающим, до взаимодействия с четким распределением ролей и до мнимого сотрудничества, когда говорящий имитирует совместное действие. Каноническим директивом совместного действия в итальянском языке служит индикатив настоящего времени 1 лица единственного числа, а в русском языке — аналитическая конструкция *давай(me) + 1Pl.Pfv* или *давай(me) + Inf.Impfv*. В русском языке для побуждения к совместному действию используются некоторые глаголы в форме прошедшего времени. При инклюзивной семантике они нейтральны в плане импозитивности, категоричности и вежливости и характерны для отношений солидарности. При неинклюзивном значении они отличаются стилистической сниженностью, импозитивностью и категоричностью.

Для распределения ролей в обоих языках используется канонический императив 2 лица либо индикатив 2 лица с подлежащим *ты/tu* или *Вы/Lei* для обозначения действия, которое должен исполнить слушающий, и индикатив 1 лица единственного числа для обозначения собственного действия говорящего. В русском языке для этой цели возможна узусная (ненормативная) конструкция с показателем совместного действия *давайте + я + 1Sg.Pfv.Fut*. Другая неканоническая конструкция с показателем совместного действия *давай(me)* употребляется в русском языке в тактике мнимого сотрудничества: *давай + ты + 2Sg.Pfv.Fut*. Для реализации тактики совместного действия не характерны семантические или синтаксические распространители.

4.2.4. Тактика установки на третье лицо

Установка на третье лица может проявляться в двух аспектах: говорящий может призвать третье лицо, присутствующее при диалоге, но не участвующее в нем, включиться в разговор и повлиять на адресата, как в примере на итальянском языке (156), или, как в примере на русском языке, присутствие третьего лица может повлиять на форму побуждения. В примере (155) один из следователей хочет провести опрос свидетельницы самостоятельно и пытается выпроводить неприятного ему коллегу из комнаты. Присутствие свидетельницы не позволяет ему категорично (и грубо) приказать коллеге выйти. Оба коммуниканта стараются выглядеть вежливыми.

(155)

Соколовский свидетельнице А как его звали?
 Королев Соколовскому Ты слышал меня? **Иди** божей **опрашивай**.
 Соколовский Королеву Вот и нетушки. Вика сказала, тут быть. Помогать,
 учиться. Ой, не Вика, капитан Родионова.
 Королев Соколовскому Два раза повторить?
 Соколовский Королеву Что?
 Королев свидетельнице Извините, служебные разногласия.
 Соколовский свидетельнице Ну, так, значит, как его звали, не помните? Где
 работал? (свидетельница не отвечает) Ну, **вы не**
спешите, мы особо никуда не спешим.

(Королев теряет терпение)

Королев Соколовскому **Встань! Ты спешишь**.
 Соколовский свидетельнице Извините, служебные разногласия.

(Даня выталкивает Игоря за дверь)

Королев Соколовскому **Ты спешишь**. (свидетельнице) Извините.

(Игорь возвращается)

Королев Соколовскому Ты не понял, что ли?

Соколовский Королеву Да я воду забрать.

Королев Соколовскому **Пошел отсюда**. (потасовка) (Мажор)

В полилоге (156), представляющем собой эмоциональный разговор отца и двух взрослых детей, наблюдаются целая серия побудительных тактик, среди которых есть тактика обращения к третьему лицу, присутствующему при разговоре: *Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi* (Ливия, послушай-ка, обхохочешься! Этот принялся учить меня, как деньги делать) и *Vedi se con te ragiona questo coglione* (Поговори с ним ты, может у тебя получится. (досл. Посмотри, станет ли с тобой этот придурок более рассудительным)). Первый из двух коммуникативных ходов имеет своей целью привлечение внимания третьего лица и сообщения ему (ей) информации о слушающем, являющейся в данном случае «отраженным» от третьего лица прохибитивом, который должен бы был быть обращен к прямому адресату *non insegnarmi a fare i soldi* (не учи меня делать деньги). Второй коммуникативный ход предпринят с целью передать коммуникативную задачу, в исполнении которой говорящий потерпел неудачу, третьему лицу: *vedi se con te ragiona* (досл. посмотри, будет ли рассуждать с тобой) = *fallo ragionare* (досл. заставь его рассуждать).

(156)

Aureliano Porca di quella puttana, ma ce li hai gli occhi?
 Tu lo vedi o no la gente che locali vuole frequentare? Su quel chiosco ci butti due spicci e si riempie. Un certo tipo di clientela, oltre a mangiare e bere, vuole pippare.

Il padre a Livia	Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi.
Aureliano a Livia	Quel posto non è tuo, era di mamma.
Il padre a Aureliano	Oh! Oh!
Aureliano	"Oh" che?
Il padre a Aureliano	Te l'ho detto duemila volte! Tua madre lasciala perdere.
Livia	Papà.
Il padre a Livia	Vedi se con te ragiona questo coglione.
Livia ad Aureliano	Pure te non insistere, no? Io sai che gli dà fastidio.
Aureliano	Lasciami perdere. (Suburra)
(Аурельяно	Вот черт! Разуи глаза! (У тебя есть глаза?) Ты видишь или нет, в какие кабаки хочет ходить народ? Вложишь по мелочи в этот киоск и народ повалит туда. Некоторые кроме еды и выпивки еще и закинуться хотят.
Отец Ливии	Ливия, послушай-ка, обжохочешься! Этот принялся учить меня, как деньги делать.
Аурельяно Ливии	Этот киоск не твой, он был мамин.
Отец Аурельяно	Эй! Эй!
Аурельяно	Чего «Эй»?
Отец Аурельяно	Я тебе сто раз говорил! Не трогай мать!
Ливия	Пап.
Отец Ливии	Поговори с ним ты, может у тебя получится. (досл. Посмотри, станет ли с тобой этот придурок более рассудительным.)
Ливия Аурельяно	И ты не настаивай на своем, понятно? Ты же знаешь, что он этого не выносит.
Аурельяно	Не трогай меня!)

4.3. Тактики внеличных установок

4.3.1. Тактики установки на действительность

Целью любого побуждения является изменение положения вещей в реальной жизни. Тактики установки на действительность и на ее изменение реализуются посредством исключения указаний на личностные и межличностные аспекты ситуации. Но, как мы уже отмечали выше, для побудительных тактик характерен некоторый симбиоз межличностных и внеличных

установок. В этом разделе мы рассмотрим тактики, в которых фокус внимания на действии является преобладающим.

4.3.1.1. Тактика обезличенности каузатора или исполнителя действия. Тактика обезличенности исполнителя используется говорящим в тех случаях, когда ему важно само действие и не важен его исполнитель. Кто будет исполнителем — это решение говорящий оставляет своим слушателям. Обезличенность исполнителя каузируемого действия может сигнализировать о генерализированной облигаторности конкретного действия и об отсутствии альтернативы для всех. В итальянском языке употребление модального глагола *dovere* в безличной форме дает понять, что для говорящего не важно, кто будет исполнителем действия и каким образом оно будет исполнено.

(157)

Livia a Aureliano	La storia con gli zingari si deve risolvere . È importante. (Suburra)
(Ливия Аурельяно	Историю с цыганами надо закрыть (досл. должна быть закрыта). Это очень важно!)

В примере (158) говорящий обращается к одному слушателю, что очевидно исходя из формы аллокутивного местоимения *tu (scusa)*, однако следующий вопрос не содержит личной формы глагола *potere*. Говорящий не намерен выделять исполнителя каузируемого действия из всех возможных слушателей либо оставляет это право адресату высказывания:

(158)

Amedeo	Scusa, si può alzare il volume? (Suburra)
(Амедео	Извини, можно прибавить громкость?)

Обезличенность в итальянском языке может достигаться посредством генерализации исполнителя. В следующем примере отстранение адресата от роли исполнителя осуществляется посредством использования отрицательного местоимения *nessuno* вместо прямого обращения 2Sg или 2Pl:

(159)

Samurai	Sono io quello pericoloso, Eminenza. È bene che nessuno se lo dimentichi . (Suburra)
(Самурай	Я очень опасен, Ваше высокопреосвященство. Никто не должен об этом забывать (Было бы хорошо, если бы об этом никто не забывал).

Обезличенность исполнителя в русском языке может достигаться путем использования инфинитивных конструкций или других типов безличных предложений. В примере (160) наблюдается переход от побуждения в форме инфинитива, в котором исполнитель не обозначен, к побуждению в императивной форме второго лица единственного числа.

(160)

Родионова	С Соколовским как быть?
-----------	-------------------------

Подполковник Пряников **Отстранить** его **надо**, если правильно. [...]. Лучше его **держат** под постоянным присмотром. [...] При себе его **держи** постоянно, **смотри** внимательно: или проколется, или нервничать начнет, или и то, и другое, или еще что.
(Мажор)

Конвенциональным вариантом тактики обезличенности исполнителя в русском языке выступает вопрос с модальным *можно* и номинацией искомого действия или объекта этого действия. Номинация объекта в винительном падеже в этом случае означает просьбу подать его. В русском языке невыраженный субъектный детерминант может быть восстановлен из контекста (*лучше тебе держать его под присмотром; а можно мне еще чашечку?*)

(161)

- А **можно** еще **чашечку**?
- Да, конечно.
- Спасибо. (Мажор)

В примере на итальянском языке (162) говорящий индикативом выражает исполнителя будущего действия, которое он пытается каузировать. Индикатив будущего времени здесь несет в себе значение категоричности или «необсуждаемости» высказанного. Говорящий как бы отстраняет себя от роли каузатора, описывая ситуацию, в которой отводит роль исполнителя слушателю.

(162)

Samurai	Quando avrà smesso di litigare con la sua coscienza, convochi la Commissione e chieda una modifica all'ordine del giorno. Sarà lei a chiedere di discutere la pratica di Ostia per prima. (Suburra)
(Самурай)	Когда Вы договоритесь со своей совестью, созовите комиссию и попросите изменить повестку дня. Вы лично попросите первым пунктом обсудить дело Остии.)

В корпусе примеров на русском языке нами был выделен пример, в котором побуждение исходит не от говорящего, а от третьего лица или третьих лиц, которые оказываются невключенными в состав коммуникантов: *тебя просили зайти*. Имперсональная конструкция здесь обезличивает каузатора действия:

(163)

Коллега Соколовского	Соколовский, тебя в 17-й просили зайти .
Соколовский	Кто просил?
Коллега	Давай! Срочно. (Мажор)

Итак, обезличенность исполнителя в побуждении достигается неличными грамматическими формами. В русском языке это инфинитив или безличный предикат *можно* в побудительно-вопросительном высказывании. Инфинитив в тактике обезличенности исполнителя в русской устной речи целесообразен в советах в ответ на просьбу о нем

В примере на русском языке (167) императивная форма глагола *опросите* позволяет классифицировать высказывание как обращенное к слушателю. Затем говорящий переходит на безглагольные побудительные структуры — *всю инфу мне, побыстрее*, прибегая при этом к детализации конечной цели действий (частично неназванных) исполнителя — информация должна включать сведения о жене, детях и других лицах, посещавших названного человека. Но адресат и исполнитель действия остается тот же, т. е. здесь наблюдается контекстное обозначение исполнителя на основании личной формы глагола в языковом контексте. Тактика обозначения цели показывает, что искомое действие лежит в сфере знания и ответственности говорящего. Конечная цель может быть выражена как глаголом, если речь идет о действии, так и именем, если целью является получение какого-либо абстрактного (167) или конкретного предмета (168)

(167)

– Короче, опросите всех еще раз. И **всю инфу мне** по инженеру. Жена, дети, кто посещал его здесь. Да **побыстрее**, ладно?

– Хорошо. Сделаем. (Мажор)

(168)

(отец требует отдать кошелек, лишает сына денег в воспитательных целях)

Соколовский отец **Кошелек.**

Соколовский сын Ну, пап.

Соколовский отец **Кошелек давай сюда.** (отбирает сам) (Мажор)

Иногда эти два способа выражения цели, глагол и имя существительное, могут быть объединены в одной фразе, как в примере (169).

(169)

Соколовский **Телефон, ключи и документы – вернуть.**

Подозреваемый Телефон продал. Ключи и документы выбросил.

Соколовский Полчаса, чтобы найти. (Мажор)

В русском языке при движении побуждение может быть выражено безглагольной конструкцией, в которой указывается только цель движения или его направление. Так, в примере (170) говорящий сообщает только пункт назначения. Сам ситуативный контекст — мы садимся в такси, чтобы куда-то ехать — исключает неверную интерпретацию побуждения слушающим.

(170)

Градов **До города.** (Шторм)

Падежная система русского языка обуславливает возможность эллипсиса глаголов: нормы глагольного управления позволяют слушающему верно восстанавливать знаменательный глагол. В примерах (167), (168) и (169) это винительный падеж переходного глагола. С глаголами движения, часто используемыми в побуждении, также употребляется винительный падеж с предлогом либо другие предложно-падежные конструкции. В примерах на итальянском языке тактика с использованием косвенных падежей нами не зафиксирована. Это позволяет

предположить, что в итальянском, не имеющем развернутой падежной парадигмы имен, тактика обозначения цели ограничивается неэллиптическими высказываниями.

4.3.1.3. Тактики фокуса на действии или состоянии. Во временном отношении каузируемое действие принадлежит к плану либо настоящего, либо будущего времени.

Действие, совершаемое в результате побуждения говорящим или по инициативе самого исполнителя, может подвергаться коррекции как в отношении способа, так и в отношении скорости его исполнения. В этом случае в побуждении наблюдаются референтные связи с настоящим или с прошлым: при коррекции способа или манеры совершения действия используются лексические средства, указывающие на то, как необходимо скорректировать совершаемое или уже совершенное действие. В примере (171) отец просит маленького сына выполнить действие быстрее, не называя его при этом. Однако, сын понимает отца: ситуативный контекст обеспечивает верную интерпретацию. Наречие в сравнительной степени указывает именно на коррекцию способа или манеры реализации уже совершаемого действия.

(171)

Отец	Сынок, ну что копаешься? Давай побыстрее .
Сын	Я стараюсь.
Отец	Да ты плохо стараешься! Мне же сейчас выступать. (Шторм)

Сравнительная степень наречия может сочетаться не только с императивной формой глагола *давать* (171), но и с модальным *можно* (172). И в том, и в другом случае знаменательный глагол опускается.

(172)

- **Поспокойней можно?** (начальник делает замечание следователю за его излишне эмоциональную реакцию – мат)
 - Но она врет! (Шторм)

Побудительная коррекция способа совершения действия возможна в отношениях власти, как в наших примерах. Сравнительная степень наречия имеет референтную связь с совершаемым действием. К какому действию относится коррекция, становится понятно из контекста.

В корпусе примеров на итальянском языке нами не были зафиксированы побуждения со сравнительной степенью наречия.

Сравнительная степень указывает именно на коррекцию совершаемого действия, а наречие в положительной степени означает предпочтительный способ совершения будущего действия: ср. *давай быстро* – *давай побыстрее*. В примере (177) и прохибитив *не надо никого искать*, и побуждение *давай быстро собирайся и мухой ко мне* относятся к будущим действиям, которые должен совершить адресат.

Иногда говорящий высказывает побуждение, но добавляет при этом, что каузируемое действие должно/может быть осуществлено лишь определенным образом. В примере (173) отец

в разговоре с сыном использует императив 1Р1 *пойдем*, но затем уточняет, что они исполняют это конкретное действие при одном условии — если смогут сделать все быстро. Если в тактике коррекции способа и манеры речь идет о уже свершающемся действии, то в тактике фокуса на условиях реализации указывается на будущее действие, т. е. ставится условие свершения действия. В приведенном примере используется конструкция *только + Adv*.

(173)

Ребенок	Пап, мне в туалет надо.
Отец	Ты что, сынок? Ну, потерпи немного.
Ребенок	Не могу.
Отец	А ты через не могу. Мне же сейчас выступать идти.
Ребенок	Пап, мне очень надо. Я не дотерплю.
Отец	Ну, давай, ты с Наташей сходишь.
Ребенок	Пап, я не могу с Наташей. Я хочу с тобой.
Отец	Боже мой. Пойдем. Только быстро. (Шторм)

Если в примере (173) наблюдается парцелляция высказывания, то в примере (174) конструкция едина.

(174)

- Градов, **ты только не очень пугайся.**
 - Хорошо.
 - Готов, да? (Шторм)

Парцелляция в примере (173) соотносится с императивной формой глагола, а в примере (175) наблюдается имплицитное побуждение — императивная форма опущена.

(175)

- Что кому взять? **Быстро только, в темпе.** Я схожу.
 - Мне кофе с молоком.
 - Мне пирожки какие-нибудь сладкие.
 - Ок. Сидите, я сейчас. (Шторм)

Вопрос *что кому взять?* содержит в себе имплицитное побуждение сообщить о своих предпочтениях — *говорите, что вы хотите; решайте, что взять*. Наречие *быстро* можно рассматривать как относящееся к этому имплицитному побуждению. В любом случае здесь наблюдается парцелляция — в отдельное высказывание выделяется наречие образа действия *быстро*.

Еще пример парцелляции, соотносимой с эксплицитным побуждением:

(176)

Жена адвоката	Гриш, ты что?
Адвокат Глушаков	Все нормально. Проснулась? Молодец. Собирайся. Буди Антоху и собирайся.
Жена адвоката	Гриша, что происходит?
Адвокат Глушаков	Ничего не происходит. Просто мы уезжаем в путешествие.

Антон	Пап, ты что, уезжаешь?
Жена адвоката	Мы, Антош, мы уезжаем.
Адвокат Глушаков	Давай, собирайся. Быстренько, бегом-бегом.
Антон	Класс. А что со школой?
Жена адвоката	Это из-за Крюкова, да?
Адвокат Глушаков	Я тебе потом все объясню. Сейчас, пожалуйста, не трать время. Давай, собирайся. (Шторм)

Среди различных функций парцелляции выделяется изобразительная, нацеленная на конкретизацию изображаемого, а в нашем случае — каузируемого действия или состояния. Одной из задач названной функции является выделение деталей из общей картины, т. е. определенный образ искомого действия [Сковородников 1980].

Прохибитив, в котором семантически совмещаются значения императива и отрицания, означает каузацию прекращения уже совершаемого действия или относится к будущему действию. Коррекция действия может представлять собой сочетание прохибитива, относящегося к будущему действию, и каузации заместительных действий. К языковым средствам, реализующим коррекцию действия, относится конструкция *не надо + Inf*, которая в современном русском языке не имеет каких-либо различий с каноническим отрицательным императивом [Гусев 2013: 60]: *не надо искать = не ищи(те)*.

(177)

Артем	Сергей Михалыч, она сбежала.
Градов	Поздравляю.
Артем	Я сейчас ее найду.
Градов	Не надо никого искать . У нее в кармане маячок. Она едет в сторону города. Давай быстро собирайся и мухой ко мне . Ты мне нужен. Все, давай.
Артем	Есть. (Шторм)

Действие, способ или манеру исполнения которого пытается изменить говорящий, может быть названо как им самим, так и собеседником при описании собственных будущих действий, как в примерах (177) и (178). Номинация будущего действия исходит от собеседника — *я сейчас ее найду; мы будем звонить*. Прохибитив в примере (177) полностью отменяет названное действие, в примере (178) действие остается тем же — *звонить*, но его частотность и локализация изменяются — не только *из каждого города*, но и *из каждого поселка*.

(178)

Марина	Мы будем звонить тебе из каждого города , который мы будем проезжать.
Градов	И из каждого поселка , пожалуйста, тоже. (Шторм)

Дескрипция определенного состояния собеседника может рассматриваться как побуждение быть таким. В примере (179) первый диалогический шаг — побуждение быть

человеком слова. Последующий реактивный шаг не обнаруживает корректной интерпретации адресатом, поэтому первоначальное косвенное побуждение поддерживается эксплицитным прохибитивом не ошибиться в исполнении требуемого — *non deludere*.

(179)

Mafioso 1	Però mio padre dice che sei un uomo di parola .
Mafioso 2	Tuo padre conosce gli uomini.
Mafioso 1	E allora non lo deludere. (Suburra)
(1-й мафиози	А мой отец говорит, что ты человек слова .
2-й мафиози	Твой отец разбирается в людях.
1-й мафиози	Тогда не разочаровывай его.)

Информирование адресата о его будущем действии — конвенциональный способ побуждения к действию. В частности, для будущего времени характерны императивные употребления. Такая семантика возможна в ситуациях, при которых говорящий иерархически «выше» адресата. Формы императива и будущего времени индикатива 2-го лица отсылают к одной и той же временной референции (ситуация в будущем). Их различие заключается только в иллюкативной силе — каузация действия в будущем в случае специализированной формы императива и информирование адресата о его действиях в будущем. «Побуждение к действию намеренно преподносится говорящим под видом информирования адресата о его будущем действии» [Стойнова 2016].

В итальянском языке настоящее время, имеющее директивное значение, определяется как настоящее «юссивное» (*presente «iussivo»*) и отличается меньшей импозитивностью по сравнению с императивной формой глагола [Bertinetto 2001: 71].

(180)

- Tu adesso li **chiami** e gli **dici** che non te la senti, che **ti tiri** indietro.
(Suburra)
(- Сейчас ты им **позвонишь** и **скажешь**, что не готов, что **ты даешь** задний ход.)

Пример (181) иллюстрирует конвенциональность таких дескрипций — слушающий воспринимает ее как побуждение сделать то действие, которое она описывает, однако считает необходимым уточнить верность собственной интерпретации:

(181)

- Bravo, **hai fatto bene** a venire, **così ti porti via** la roba tua.
- **Mi stai cacciando?**
- Guarda che a casa mia non puoi fare come ti pare. Mettitelo in testa.
(Suburra)
(- Молодец. **Хорошо** (досл. **Ты хорошо сделал**), что ты пришел - **заберешь** свои вещи.
- **Ты меня прогоняешь?**
- Знаешь, что? У меня дома ты не можешь вести себя, как хочешь. Запомни это.)

Чтобы дескрипция желаемого положения вещей могла быть интерпретирована как директив, возможен последующий вопрос с требованием согласия адресата.

(182)

Poliziotto 1	Durante l'identificazione voglio provare a entrare.
Poliziotto 2	Da solo?
Poliziotto 1	Sì. L'unico agente che mi sarei portato sei tu, però mi servi fuori, va bene?
Poliziotto 2	Va bene. (Suburra)
(1-й полицейский	Во время проверки документов хочу попробовать войти.
2-й полицейский	Один?
1-й полицейский	Да. Единственный оперативник, которого я взял бы с собой это ты, но ты мне нужна снаружи, хорошо?
2-й полицейский	Хорошо.)

В русском языке дескрипция действий адресата как побуждение может осуществляться формами настоящего абстрактного времени, выражающего обычное, типичное для данной ситуации действие [Шведова 1980: 629]. Несовершенный вид глагола при этом употребляется в своем неограниченно-кратном значении. В примере (183) Соколовский пришел первым на работу, но его рабочий кабинет оказался закрыт. Проходящий мимо коллега сообщает, где и как можно взять ключ. Посыл высказывания говорящего: *возьми ключ у дежурного*.

(183)

— **Ключ** у дежурного **берут**. **Под роспись**. (Мажор)

Корпус примеров на русском языке не содержит большого количества глаголов настоящего времени с директивным значением. Дескрипция будущих действий адресата с использованием глаголов в настоящем времени может чередоваться с глаголами в будущем времени или императивными формами глагола как в примерах (184) и (185).

(184)

Градов	Значит, смотри . На машине едешь до Таллинна. На таможне пропустят, предупреждены. Потом машину бросай , на автобусе до Риги. В Риге свяжись вот с этим человеком (дает визитку). Он тебя переправит в Тбилиси. Ну а там затеряйся . Отсидишься пару лет.
Артем	Больше не увидимся?
Градов	Больше не увидимся. Все будет нормально. Я все рассчитал. Тебя не возьмут. (Шторм)

(185)

Родионова	Подождите . Пишите заявление. Потом поедете на место происшествия с одним из наших сотрудников. (<i>обращается к сотрудникам</i>) Даня, ты можешь заниматься своими делами. Жека, возьмешь новенького и поедете . Заодно введете его
-----------	---

Прескриптивное значение будущего времени в русском языке конвенционально и свободно «считывается» слушателем. В примере (190) собеседница формально просит подтвердить интенцию говорящего, выраженную будущим временем *вы посмотрите*, не потому, что ей трудно интерпретировать высказывание собеседника, а потому, что она выдвигает встречные условия: *я выполню то, что вы хотите* (каузируете), *но при соблюдении одного условия*. Вопрос *Вы хотите, чтобы я посмотрела?* — риторический, а не уточняющий.

(190)

- Градов У вас есть пара минут? Мне нужно вам кое-что показать.
(достаёт флешку)
- Ольга Что это такое?
- Градов Здесь видео. Оно недолгое. Есть на чем посмотреть?
- Ольга Ну да, давайте, я посмотрю, и я перезвоню вам.
- Градов **Вы посмотрите при мне**, и мы с вами поговорим.
- Ольга Послушайте, я не знаю, что на этом видео и не буду его смотреть при вас. **Вы хотите, чтобы я посмотрела?** Давайте я посмотрю, но одна.
- Градов Хорошо. (отдает флешку) Я подожду здесь. Если вы через десять минут не выйдите, я уйду, и разбирайтесь тогда со всем сами. Это понятно? (Шторм)

В примере (191) при побуждении адресата говорящий использует только безглагольные предложения, обозначающие образ искомого действия. Первое из этих предложений представляет собой конвенциональный способ побуждения, характерный для социумов с жесткой иерархией, организованных по армейскому типу: *марш = иди*. Второе — побуждение с эллипсисом знаменательного глагола: *на бумагу все = занеси/перенеси/положи все на бумагу = напиши/изложи*. Двойной винительный падеж именной группы связан с динамической ситуацией перемещения, в данном случае это метафорическое перемещение мысли на бумагу. Метафоричность (конвенциональность) этого побуждения объясняет неуместность употребления знаменательного глагола: не представляется возможным побуждение с одним из указанных глаголов, функциональным синонимом будет глагол *писать* без указания пространственной локализации результата действия. Третье побудительное предложение состоит из одного наречия образа действия. Процент безглагольных конструкций в письменной речи невелик, однако в Устном корпусе русского языка примеры с двойным винительным встречаются чаще, особенно в записях разговорной речи и кинофильмах начала XXI в. [Воейкова 2011].

(191)

- Королев, **марш в кабинет. На бумагу все**, что было. **Подробно**. И Аверьянов пусть пишет. (Мажор)

Каузация действия может осуществляться путем констатации состояния, которое необходимо исправить конкретным действием. В (192) констатация отсутствия подписи на документе с точки зрения говорящего подразумевает побуждение к подписанию, что доказывается дальнейшим действием говорящего.

(192)

Un funzionario a Taccon	L'appalto sull'area viene attribuito alla società Specchio Azzurro. Dott. Taccon, manca solo la sua ratifica sull'atto. (<i>passa le carte per la sottoscrizione</i>) (Suburra)
(Служащий Таккону	Подряд на эту территорию будет передан фирме «Голубое зеркало». Господин Таккон, на акте не хватает только Вашей подписи. (<i>передает бумаги на подпись</i>))

Дескрипция может включать и экстралингвистические средства, как в примере (193), когда жена, желая убедить мужа отправиться в лагерь беженцев и стать, таким образом, первым из политиков, посетивших лагерь после ночного пожара, кладет перед ним ключи от машины, сообщая при этом свои мысли о бенефактивности поездки и местоположение припаркованной машины.

(193)

Moglie di Amedeo	Stanno in diretta da stamattina.
Amedeo	Sì, e allora?
Moglie	E allora stavo pensando che ancora non ci è andato nessun politico. Tu saresti il primo. E forse l'unico (<i>mette davanti ad Amedeo le chiavi della macchina</i>). L'ho parcheggiata qua davanti. (<i>Amedeo va</i>) (Suburra)
(Жена Амедео	Они в прямом эфире с утра.
Амедео	И что?
Жена	А то, что я подумала, что у них до сих пор еще не было ни одного политика. Ты был бы первым. А может быть, и единственным. (<i>кладет перед Амедео ключи от машины</i>) Я припарковалась здесь, перед домом. (<i>Амедео уходит</i>)

Итак, фокус на совершаемом действии означает его коррекцию, которая может быть выражена в русском языке лексически при помощи сравнительной степени наречий — сравнивается то, как исполняется действие, и то, как оно должно исполняться по мнению говорящего, то есть в побуждении со сравнительной степени наблюдается референтные связи с настоящим. В итальянском языке такие связи не наблюдаются.

Фокус на будущем (ещё не совершаемом действии) реализуется посредством глаголов настоящего и будущего времени в обоих языках. Асимметрия наблюдается в частотности употребления того или иного времени: в итальянском языке настоящее «побудительное»

отличается меньшей импозитивностью по сравнению с императивной формой глагола. В русском языке настоящее абстрактное время выражает типичные для данной ситуации действия. Дифференциация во временном плане глагола в русском языке основывается также на аспектуальных различиях глаголов одной и той же семантики. Одним из аспектуальных значений СВ является завершенность действия, т. е. нацеленность на результат в побуждении выражается глаголом СВ. Будущее время НСВ в побудительной функции предполагает неограниченно-кратное действие. Глаголы СВ, не имея форм настоящего времени, очевидно, статистически увеличивают частотность форм будущего времени.

В отношении безглагольных побуждений тактики фокуса на будущем действии в современном разговорном русском языке наблюдается тенденция к выражению побуждения именной группой либо наречием. Винительный падеж, в том числе двойной именной группы, связан с эллипсисом переходного знаменательного глагола или с динамической ситуацией перемещения, в том числе метафорической. Итальянский язык не располагает подобными грамматическими средствами выражения побуждения.

4.3.1.4. Тактика фокуса на условиях реализации каузируемого действия. Реализация каузируемого действия, может быть отложена на момент времени, определяемый возникновением или прекращением конкретных обстоятельств. В примере на итальянском языке (194) условие выражается придаточным времени с глаголом в будущем времени (условие относится к будущему), а побуждение — императивной формой глагола:

(194)

– **Quando avrà smesso** di litigare con la sua coscienza, **convochi** la Commissione e **chieda** una modifica all'ordine del giorno. Sarà lei a chiedere di discutere la pratica di Ostia per prima. (Suburra)

(– **Когда Вы договоритесь** (досл. **перестанете ссориться**) со своей совестью, **созовите** комиссию и **попросите** изменить повестку дня. Вы лично попросите первым пунктом обсудить дело Остии.)

В примере (195) придаточное времени выражает будущее действие глагольной формой настоящего времени. Побуждение, как и в предыдущем примере, выражено императивной формой глагола:

(195)

– **Chiudi** la porta **quando esci** per favore. (Suburra)

(– **Закрой** дверь, пожалуйста, **когда будешь уходить**.)

В примере (196), (197) придаточное присоединяется к главному посредством союза *appena*, имеющего временное значение (*subito dopo che* = *сразу после того как*). Глагольное время придаточного предложения (*passato prossimo*) обусловлено узусом союза, хотя речь идет о действии в будущем.

(196)

- Samurai a Gabriele **Appena l'hai presa, parliamo** del resto. (Suburra)
 (Самураи Габриэле **Как только ты ее найдешь, поговорим** и об остальном.)
 (197)
- Poliziotto **Appena hai finito, mettila** [la relazione] sulla mia
 scrivania. (Suburra)
 (Полицейский **Как только закончишь, положи** его (доклад) мне на
 стол.)

Наступление необходимых условий для исполнения каузируемого действия может содержаться в придаточном условия, как в примере (198). Глагол в этом случае стоит в настоящем времени.

- (198)
 Poliziotto **Se vedi** qualcosa di strano, **avvertimi**. (Suburra)
 (Полицейский **Если увидишь** что-нибудь странное, **предупреди** меня.)

В русском языке предложение с императивной формой глагола, также как и в итальянском, позиционируется как главное. Условие реализации действия, выражаемого императивом, называется в придаточном времени/условия. В примере (199) придаточное присоединяется к главному союзом *когда*, в примерах (200) и (201) — союзом *если*.

- (199)
 - Я тогда пойду покурю на улице, а вы меня **наберите, когда они закончат**, да?
 - Хорошо. (Шторм)
- (200)
 Марина Так, меня хорошо слышно?
 Студенты (хором) Да.
 Марина А видно?
 Студенты Да. (раздается звонок телефона)
 Марина Звук у телефона выключили. Итак, вопросы можно задавать по ходу лекции, не в конце. понятно? Кивните. Отлично. **Если вы будете** просто полтора часа тупо **записывать** конспект, **считайте**, что моя лекция провалилась. (Шторм)

В русском языке глагольное время придаточного условия может быть выражено будущим временем СВ, если каузируемое действие является единичным и не повторяющимся, как в примере (199), или будущим НСВ (200), если действие предполагается длительным или неопределенно-кратным. Настоящее время придаточного предложения указывает на повторяющееся или обычно исполняемое действие при данном условии, как в примере (201)

- (201)
 - Вот ваша комната. **Если** вам **что-то нужно, вы говорите**. (Шторм)

Тактика фокуса на условиях, при наступлении которых необходимо совершать какое-либо действие, реализуется при помощи придаточных времени или условия. Искомое действие обозначается каноническим императивом и в итальянском, и в русском. Различие между двумя

языками заключается во временных формах придаточных предложений. В русском языке это будущее НСВ или СВ или настоящее время, в зависимости от типа искомого действия. Если действие предполагается длительное или неопределённо-кратное, то и в главном, и в придаточном используются НСВ. Для обозначения искомого действия, основным признаком которого является его завершенность, используется императив СВ. СВ в придаточном предложении означает последовательность действий: сначала должно осуществиться действие придаточного, затем искомое действие в главном.

В итальянском языке глагольное время придаточного может быть настоящим, простым будущим или ближайшим прошедшим. Настоящее время обозначает непосредственную последовательность двух или нескольких действий, либо их одновременность. Будущее время в придаточном предполагает предшествование искомому действию. Ближайшее прошедшее с союзом *appena* имеет значение завершенности действия в будущем.

4.3.1.5. Тактика предупреждения о последствиях (не)исполнения действия.

Побуждение осуществлять или не осуществлять конкретное действие может быть выражено предупреждением о последствиях, выраженном директивной конструкцией с редуцированным императивом *attento a + Inf/NegInf (stai attento a fare/non fare/qualcosa)*. Это предупреждение может интерпретироваться слушателем как высказывание с различной степенью иллокутивной силы, что демонстрируется в (202), где слушатель пытается уточнить, угроза это или совет.

(202)

- **Attento a quello che fai.**
- È una **minaccia** o un **consiglio**?
- Non lo so, fai tu. (Suburra)
- (- **Следи за тем, что делаешь.**
- Это **угроза** или **совет**?
- Не знаю, сам решай.)

Диалогический ход предупреждения в (203) насчитывает более одного шага, которые дополняют картину возможного развертывания событий в случае исполнения или не исполнения действия. Это действие обозначено в первом шаге: *Attento a fare scoppiare la guerra = non fare scoppiare la guerra*. Второй шаг *La perdi!* служит усилению иллокутивного эффекта и эксплицитным информированием о последствиях действия, обозначенного в предупредительной конструкции.

(203)

- È la prima e l'ultima volta che vengo in questo posto [...] a dirtelo. **Attento a fare scoppiare la guerra. La perdi!** (Suburra)
- (- Я первый и последний раз говорю: **тебе не стоит начинать войну. Ты ее проиграешь!**)

Обозначение последствий не является обязательным, оно может остаться невысказанным, как в примере (204). Такая конструкция в отличие от предыдущей *attento a + Inf* не имеет противоположной семантики: *tu vedi di sbrigarti = sbrigarti*.

(204)

– Tu **vedi di** sbrigarti. (Suburra)

(– А ты **поторопись**.)

Искомое действие здесь обозначается инфинитивом. Канонический императив в этой конструкции играет роль прагматического маркера, имеющего семантику предупреждения о более внимательном и тщательном исполнении действия, обоозначенного инфинитивом [Гусева 2016].

Предупреждение о последствиях исполнения или неисполнения каузируемого действия может следовать за побуждением в форме разделительной конструкции: *(o) Imp/Proh + o Praes*

(205)

(205)

Aureliano al cane **Stai** zitto. Ho detto di stare zitto **o ti butto** sotto la macchina. (Suburra)

(Аурельяно собаке **Замолчи**. Я сказал: замолчи! Или **я брошу** тебя под машину!)

В (206) адресат верно интерпретирует интенцию говорящего и задает уточняющий вопрос, за которым следует эксплицитное побуждение с применением тактики деонтической модальности:

(206)

Samurai Non hai molta scelta, Gabriele'. **O fai quello** che ti dico **o tuo padre muore**.

Gabriele Che dovrei fare?

Samurai Devi ammazzare un Adami. (Suburra)

(Самурай У тебя не очень богатый выбор, Габриэле. **Или ты делаешь** то, что я тебе говорю, **или твой отец умрет**.)

Габриэле И что я должен сделать?

Самурай Должен убить одного из семьи Адами.)

Предупреждение о последствиях невыполнения действия, каузируемого под видом убеждения адресата в бенефактивности действия для него, выражается конструктом *ti conviene Inf + o Praes*.

(207)

Aureliano a Lele **Ti conviene stare** qua quando torno **o ti vengo a cercare**. (Suburra)

(Аурельяно Габриэле **Тебе лучше быть** здесь, когда я вернусь, **или я тебя сам найду**.)

Последствия могут быть обозначены и в гипотаксисе: *Imp/Proh + che Praes*, как в примере (208)

(208)

Aureliano	Zitto, non ti muovere che ti sparo in faccia. (Suburra)
(Аурельяно)	Замолчи! Не двигайся , а то буду стрелять (досл. выстрелю в лицо).

В русском языке предупреждение о последствиях может выражаться посредством сочинительной связи с противительными союзами *a to, иначе*, как в примерах (209), (210).

(209)

- Ты **не гони**, **а то** мы за тобой не угонимся. (Шторм)

(210)

- Женя, **не надо молчать**. **Иначе** я буду вынужден вызвать тебя на допрос несмотря на то, что мы близкие люди. (Шторм)

С примером (210) схож пример (211), только вместо императивной формы глагола используется сослагательное наклонение со значением побуждения.

(211)

Артем Ольге	Вы бы шли спать на самом деле. А то завтра будет не очень. После такого количества. (Шторм)
-------------	---

Если в примере (209) побуждение и указание на последствия связаны синтаксически и интонационно, то в примере (212) синтаксическая связь между побуждением и указанием на последствия для адресата, отсутствует.

(212)

Моргулис	Так и что ты думаешь?
Ольга	Я думаю, что ты все сделаешь как всегда все правильно.
Моргулис	Ну, это разумеется. Я соскучился. Только попробуй сбежать от меня. Или что-то глупенькое сделать. Я тебя убью лично . (Шторм)

В примерах (212) и (213) частица *только* служит иллюкутивному усилению. Усилительные частицы *только, смотри, же* употребляются при акте предостережения, вызванном чувством опасения.

(213)

Юрий	Тогда в следующий раз не спрашивай . Ты же знаешь, что я не умею врать. [...]
Женя	Только выключи телефон, чтобы больше никто не звонил. (Шторм)

Обозначение нежелательных последствий не всегда бывает эксплицитным. В примере (213), как нам представляется, последствие оказывается в имплицитной позиции. Семантически оно связано с ситуативным контекстом, а именно: с побуждением, высказанным собеседником

— *не спрашивай*. Побуждение *выключи телефон* призвано предотвратить действие, которое определяется из контекста — *я буду спрашивать*.

В русском языке предупреждение о последствиях неисполнения конкретного действия может выражаться во второй части предложения с сочинительной связью, как в примерах (214) и (215). Побуждение здесь выражается индикативом НСВ настоящего времени в первой части высказывания: *либо сдаешь = сдавай; либо выкладываешь = выкладывай*.

(214)

– А это никого не волнует. **Либо сдаешь** мне эту всю ситуацию, **либо убил** именно **ты**.

– Я не знаю никакой ситуации.

– (хлопая рукой по столу) **Либо сдаешь** мне все, **либо пойдешь** по 105-ой.

– Да не я это, не я.

– (делает знак головой дежурному, чтобы тот увел задержанного) (задержанному) Ну, думай. (Шторм)

(215)

Осокин **Либо ты** мне все **выкладываешь**, **либо я** тебя **арестовываю** к чертям собачьим и все.

Градов Слушай, давай без ультиматума, а? Надо меня арестовывать – арестовывай, не надо – не арестовывай. Че ты орешь – то? (Шторм)

Если побуждение в наших примерах выражается индикативом НСВ настоящего времени, то последствия обозначаются посредством глаголов прошедшего времени СВ, настоящего времени НСВ, будущего времени СВ в зависимости от необходимости говорящего подчеркнуть однократность действия (214а), его результативность (214б) или непосредственную временную близость действия (215).

Для обеспечения исполнения искомого действия говорящий вербально конструирует невыгодную с точки зрения адресата ситуации в придаточном условия. В этом случае говорящий побуждает адресата совершить действие, формально противоположное значению высказывания: *если я узнаю, что вы ведете себя неосторожно = ведите себя осторожно*. Последствия описанной невыгодной ситуации указаны в главном предложении.

(216)

Градов Куда уехали дети с бабушкой? (Ольга не отвечает, колеблется) Вы что, хотите, чтобы Маргулис нашел их раньше, чем я?

Ольга Они в Греции, в Салониках.

Градов Адрес! (Ольга достает карточку из сумки)

Ольга Это отель.

Градов **Если я узнаю, что вы ведете себя неосторожно, я перестану вам помогать**. (Шторм)

Для усиления иллокутивного значения используется тактика предупреждения о негативных последствиях для адресата, т.е. эта тактика может считаться зеркально противоположной тактике указания на бенефактивность для адресата, в которой внимание фокусируется на положительных последствиях исполнения каузируемого действия. Указание на негативные последствия могут быть эксплицитным или имплицитным. Само побуждение направлено на каузацию действия, призванного предотвратить нежелательные последствия. Побуждение может иметь противоположную семантику формально выраженной. В итальянском языке побуждение выражается посредством императивных глагольных форм, находящихся в сочинительной связи (синтаксическое распространение) с глаголами, означающими последствия и также стоящими в настоящем времени. Другим способом имплицитного предупреждения о негативных последствиях в итальянском языке являются конструкции с семантикой угрозы или совета *attento a + Inf* и *vedi di + Inf*. В первом случае это совет не делать обозначенное действие (семантика противоположная формальной). Последствия могут не указываться, т. е. эти конструкции могут иметь или не иметь семантическое распространение.

В русском языке семантика противоположная формальной наблюдается в конструкциях *только попробуй + Inf*, где инфинитив интерпретируется как прохибитив: *только попробуй съесть = не ешь*; *только попробуй сбежать = не беги*; *только попробуй украсть = не кради*. Семантика противоположная формальной также фиксируется в придаточных условиях, когда в главном указываются негативные последствия.

Аналогично разделительным конструкциям в итальянском языке *o... + o...* в русском языке используется конструкция *либо... + либо...*, где глаголы побуждения и последствия имеют форму индикатива. Сочинительная связь с противительными союзами *а то, иначе* предполагает выражение побуждения посредством императивной формы глагола или сослагательным наклонением.

4.3.1.6. Тактика обязательного или авторитарного прескриптива. Авторитарность, понимаемая как претензия говорящего на беспрекословное подчинение слушателя, свойственна тем ситуационным контекстам, в которых наблюдается жесткая социальная иерархия (абсолютная или относительная), и говорящий считает себя вправе выразить побуждение в определенной манере, вызванной какой-либо необходимостью. При авторитарном побуждении искомое действие представляется обязательным для адресата и подлежащим незамедлительному исполнению. Авторитарность связана с такой коммуникативной категорией как категоричность. Примером таких директивов могут служить побуждения в различного рода экстренных ситуациях, например, при возникновении ситуаций, угрожающих жизни и здоровью людей. Конвенциональность таких кратких директивов объясняется вынужденной экономией времени ввиду необходимости быстрого реагирования и действия. Конвенциональные директивы с

неглагольными формами типа *вон! via!* предполагают незамедлительную реакцию со стороны слушающего и исполнение повеления. Эта черта характерна для многих естественных языков [Aikhenvald 2017: 25]. В примере на итальянском языке (217) в ситуации преследования преступников побуждение выражено безглагольным директивом *libera!*, представляющим собой эллипсис номинативного директива *strada libera!*

(217)

Poliziotto	Libera! (la strada) (Suburra)
(Полицейский	С дороги! (досл. Свободная! (дорога))

Детальное перечисление действий, которые необходимо совершить, увеличивает авторитарность. Настоящее «директивное» (*presente «iussivo»*) предпочтительнее при побуждении к целому ряду действий (см. также пример (221)).

(218)

- No, invece tu adesso **vai lì**, gli **vai a chiedere scusa** e gli **porti** i soldi!
(Suburra)
(- Нет, ты сейчас **пойдешь** туда, **извинишься** перед ним и **отдашь** ему деньги!)

(219)

- Tu adesso **li chiami** e **gli dici** che non te la senti, che ti tiri indietro.
(Suburra)
(- Сейчас ты им **позвонишь** и **скажешь**, что не готов, что **ты даешь** задний ход.)

Безглагольное побуждение (с редуцированным глаголом) с указанием на образ действия или направление движения в итальянском языке воспринимается как более авторитарное и требующее незамедлительного исполнения действия.

Облигаторность действия не предполагает введения адресата в ситуацию, аргументации необходимости исполнения называемого действия, демонстрации бенефактивности для адресата и т. п. Поэтому директивы бывают максимально короткими, содержащими только основную информацию. В примере (220) — это указание на количество исполнителей (*due agenti* (два полицейских)) и время и место исполнения действия (*qua fuori tra cinque minuti* (через пять минут, за дверьми кабинета)). Какое это будет действие, понятно из предшествующего вопроса *volevi l'azione?*, т. е. старший по званию приказывает быть готовыми к операции.

(220)

Poliziotto 1	Dove sono gli altri?
Poliziotto 2	Il turno è finito, ispettore. Sono appena andati via.
Poliziotto 1	Richiamali. Mi servono ora.
Poliziotto 2	Che è successo?
Poliziotto 1	Volevi l'azione? Con due agenti. Qua fuori tra cinque minuti. (Suburra)
(1-й полицейский	Где все остальные?
2-й полицейский	Смена закончилась, господин инспектор. Они только что ушли.

1-й полицейский	Собери всех. Они мне нужны сейчас.
2-й полицейский	Что случилось?
1-й полицейский	Хотел движухи? С двумя оперативниками. Здесь через пять минут.)

Редукция глагола при побуждении часто встречается в социумах с жесткой иерархией: пример (221) — приказ полицейского нижестоящему чину; пример (222) — диалог между членами двух мафиозных кланов.

(221)

Poliziotto al suo inferiore	Massoli, tu vicino alle scale così aiuti gli anziani.
L'inferiore	Va bene. Grazie, non vedevo l'ora.
Poliziotto	Qualcosa non va?
L'inferiore	No, va benissimo. Lei è il mio capo e io eseguo. Posso?
Poliziotto	Prego. (Suburra)
(Полицейский своему подчиненному	Массоли, ты - у лестницы. Поможешь старикам.
Подчиненный	Хорошо. Спасибо, только об этом и мечтал.
Полицейский	Что-то не так?
Подчиненный	Нет, все прекрасно. Вы - мой начальник, я выполняю Ваши приказы. Я пошел?
Полицейский	Иди (досл. прошу/пожалуйста)

(222)

Livia	E in cambio?
Samurai	Niente più sangue. Nessuna vendetta sugli zingari. (Suburra)
(Ливия	Что взамен?
Самураи	Никакой крови больше. Никакой мести цыганам.)

Облигаторность действия для адресата может передаваться многократным повтором побуждения, возможно, с парафразом. Различные конструкции с побуждением могут чередоваться с метапрагматическими вопросами *hai capito?* (понял?) *chiaro?* (ясно?) Совокупность повтора побуждения и метпрагматических вопросов обеспечивают интерпретацию директива как облигаторного.

(223)

Lele	Non ci siamo capiti, non sto più al servizio tuo.
Samurai	No, forse sei tu che non hai capito bene. Tu devi fare quello che ti dico io. Ieri Livia non me l'hai portata. È un miracolo che stai ancora in piedi, l'hai capito o no? Oggi devi rimediare. Chiaro? Fra due ore fai quello che t'ho detto. (Suburra)

- (Габриэле) Мы не поняли друг друга. Я тебе больше не шестерка (досл. не к твоим услугам).
- Самураи Нет, это ты не понял. Ты **должен делать**, что я говорю. Вчера ты не привез мне Ливию. Уже чудо, что еще жив, понял? Сегодня ты **должен исправить** ошибку. **Ясно?** Через **два часа сделаешь то, что я тебе сказал.**)

В русском языке основным, но не единственным средством, демонстрирующим отношения власти и повышенную по сравнению с каноническим императивом категоричность, является инфинитив. Безглагольное побуждение (с редуцированным глаголом) с указанием на образ действия или направление движения также воспринимается как более категоричное и требующее незамедлительности исполнения действия. Сочетание трех разных по своей структуре категоричных побуждений в примере (224) увеличивает категоричность и импозитивность побуждения.

(224)

Охранник задержанному **Встать. Руки назад. На выход.** (Шторм)

В русском языке в примере (225) наблюдается повтор практически одной и той же конструкции, состоящей из двух элементов, *прижмись к обочине* с эллипсисом сначала одного, потом другого элемента. Повтор побуждения сопровождается метапрагматическим *я сказал* для усиления облигаторности повеления.

(225)

Полиция **Прижмись. К обочине, я сказал.** (*приказ водителю в параллельно идущей машине, отдаваемый через громкоговоритель*) (Мажор)

Коммуникативная категория категоричности связана с такими характеристиками высказывания, как решительность, безапелляционность, уверенность в истинности сообщаемого. Категоричный директив — это побуждение, не допускающее возражений. Интенция говорящего направлена исключительно на исполнение искомого действия, т. е. в побудительном высказывании преобладает установка на действительность, а точнее — на ее изменение.

Категоричность в высказывании может быть вызвана различными причинами: это может быть облигаторность искомого действия, его срочность или наличие жесткой иерархии в отношениях между коммуникантами, когда приказы и распоряжения не подлежат обсуждению, и говорящий не ищет согласия адресата.

В границах одного диалогического единства категоричность может усиливаться или уменьшаться. В примере (226) Крюков просит адвоката уйти, однако, тот отказывается. Крюков несколько раз повторяет повеление уйти, которое по своей форме остается неизменным — канонический императив, но меняется его дистрибуция. Первый диалогический шаг — императив, которому следует вокатив. Личное имя здесь выступает как средство митигации

побуждения и как маркер отношений солидарности. Второй шаг — одиночный императив близкого по семантике глагола. Третий шаг — императив с предшествующим ему обоснованием необходимости исполнить искомое действие. И четвертый шаг — использование метапрагматического элемента *я сказал* для дальнейшего усиления категоричности, понимаемой как облигаторность действия для адресата. Кроме всего сказанного, сам факт синтаксического повтора, даже без каких-либо дистрибутивных вариаций, служит признаком повышенной импозитивности.

(226)

Крюков	Выйди, Гриш.
Адвокат	Семен, это неправильно.
Крюков	Уйди.
Адвокат	Я не могу. Как твой представитель, я должен присутствовать при всех твоих контактах со следствием.
Крюков	Это не официальная встреча. Уйди. (адвокат мотает головой) Уйди, я сказал! (Шторм)

Рассмотренный выше пример (224) является примером крайне импозитивного побуждения, которое обуславливается иерархически неравными отношениями между собеседниками, т. е. отношениями власти. Под властью в таких случаях понимается возможность или право одного из собеседников влиять на некоторые аспекты жизни другого. Так, в примере (224) охранник может наложить санкции, от охранника зависит благосостояние задержанного. Обычно иерархически обусловленные побуждения бывают ликоугрожающими или невежливыми. Однако, в примере (227) формально соблюдаются все нормы вежливости и ликосохраняющих высказывания, но контекст диалога (попытка заставить Ольгу выполнить искомые действия путем шантажа безопасностью дочери) позволяет адресату безошибочно интерпретировать побуждение как категоричное, т. е. не подлежащее обсуждению и не нуждающееся в согласии с ее/его стороны. Таким образом, выражение облигаторности искомого действия может определяться не наличием ликоугрожающих актов в диалогических ходах говорящего, а контекстом и последствиями, которые за собой влечет исполнение или неисполнение действия для адресата.

(227)

Игорь	Михаил Ефимыч настоятельно просил вас вернуться к работе. А мы пока будем с вашей семьей. И вы должны поступить правильно. Понимаете меня? Очень правильно.
Ольга	Да-да, я поняла.
Игорь	Вам нужно подъехать по адресу: Гончарова, дом 9. Скажите, как скоро вы можете быть там?
Ольга	Я просто сейчас далеко. Я... я не близко. Я поняла. Постараюсь как можно быстрее.

Игорь

Ольга Андреевна, **это в ваших интересах. Пожалуйста, постарайтесь.** Мы пока будем с вашей семьей. Телефон вашей дочери будет у меня, и, если что, **звоните.** Всего доброго. (Шторм)

Категоричность волеизъявления в русской разговорной речи усиливается заменой финитной формы глагола инфинитивом [Грамматика 1980, II: 111]. В примере (228) инфинитив употребляется в сочетании с лексическими средствами повышения авторитарности, к которым мы относим наречия. В данном случае это наречие *только*, которое ограничивает искомое действие исключительно одним объектом или одной группой объектов. Авторитарность волеизъявления с подобным лексическим элементом заключается в принятии говорящим на себя права выбора этого объекта/этих объектов. Всякое волеизъявление оставляет адресату различную степень свободы в исполнении искомого действия: например, от простого называния действия и игнорирования способа или полноты его исполнения до точного указания степени завершенности действия или ограничения распространения действия на определенные объекты. Чем меньше свободы в исполнении действия оставляет говорящий адресату, тем больше уровень авторитарности, понимаемой как большая осведомленность об искомом действии и право требовать его исполнения.

(228)

Градов Ольге

Если что-то понадобится – еда, сигареты, все через Артема. Он останется с вами. **Звонить только мне и только с его телефона.** В другие места куда **не звонить.** Это понятно? (Шторм)

Инфинитив в побудительном значении характерен для ситуаций с жесткой иерархией отношений, как в примере (229), а также для экстремальных ситуаций, когда побуждение должно звучать кратко и понятно из соображений экономии времени, как, например, при погоне (230). Первый пример представляет собой рутинную ситуацию между старшим и младшим по званию, второй пример — погоня. Прохибитив также выражается инфинитивом с отрицанием *не*.

(229)

(Сотрудник ниже по званию встает при входе капитана)

Младший чин

Добрый день.

Капитан

Сидеть. (Мажор)

(230)

(Погоня)

– **Стоять! Лежать! Не двигаться!** (Мажор)

В других ситуациях повышенной импозитивности при использовании императивной формы глагола предполагается выбор между НСВ и СВ. Пример (231) представляет собой диалог между двумя близкими людьми: используется НСВ, основное значение которого в императиве — начинательное [Падучева 1996: 66–83]. Видовая оппозиция в императиве связана с

проявлениями позитивной и негативной вежливости. Фома СВ гарантирует межличностную дистанцию, форма НСВ — стилистически нейтральна, свойственна неформальным контекстам и может выражать как позитивную вежливость (вежливость солидарности), так и настойчивость, нетерпение и даже раздражение [Бенаккио 2002: 171]. В приведенном примере НСВ удовлетворяет принципу солидарности и в то же время, выражает настойчивость и призыв немедленно исполнить искомое действие.

(231)

Родионова	Садись .
Королев	Я не еду.
Родионова	Садись , у нас разговор есть .
Королев	Я никуда не еду. (Мажор)

В русском языке свидетельством авторитарности может быть сама семантика высказывания, как в примере (232): *вы свободны*. Сообщить адресату о том, что он свободен может только человек, обладающий правом на суждение о мере свободы человека. За ним следует пермиссив *можете идти*, который означает разрешение говорящего исполнить действие, а разрешение также является приоритетом человека, иерархически находящегося выше адресата (см. примеры (233) и (234)).

(232)

– **Вы свободны. Можете идти.** (Мажор)

(233)

Родионова Все **свободны.** (Мажор)

(234)

Родионова Тогда – **свободен.** Иди в отдел. (Мажор)

Пример (235) является косвенным выражением того же смысла, что и в примере (234): *Вы свободны. Можете идти = Идите; На сегодня всё = Все свободны. Всем до свидания = Идите.*

(235)

– **На сегодня всё. Всем до свидания.** (Мажор)

Авторитарность обуславливается правом говорящего высказывать побуждение в более категоричной форме из двух возможных в конкретной ситуации. Отдать краткий приказ *со мной!* опять же может только вышестоящий на служебной лестнице. В такой же ситуации, но при отношениях солидарности, это побуждение имело бы полную форму: *пойдем со мной.*

(236)

Родионова Соколовский – **со мной!** (Мажор)

В русском языке маркером авторитарности и повышенной категоричности в исполнении казулируемого действия выступают формы прошедшего времени в функции побуждения (ср. [Aikhenvald 2010: 42-43]). Однако, из наших наблюдений следует, что в тех случаях, когда сам говорящий включает себя в число исполнителей искомого действия, т. е. использует формы инклюзивного прошедшего времени, то побуждение теряет свою категоричность и

авторитарность — в этом случае речь идет о тактике сотрудничества (см. раздел 4.2.3 «Тактики совместного действия»).

(237)

Градов	Так, орлы, отошли от нее. Руки убрал .
Осокин	Да все нормально. Свободны .
Полицейский	Мы по вызову, надо оформить. (Шторм)

Пример (237) показателен тем, что авторитарные приказания отдают люди, незнакомые с адресатами, т. е. адресатам неизвестен заранее их социальный статус, но тактический выбор говорящих — использование форм прошедшего времени (*отошли, руки убрал*) и эллиптическая конструкция с кратким прилагательным (*свободны*) — дает понять слушающим, что перед ними люди, которые по каким-либо причинам имеют право на категорическое приказание. Форма прошедшего времени, не имеющая инклюзивного значения, часто воспринимается как агрессивная, а агрессия, как известно, ассоциируется с силой. Поэтому побуждение, выражаемое глаголом прошедшего времени, имеет оттенок повышенной категоричности. В ситуациях побуждения категориальные значения индикатива и прошедшего времени сохраняются: действие представляется уже произошедшим [Грамматика 1980, I: 618].

В конфликтной ситуации, понимаемой как противоборство интересов двух или более личностей и отказ одной из них исполнять требуемое другой, хорошо бывает заметно изменение тактики побуждения со стороны человека, обладающего более высоким социальным статусом. В примере (238) во время конфликта между преподавательницей, находящейся под воздействием сильных психотропных препаратов по причине болезни, и студенткой преподавательница, приказывая студентке выйти из аудитории, переходит от немаркированного побуждения в форме императива к грубой форме побуждения посредством глагола в прошедшем времени: *пошла вон отсюда*. В этом примере хорошо видно нарастание авторитарности в побуждении. Лексический выбор мы рассмотрим отдельно в разделе 4.3.3 «Тактики установки на языковые средства».

(238)

Марина	Ваш тон, ваше стремление к противоречию, оно переходит всякие границы. Выйдите .
Студентка	Я буду сидеть здесь. (<i>каждое слово произносится отдельно от другого</i>)
Марина	Хорошо. Тогда я сяду и буду молчать, пока ты не уйдешь.
Студентка	Пожалуйста.
Марина	А ну пошла вон отсюда , сказала! (Шторм)

Повышенная категоричность в прохибитиве представляет собой требование незамедлительно прекратить конкретное действие. Канонический прохибитив в русском языке — *не + Imp*. Прохибитив может быть выражен также при помощи лексических средств. В русском языке это глагол *хватать*. Действие или состояние, которое необходимо прекратить

выражается знаменательным глаголом в инфинитиве: безличная конструкция *хватит* + *Inf.* = *не* + *Imp.*

(239)

Осокин

Хватит мне врать!

Градов

Юр, Марина уехала в Германию. Мне одному дома было хреново. Пошел прогуляться. Всё. (Шторм)

(240)

– **Хватит целоваться!** (Мажор)

Глагол *хватит* может использоваться без знаменательного глагола. Какое действие следует прекратить, становится понятным из контекста:

(241)

– Успокойся. **Хватит.** (Мажор)

(242)

Соколовский

У меня есть причины здесь работать, и здесь учиться. Если будете мешать, а не помогать, всем будет хуже.

Королев

А ты что, угрожаешь?

Родионова

Хватит! Соколовский прав, ему нужно помогать, а не мешать.

Королев

Мне он уже помог! (показывает забинтованную руку)

Родионова

Это приказ! (Мажор)

Сигналом к прекращению совершаемого действия в русском языке также служит восклицание *всё!* Подобно *хватит!* из предыдущего примера оно не называет действие, к прекращению которого призывает говорящий, но ситуационный контекст позволяет слушающему верно интерпретировать побуждение. К тому же семантика слова *всё* предполагает прекращение всякого действия, исполняемого в данный момент.

(243)

Родионова

Так, **всё!** Забыли. Не сейчас. (Мажор)

Итак, в итальянском языке в тактике облигаторного прескриптива нами были зафиксированы побудительные конструкции с редуцированной глагольной формой. Русская лингвокультура, как представляется, располагает большим разнообразием средств, среди которых основными являются инфинитив без семантических и синтаксических распространителей и глагольные формы прошедшего времени, не имеющие значения совместного действия. В обоих языках указанием на облигаторность высказываемого прескриптива служит повтор побудительных конструкций, а также употребление языковых средств метапрагматического контроля.

4.3.1.7. Тактика указания на срочность исполнения каузируемого действия. Короткие повеления, обращенные к адресату в форме императива, чаще всего имеют импликацию срочности. Они могут звучать достаточно резко и грубо в зависимости от тона.

(244)

- **Entra e chiudi** la porta. (Suburra)

(- **Заходи и закрой** дверь)

(245)

Sara a Gabriele Voglio sapere chi è. Tu la devi trovare, perché lei è sicuramente coinvolta

Lele Tu mi devi comunque ancora pagare.

Sara **Trova** la ragazza. (**urlando**) **Trovala**. (Suburra)

(Сара Габриэле Я хочу знать, кто она. Ты должен найти ее, потому что она точно замешана.

Леле А ты мне еще должна заплатить.

Sara **Найди** девочку. (**кричит**) **Найди ее**.)

Указанием на срочность в итальянском языке может служить семантика самого глагола, например, *sbrigarsi*, как и в русском *поторопиться*. Эти глаголы чаще всего употребляются в качестве викарных глаголов/субститутов, т. е. без знаменательного глагола: какое действие необходимо исполнить — становится понятно из ситуативного контекста.

(246)

- Tu **vedi di** sbrigarti. (Suburra)

(- **Поторопись**.)

Незамедлительность и срочность исполнения желаемого действия может эксплицироваться обозначением его первоочередности лексическими средствами:

(247)

- **Prima di tutto**, quando ti dico una cosa io, **stai muto**. (Suburra)

(- **Во-первых**, когда я с тобой разговариваю, **молчи** (досл. **будь немым!**))

Незамедлительность исполнения каузируемого действия в итальянском языке может выражаться и другими лексическими средствами — например, наречием времени *adesso* (248) или наречием *subito* (249). Эффект срочности усиливается парцелляцией:

(248)

Spadino Senti, però vediamo di metterci d'accordo. Perché io ci devo alzare bei soldi col prete.

Samurai **Libera** il prete. **Adesso**. (Suburra)

(Спадино Слушай, может, договоримся? (досл. постараемся договориться) Потому что я собираюсь стясти хорошие денежки со священника.

Самураи **Освободи** священника. **Сейчас** (же).)

(249)

Cardinale Cosa succede? Cosa vuole?

Sara **Deve lasciare** Roma. **Subito**. (Suburra)

(Кардинал Что происходит? Чего Вы хотите?

Сара Вы **должны уехать** из Рима. **Незамедлительно**.)

В одном из примеров на русском языке (фильм Шторм) ситуация складывается таким образом, что нет времени на аргументацию или объяснения: при нападении на предвыборный штаб один из мужчин-сотрудников бросает женщине-сотруднице краткое *беги!* В этой ситуации он отдает краткий авторитарный приказ по праву первого, заметившего опасность. В иной ситуации тот же императив не обязательно будет маркировать каузируемое действие как срочное. Тактика указания на срочность здесь обеспечивается ситуативным контекстом.

Срочность каузируемого действия в русском языке может выражаться лексическими показателями. В следующих примерах это конструкция *Ипр + уже* с подлежащим *ты* в постпозиции к глагольной форме для выражения большей экспрессивности и убедительности (*беги ты уже*), или просто наречие времени для указания более близкого срока, чем было предложено исполнителем.

(250)

– Да **беги ты уже**. Заплачу я. (Шторм)

(251)

– С вами свяжется Гриша. На днях деньги будут у вас.

– **Сегодня**.

– Это сложно.

– **Сегодня**. (Шторм)

В (252), как и в (250) наречие *уже* имеет ярко выраженное начинательное значение: поскольку адресат медлит с началом исполнения действия, то говорящий эксплицитно побуждает немедленно приступить к действию.

(252)

Моргулис

За тобой не следят?

Ольга

Нет. Думаю, что нет.

Моргулис

Могут следить. Оля, осторожнее.

Ольга

Я пойду. Ты прости. Я просто побоялась тебе звонить.

Моргулис

Иди. Иди уже, Оль. Я тебе сам позвоню. Когда смогу.

(Шторм)

Указание на срочность граничит с категоричностью побуждения. Срочное действие лежит в сфере знания и ответственности говорящего: он знает, почему именно это действие должно быть исполнено быстро. Из соображений экономии времени говорящий не аргументирует свое побуждение. С другой стороны, краткость побудительных выражений коррелирует с социальным статусом говорящего в иерархии отношений между коммуникантами — чем выше его положение, тем короче будут его побудительные высказывания, и чем более зависимым от адресата он ощущает себя, тем пространнее будут его высказывания. В примере (253) срочность выражается лексическим средством — наречием *срочно*, а категоричность — парцелляцией, а также метапрагматическим вопросом *ты слышал меня?*

(253)

Градов **Срочно. Делай.** Ты слышал меня?
 Костик Делаю, говорю же, делаю. (Шторм)

Срочность исполнения действия заключается во временном ограничении, устанавливаемом говорящим. Предложение *полчаса, чтобы найти* содержит в себе оба необходимых элемента для данной тактики: указание на временной отрезок (*полчаса*) и номинацию действия (*найти*).

(254)

Соколовский Телефон, ключи и документы – вернуть.
 Подозреваемый Телефон продал. Ключи и документы выбросил.
 Соколовский **Полчаса, чтобы найти.** (Мажор)

(255)

Соколовский Сейчас **у тебя есть два часа.** Иди в полицию. Сам.
 Подозреваемый Игорь, ты чего?
 Соколовский **Два часа.** (Мажор)

Пример (256) объединяет в себе сразу несколько тактик: указание на срочность, авторитарность и указания на последствия. Следует отметить «рубленный» синтаксис как признак тактики повышенной категоричности.

(256)

– Королева, Соколовского – **ко мне в течение часа.** Час, Родионова. **Иначе** – ты меня знаешь. (Мажор)

Основными средствами указания на срочность исполнения действия в обоих языках являются лексические средства. Побуждение выражается императивными формами глагола с семантическим распространителем в виде наречий или обстоятельств времени. В обоих языках парцелляция играет роль иллюкутивного усилителя.

4.3.2. Тактики установки на пропозициональное содержание

Под пропозицией понимается семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций). Содержание пропозиции высказывания и факт действительности⁷⁴, выражаемый в этой пропозиции, состоит в различных отношениях между собой. Утвердительные и вопросительные высказывания не затрагивают тот факт, о котором сообщается или спрашивается, в то время как повелительное высказывание «непосредственно влияет на смысл своей пропозиции; собственно (понимая под смыслом пропозиции тот факт, который она выражает), оно его создает» [Гусев 2013: 39]. Установка на пропозициональное

⁷⁴ В терминологии Г. Фреге — смысл и денотат пропозиции [Фреге 1997].

содержание проявляется в тех случаях, когда для говорящего важна верная интерпретация содержания и смысла побудительного высказывания адресатом.

4.3.2.1. Тактика обращения к прецедентным ситуациям. Понятие прецедента пришло в лингвистику из юриспруденции, где трактуется оно как дихотомия «было – не было». В коммуникативной лингвистике и культурологии под ним понимается феномен первичного образца [Караулов 1987: 190], используемый в качестве опорной модели для создания вторичного явления, следующего образу и подобию первичного. Прецедентом становится прошлый опыт или знание индивида, обращение к которым обеспечивает языковую экономию или «принцип бережливости», который можно обнаружить еще у философа-схоласта У. Оккама: «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего»⁷⁵ [Аполлонов 2002: XIV]. В современных теориях коммуникации прецедентность, функционирующая как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [Багаева и др. 1997] и, как все стереотипы, служащая языковой экономии, может быть включена в постулат количества Г. П. Грайса: «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [Грайс 1985: 222]. Экономия речевых усилий допускает имплицитность в интересах говорящего, а в интересах слушающего необходима экономия когнитивных усилий, предпринимаемых для интерпретации высказывания, т. е. для него предпочтительна эксплицитность в речи говорящего [Панов 2007]. Прецедент, являясь одним из основных элементов когнитивной базы, представляет собой совокупность знаний и представлений коммуникантов [Багаева и др. 1997]. Под прецедентными феноменами понимаются феномены «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Очевидно, что не все прецедентные тексты могут быть понятны и доступны для всех без исключения языковых личностей.

Эксплицитная прецедентность заключается в указании на события или состояния, произошедшие или зафиксированные в прошлом, при помощи лексических средств. В примерах (257) и (258) это глаголы речи *dire* и *предупредить* в прошедшем времени. С формальной точки зрения такие высказывания представляют собой косвенную речь: говорящий воспроизводит собственное побуждение, которое он высказывал в прошлом.

(257)

- Pure tu con 'sta storia di tua madre. Ragazzi, **vi ho detto di lasciarla perdere.** (Suburra)

(- И ты тут еще со своей матерью! **Я вам сказал: оставьте ее в покое!**)

⁷⁵ Frustra fit per plura quod potest fieri per pauciora

(258)

- Я **предупреждала**: бросай пить. Ты не смог. (Мажор)

В примере на русском языке (259) глагол стоит в настоящем времени, однако, обстоятельство образа действия *последний раз* дает понять, что говорящий и в прошлом обращался к слушающим с этим побуждением.

(259)

- И **предупреждаю последний раз** - чтобы никаких сюрпризов! (Мажор)

В примере на итальянском языке (260) один из участников диалога, получив имплицитный отказ от бармена выполнить его просьбу, не просто повторяет коммуникативный шаг побуждения, но сопровождает повтор металингвистическим конструктом *ti ho detto/я сказал (тебе)*. И повтор, и металингвистический элемент усиливают иллокутивный эффект. В (261) отсылка к уже высказанному прохибитиву встречается в пределах одного диалогического хода.

(260)

Spadino al barista	Oh. Dammene un altro.
Barista	Giovanotto, siamo al quinto. Vattene a casa.
Spadino	Ti ho detto : "Dammene un altro". (Suburra)
(Спадино бармену)	Эй, дай мне еще.
Бармен	Чувак, это уже пятый. Иди-ка ты домой.
Спадино	Я тебе сказал : дай мне еще.)

(261)

Il padre ad Aureliano	A me, queste cose non me le devi dire, Aurelia'! Adesso mi spieghi perché?
Aureliano	Non mi devi toccare. [...] T'ho detto che non mi devi toccare! (Suburra)
(Отец Аурельяно)	Лучше не говори мне этого, Аурельяно! А вот сейчас объясни мне: почему? (досл. Объяснишь мне сейчас?)
Аурельяно	Не трогай меня. [...] Я тебе сказал: не трогай меня!)

Конструкция с глаголом *dire* часто служит завершающим коммуникативным шагом, повышая категоричность побуждения:

(262)

Gabriele	Sara, per favore, parliamo?
Sara	Zitto.
Gabriele	Mi dispiace.
Sara (<i>urlando</i>)	Stai zitto, ho detto! (Suburra)
(Габриэле)	Сара, ну, пожалуйста. Поговорим?
Сара	Замолчи!
Габриэле	Прости меня.
Сара	Замолчи, я сказала!)

При несовпадении элементов когнитивной базы коммуникантов в плане прецедентных феноменов возникает коммуникативная неудача, которая, впрочем, может быть скорректирована

лицом, использующим прецедентный текст, через эксплицирование ассоциативного образа. В следующем полилоге отец не произносит эксплицитный запрет говорить о матери, а ограничивается восклицанием *Oh! Oh!*, однако, сын не может или не хочет верно интерпретировать восклицание, и отец вынужден эксплицировать прохибитив с упоминанием того, что запрет был произнесен уже много раз.

(263)

Aureliano	Porca di quella puttana, ma ce li hai gli occhi? Tu lo vedi o no la gente che locali vuole frequentare? Su quel chiosco ci butti due spicci e si riempie. Un certo tipo di clientela, oltre a mangiare e bere, vuole pippare.
Il padre a Livia	Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi.
Aureliano a Livia	Quel posto non è tuo, era di mamma.
Il padre a Aureliano	Oh! Oh!
Aureliano	"Oh" che?
Il padre a Aureliano	Te l'ho detto duemila volte! Tua madre lasciala perdere.
Livia	Papà.
Il padre a Livia	Vedi se con te ragiona questo coglione.
Livia ad Aureliano	Pure te non insistere, no? Lo sai che gli dà fastidio.
Aureliano	Lasciami perdere. (Suburra)
(Аурельяно	Вот черт! Разуи глаза! (У тебя есть глаза?) Ты видишь или нет, в какие кабаки хочет ходить народ? Вложишь по мелочи в этот киоск и народ повалит туда. Некоторые кроме еды и выпивки еще и закинуться хотят.
Отец Ливии	Ливия, послушай-ка, обхохочешься! Этот принялся учить меня, как деньги делать.
Аурельяно Ливии	Этот киоск не твой, он был мамин.
Отец Аурельяно	Эй! Эй!
Аурельяно	Чего «Эй»?
Отец Аурельяно	Я тебе сто раз говорил! Не трогай мать!
Ливия	Пап.
Отец Ливии	Поговори с ним ты, может у тебя получится.
Ливия Аурельяно	И ты не настаивай на своем, понятно? Ты же знаешь, что он этого не выносит.
Аурельяно	Не трогай меня!)

Имплицитная прецедентность при побуждении может быть выражена прецедентными именами. В примере (264) упоминание собственной принадлежности к береговой охране позволяет говорящему избежать объяснений необходимости для слушающих исполнить требуемое действие, так как прецедентность данного именованья позволяет слушающему легко интерпретировать облигаторность выполнения каузируемого действия:

(264)

Ufficiale della GC	Non si può stare qui, il porto è chiuso. (<i>sirene</i>) Guardia Costiera! Fermatevi. (Suburra)
(Офицер береговой охраны)	Здесь запрещено находиться, порт закрыт. (<i>сирены</i>) Береговая охрана! Стоять! (<i>досл. Остановитесь!</i>)

И в итальянском, и в русском языке эксплицитная прецедентность оформляется как косвенная речь: воспроизводится побуждение, высказанное в прошлом. В итальянском языке наблюдается значительная частотность глагола *dire* в ближайшем прошедшем времени (*ti ho detto*). Тактика обращения к имплицитной прецедентности представляется наиболее культурозависимой.

4.3.2.2. Тактика метапрагматического контроля. Повелительное высказывание с глаголом в императиве — это не просто сообщение информации, а речевое действие, подобное перформативным предложениям, которые равносильны осуществлению какого-либо действия. Каждому перформативному глаголу соответствует речевой акт определенного типа, которых выделено очень много. Как мы уже показали в третьей главе, в глубинной структуре повелительного предложения лежит перформативность: *Сделай P = Прошу тебя сделать P*. Дж. Серль [Searle 1969] описывает речевые акты через условия успешности, одним из которых является верная интерпретация высказывания слушающим. Для облегчения интерпретации, а, значит, и для большей вероятности того, что каузируемое действие будет выполнено, говорящий прибегает к экспликации глубинного перформатива, которая в естественной речи носит металингвистический и метапрагматический характер.

В случае ошибочной интерпретации каузатор метапрагматически корректирует ее. В (265) адресат демонстрирует понимание побуждения как просьбы, однако говорящий уточняет, что его следует понимать более категорично:

(265)

- Però le regole le facciamo noi. Ci dai il 75 %.
- Non si può fare.
- Ma io **non te lo sto a chiedere**. O è così o niente. (Suburra)
- (- Но правила здесь устанавливаем мы. Будешь отстегивать нам 75%.
- Не получится.
- **А это не просьба**. Или отстегиваешь, или ничего не получишь.)

В корпусе примеров на русском языке мы зафиксировали подобный пример с той лишь разницей, что в итальянском варианте можно говорить о метапрагматическом контроле от противного: говорящий уточняет, чем не является высказанное побуждение, а в русском варианте — чем является побуждение.

(266)

Соколовский	У меня есть причины здесь работать, и здесь учиться.
Если будете мешать, а не помогать, всем будет хуже.
Королев	А ты что, угрожаешь?

- Родионова Хватит! Соколовский прав, ему нужно помогать, а не мешать.
- Королев Мне он уже помог! (показывает забинтованную руку)
- Родионова **Это приказ!** (Мажор)

Тактика метапрагматического контроля может использоваться как предупреждающая возможную неверную интерпретацию побуждения со стороны адресата, как в примере (268), так и корректирующая уже состоявшуюся неверную интерпретацию, как в (267).

(267)

- Соколовский Можно мне на пару часов уехать?
- Родионова Это ответ на мой вопрос?
- Соколовский Нет, **это просьба**. Мне очень нужно уехать на два часа.
- Родионова Может, ты скажешь?
- Соколовский Личное. (Мажор)

(268)

- Если что-то понадобится - еда, сигареты, все через Артема. Он останется с вами. Звонить только мне и только с его телефона. В другие места никуда не звонить. **Это понятно?** (Артему) Сейчас я тебя наберу. Запиши мой номер. (Шторм)

В (269) адресант, осознавая коммуникативную неудачу, меняет тактику: переходит от деонтической модальности к негации реакции адресата как ошибочной и дополняет уже высказанное побуждение прагматическими маркерами: усилительными частицами, обращением по имени, маркером вежливости (*dai, Gabriele, per favore*). Диалогическое единство завершается метапрагматическим перформативом, который будучи эксплицитным выражением коммуникативной интенции адресата не позволяет адресату неверно интерпретировать коммуникативный ход адресанта.

(269)

- Sara Devo organizzare una festa stasera. Mi devi dare una mano.
- Gabriele Ci provo.
- Sara Non mi basta un tentativo.
- Lele Sara. Non mi chiami da tre mesi.
- Sara Dai, Gabriele, per favore.
- Lele Va bene.
- Sara **Ti prego.** (Suburra)
- (Леле Я попробую.
- Sara Попробовать будет недостаточно.
- Леле Сара, ты мне не звонила три месяца.
- Sara Ну, брось, Габриеле. Пожалуйста.
- Леле Ладно.
- Sara **Я прошу тебя.)**

Перформатив *ti prego* может предшествовать самой просьбе, выраженной одним из возможных способов. В итальянском языке он оформляется как вводное выражение.

(270)

Gabriele a Sara	Sara, ti prego , mi servono adesso (<i>i soldi</i>). Mi devi aiutare . (Suburra)
(Габриэле Саре	Сара, прошу тебя , мне сейчас они (<i>деньги</i>) нужны. Ты должна мне помочь .)

Либо, для усиления перлокутивного эффекта и его обязательного обеспечения (в (271) — во избежание осуществления акта суицида) говорящий использует побудительные тактики, которые накладываются друг на друга: рамочная перформативная конструкция с повтором глагола *pregare* и трехкратный повтор императива с незначительными модификациями в виде замены наречия.

(271)

(*Scena del tentato suicidio*)

Sara	Monsignore!
Monsignore	Ho molto pregato per te. Sara.
Sara	Ma adesso sono io che prego lei, venga via, venga qua. Venga qui da me. La prego! Non c'è niente a cui non si possa porre rimedio. Il Signore perdona. Gli uomini perdonano. (Suburra)

((*Сцена попытки самоубийства*)

Сара	Ваше Высокопреосвященство!
Кардинал	Я много молился о тебе, Сара.
Сара	А сейчас я молю Вас: отойдите от края, идите сюда. Идите сюда ко мне. Молю Вас! В жизни нет ничего, что невозможно было бы исправить. Господь простит. Люди простят.)

В примере (272), где сестра обращается к брату с просьбой ответить ей, поговорить с ней, наблюдается увеличение интенсивности побуждения по следующей схеме: сначала сестра произносит имя брата для привлечения его внимания, затем следует императивная форма знаменательного глагола и в конце она прибегает к метапрагматической конструкции, эксплицирующей ее интенцию. Настойчивость говорящего указывает в том числе на важность искомого действия для него (нее).

(272)

Livia a Aureliano	Aureliano. Parlami. Ti prego . (Suburra)
(Ливия Аурельяно	Аурельяно, не молчи. Прошу тебя .)

В примере из русского корпуса (273), в котором обвинитель обращается к судье, передавая ему папку с документами, в отличие от предыдущего примера из итальянского языка глагол *просить* не парцеллируется, а является частью глагольного сказуемого.

восьмичасовое заседание комиссии, на котором Вы уговорите всех проголосовать так, как мы договаривались. Хорошо?

Кардинал

Вы ничем не отличаетесь от тех людей.

Сара

Увидимся в восемь.)

В русском языке, так же, как и в итальянском, говорящий прибегает к этой тактике для обеспечения верной интерпретации собственного высказывания слушающим. В случае примера (277) говорящий предваряет побуждение в форме императива *сбрось* словами о том, как слушающий должен воспринимать это побуждение — не как приказ или требование, а как просьбу. Здесь метапрагматическое высказывание о просьбе *у меня к тебе просьба* предваряет саму просьбу.

(277)

Градов

Слушай, **у меня к тебе просьба**. Ты, если узнаешь, что меня слушают, какую-нибудь дурацкую **смс-ку сбрось**.

Сотрудник

Какую?

Градов

«Печеньке». Нет, «печенька». Да? Спасибо. Пока. (Шторм)

В постпозиции к просьбе такое высказывание стоять не может, будет более уместна конструкция с перформативным глаголом *прошу тебя* (или *умоляю*, как в (280)), если речь идет о просьбе, или *это приказ*, если говорящий отдает приказ (279). Конструкция типа *прошу тебя* может стоять как в препозиции, так и в постпозиции к просьбе. В примере (278) мы можем наблюдать вариант в препозиции.

(278)

Градов

Она [Марина] нашлась.

Варя

Где?

Градов

Где-то у знакомых, в квартире.

Варя

Ну поехали.

Градов

Нет, Варя. Я еду один. Тебе я взял билеты. И **прошу тебя, улетай**.

Варя

Так, Градов...

Градов

Послушай меня. Ты не можешь ее взять и привязать к стулу и заставить лечиться. Ты не можешь за нее ничего решать, и я не могу. (Шторм)

Выражение метапрагматического контроля *это приказ* не может стоять в препозиции к самому побуждению, т.к. его конструкция представляет собой формулу экспликации (ср. ит. *è un ordine!*).

(279)

Соколовский

У меня есть причины здесь работать, и здесь учиться. Если будете мешать, а не помогать, всем будет хуже.

Королев

А ты что, угрожаешь?

- Родионова Хватит! Соколовский прав, ему нужно помогать, а не мешать.
- Королев Мне он уже помог! (показывает забинтованную руку)
- Родионова **Это приказ!** (Мажор)

В примере (280) метапрагматическое *я тебя умоляю* стоит в постпозиции, после серии императивных форм глагола.

(280)

- Градов Марин. (пауза) Марин (пауза). **Живи**, как хочешь. **Делай**, что хочешь. Но **будь**, пожалуйста, рядом. **Я тебя умоляю**. Мне никак без тебя. Просто рядом будь, ничего не попрошу.
- Марина Варя где?
- Градов Уехала.
- Марина Ладно. Поехали домой? (Шторм)

Синтаксический повтор или парафраз побуждения может также сопровождаться метапрагматическим вопросом *hai capito?* (282), *capito?* (281), *это понятно?* (288), фокусирующим внимание на корректности интерпретации побуждения адресатом:

(281)

- E tu **trovala. Capito?** La devi trovare! (Suburra)
 (– А ты **найди ее. Понял?** Ты должен ее найти.)

(282)

- Tu da oggi sei gli occhi e le orecchie mie dentro la famiglia di Adami. **Mi devi dire** tutto. Soprattutto quello che fa Aureliano. **Hai capito?** Ora puoi andare. (Suburra)
 (– С сегодняшнего дня ты – мои глаза и уши в семье Адами. **Ты мне все должен рассказывать**. Особенно о том, чем занимается Аурельяно. **Понял?** А теперь можешь идти.)

В речи отдельных языковых личностей чаще других встречается метапрагматические высказывания. От этого их речь создает впечатление более категоричной, чем у других. Так, Самурай, глава мафиозной организации, на протяжении всего фильма нередко прибегает к метапрагматическим конструктам, которые не всегда связаны с директивами (см. в (283) и (284)). В (285) безглагольный директив также показывает импозитивный стиль общения индивида, что кроме всего прочего подтверждает индивидуальность предпочтений в выборе тактик.

(283)

- Lele Non ci siamo capiti, non sto più al servizio tuo.
- Samurai No, forse sei tu che non hai capito bene. Tu devi fare quello che ti dico io. Ieri Livia non me l'hai portata. È un miracolo che stai ancora in piedi, **l'hai capito o no?** Oggi devi rimediare. **Chiaro?** Fra due ore fai quello che t'ho detto. (Suburra)

- (Габриэле) Мы не поняли друг друга. Я тебе больше не шестерка (досл. не к твоим услугам).
- Самураи Нет, это ты не понял. Ты должен делать, что я говорю. Вчера ты не привез мне Ливию. Уже чудо, что еще жив, **понял или нет?** Сегодня ты должен исправить ошибку. **Ясно?** Через два часа сделаешь то, что я тебе сказал.)
- (284)
- Samurai I voti li hai presi con l'aiuto mio e li dai a chi dico io, **è chiaro?** (Suburra)
- (Самураи) Голоса ты набрал с моей помощью, и отдашь их, кому я скажу, **ясно?**)
- (285)
- Livia E in cambio?
- Samurai **Niente più sangue. Nessuna vendetta** sugli zingari. (Suburra)
- (Ливия) Что взамен?
- Самураи **Никакой крови больше. Никакой мести цыганам.)**

В (286) метапрагматический вопрос завершает ряд коммуникативных ходов, направленных на достижение единой цели — каузации необходимых с точки зрения говорящего действий. Тактика побуждения меняется с деонтической модальности *deve sparire* без указания исполнителя на металингвистическая конструкция *te lo ripeto* и далее на личную форму деонтической модальности *devi fare sparire*, затем на индикатив настоящего времени *stai tranquillo* и в конце коммуникативного хода в качестве заключительного шага метпрагматический вопрос *intesi?*, направленный на определение верности интерпретации слушающим уже произведенных коммуникативных ходов.

- (286)
- Livia a Aureliano Primo: 'sto cane **deve sparire**. [...] Forse non ci siamo capiti. **Te lo ripeto** per l'ultima volta, Aureliano. Con papà ti copro io ma tu **devi fare sparire** 'sto cane. E poi te ne **stai tranquillo** fino a quando non abbiamo capito se t'ha visto qualcuno. **Intesi?** (Suburra)
- (Ливия Аурельяно) Во-первых, эта собака **должна исчезнуть**. [...] Ты, кажется, не понял (досл. мы, кажется, не поняли друг друга). Последний раз **тебе повторяю**, Аурельяно. Отца я беру на себя, но ты **должен избавиться** от этого пса. А потом ты **ляжешь на дно**, пока мы не поймем, видел ли тебя кто-нибудь. **Понятно?**)

В примере на русском языке (287) употребляется лексический эквивалент итальянских метапрагматических элементов *capito? hai capito? — ты понимаешь?*. Само побуждение, которое не вызывает отказа у адресата, осталось за пределами приведенного диалогического единства, но

каузатор (Ольга) не уверена в верной интерпретации побуждения адресатом и акцентирует внимание адресата на некоторых деталях каузируемого действия: платить нужно наличными и срочно.

(287)

Моргулис	Хорошо, я подумаю. Я подумаю, как сделать так, чтобы вы получили деньги.
Ольга	Только ты понимаешь , что нужно налом, да?
Моргулис	Сделаем, Оль.
Ольга	И это надо срочно, ты понимаешь ?
Моргулис	Не торопи меня. Я же тебе сказал: сделаем.
Ольга	Спасибо. (Шторм)

Метапрагматический контроль с той же семантикой в русском языке может осуществляться также посредством вопросов типа *(это) понятно/ясно?* (аналогично итальянскому *è chiaro?*):

(288)

Градов Ольге	Если что-то понадобится – еда, сигареты, все через Артема. Он останется с вами. Звонить только мне и только с его телефона. В другие места никуда не звонить. Это понятно? (Шторм)
--------------	---

Пример из корпуса на русском языке (289) представляется аналогом примеру (262), в котором употребляется глагол *dire* в форме 1Sg.Pass.Pross.: *Stai zitto, ho detto!* В итальянском примере объектный детерминант отсутствует, фокус внимания находится на говорящем, в то время как в русском примере (восклицание *кому сказал!*) логическое ударение приходится на распространитель знаменательного глагола, выражающий адресата высказывания. И в русском, и в итальянском языке метапрагматическое восклицание находится в постпозиции к императиву.

(289)

– Не дергайся! **Кому сказал!** (Мажор)

(290)

– Отпустите его. Отпустите, **я сказал.** (Мажор)

В тактике метапрагматического контроля в русском и итальянском языках проявляется много схожих черт. Метапрагматические конструкции синтаксически не связаны с побуждением. Их препозиция или постпозиция по отношению к побуждению зависит от их функции: привлечения внимания к побуждению, которое за ним последует или экспликация иллюкутивной силы в целях обеспечения верной интерпретации.

4.3.2.3. Тактика сентенции. Тактика сентенции может быть верно интерпретирована только в контексте. В примере (291) утверждение *Мой клиент не дает взятки. Он честный человек* в данном контексте имеет следующий прохибитивный трансформ: *Не ждите взятки от моего клиента:*

(291)

Адвокат **Мой клиент не дает взятки.**
 Градов С кем я говорю?
 Адвокат Не валяй дурака. Все ты знаешь с кем ты говоришь.
 Градов Я вас не понимаю.
 Адвокат Все, что нужно, ты понял. **Мой клиент взятки не дает.** Он честный человек.
 Градов Представьтесь, пожалуйста.
 Адвокат До свидания. (Шторм)

В такой тактике прохибитив реализуется через дескрипцию действий или состояний как не относящихся или не могущих относиться к сфере деятельности адресата *non è roba di cui ti devi occupare tu = non occuparti di questo*:

(292)

— **Non è roba di cui ti devi occupare tu.** I patti sono chiari. E adesso io voglio solo risultati. (Suburra)
 (- **Не твое это дело** (досл. **Это не то, о чем ты должен беспокоиться**). А сейчас мне нужны (я хочу) только результаты.)

Прохибитив может выражаться дескрипцией ситуации, которую запрещено нарушать или изменять:

(293)

Врач полицейским Любые **разговоры** в его состоянии **исключены**. (Мажор)

4.3.3. Тактики установки на языковые средства

4.3.3.1. Тактика стилевой сниженности директива. В корпусе примеров на русском языке нами был выделен ряд примеров, лексический выбор в которых обусловлен интенцией говорящего намеренно использовать сниженную лексику в целях повышения экспрессивности высказывания.

В русском языке косвенные побуждения чаще всего имеют форму общих вопросов с глаголом *мочь* в сослагательном наклонении: *Вы не могли бы передать мне соль?* Такое косвенное побуждение считается вежливым и ликосохраняющим актом. Однако, в примере (294) лексический выбор (*каркать*) переводит фразу в разряд невежливых. Таким образом, косвенность и синтаксическая конвенциональность не может считаться показателем сохранения лица. Как видно из примера, оно может быть нарушено лексическим выбором говорящего, обусловленным его интенцией — немедленно прекратить действие, производимое слушателем, выразив при этом свое оценочное суждение при помощи коннотаций употребляемой лексики. Здесь можно было употребить нейтральное *говорить так, предсказывать несчастье*, однако, был сделан выбор в пользу негативно окрашенного синонима.

(294)

Женя Как можно человека успокоить, если Марина все равно умрет?

Осокин **А ты не могла бы сейчас не каркать?** Ты что, вообще? Эти слова вслух даже нельзя произносить! ... Можно просто помолчать вместо того, чтобы пороть эту ерунду? (Шторм)

В примерах (295) и (296) говорящие стараются убедить Ольгу поступить определенным образом, и к концу диалогического единства настойчивость говорящего возрастает. Но если в первом случае (разговаривают муж и жена) говорящий использует лексические средства, показывающие степень его раздражения несогласием жены — *должна заткнуть, отруби*, то во втором случае (диалог между адвокатом и женой его подзащитного) отношения между коммуникантами и, возможно, культура речи говорящего определяют его тактику: он прибегает к парцелляции, относящуюся к явлениям экспрессивного синтаксиса [Акимова 1990: 87] и указывающую на крайнюю необходимость конкретных действий в данных обстоятельствах.

(295)

Крюков Как дети?
 Ольга (жена Крюкова) Марк очень сильно подавлен.
 Крюков Потому что ты сама нервничаешь. А **ты должна быть спокойна**. Мы ни в чем не виноваты. И **тебе надо транслировать** это через свое спокойствие. Что Агата?
 Ольга Сидит у себя в комнате, гнобит Марка. Говорит всякую чушь.
 Крюков Про меня?
 Ольга Да.
 Крюков **Ты должна заткнуть** ей рот любым способом. Если она ляпнет про меня что-нибудь в интернете, ты представляешь, что будет? **Отруби** ей доступ.
 Ольга Я не буду этого делать. (Шторм)

(296)

Адвокат Глушаков Короче, я думаю, **надо валить**.
 Ольга Куда?
 Адвокат Глушаков Пока не знаю, куда, но **надо**. У меня семья.
 Ольга Да нет, я понимаю, но ...
 Адвокат Глушаков **И тебе тоже надо**, Оля.
 Ольга Я не могу. У меня контракт на подписании по фондам.
 Адвокат Глушаков Ну, **отправь** детей, хотя бы.
 Ольга Куда я их отправлю? Как? Им сейчас так плохо.
 Адвокат Глушаков Вот именно поэтому и **отправь**. На море, чтобы они отвлеклись, были в безопасности. И никому **не надо**

говорить, куда они уехали. **Уезжай**, Оля. **Вместе с детьми**.

Пока не поздно. (Шторм)

В конфликтной ситуации, рассмотренной в разделе «Тактики облигаторного или авторитарного прескриптива», где мы отметили рост авторитарности в пределах одного диалогического единства, заслуживает внимание также и лексический выбор говорящего. Как мы уже отмечали, прошедшее время, если оно не используется в инклюзивной форме 1P1, имеет оттенок грубости (297) и даже инвективы (298).

(297)

Марина	Ваш тон, ваше стремление к противоречию, оно переходит всякие границы. Выйдите.
Студентка	Я буду сидеть здесь. (каждое слово произносится отдельно от другого)
Марина	Хорошо. Тогда я сяду и буду молчать, пока ты не уйдешь.
Студентка	Пожалуйста.
Марина	А ну пошла вон отсюда , сказала! (Шторм)

Пример (298) представляет собой диалог между двумя сотрудниками, один из которых питает явную неприязнь к другому. Цель использования формы прошедшего времени вместо канонического императива заключается в демонстрации власти и превосходства над собеседником.

(298)

Соколовский	Ну, что? Куда ехать-то? (из машины)
Королев	Вышел .
Соколовский	Прыгай, я тебя до метро докину.
Королев	На пару слов. (Мажор)

Тактика сниженности директива была зафиксирована в корпусе примеров на русском языке и рассматривается нами как отличительная черта русской разговорной речи в отношениях как солидарности, так и власти. В итальянском языке сниженность в побудительных высказываниях отмечается не в директивах, а в апеллятивах (см. пример (19): *zitto e fermo, pezzo di merda* (молчи и не двигайся, урод); *zitto, stronzo* (молчи, сволочь)).

4.3.3.2. Тактика субститута. В качестве директива могут выступать слова, несущие в себе семантику каузации независимо от их лексического значения. Часто это устоявшиеся слова или конструкции, которые могут различаться в разных языках, а могут обнаруживать сходство. Прагматически они могут быть связаны с совершенно разными действиями. Их интерпретация зависит исключительно от контекста. Формально, эти слова заменяют знаменательные глаголы в императивной форме. В следующих примерах на итальянском языке употребляется 2Sg.Ind.Praes глагола *dare*: *dai, su = dalle la mano*; *dai che è tardi = andiamo che è tardi*.

(299)

Dai. Forza. (Suburra)

(Ну, давай.)

(300)

Dai, su, dalle la mano. (Suburra)

(Ну, дай ей руку.)

(301)

Dai che è tardi. (Suburra)

(Давай, поздно уже.)

Побуждение может выражаться прагматическим маркером *per favore*, который меняет свою семантику в зависимости от контекста. В контексте (304) он имеет значения прохибитива *smettila, non dire così*.

(302)

Gabriele	Sara, ti prego, mi servono adesso [i soldi]. Mi devi aiutare.
Sara	Ma io no ho proprio idea di come trovare tutti questi soldi.
Gabriele	O magari non sai come trovarli per me, eh, Sara?
Sara	Per favore. (Suburra)
(Габриэле Сара	Сара, прошу тебя, мне сейчас они (деньги) нужны. Ты должна мне помочь.
Sara	Я даже не представляю, где найти такие деньги.
Габриэле	Или не знаешь, где найти их для меня, а, Сара?
Sara	Я тебя умоляю (досл. Пожалуйста.)

Другой прагматический маркер, способный заменять знаменательный глагол – *prego*. Его значение как для говорящего, так и для адресата, зависит исключительно от контекста. Его значения могут варьироваться от приглашения до разрешения. В примере (303) — приглашение выйти, покинуть помещение, в примере (305) — разрешение войти в помещение, а в (304) — разрешение на осуществление обозначенного ранее действия.

(303)

Presidente dell'assemblea	Signori, per oggi abbiamo finito. Prego.
(Председатель собрания	(Suburra)
	Господа, на сегодня – все! Прошу! (досл. Пожалуйста!)

(304)

Poliziotto al suo inferiore	Massoli, tu vicino alle scale così aiuti gli anziani.
L'inferiore	Va bene. Grazie, non vedevo l'ora.
Poliziotto	Qualcosa non va?
L'inferiore	No, va benissimo. Lei è il mio capo e io eseguo. Posso?
Poliziotto	Prego. (Suburra)

(Полицейский своему подчиненному)	Массоли, ты – у лестницы. Поможешь старикам.
Подчиненный	Хорошо. Спасибо, только об этом и мечтал.
Полицейский	Что-то не так?
Подчиненный	Нет, все прекрасно. Вы – мой начальник, я выполняю Ваши приказы. Я пошел?
Полицейский	Иди (досл. пожалуйста)

(305)

Contessa (<i>entrando</i>)	È permesso?
Sara	Prego. (Suburra)
(Графиня (входит))	Можно?
Sara	Прошу/Пожалуйста.

Итальянский язык располагает так называемыми «викарными» глаголами, одним из ярких примеров которых служит глагол *fare*: лексическое значение позволяет этому глаголу заменять глаголы с агентивным субъектом⁷⁶ [Frison 2001: 96]. Названная характеристика обуславливает частое использование этого глагола в директивах. В примере (306) говорящий призывает кардинала послушать его, используя косвенную тактику побуждения с викарным глаголом *fare*, который в этом случае заменяет глагол *ascoltare* из предыдущего утвердительного предложения, констатирующего факт того, что кардинал не слушает говорящего.

(306)

– Eminenza, lei non mi sta ascoltando. Farebbe bene **a farlo** invece. (Suburra)
 (– Ваше Высокопреосвященство, Вы меня не слушаете. А стоило бы **(это сделать)**.)

Аналогично примерам из итальянского языка с десемантизированными формами глагола *dare*, в русском языке также встречается тактика субститутов с использованием императивной формы глагола давать, который утрачивает свое прямое лексическое значение и указывает только на побуждение. В примере (307) отец побуждает сына выполнить действие, которое он уже выполняет, быстрее. Такое побуждение может быть оформлено без императива *давай*: сравнительная степень наречия *быстрее/побыстрее*, используемая отдельно, также может служить побуждением поторопиться с исполнением действия.

(307)

Отец	Сынок, ну что копаешься? Давай побыстрее.
Сын	Я стараюсь.
Отец	Да ты плохо стараешься! Мне же сейчас выступать. (Шторм)

В примере (308) знаменательный глагол *иди* заменяется субститутом *давай*. Как и в предыдущем примере, он используется в комбинации с наречием образа действия.

(308)

⁷⁶ Глаголы *succedere, accadere, capitare* выступают викарными в случае замены глаголов с неагентивным субъектом.

Коллега Соколовского	Соколовский, тебя в 17-й просили зайти.
Соколовский	Кто просил?
Коллега	Давай! Срочно. (Мажор)

Тактика субститута может принимать конвенциональные формы. Например, в русском языке нами были выделены примеры с наречием *ладно*, которые не могут быть отнесены к тактике редуцированного побуждения, так как сочетаемостные характеристики данного наречия не позволяют реконструировать побудительное высказывание с императивной формой глагола. В примере (309) наличие аргумента *про эти компенсации* обеспечивает корректную интерпретацию со стороны адресата как прохибитива *не говори больше на эту тему* (= *прекрати говорить на эту тему*).

(309)

Крюков адвокату Глушакову	Ладно , Гриша, ладно про эти компенсации . С ними все понятно. (Шторм)
---------------------------	---

Тактика субститута в обоих языках представлена конвенциональными формами глаголов *dare/давать*, схожими между собой по семантике. Их значение в каждой конкретной ситуации обусловлено исключительно контекстом (контекстнозависимое значение). Тактика субститутов возможна также в прохибитиве (*basta, ладно, хватим*). В итальянском языке в силу существования целого класса глаголов, способных заменять знаменательные глаголы, могут использоваться викарные глаголы.

4.4. Количественный анализ зафиксированных языковых средств

Корпусы примеров на двух языках содержат 259 ДЕ на русском языке и 291 ДЕ на итальянском языке с общим количеством 6580 и 6280 слов соответственно. Из них высказываний с побуждением, выраженных каноническими формами императива: 304 на русском языке и 278 на итальянском языке, что с одной стороны указывает на универсальность императива в русском языке в различных побудительных стратегиях, с другой стороны показывает отнюдь не низкую, как ожидалось, частотность императива в итальянском. Употребляемость прагматических маркеров в форме императива в двух языках примерно одинаковая. Несмотря на схожие экстралингвистические контексты в фильмах в русском языке V-императивы (этикетные) встречаются реже, чем в итальянском — 19 vs 39. Однако, по другим показателям вежливости (имена собственные, титулы, термины родства, а также маркеры вежливости) русский язык оказывается более продуктивен. Число примеров побуждения с использованием имен собственных, в том числе вокатива, в русском языке достигает 43, в то время как в итальянском — всего 20, хотя по титулам и терминам родства итальянский язык опережает русский — 8 vs 1. Маркеры вежливости используются чаще в русском, чем в итальянском: 15 vs 9.

В нашем сопоставительном анализе побудительных тактик и используемых в них языковых средств русский язык оказывается более продуктивным в тактике субститута 38 vs 22, в тактике метапрагматического контроля 33 vs 24, в тактике указания на цель 19 vs 6. Тактика синтаксического повтора, в которой соотношение также оказывается в пользу русского языка 31 vs 12, оказывается не только гораздо частотнее в русском языке, но и более разнообразной: если в итальянском языке нами были зафиксированы только повторы императивных глагольных форм, то в русском языке мы насчитали 10 различных грамматических форм, подвергающихся повтору. Примеры тактики деонтической модальности по общему количеству приблизительно одинаковы в русском и итальянском языках: 57 vs 53, но в русском она намного чаще, чем в итальянском, выражается в обезличенной форме: 29 vs 4. Кроме того, в различных тактиках для русского более характерно использование глагольных форм индикатива будущего времени (СВ), чем для итальянского: 12 vs 2. Прошедшее время инклюзивно-побудительной семантики в русском языке нами было зафиксировано в количестве 13 примеров, в то время как в итальянском такая форма исключена полностью.

Для итальянского языка характерно количественное преимущество в таких тактиках, как тактика совместного действия 34 vs 24, при этом основным средством ее реализации являются императивные формы глагола в обоих языках; тактика дезидератива 12 vs 3; тактика обязательного или авторитарного прескриптива 25 vs 17; тактика указания на бенефактивность действия для адресата 8 vs 3. Из всех форм индикатива в различных тактиках в итальянском языке по сравнению с русским наиболее частотны формы настоящего времени 13 vs 2.

Табл. 3. Количественное распределение языковых средств выражения побуждения.

		РЯ	ИЯ
ДЕ		259	291
императивы	всего	304	278
	маркеры	20	22
	V-императивы	19	39
имена	всего	46	31
	собственные	22	14
	укороченные		6
	родство	1	4
	титулы		4
	другие	2	3
	вокатив	21	
маркер вежливости		15	9
субститут		38	22
метапрагматический контроль		33	24
обезличенность каузатора		1	
разделительный вопрос		9	5
деонтика	всего	57	53
	обезличенность	29	4
	кондиционал	-	4

сотрудничество (совм. д-вие)	императив	22	33
	деонтика	2	1
интеррогатив		25	23
повтор	всего	31	12
	императив	15	12
	субститут	4	
	парафраз	4	
	будущее	1	
	прошедшее инклюзив	2	
	маркер	1	
	инфинитив	1	
	цель	1	
	деонтика	1	
	метапрагматика	1	
дезидератив		3	12
индикатив	настоящее	2	13
	будущее НСВ	1	2
	будущее СВ	12	
	прошедшее инклюзив	13	
	прошедшее неинклюзив	7	
сниженность		4	2
цель		19	6
срочность		16	12
облигаторность		17	25
последствия		12	12
условие		7	6
узус (ненормативность)		18	
сентенция		2	2
бенефактивность	для адресата	3	8
	для говорящего	6	5

4.5. Выводы по четвертой главе

В четвертой главе был проанализирован широкий спектр актуальных речевых тенденций в двух языках, проявляющихся в типичных контекстах в разных социальных группах двух лингвокультур. Были зафиксированы языковые средства побуждения, используемые при общении как в отношениях солидарности, так и в отношениях власти; учитывалась ситуативная и социально-стратификационная вариативность языка. С одной стороны, обнаруженные тактики отличались креативностью говорящих, в некоторых случаях было возможно наблюдать повторяющиеся тактики и определенные конструкции в речи одного и то же персонажа, что подтверждает существование индивидуального культурного кода наряду с общим

этнокультурным. С другой стороны, многие тактики носили конвенциональный характер и были «ожидаемы» другими участниками коммуникации. В примерах наблюдается большее однообразие социально-детерминированных языковых средств в тактиках (T/V формы) на русском языке, чем на итальянском в силу того, что социальная стратификация российского общества не так отчетливо отражается в русском языке, как в итальянском.

Все тактики побудительных стратегий были выделены на основе межличностных или внеличностных установок. **Межличностные установки** порождают тактики установки на самого себя, на адресата, на третье лицо, не участвующее активно в диалоге и тактику совместного действия.

Тактики установки на самого себя (на говорящего) отражают самоинтерпретацию говорящего: либо он полагает, что находится на более высокой социальной позиции, достаточной для того, чтобы заставить адресата выполнить искомое действие, либо отношения между говорящим и адресатом характеризуются такой степенью близости (солидарности), что адресат готов выполнить действие в интересах говорящего и говорящий в этом уверен. Среди этих тактик были выделены пять: дезидеративы, констатация важности каузируемого действия для говорящего, увеличения интенсивности побуждения, синтаксический повтор и интеррогативы.

Для **тактики дезидератива** характерно наличие лексического элемента со значением желания (*volere* или *хотеть* в наших примерах), который указывает на волеизъявление говорящего, побуждение как таковое выражено имплицитно (нет канонического императива). Желательное действие обозначается глаголом в придаточном предложении, который имеет морфологические признаки сослагательного наклонения в русском языке и конъюнктива в итальянском. В случае прохибитива в тактике дезидератива возможны две конструкции — с отрицанием лексического показателя дезидератива и с отрицанием глагола, обозначающего каузируемое действие. Такие конструкции встречаются в обоих языках, хотя их частотность для каждого языка неясна. Для верификации существования конструкций с отрицанием знаменательного глагола было необходимо обратиться к онлайн-корпусу итальянского языка. Кроме констатации собственного желания, касающегося исполнения искомого действия говорящий может прибегнуть к **констатации важности** этого действия для него самого. Побуждение в этом случае выражается прямым (канонический императив) либо косвенным способом в обоих языках. На важность может быть указано эксплицитно при помощи показателей необходимости и важности: в наших примерах это *нужно*, *необходимо*, *важно* в русском языке и *importante* в итальянском. Такое указание на бенефактивность искомого действия может быть как синтаксически независимым, так и находиться с побуждением в причинно-следственной связи. В отсутствии лексических показателей необходимости и важности слушающий самостоятельно устанавливает причинно-следственную связь между

побуждением и его причиной. На основе собранных примеров невозможно установить формальные различия в реализации этой тактики на русском и итальянском языках. Важность искомого действия для говорящего очевидна и в тактике **увеличения интенсивности побуждения**, так как в ней просматривается его заинтересованность в действии. В качестве способов повышения интенсивности нами была зарегистрирована смена глагольной формы: в итальянском это переход от императивной формы глагола к индикативу настоящего времени, в русском — смена глагольного вида. В этом случае, практически, наблюдается повтор побуждения с изменением формы глагола. Такой повтор отличается от **синтаксического повтора** тем, что в последнем побудительная конструкция (императивная форма глагола, инфинитив, показатель модальности или именной элемент) повторяется без изменений. Эта тактика предпочтительна для кратких по форме побуждений как в статусно-нейтральной, так и в статусно-маркированной коммуникации. Повтор связан с настойчивостью и поэтому нуждается в митигации иллокутивной силы, которая реализуется посредством использования средств вежливости, смягчающих модальных показателей и метапрагматических единиц, обнаруживающих глубинные перформативные конструкции. В качестве последней тактики, демонстрирующей установку на самого себя, нами была выделена **тактика интеррогатива**, при которой в обеих лингвокультурах говорящий как бы демонстрирует общим вопросом, что находится в поиске исполнителя действия, целесообразность которого уже решена. Частные вопросы о мотивированности с вопросительным показателем причинности *почему/perché* в отличие от общих вопросов обнаруживают скорее поиск бенефактивности для самого исполнителя, особенно если это вопросы отрицательные по форме. Отсутствие таких вопросительно-побудительных высказываний на русском языке в корпусе наших примеров при их наличии в Национальном корпусе русского языка ставит вопрос об их сниженной частотности в русской разговорной речи. Анализ социального контекста тактики интеррогатива позволяет заключить, что в итальянском языке она употребляется в отношениях власти, в то время как в русском — в отношениях солидарности, т. е. в итальянском языке общие вопросы с глаголом в индикативе обладают большей импозитивностью. Сослагательное наклонение употребляется в статусно-маркированной коммуникации, служит признаком благородного и литературного языка и не выражает повышенную импозитивность.

В установках на адресата проявляется контроль, реальный или предполагаемый, говорящего над адресатом. Контроль определяется степенью влияния и манипулятивного воздействия на исполнителя искомого действия. В число этих установок нами включены тактика указания на бенефактивность для адресата, тактики негативной и позитивной вежливости, тактика деонтической модальности, тактика обращения к лицу, тактика поиска одобрения каузируемого действия.

Заинтересованность адресата в исполнении искомого действия обеспечивает говорящему успешность побуждения: для этого последний прибегает к тактике **указания на бенефактивность для адресата**, заключающаяся в эксплицитной либо имплицитной аргументации необходимости данного действия для исполнителя. К эксплицитным способам указания на бенефактивность для адресата относятся предикативные конструкции с распространителем, грамматика которого зависит от строя конкретного языка, но по большому счету их можно разделить на придаточные и независимые. С воздействием на адресата связаны также **тактика маркеров вежливости**, используемых говорящим в ситуациях, требующих снижения импозитивности и повышения заинтересованности адресата в исполнении действия. Основные маркеры вежливости *per favore* и *пожалуйста* в двух языках употребляются одинаково, чаще всего в сочетании с императивной формой глагола, за одним исключением — их употребление различно в побудительно-вопросительных высказываниях. В итальянском языке оно нормативно, в русском языке — нет. Однако, в русском языке в вопросах с семантикой побуждения употребляется прагматический маркер вежливости в форме императива глагола *извинить*. Маркерами вежливости в обоих лингвокультурах служат также вокативы, которые сочетаются с императивной формой глагола. В русском языке имя собственное адресата в отношениях солидарности используется чаще, чем в итальянском, а в итальянском, в отличие от русского, в статусно-маркированных ситуациях (отношения власти) используются чаще обращения-тителы, играющие роль дополнительного этикетного маркера, призванного смягчить импозитивность побуждения. Имя собственное может играть достаточно значимую роль в тактиках побуждения. **Тактика обращения к лицу** позволяет говорящему быстро и с наименьшими речевыми усилиями каузировать искомое действие. Однако, эта тактика очень сильно ориентируется на экстралингвистический контекст, и именно поэтому число примеров, связанных с ней, очень мало. Каузируемое действие может рассматриваться говорящим, как действие, входящее в сферу обязанностей адресата или его возможностей. Такой подход к каузации находит выражение в **тактике деонтической модальности**, основанной на лексических модальных показателях долженствования, необходимости и возможности, которые семантически сходны в двух языках, но грамматически имеют некоторые частеречные различия. В итальянском языке в сфере деонтической модальности превалирует глагол, в русском языке это предикативные наречия и краткие прилагательные. Несмотря на то, что деонтическая модальность предполагает апелляцию к обязанностям индивида, т. е. побуждение в этом случае должно быть обращено к конкретному человеку, в обоих языках наряду с личным возможно безличное побуждение в тактике деонтической модальности: в итальянском языке обезличенность достигается посредством частицы *si* с глаголом, а в русском языке — за счет неизменяемости по лицам предикативного слова. Последняя из тактик с превалирующей

установкой на адресата — **тактика поиска одобрения каузируемого действия**. По своей форме такое побуждение напоминает разделительный вопрос. При этом побуждение в русском языке может выражаться различными способами: от канонического императива до имплицитных способов передачи побуждения. Немалая частотность этой тактики в русском языке в ситуациях социальной солидарности позволяет предположить, что она свойственна русскому разговорному языку. В отношении итальянского языка сведений оказалось недостаточно.

Случаи, когда говорящий и адресат являются или предполагаются равнозначными исполнителями каузируемого действия, были выделены нами в отдельную **тактику совместного действия**. Языковые средства, используемые в этой тактике, описывает ситуацию совместного действия трех видов: 1) говорящий и слушающий исполняют одно и то же действие; 2) между говорящим и слушающим устанавливается разделение ролей в достижении указанной цели; 3) мнимое сотрудничество, при котором исполнителем действия является только слушающий. В обоих языках для побуждения к сотрудничеству, в том числе мнимому, используются канонические императивы 1P1, для распределения ролей между говорящим и слушающим — соответственно формы 1Sg.Ind и 2Sg.Imp. В русском языке, кроме названных, в тактике совместного действия были зафиксированы глагольные формы прошедшего времени, не имеющие побудительного значения в итальянском языке. При распределении ролей в корпусе примеров на русском языке была обнаружена достаточно частотная узусная конструкция с показателем совместного действия *давай*.

Тактика установки на третье лицо выражается в выборе языковых форм в зависимости от присутствия третьего лица при диалоге либо в привлечении третьего лица в качестве свидетеля, что также влияет на иллокутивную силу побуждения.

Превалирование **внеличностных установок** при порождении побудительного высказывания дает начало тактикам установки на действительность, установки на пропозициональное содержание и установки на языковые средства.

В **тактиках установок на действительность** говорящий фокусируется на изменении действительности посредством действий, каузацию которых он выражает. При этом указания на личностные и межличностные аспекты ситуации минимизируются. Прежде всего это возможно реализовать путем **обезличивания участников побудительного коммуникативного акта**: каузатора и исполнителя действия. Обезличенность каузатора достигается посредством конструкций, которые позволяют говорящему отстранить себя от роли каузатора действия, т. е. говорящий становится лишь транслятором побуждения: в русском языке это глагол, эксплицирующий побудительную стратегию в форме 3P1 (в корпусе наших примеров это глагол *просили*); в итальянском языке нами зафиксирован вариант с указанием на роль слушающего в будущем (*sarà Lei*). Обезличенность исполнителя в обоих языках достигается неличными

грамматическими формами, указывающими на искомое действие, но не эксплицирующие исполнителя. Иногда не только и исполнитель, но и само действие остается неопределенным, и тогда говорящий может прибегнуть к **тактике обозначения цели**, которая может быть выражена либо посредством описания желаемой ситуации без указания на конкретные действия, которые необходимо предпринять, либо посредством указания на предмет, если целью является его получение. В первом случае и в итальянском, и в русском языке не наблюдаются большие различия, но второй случай представляется характерным именно для русского языка, так как падежная система русского языка обуславливает возможность эллипсиса переходного глагола и употребления только имени в винительном падеже. **Тактика фокуса на действии или состоянии** в языковом выражении сводится к коррекции способа исполнения действия либо к увеличению импозитивности в побуждении. К основным языковым средствам коррекции способа действия выступают для русского языка сравнительная степень наречия, в то время как в итальянском языке мы не зафиксировали подобного использования сравнительной степени. Увеличение импозитивности в двух языках реализуется посредством смены временной формы знаменательного глагола с характерным для русского языка перехода не только на другое глагольное время (с настоящего на будущее или наоборот), но и на другой глагольный вид. Смена глагольного вида меняет также фокус на том или ином аспекте действия: СВ подчеркивает нацеленность на результат, а НСВ — на неограниченную кратность. При побуждении к исполнению конкретного действия говорящий может оговаривать условия, при возникновении которых необходимо будет его исполнить, т. е. использовать **тактику фокуса на условиях реализации каузируемого действия**. Как понятно из названия тактики, она реализуется при помощи придаточных условия и времени в обоих языках. При этом каузируемое действие выражается каноническим императивом, а в придаточных будущим временем для русского языка с дифференциацией действия при помощи глагольного вида (отношения предшествования с действием в императиве — СВ; длительное или неопределенно-кратное при НСВ) и с большим выбором временных форм для итальянского языка (настоящее, простое будущее и ближайшее прошедшее, выражающее завершенность действия в будущем и семантически соответствующее русскому СВ). Фокус на важности действия может выражаться посредством **предупреждения о последствиях выполнения или невыполнения каузируемого действия**. Чаще всего говорящий предупреждает о негативных последствиях для адресата. Это предупреждение может быть эксплицитным, т. е. открыто сообщается, что произойдет в будущем, и само побуждение направлено на каузацию действия, призванного предотвратить нежелательные последствия. Либо предупреждение может быть имплицитным, и тогда используются конструкции с семантикой угрозы или совета. В последнем случае нами была зафиксирована семантика, противоположная формальной в обоих языках, т. е. речь идет о прохибитиве. **В тактике**

облигаторного или авторитарного прескриптива действие подается как обязательное к исполнению вне зависимости от социального контекста (отношения власти или солидарности). Речевыми средствами этой тактики в обоих языках служат повтор побудительных конструкций и употребление языковых средств метапрагматического контроля. Кроме этого, в итальянском языке нами были зафиксированы побудительные конструкции с редуцированной глагольной формой, в то время как русский язык в этих целях располагает большим разнообразием средств, среди которых основными являются инфинитив без семантических и синтаксических распространителей и глагольные формы прошедшего времени, не имеющие значения совместного действия. Установка на изменяемую действительность может проявляться в **указании на срочность исполнения каузируемого действия**. Основными языковыми средствами этой тактики и в русском, и в итальянском языках являются лексические средства. Побуждение выражается императивными формами глагола с семантическим распространителем в виде наречий или обстоятельств времени. В обоих языках парцелляция играет роль иллокутивного усилителя. Эта тактика представляется контекстозависимой.

В тактики установки на пропозициональное содержание нами были включены тактика обращения к прецедентным ситуациям, тактика метапрагматического контроля и тактика сентенции. Все эти тактики демонстрируют заботу говорящего о верной интерпретации его побуждения адресатом. **Тактика обращения к прецедентным ситуациям** основана на совпадении (полном или частичном) когнитивной базы коммуникантов. Прецедентность может быть эксплицитной или имплицитной. К первой мы относим указания на события или состояния, произошедшие или зафиксированные в прошлом, а ко второй — прецедентные имена. И в итальянском, и в русском языке эксплицитная прецедентность оформляется как косвенная речь: воспроизводится побуждение, высказанное в прошлом. В итальянском языке наблюдается значительная частотность глагола *dire* в ближайшем прошедшем времени (*ti ho detto*). Тактика обращения к имплицитной прецедентности представляется наиболее культурозависимой. **Тактика метапрагматического контроля** представляет собой наиболее эксплицитное обеспечение верной интерпретации побудительного высказывания. В этой тактике русский и итальянский языки проявляют много схожих черт. Метапрагматические конструкции синтаксически не связаны с побуждением. Их препозиция или постпозиция по отношению к побуждению зависит от их функции: привлечения внимания к побуждению, которое за ним последует или экспликация иллокутивной силы в целях обеспечения верной интерпретации. **Тактика сентенции**, представляющая собой дескрипцию действий или состояний, смысл которых может быть верно интерпретирован только в контексте, который позволяет выделить в сентенции побудительную семантику.

Тактики установки на языковые средства включают тактику стилевой сниженности и тактику субститута. **Тактика стилевой сниженности** была выделена нами только в корпусе примеров на русском языке в как в контексте отношений власти, так и в контексте отношений солидарности. Языковыми средствами этой тактики являются лексические средства, выражающие кроме собственно побуждения оценочное суждение. **Тактика субститута** в обоих языках представлена конвенциональными формами глаголов *dare/давать*, схожими между собой по семантике. Их значение в каждой конкретной ситуации обусловлено исключительно контекстом (контекстнозависимое значение). Тактика субститутов возможна также в прохибитиве (*basta, ладно, хватим*). В итальянском языке в силу существования целого класса глаголов, способных заменять знаменательные глаголы, могут использоваться викарные глаголы.

Заключение

Итак, настоящее исследование было предпринято с целью сопоставить и комплексно проанализировать побудительные высказывания в разговорной речи на фоне соответствующих коммуникативных актов в итальянском и русском языках. Анализ ориентирован на выявление общих принципов побудительных стратегий и тактик, т. е. на описание конкретного аспекта в системе разговорной речи, и формулирование норм применения этой системы согласно коммуникативным ситуациям.

Сам по себе объект исследования не несет в себе исключительной новизны, однако стоит в ряду явлений, которые в последние годы вызывают закономерный интерес среди лингвистов различных направлений — от когнитивной и коммуникативной лингвистики до сопоставительной. Стоит отметить, что диалогические единства, в пределах которых рассматривается побуждение, становятся объектом исследований, посвященных, как правило, какому-либо одному языку. Такие исследования предпринимаются в последнее время в рамках интеракциональной лингвистики. Пристальное внимание к определенным стратегиям или тактикам, применяемым носителями языка для достижения поставленной коммуникативной цели, позволяет выделить их характерные черты, свойственные тому или иному социуму, и определить степень их конвенциональности. Следующим шагом в подобных исследованиях может стать сопоставление выявленных средств и способов реализации стратегий и тактик в разных языках, которое предпринимается в рамках теории межкультурной коммуникации в ее кросс-культурном аспекте. В случае нашего исследования сопоставительному комплексному синхронному анализу способов реализации в устной речи стратегий и тактик побуждения в русской и итальянской лингвокультурах предшествовали отдельные, более скромные по своим объемам работы (научные статьи и доклады), посвященные одному из двух языков. Список этих работ указан в приложении к диссертации.

Основной целью предпринятого исследования стало сравнительно-сопоставительное описание семантики и прагматики стратегий и тактик побуждения в двух языках, которое заключает в себе практическую ценность работы для подготовки как теоретических и практических курсов по прагматике названных языков как иностранных, так и курсов по теории и практике перевода. В теоретическом плане перед нами стояла задача расширения сферы исследований в коммуникативной лингвистике посредством включения в ее проблемное поле кросс-культурное прагматическое исследование, имеющее своей конечной целью выделение этноспецифических социально-культурных и лингвистических факторов, влияющих на выбор тактики побуждения. Кроме того, мы надеемся, что данное исследование может внести свой

вклад в разработку сопоставительной коммуникативной грамматики и прагматики русского и итальянского языков, поскольку побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление представляет собой одну из основных категорий языка.

В диссертации четыре главы, каждая из которых вносит вклад в решение поставленных в исследовании задач. **Первая глава** посвящена теоретико-методологическим предпосылкам кросс-культурного исследования коммуникативных стратегий и тактик. В ней обосновывается место такого языкового и речевого явления как побуждение в теории общения и коммуникации. Сужая область нашего исследования, мы сосредоточились на диалогике, поскольку побуждение рассматривается нами как интеракциональная деятельность в любом из возможных случаев — не только при межличностной коммуникации, но и в случае внутреннего диалога с самим собой. Исследование диалога как основы коммуникации не ограничивается наблюдением отдельных фактов употребления языка, но осуществляется в широком социально-психологическом контексте, что становится особенно интересным и показательным при сопоставлении двух языков. Одна из существенных характеристик диалога — это совместная интерпретация значения и смысла, порождаемых в коммуникации. В первой главе нами была обоснована необходимость принимать во внимание в кросс-культурном исследовании такие аспекты межкультурной коммуникации, как типология культур, вербальные и невербальные маркеры культуры, закономерности кодирования знания о мире в определенной культуре, способы активации сведений о мире, особенности социальной перцепции и культурно обусловленные дискурсивные стратегии. Именно погруженность коммуникации в культуру является одной из причин различий в вербальных взаимодействиях на разных языках. Мы полагаем речевое поведение индивида частью его культуры на том основании, что холистическое понимание культуры включает в себя не только знания, верования, искусство, нравственность и т. д., но и привычки, усвоенные человеком в обществе, его чувства, мысли, приобретенные и культивируемые способы поведения вообще и речевого в частности. По этой причине мы рассматриваем язык, мышление и культуру в неразрывной связи, отдавая предпочтение номотетическим методам исследования. Следуя принципу функциональной относительности, позволившему в последние годы многим исследователям взглянуть на идеи гипотезы лингвистической относительности в ее мягкой версии по-новому, мы показали, что исследования того, как формы языка не только отражают социальное положение людей и связанные с ним обстоятельства, но и кодифицируют социальную картину мира, заслуживают внимание.

Во второй главе в соответствии с одной из задач, поставленных во введении к диссертации и предполагающих уточнение понятийно-терминологического инструментария для исследования частных коммуникативных стратегий и тактик, были положены теоретические основы для таких исследований. Основными факторами, влияющими на способ реализации и

интерпретации той или иной тактики, оказываются контекст и культура. Иными словами, отдельные тактики обнаруживают высокую степень зависимости от контекста, т. е. при интерпретации побуждения реципиент имеет дело с коммуникативными импликатурами. Контекст — универсальное явление в человеческой коммуникации. В современной научной литературе выделяются следующие виды контекста: диалогический, коммуникативный, перспективный, ретроспективный, синтаксический, семантико-прагматический. Для настоящего исследования они являются релевантными в разной степени. Под контекстом мы понимаем не только совокупность явлений, на основе которых устанавливается смысл и/или значение высказывания, но и то, что строится и создается в процессе интеракции посредством координированной интерпретации ситуации. Для успешной коммуникации говорящий должен на основании собственных предположений о фоновом знании слушающего, о его прежних контекстах и представлений о мире решить, в какую из форм облечь собственную интенцию, какие импликатуры допустимы и какие нет. Реципиент, в свою очередь, должен расшифровать на основе имеющихся у него знаний интенции говорящего, и лишь при совпадении импликатур говорящего с инференцией реципиента можно говорить об успешной передаче интенции. Развитие диалога строится на основе этой координированной интерпретации.

При анализе данных двух языков фактор культуры становится показателем этноспецифичности тактик. Этностиль коммуникации формируется в результате регулярного использования определенных коммуникативных стратегий и свойственных им языковых и неязыковых (проксеимических, кинесических, тактильных) средств. Сопоставление коммуникативных стратегий и тактик в двух (или более) языках позволяет выделить национальный стиль коммуникативного поведения. Это становится возможным благодаря фиксации отдельных стилеобразующих черт коммуникации, среди которых особо выделяются способы выражения коммуникативных интенций (прямой или косвенный), степень официальности в общении, регулярное использование тех или иных коммуникативных стратегий и тактик и свойственных им языковых и неязыковых средств.

Во второй главе были также проанализированы известные нам исследования национального коммуникативного поведения итальянцев и русских, которые показали, что для коммуникативного поведения итальянцев характерна повышенная кинесика, высокая эмоциональность, гибкость и свобода мышления, рассматриваемые ими самими как способность легко перестраиваться и менять стратегию для достижения конечной цели. В русском коммуникативном поведении особую значимость имеет фатическая составляющая. Между поведенческими моделями в крупных городах и в провинции обнаруживаются определенные различия: в Москве и Санкт-Петербурге наблюдается заимствование западноевропейских и

североамериканских поведенческих схем, в то время как в провинции сохраняются традиционные модели поведения, в том числе и речевого.

Далее наше внимание сосредоточилось на самом объекте исследования — стратегиях и тактиках. Номинация побудительных стратегий затрудняется общими проблемами таксономии иллокутивных функций речевых актов подобно стратегиям, определяемым на основе коммуникативной интенции. Поскольку под побудительными стратегиями понимается комплекс запланированных речевых действий, раскрывающий, с одной стороны, волеизъявление говорящего и выражающий, с другой стороны, побуждение к действию адресата, то различные побудительные стратегии могут заимствовать свои наименования у речевых актов соответствующей иллокутивной силы — стратегия просьбы, стратегия совета, стратегия приказа и т. д. Тактика представляет собой цепочку конкретных ходов, ведущих к исполнению интенции, заложенной в стратегии. Тактики являются теми элементами стратегического планирования, в которых отражается индивидуальность говорящего, основанная на целом наборе признаков, отличающих людей друг от друга и влияющих в конечном счете на характер вербальной коммуникации. Тактики порождаются на основе коммуникативных установок, которые представляют собой когнитивный конструкт, отражающий ориентацию говорящего в коммуникативном процессе: что для него является наиболее важным в конкретном ситуативном контексте. Установки являются результатом анализа контекста коммуникативной ситуации, сопоставления ее с собственными интенциями, принятыми в данном социуме конвенциями и правилами (не)речевого поведения. Таким образом, коммуникативные тактики определяются системой установок, которые зависят от объективных и субъективных факторов и подразделяются на межличностные и внеличностные.

В третьей главе были рассмотрены языковые средства побудительных стратегий и тактик русского и итальянского языков. В начале главы мы остановились на типологии этих средств в общем, используя в качестве основных терминов «императивы» для обозначения глагольных форм императивной парадигмы и «директивы» для всех остальных форм выражения побуждения, куда были включены интеррогативы, декларативы, субстантивированные формы и эллиптические конструкции. Затем мы перешли к нормативному описанию языковых средств побудительных стратегий и тактик в русском и итальянском языках. Императивы — это канонический, но не единственный способ выражения волеизъявления и побуждения в сопоставляемых языках. Неимперативные директивы в итальянском и русском языках по своим конструкциям представляются подобными.

В четвертой главе мы приступили к исчислению и сопоставлению языковых средств в русской и итальянской устной речи в условиях, максимально приближенных к реальным. В центр внимания была поставлена ситуативная вариативность языка, которая проявляется в

предпочтении одних языковых средств другим. Кроме ситуативной во внимание принималась и стратификационная вариативность, под которой понимается зависимость речевого поведения индивидов от их принадлежности к различным социальным слоям и группам. В качестве языкового материала для исследования были взяты диалоги из современного массового кино. При этом критериями отбора послужили сюжеты, рассказывающие о современных событиях современным языком. Такой выбор позволил охватить широкий спектр актуальных тенденций в двух языках и типичные контексты в разных социальных группах современного общества. Поскольку речь идет о разговорном варианте языка, необходимо было учитывать неоднородность, диффузность и различные степени сниженности полученного материала, не забывая при этом о понятии языковой нормы в ее прескриптивной и дескриптивной форме и возможном несовпадении нормативных прескрипций и речевой практики.

Выделение отдельных тактик побуждения производилось на основе системы межличностных и внеличностных установок. Наименование тактик стало результатом нашего языкового творчества, которое ни в коей мере не претендует на окончательность и универсальность, но служит лишь целям классификации и исчисления. Этот вопрос осложняется еще и тем фактом, что при выборе той или иной тактики говорящий не может принимать во внимание только какую-то одну установку, почти всегда приходится учитывать комплекс установок. Любое побудительное высказывание имеет установку на действительность, т. е. побуждение представляет собой каузацию какого-либо действия или состояния, прекращения или предотвращения действия или состояния и, как следствие, изменение действительности. Это означает, что побуждение в основе своей имеет установку на действительность. Далее, у всякого действия должен быть агенс. В побудительных высказываниях агенсом будущего действия является чаще всего слушающий, хотя это может быть и сам говорящий, и третье лицо, и говорящий вместе со слушающим или слушающий с третьими лицами. Таким образом, почти любое побудительное высказывание имеет межличностные установки. Иными словами, не существует побудительных высказываний, обладающих только одним типом установок — межличностными или внеличностными, однако, один из типов является преобладающим.

В четвертой главе мы решали задачи определения и описания наиболее частотных тактик побуждения в двух лингвокультурах, установления этноспецифичных тенденций и предпочтений, обусловленных социокультурного и функционально-стилистического порядка, а также определения степени влияния социально-культурных и национально-языковых факторов на выбор тактических средств побуждения.

Тактики рассматривались нами в минимальных диалогических единствах, которые включают в себя реакцию слушающего, совместное конструирование смысла, а также смену тактик, позволяющую определять степень категоричности и импозитивности той или иной

тактики по сравнению с другими. Отдельное внимание уделялось **контексту**, в котором высказывалось побуждение. Фактор контекста позволил определить большое сходство между двумя лингвокультурами в плане зависимости смысла высказывания от контекста: это не удивительно, поскольку коммуникативные импликатуры являются универсальным явлением в межличностной коммуникации. В обеих лингвокультурах наблюдается конструирование контекста в процессе реализации конкретных шагов в отдельных тактиках. Например, в тактиках указания на бенефактивность для адресата и констатации важности каузируемого действия для говорящего приводится аргументация в пользу бенефактивности или важности. Аргументация, находящаяся в препозиции или в постпозиции по отношению к побуждению, состоит в семантической связи с побуждением. Наиболее контекстно-зависимая тактика — тактика субститута. С формальной точки зрения она более продуктивна в итальянском языке по причине большей распространенности викарных глаголов. В тактике интеррогатива в обоих языках побудительность вопроса о наличии какого-либо предмета определяется исключительно контекстом.

В качестве **предварительной гипотезы** в начале исследования нами было выдвинуто предположение о том, что коммуникативные тактики побуждения отличаются этноспецифичностью в силу их детерминированности социально-контекстными факторами, различными для разных лингвокультур. В языковой паре русский—итальянский, двух неродственных языков, принадлежащих, однако, к одной языковой семье и, в некоторой степени, культуре, наиболее частотные тактики побуждения различаются социолингвистическим и когнитивным потенциалом используемых средств.

Для верификации нашей гипотезы мы определили ряд положений, требующих подтверждения на основе анализа собранного языкового материала. Рассмотрим отдельно каждое из **положений, вынесенных на защиту**:

1. Тактики побуждения имеют вид паттернов, обусловленных принятыми в конкретном социуме культурными нормами, которые реализуются в речи в соответствии с имеющимися в каждом отдельном языке грамматическими средствами. Рекуррентность употребления синтаксических конструкций, задействованных в побудительных высказываниях, позволила выделить модели (паттерны), по которым строятся тактики побуждения в итальянской и русской лингвокультурах. Общее число тактик, зафиксированных нами в языковом материале количеством свыше 6000 слов на каждом языке, составило 24. Совершенно ненамеренно оказалось, что количество тактик, основанных на превалировании межличностных установок индивида, равно количеству тактик, определяемых внеличностными установками. В результате сопоставительного описания языкового материала, а также использования методов контекстуального анализа

и контент-анализа с последующей содержательной интерпретацией числовых закономерностей нами была выявлена универсальность большинства зафиксированных тактик для двух языков. Однако, отдельные тактики проявляли бóльшую частотность в одном языке по сравнению с другим: при схожих экстралингвистических контекстах в русском языке чаще, чем в итальянском, использовались тактики субститута, метапрагматического контроля, синтаксического повтора и указания на цель; для итальянского языка оказалась характерна бóльшая по сравнению с русским частота употребления тактик совместного действия, дезидератива, облигаторного или авторитарного прескриптива, указания на бенефактивность действия для адресата. Названные соотношения позволяют нам сделать следующие выводы: побуждение в русской лингвокультуре демонстрирует бóльшую зависимость от контекста и, как следствие, имплицитность (тактики субститута и указания на цель). При этом регистрируется прагматическая осведомленность говорящего о повышенной имплицитности побуждения — в тактиках синтаксического повтора и метапрагматического контроля проявляется неуверенность говорящего в верной интерпретации высказывания адресатом. В итальянской лингвокультуре наблюдается бóльшая ориентированность на адресата посредством конструирования его заинтересованности в исполнении действия (тактика указания на бенефактивность действия для адресата), а также взаимоотношения солидарности между коммуникантами (тактики совместного действия и дезидератива). Примеры реализации тактики указания на бенефактивность для адресата на итальянском языке оказались более многочисленными, чем на русском. Это позволило выделить четыре рекуррентные модели реализации тактики против двух моделей на русском языке. Только одна из моделей совпадает в обоих языках. Более частое употребление тактики облигаторного или авторитарного прескриптива в итальянском языке указывает на более четкую социальную стратификацию итальянского общества.

2. Среди факторов, определяющих предпочтения при выборе конкретной тактики побуждения, существенную роль играют межличностные и внеличностные установки говорящего, основывающиеся в значительной степени на самоинтерпретации индивида. Любое высказывание, побудительное в том числе, произносится с определенной целью. Интенцией тактики побуждения является каузация, прекращение или предотвращение какого-либо действия или состояния и, как следствие, изменение действительности. Успешность речевого действия, направленного на изменение действительности, в конечном счете зависит от соответствия избранной тактики экстралингвистическому контексту, от того, насколько говорящий верно оценивает отношения между ним и

адресатом. В случае бенефактивности будущего действия для самого говорящего речевой акт побуждения будет успешным, если говорящий верно полагает, что находится на более высокой социально-психологической позиции, достаточной для того, чтобы заставить адресата выполнить искомое действие, либо отношения между говорящим и адресатом характеризуются такой степенью близости (солидарности), что адресат готов выполнить действие в интересах говорящего и говорящий в этом уверен. В этом случае речь идет о тактиках, определяемых установка на самого себя (на говорящего), когда упор делается на прямую заинтересованность говорящего в исполнении действия. Если разницы в социально-психологической позиции между двумя коммуникантами недостаточно для того, чтобы заставить адресата исполнить действие, то говорящий может прибегнуть к манипулятивному воздействию на исполнителя и созданию заинтересованности исполнителя в действии, возможно на уровне эмпатии. В этом случае мы говорим о тактиках, основанных на установках на адресата. Очевидно, что прежде, чем сформулировать побуждение, говорящему необходимо оценить свое положение в системе координат «я-ты» и избрать наиболее подходящую тактику, позволяющую достичь цели в кратчайшие сроки. Самоинтерпретация индивида, на основе которой и происходит оценка социально-психологической дистанции между коммуникантами, может быть взаимозависимой от других коммуникантов или независимой от них. Взаимозависимость соотносится с заботой о чувствах других людей, а независимость самоинтерпретации связывается с заботой о ясности в выражении мыслей в диалоге. Большая точность в коммуникации свойственна индивидам с независимой самоинтерпретацией, а непрямая коммуникация характерна более для взаимозависимой самоинтерпретации. Выводы, сделанные нами в пункте 1 и касающиеся повышенной по сравнению с итальянской лингвокультурой имплицитностью побуждения, позволяют нам заключить, что в русской лингвокультуре превалирует взаимозависимая самоинтерпретация, что подтверждает ширококонтекстный характер коммуникации, а у носителей итальянской лингвокультуры наблюдается превалирование независимой самоинтерпретации: прямое изложение своих желаний и намерений (тактика дезидератива) и свободное допущение желаний и намерений у собеседника (тактика указания на бенефактивность действия для адресата).

3. В тактиках проявляется социокогнитивная природа побуждения. Это положение базируется на понимании того, что в речи вербально объективируется содержание сознания, и этот процесс регулируется устойчивой, социально и культурно определенной традицией человеческого общения. В основе когнитивной деятельности лежат средства быстрой и функциональной обработки информации – стратегии и схемы, необходимые для процесса гипотетической интерпретации, позволяющей слушающему быстро

выдвигать предположения относительно возможного значения высказывания и намерения говорящего. На успешность побудительного высказывания влияет совпадение социальной категоризации у двух коммуникантов: концепт «Я», сформированный у адресата, может совпадать, а может и не совпадать с репрезентацией концепта, предлагаемого в сообщении. В первом случае можно говорить об успешно выбранной речевой тактике, во втором случае неадекватность репрезентации когнитивному концепту адресата может скомпрометировать перлокутивный эффект. Статусная самоинтерпретация индивидов формируется на основе норм, принятых в данном обществе. Очевидно, что сама социокогнитивная природа побуждения относится к универсалиям, но языковые средства, в которых она проявляется, могут отличаться в разных языках. Эта разница раскрывается в следующих двух положениях.

4. В тактике побуждения заключается социально значимая информация, касающаяся социального статуса говорящего и адресата. Социально-дейктическая информация, составляющая социалингвистическое измерение побуждения, в естественных языках бывает двух видов: относительная и абсолютная. В первом случае дейктическим центром выступает говорящий, который определяет социальный статус других людей относительно своего собственного, исходя из субъективного восприятия объективной реальности и основываясь, в том числе, на самоинтерпретации. Абсолютный социальный дейксис указывает на социальные признаки референта независимо от его отношений с говорящим. Основным грамматикализованным средством социальной категоризации в обоих рассматриваемых языках является императивная форма глагола: в русском языке это императивные формы 2Sg и 2Pl, соответствующие в первом случае обращению на *ты* и во втором случае этикетному обращению на *Вы* к одному адресату или к нескольким, независимо от уровня этикетности обращения к каждому в отдельности. В итальянском языке это императивные формы 2Sg, 2Pl, 3Sg и 3Pl. В нашем корпусе примеров на итальянском языке были зафиксированы только две формы из четырех возможных – *tu* и *Lei*. При обращении к одному лицу собственно императивные формы второго лица позволяют дифференцировать адресата в зависимости от социально-психологической дистанции или состояния превосходства или власти, существующих между говорящим и адресатом. Несмотря на схожие экстралингвистические контексты на основе примеров, приведенных в нашей диссертации, в русской лингвокультуре V-императивы (этикетные обращение на *Вы*) встречаются реже, чем в итальянской, что можно объяснить более определенной социальной стратификацией итальянского общества и ее выраженностью в речи. Первое лицо множественного числа, используемое в побудительных предложениях, может рассматриваться как средство, сокращающее социально-психологическую

дистанцию в силу его инклюзивного характера. В итальянских тактиках совместного действия императив 1P1 встречается на треть чаще, чем в русском. Это подтверждает более выраженную тенденцию к отношениям солидарности в итальянском обществе. Другим социально маркированным языковым средством побуждения выступают неимперативные глагольные формы: они означают, что говорящий занимает более высокое положение. Русская и итальянская лингвокультуры здесь демонстрируют примерно одинаковую частотность употребления глагольных форм индикатива, однако в итальянском языке отдается предпочтение формам настоящего времени, а в русском — формам будущего времени (СВ). В русском языке для эмфазы социально-психологического превосходства над адресатом используются формы прошедшего времени некоторых глаголов — средство, полностью отсутствующее в итальянском языке. За счет этих форм русский язык показывает большее разнообразие грамматикализованных средств социальной категоризации адресата. Лексические средства социальной категоризации, прежде всего именные, относятся к дополнительным средствам социальной категоризации. Так, в русском языке немаркированными являются сочетание имени отчества со вторым лицом множественного числа и сочетание иных видов имен собственных со вторым лицом единственного числа. Обратные сочетания отличаются маркированностью, которая заключается в уменьшении социально-психологической дистанции, выражаемой глагольной формой, и указывает на ситуации со статусно-ролевыми отношениями на первом плане. В итальянском языке кроме имен собственных широко употребляются титулы, подчеркивающие социально-психологическую дистанцию между коммуникантами. Из нашего анализа тактик побуждения следует, что при полном отсутствии титулов как лексических средств социальной категоризации в примерах на русском языке антропонимическая система русской лингвокультуры более детально концептуализирует социальную иерархию общества: разнообразие форм имен собственных от полных до уменьшительных, ласкательных и иных подтверждается количественным анализом, представленным в работе. Зафиксированные нами различия между двумя лингвокультурами являются формальными, социолингвистическое измерение побуждения остается универсальным.

5. Побудительное высказывание в интерпретации адресата оказывает формирующее на его сознание влияние – адресат воспринимает социальную картину мира говорящего и осознает свое место в этой картине. В этом заключается когнитивное измерение побуждения. Для современного этапа развития лингвистики характерен интерес к вопросам строения концептуальной системы индивида, а также роли языковых форм в концептуализации действительности и передачи в процессе коммуникации объективных

и субъективных результатов познания. Под субъективными результатами подразумеваются различные типы оценок и мнений. Использование языковых средств для осмысления окружающей действительности неразрывно связано с интерпретацией оценочных субъективных смыслов, которая в свою очередь опосредована языком и объективируется языковыми формами. Средства социального дейксиса, являясь элементами социальных категорий, транслируют как индивидуальные, так и конвенциональные установки и оценки индивида, поскольку социальная категоризация отличается от других форм категоризации прежде всего включенностью субъекта речи в саму категорию. Кроме средств социального дейксиса, рассмотренных в предыдущем положении, когнитивное измерение побуждения формируют такие тактики, как тактика указания на срочность исполнения каузируемого действия, тактика облигаторного или авторитарного прескриптива, тактика обращения к прецедентным ситуациям. Признак срочности действия лежит в сфере знания и ответственности говорящего, которые он передает в одноименной тактике адресату, формируя таким образом его картину мира. Тактический выбор говорящего в пользу тактики облигаторного или авторитарного прескриптива актуализирует намек контекстуализации, участвующий в создании коммуникативных импликатур, которые в свою очередь задействованы в конструировании общей когнитивной базы. Последняя очень важна для корректного совместного формирования смысла диалога в случае тактики обращения к прецедентным ситуациям, имплицитная разновидность которой представляется наиболее культурозависимой. Нами была отмечена также еще одна деталь, касающаяся когнитивного потенциала побудительного высказывания в формировании определенной картины мира у слушающего — это особенности тактики стилевой сниженности директива, в которой мы зафиксировали стилевую сниженность в русском языке в пределах самого директива, а и в итальянском языке — апеллятивах, употребляемых при директивах.

6. Механизмы, задействованные в тактическом использовании побудительных высказываний в диалоге, основаны на когнитивном анализе динамики экстралингвистической ситуации и ее переменных, социально-ролевых характеристик коммуникантов и социально-психологических условий реализации побуждения. Такие категории побудительных высказываний, как категоричность, митигация, вежливость и т. д. оценивались нами на основе реакции адресата или третьих лиц и смены тактик побуждения в целях достижения желаемого перлокутивного эффекта. Из зафиксированных нами переходов от одной тактики к другой, мы можем заключить, что для повышения импозитивности и увеличения иллюкутивной силы наблюдается переход

от канонического императива (прототипического средства побуждения) в итальянском языке к деонтической модальности долженствования, а в русском языке — к инфинитиву; для снижения импозитивности и уменьшения иллокутивной силы мы зафиксировали переход от канонического императива к тактике мнимого сотрудничества в итальянском языке и к модальности необходимости в русском языке.

В проанализированном материале на русском языке наблюдается довольно значимое количество случаев отклонения способов реализации побуждения от прескриптивной нормы: 18 случаев против 0 случаев в итальянском корпусе примеров. Чаще всего это узусные конструкции с показателем совместного действия *давай(те) + я + 1Sg.Pfv.Fut* или неканоническое употребление единственного числа *давай* в тактике мнимого сотрудничества: *давай + ты + 2Sg.Pfv.Fut*. Также нами было зафиксировано употребление маркера вежливости *пожалуйста* в побудительно-вопросительных высказываниях на русском языке, которое мы рассматриваем в качестве кальки с английского языка. Таким образом русский язык демонстрирует бóльшую по сравнению с итальянским гибкость в порождении новых, еще не закрепленных в нормативных прескрипциях, способов побуждения.

Итак, этноспецифичность стратегий и тактик побуждения в русской и итальянской лингвокультуре проявляется ярче всего в их зависимости от социально-психологического контекста, который по-разному передается в языковых средствах, используемых в тактиках, и в их когнитивном потенциале, формирующем картину мира адресата. К таким средствам относятся прежде всего аллокутивные местоимения, неимперативные формы глаголов, задействованных для передачи побуждения, имена собственные, титулы и вокативы. Именно эти средства имеют тенденцию не совпадать в двух языках, и именно при их употреблении неносителей языка может ожидать коммуникативная неудача.

Когнитивный потенциал побуждения обусловлен важностью интеракционального аспекта в реализации тактики побуждения. Кроме собственно волеизъявления говорящий в тактике побуждения сообщает слушающему также иную информацию, которая может совпадать с информацией, содержащейся в когнитивной базе слушающего, а может не совпадать и, значит, оказывать модифицирующее влияние на нее. К такой информации относятся прежде всего сведения об отношениях между коммуникантами, то есть об отношениях в системе координат «я-ты»: насколько говорящий «вправе» просить или требовать исполнения конкретного действия. Поскольку в русском и итальянском обществах эти отношения регулируются рядом коммуникативных конвенций, то языковые средства, некорректно используемые в тактиках побуждения и могущие показаться неносителям языка маловажными или не несущими никакой дополнительной информации, могут спровоцировать конфликт между имплицатурой говорящего и инференцией слушающего. К таким «проблемным» средствам в языковой паре русский-

итальянский относятся глагольные формы индикатива: временные формы глаголов, аспектуальные пары русского глагола. Из тактических средства — это смена тактик при риске коммуникативной неудачи.

Общая этноспецифичность тактик побуждения в паре рассматриваемых лингвокультур в русском языке отличается фатичностью (вокативы, многообразные паттерны синтаксического повтора) и повышенной имплицитностью (метапрагматический контроль, субституты), в итальянском языке — большей гибкостью в формулировании побуждения (немногочисленные примеры повторов) и тенденцией к солидарности в отношениях, в том числе мнимой.

В заключении нашей работы полагаем возможным наметить дальнейшие перспективы исследований стратегий и тактик побуждения в двух языках:

- 1) более детальное изучение каждой из описанных тактик по отдельности с привлечением языкового материала большего объема;
- 2) исследование тактик побуждения в естественных условиях устной речи в рамках интеракциональной лингвистики;
- 3) переводческий анализ стратегий и тактик побуждений;
- 4) анализ интонационного уровня в побудительных стратегиях и тактиках.

Список сокращений

<i>Adj</i>	прилагательное
<i>Adv</i>	наречие
<i>Subj</i>	сослагательное наклонение
<i>Dep.Clause</i>	придаточное предложение
<i>Dir</i>	директив
<i>Doubl.Imp</i>	дублетные императивы
<i>Fut</i>	будущее время
<i>Imp</i>	императив
<i>Impfv</i>	имперфектив, НСВ
<i>Ind</i>	индикатив
<i>Indep.Clause</i>	независимое предложение
<i>Inf</i>	инфинитив
<i>Pass.Pross</i>	ближайшее прошедшее время
<i>Pfv</i>	перфектив, СВ
<i>Pl</i>	множественное число
<i>Praes</i>	настоящее время
<i>Sg</i>	единственное число

Список литературы

1. Акимова 1998 — Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие. Москва: Высшая школа. 1990. 168 с.
2. Алисова 1971 — Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. Москва: МГУ. 1971. 293 с.
3. Алисова 2007 — Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа. 2007. 453 с.
4. Амосова 1963 — Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета. 1963. 216 с.
5. Андреева 2002 — Андреева Г. М. Социальная психология. 5 изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс. 2002. 363 с.
6. Аполлонов 2002 — Аполлонов А. В. Жизнь и творчество Уильяма Оккама // Оккам У. Избранное / под общ.ред. А. В. Апполонова. Москва: Едиториал УРСС. 2002. С. V-XLVII.
7. Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. № 4. С. 320-330.
8. Апресян 1995a — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 тт. Москва: Школа «Языки русской культуры». 1995. Т. 1. 480 с.
9. Апресян 1995b — Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 тт. Москва: Школа «Языки русской культуры». 1995. Т.2. С. 199–218.
10. Арутюнова 1995 — Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. Москва: Наука. 1995. С. 7-23.
11. Ахманова 1966 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия. 1966. 271 с.
12. Баева 2010 — Баева Е. И. Стереотипы итальянского коммуникативного поведения в русском сознании // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»; Вып. № 2 (14). 2010. С. 172-180.

13. Баева 2012 — Баева Е. И. Особенности итальянского коммуникативного поведения (невербальный компонент). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Воронеж. 2012. 21 с.
14. Багаева и др. 1997 — Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85.
15. Байкулова 2006 — Байкулова А. Н. Речевое общение в семье. Автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов. 2006. 24 с.
16. Бахтин 1977 – Бахтин М. М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» // Контекст: Литературно-теоретические исследования, том 1976, Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 1977. С. 293-316.
17. Бахтин 1994 – Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев: Next. 1994. 384 с.
18. Бахтин 1996 — Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. Москва: Русское слово. 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. 731 с.
19. Бахтин 2002 – Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений в 7-и томах. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960-1970 гг. Москва: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. 799 с.
20. Бенаккио 2002 — Бенаккио Р. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве // *Russian Linguistics*. 26. 2002. С. 149-178.
21. Бенаккио 2010 — Бенаккио Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. München: O. Sagner Verlag [Slavistische Beitrage, 472]. 2010. 210 С.
22. Бенаккьо 1993 — Бенаккьо Р. «Формы вежливости» и «вежливые формы» в русском императиве // Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация. Акты международной конференции / F. Fici Giusti, S. Signorini (eds.). Certosa di Potignano (Siena), 26-29.03.1992. Munchen: Verlag Otto Sagner. 1993. С. 15-28.
23. Бенаккьо 1997 — Бенаккьо Р. Выражение вежливости формами повелительного наклонения несовершенного и совершенного вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 3. Москва. 1997. С. 6–17.
24. Бенаккьо 2002 — Бенаккьо Р. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве [Aspectual competition, politeness and etiquette in the Russian imperative] // *Russian Linguistics*. 26. 2002. С. 149–178.

25. Бенвенист 2010 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. 4-е изд. Москва: URSS. 2010. 448 с.
26. Бергельсон 1990 — Бергельсон М. Б. Проблема контроля в побудительных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива / Бирюлин Л. А., Храковский В. С. (ред.). Т. II. Ленинград: Институт языкознания АН СССР 1990. С. 162-173.
27. Бибихин 1987 — Бибихин В. В. Общение до языка // Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы. Москва: Изд-во института философии АН СССР. 1987. С. 110-125.
28. Бирюлин 1992 — Бирюлин Л. А. Генерализованный императив в акте речи // Модальность в её связях с другими категориями: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд. НГПИ. 1992. С. 13-17.
29. Бирюлин, Храковский 1992 — Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // В. С. Храковский. Типология императивных конструкций. СПб: Наука. 1992. С. 5-49.
30. Богданов 1990 — Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Ленинград: ЛГУ. 1990. 88 с.
31. Богданов 2007 — Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб: Изд-во СПбГУ. 2007. 278 с.
32. Болотнова 2009 — Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 384 с.
33. Болдырев 2006 — Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики, № 2 (008), 2006. С. 5-22.
34. Бондарко 1971 — Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Ленинград: Наука, ЛО. 1971. 114 с.
35. Бондарко 1984 — Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука. 1984. 136 с.
36. Бондарко 1990 — Бондарко А. В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский (ред.). Функционально-типологические аспекты анализа императива. В 2 ч. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. Москва: АН СССР, Институт языкознания. 1990. С. 4-9.
37. Бондарко и др. 1990 — Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука. 1990. 263 с.

38. Бондарко 2002 — Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. Москва: Языки славянской культуры. 2002. 736 с.
39. Бондарко, Буланин 1967 — Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Ленинград: Просвещение. 1967. 191 с.
40. Бориснёв 2003 — Бориснёв С. В. Социология коммуникации: Учебн. пособие для вузов. Москва: Юнити-Дана. 2003. 270 с.
41. Брандес 2004 — Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М. 2004. 413 с.
42. Бубер 1993 – Бубер М. Я и Ты // М. Бубер. Два образа веры. Москва, 1995. С. 16-92.
43. Булыгина, Шмелев 1982 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 41. 1982. № 4. С. 314-326.
44. Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва: Школа «Языки русской культуры». 1997. 576 с.
45. Бюлер 1993 – Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва: Прогресс. 1993. 504 с.
46. Валгина 2003 — Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа. 2003. 416 с.
47. Вежбицка 1997 — Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99—111.
48. Вежбицкая 1999а — Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во Госуд. учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 112-133.
49. Вежбицкая 1999b — Вежбицкая А. Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 224-259.
50. Вежбицкая 2005 — Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. // А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. Москва: Языки славянской культуры. 2005. С. 467-499.
51. Верещагин, Костомаров 2005 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием Ю. С. Степанова. Москва: Индрик. 2005. 1040 с.

52. Виноградов 1938 — Виноградов В. В. Русский язык. Москва-Ленинград. 1938. 159 с.
53. Виноградов 2001 — Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. Москва: Русский язык. 2001. 720 с.
54. Воейкова 2011 — Воейкова М. Д. Винительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. 2011.
55. Володин 2003 — Володин А. П. Непрямые употребления императива (к проблеме связи императива и других грамматических категорий глагола) // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург. 22-24 сентября 2003 г. С. 34-36
56. Волошинов 1926 — Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда, 6, 1926. С. 244-267.
57. Гетьманенко 2010 — Гетьманенко Н. И. Восприятие русской культуры: прототипы и стереотипы. Москва: Academia. 2010. 256 с.
58. Гидденс 2005 — Гидденс Э. Социология. Москва: Едиториал УРСС. 2005. 632 с.
59. Гольдин, Сиротинина 1998 — Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Ю. Н. Караулов (гл. ред.), Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. Москва. 1998. С. 413-415.
60. Гонашвили 2015 — Гонашвили А. С. Социальная стратификация российского общества. // Общество: социология, психология, педагогика. № 1, 2015. С. 13-16.
61. Гончарова 2018 — Гончарова Н. Ю. Языковое представление традиционных ценностей итальянской лингвокультуры // Модернизация культуры: Судьба ценностей в современной мире. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. 2018. С. 71-75.
62. Гофман 2000 — Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 2000. 304 с.
63. Грайс 1985 — Грайс Г. П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. 1985. С. 217-237.
64. Градинарова 2006 — Градинарова А. Русский целевой бессоюзный инфинитив: условия употребления // Болгарская русистика, № 3-4, 2006. С. 11-20.
65. Грамматика 1980 — Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Москва: Наука. 1980.
66. Гринберг 2004 — Гринберг Д. Антропологическая лингвистика: Вводный курс: Пер. с англ. Москва: Едиториал УРСС. 2004. 224 с.

67. Гришаева, Цурикова 2007 — Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. Москва: Изд. центр «Академия». 2007. 336 с.
68. Гумбольдт 1985 — В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. Москва: Прогресс. 1985. 450 с.
69. Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. Москва: Языки славянской культуры. 2013. 336 с.
70. Гусева 2016 — Гусева Н. К. Императивные глагольные формы как прагматические маркеры (на материале русского и итальянского языков) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 179-189.
71. Гусева 2019 — Гусева Н. К. Система аллокутивных местоимений и соответствующих им глагольных форм императивной парадигмы итальянского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология, 2019, № 3. С. 187-196.
72. Гусева 2021 — Гусева Н. К. Основные и дополнительные средства социальной категоризации адресата в побудительных высказываниях русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 52–59.
73. Гусева, Елоева 2019 — Гусева Н. К., Елоева Ф. А. Социокогнитивное измерение побудительных высказываний в институциональном дискурсе русской и итальянской лингвокультур: общее и этнокультурное // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Vol. 15.2. С. 363–391.
74. ван Дейк 1989 — ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. МОСКВА: Прогресс. 1989. 310 с.
75. ван Дейк, Кинч 1988 — ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. Москва. 1988. С. 153-211.
76. Дементьев 2010 — Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Москва: Знак. 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
77. Дементьев 2013 — Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. Москва: Глобал Ком. 2013. 336 с.
78. Демьянков 1982 — Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т.41. № 4. С. 327-337.

79. Добрушина 2001 — Добрушина Н. Р. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. I: Теоретические проблемы. Аксаково. 2001. С. 77-83.
80. Добрушина 2014 — Добрушина Н. Р. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. 2014.
81. Докучаев 2013 — Докучаев И. И. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Комсомольск-на-Амуре. 2013. 105 с.
82. Долинин 1976 — Долинин К. А. Ролевая структура коммуникации и разговорная речь. // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 7. Часть 1. Горький. 1976. С. 149-156.
83. Долинин 1987 — Долинин К. А. Стилистика французского языка. Москва: Просвещение. 1978. 344 с.
84. Дубровская 2011 — Дубровская О. Г. Когнитивно-коммуникативные основания теории контекста // Вопросы когнитивной лингвистики, № 4 (029), 2011. С. 14-25.
85. Жданова 2010 — Жданова Е. В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. Москва: Флинта. 2010. 174 с.
86. Жеребило 2010 — Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим». 2010. 486 с.
87. Занадворова 2003 — Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Л. П. Крысин (отв. ред.). Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Москва: Языки славянской культуры. 2003. С. 277-340.
88. Заславская 1997 — Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. No 2. С. 5–23.
89. Заславская 2003 — Заславская Т. И. Вектор социоструктурных сдвигов // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука. 2003. С. 59–74.
90. Заславская 2004 — Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. Москва: Дело. 2004. 400 с.
91. Заславская, Громова 1998 — Заславская Т. И., Громова Р. Г. К вопросу о среднем классе российского общества // Мир России. 1998. No 4. С. 3–22.
92. Земская 1973 — Земская Е. А. (отв. ред.). Русская разговорная речь. Москва: Наука. 1973. 485 с.

93. Земская 1979 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва: Русский язык. 1979. 239 с.
94. Земская 2010 — Земская Е. А. Литературная норма и неузואальное словообразование // Л. П. Крысин (отв. ред.) Современный русский язык: Система – норма – узус. Москва: Языки славянских культур. 2010. С. 207-253.
95. Ивин 2004 — Ивин А. А. (под ред.). Философия: Энциклопедический словарь. Москва: Гардарики. 2004. 1072 с.
96. Иссерс 2008 — Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. Москва: Изд-во ЛКИ. 2008. 288 с.
97. Карасик 2002 — Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва: ИТДГК «Гнозис». 2002. 333 с.
98. Карасик 2007 — Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма. 2007. 520 с.
99. Караулов 1987 — Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука. 1987. 363 с.
100. Касевич 2001 — Касевич В. Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. Санкт-Петербург: Союз. 2001. с.70-75
101. Касьянова 2003 — Касьянова К. О. О русском национальном характере. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2003. 558 с.
102. Кашкин 2000 — Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ. 2000. 175 с.
103. Кечкеш 2014 — Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение. // Вестник РУДН, серия Лингвистика, № 1, 2014. С. 7-18.
104. Кириллова 2012 — Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. №1. С. 26-33.
105. Китайгородская, Розанова 2003 — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Л. П. Крысин (отв. ред.). Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 103-126.
106. Клюев 2002 — Клюев Е. В. Речевая коммуникация. Москва: Рипол классик. 2002. 320 с.
107. Колшанский 1980 — Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Москва: изд-во Наука. 1980. 150 с.

108. Колшанский 2007 — Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. Изд. 3-е. Москва: Изд-во ЛКИ. 2007. 176 с.
109. Комарова 2012 — Комарова З. И. Методология, метод, методика и технологии научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Ур-ФУ. 2012. 818 с.
110. Кормилицина 2007 — Кормилицина М. А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Е. А. Земская, М. Л. Каленчук (отв. ред.), Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. Москва: Языки славянской культуры. 2007. С. 268-276.
111. Косериу 1963 — Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. Москва: Прогресс. 1963. С. 143-343.
112. Костина 2020 — Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Москва: URSS. 2020. 352 с.
113. Красных 2003 — Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: ИТДК Гнозис. 2003. 375 с.
114. Крысин 1992 — Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике. // Русистика. Берлин, 1992, №2. С. 96-106.
115. Крысин 2003 — Крысин Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Л. П. Крысин (отв. ред.). Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Москва: Языки славянской культуры. 2003. С. 11-29.
116. Крысин 2010 — Крысин Л. П. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Л. П. Крысин (отв. ред.) Современный русский язык: Система – норма – узус. Москва: Языки славянских культур. 2010. С. 9-28.
117. Крючкова 2004 — Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (8), Москва: Языки славянской культуры. 2004. С. 63-85.
118. Кубрякова 2012 — Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования языка. / Ин-т языкознания РАН. Москва: Знак. 2012. 208 с.
119. Куликова 2009 – Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении. Москва: Флинта: Наука, 2009. 286 с.
120. Куликова, Салмина 2009 – Куликова И. С., Салмина Д. В. Обучающий словарь лингвистических терминов. Санкт-Петербург, Москва: «САГА», «ФОРУМ», 2009. 144 с.

121. Лабов 1975 — Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика. Москва: Прогресс. 1975. С. 96-181.
122. Ларина 2009 — Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Рукописные памятники Древней Руси. 2009. 512 с.
123. Ларина 2013 — Ларина Т. В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // Cuadernos de Rusística Española, № 9, 2013. С. 193-204.
124. Левицкий 2006 — Левицкий Ю. А. Лингвистика текста: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 2006. 207 с.
125. Леонтович 2003 — Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена. 2003. 399 с.
126. Летучий 2017 — Летучий А. Б. Предикатив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. 2017.
127. Лосев 1995 — Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство. 1995. 320 с.
128. Лотман 1992а – Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1, Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра. 1992. 479 с.
129. Лотман 1992б – Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис. 1992. 272 с.
130. Макаров 2003 – Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис. 2003. 280 с.
131. Матвеева 2010 — Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс. 2010. 563 с.
132. Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии в 4-х томах. Т. I. Москва, Вена: Языки славянской культуры 1998-2001. 416 с.
133. Милёхина 2003 — Милёхина Т. А. Речевой портрет бизнесмена // Л. П. Крысин (отв. ред.). Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 515-526.
134. Михальская 1996 — Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. Москва: Просвещение. 1996. 416 с.
135. Михальченко 2006 — Михальченко В. Ю. (отв. ред.). Словарь социолингвистических терминов. Москва: Институт языкознания РАН. 2006. 312 с.

136. Морган 1934 — Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Ленинград: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР. 1934. 374 с.
137. Моторина 2013 — Моторина Н. В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.20. Волгоград. 2013. 184 с.
138. Остин 1986 — Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс. 1986. Вып. XVII. С. 22–130.
139. Павлов 2014 — Павлов А. В. Постыдное удовольствие: Философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2014. 360 с.
140. Павловская 2014 — Павловская А. В. Италия глазами русских. Москва: Алгоритм. 2014. 368 с.
141. Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Москва: ЯРК. 1996. 480 с.
142. Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры. 2004. – 608 с.
143. Падучева 2010 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений Изд. 6-е, испр. Москва: Издательство ЛКИ. 2010. 296 с.
144. Падучева 2016 — Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. 2016.
145. Панков, Овтина 2018 — Панков Ф. И., Овтина Е. А. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики // *Pedagogical Journal*, Vol. 8. Is. 1A. 2018. С. 140-158.
146. Панов 2007 — Панов М. В. Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры. 2007. С. 17-22.
147. Пермякова 2007 — Пермякова Т. М. Моделирование и типология межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация в свете теории дискурса: монография. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 2007. С. 70-78.
148. Петров 1990 — Петров В. В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 102-109.

149. Плуногян 2003 — Плуногян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Москва: Едиториал УРСС. 2003. 384 с.
150. Плуногян 2011 — Плуногян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: РГГУ. 2011. 672 с.
151. Подлеская 2003 — Подлеская В. И. Пермиссив и гортатив: данные русского дискурса в типологическом контексте. // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции Санкт-Петербург, 22-24 сентября 2003 г. С. 125-128
152. Прохоров 2008 — Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва: ЛКИ. 2008. 226 с.
153. Прохоров, Стернин 2002 — Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. Москва: Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина. 2002. 277 с.
154. Рассудова 1982 — Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. МОСКВА: Русский язык. 1982. 150 с.
155. Рожанский 2011 — Рожанский Ф. И. Редупликация: Опыт типологического исследования. Москва: Знак. 2011. 256 с.
156. Романов 1988 — Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Москва: АН СССР, Ин-т языкознания. 1988. 181 с.
157. Рылов 2002 — Рылов Ю. А. Гоголь переводчик? // Материалы Междунар. конф. «Николай Гоголь: между Италией и Россией» (Рим, 30 сентября - 1 октября 2002 г.). Москва: РГГУ. 2002. С. 221-235.
158. Сайко 1999 — Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. Москва: Наука. 1999. С. 9-32.
159. Сепир 1993 — Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. Москва: «Прогресс», «Универс». 1993. 656 с.
160. Серль 1986 — Серль Дж. Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс. 1986. Вып. XVII. С. 170–194.
161. Сивенкова 2006 — Сивенкова М. А. Неассертивные компоненты смысла высказывания в различных типах диалогических контекстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Минск. 2006.
162. Сиротина 1969 — Сиротина О. Б. Разговорная речь: определение понятия, основные проблемы // Вопросы социальной лингвистики. Ленинград: Наука. 1969. С. 373-391.

163. Сиротинина 2013 — Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые риски. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2013. 116 с.
164. Скобликова 2006 — Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс). Москва: Флинта: Наука. 2006. 320 с.
165. Сковородников 1980 — Сковородников А. П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. № 5. 1980. С. 86-91.
166. Солли 1999 — Солли М. Эти странные итальянцы. Москва: Эгмонт Россия. 1992. 72 с.
167. Стернин 2015 — Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. 2-е изд. Воронеж: «Гарант». 2015. 52 с.
168. Стернин 2002 — Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж: Истоки. 2002. С. 5-13.
169. Степанов 1975 — Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение. 1975. 271 с.
170. Степанов 1981 — Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблемы субъекта). Москва: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 325-332.
171. Стойнова 2016 — Стойнова Н. М. Нефутуральные употребления форм будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. 2016.
172. Ступин, Игнатьев 1980 — Ступин Л. П., Игнатьев К. С. Современный английский речевой этикет. Ленинград: ЛГУ. 1980. 143 с.
173. Сухих 1986 — Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы. Калинин. 1986. С. 71-77.
174. Тайлор 1989 — Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. Москва: Политиздат. 1989. 573 с.
175. Тихонова 2007 — Тихонова Н. Е. Социальная стратификация современной России: опыт эмпирического анализа. Москва: Институт социологии РАН. 2007. 320 с.
176. Толстой 1995 — Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик. 1995. С. 27-40.
177. Федорова 2007 — Федорова Л. Л. Теория речевой коммуникации и грамматика диалога. // Басовская Н. И., Буторина Е. П., Красовицкая Т. Ю. и др. Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научно-методические материалы. Санкт-Петербург: ООО «Книжный дом». 2007. С. 105-134.

178. Фейс 1974 — Фейс Р. Модальная логика. Москва: Наука. 1974. 520 с.
179. Филатова 2005 — Филатова Е. А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном языке. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва. 1993. 253 с.
180. Фитч 2013 — Фитч У. Т. Эволюция языка. Москва: Языки славянской культуры. 2013. 824 с.
181. Формановская 1992 — Формановская Н. И. Речевой этикет. Русско-итальянские соответствия. Справочник. Москва: Высшая школа, 1992. 143 с.
182. Формановская 1998 — Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. Москва: Ин-т рус. яз. 1998. 291 с.
183. Формановская 2002 — Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык. 2002. 216 с.
184. Формановская 2005 — Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. 2-е изд. Москва: Изд-во ИКАР. 2005. 250 с.
185. Фортейн 2008 — Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. № 1, 2008. С. 3-24.
186. Фреге 1997 — Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta: Сб. науч. статей. Москва: Языки русской культуры. 1997. № 35. С. 352-379.
187. Химик 2013 — Химик В. В. Русская разговорная речь: аспекты стратификации. // Тезисы международной конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (Санкт-Петербург, 30 октября — 2 ноября 2013 года). Санкт-Петербург: Златоуст. 2013. С. 159-165.
188. Храковский и др. 1988 — Храковский В. С., Бирюлин Л. А., Бондарко А. В. Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Ленинград: ЛО ИЯЗ. 1988. 158 с.
189. Храковский 1990 — Храковский В. С. Повелительность. // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука. 1990. 263 с.
190. Храковский, Володин 2001 — Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Москва: Едиториал УРСС. 2002. 272 с.
191. Черноскутов 2005 — Черноскутов Ю. Ю. Контекст и логические теории пресуппозиции // Логико-философские штудии. Вып. 3. СПб. 2005. С. 220-238.

192. Шаманова 2002 — Шаманова М. В. К изучению категории общения в русском сознании // *Язык и национальное сознание*. Вып. 3. Воронеж: Истоки. 2002. С. 56-62.
193. Шанский 1968 — Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 1968. 310 с.
194. Шведова 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Грамматика РЯ в 2-х томах. Москва: АН СССР. 1980.
195. Шибутани 1969 — Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с англ. Москва: Прогресс. 1969. 535 с.
196. Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры. 2002. 224 с.
197. Шмелева 1990 — Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // *Russistik. Русистика*. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. № 2. Berlin. 1990. С. 20-32.
198. Шмелева 1995 — Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // *Collegium*. № 1—2. Киев. 1995.
199. Шмелева 1997 — Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов. 1997. С. 88-98.
200. Ыйм 1985 — Ыйм Х. Я. Прагматика речевого общения // *Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту*. Вып. 714. Тарту. 1985. С. 196–207.
201. Эко 2006 – Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: Symposium. 2006. 548 с.
202. Якобсон 1985 – Якобсон Р. О. Избранные работы. Москва: Прогресс. 1985. 460 с.
203. Якобсон 1972 — Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. Пер. с англ. А. К. Жолковского // Б. А. Успенский (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва: Наука. 1972. С. 95-113.
204. Яковлев 2001 – Яковлев И. П. Основы теории коммуникации: учебное пособие. СПб, 2001. 116 с.
205. Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
206. Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Y. Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press. 2010. 520 p.
207. Aikhenvald 2014 — Aikhenvald A. Y. On future in commands // P. De Brabanter, M. Kissine, A. Sharifzadeh (eds.) *Future times, future tenses*, Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 205-218.

208. Aikhenvald 2017 — Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands: a cross-linguistic view. In: Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) *Commands: A Cross-Linguistic Typology*, Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 1-45.
209. Aikhenvald, Dixon 2017 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) *Commands: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 354 p.
210. Alcàzar, Saltarelli 2014 — Alcàzar A., Saltarelli M. *The Syntax of Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 236 p.
211. Antonelli 2007 — Antonelli G. *L'italiano nella società della comunicazione*. Bologna: il Mulino. 2007. 206 p.
212. Auer 1996 — Auer P. From Context to Contextualization. In: *Links & Letters*, 3, 1996. Pp. 11-28.
213. Bach 1994 — Bach K. Conversational implicature // *Mind and Language*. Vol. 9. No. 2. Oxford, Cambridge. 1994. P. 124-162
214. Bach 2006 – Bach K. The top 10 misconceptions about implicature // B. J. Birner, G. Ward (eds.) *Drawing the Boundaries of Meaning. Neo-Gricean studies in pragmatics and semantics in honor of Laurence R. Horn*. John Benjamins Publishing Company, 2006. xii, 350 p. P. 21-30.
215. Balboni 2009 — Balboni P. E. La comunicazione interculturale tra italiani e sloveni // B. M. Da Rif (a cura di). *Civiltà italiana e geografie d'Europa*. XIX Congresso AISLLI 19-24 settembre 2006 Trieste Capodistria Padova Pola, Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste. 2009. P. 131-145
216. Balboni, Caon 2015 — Balboni P.E., Caon F. *La comunicazione interculturale*. Venezia: Marsilio. 2015. 170 p.
217. Benigni, Bates 1975 — Benigni L., Bates E. Rules of Address in Italy: A Sociological Survey // *Language in Society*, 1975. No. 4. P. 271–288.
218. Benigni, Bates 1974 — Benigni L., Bates E. Interazione sociale e linguaggio: analisi pragmatica dei pronomi allocutivi italiani // *Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea*. Atti dell'VIII congresso internazionale di studi, Bressanone. 1974. 31 maggio – 2 giugno / Ed. Raffaele S., Giulianella R. Roma: Bulzoni. P. 141–165.
219. Bauman 1992 — Bauman R. Contextualization, Tradition, and the Dialogue of Genres: Icelandic Legends of the Kraftaskald // Duranti A., Goodwin C (eds.), *Rethinking Contest. Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 125-145.
220. Benacchio 2007 — Benacchio R. Aspetto verbale e cortesia linguistica nell'imperativo slavo. In: *Gli studi slavistici in Italia oggi*. Atti del IV Congresso Italiano di Slavistica (Udine, 20-23 settembre 2006), 2007. P. 231-248.

221. Benincà et al. 1977 — Benincà P., Cinque G., Fava E., Leonardi P., Piva P. 101 modi per richiedere // R. Simone, G. Ruggiero (a cura di) *Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea*. Atti dell'VIII Congresso internazionale di studi (Società di Linguistica Italiana), Bressanone, 31 maggio – 2 giugno 1974, vol. II. Roma: Bulzoni. 1977. P. 501-533.
222. Benveniste 1966 — Benveniste E. *De la subjectivité dans le langage* // *Problèmes de la linguistique générale*. Paris: Gallimard, coll. «Bibliothèque des sciences humaines». 1966. P. 258-266.
223. Berlin, Kay 1969 — Berlin B., Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press. 1969. 178 p.
224. Berruto 2016 — Berruto G. *Sociolinguistica dell'italiano*. Roma: Carocci editore, 2016. 278 p.
225. Berry 1969 — Berry J. W. *On cross-cultural comparability* // *International Journal of Psychology*, 4 (2). P. 119-128.
226. Bernstein 2003 — Bernstein B. *Class, codes and control: Vol. 1 Theoretical studies toward a sociology of language*. London: Routledge & Kegan Paul, 2003. 280 p.
227. Bertinetto 2001 — Bertinetto P.M. *Il verbo* // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi*. Vol. II, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 13-162
228. Bidney 1946 — Bidney D. *The Concept of Cultural Crisis*. In: *American Anthropologist*, vol. 48, no. 4, pt. I. 1946. P. 534-552.
229. Birjulin, Xrakovskij 2001 — Birjulin L. A., Xrakovskij V. S. *Imperative sentences: Theoretical problems* // V. S. Xrakovskij (ed.) *Typology of Imperative Constructions*. Munich: Lincom. 2001. P. 3-50
230. Blum-Kulka 1987 — Blum-Kulka S. *Indirectness and politeness in requests: Same or different?* // *Journal of Pragmatics*. 11 (2), 1987. P. 131-146.
231. Boas 1938 — Boas F. (ed.) *General Anthropology*. Boston, New York: D. C. Heath and Company. 1938. 718 p.
232. Boas 1966 — Boas F. *Introduction* // F. Boas (ed.) *Handbook of American Indian Languages*. Lincoln: University of Nebraska Press. 1966. P. 1-79.
233. Brown, Gilman 1960 — Brown R., Gilman A. *The pronouns of power and solidarity* // T. A. Sebeok (ed.). *Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 252-281.
234. Brown, Levinson 1987 — Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 358 p.
235. Brown, Miller 2013 — Brown K., Miller J. E. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 494 p.

236. Butler 1988 — Butler C. S. Politeness and semantics of modalised directives // J. Benson et al. (eds.) *Linguistics in a Systematic Perspective*. North Holland: John Benjamins, 1988. P. 119-154.
237. Capone, Mey 2015 — Capone A., Mey J. (eds.) *Interdisciplinary studies in pragmatics, culture and society*. Cham: Springer. 2015. 990 p.
238. Carbaugh 2013 – Carbaugh D. On Dialogue Studies // *Journal of Dialogue Studies* 1.1. 2013. P. 9-18.
239. Carston 2002 — Carston R. Linguistic meaning, communicated meaning and cognitive pragmatics // *Mind and Language, Special Issue on Pragmatics & Cognitive Science* 17 (1/2). P. 127-148.
240. McCawley 1968 — McCawley J. D. The Role of Semantics in a Grammar // *Universals in Linguistics Theory*, New York, 1968. P. 124–169.
241. Cimaglia 2010 — Cimaglia R. Imperativo // *Enciclopedia dell’Italiano. Il Vocabolario Treccani*. Istituto della Enciclopedia italiana. 2010. P.630-632.
242. Comrie 1984 — Comrie B. Plenary session discussion // W. S. Jr. Chisholm (ed.) *Interrogativity: a colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages*. Amsterdam: John Benjamins, 1984. P. 255-287
243. Craig 1999 – Craig R. T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory, Volume 9, Issue 2, 1 May 1999*. P. 119-161.
244. Craven, Potter 2010 — Craven A., Potter J. Directives: Entitlement and Contingency in Action // *Discourse Studies* 12 (4), 2010. P. 419-442.
245. Cresti 2000 — Cresti E. *Corpus di italiano parlato*. 2 vol. Firenze: Accademia della Crusca. 2000. 671 p.
246. Curl, Drew 2008 — Curl T. S., Drew P. Contingency and action: A comparison of two forms of requesting // *Research on Language and Social Interaction* 41 (2). 2008. P. 129-153
247. Dalla Libera 2017 — Dalla Libera C. *Tra Lingue e culture: La comunicazione interculturale fra russi e italiani*. Venezia: Edizione Ca’ Foscari. Digital Publishing, 2017. 140 p.
248. Dardano, Trifone 1997 — Dardano M., Trifone P. *La nuova grammatica della lingua italiana*. Zanichelli. 1997. 768 p.
249. De Rycker 1990 — De Rycker T. Imperative subtypes in conversational British English: an empirical investigation. Unpublished PhD dissertation. Department of Linguistics, University of Antwerp, 1990.
250. De Santis 2014 — De Santis C. Cresci, cresci, cresci... La reduplicazione espressiva come strumento di espressione di relazioni transfrastiche // *Le relazioni logico-sintattiche*. Dicembre 2014. P. 181-207.

251. Diadori 2000 — Diadori P. Comunicazione non verbale nell'insegnamento dell'italiano a stranieri in prospettiva interculturale // Catricalà M. (a cura di), Lettori e oltre... confine, Atti del corso di aggiornamento per lettori di italiano all'estero organizzato dal MAE, dal MPI e dall'Università per Stranieri di Siena (Siena, 11-15 ottobre 1999), Aida, Firenze. 2000. P. 69-109.
252. Dobrushina 2008 — Dobrushina N. Imperatives in conditional and concessive subordinate clauses // E. J. Vaida (ed.) *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*. Amsterdam: John Benjamins. 2008. P. 123-141.
253. Duranti, Goodwin 1992 — Duranti A., Goodwin C (eds.). *Rethinking Contest. Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 372 p.
254. Durst-Andersen 1995 — Durst-Andersen P. Imperative frames and modality: direct vs. indirect speech acts in Russian, Danish, and English // *Linguistics and Philosophy* 18 (6), 1995. P. 611-653.
255. Ellingsworth, Clevenger 1967 — Ellingsworth H. W., Clevenger T. *Speech and social action: a strategy of oral communication*. Englewood Cliff: Prentice-Hall. 1967. 202 p.
256. Ervin-Tripp 1964 – Ervin-Tripp S. An analysis of the interaction of language, topic, and listener // *American Anthropologist*. 1964, Vol. 66, Issue 6 Part 2. P. 86-102.
257. Ervin-Tripp 1969 – Ervin-Tripp S. M. Sociolinguistics. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1969, 4: 91-165
258. Ervin-Tripp 1976 — Ervin-Tripp S., Is Sybil here? The structure of American English directives // *Language in Society*, 5, 1976. P. 25-66.
259. Evans-Pritchard 1956 — Evans-Pritchard E. E. *Nuer Religion*. Oxford: Clarendon Press, 1956. 336 p.
260. Farese 2020 — Farese G. The Ethnopragmatics of English Understatement and Italian Exaggeration: Clashing Cultural Scripts for the Expression of Personal Opinion. // Mullan K., Peeters B., Sadow L. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Ethnopragmatics and Semantic Analysis*. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2020. P. 59-73.
261. Fasold 1990 — Fasold R. *The Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell, 1990. 342 p.
262. Fava 2001 — Fava E. Tipi di atti e tipi di frasi // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi*. Vol. III, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 19-48.
263. Ferro-Luzzi 1992 — Ferro-Luzzi G. E. If Whorf had known Tiruvalluvar: Universalism and cultural relativism in a famous work of ancient Tamil literature // *Anthropos*, 87. 1992. P. 391-406.

264. Firth 1957 — Firth J. R. *Papers in Linguistics 1934-1951*. London: Oxford University Press, 1957. 233 p.
265. Fishman 1971 – Fishman J. *Advances in the sociology of language*. The Hague: Mouton. 1971. 418 p.
266. Fishman 1972 – Fishman J. *The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society*. Rowley, Mass: Newbury House. 1972. 250 p.
267. Fitch 1998 — Fitch K. *Speaking relationally: Culture, communication, and interpersonal communication*. New York: Guilford. 1998. 239 p.
268. Fodor 1983 — Fodor J. A. *The modularity of mind*. Cambridge: MIT Press. 1983. 145 p.
269. Forsyth 1970 — Forsyth J. *A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: CUP. 1970. 386 p.
270. Fortuin, Boogaart 2009 — Fortuin E., Boogaart R. Imperative as conditional: From constructional to compositional semantics // *Cognitive Linguistics* 20 (4), 2009. P. 641-673
271. Fortuin 2010 — Fortuin E. Explicit second-person subjects in Russian imperatives: semantics, word order, and a comparison with English // *Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences*, Vol. 42, Issue 2. Mar. 2010. P. 431-486
272. Franke 2008 — Franke M. Pseudo-imperatives and other cases of conditional conjunction and conjunctive disjunction // C. Fabricius-Hansen, W. Ramm (eds.) ‘Subordination’ versus ‘Coordination’ in Sentence and Text. A Cross-linguistic Perspective, Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 255-279.
273. Frison 2001 — Frison L. L’ordine degli elementi della frase e le costruzioni marcate: Struttura della frase semplice // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi*. Vol. I, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 55-239.
274. Füchsel 1773 — Füchsel Georg Christian (Anonymus). *Entwurf zu der ältesten Erd- und Menschengeschichte nebst einem Versuch, den Ursprung der Sprache zu finden*. Frankfurt, 1773.
275. Garfinkel 1984 – Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. Cambridge: Polity, 1984. 288 p.
276. Gigante 2011 — Gigante C. ‘Fatta l’Italia, facciamo gli Italiani’. Appunti su una massima da restituire a d’Azeglio // *Incontri. Rivista europea di studi italiani*, 26(2), 2011. P. 5–15.
277. Gilbert et al. 2006 — Gilbert A. L., Regier T., Kay P., Ivry R. B. Whorf Hypothesis Is supported in the Right Visual Field But Not the Left // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 103, 2006. P. 489-494.
278. Giora 1997 — Giora R. Understanding figurative and literal language. The grades salience hypothesis // *Cognitive linguistics* 7, 1997. P. 183-206.

279. Giora 2003 — Giora R. *On our mind: Salience, context, and figurative language*. Oxford: Oxford University Press. 2003. 259 p.
280. Giovanardi 2010 — Giovanardi C. *L'italiano da scrivere. Strutture, risposte, proposte*. Napoli: Liguori, 2010. 189 p.
281. Goffman 1959 — Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. N.Y.: Garden City, Doubleday, 1959. 255 p.
282. Goldsmith, Fitch 1997 — Goldsmith D., Fitch K. The normative context of advice as social support // *Human Communication Research*, 23, 1997. P. 454-476.
283. Goldschmidt 1966 — Goldschmidt W. *Comparative Functionalism: An Essay in Anthropology Theory*. Berkeley, CA: University of California Press, 1966. 149 p.
284. Grice 1975 — Grice H. *Logic and conversation* // P. Cole, J. Morgan (eds). *Syntax and Semantics*. Vol. 3. *Speech Acts*. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.
285. Goffman 1967 — Goffman E. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday Anchor Books, 1967. 270 p.
286. Gudykunst, Ting-Toomey 1988 — Gudykunst W. B., Ting-Toomey S. *Culture and interpersonal communication*. Newbury Park, CA: Sage. 1988. 278 p.
287. Gudykunst et al. 1996 — Gudykunst W. B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T, Kim K.S., Heyman S. The influence of cultural individualism-collectivism, self-construals, and individual values on communication styles across cultures // *Human Communication Research*, 22, 1996. P. 510-543.
288. Gudykunst, Mody 2002 — Gudykunst W. B., Mody B. *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. 2002. 606 p.
289. Gumperz 1964 — Gumperz J. J. *Linguistic and Social Interaction in Two Communities* // “*American Anthropologist*” 66, 6, 1964. P. 137-153.
290. Gumperz 1971 — Gumperz J. J. *Language in social Groups*. Stanford, California: Stanford University Press 1971. 350 p.
291. Gumperz 1982 — Gumperz J. J. *Discourse strategies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982. 225 p.
292. Gumperz, Hymes 1972 — Gumperz J. J., Hymes D. *Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1972. 598 p.
293. Gumperz, Hymes 1964 — Gumperz J. J., Hymes D. *Preface* // *American Anthropologist*, vol.66, no. 6. 1964. № 66/6. P. v-v. <http://www.jstor.org/stable/668158>

294. Gumperz, Levinson 1996 — Gumperz J. J., Levinson S. C. (eds.). *Rethinking linguistic relativity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. 500 p.
295. Guseva 2017 — Guseva N. *Il mediatore linguistico-culturale al centro della comunicazione interculturale con la realtà russa // G. Moracci (a cura di). Incontri fra Russia e Italia. Lingua, letteratura, cultura*. Milano: LED. Edizioni Universitarie di Lettere, Economia, Diritto. 2017. P. 79-93.
296. Guseva 2021 — Guseva N. *Imperatività nel linguaggio per l'azienda. Problemi di equifunzionalità nei testi russi e italiani // M. C. Ferro (a cura di). La mediazione linguistico-culturale. Voci e istanze dall'accademia*. Milano: LED. Edizioni Universitarie di Lettere, Economia, Diritto. 2021. P. 227-248.
297. Hall 1959 — Hall E. T. *The silent language*. New York: Doubleday, 1959. 192 p.
298. Hall 1976 — Hall E. T. *Beyond culture*. Garden City. New York: Doubleday/Anchor. 1976. 298 p.
299. Hall 1983 — Hall E. T. *The dance of life*. New York: Doubleday. 1983. 134 p.
300. Halliday 1973 — Halliday M. *Explorations in the functions of language*. New York: Elsevier, 1973. 140 p.
301. Halliday 1978 — Halliday M. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Baltimore: University Park, 1978. 256 p.
302. Harkins, Wierzbicka 2001 — Harkins J., Wierzbicka A. (eds.). *Emotions in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2001. 421 p.
303. Hart 1999 — Hart W. B. *The historical contribution of Boasian anthropology to the interdiscipline of intercultural relations*. Ph. D. dissertation. Albuquerque: University of New Mexico, Department of Communication and Journalism. 1999.
304. Hatim, Mason 1994 — Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. London, New York: Longman, 1994. 258 p.
305. Heider 1972 — Haider E., *Universals in color naming and memory*. In: *Journal of Experimental Psychology*, 93, 1972. Pp. 10-20.
306. Heinemann 2006 — Heinemann T. "Will you or can't you?": *Displaying entitlement in interrogative requests // Journal of Pragmatics* 38 (7), 2006. P. 1081-1104.
307. Hofstede 1980 — Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. 328 p.
308. Hofstede 2001 — Hofstede G., *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations (2nd edn)*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.

309. Hofstede et al. 2010 — Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations. Software of the mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. 3-rd ed. New York: McGraw-Hill Education, 2010. 576 p.
310. Horn 2004 – Horn L., *Implicature* // Horn L., Ward G. (eds.). *The Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell. 2004. P. 3-28
311. Horn 2005 — Horn L. *Current issues in neo-Gricean pragmatics* // *Intercultural Pragmatics*. Vol.2. No.2. 2005. P. 191-204.
312. Humboldt 1827 — von Humboldt W. *Über den Dualis*. (Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827) // W. von Humboldt. *Schriften zur Sprachphilosophie*. Vol. 3, A. Flitner, K. Giel (eds.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1827. P. 113-143.
313. Hymes 1962 — Hymes D. *The ethnography of speaking* // T. Gladwin, W. Sturtevant (eds.). *Anthropology and human behavior*. Washington, DC: Anthropological Society of Washington. 1962. P. 13-53.
314. Hymes 1964a — Hymes D. H. *Language in Culture and Society*. New York: Harper & Row. 1964. 764 p.
315. Hymes 1964b — Hymes D. H. *Directions in (ethno-)linguistic theory* // *American Anthropologist*, 66(3), part 2. 1964. P. 6–56.
316. Hymes 1964c — Hymes D. H. *Introduction: towards ethnographies of communication* // *American Anthropologist*. Vol. 66. Num. 6, part 2. 1964. P. 1-34.
317. Hymes 1967 — Hymes D. H. *Models of the interaction of language and social setting* // *Journal of Social Issues*, 23(2). 1967. P. 8-38.
318. Hymes 1971 — Hymes D. H. *Sociolinguistics and the ethnography of speaking* // E. Ardener (ed.). *Social anthropology and language*. London: Routledge. 1971. P. 47–93.
319. Hymes 1972 — Hymes D. H. *Models of the interaction of language and social life* // J. Gumperz, D. Hymes (eds.). *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1972. P. 35-71.
320. Hymes 1974a — Hymes D. H. *Ways of speaking* // R. Bauman, J. Sherzer (eds.). *Explorations in the ethnography of speaking*. London: Cambridge University press, 1974. P. 433-451.
321. Hymes 1974b — Hymes D. H. *Foundations in sociolinguistics: An ethnographic approach*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1974. 260 p.
322. Hymes 1977 — Hymes D. H. *Qualitative/quantitative research methodologies in education: A linguistic perspective* // *Anthropology and Education Quarterly*, 8, 1977. P. 165-176.

323. Jakobson 1960 — Jakobson R. Concluding statement: linguistics and poetics // *Style in Language*. Ed. by T. A. Sebeok. M.I.T. Press and Wiley. 1960. P. 350-377
324. Jary, Kissine 2014 — Jary M., Kissine M. *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 326 p.
325. Jary, Kissine 2016 — Jary M., Kissine M. When terminology matters: The imperative as a comparative concept // *Linguistics* 54 (1). 2016. P.119-148.
326. Katriel 1986 — Katriel T. *Talking straight: Dugri speech in Israeli Sabra culture*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1986. 160 p.
327. Kashima et al. 1995 — Kashima Y., Yamaguchi S., Kim U., Choi S.-C., Gelfand M. J., Yuki M. Culture, gender, and self: A perspective from individualism-collectivism research // *Journal of Personality and Social Psychology*, 69. P. 925-937.
328. Kaufmann 2012 — Kaufmann M. *Interpreting Imperatives*. Dordrecht: Springer, 2012. 284 p.
329. Kaufmann, Poschmann 2013 — Kaufmann M., Poschmann C. Embedded imperatives: Empirical evidence from colloquial German // *Language*, 89 (3), 2013. P. 619-637.
330. Kay, McDaniel 1978 — Kay P., McDaniel C. K. The linguistic significance of the meaning of basic color terms // *Language*, 54. 1978. P. 610-646.
331. Kay, Regier 2007 — Kay P., Regier T. Color Naming Universals: The Case of Berinmo // *Cognition*, 34, 4. 2007. P. 843-858.
332. Kecskes 2008 – Kecskes I. Dueling context. A dynamic model of meaning // *Journal of Pragmatics*. Vol.40. Issue 3. P. 385-406
333. Kecskes 2013 – Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford, UK: Oxford University Press. 2013. 288 p.
334. Kecskes 2016 – Kecskes I. A dialogic approach to pragmatics // *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4). 2016. P. 26-42.
335. Keenan 1974 — Keenan E. Norm-makers, norm-breakers: Uses of speech be men and women in a Malagasy community // R. Bauman, J. Sherzer (eds.). *Explorations in the ethnography of speaking*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1974. P. 125-143.
336. Keesing 1974 — Keesing R. Theories of culture. // *Annual Review of Anthropology*, 3. 1974. P. 73-97.
337. Keesing 1994 — Keesing R. M. Theories of culture revisited // R. Borofsky (ed.). *Assessing cultural anthropology*. New York: McGraw-Hill, 1994. P. 310-312.
338. Kellermann 1992 — Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // *Communication Monographs*. Vol. 59, 1992. Issue 3. P. 288-300.

339. Kim et al. 1994 — Kim M. S., Sharkey W. F., Singelis T. M. The relationship between individual's self-construals and perceived importance of interactive constraints // *International Journal of Intercultural Relations*, 18. 1994. P. 117-140.
340. König, Siemund 2007 — König E., Siemund P. Speech act distinction in grammar // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. P. 276-324
341. Labini 2015 — Labini P. S. *Saggio sulle classi sociali*. Laterza, 2015. 211 p.
342. Labov 1972 – Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1972. 362 p.
343. Labov 1975 — Labov W. Academic ignorance and black intelligence // M. Maehr, W. Stallings (eds.). *Culture, child, and school: Sociocultural influences on learning*. Monterey, CA: Brooks/Cole. 1975. P. 63-81.
344. Lalumera 2016 — Lalumera E. *Che cos'è il relativismo cognitivo*. Roma: Carocci, 2016. 110 p.
345. Lammers 1976 — Lammers C. J. Towards the internationalization of the organization sciences // G. Hofstede, M. S. Kassem (eds.). *European Contributions to Organization Theory*, Assen. Netherlands: Van Gorcum. P. 25-42.
346. Lasswell 1948 – Lasswell H. D. *The structure and function of communication in society* // L. Bryson (ed.). *The Communication of Ideas*. New York, Harper & Row. 1948. P. 37-51.
347. Leech 1983 — Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 250 p.
348. Leech, Thomas 1990 — Leech G., Thomas J. *Language, meaning and context pragmatics* // N. E. Collinge (ed.). *An encyclopedia of language*. London, New York: Routledge. 1990. P. 173-207.
349. Driskell, Mullen 2006 — Driskell J. E., Mullen B. *Status, Expectations, and Behavior: A Meta-Analytic Review and Test of the Theory* // J. M. Levine, R. L. Moreland. *Small Groups*. New York, NY: Psychology Press. 2006. P. 73-82.
350. Levinson 2000 — Levinson S. C. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge, MA: MIT Press. 2000. 480 p.
351. Levy-Leboyer 1988 — Levy-Leboyer C. *Success and failure in applying psychology*. // *American Psychologist*, №43. 1988. P. 779-785.
352. Lewin 1951 — Lewin K. *Field theory in social science: Selected theoretical papers*. New York: Harper and Row. 1951. 346 p.
353. Lim 2002 — Lim T. S. *Language and Verbal Communication Across Cultures* // W. B. Gudykunst, B. Mody (eds.). *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. 2002. P. 69-87.

354. Linell 2006 – Linell P. Towards a dialogical linguistics // *Proceedings of the XII International Bakhtin Conference, Jyväskylä, Finland, 18–22 July, 2005*. P. 157-172.
355. Lobasso et al. 2007 — Lobasso F., Pavan E., Caon F. *Manuale di comunicazione interculturale tra italiani e greci*. Perugia: Guerra, 2007. 125 p.
356. Lucy 1992 — Lucy J. A. *Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. 328 p.
357. Lucy 1996 — Lucy J. A. The scope of linguistic relativity: An analysis and review of empirical research // J. J. Gumperz, S. C. Levinson (eds.). *Rethinking linguistic relativity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. P. 37-69.
358. Lucy 1997 — Lucy J. A. Linguistic Reality // *Annual Review of Anthropology*, 26, 1997. P. 291-312.
359. Lucy, Shweder 1979 — Lucy J. A., Shweder R. Whorf and his critics: Linguistic and nonlinguistic influences on color memory // *American Anthropologist*, 81, 1979. P. 581-615.
360. Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1977. 897 p.
361. Maher 2006 — Maher B. Sfogarsi: a semantic analysis of an Italian speech routine and its underlying cultural values // B. Peeters. *Semantic Primes and Universal Grammar: Empirical evidence from the Romance languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins publishing Company. 2006. P. 207-233.
362. Maiden 1998 — Maiden M. *Storia linguistica dell'italiano*. Bologna, il Mulino. 1998. 307 p.
363. Maiden, Robustelli 2007 — Maiden M., Robustelli C. *A reference grammar of modern Italian*. 2nd ed. London: Arnold. 2007. 478 p.
364. Malinowski 1926 — Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // C. K. Ogden and A. Richards (eds.). *The meaning of meaning*. London: Kegan Paul. 1926. P. 296-336.
365. Malinowski 1935 — Malinowski B. *Coral Gardens and their magic*. 2 vol. London, 1935. 850 p.
366. Markkanen 1985 — Markkanen R. *Cross-language studies in pragmatics*. Jyväskylä: Jyväskylä Cross-language studies no. 11. Department of English, University of Jyväskylä. 1985. 99 p.
367. Markus, Kitayama 1991 — Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*, 98. 1991. P. 224-253.
368. Martinez-Flor, Usò-Juan 2010 — Martinez-Flor A., Usò-Juan E. *Speech act performance: Theoretical, empirical and methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 277 p.
369. Mastop 2011 — Mastop R. Imperatives as semantic primitives // *Linguistic and Philosophy* 34 (4), 2011. P. 147-170.

370. Matera 2007 — Matera V. *Etnografia della comunicazione. Teorie e pratiche dell'interazione sociale*. Roma: Carocci, 2007. 169 p.
371. Mazzoleni 2001 — Mazzoleni M. *Il vocativo* // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. III. Bologna: Il Mulino, 2001. P. 377-402.
372. Medeiros 2015 — *Embedded ancient Greek Imperatives: A feature transfer analysis* // *Syntax* 18 (2). 2015. P. 124-156.
373. Mencacci 1983 — Mencacci O. *L'imperativo nell'italiano contemporaneo* // *Gli Annali*. Università per stranieri di Perugia, Supplemento al n°4. 1983. P. 143-188.
374. Miestamo 2005 — Miestamo M. *Standard Negation. The Negation of Declaration Verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. 490 p.
375. Mioni 1983 — Mioni A. *Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione* // P. Benincà et al. (a cura di). *Guida all'educazione linguistica in onore di Giovan Battista Pellegrini*. 2 vol. Pisa: Pacini, 1983. P. 495-517.
376. Murray 1993 — Murray S. *Theory groups and the study of language in North America: A social history*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. 594 p.
377. Myers 2001 — Myers D. *A Pox on All Compromises: Reply to Craig (1999)* // *Communication Theory*, Vol. 11, Issue 2. 1 May 2001. P. 218-230.
378. Naumov, Puffer 2000 — Naumov A. I., Puffer S. M. *Measuring Russian Culture Using Hofstede's Dimensions* // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 49, issue 4. October 2000. P. 709-718.
379. Neuliep, Mattson 1990 — Neuliep J. W., Mattson M. *The Use of Deception as a Compliance-Gaining Strategy* // *Human Communication Research*. Vol. 16, Issue 3. March 1990. P. 409-421.
380. Newman 1954 — Newman S., *Semantic problems in grammatical systems and lexemes: A search for method* // H. Hoijer (ed.). *Language in culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 82-91.
381. Ogiermann 2009 — Ogiermann E. *Politeness and Indirectness Across Cultures. A Comparison of English, German, Polish and Russian Requests* // *Journal of Politeness Research* 5 (2), 2009. P. 189-216.
382. O'Sullivan et al. 1994 — O'Sullivan T., Hartley J., Saunders D., Montgomery M., Fiske J. *Key concepts in communication and cultural studies*. London, New York: Routledge, 1994. 367 p.
383. Pease, Pease 2004 — Pease A., Pease B. *The Definitive Book of Body Language*. Buderim: Pease International, 2004. 386 p.
384. Pellegrini 1975 — Pellegrini G. B. *Saggi di linguistica italiana*. Torino: Boringhieri, 1975. 496 p.

385. Pérez Hernández, Ruiz de Mendoza 2002 — Pérez Hernández L., Ruiz de Mendoza F. J. Grounding, semantic motivation, and conceptual interaction in directive speech acts // *Journal of Pragmatics* 34 (3). 2002. P. 259-284.
386. Philipsen 1975 — Philipsen G. Speaking “like a man” in Teamsterville: Culture patterns of role enactment in an urban neighborhood // *Quarterly Journal of Speech*, 61. 1975. P. 13-22.
387. Philipsen 1989 — Philipsen G. An ethnographic approach to communication studies // B. Dervin (ed.). *Paradigm dialogues: Research exemplars*. Newbury Park, CA: Sage. 1989. P. 258-268.
388. Philipsen 1992 — Philipsen G. *Speaking culturally: Explorations in social communication*. Albany: State University of New York Press. 1992. 154 p.
389. Philipsen 2002 — Philipsen G. *Cultural Communication* // Gudykunst W. B., Mody B. *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. 2002. P. 51-67.
390. Potsdam 2007 — Potsdam E. Analysing the word order in the English Imperative // W. van der Wurff (ed.). *Imperative Clauses in Generative Grammar. Studies in Honour of Frits Beukema [Linguistik Aktuell/Linguistic Today 103]*. Amsterdam: John Benjamins. 2007. P. 251-271.
391. Rogers 1994 — Rogers E. M. *A history of communication study: A biographical approach*. New York: Free Press, 1994. 576 p.
392. Rossi 2012 — Rossi G. Bilateral and Unilateral Requests: The Use of Imperatives and *Mi X?* Interrogatives in Italian // *Discourse Processes* 49 (5). 2012. P. 426-458
393. Rupp 2003 — Rupp L. *The Syntax of Imperatives in English and Germanic. Word Order Variation in the Minimalist Framework*. New York: Palgrave MacMillan. 2003. 204 p.
394. Sacks 1972 — Sacks H. An initial investigation of the usability of conversational data for doing sociology // D. Sudnow (ed.). *Studies in social interaction*. New York: The Free Press. 1972. P. 31-63.
395. Sadock, Zwicky 1985 — Sadock J., Zwicky A. M. Speech act distinctions in syntax // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description, Vol. I: Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 155-196.
396. Salvi 2001 — Salvi G. La frase: La frase semplice // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi. Vol. I*, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 37-128.
397. Salvi, Borgato 2001 — Salvi G., Borgato G. Tipi di frasi principali: Il tipo iussivo // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds) *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi. Vol. III*, Bologna: Il Mulino. 2001. Pp. 152-159

398. Sapir 1949 — Sapir E. The selected writings of Edward Sapir in language, culture, and personality. D.G. Mandelbaum (ed.). Berkley: University of California Press. 1949. 617 p.
399. Saul 2002 – Saul J. What is said and psychological reality: Grice's project and relevance theorists' criticisms // *Linguistic and Philosophy* 25. 2002. P. 347-372.
400. Schank, Abelson 1977 — Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1977. 248 p.
401. Searle 1969 — Searle J. R. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.
402. Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts // *Language in society*, Vol. 5, No. 1. Cambridge: Cambridge University Press. Apr. 1976. P. 1-23.
403. Searle 1979 — Searle J. R. *Expression and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 187 p.
404. Searle, Vanderveken 1985 — Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 227 p.
405. Serianni 1989 — Serianni L. *Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria*. Utet Università. 1989. 750 p.
406. Schwager 2011 — Schwager M. Imperatives and tense // R. Musan, M. Rathert (eds.). *Tense across Languages*. Berlin: De Gruyter. 2011. P. 37-58.
407. Shannon, Weaver 1949 – Shannon C. E., Weaver E. *Mathematical theory of communication*. Univ. of Ill. Press, Urbana, Ill. 1949. 117 p.
408. Sherzer 1987 — Sherzer J. A diversity of voices: Men's and women's speech in ethnographic perspective // S. Philips, S. Steele, C. Tanz (eds.). *Language, culture, gender, and sex in comparative perspective*. New York: Cambridge University Press. 1987. P. 95-120.
409. Sifianou 1992 — Sifianou M. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 1992. 254 p.
410. Singelis, Brown 1995 — Singelis N., Brown W. Culture, self, and collectivistic communication // *Human Communication Research*, 21. 1995. P. 354-389.
411. Schiffrin 1994 — Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford: Blackwell. 1994. 470 p.
412. Sorjonen et al. 2107 — Sorjonen M.-L., Raevaara L., Couper-Kuhlen E. (eds.). *Imperative Turns at Talk. The design of directives in action*. 2017. 435 p.
413. Sperber, Wilson 1986 — Sperber D., Wilson D. *Relevance*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 279 p.
414. Spitzer 1918 — Spitzer L. *Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik*. Bern, 1918. 392 p.

415. Spitzer 1951 — Spitzer L. Sur quelques emplois métaphoriques de l'imperatif. Un chapitre de syntaxe comparative // "Romania" 20, LXXII. 1951. P. 433-478.
416. Spitzer 1951 — Spitzer L. Sur quelques emplois métaphoriques de l'imperatif. Un chapitre de syntaxe comparative. "Romania" 81, LXXIII. 1952. P. 16-63.
417. Stefinlongo 1977 — Stefinlongo A. Completive col congiuntivo e con l'indicativo in italiano antico // "Critica letteraria" 5. 1977. P. 253-277.
418. Sternina, Sternin 2003 — Sternina M. A., Sternin I. A. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh: Istoki Publishing House. 2003. 94 p.
419. Stiles 1981 — Stiles W. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society, Vol. 10, No. 2. Aug. 1981. P. 227-249.
420. Svobodová 1973 — Svobodová H. Poroždenije russkich pobuditel'nych predloženij // Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích", Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně. 1973. P. 265-268.
421. Takahashi 2012 — Takahashi H. A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative. With Special Reference to Japanese imperatives. Amsterdam: John Benjamins. 2012. 242 p.
422. Takahashi 2014 — Takahashi H. A usage-based analysis of indirect directives in English (1): A preliminary quantitative survey // The Annual Report on Cultural Science 143. 2014. P. 99-135.
423. Tomasello 2003 — Tomasello M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Harvard University Press. 2003. 388 p.
424. Triandis 1995 — Triandis H. C. Individualism & collectivism. Boulder, CO: Westview. 1995. 259 p.
425. Triandis, Gelfand 1998 — Triandis H., Gelfand M. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 74, No. 1. January 1998. P. 118-128.
426. Tyurikova 2008 — Tyurikova Y. Expression of Politeness/Impoliteness via the Aspectual Forms Imperative in Russian. PhD dissertation, Ohio State University. 2008. 253 p.
427. Vallauri 2004 — Vallauri E. L. Grammaticalization of syntactic incompleteness: free conditionals in Italian and other languages // SKY Journal of Linguistics 17. 2002. P. 189-215.
428. van der Auwera et al. 2005 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. Imperative-hortative systems // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 294-297.

429. van der Auwera, Lejeune 2005a — van der Auwera J., Lejeune L. The morphological imperative // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 286-289
430. van der Auwera, Lejeune 2005b — van der Auwera J., Lejeune L. The prohibitives // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 290-293
431. van der Wurff 2007 — van der Wurff W. Imperative clauses in generative grammar: An introduction // W. van der Wurff (ed.). *Imperative Clauses in Generative Grammar*. Studies in Honour of Frits Beukema [Linguistik Aktuell/Linguistic Today 103]. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 1-94.
432. van Dijk 2009 — van Dijk T. A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 287 p.
433. Van Olmen, Heinold 2017 — van Olmen D., Heinold S. (eds.). *Imperatives and Directive Strategies*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017. 324 p.
434. Van Olmen 2010 — Van Olmen D. Typology meets usage: The case of the prohibitive infinitive in Dutch // *Folia Linguistica* 44 (2). 2010. P. 471-508.
435. Wandruszka 2001 — Wandruszka U. Frasi subordinate al congiuntivo. // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds.). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi*. Vol. II. Bologna: Il Mulino. 2001. P. 415-481.
436. Wason, Johnson-Laird 1977 — Wason P., Johnson-Laird P. N. (eds.). *Thinking: readings in cognitive science*. Cambridge: Cambridge University Press. 1977. 615 p.
437. Weigand 2010a – Weigand E. *Dialogue: the mixed game*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins. 2010. 304 p.
438. Weigand 2010b – Weigand E. Language as dialogue // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 7. No. 3. 2010. P. 505-515.
439. Whorf 1956 — Whorf B. *Language, thought, and reality*. New York: John Wiley. 1956. 278 p.
440. Wierzbicka 1985 — Wierzbicka A. Different languages, different cultures, different speech acts: English vs. Polish // *Journal of Pragmatics* 9. 1985. P. 145-178.
441. Wierzbicka 1992 — Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York, London: Oxford University Press, 1992. 487 p.
442. Wierzbicka 1997 — Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, and Japanese*. New York, London: Oxford University Press, 1997. 317 p.

443. Wierzbicka 1999a — Wierzbicka A. A semantic basis for linguistic typology // Rahilina E. V., Testelec Ja. G. (eds.). *Typology and Theory of Language: from Description to Explication*. (in Russian). Moscow: Languages of Russian Culture. 1999. P. 26-35.
444. Wierzbicka 1999b — Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.
445. Wierzbicka 2002 — Wierzbicka A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and its Applications // *ProQuest Psychology Journals*, 30 (4). Ethos: Dec. 2002. P. 401-432.
446. Wierzbicka 2003 — Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2003. 502 p.
447. Wierzbicka 2006 — Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press. 2006. 352 p.
448. Zanuttini 2008 — Zanuttini R. Encoding the addressee in syntax: Evidence from English imperative subjects // *Natural Language and Linguistic Theory*, 26 (1). 2008. P. 185-218.
449. Zanuttini et al. 2012 — Zanuttini R., Pak M., Portner P. A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects // *Natural Language and Linguistic Theory*, 30 (4). 2012. P. 1231-1274.
450. Zinken, Ogiermann 2013 — Zinken J., Ogiermann E. Responsibility and Action: Invariants and Diversity in Requests for Objects in British English and polish Interaction // *Research on Language and Social Interaction* 46 (3). 2013. P. 256-276.

Электронные ресурсы

1. Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru>
2. Корпус итальянского языка: <https://www.corpusitaliano.it>

St. Petersburg State University

Manuscript Copyright

Guseva Natalia Konstantinovna

**DIRECTIVE STRATEGIES AND TACTICS IN INTERPERSONAL
COMMUNICATION IN DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES
(CASE STUDY OF ITALIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Scientific specialty 5.9.8. — Theoretical, applied, contrastive and comparative
linguistics

A dissertation submitted for the degree of Candidate of Philological Sciences

Translation from Russian

Academic Supervisor:
Candidate of Philological Sciences
M. L. Kisilier

St. Petersburg 2021

Contents

Introduction	275
Chapter One. Cross-cultural study of communication strategies and tactics:	
theoretical background	285
1.1. Modern theories of interaction and communication	285
1.1.1. Dialogue as the basis of communication	287
1.1.2. Communication models	289
1.2. Cross-cultural aspect of research in intercultural communication	291
1.2.1. Western and Russian schools of intercultural communication theory.....	292
1.2.2. Context in culture and self-identity	298
1.2.3. Binomial of language and culture	299
1.2.4. The hypothesis of linguistic relativity and its critique	300
1.2.5. Linguistic relativism and universalism	302
1.2.6. Ethnography of communication.....	303
1.3. Conclusions	305
Chapter Two. Communicative strategies and tactics in a cross-cultural perspective:	
theoretical framework	307
2.1. Basic processes of dialogic communication	307
2.1.1. Implicatures and inferences in dialogue	307
2.1.2. Context and contextualization	309
2.2. Cultural factor in dialogue style	315
2.2.1. Concept of ethnicity. Parameters of the national style of communication	315
2.2.2. Linguocultural frames, scenarios, and scripts.....	317
2.2.3. Cultural values of Italian communicative behavior	320
2.2.4. Cultural values of Russian communicative behavior	323
2.3. Directive strategies and tactics	325
2.3.1. The concept of communicative strategy and tactics	325
2.3.2. The problem of classifying directive strategies	327
2.3.3. Tactics of directive strategies as a reflection of an individual's attitudes (dispositions) in speech activity	331
2.4. Conclusions	333
Chapter Three. Imperatives and directives as the primary ways of realization of directive strategies	336
3.1. The typology of linguistic means of directive strategies and tactics.....	336

3.1.1. Canonical imperatives.....	336
3.1.2. Non-imperative directives.....	338
3.2 Grammar and semantics of the imperative in Russian and Italian	340
3.2.1. Imperative paradigm	340
3.2.2. Morphological and syntactic marking of the imperative	341
3.2.3. Singular and plural, formal and informal address (T/V) markers in the imperative	344
3.2.4. Verbal aspect in the imperative	347
3.2.5. Indirect use of the imperative in Russian and Italian	350
3.3. Non-imperative directives	352
3.3.1. Interrogatives	352
3.3.2. Declaratives	353
3.3.3. Substantivized forms and elliptic constructions	354
3.4. Conclusions	355
Chapter Four. Tactics of directive strategies in Italian and Russian speech	357
4.1. Collection of examples	357
4.1.1 Situational contexts, communicative and social roles	358
4.1.2. Social stratification in language	359
4.1.3. A brief description of the current state of Russian and Italian languages	362
4.1.4. Italian filmography	365
4.1.5. Russian filmography	366
4.2. Interpersonal attitudes tactics	367
4.2.1. Tactics of settings on oneself (on the speaker).....	369
4.2.1.1. <i>Desiderative</i>	369
4.2.1.2. <i>Highlighting the importance of the caused action for the speaker</i>	372
4.2.1.3. <i>Increase of directive intensity</i>	375
4.2.1.4. <i>Syntactic repetition</i>	376
4.2.1.5. <i>Interrogative</i>	380
4.2.2. Tactics of settings on the addressee	388
4.2.2.1. <i>Indication of the benefactivity for the addressee</i>	388
4.2.2.2. <i>Politeness markers</i>	393
4.2.2.3. <i>Deontic modality</i>	400
4.2.2.4. <i>Appeal to a person</i>	412
4.2.2.5. <i>Search for an approval of the action</i>	413
4.2.3. Tactics of cooperation.....	415
4.2.4. Tactics of settings on a third person	425

4.3. Non-personal attitudes tactics.....	428
4.3.1 Tactics of settings on reality	428
4.3.1.1. <i>Impersonality of the causer or the executor of the action</i>	428
4.3.1.2. <i>Setting the goal</i>	430
4.3.1.3 <i>Focus on action or state</i>	432
4.3.1.4. <i>Focus on the conditions of execution of an action</i>	443
4.3.1.5. <i>Warning about the consequences of (not) performing the action</i>	445
4.3.1.6. <i>Obligatory or authoritarian prescriptive</i>	450
4.3.1.7. <i>Indicating the urgency of an action</i>	459
4.3.2 Tactics of settings on the propositional content	462
4.3.2.1. <i>Taking recourse to precedents</i>	463
4.3.2.2. <i>Metapragmatic control</i>	466
4.3.2.3. <i>Sententia</i>	474
4.3.3 Tactics of settings on the linguistic means	475
4.3.3.1. <i>Style reduction</i>	475
4.3.3.2 <i>Substitutes</i>	479
4.4. Quantitative analysis of recorded linguistic means	481
4.5. Conclusions	483
Conclusion	490
Abbreviations	501
References	502
Electronic resources	531

Introduction

The present dissertation undertakes a comparative study of directive strategies and tactics in Russian and Italian linguocultures in synchrony. Its goal is to identify similarities and differences in the speech of native speakers at the level of communicative moves (tactics) which constitute directive strategies in these two languages. The thesis widely uses the term *linguoculture*, intended to emphasize the binary nature of the subject and the inseparable connection between a language and the culture in which it is used. The work is descriptive in nature, and our task is to uncover and list distinctive features of communicative directive strategies and tactics in the modern Russian and Italian languages.

The focus is on the linguistic means by which communicative moves are realized in dialogical unities with directive intention. The material for comparative analysis is provided by dialogues from modern films in Russian and Italian. We intentionally did not consider translated films in order to preserve the originality of the statements, generated by native speakers, and to avoid negative linguistic interference that occurs in the process of translation from one language to another. We provide translation of the dialogues from Italian and Russian into English solely with the purpose of facilitating understanding for readers with limited command of Italian or Russian. In some cases, for greater clarity, we give an almost word-for-word translation replicating the grammatical and syntactic structure of the statement in Italian.

The dialogues that make up the corpus of examples are taken from movies: we view popular culture as one of the phenomena responsible for forming speech-behavioral patterns. Therefore, they present a considerable research interest and allow identifying contemporary trends in these two spoken languages.

The **relevance** of the dissertation research is due to the growing interest of modern linguistics in the problems of communication in general and its specific features in particular linguocultures. When choosing this topic for our research, we were guided by the need for a theoretically-informed study of morphological and syntactic devices that achieve specific communicative purposes and may be common to different linguocultures. Our interest was dictated by the practical need to identify similarities and differences in the speech behavior of contemporary Russian and Italian speakers for didactic purposes. The relevance of this work is further made clear by the fact that a comparison of communication strategies and tactics in Russian and Italian linguocultures has not been attempted so far either in Russia or in Italy to the best of our knowledge.

The present study has been conducted within the broader anthropological paradigm of modern linguistics and is thus closely connected with key research in the field of communicative ethnolinguistics (including comparison of unrelated languages), hence the relevance of this dissertation for contemporary linguistics. Directing others is a frequent situation in communication, and an investigation of culturally

determined linguistic means devices used in this situation is significant for modern linguistics both in theoretical and practical terms.

Scientific novelty of the work lies in the fact that a comprehensive comparative analysis of the linguistic means used in the speech realization of directiveness in two linguocultures, Russian and Italian, is carried out for the first time in the framework of communicative-pragmatic and functional-semantic approaches. An attempt to describe directive tactics is made for the first time, with due consideration given to a number of factors of non-personal and interpersonal nature.

Research background. Communication strategies and tactics have been studied within the framework of communicative linguistics and pragmalinguistics (internal linguistics), which allows studying the interaction of substantive and functional properties of language units involved in individual moves of communication tactics in real oral and written communication situations and determining their pragmatic value in different acts of communication based on the psycholinguistics. Speech science, here understood as a complex of disciplines dealing with the real functioning of language units in specific speech situations, involves the study of both purely linguistic material and extralinguistic factors. The study of these factors belongs to such domains of external linguistics as psycholinguistics, cognitive linguistics, ethnolinguistics, as well as communicative-pragmatic linguistics (an anthropocentric discipline, which studies the mechanisms of speech impact, taking under consideration such extralinguistic factors as the speaker, the addressee, their interaction, and the communication situation). The study of strategies and tactics in two or more languages behooves the researcher to adopt the synchronic paradigm of contrastive or comparative linguistics.

Linguocultural approach to the study of communication process consists in identifying the peculiarities of linguocultures: communicative norms in one linguoculture may not correspond or even contradict communicative norms in another.

The notions of communication strategy and tactics have been used in linguistics since mid-1980s when communicative-pragmatic approach to the analysis of linguistic facts and phenomena began to be widely used. Postgenerativism is characterized by “an expansion into the realm of speech activity” [Kasevich 2001: 70], the rules of which have become part of the organic model of language developed by linguists. Speech communication is a strategic process based on the choice of optimal linguistic means [Issers 2008: 10]. Linguistic means, the process of their use and the product of this process are the subject of language theory, while the purpose of using linguistic and non-linguistic means and the result achieved by the corresponding processes are the subject of communication theory. Language theory and communication theory overlap in the theory of speech acts, in particular, in the theory of illocutionary and perlocutionary functions. For theoretical linguistics, communication means speech communication, viz. the use of language for communication and exchange of information, providing a normal life of society and satisfying the psychological personal need of contact with other people

[Kulikova, Salmina 2009: 35; Zhrebilo 2010: 159]. The practice of speech communication, its forms and functions, the conditions of success and effectiveness are studied in the general context of functional linguistics, taking into consideration the socio-psychological foundations of speech communication theory in such areas as speech act theory, discourse analysis, conversation analysis, communication theory, ethnography of communication, theory of speech genres, and intercultural communication theory.

The problems of communication have turned out to be relevant and significant for a vast complex of disciplines: psychology, linguistics, semiotics, hermeneutics, philosophy, rhetoric, aesthetics, poetics, etc. Theories of interaction and communication were developed by nearly every major scholar of the last century. The most famous are V. S. Bibler's dialogics; the dialogic philosophy of M. Buber, F. Ebner, F. Rosenzweig and O. Rosenstock-Huussy; the phenomenology of intersubjectivity of E. Husserl, A. Schütz and L. Landgrebe; the structural anthropology of C. Lévi-Strauss; the existential philosophy of K. Jaspers.

Structural linguistics, which dominated language research in the second half of the last century, had reached the degree of abstraction that allowed a transition from the study of minimal linguistic units to the study of multidimensional and complex entities. Such topics as speech activity, speech interaction, and speech communication came to be of interest to linguists. In other words, the entire realm of language became the object of the study of linguistics. The theory of communication as a legitimate field of study gained further acknowledgment with the appearance of cybernetics, informatics, semiotics. By the middle of the 20th century, at least three trends in the study of the problems of human communication had emerged:

1) Shift of the focus of research from language structure to language functions and the social context of language (J. J. Gumperz, D. H. Himes, W. Labov, D. Fishman, S. Erwin-Tripp). The task of this trend consists in the linguistic analysis of human communication.

2) Inclusion of language in the circle of the problems of communication studied in the context of social problems of modern society. This dichotomy became central to the research done in a wide range of disciplines sharing the existentialistic approach (J.-P. Sartre, M. Scheler, M. Merleau-Ponty, A. Camus, M. Lacan, M. Foucault, J. Deleuze, R. Barthes, J. Derrida, P. Ricoeur).

3) Realization that dialogue is the main form of communication and placing dialogism at the center of several philosophical, aesthetic, and psychological doctrines (K. Jaspers, H. Marcelle). In Russian linguistics, the foundations of dialogue research were laid in the 1920s by L. P. Yakubinsky, V. N. Voloshinov and M. M. Bakhtin.

For Bakhtin, dialogue is a continuous production of meaning and sense: an individual and his consciousness are revealed in the word through verbal means [Bakhtin 1977: 306]. Dialogical communication is fundamental and goes beyond language. As Ju. M. Lotman notes: "Consciousness is

an exchange of messages — from the exchange between the hemispheres of the human brain to the exchange between cultures. Consciousness without communication is impossible. In this sense, it is possible to say that dialogue precedes language and generates it” [Lotman 1992a: 19]. Hence, both the speaker and the listener are equally important in producing the sense of a word or a statement. One of the essential characteristics of dialogue is the joint interpretation of meaning and sense. Similar dialogical approach can be found at the beginning of the 21st century in the studies on pragmatics by E. Weigand [Weigand 2010a; 2010b], D. Carbaugh [Carbaugh 2013], and I. Kecskes [Kecskes 2016]. The Swedish linguist P. Linell tried to justify the need to make dialogics a separate field of study — dialogic linguistics [Linell 2006].

Strategies and tactics become one of the key concepts of communication theory (see, for example, [Ellingsworth, Clevenger 1967; Demyankov 1982; Sukhikh 1986; Yym 1985; Dyck van, Kinch 1988; Neuliep, Mattson 1990; Yanko 2001; Issers 2008; 2012]). Many definitions of communication (speech) strategies and tactics have been proposed, see [Zhdanova 2010: 42-64] for a review. At present, there is no single universally accepted definition of speech strategy in linguistics. Moreover, different researchers use different terms for this phenomenon: *communication strategies*, *speech strategies*, *cognitive strategies*, *semantic strategies*. Undoubtedly, the choice of the term and definition depend both on the specific subfield of linguistics within which the study is conducted and on the methods that are used. B. V. Kashkin defines communication strategy as “a part of communicative behavior or communicative interaction in which a series of different verbal and nonverbal means are used to achieve a certain communicative goal” [Kashkin 2000: 116]. E. V. Klyuev understands communication strategy as “a set of theoretical moves planned by the speaker in advance and implemented in the course of the communicative act, aimed at achieving the communicative goal” [Klyuev 2002: 17]. Sometimes strategy is understood as the implementation of a set of goals in the structure of communication. According to M. L. Makarov, this approach is not in contradiction with the one described above but complements it by allowing a better understanding of the nature of communication in natural language and its structure [Makarov 2003: 193]. Thus, in our study, strategy is understood as a certain plan of achieving concrete goals and, at the same time, a set of actions necessary for this (cf. [Romanov 1988: 104]). Strategy refers to the global level of the communication situation, while individual rhetorical techniques and speech behavior are realized as tactics. Tactics is a smaller unit of the communication process. Strategy is related to the communicative purpose, and tactics is related to an individual communicative intention [Kashkin 2000]. Communication strategy and tactics are actualized in a set of speech acts, which combined form a functionally integral fragment of communication.

In contemporary linguistics, communication strategies and tactics are investigated under the communicative-pragmatic approach within inter-paradigmatic linguistic research based on the logical-

philosophical doctrine of speech acts, as laid out in the works of J. Austin, J. Searle, Z. Wandler and others, as well as under the speech activity theory, elaborated in the works of L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, A. A. Leontiev, I. A. Zimnyaya and others. Currently, there is no single typology of communication strategies. They can be divided into cooperative and non-cooperative. Different researchers have proposed different formulations of the principle of cooperation (see [Grice 1985; Ivin 2004; Kirillova 2012]). However, one thing these definitions have in common is that communicative goals are achieved in compliance with certain established principles. There is another classification of communication strategies, likewise based on the principle of interaction with others, but the choice of the model of speech behavior is influenced by such anthropological categories as education, cultural traditions, temperament, and others. Communication strategies can be subdivided into strategies of proximity, detachment, and the strategy of non-choice [Mikhalskaya 1996: 98].

Communicative linguistics is faced with the task of producing a more accurate classification of particular communication strategies, which seems difficult because of the diversity of communicative situations. Typologies of strategies have been constructed by analogy to the typology of speech acts proposed by J. Austin and J. Searle, or with the typology of speech genres [Wierzbicka 1997; Shmeleva 1990; 1995; 1997; Dementiev 2010]. Frequently, however, a particular communicative situation does not fit any type of speech act or speech genre. O. S. Issers's inquiry is limited to singling out the most productive individual strategies in communication in Russian, overlapping with the nomenclature of speech genres and speech acts [Issers 2008]. Her interests did not include directive strategies and tactics. T. E. Yanko classifies communication strategies in Russian, understood as speech planning within a speech act, which depends on the components of the speech act, the structures being formed, and the meanings expressed by various combinations of these structures [Yanko 2001]. She did not single out directive strategies either.

As far as glottogenesis is concerned, imperative gesture is considered to have been the main one in the protolanguage along with gestures of sharing attention, although in the case of "attracting" gestures (attractors) some researchers have considered their main function to have been imperative [Tomasello 2003]. In great apes' gestures, imperative signaling is predominant, while humans developed the declarative type of intentional communication in the course of evolution, which has become dominant [Fitch 2013: 501]; in other words, the expression of directive intentions in language belongs to primary linguistic abilities of humans. In the ontogenesis, imperative forms of verbs, including the so-called "matrix" verbs [Tomasello 2003], are among the first to be acquired by children. Another explanation for this fact is that canonical imperative may be used without any syntactic extension.

Contemporary linguistics distinguishes between such concepts as directing (Rus. побуждение), directiveness (Rus. побудительность), and volition (Rus. волеизъявление). The interpretation of the terms "directing" and "directiveness", along with the relevant applied issues, has been discussed in the

works of J. R. Searle [Searle 1969; 1979; Searle 1986], J. Austin [1986, a], G. G. Pocheptsov [1981], R. O. Jakobson [1985], A. Wierzbicka [1986], N. I. Formanovskaya [2002] and others. N. I. Formanovskaya gives the following definition of directiveness, including two other notions — volition and directing: directiveness is “one of the key properties of goal-setting by the speaker reflecting his expression of will (volition), on the one hand, and motivation of the addressee to action (directing), on the other hand” [Formanovskaya 2002: 141]. V. S. Xrakovskij and A. P. Volodin define the imperative, the referent situation of which may be described as forcing an addressee to act, as “the expression of the speaker’s will in regard to performance/non-performance of an action” [Xrakovskij, Volodin 2001: 13]. A. Wierzbicka postulates the following component in directive statements: “I say: I want you to do it” [Wierzbicka 2002]. Thus, the directiveness as a communicative phenomenon involving two participants (a speaker and a listener), carries dual subjectivity: the speaker is the subject of speech action, while the listener (the addressee) is the subject of future action. It is obvious that directives and tactics of their implementation should be studied both within the broader concept of directiveness and in relation to the volition, understood as the declaration of one’s own will in terms of changing the surrounding reality.

In Russian linguistics directives have been studied from various points of view. A. V. Bondarko developed the concept of the functional-semantic field of imperativeness and imperative situation [Bondarko 1973; 1984; 1990; 2002]. V. S. Xrakovskij and L. A. Biryulin distinguish three levels of the content plan of a directive utterance, pointing out several pragmatic factors that influence the interpretation of the directive [Biryulin 1992; 1992a; Biryulin, Xrakovskij 1992]. In Italian linguistics the imperative has been studied within the school of formalism in the works of such scholars as L. Spitzer [Spitzer 1951; 1952], O. Mencacci [Mencacci 1983], and J. Patota [Patota 1984]. Within the framework of interactional linguistics, the pragmatics of direct and indirect command in Italian has been discussed by J. Rossi [Rossi 2012; 2014; 2015; 2017]. In the paradigm of typological research, imperative constructions have been extensively covered by A. Aikhenvald [Aikhenvald 2010; 2017], V. Y. Gusev [2013], M. Jary and M. Kissine [Jary, Kissine 2014].

The comparison of directive strategies and tactics in two different linguocultures and the study of features of communication specific to them determine the “triple” approach: besides the already mentioned communicative and linguocultural approaches, cross-cultural approach has been shown to be productive [Gudykunst, Mody 2002: ix]. Study of communication from a cross-cultural perspective is rooted in anthropological studies of communication across different cultures. Three thinkers can be considered the founding fathers of cross-cultural communication theory: Darwin, Marx and Freud [Rogers 1994]. The development of the said theory was influenced by Darwin’s evolutionary theory mainly through the models of general theory of social evolution elaborated on by H. Spencer and K. Marx. In the late 19th century, the anthropologists L. G. Morgan and E. Tylor proposed models of

cultural evolution [Morgan 1934; Tylor 2016]. According to these models, human communities (or societies) pass through several stages in their development — from savagery and barbarism to civilization which at the time was considered to be embodied in England. F. Boas strongly criticized the models of Morgan and Tylor because of their inherent ethnocentrism. Based on his criticism, Boas formulated the basic principle of anthropology, which later formed the basis of intercultural communication theory, namely, cultural relativism, according to which every culture is considered unique and should not be subject to evaluation by the standards of another culture [Hart 1999: 60].

By 1960's, American anthropology, the flagship discipline in the Western paradigm of intercultural studies, had the following trends: 1) shift from studying one culture at the societal level to interpersonal and intercultural studies; 2) focus on studying non-verbal communication; 3) awareness of the cultural unconscious; 4) non-judgmental ethnorelativism; 5) close relationship between communication and culture [Gudykunst, Mody 2002: 4].

While in Western communicativism the focus of the research has primarily been on the types of communication (interpersonal, family, group, mass, business, professional), Russian communicative theory has had a slightly different orientation: it is characterized by linguocentricity, as evidenced by the large number of works on speech communication, human language behavior, non-verbal/verbal communication, and speech genres [Komarova 2012: 546]. According to O. A. Leontovich, three main directions of research based on the idea of a close relationship between language and culture can be distinguished in Russian scholarship: linguistic and cultural studies (E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov, G. D. Tomakhin, V. V. Shchepkova, etc.); ethnolinguistics (A. S. Gerd, A. M. Kopylenko, N. I. Tolstoy, etc.); linguocultural studies (V. N. Telia, V. I. Khairullin, V. V. Vorobyev, V. A. Maslova, M. A. Kulinich, etc.) [Leontovich 2002]. The study of relationship between language and culture within the framework of psycholinguistics (A. A. Leontiev, A. A. Zalevskaya, I. N. Gorelov, K. F. Sedov, etc.) and sociolinguistics (A. D. Schweitzer, V. I. Karasik, N. B. Mechkovskaya, V. P. Konetskaya, etc.) is of great importance for intercultural research. Taking into account the results achieved in such interdisciplinary fields as ethnopsycholinguistics and linguosociopsychology (T. M. Dridze) allows for a deeper understanding of the communication between representatives of different cultures. It is also impossible to overestimate the importance of describing nation-specific features of the linguistic worldview for cross-cultural research (B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva, S. A. Arutyunov, T. V. Bulygina, A. D. Shmelev, N. D. Arutyunova) as well as the relationship between language and national identity (N. D. Arutyunova, N. V. Ufimtseva, V. G. Gak).

The unit of analysis in the theory of intercultural communication is individual-specific, that is, the micro-level of communication between individuals belonging to different cultures, as well as the ways in which they achieve understanding when communicating. Within the framework of the present study, we will use the theory of intercultural communication in its cross-cultural aspect, based on the

notion of relativism of cultural activity. Among standard definitions of culture one finds a behavioral definition: “An integral or holistic concept of culture comprises the acquired or cultivated behavior, feeling, and thought of individuals within a society as well as the patterns or forms of intellectual, social, and artistic ideals which human societies have professed historically” [Bidney 1946: 535]. Speech behavior (realized in specific types or strategies, depending on the topic, setting, purpose of communication, role relations of communicators, their social status and attitude) constitutes a part of behavior in general [see also Zhrebilo 2010: 308].

Dialogical unities in Russian and Italian in which directive strategies and tactics are implemented form **the object** of the present study.

The specific **topic** of our study is the examination of similarities and differences in the means and methods of directives in two linguocultures in relatively similar communicative contexts.

Aims and objectives. The aim of this dissertation is to perform a comparative complex synchronous analysis of the ways in which directive strategies and tactics are implemented in Russian and Italian linguocultures in oral speech, and to provide a contrastive-comparative description of their semantics and pragmatics. In order to achieve the goal, a number of specific tasks have to be solved:

- 1) To clarify conceptual and terminological tools used in the study of individual communication strategies and tactics on the basis of literature review.
- 2) To enumerate and classify directive tactics in two linguocultures, Russian and Italian.
- 3) To identify the trends in the expression of directives that are specific to each linguistic culture.
- 4) To identify and describe the most frequent directive tactics in Russian and Italian;
- 5) To establish the preferences due to the sociocultural (diastratic) and functional-stylistic (diaphasic) factors in the two linguocultures;
- 6) To determine the degree of influence of socio-cultural and national language factors on the choice of tactical directive means.

As a **preliminary hypothesis** of the study, we theorized that directive tactics are ethnospecific due to their being determined by socio-context factors, different for different linguocultures. In the case of two unrelated languages, Russian and Italian, which, however, belong to the same language family (and culture), the most frequent directive tactics differ in the sociolinguistic and cognitive potential of the means they use.

The theoretical significance of this work lies in the expansion of the field of research in communicative linguistics through inclusion of cross-cultural pragmatic research, aimed at highlighting ethnospecific sociocultural and linguistic factors influencing the choice of the mode of expression of will. The present study contributes to the elucidation of a larger topic, namely, comparative communicative grammar and pragmatics of Russian and Italian languages.

The practical value of the work consists in the possibility of using the materials and results of the study in the preparation of theoretical and practical courses on pragmatics of Russian and Italian as foreign languages, as well as in courses on the theory and practice of translation between Russian and Italian.

Methodology and methods of research. The tasks set for this study are solved with appropriate methods. As the main research method, we use comparative description of the linguistic material. In addition, we use the contrastive method, the method of contextual analysis, and the method of content analysis with the purpose of the subsequent meaningful interpretation of the identified numerical regularities. The strategies of speech behavior are described with the metalanguage of symptomatic statistics using the terms “more / less”, “more often / less often”.

In our work we use the methods of E. Goffmann’s “social dramaturgy,” which are based on the concepts of status and role⁷⁷. We undertake an analysis of small, mundane, everyday acts of interaction between communicators in which they are routinely engaged. A variety of techniques, including directive tactics, are used to construct and maintain social interaction, as well as to forge the individuals’ perceptions of themselves and other communicators.

The work applies the functional approach which investigates the functioning of linguistic phenomena in acts of communication (in real-life speech), as well as the experiential approach which considers both theoretical and every day, viz. common knowledge. Our choice of the experiential approach is based on the following seemingly paradoxical thought: there is nothing more practical than good theory [Lewin 1951: 169] and nothing more theoretically valuable than convincing practice [Levy-Leboyer 1988: 785].

The **structure and contents** of the work have been determined by the array of problems and tasks to be solved. The dissertation consists of an introduction, four chapters, a conclusion, a list of abbreviations, references, and an appendix.

Thesis statements to be submitted for defense:

- 1) Directive tactics have the form of patterns determined by the cultural norms accepted in a society which occur in speech in accordance with the grammatical means available in each language.
- 2) Among the factors that determine the preferences for the choice of a particular directive tactic, an essential role is played by the interpersonal and extrapersonal attitudes of the speaker which are based largely on the self-interpretation of the individual.
- 3) The sociocognitive nature of directiveness manifests itself in tactics.

⁷⁷ In social dramaturgy, the analysis is based on the concepts of status and role. Status is a character in a play, while role serves as the script, responsible for the actors’ dialogues and actions. In a study of directive strategies and tactics, the dramatic status of the speaker is the causer of the action, and the role is determined by the directive tactics that are chosen.

- 4) The tactics of commands contain socially significant information concerning the social status of the speaker and the addressee. This information constitutes the sociolinguistic dimension of directiveness.
- 5) In the interpretation of the addressee, a directive has a formative influence on his/her consciousness: the addressee perceives the speaker's social perspective and is aware of his/her place in it. This is the cognitive dimension of directiveness.
- 6) The mechanisms involved in the tactical use of directive in a dialogue are based on a cognitive analysis of the dynamics of the extralinguistic situation and its variables, the communicators' social roles and socio-psychological conditions for the implementation of directiveness.

Approbation of the results of the study. The results of this research have been discussed in four articles published in VAK journals and three conference presentations made at the international symposium "Le lingue all'Università: questioni di mediazione culturale e di traduzione specialistica" (Pescara, Italy), at the forum "Lingua, cultura e letteratura russa in Italia tra scuola e università" (Rome, Italy), and at the international theoretical and practical seminar "Level Conception of Russian as a Foreign Language Proficiency in the System of Russian and Belarusian High School Education" (Polotsk, Belarus).

Chapter One. Cross-cultural study of communication strategies and tactics: theoretical background

1.1. Modern theories of interaction and communication

The problems of communication have attracted the attention of researchers in a wide range of disciplines, including psychology, linguistics, semiotics, hermeneutics, philosophy, rhetoric, aesthetics, poetics, etc. Theories of interaction and communication were developed by almost all major scholars of humanities of the last century. The most famous theories are the dialogics of W. S. Bibler; the dialogic philosophy of M. Buber, F. Ebner, F. Rosenzweig and O. Rosenstock-Huessy; the phenomenology of intersubjectivity of E. Husserl, A. Schütz and L. Landgrebe; the structural anthropology of C. Levi-Strauss; the existential philosophy of K. Jaspers.

The theory of communication as a field of study received its due recognition with the emergence of cybernetics, informatics, and semiotics [Borisnev 2003: 7-8; Yakovlev 2001: 13]. By the middle of the 20th century there were at least three trends in understanding the problems of human communication:

1) the Anglo-American one which focuses its research on linguistic analysis. In general, research into problems of communicative linguistics has been central to the Anglo-American linguistic tradition since the 1960s and gave rise to American sociolinguistics and ethnography of speaking. The emphasis in research has shifted from structure to function, from linguistic competence to communicative competence (the term “communicative competence” was first proposed by American sociolinguist and anthropologist D. Hymes), and from language “in itself” to language in a broad social context [Gumperz 1964; Gumperz 1971; Gumperz 1982; Gumperz, Hymes 1964; Gumperz, Hymes 1972; Hymes 1964b; Hymes 1967; Hymes 1971; Labov 1972; Fishman 1971; Fishman 1972; Ervin-Tripp 1964; Ervin-Tripp 1969]. The rise of communicative linguistics has led to the methodological shift from linguistics to communicativeness.

2) the French one which has engaged not only with language but also with various social problems of modern society in its study of the problems of communication. Much attention has been paid to the analysis of ideology, power, and discourse in communication. The topics have ranged very widely, from personalism and solitude of being in existentialism (J.-P. Sartre, M. Scheler, M. Merleau-Ponty, A. Camus) and social psychoanalysis (M. Lacan, M. Foucault, J. Deleuze) to literary discourse and criticism of symbolic order (R. Barthes, J. Derrida, P. Ricoeur).

3) The philosophy of dialogue has made dialogue the main form of philosophical approach to the problem of communication. The philosophical paradigm of dialogism has served as the basis for the concept of communication under the linguistic and the cybernetic-systemic approaches. In the 20th century, the research of dialogue became a central problem of several philosophical, aesthetic, and

psychological doctrines, among which we would like to mention the representatives of existential-philosophical thought of K. Jaspers and H. Marcel. In Russian linguistics, the groundwork for the research of dialogue was laid in the 1920s by L. P. Yakubinsky, V. N. Voloshinov and M. M. Bakhtin.

However, despite clear differences in research on communication problems, it must be recognized that there is no complete agreement on the term “communication” itself. It is often the case that the terms used in different works dealing with communication problems do not match. Robert T. Craig has attempted to unify the field of knowledge in which all communication theories operate by identifying seven traditional approaches to understanding communication [Craig 1999: 132-149]. Leaving beyond the scope of our work the metamodel of communication theory proposed by Craig (on the basis of which he finds it possible to achieve a synergy of different viewpoints on communication)⁷⁸, let us list seven traditions in the understanding of communication:

- 1) Rhetorical: communication as the practical art of discourse.
- 2) Semiotic: communication as intersubjective mediation through signs.
- 3) Phenomenological: communication as the experience of otherness; dialogue.
- 4) Cybernetic: communication as information processing.
- 5) Sociopsychological: communication as expression, interaction, and influence of individuals.
- 6) Sociocultural: communication as the (re)production of social order.
- 7) Critical: communication as critical reflection upon the contradictions that come to light in the process.

In our study, we understand communication as specifically speech communication, the use of language to communicate and exchange information, providing a normal life of society and satisfying the psychological need of a person to be in contact with other people (see also [Kulikova, Salmina 2009: 35; Zhrebilo 2010: 159]). The exchange of speech actions between communicators is a fundamental notion in M. M. Bakhtin’s dialogical theory. It is applicable to our study insofar as any directive can be seen as an interactive activity inherent in situations in which we need someone to perform an action. We can recognize the dialogic character of a directive even when it is addressed to oneself (*дай-ка собою* (*let me sing*)) and represents a dialogue with oneself. For dialogue as an interpersonal activity, structure, strategies, and tactics are important. In recent years, relevant research has focused not just on directives but on directives in their natural speech environment, i.e., dialogic unities containing directives (see, for example, [Sorjonen et al. 2017]). Therefore, it seems important to define the place of directives as a linguistic and speech phenomenon in the theory of communication and in dialogics in particular.

⁷⁸ For a critique of R. T. Craig's ideas, see [Myers 2001].

1.1.1. Dialogue as the basis of communication

In the modern paradigm of social and human sciences, dialogue is an interdisciplinary problem. The theory of dialog is closely connected with a wide range of philosophical problems. The notion of dialogue was first introduced by Socrates for whom dialogue was the main method of finding truth. In Socrates' view, dialogue is a form of convergence of people through understanding of the subject. Ancient thinkers proceeded from the fact that knowledge is not acquired in a ready-made form and is gained through thinking and joint consideration of the question; that there are various opinions about everything and that in a dialogue (or an argument) interlocutors defend their opinions. The turn of the 18th-19th centuries is marked by a new rise of interest in dialogue. The Dutch thinker F. Hemsterhuis, in his work *Lettre sur l'homme et ses rapports* (1772), placed the relation of man to man, my "I" to another "I", in the center of his research. Hemsterhuis's doctrine reveals the need of this period for a philosophical understanding of human communication in terms of internal mechanisms of interaction between subjects. His ideas were developed in the teachings of F. Schleiermacher, who viewed dialogue as a way for people to achieve self-consciousness and self-awareness. As has already been mentioned above, in the 20th century the methodological dominance in the disciplines that engage with the study of language gradually shifted from language to communicativeness. While it is impossible to adequately investigate communication from the position of immanent linguistics, which studies embodied language as an object of research, communicative linguistics, which studies linguistic aspects of communication, is built on a new discursive ontology, and highlights the following methodological principles: the primacy of communication as a constitutive factor, the principle of social constructionism, and the intersubjectivity of communication. In other words, the second half of the 20th century witnessed a turn from the study of "language in itself" to "language in us" and "us in language" [Makarov 2003: 242].

The study of dialogic relations is in constant development, and the problem of communication becomes particularly important during the time periods characterized by priority of humanistic relations in society. For example, the Israeli existential philosopher M. Buber viewed dialogue as an essential human characteristic. For him, dialogue is a means towards the spiritual unity of people, a certain higher meaning of life, existential communication which represents one of various types of people's interrelationships [Buber 1993]. M. M. Bakhtin also expressed the idea that "dialogic relations are not just relations between the replicas of a compositionally expressed dialogue, they are an almost universal phenomenon that permeates all human speech and all relations, and manifestations of human life, everything that has meaning and significance" [Bakhtin 2002: 51]. B. V. Bibikhin says about interaction that it is "rooted in human nature" and that "it is itself, one might say, human nature" [Bibikhin 1987: 110]. For Bakhtin, dialogue is the very being of man, for "to be means to communicate dialogically. [...] One voice ends nothing and resolves nothing. Two voices are a minimum of life, a minimum of being"

[Bakhtin 2002: 280]. Cf. E. V. Saiko: “communication is initially inherent in man and acts as a kind of attribute of sociality” [Saiko 1999: 16].

M. M. Bakhtin’s dialogical theory is founded upon the idea of dialogue as a constant exchange of speech actions between communicators. The focus on normative problems of reciprocity in realization of speech intentions and their recognition takes into consideration the dynamic and interactive nature of language. “Any sentence [...] in an unlimited speech stream can be repeated an unlimited number of times in a perfectly identical form, but as a statement (or part of a statement) no sentence, even a one-word one, can ever be repeated: it is always a new statement” [Bakhtin 1996: 312], its dialogic essence and complex relationship with the “framing context” in the process of its functioning [Bakhtin 1996: 310]. M. M. Bakhtin views the text as a means towards human self-expression and understanding the text as a way of understanding the author: “To see and understand the author of a work means to see and understand another, another’s consciousness and his world, that is, another subject” [Bakhtin 1994: 481-482]. Understanding is dialogic in nature, in contrast to explanation, which is directed at the object and its description. In dialogue, Bakhtin attached great importance to the phatic function: the interests of the interlocutors are focused on each other, and the subject of speech, understood as a static form, “aesthetic purity,” is secondary. “The attitude towards the interlocutor and his speech is the defining moment of speech in dialogue, outside of which one cannot understand the lines.” [Bakhtin 1996: 216].

For Bakhtin, dialogue is a continuous production of meaning and sense: one’s personality and one’s consciousness are revealed in the word, in the means of verbal expression [Bakhtin 1977: 306]. The word is inextricably linked to dialogic communication and by its nature “wants to be heard and answered” and reinterpreted [Bakhtin 1977: 315]. Dialogical communication is a fundamental phenomenon going beyond language. As Ju. M. Lotman notes: “Consciousness is an exchange of messages — from the exchange between the hemispheres of the human brain to the exchange between cultures. Consciousness without communication is impossible. In this sense, it is possible to say that dialogue precedes language and generates it” [Lotman 1992a: 19]. Hence, both the speaker and the hearer are equally important in realizing the sense of a word or a statement. One of the essential characteristics of dialogue is the joint interpretation of meaning and sense. A similar dialogic approach can also be found in early 21st century research on pragmatics [Weigand 2010a; 2010b; Carbaugh 2013; Kecskes 2016]. The Swedish linguist P. Linell tried to justify the need to separate dialogics into a distinct field of research — dialogic linguistics [Linell 2006].

The interaction of subjects in a dialogue is based on understanding, which is perceived as the actual result of communication. Research in the field of pragmatics and text theory has shown (see e. g. J. Searle, A. V. Bondarko) that any interpretation is based not only on the knowledge of propositional rules (lexicon, grammar, and syntax) but also on the presupposition of the interpreter, that is, on his/her subjective semantic worldview. Basically, no sentence can be interpreted and understood in the same

way by two different people. “Two different people and even one and the same but at different times will perceive the same directive differently, although they may execute it in the same way” [Dokuchaev 2013: 19].

In the light of the above, it becomes obvious that any study of dialogic interaction should not and cannot be limited to the observation of individual facts of language use but should be carried out in a broad socio-psychological context. “The model of dialogue presupposes the consideration of language facts in the structure of communication, understood as interaction, messaging and self-expression” [Fedorova 2007: 105].

1.1.2. Communication models

One of the first and classic models of communication was proposed by the American political scientist and communication theorist G. Lasswell (1902-1978), who applied an interdisciplinary approach to the study of individual behavior in various spheres of activity. In his article *The structure and function of communication in society*, he proposed a five-element linear model of communication based on the answers to the following questions: 1) Who? 2) What is being said? 3) Through what channel? (here the channel means the mode of transmission: radio, press, movies); 4) To whom? 5) With what effect?

Later this model was enhanced by American scholars C. Shannon and E. Weaver and presented in the *Mathematical theory of communication* [Shannon, Weaver 1949], which introduced fundamentally new structural elements, namely, noises that obstruct communication. Noises or disturbances in communication are a violation of the laws of discourse construction and perception. In the case of the directive discourse examined in this dissertation, noises can include verbal interference related to misunderstanding of the meaning of words and their use; discrepancy of form and content of the directive speech act which can be expressed through intonation, lexical content, gestures, etc. In a cross-cultural perspective, these noises can result from cultural interference based on a different understanding of the social and psychological hierarchy in a society and an incorrect application of behavioral patterns.

In the second half of the twentieth century, various models of communication were proposed in linguistics among which we would like to highlight the following:

- 1) The semiotic model of K. Bühler in which language is related to the speaker and the interlocutor. In this model, a particular speech event is considered in conjunction with the context in which this event occurs more or less regularly. Bühler placed language in the center of his schema, with objects and situations, the sender and the receiver on three sides. He was one of the first linguists to propose a simple communicative model based on the three semiotic

functions of language inherent to every sign, though not in equal measure. His identification of expressive and appellative functions along with the representative function, marked the beginning of the study of the modal linguistic elements related to the expressive function, as well as of forms of address. Bühler came to the conclusion that speech is intersubjective. His “rediscovery of the speech partner”, in the apt formulation of E. Ströcker, is a notable contribution to linguistics [Bühler 1993: XIX].

- 2) The model of R. Jakobson, in which K. Bühler’s scheme was extended to include six functionally supported components or basic functions of speech communication [Jakobson 1985: 317]. This model covers all factors relevant to communication. These factors include “the inherent properties of the message, its addresser and addressee, either real or only assumed by the addresser to be the recipient” [Jakobson 1985: 319] — the entire set of remarks and responses has to be taken into consideration. Thus, language is considered as a device not only of interpersonal but also of intrapersonal communication. The latter includes dialogues with oneself and commands given to oneself, in particular. Following this model, it is necessary to determine the position allotted to a message in the context of other messages that make up its environment or link it to the anticipated future. According to R. O. Jakobson, this raises the question “of the relation of a message under consideration to the universe of discourse” [Jakobson 1985: 319]. Although what is to be understood by the universe of discourse is not specified, it may be assumed that it is the communicative experience accumulated by a particular linguoethnic group or by all mankind, correlating with culture, which also includes literature and science. This idea was later elaborated upon in the works by M. M. Bakhtin and Ju. M. Lotman.
- 3) Ju. M. Lotman, who did not accept Jakobson’s idea that the speaker may be identical with the listener [Lotman 1992b: 13]: in Lotman’s model, the codes used by the speaker and the listener in communication cannot be exactly the same. People cannot have the same amount of memory (cf. Jakobson’s “communicative experience”) assumed in the abstract model. Moreover, it is unacceptable to substitute the term “code” for the term “language” because the former “carries the idea of a structure that was just created, an artificial structure, introduced by an instant agreement. [...] Language is a code plus its history” [Lotman 1992b: 13]. Identical transmitter and receiver would understand each other perfectly, and all communication would consist solely of transmission of directives. “In normal human communication and, moreover, in normal functioning of a language there is an underlying assumption of initial lack of identity between the speaker and the listener” [Lotman 1992b: 14]. Thus, the intersubjectivity of communication is emphasized again: it only becomes possible between two different subjects.

- 4) U. Eco's model continues the semiotic tradition of communication models. Eco distinguishes between models of communication between mechanisms and communication between people. Both models include such elements as source, sender, signal, channel, receiver, message, addressee, interference, and code, but in addition to these elements, the second model (communication process between people) also contains secondary codes or lexicodes, characteristic of some speakers. The code establishes the original denotative meanings, while the secondary codes establish the co-meaning [Eco 2006: 71]. Another point that distinguishes Eco's theory from that of the Tartu-Moscow semiotic school is his idea that "not all communicative phenomena can be explained by linguistic categories" [Eco 2006: 121], by contrast to Lotman who emphasized the primary role of linguistic methods in semiotic analysis.

A comparison between different communication models reveals their similarity, despite the different research fields in which these models have found their application. I. I. Dokuchaev singles out three necessary and sufficient elements in communication [Dokuchaev 2013: 25]:

- 1) two main actors;
- 2) a context (or a situation) of varying degree of typicality;
- 3) a set of coded rules for generating and understanding the material and bodily means of conveying information.

The main agents of communication without which communication cannot take place include an "addresser" and an "addressee". "The context of communication includes all extra-communicative factors that are both closely interrelated with it and influence its content and structure: the characteristics of the participants, the features of the channel and the code" [Dokuchaev 2013: 33]. The sum of conditions and conventions equally inherent in the participants of interaction constitutes the code, which is the ideal aspect of communication, in contrast to the channel of communication which includes the means of interaction, in particular, spoken languages, — the concrete and material aspect of communication [Dokuchaev 2013: 38-39]. The code of interaction (behavioral conventions) organizes the channel of interaction (language of interaction) in accordance with the conditions of the context in order to achieve an effective communicative contact.

1.2. Cross-cultural aspect of research in intercultural communication

The theory of communication which studies verbal interaction between humans among different national cultures is known as the theory of intercultural communication. One of the most significant areas of research under this theory is cross-cultural communication, viz. comparison of interpersonal communication in different cultures [Gudykunst, Mody 2002: ix]. The study of communication from a cross-

cultural perspective has its origins in anthropological studies of communication in different cultures. Most cross-cultural studies are comparative and focus on the role of so-called “cultural communication” in the formation of cultural identity and self-consciousness in a community.

1.2.1. Western and Russian schools of intercultural communication theory

Three thinkers of the nineteenth and twentieth centuries, Ch. Darwin, K. Marx and S. Freud, are considered the founding fathers of the theory of intercultural communication in its socio-psychological aspect. Darwin’s evolutionary theory influenced its development mainly through the models of general theory of social evolution developed later by G. Spencer and K. Marx. One of Darwin’s works, *The Expression of the Emotions in Men and Animals*, became fundamental for research in the field of non-verbal communication. The ideas of Freudism gave impetus to the development of the American school of interactive communication. H. D. Laswell widely used the method of psychoanalysis in his studies of communication. The works of Wilhelm von Humboldt were of great importance for the study of verbal intercultural communication, which initiated the development of many further areas in linguistics and linguocultural studies. Many of his ideas were further developed in the works of subsequent generations of linguists, including his thoughts on the mutual influence of language and thought; on the differences in the worldview among the speakers of different languages; on the ethnocultural aspect of languages; on the difference between the collective and the individual in language; on the differences in the cultural and linguistic codes, etc.

At the end of the 19th century the anthropologists L. G. Morgan and E. Tylor proposed models of cultural evolution [Morgan 1934; Tylor 2016]. According to these models, different human communities pass through several stages in their development, from savagery and barbarism to civilization. England was considered the epitome of a civilized country at that time. F. Boas strongly criticized the Morgan’s and Tylor’s models because of their inherent ethnocentrism and formulated the basic principle of anthropology, which later formed the basis of the theory of intercultural communication, namely, cultural relativism according to which every culture is considered unique and should not be subject to evaluation by the standards of another culture [Hart 1999: 60]. Freud’s concept of the unconscious served as the basis for Boas’ and Sapir’s analysis of the unconscious level of culture. Decades later, Edward Hall recognized, based on Freud’s psychoanalysis, that people are often unaware of many aspects of their communicative behavior [Hall 1959: 89, 96]. The hallmark of F. Boas’, E. Sapir’s and R. Benedict’s works was their egalitarian approach to the study of different cultures. B. Whorf, a student and colleague of E. Sapir at Yale University, put forward the hypothesis of linguistic relativity, known as the Sapir-Whorf hypothesis, according to which language influences perceptual processes and, consequently, human behavior.

By 1960's, American anthropology, the flagship discipline in the Western intercultural research paradigm, had the following trends: 1) shift from studying one culture at the societal level to interpersonal and cross-cultural studies; 2) focus on studying nonverbal communication; 3) an awareness of the cultural unconscious; 4) nonjudgmental ethnorelativism; 5) relationship between communication and culture [Gudykunst, Mody 2002: 4].

While Western research in communicativism has focused primarily on the types of communication (interpersonal, family, group, mass, business, professional), Russian communicative theory has shown a slightly different trend: it is characterized by linguocentricity, as evidenced by the large number of works on verbal interaction, human language behavior, (non)verbal communication, and speech genres [Komarova 2012: 546]. According to O. A. Leontovich, three main directions of research based on the idea of close relationship between language and culture can be identified in Russian scholarship: linguo-area studies (E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov, G. D. Tomakhin, V. V. Shchepkova, etc.); ethnolinguistics (A. S. Gerd, A. M. Kopylenko, N. I. Tolstoy, etc.); linguocultural studies (V. N. Telia, V. I. Khairullin, V. V. Vorobyov, V. A. Maslova, M. A. Kulinich, etc.) [Leontovich 2003: 17-19]. Study of the relationship between language and culture within such subfields of linguistics as psycholinguistics (A. A. Leontiev, A. A. Zalevskaya, I. N. Gorelov, K. F. Sedov, etc.) and sociolinguistics (A. D. Schweitzer, V. I. Karasik, N. B. Mechkovskaya, V. P. Konetskaya, etc.) has been of great importance for intercultural research. Taking under consideration the results of research in such interdisciplinary fields as ethnopsycholinguistics and linguosociopsychology (T. M. Dridze), one may achieve a deeper understanding of communicative mechanisms in their intercultural aspect. In addition, one cannot underestimate the importance of describing nation-specific features of linguistic worldview (B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva, S. A. Arutyunov, T. V. Bulygina, A. D. Shmelev, N. D. Arutyunova) as well as the relationship between language and national self-consciousness (N. D. Arutyunova, N. V. Ufimtseva, V. G. Gak) for cross-cultural research. Communication strategies in cross-cultural aspect have been addressed in the works by I. N. Gorelov, V. I. Karasik, E. V. Klyuev, N. I. Formanovskaya.

Close analysis of American and Russian schools of intercultural communication allows entertaining the idea of possible integration of their achievements [Permyakova 2007: 23], despite the lack of a common theoretical base, common terminology, and even common basic assumptions. The present study will touch upon such issues of intercultural communication as typology of cultures, verbal and non-verbal markers of a culture or its subcultures, regularities of encoding the knowledge about the world in a culture, ways of activating information about the world, peculiarities of social perception, and culturally determined discursive strategies.

The study of communication processes is usually done from the insider's perspective. A cross-cultural perspective is a necessary prerequisite for understanding intercultural communication.

Intercultural communication theory is concerned with the study of heterophilic interpersonal communication, where heterophilia is understood as dissimilarity between the sender and the receiver of a message. In our case, the dissimilarity is based on the language and the culture in which this language functions. Cross-cultural research compares two or more cultures. Monocultural and cross-cultural research necessarily precedes research on intercultural communication.

Cross-cultural studies of strategies and tactics are based on the understanding of communication as a culturally contingent phenomenon, that is, communication between individuals is verbal, paraverbal, and nonverbal interaction within a culture. Communicative behavior of any individual is determined by cultural features, because after birth, a person is not formed as an abstract human being but becomes socialized through communication, acquiring the characteristics of a “cultured” person. Therefore, when comparing verbal and non-verbal phenomena in different languages, it is appropriate to speak not just about communication but about *cultural communication*.

When participating in cultural communication, an individual produces and regulates understanding about social life that serves “as a warrant for shared meaning and coordinated activity among the members of that society” [Philipsen 2002: 52]. Research on cultural communication is based on the methods and principles of ethnography of communication, which has implemented a program of descriptive and comparative studies of speech in specific cultures [Hymes 1962; Philipsen 1975; Murray 1993]. Advancing the theory of cultural communication, J. Philipsen put forth an axiom according to which each culture has its own specificity, and in support of it cited numerous results of ethnographic studies [Philipsen 1989]. The central tenet of this theory is that effective means that are necessary to create shared meanings and to induce concerted action vary from one social group to another. Works on cultural communication are based on ethnographic descriptions of communicative patterns and explore specific means and their meanings in specific everyday dialogues. Such research goes beyond description of communicative practices in terms of behavioral norms and creates a culturally determined model of an ideal individual, of social relations, and strategies rooted in local practices. Using a comparative approach reveals significant differences among certain cultural elements, which are evident in the following communicative acts⁷⁹:

- indirect speech acts [Katriel 1986];
- advice in an interpersonal context [Goldsmith, Fitch 1997];
- power in interpersonal relationships [Fitch 1998];
- directive speech acts (requests, advice, instructions) [Larina 2009; Guseva 2021b].

Cross-cultural research is based on the use of both emic (looking from within, through the eyes of an insider) and ethic (looking from outside, through the eyes of an outsider) approaches. Cross-

⁷⁹ Let us mention here only those communicative acts that are directly related to the topic of our study, namely, directives.

cultural analysis of different cultures shows the relativity of norms, values, rules, and social roles in different societies. The greatest difficulties in cross-cultural analysis arise when one has to admit that cultural convictions of the researcher may be in conflict with the results of observation and analysis of the so-called “foreign” group. This can happen when the languages of the observer and the observed differ greatly [O’Sullivan et al. 1994: 68].

The correlation between culture and communication processes, as well as their interrelation in theories of communication varies depending on the approach taken:

- 1) culture can be viewed as part of the communication process;
- 2) communication can be viewed as creating culture;
- 3) theories that originated in one culture can be generalized to other cultures;
- 4) theories can be generated to explain communication between people from different cultures;
- 5) theories can be designed to explain how communication varies from culture to culture [Gudykunst, Mody 2002: 25].

Throughout its existence, the term “culture” has undergone a significant evolution. One of the first definitions of culture belongs to Edward Tylor (1832-1917), an English ethnologist, culturologist, and a student of religious rites: “Culture or Civilization, taken in its wide ethnographic sense, is that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society” [Tylor 2016: 12]. Later, in his book *Culture: A critical review of concepts and definitions*, Alfred Kroeber collected over 160 different definitions of culture among which he distinguished the following definitions: descriptive, historical, normative, psychological, structural, and genetic [Kroeber, Kluckhohn 1952: 41-82]. One of the normative ones is in fact a behavioral definition of culture: “An integral or holistic concept of culture comprises the acquired or cultivated behavior, feeling, and thought of individuals within a society as well as the patterns or forms of intellectual, social, and artistic ideals which human societies have professed historically” [Bidney 1946: 535]. In this dissertation, speech behavior is treated as a mode of behavior. Speech behavior is realized in specific types or strategies, depending on the topic, setting, purpose of communication, role relations of communicators, their social status and attitude [Zhrebilo 2010: 308]. In later scholarship, the definitions of culture continued being refined. For instance, R. Keesing (1935-1993), an American linguist and anthropologist, points out the individualistic nature of culture in one of his articles on the theory of culture: “We can recognize that not every individual shares precisely the same theory of the cultural code, that not every individual knows all the sectors of the culture ... even though no one native actor [or actress] knows all the culture, and each has a variant version of the code. Culture in this view is ordered not simply as a collection of symbols fitted together by the analyst but as a system of knowledge, shaped and constrained by the way the human brain acquires, organizes, and processes information and creates “internal models of reality” [Keesing 1974: 89].

Some linguists have stipulated that in order to study different communicative models it is necessary to create a uniform model of communication allowing to describe the models of communication in different cultures from a culture-free point of view and, as a consequence, facilitating the comparison of these models [Wierzbicka 1999a: 114]. One of the steps taken in this direction are the cross-cultural studies of communication aimed at uncovering the cognitive regularities of communication: "... there is one element lacking in the cross-cultural field, and that is the existence of adequate models to enable us to gain more insight into the processes going on inside people while they are thinking or communicating. We need to know more about how people think in different cultures, as well as how they organize and explain ideas" [Hall 1983: 91]. Within this framework, A. Wierzbicka put forth her own model: culturally contingent scenarios [see Wierzbicka 1985], constituting a "cultural grammar" of a language community, elements of which are manifested in the formulas of everyday communication, in popular phrases, in the form of proverbs and sayings [Wierzbicka 1999a: 130].

Culture is seen as a variable in communication theory. A typology of cultures can be designed on the basis of various parameters. One of the most famous and popular typologies is due to Geert Hofstede, a Dutch sociologist who proposed a number of parameters (dimensions) showing their universality across a variety of cultures. This model was first proposed in 1980 and contained 4 variables. One more variable was added later [Hofstede 1980; Hofstede 2001]. Comparing cultures presupposes comparable material. A culture cannot be so unique as not to have a single parallel with another culture [Hofstede 2001: 24]. The distinction between the unique and the comparable, the specific and the universal was first proposed in the late 19th century by Wilhelm Windelband (1848-1915), a German philosopher, who distinguished between nomothetic (dealing with regularities) and idiographic (studying singular phenomena in their uniqueness) methods. In their subsequent evolution, social sciences operated with these two methods. The problem of choice between them has been called "Malinowski's dilemma" [Goldschmidt 1966; Lammers 1976: 28; Berry 1969: 120], after Bronislaw Malinowski who introduced the principle of functionalism into anthropology in 1920s. Functionalism emphasizes the purposeful nature of institutions in a society, but these purposes originate in the culture of that society which is unique. Institutions can thus be conceptualized in terms of their own cultures, and functional equivalence between organizations in different societies cannot be proven. According to Malinowski, "cross-cultural comparison of institutions is essentially a false enterprise, for we are comparing incomparables" [Goldschmidt 1966: 8]. A similar point of view concerning the necessity of studying and reflecting on a social system from within and through its constituent parts has been made by representatives of other sciences engaged with studying the life and activity of individual ethnic groups (see, for example, works on ethnomethodology [Garfinkel 1984]). Nevertheless, most researchers have recognized the importance of finding a balance between conceptualizing culture from

within a society and evaluating it from an outside perspective [Hofstede 2001: 25]. In various cross-cultural studies from 1960s and 1970s, emic and ethic approaches began to be applied.

Hofstede's research methods were revolutionary for their time and still remain "in many ways unsurpassed methods of ethnometric analysis" [Komarova 2012: 550]. His research was based on study and analysis of differences between national cultures of more than 50 countries which resulted in the identification of the following five variables:

- 1) power distance index, associated with the rigidity of the existing social hierarchy in the society and the degree of its acceptance by the members of this society;
- 2) uncertainty avoidance, related to the level of stress in a society facing an unknown future;
- 3) individualism / collectivism, related to the integration of individuals into primary social groups;
- 4) masculinity / femininity, associated with the division of emotional roles between men and women in society;
- 5) short-term or long-term orientation to the future, related to the choice of focus of the people on either the future or the present [Hofstede 2001: 29].

The results of his 2001 study [Hofstede 2001] can hardly be considered significant at present. Around the same time, a different study was conducted using the same methodology, based on the responses of 250 Russian respondents [Naumov, Puffer 2000]. Their figures differ somewhat from those presented by Hofstede. For the reasons mentioned above, we decided not to rely on indices from twenty years ago, but it is still curious to compare them for Italy and Russia of the late 20th-early 21st century:

Table 1. Parameters of cultural dimensions for Italy and Russia.

	Italy	Russia
power distance index	50	93
uncertainty avoidance index	75	95
individualism index	76	39
masculinity index	70	36

In our study, we will rely on such concepts as power distance and individualism/collectivism, which are relevant to the choice of directive strategies and tactics. While gender differences in speech behavior are quite interesting and important, they seem less relevant to our study.

It is obvious that power distance index will be reflected in the use of politeness formulas, forms of respectful address, emphasizing the socio-hierarchical distance between the communicators. As for directives, as will be shown below, the power distance index is directly manifested in such communicative categories as categoricalness and mitigation. The index of individualism manifests itself in solidarity tactics.

Individualism-collectivism is one of the main dimensions of cultural variation used to explain differences and similarities in cross-cultural communication. Members of individualistic cultures exhibit a greater tendency to have a universal approach to people and to apply the same value standards to everyone. In contrast, members of collectivist cultures value interests related to those of their group and apply different value standards to in-group and out-group members. H. C. Triandis and M. Gelfand [Triandis 1995; Triandis and Gelfand 1998] submit that individualistic and collectivistic cultures can differ depending on whether the relationship between individuals in a culture is vertical or horizontal. In horizontal cultures, individuals tend to see themselves as equal to others. In such cultures, the value of equality is high. In vertical cultures people tend to see themselves as different and equality is not valued highly.

1.2.2. Context in culture and self-identity

E. T. Hall proposed a division of cultures into high-context cultures and low-context cultures [Hall 1976]. In a high-context culture, “the mass of information is vested in the explicit code” [Hall 1976: 79]. By contrast, communication in a low-context culture involves encoding the bulk of information in an explicit form. Low-context and high-context types of communication coexist in all cultures, but one of these forms normally predominates. Members of individualistic cultures show a tendency to low-context communication and prefer to communicate in a direct manner. In contrast, members of collectivist cultures tend to exchange high-context messages and communicate in an indirect manner [Gudykunst, Ting-Toomey 1988]. Members of individualistic cultures who communicate in a low-context manner often believe that communication through indirect messages is ineffective. However, such assertions are not probative: high-context communication can be as effective as the low-context one. Most contextual communication is effective, and its effectiveness is based on the listener’s ability to interpret indirect messages in specific contexts.

Cultural variation is directly related to society members’ perceptions of themselves. An individual’s self-interpretation can be independent or interdependent. Independent self-interpretation manifests itself in organizing and making sense of one’s own behavior based on one’s own ideas, feelings, and actions, rather than on other people’s ideas, feelings, and actions [Markus, Kitayama 1991: 226]. To experience interdependence in self-interpretation means seeing oneself as a part of a social network and recognizing that one’s behavior is determined by and mostly depends on how one perceives the ideas, feelings, and actions of others [Markus, Kitayama 1991: 227]. Some scholars distinguish between three varieties of self: individual, relational, and collective [Kashima et al. 1995]. In the speech of individuals, this difference is manifested in the social categorization of the self and the other, ranging from the choice of allocutionary pronouns to the choice of syntactic forms used to express the

communicative intention. Self-interpretation is related to various aspects of communication. For example, interdependence correlates with concern for feelings of others, while independence of self-interpretation is associated with concern for clarity in the expression in dialogue [Kim et al. 1994]. Independent self-interpretation is correlated with a greater accuracy in communication, while the interdependent one has been associated by some researchers with indirect communication and care about the feelings of other people [Gudykunst et al. 1996]. However, it should be noted that any person has both independent and interdependent self-interpretation, even though usually one of them prevails. Independent self-interpretation is not in opposition to interdependent self-interpretation. Some scholars have noted that interdependent self-interpretations are more often observed in high-context communication [Singelis, Brown 1995].

1.2.3. Binomial of language and culture

An essential and integral part of culture is language, which allows human individuals to form groups, including ethnic ones. “Among all aspects of cultural heritage, anthropologists almost unanimously recognize the most fundamental: tools and speech, because they are necessary preconditions for all the others” [Greenberg 2004: 8]. E. Sapir also considered language a part of culture: “... speech is a purely historical heritage of the collective, a product of long-term social use. It is multiform, like any creative activity, maybe not so much consciously, but still not less than religions, beliefs, customs, arts of different peoples” [Sapir 1993: 29]. Many anthropologists, beginning with F. Boas, spoke about the *binomial* of language and culture. In particular, N. I. Tolstoy believes that “the correlative links between language and culture are multifarious, stable and strong. Language can be considered as an instrument of culture, even as one of its hypostases (especially the literary language, the sacred language or the language of folklore) and, as such, it can be described using properties common to all phenomena of culture. On the other hand, language and culture can be compared as independent, autonomous semiotic systems, in many regards structurally isomorphic and mutually mapped” [Tolstoy 1995: 36].

Speaking of culture, one cannot ignore the social stratification of a society. D. Hymes was the first scholar to point out the necessity of a systematic study of the relationship between language and sociocultural life [Hymes 1962; 1972; 1974a; 1977]. Communicative behavior in speech communities should be investigated in its entirety with the multiple functions of this behavior in the everyday life of a community and with full consideration given to the whole variety of communicative devices in a given community, compared to those available to other communities.

Any society is phatic and based on language contact between its members, realized in dialogues and exchanges of information. The embeddedness of communication in specific situations of daily life,

which are characterized by a certain repetitiveness, is responsible for the fact that most of the everyday dialogues are stereotypical and strongly influenced by our culture. In some ways it is a strict ritual prescribed by the society in which everyone says what others may expect of them [Firth 1957: 184,186].⁸⁰

In real (natural) communication each uttered phrase is only a part of a certain situation which includes three types of context — verbal, situational and cultural [Malinowski 1935: 242-243, 314]. Bearing in mind the practical significance of our research, namely, the search for translation equivalence of directive strategies and tactics, let us note that an adequate translation of a statement into another language consists not in finding its equivalents in another language but in interpreting all the facts that contribute to the formation of the meaning of the statement in this situation (see [Guseva 2016]). An important role in the analysis of possible meanings is played by contextualization, here understood as a technique of establishing the context in which the unit of language is used.

1.2.4. The hypothesis of linguistic relativity and its critique

The assertion that language, thinking, and culture are closely related goes back to Humboldt through Sapir and Boas. F. Boas emphasized that languages represent a classification of experience, that different languages classify experience in different ways [Boas 1966: 26], and that these classifications “are so automatic that they typically lie outside the sphere of conscious awareness” [Lucy 1992: 16]. Boas was mainly interested in the way in which language reflected the speakers’ thoughts or their psychology. Later in his life, he “voiced, somewhat tentatively, the possibility of a shaping role for language in thought and culture” [Lucy 1992: 17].

Subsequently, there were two schools of thought on the relationship between the facts of language and the facts of culture. B. Malinowski, followed by E. Evans-Pritchard [Evans-Pritchard 1956] and J. R. Firth [Firth 1957], viewed the relationship between language and other aspects of culture as “interdependence between different aspects of the same event or social action. Language itself is seen as primarily an activity and its engagement in social context as a necessary part of its description. Its use in communication tends to be seen primarily in terms of the function of controlling or influencing action” [Hymes 1964a: 5]. The unity of language and culture is observed here at the level of either an event or an individual’s social action. Words are an integral part of society. In anthropological studies, this idea was picked up by Claude Lévi-Strauss. He regarded language as a system shared by all members of society and transmitted from one to another. The primary function of language was seen “in terms of the

⁸⁰ “Every social person is a bundle of *personae*, a bundle of parts, each part having its lines. If you do not know your lines, you are no use in the play. It is very good for you and society if you are cast for your parts and remembered your lines. [...] It is true that in everyday life we generally say what the other fellow expects us, one way or the other, to say, but this expectancy is the measure even of our most delightful surprises, and good personal style is highly valued”.

cognitive function of distinguishing or expressing meanings” [Hymes 1964a: 5]. The link between language and other aspects of culture is seen as a unity at the level of thought.

In his research, E. Sapir came to a more radical understanding of the relationship between language and thought. He believed language was a guide to understanding social reality: people do not live in the objective world alone but “are very much at the mercy of the particular language which has become the medium of expression in their society” [Sapir 1949: 162]. The American tradition of ethnography of speaking with its characteristic relativism originated in the field studies of F. Boas, A. Kroeber, E. Sapir, B. Whorf, L. Bloomfield, and others. Among other topics developed by American linguistic anthropology, the origin and interpretation of the social meaning of language categories is of paramount importance. F. Boas clearly demonstrated the power of language in organizing human experience. Based on W. Humboldt’s arguments, he argued that the relationship between language and thinking is unidirectional: from thinking to language and never in the opposite direction [Matera 2007: 22]. Language categories do not determine thinking but partially reflect it⁸¹ [Boas 1938: 142]. In his book *General Anthropology*, 1938, in the chapter on language, he demonstrated how the grammatical categories of language impose an obligatory choice on the speaker [Boas 1938: 124-145]. Boas always remained faithful to the principle of mental unity of all humans and actively defended the idea that linguistic differences do not imply a difference in the cognitive abilities of people but only reveal differences between cultures. The doctrine of *Volkgeist* and of language as a continuous creative process put forth by J. G. Herder and W. Humboldt was reworked by Boas to apply to specific ethnic contexts, leading to the Sapir-Whorf hypothesis in the 1950s.

B. Whorf developed the ideas of his teacher and colleague and came to the conclusion that the “these automatic, involuntary patterns of language are not the same for all men but are specific for each language and constitute the formalized side of the language, or its “grammar” – a term that includes much more than the grammar we learned in the textbooks of our school days” [Whorf 1956: 221]. He goes on formulating “the “linguistic relativity principle”, which means, in informal terms, that users of markedly different grammars are pointed by their grammars toward different types of observations and different evaluations of externally similar acts of observation, and hence are not equivalent as observers but must arrive at somewhat different views of the world” [Whorf 1956: 221]. Whorf does not stop there and goes on asserting that “the forms of a person’s thoughts are controlled by inexorable laws of pattern of which he is unconscious. These patterns are the unperceived intricate systematizations of his own language — shown readily enough by a candid comparison and contrast with other languages, especially those of a different linguistic family” [Whorf 1956: 252.] Whorf’s statements aroused wide interest among researchers in various fields, but they have not yielded any meaningful results. Despite the

⁸¹ “We should rather say that language is a reflection of the state of culture and follows in its development the demands of culture. In another way, however, language exerts an influence upon culture”.

considerable amount of empirical material on the subject, most of it failed to confirm the hypothesis of linguistic relativity. Common defects in comparative studies include working within a single language, focusing on the categories of one language or culture, dealing with a relatively marginal aspects of language without providing facts about the mechanisms of individual cognition [Lucy 1996: 37].

With the development of cognitive linguistics in the second half of the twentieth century, Whorf's hypothesis was almost completely rejected. For the cognitive sciences, reason is an innate ability that is universal in nature. Thinking is "embedded" in an internal language, structurally the same for all people and unrelated to the facts of linguistic diversity [Fodor 1983]. P. Wason and P. N. Johnson-Laird argued that "there is no evidence for the strong version of the hypothesis — that language imposes upon its speakers a particular way of thinking about the world" [Wason, Johnson-Laird 1977: 411]. However, attempts to refute Whorf's hypothesis empirically have been unsuccessful. On the one hand, a fair amount of research in psycholinguistics has shown that some lexical units, especially names of colors, can be universal [Berlin and Kay 1969; Heider 1972; Kay and McDaniel 1978; Lucy and Shweder 1979; Newman 1954]. However, critics of this approach note the inadequacy of the chosen methodology. John Lucy, a supporter of cognitive relativism, pointed out the fact that most studies of this type are based on the realities of Western societies and compared the basic color names from several "exotic" languages with the corresponding names in Western languages, mainly in English [Lucy 1996: 47]. Such an approach inevitably leads to the conclusion that color names belong to linguistic universals. However, this method is based on the erroneous assumption that lexical and conceptual competences consist only of labeling and denotation [Lucy 1997]. Subsequently, the authors of universalist tradition in color naming themselves expressed support for the idea of perceptual and conceptual universalism: the latter does not contradict the soft version of the linguistic relativity hypothesis, according to which variation in color names affects the process of conceptualization, which, in principle, is now recognized by proponents of universalism [Kay, Regier 2007]. At the beginning of the 21st century, interlinguistics shifted from methodological criticism of universalism to experimental confirmation of it [Lalumera 2016: 74]. For example, studies on right- and left-hemisphere color perception have shown that the cognitive relativism hypothesis is "half true": language affects our perception and categorization of color only when we see it from our right side [Gilbert et al. 2006: 493]. Therefore, the organization of our brain increases the complexity of the question, bringing it one level up and thus contributing to the development of a mixed universalism-relativism hypothesis.

1.2.5. Linguistic relativism and universalism

Another problematic aspect of the research aimed at debunking the hypothesis of linguistic relativity is the fact that the object of study in most of these works has shifted from grammatical material

— which was central to Whorf’s original conception —, to lexical units. This shift initiated a continued misjudgment of Whorf’s claim. G. E. Ferro-Luzzi noted that “only a tiny minority of figurative expressions create problems for cross-cultural understanding and in only about 2% of the verses rhyme or double meaning seems to inspire what is said” [Ferro-Luzzi 1992: 391]. She went on arguing that at least a weak version of linguistic relativism should be rehabilitated. Whorf was not stressing “exotic” differences in vocabulary at all but rather how different languages convey a certain worldview through different grammatical forms [Keesing 1994]. Linguistic relativism and universalism seem to reveal irreconcilable differences, and yet they can be “*entirely compatible*, as long as one subscribes to the distinction between atomic and molecular levels of semantic representation” [Gumperz and Levinson 1996: 25]. At the first level there are conceptual “atoms” that are identical in different languages (e.g., *man*, *adult*, etc.). They derive from the universal language of thinking. The “molecular” level represents special linguistic combinations of universal atomic primitives, which can have a specific conceptual influence on a native speaker.

It is thus not cross-cultural linguistic differences but the influence of language on cognitive abilities that are at the center of the dispute between linguistic relativism and universalism. In contrast to linguists of Boasian tradition, some researchers belonging to such fields as ethnography of communication [Gumperz 1982; Gumperz and Hymes 1972; Hymes 1974b], sociolinguistics [Bernstein 1971; Labov 1975] and anthropology [Hall 1976] have not considered cognitive activity as their central subject but have investigated the relationship between language and culture, dealing with the functional properties of language use, that is, the verbal ways that different social groups use to achieve particular communicative goals.

1.2.6. Ethnography of communication

The field concerned with the study of the use of language codes for socially contingent purposes in culturally determined situations is known as ethnography of speaking or, more recently, ethnography of communication. Ethnography of speaking originated within the framework of linguistic anthropology and was further developed in the 1960s in the works of D. Hymes, who defined linguistic anthropology as the study of language in an anthropological context [Hymes 1964a]. The adherents of this view believe that any distinctive culture has its own distinctive linguistic code which implies distinctive psychology, sociology, and rhetoric [Philipsen 1992: 130]. Competent native speakers should be able not only to produce statements corresponding to certain purposes but also to use pragmatically correct language in specific social and cultural contexts [Hymes 1971].

In ethnography of speaking, context is understood not as a “frame” for the utterance within which meanings are generated, nor as something unchanging and immovable lying “outside” the process of

speaking [Duranti and Goodwin 1992: 7] and producing a decisive influence on communicative practices. Speaking by itself is an important resource through which context is formed [Bauman 1992]. Often the use of different styles, sub-styles or forms of speech (for example, *code-switching*) creates new contexts, which results in a simultaneous reorientation of the communicators' speech behavior both in terms of production and in terms of interpretation.

The ethnography of speaking is based on the following theoretical premises:

- 1) meaning is constructed in society;
- 2) language is the basic medium by which people can interact with each other and create reality around them;
- 3) speech interaction reflects an existential modality, and so by studying the former, one can learn more about the latter [Matera 2007: 14].

In general, the idea that communicative activity is related to the sociocultural organization of society has gained traction in linguistic research and has long dominated sociolinguistics. The variability of speech or, more generally, communicative behavior reflects the system of social relations and develops according to cultural models. We can say that the socio-cultural structure of the community is expressed and codified in communicative interaction [Matera 2007: 23]. The idiosyncratic experience of the linguistic community is inevitably reflected in syntactic structures and lexical units [Lim 2002: 73].

Single sociolinguistic and anthropological studies can also be viewed as ethnographic: the semantics of power and solidarity in the Indo-European pronominal system [Brown & Gilman 1960]; systemic cultural and gender speech differences [Keenan 1974; Sherzer 1987]; nuances of indirect requests [Ervin-Tripp 1976].

In his study of children's speech, B. Bernstein [Bernstein 1971] found that belonging to a certain social group in the same linguistic community predetermines a particular use of language. A fully developed language code implies the use of precise and complex grammatical constructions. It is context-independent, the speaker's intentions are explicit, extended sentences are used, and the interpretation of an utterance does not require an analysis of the speaker's background knowledge and presuppositions. A limited language code, on the contrary, results in short, grammatically simple and often incomplete sentences with a poor syntactic structure. It is highly context-dependent and requires communicators to share common prior experience. The speaker's intentions are implicit and simple, and the speech relies a great deal on extra-linguistic channels. Based on Bernstein's observations, E. Hall [Hall 1976] developed the context theory which argues that code, context, and meaning are interrelated, that is, understanding context is one of the key points in interpreting the message. Nevertheless, the role of context in communication can vary: as noted above, a communication or a single message is considered high-context as long as most of the information is either contained in the material context or

is interiorized by the person, while a limited part of the message is transmitted in a codified, explicit form. In low-context communication, on the contrary, the bulk of the message is explicitly codified [Hall 1976: 79]. Hall's low- and high-context communication corresponds to Bernstein's "restricted and elaborated codes" [Bernstein 2003: 58]. Hall applies his context theory towards explaining cultural differences in language use. He argues that East Asian cultures exhibit a propensity for high-context communication, while Western cultures are more prone to low-context communication.

Most cross-cultural studies follow the principle of functional rather than linguistic relativism. Functional relativism argues that grammatical system of a language is closely related to the social and personal needs of the people it serves [Halliday 1973; 1978]. Language forms do not only reflect people's social status and related circumstances but also convey their perception of the organization of the society and their own position in that society. In other words, language forms codify the social worldview. Languages differ from each other because their cultures differ in environments, values, beliefs, and attitudes. This approach seems to reverse the direction of causality of Whorf's hypothesis. While proponents of functional relativism assume that language constructs are the product of necessity, they still believe that once language constructs have become part of the language system, they begin to influence the thought patterns of the users [Lim 2002: 76].

1.3. Conclusions

The study of communication processes and information exchange inevitably engages with a wide range of human activity: from speech itself to cognitive activity, from material-productive to social-educational activity. Communication, understood as speech communication with the purpose of information exchange, ensuring the normal life of a society and satisfying the psychological need of an individual to be in contact with other people, is an interactive human activity the basis of which is a dialogue, viz. a constant exchange of speech actions between communicators. According to M. M. Bakhtin, dialogue permeates human speech and all relations and manifestations of human life. Two voices are the minimum for life and being. In dialogue there is a constant production of meaning and sense, and human consciousness is revealed through linguistic means. Among the essential characteristics of dialogue is not only the joint generation of sense but also the joint interpretation of meaning and sense, perceived as the result of communication process. The study of dialogic interaction is not limited to observation of individual facts of language use: it is carried out in a broad socio-psychological context.

Modern models of communication include not only its basic structural elements (communicators, communication channel, message content, etc.) but also the context in which the communication process

develops, as well as a set of coded rules of speech generation. The latter include not only grammatical rules but also patterns of strategic and tactical planning of the speech message.

Most comparative studies of communication strategies and tactics in different languages have been cross-cultural: they have focused on so-called “cultural communication”, i. e. communication taking place in a certain cultural context between people whose cultural identity and self-consciousness was formed in a certain society. Cross-cultural studies constitute one of the significant areas of intercultural communication theory based upon cultural relativism; they have been centered on the understanding of communication as a culturally contingent phenomenon and, therefore, on the methods of ethnography of communication, implementing the program of descriptive-comparative studies of speech in specific cultures.

The correlation between culture and communication processes in our study is based on a holistic concept of culture, which includes the acquired cultivated behavior patterns. The latter comprise speech behavior implemented in specific strategies and tactics depending on the topic, environment, purpose of communication, communicators' roles, their social status, and settings. However, we make a reservation that along with the general ethno-cultural code a person has an individual cultural code because an individual cannot know all areas of culture, and everyone has one version of culture. Therefore, it is advisable to give preference to nomothetic methods of research, dealing with patterns rather than single phenomena.

Cross-linguistic observations, embedded as they are in global cross-cultural studies, are based on the premise that language, thinking, and culture are closely related. Differences in cultures are reflected in linguistic differences but do not imply differences in the cognitive abilities of people who speak different languages. Based on F. Boas' statement about the unidirectional relationship between thinking and language (from thinking to language and never in the opposite direction) and the fact that grammatical categories of language impose an obligation of choice on the speaker, we can conclude that different languages convey a worldview in different grammatical forms. Language of thought remains a universal phenomenon for speakers of any language, but linguistic combinations of universal atomic primitives can have a specific conceptual impact on the native speaker. Most cross-cultural studies today follow the principle of functional rather than linguistic relativism. Functional relativism argues that the specific form of grammatical system in a language is closely related to social and personal needs of the people it serves. Language forms reflect people's social status and related circumstances but also codify the social worldview. Considering the above, in our study we intend to focus on the functional properties of the use of Russian and Italian in directing, i. e. on the verbal ways of achieving specific communication goals.

Chapter Two. Communicative strategies and tactics in a cross-cultural perspective: theoretical framework

2.1. Basic processes of dialogic communication.

The idea of dialogics is not new. Back in the 18th century, Füchsel made the following remark in connection with his discussion of the origin of language: “... *daß jeder Sprecher zugleich einen Anhörer erfordere, und ein einzelner, von keinem andern was wüßte, hätte gar keinen Grund zum Sprechen*”⁸² [Füchsel 1773: 77]. In the nineteenth century a similar idea was expressed by W. von Humboldt: “there is an true dualism in the very essence of language, and the very possibility of speaking is dependent on address and response”⁸³ [Humboldt 1985: 399]. Linguistic ability is “activated only in communication” [Humboldt 1985: 381], and “language cannot be realized individually, it can only be realized in society when an attempt to speak finds an appropriate response” [Humboldt 1985: 400]. Such an idea of language encapsulates the central position of the dialogical theory of language. Human communication is inherently dialogical and expressed not only in production and interpretation of statements, but also in action and reaction. The idea that people are “dialogical” (“social”) persons can serve as an analytical key to all the situations in which we use language [Weigand 2010a: 22].

Dialogic communication is based on coding and decoding information. Decoding is the communicators’ interpretation of each other’s intentions. G. P. Grice distinguishes between two aspects of interpretation, namely, what is said and what is implied, which allows distinguishing between a statement’s semantics and its pragmatics [Grice 1975; Grice 1985]. In the theory of Grice and his followers, the main meaning is the one that the speaker puts into the utterance. In this communicative model, attention is focused on the hearer and his/her recognition of the speaker’s intention. In this approach the speaker formulates his/her utterance considering the addressee’s perception of it, while the addressee’s task is to correctly recognize the speaker’s intention.

2.1.1. Implicatures and inferences in dialogue

Researchers view dialogue as a type of social interaction in which all participants recognize a common goal (see Chapter I of this dissertation) or at least a mutually accepted direction of the exchange in which they are engaged [Grice 1975: 45]. This is the cooperative principle which relies on specific

⁸² “... that every speaker needs a listener, and any person who knows nothing about anyone else would have no reason to speak at all”.

⁸³ Original quote: “Es liegt aber in dem ursprünglichen Wesen der Sprache ein unabänderliches Dualismus, und die Möglichkeit des Sprechens selbst wird durch Anrede und Erwiederung bedingt” [Humboldt 1827: 138].

postulates divided into four categories: quantity, quality, relation, and manner. Adherence to the postulate of quantity imposes an obligation on communicators to provide the quantity of information which is sufficient for their current purposes. The postulates of quality imply that the utterance must be true, free of false information, and free of information for which the speaker has no sufficient basis. The postulate of relation (relevance) requires following the theme of the dialogue. The category of manner differs from the previous three insofar as it refers to how things are said and not what is said. According to this postulate, communicators should express themselves clearly, without incomprehensible expressions [Grice 1975: 45-46]. Grice further adds that there are other postulates as well: aesthetic, social, and moral. These include, for example, the category of politeness. They can also generate unconventional implicatures. The postulates according to which speech interaction happens are treated by Grice as communicative universals: “it is just a well-recognized empirical fact that people DO behave in these ways; they have learned to do so in childhood and not lost the habit of doing so” [Grice 1975: 48].

Implicatures can be communicative (or conversational) if they are logically deduced from the utterance, conventional, if they are comprehended intuitively. Conventional implicatures are inferred from the meaning of words that make up the utterance, while communicative implicatures are generated by more general principles governing communicative behavior.

To work out the conversational implicature, i. e. those meanings which preserve the cooperative principle, the recipient relies on information relevant to a particular dialogue, which includes knowledge of such elements as the referents of the words, context, or background knowledge [Grice 1975: 50, 58]. Conversational implicature is related to the linguistic content of an utterance only indirectly. Its presence depends on the context, and one of the logical properties of a communicative implicature (its cancelability) means that it can be “extinguished” (be cancelled) in other contexts without generating contradiction. Conversational implicatures cause the greatest problem in intercultural communication: they are the reason why the listener’s interpretation does not always correspond to the intention understood as the *implicatum* that the speaker puts into the statement. It happens because cognitive contexts and previous experience of participants may differ greatly, especially in cross-cultural communication, when communicators speak different languages, have different cultural background, and have little in common with one another [see Kecskes 2013 for details].

Grice’s implicatures characterize meaning from the speaker’s point of view. But under the holistic approach, which emphasizes the dialogic nature of communication, dialogue is understood as a sequence of turns by at least two agents. In the interaction model of communication, in which context is understood not as a given, but as something created by communicators in the process of their interaction, two types of information transmitted in an utterance can be distinguished: information consciously transmitted by linguistic means (*information given*) and information received by the recipient as a result

of interpretation, even if this information was not intended to be conveyed (*information given-off*) [Goffman 1959]. The second type of information usually refers to some non-verbal signals and cues that help link the utterance to a specific situation and verify what we are saying. Both types of information can be interpreted by the recipient since both belong to the communicative type. Moreover, either type can have the primary communicative significance: both the speaker and the hearer may use the information unintended for interpretation each to their own advantage [Schiffrin 1994: 398-399]. Therefore, it is necessary to distinguish between “speaker’s implicatures” and “listener’s implicatures”: the former are not necessarily recognized by the listener, and the latter may not coincide with the implicatures of the speaker [Saul 2002]. In this model, the most important role is assigned to interpretation, which becomes the criterion of success and the main goal of communication.

It seems necessary to distinguish between implicature and inference [Horn 2004; Bach 2006]. L. Horn writes: “Speakers implicate, hearers infer. [...] While successful communication commonly relies on implicature, what a speaker implicates is often quite distinct from what her words imply or from a hearer may be expected to take from them” [Horn 2004: 6-7]. K. Bach highlights that one should be wary of mixing up inference and implicature. Implicature refers to that part of information which has not been stated explicitly and expressly by the speaker, while inference is an activity carried out by the receiver of the message and consisting in extracting non-explicit meanings from the utterance: “People sometimes confuse *infer* with *imply*, but the distinction is a useful one. When we say that a speaker or sentence implies something, we mean that information is conveyed or suggested without being stated outright. [...] Inference, on the other hand, is the activity performed by a reader or interpreter in drawing conclusions that are not explicit in what is said” [Bach 2006: 24]. What the speaker has in mind is determined by his/her communicative intention, but the meaning of the statement may depend on the information that the speaker considers mutually salient both for him/her and the listener. This is the pragmatic role of context.

2.1.2. Context and contextualization

In J. Gumperz’s communicative theory, the interpretation of an utterance is understood as a “conversational inference” that determines the perlocutionary effect [Gumperz 1964, 1971, 1972]. Conversational inference is a “situated or contextbound process of interpretation, by means of which participants in an exchange assess others’ intentions, and on which they base their responses” [Gumperz 1982: 153]. Gumperz understood context not just as a set of elements external to the speech, but as that what is constructed and created in the process of interaction through coordinated interpretation of the situation.

In contemporary linguistics and philosophy of language there is no unified concept of context. According to T. van Dijk, the concept of context, fundamental for the study of language, discourse, and cognition, has remained vague and ambiguous [van Dijk 2009: 1]. In Russian tradition, A. F. Losev believed that the only crucial principle of using a sign (a word) is “both linguistic and extra-linguistic context in the broadest sense of the word” [Losev 1995: 122]. Contextual significance of a sign was viewed as axiomatic: “Every sign gets its full value only in the context of other signs, if the context is understood as the broadest principle” [Losev 1995: 123]. The best-known theory of context in the Russian tradition is due to N. N. Amosova [Amosova 1963]. In recent years, context has been studied using a variety of empirical data and the following types of contexts have been distinguished in the contemporary literature: dialogic, communicative, prospective, retrospective, syntactic, and semantic-pragmatic [Sivenkova 2006: 11].

Despite the plurality of approaches to the study of context within different disciplines, it seems possible to single out its fundamental feature: “something provides context to an expression, when the sense and/or meaning of the latter is established on the basis of the former” [Chernoskutov 2005: 220]. In order to better understand the concept of context we can use Husserl’s metaphor of the horizon (*Sinnhorizont*), which shows that the meaning of an event or a thing cannot be understood without due consideration of its horizon.

There are elements in language that are contextual and help “to place” the utterance in a specific real-world situation, namely, deictic elements. They constitute context, understood in a narrow sense. However, there is a rather large number of linguistic structures that can be combined under the umbrella term “subjectivity”⁸⁴. These structures reflect the speaker’s world, his/her preferences, self-interpretation in the community, etc. According to R. O. Jakobson, grammatical and morphological devices by means of which a speaker indicates the degree of truth in his/her utterance belong to the category of *evidentiality*. As an example, Jakobson discusses Bulgarian conjugation that distinguishes between two semantically opposite sets of forms: “direct narration” (based on one’s own past experience) and “indirect narration” (based on the reports of another person, dreams, or guesses) [Jakobson 1984: 46]. The choice of a specific syntactic construction (passive, dependent clause), grammatical category (mood) and lexical units (reciprocal verbs, some verbs of motion) may reflect the speaker’s empathy. The capacity of prosodic means, especially intonation, to express the speaker’s point of view was recognized at the very beginning of contemporary linguistics (e.g., [Voloshinov 1926]). Finally, the grammatical structure of an utterance, beside expressing the speaker’s point of view, may also indicate the recipient’s point of view through the division of the communicated information into given and new, or the topic (*theme*) and the comment (*rhema*). In addition, syntax, along with the

⁸⁴ See *subjectivité dans le langage* in [Benveniste 1966].

lexicon, is an index of general background knowledge [Auer 1996: 14]. In summary, the contextual factors for understanding the linguistic structure of an utterance are not limited to deixis.

The interrelationship between the context and the sign (text) is quite multifaceted and many researchers have tried to describe it. One of the most famous models of speech situation correlated with the context is due to D. Hymes [Hymes 1972]: it is known under the mnemonic *SPEAKING* and comprises eight divisions: 1) *setting and scene*, i. e., place, time and other significant parameters; 2) *participants*, i. e., speaker and listeners, both those to whom the message is addressed and those to whom it is not addressed; 3) intentions, goals and outcomes (*ends*), which may not coincide with each other; 4) *act sequence* which forms a speech event and includes turn-taking and interrupting; 5) tone, manner of speaking, or spirit in a speech act (*key*); 6) channels (*instrumentalities*) used to complete the speech act, including the method of communication (written, oral, singing or non-verbal), language, dialect, or style; 7) norms and rules of social interaction (*norms*) governing the participants' speech actions and reactions; 8) speech genre (*genre*), i.e., the type of speech act or event — joke, anecdote, gossip, conversation.

Contemporary pragmatics postulates the dependence of the meaning of a single word, and with it of the whole utterance, on the context. Pragmatics has been positioned as a study of the situational meaning of an utterance [Leech 1983]. Neo-Gricean theory [Bach 1994; Levinson 2000; Horn 2005] and relevance theory [Sperber, Wilson 1986; Carston 2002, 2005] presume that meaning is generated in context: it is context-bound and indefinable without it. In fact, the idea that a word has no meaning at all out of context goes back to early Middle Ages [Kieczkeš 2014: 7].

For a holistic description of the communication process, however, it is necessary to combine the model describing a speech event from the speaker's point of view (Neo-Gricean theory) with the model in which the receiver's inferences are put front and center (relevance theory). The word "is present in consciousness with all its meanings, hidden and possible, ready to surface on the first occasion" [Vinogradov 1947: 14]. A word in context generates meaning on the basis of one's entire previous experience with this word, including previous contexts of its use. Thus, a word already contains all previous contexts [Kecskes 2008, 2013], while the actual context actualizes the meaning necessary in this particular situation. This meaning is deduced on the basis of the graded *salience* [Giora 1997, 2003] of this language unit for the listener. If the salient meaning does not contradict the actual situational context, the process of interpretation continues. The most salient is "the most probable meaning of all possible meanings of the word" [Kecskes 2014: 15]. The saliency of a word is influenced by its frequency, common recognition, conventionality, and prototypicality/stereotypicality of the information contained in the word. The stronger these attributes, the more salient the information becomes, both for an individual and for a linguistic community [Giora 2003: 15-16]. The saliency of a word may be different for the speaker and the listener. The actual communicative meaning of an utterance results from

intersection of the hearer's context and the speaker's context which contain, as noted above, all previous contexts encoded in lexical units and syntactic constructions. Consequently, this model postulates a dialectical link between the two aspects of context: contexts produce meanings of words, but at the same time words produce actual contexts. Generation of the actual context occurs in the interaction between the speaker and the hearer. In order to communicate successfully, the speaker has to decide which form to choose for his/her own intention, which implicatures are going to be acceptable and which are not. All this is done on the basis of his/her own assumptions about the listener's background knowledge, his/her previous contexts and perceptions of the world. In the meanwhile, the recipient is tasked with decoding the speaker's intentions based on his/her own knowledge: the transfer of intentions is therefore only successful when the speaker's implicatures have coincided with the recipient's intentions.

Context can be understood both in a broad and narrow sense, depending on the extent and scale of the "environment within which a linguistic or literary phenomenon is examined" [Bolotnova 2009: 74]. In the wide variety of context theories five dimensions can be identified which are common to most of them:

- linguistic context that encapsulates previous linguistic experience.
- non-linguistic data gathered from the physical environment (the situation in a physical sense).
- features of the social situation.
- participants' common background knowledge not included in the previous dimensions
- communication channel [Auer 1996: 16].

The linguistic context establishes textual cohesion, in which anaphoric and cataphoric pronominal elements play an important role. Elements of sensual or visual perception accessible to communicators form the context in the narrow sense. This understanding of context was first proposed by B. Malinowski [Malinowski 1926], who believed that speech is part of the flow of elements of verbal and non-verbal interrelated and interdependent activities, and an utterance acquires meaning in a particular "context of situation" [Hatim, Mason 1994: 37]. Malinowski believed that the context necessary for understanding an utterance includes many factors ranging from ritualistic to practical aspects of day-to-day existence. The social situation includes all communicators, their social roles, and social activities in which they are involved. Some linguists have also included the interactive roles and the type of speech event (a doctor's visit, a party with friends, a telephone interview, etc.) within which communicators perceive their assigned roles, e. g. a doctor and a patient during a doctor's visit [Auer 1996: 18]. The communicators' shared knowledge is a rather complex formation. This aspect of context has been studied both in formal pragmatics and in the relevance theory [Sperber, Wilson 1986]. General knowledge overlaps with the dimensions already described. They may include indices (deictic elements) of linguistic context. The social roles of communicators (that may become evident in a particular

situation through their manifestation, e. g. in the communicators' speech behavior) may also be part of shared knowledge. Shared knowledge is stored in the interaction between communicators and may be partially forgotten or transferred on subsequent interactions. Specific knowledge, shared by members of the same profession, subculture, or the immediate social environment, is also part of the shared knowledge. The broadest possible domain of shared knowledge is shared culture. The last dimension of context is the channel or mode of communication through which interaction takes place.

Despite the fact that verbal code is considered the main way of communicating a message, it cannot be considered the only one: "understanding of a text is only partially determined by what is explicitly expressed in it and is mostly based on the communicators' knowledge of the world, on the relationship established between the context and the message, and on all additional meanings that be inferred beyond that what appears in the text"⁸⁵ [Diadori 2000: 70].

"Contextualization" as the main way towards an adequate perception of cultural phenomena was developed by supporters of B. Malinowski's and R. Firth's functionalism of, and, later, by the representatives of the London School of Linguistics; in the interpretation of G. Gumperz, the term *contextualization* refers to the construction of context by participants of interaction through coordinated interpretation of the situation. Context is not a set of material or social facts, but a cognitive scheme or a model consisting of elements most relevant for a particular interaction at a particular time. This means that any context is embedded in the communicators' interaction.

Knowledge of grammar, vocabulary, and conventions of contextualization are all used to establish plausible communication targets. These targets are then either incorporated into individual utterances or reproduced in translation (see [Gumperz 1982: 130-152]). Interpretation consists in actualization of general knowledge schemas that include "contextualization cues" [Gumperz 1982: 131; 157], viz. any linguistic elements that signal the presence of contextual presuppositions of communication. Contextualization cues include the type of language code, certain prosodic phenomena, lexical and syntactic choices, linguistic clichés, and conversational strategies. Unlike single words, which possess a meaning outside of context, the meaning of contextualization cues is implicit, and they participate in the creation of communicative (conversational) implicatures. Their value is based on communicators' tacit awareness of their meaning. "The activity"⁸⁶ type does not determine meaning but simply constrains interpretations by channeling inferences so as to foreground or make relevant certain aspects of background knowledge and to underplay others" [Gumperz 1982: 131].

⁸⁵ Original quote: "la comprensione di un testo, per esempio, dipende solo parzialmente da ciò che viene detto in maniera esplicita, e si basa piuttosto sulla conoscenza del mondo degli interlocutori, sulle relazioni che si possono stabilire fra il contesto e il messaggio stesso, su tutti i significati aggiuntivi che si possono inferire al di là di ciò che appare nel testo di superficie".

⁸⁶ Action is understood here as a basic socially significant unit of interaction.

The listener's understanding of an utterance is thus a result of his/her interpretation of the linguistic structures used by the speaker, as well as his/her interpretation of individual and sociocultural presuppositions. The notion of thematic coherence (or *topical coherence*, see [Sacks 1972]) forms the basis of speech behavior interpretation. In regard to directive utterances, L. A. Birjulin states that in order to be successful, a directive utterance requires a situational conditionality: why and for what purpose the utterance was uttered and how appropriate it is in a certain situation [Biriulin 1992: 13]. In communicative linguistics, the functioning of language units "should be considered within language segments that are sufficient for an unambiguous perception of specific language units, requiring only the knowledge that is directly related to this speech act" [Kolshansky 1980: 38-39]. Based on this view, and also to ensure unambiguous interpretation of the linguistic phenomena examined in this dissertation, we have used minimal dialogic entities that allow observing the interdependence of linguistic means and the situational context. Whenever an example contains only one utterance, the listener either remained silent or made the stipulated action. In other words, we recorded only the linguistic context, even though the extra-linguistic situation was sometimes described in order to better understand the lexical or syntactic context. The prosodic features of the utterances were indicated only in selected cases.

The contemporary Russian context theory rests on cognitive-communicative foundations. Speech activity proceeds simultaneously in the objective world, i. e. in a certain temporal and spatial continuum, and in the subjective world that a person constructs in his/her mind: "any situation can be variously described: the fact that there are different ways of encoding and representating the same situation means that its conceptualization can be carried out in accordance with different visions of this situation: it is not simply reflected by a person, it is 'constructed' in a certain way". [Kubryakova 2012: 196]. The interdependence of situation and strategy is also manifest in the fact that regular and consistent use of specific interactive and linguistic oral or written strategies may form a speaker's distinctive style of discourse (manner of speech) in communication. This process inevitably takes place in context as a phenomenon of cognitive-communicative nature. In speech activity, as is well known, the cognitive and communicative components are closely intertwined, since human beings are engaged in cognition and communication at the same time.

N. N. Boldyrev notes that cognitive context is a bound structure of knowledge "in which certain elements or events and their interpretation or evaluation have been programmed by our experience of understanding the world" [Boldyrev 2006: 17]. Context forms the basis for working with meaning, as it outlines a certain area necessary for understanding. T. van Dijk states that "contexts are not some (part of a) social situations, but a subjective mental model of such a situation" [van Dijk 2009: 7: 7]. These models both contain collective, viz. shared by members of the community, and individual knowledge, which form complex interrelations in the communication process: "Contexts are subjective, they represent personal experiences, namely, the experience of the current communicative episode, and they

also feature instantiations of sociocultural knowledge we share about social and communicative situations and their participants” [van Dijk 2009: 6-7].

Context in its communicative aspect can be viewed as “a set of behaviors accepted in a certain culture and, as a rule, having a non-verbal basis” [Dubrovskaya 2011: 20]. In his “cultural grammar” [Hall 1959], E. Hall distinguishes between the following communicative styles based on five different types of spatial relations between people: close, casual, advisory, formal, and ice-cold. Later on, other styles (balanced, aloof, patronizing, laconic, verbose, etc.) were added on the basis of non-verbal styles of behavior [Kulikova 2009: 111-119].

2.2. Cultural factor in dialogue style

2.2.1. Concept of ethnicity. Parameters of the national style of communication

A national style of communicative behavior can be identified on the basis of the analysis of socially and communicatively significant variation in the behavior of speakers of a particular language in intercultural aspect [Larina 2009: 26]. Such communicative ethnostyle covers not only linguistic norms, but also the real language use in the widest contexts which may differ from the norm. It includes the entire range of verbal and non-verbal communicative means, suitable and appropriate for specific communicative tasks and for the best expression of one’s intention. Ethnostylistics is related to ethnopragmatics in the same way as stylistics, in its broad sense, is related to pragmatics: “Pragmatics deals with special, specific questions which syntactics and semantics do not deal with, and these questions are the same as in traditional stylistics and in even more ancient rhetorics: the choice of linguistic means from the available repertoire for the best expression of one’s thought or one’s feeling, for the most precise expression, or the most beautiful, or the most appropriate circumstance, or finally for the most successful lie; for the best effect on the hearer or reader — to convince him, or to agitate and move him, or to make him laugh, or to mislead him, etc., etc., etc.” [Stepanov 1981: 325-326]. Communicative style in its linguistic (i. e. verbal) aspect correlates not so much with the language itself, as with the person speaking this language [Levitsky 2006: 8], since “style is a phenomenon of the subjective, rather than objective world, of the second, human nature and in this capacity style refers to the world of culture, i. e. the world of things in the broad sense, created by man” [Brandes 2004: 17].

W. Gudykunst and S. Ting-Toomey [1988: 99-116] identified four national communication styles based on binary oppositions and reflecting the emotional, moral, and aesthetic norms of a particular culture:

- *direct / indirect*: the predominance of direct or indirect expression of intent in speech.

- *elaborate / succinct*: quantitative features of speech, its expressiveness, level of redundancy, or frequent use of pauses with a certain semantic load. It is possible to distinguish an intermediate style, namely, *exacting*, which is characteristic of many European nations.
- *personal / contextual*: focus either on the person, the individual, regardless of their social status, or on the role relations between the communicators.
- *instrumental / affective*: focus either on the speaker and on the communication target or on the communication itself when the target of communication is not the primary goal.

According to T. V. Larina, even though this breakdown of national communicative styles gives at most a general scheme of possible stylistic differences, it can still be used to identify style-forming features, such as text length, the way of expressing one's communicative intentions (direct/indirect), subject-object orientation, degree of emotionality, expressiveness, degree of information, target setting (information transfer or maintaining relationships), degree of formality in communication, etc. [Larina 2009: 32].

For the study of ethno-cultural specificity of speech behavior, the socio-cultural factors that determine it are of paramount importance. In verbal communication the pragmatic aspect of verbal communication most likely lies not in the domain of linguistic signs and their relationship but in the sphere of the relationship between communication participants [Kolshansky 2007: 128]. Since there are two aspects in communication, linguistic and behavioral, an ethno-cultural style of communication can be defined as “a historically evolved, culturally predetermined, and fixed by the tradition type of communicative behavior of the people, manifested in the choice of and preference for certain means of communication (verbal and non-verbal) used for interpersonal interaction” [Larina 2013: 196]. A communicative ethnostyle is results from a regular use of certain communicative strategies and their inherent linguistic and non-linguistic (proxemic, kinesic, tactile) means. T. V. Larina [Larina 2009: 34-35] has identified the following quantitative and qualitative parameters underlying the description of ethnostyle:

- 1) socio-cultural (distance/contact; status-oriented/person-oriented; symmetrical/asymmetrical relationships, etc.).
- 2) axiological (priority values of a given culture that influence communication: personal autonomy or intimacy; respect for status or equality; truth, sincerity, or saving face; young or old age).
- 3) sociolinguistic (subject-object orientation of communicators; degree of acceptability of direct communicative manipulation; directness/indirectness; degree of formality/informality in communication).
- 4) psycholinguistic (emotional restraint/emotional openness, direction and functional significance of emotions, degree of speech expressiveness).

- 5) linguistic (availability, choice, and preference of certain linguistic means; syntactic features of statements; the degree of ritualization of statements, etc.), including quantitative features (length of a statement, number of turns used in various situations of communication, conciseness/redundancy, etc.).
- 6) paraverbal (pace of speech, volume, tonality, acceptability and length of pauses, acceptability and role of silence, etc.).
- 7) nonverbal (proxemics: use of space in communication, the required amount of personal space; kinesics: specific gestures and the frequency of their use, facial expressions, postures, body motion; haptics: the permissibility of touch and tactile gestures).

I. A. Sternin views communicative behavior as “a set of norms and traditions of communication in a national, social, age, gender, professional, etc. community, as well as of an individual” [Sternin 2015: 3]. Speech behavior is devoid of a deliberate motivation: it is an automatic, stereotypical manifestation that originates in “a recurring connection of a particular speech behavior with a typical, often repeated communication situation” [Formanovskaya 2005: 39]. The description of communicative behavior of a nation is based on a set of factors and parameters reflecting verbal and non-verbal communicative behavior and social symbolism and is governed by the principles of consistency and contrastivity with a distinction drawn between social norms and social practices. A significant number of communicative features in different cultures overlap (especially if they are historically and geographically close), but an even greater number of these features displays certain national differences beside some similarity [Sternin 2015: 9]. A description of communicative behavior of a particular nation can only be compiled on the basis of a systematic consideration of its individual manifestations in comparison with all possible ways of expressing a certain meaning in the culture under comparison and includes both “lacunas” and “positive” material.

2.2.2. Linguocultural frames, scenarios, and scripts

A national style of communication, defined as a set of norms of speech behavior, accepted in a society and characteristic of a single linguistic individual, can be described in the form of general patterns regulating the functions and systemic relationships between individual communicative elements. “It is necessary to describe styles from two sides: from the side of language and from the side of a person’s actions in a certain social situation”. [Stepanov 1975: 202]. Y. S. Stepanov speaks of a “typical” social situation in which communicators use a certain “type of speech” the selection of linguistic means for which is based on general principles of selection that lie outside language. Such typical situations are studied as general communicative scenarios or scripts.

“Cultural scripts are commonly known and usually uncontested opinions about what is good and what is bad and what can and cannot be, opinions that are reflected in language and therefore represent some objective facts available for scientific scrutiny. [...] they constitute a kind of “naïve axiology” imprinted in language. And just as in any field the naïve worldview imprinted in one language may differ from the view imprinted in another, the “naïve axiology” imprinted in one language may differ from the axiology imprinted in other languages” [Wierzbicka 2005: 467]. The conceptual and methodological paradigms of linguocultural studies, pragmalinguistics, and a number of other scientific disciplines operate with such terms as “cognitive scenarios” [Petrov 1990; Schank, Abelson 1977]; “situational frames” which constitute the lives of individuals and organizations [Hall 1976], “situational patterns” which incorporate previous experiences and texts connected with the same or a similar situation into episodic memory [van Dijk, Kintsch 1983: 165]; “conceptual frames” which organize the behavior of individuals in a certain way and allow for a correct interpretation of other people’s behavior [van Dijk 1989]; “frame structures”, defined as sets of “obligatory”, “predictable” vectors of associations evoked by a typical situation (clichés are facets of a frame structure [Krasnykh 2003]). All these terms are correlated with each other and describe ethno-cultural conventions or conventional knowledge [van Dijk 1989], which ensures communication in specific situations. The elements of conventional knowledge are concepts, categories, rules, and strategies.

Script is understood as a dynamic model containing “a standard sequence of events; at the same time, most scripts are learned in childhood as a result of direct experience or observation of other people” [Krasnykh 2003: 234]. Scripts are tied to a specific situation, define a standardized norm of behavior, including speech, and refer to all possible variants of the situation. V. I. Karasik considers a linguocultural script to be a normative prescription, serving as the basis for communicative behavior, embodied in speech formulas [Karasik 2007]. “A script is an algorithmized behavioral cultural norm that forms the *usus* for a given communicative situation in a particular ethnocultural community” [Motorina 2013]. In contemporary linguistics linguocultural scripts are viewed as a set of instructions for linguistic and behavioral codes used in situations the value character of which is clear and typical for a given ethnoculture.

Speakers belonging to a particular linguoculture associate a certain set of lexical and grammatical means with each prototypical situation. These can be key words, colloquial phrases, or conversational routines, all of which A. Wierzbicka views as elements of the cultural script [Wierzbicka 2002]. E. Hall uses the term “situational dialect” to refer to a set of verbal means stereotypically used by a native speaker in specific situational frames [Hall 1976: 132]. Identification and description of communicative scenarios helps understand the more specific (lexical-semantic, grammatical, and pragmatic) norms of a particular linguoculture.

In human consciousness, a certain scheme of communicative behavior, formed not only by generally accepted norms and traditions of a certain society but also by peculiarities of speech habits of an individual is assigned to a typical, often repeated situation of communication (see above as well as [Sternin 2015: 3; Formanovskaya 2005: 39]). “Communication always has a dual character, both private and public. Communication is an *individual* combination of *social* means of expression, and the public aspect of communication is evinced by repeated use of words and other nominative language units, while its individual aspect is seen in the combination of these words within a phrase” [Vereshchagin, Kostomarov 2005: 506].

A script is formed by an individual on the basis of observation of typical situations and his/her own experience of interacting with members of a certain culture. It correlates with the concept of ethnic stereotype [Krasnykh 2003: 234]. Ethno-cultural stereotypes are understood here as generalized ideas about typical characteristic traits of a nation. Communicative behavior of a particular nation can be examined not only as a set of norms and traditions of speech behavior but also as an integral component of behavioral stereotype in general [Baeva 2012: 7]. Ethnocultural stereotypes are divided into autostereotypes (what native speakers and members of a culture think about themselves) and heterostereotypes (their ideas of other people) [Get'manenko 2010: 17-18]. The essential features of a stereotype are:

- 1) A stereotype is a unit of mental and linguistic repertoire in a particular ethnic group; it is implemented in standard situations of communication (activity) of this ethnic group; it is a fixed socio-cultural marker locally associated with this situation.
- 2) A stereotype is a normative socio-cultural unit of verbal communication in a particular ethnic group.
- 3) A stereotype can manifest itself in the form of a verbal cliché or a verbalized/nonverbalized cognitive cliché [Prokhorov 2008: 34-35].

A discussion of It seems appropriate and justified to consider stereotypical judgments about the studied linguoculture by representatives of other cultures.

Ethnospecificity of communicative behavior affects primarily intercultural communication. According to G. Hofstede's metaphor, each person has his/her own “software of the mind”, which includes, among other things, “files” constituting the person's communicative competence [Hofstede et al. 2010]. A more familiar term for this “mental software” is culture (including national culture), which is not an innate attribute of a person, but an acquired one. The “software” responsible for communicative competence is enabled whenever we are in our own culture; whenever we communicate with people from other cultures, this software must be reformatted in order to become suitable for communication within other cultures. This “reformatting” model was proposed by Italian linguists P. Balboni and F. Caon [Balboni, Caon 2015]. Potential communicative problems caused by insufficient or lacking

reformatting of mental software can be analyzed based on a few interrelated parameters which include basic cultural values, non-verbal and verbal codes. According to the authors of the model, among basic cultural values reflected in communicative behavior are concepts that have been studied by ethnolinguistics: time and space perception; social hierarchies and social status; concepts of family, honesty, loyalty, and fair play; metaphors specific to a particular culture; areas of religiosity and sexuality, etc. Specific features of verbal code are determined based on such factors as the sound of the language; the choice of vocabulary and topics for conversations; the grammatical aspects; text structure; the sociolinguistic aspect of speech activity; and the pragmatics of communication strategies. When analyzing nonverbal code, such parameters as kinesics, proxemics, and social symbolism of single objects are taken into consideration [Balboni, Caon 2015].

It should be borne in mind that culture is a dynamic entity that cannot be “fixed” once and for all in a scientific description, and no empirical description can claim to be complete and definitive.

2.2.3. Cultural values of Italian communicative behavior

Regarding Italy, the concepts of “culture,” “values,” and “communicative behavior” should be examined bearing in mind the cultural and linguistic diversity of Italy: there are differences between the North and the South, between the continent and the islands, between the North-East and the North-West. The question of national and territorial identity is very important for Italians. The first question usually asked when one meets a new person is *Di dove è Lei/sei tu?* (*Where are you from?*). The birth place forever defines the identity of an average Italian. The reason for this is the late formation of the Italian state and, therefore, of the Italian nation. The attachment to one’s place of origin is reflected by such Italian words as *localismo* (the tendency to resolve political and social problems exclusively in local interests, without regard to national or regional situation), *municipalismo* (the tendency to consider political, economic, and social problems within the same municipality, without regard to national or regional problems), *campanilismo* (an exaggerated and petty attachment to the traditions and customs of one’s own place). Two important factors in Italian national unification are common territory and shared history, which is often interpreted as cultural history [Goncharova 2018: 73]. The problematic national self-identification of Italians is reflected in the famous aphorism “*Fatta l’Italia bisogna fare gli italiani*” or its variants “*S’è fatta l’Italia, ma non si fanno gl’Italiani*”, “*Fatta l’Italia, facciamo gli italiani*”, which can be translated into English as “*We created Italy, now we have to create Italians*” (see [Gigante 2011] for the authorship and history of the aphorism).

Family plays an enormous role in the life of Italians. The central role of the family and protection of its interests is sometimes blown out of proportion, leading to such neologisms as *familismo amorale* (amoral familism), the contested term introduced by American political scientist E. Banfield to

emphasize the predominance of nuclear family over citizenry and to explain the causes of social and economic backwardness of some societies; *parentopoli* (the system of exchange of favors between family members, similar to the phenomenon of corruption), *nepotismo* (nepotism, viz., favors granted to relatives and friends in various fields regardless of their professional qualities).

Russians perceive Italians and their national character in all its diversity and easily identify regional differences [Dalla Libera 2017: 24] because Italy is a popular tourist destination, favored by Russians, who return here year after year. In time, Russian tourists begin to better understand the local mentality and understand regional differences. A typical Italian in Russian perception possesses the following communicatively relevant character traits: “sociability, cordiality, hospitality, intellectual curiosity, charm, optimism, straightforwardness in judgments, and the increased emotionality of Italians, which have a direct or an indirect impact on communication, determine its character or nature” [Baeva 2010: 177].

Most students of non-verbal communication agree that natural language is used to convey information, while body language is used to establish and maintain interpersonal relationships [Pease, Pease 2004: 10]. Italian non-verbal communicative behavior is characterized by several dominant features: expressive mimics, timbre, and volume of speech as a consequence of a high level of communicative emotionality. For most Italians the minimal distance that does not violate the distance of psychological comfort is considered an arm’s length, but for Northern Italians this distance increases to one meter [Lobasso et al. 2007: 65-66]. A smile for Italians is a natural attribute of interpersonal communication and does not mean a close relationship or even any kind of acquaintance [Dalla Libera 2017: 49].

Italian communicative behavior can be characterized as highly kinesic with highly developed gestural communication. Most of the verbal messages are duplicated by Italians through appropriate means of non-verbal communication [Baeva 2012: 5]. Analyzing Gogol’s translation of the play by Italian playwright G. Giraud, Y. A. Rylov notes that certain linguistic means, such as interjections, repetition, additional author’s remarks, found in the Russian text and absent in Italian, are designed to compensate for the ethnospecific communicative behavior of Italians, such as rich gestures and facial expressions [Rylov 2002]. Many authors have noted theatricality as distinctive for Italian communicative behavior, as well as the desire to “*fare bella figura*”, a special code of norms and principles of behavior in public [see Baeva 2012, Pavlovskaya 2014; Solly 1999: 17, 22].

Overall, Italian communicative behavior is characterized by a small communicative distance, frequent physical contact, a normative smile, obligatory eye-to-eye contact, and pronounced social symbolism (see [Baeva 2012, Dalla Libera 2017: 29]). Spontaneous facial mimics reflect the internal emotional state of Italians, such as pleasure or dissatisfaction.

In recent years, cultural values and key concepts of Italian culture, contained both in individual lexical units and in speech acts, have been actively studied. They have been examined within the framework of cultural script theory using natural semantic metalanguage [Wierzbicka 1999d; Wierzbicka 2003; Harkins, Wierzbicka 2001; Capone, May 2015; Martinez-Flor, Usò-Juan 2010]. For example, a special study focused on the culturally specific Italian word *sfogarsi*, which causes difficulty when translated into English and refers to a way of releasing emotions that might otherwise cause explosive psychological discomfort [Maher 2006]. B. Maher suggests that this word encapsulates the typical Italian communicative culture value of successful “management” of human emotional health. Another interesting finding was made by G. M. Farese based on his observation of differences in expressing one’s personal opinion between native speakers of English and Italian: while English people tend to “understate”, the Italians follow the model of “exaggeration” [Farese 2020]. Both observations support the hypothesis of high communicative emotionality of Italians.

Italian language is perceived by many foreigners, including Russians, as a very beautiful language (*la lingua bella*), even though the conversational tone is characterized as too high [Dalla Libera 2017: 30]. Loudness and tone, active gesticulation, facial expressions may give the impression that Italians are not only cheerful, but also “too” talkative and emotional people, not very respectful of others.

In Italian verbal communication one observes a higher frequency of addressing the interlocutor by name or even using affectionate names, by contrast with Russian culture. Moreover, professional titles may be used as allocutive device, which is something practically lacking in Russian culture [Baeva 2012: 13; Pavlovskaya 2014]. Italians can easily interrupt their interlocutor, which is unacceptable in other cultures, including Russian [Balboni 2009: 136]. Apologies are also among the commonest sociolinguistic strategies in Italy, where they are not considered to lead to a “loss of face” [Balboni 2009: 136].

In unexpected situations Italians show flexibility and freedom of thinking, which they themselves see as the ability to easily rearrange and modify the strategy of achieving the goal [Dalla Libera 2017: 71]. As informants note, this is manifested primarily in verbal strategies in situations when an addressee indicates misunderstanding of the message. In these cases, the speaker repeats what was just said, clarifying the message with the help of gestures or by reformulating the statement [Dalla Libera 2017: 90].

The relationships of Italians in workplace are subject to a hierarchy formed on the principles of verticality and impenetrability, similarly to many other Western European countries. However, in business, hierarchy serves the interests of a capitalist way of thinking, central to which is the striving for productivity, growth, and expansion of business, not just for profit. This can be observed in small and medium-sized businesses, where the attainment of these goals directly depends on the well-being of

employees, achieved by creating a virtually “family” atmosphere, including at the level of discourse (speaking) (see [Dalla Libera 2017: 76]).

2.2.4. Cultural values of Russian communicative behavior

When describing the ethnospecificity of Russian communicative behavior it is necessary to consider the ethnic and cultural diversity of the people living in the Russian Federation, the population of which includes more than 145 nationalities and about 48 small national communities, each with their unique traditions and different religions. The main difference between Russian and Western European cultures in regard to value priorities is the centrality of interpersonal relations to the value hierarchy in Russian culture, contrasted with the Western culture in which a person with his/her individuality and love for freedom is at the center [Kas’janova 2003: 463]. In Russian communicative behavior phatic communication is particularly salient [Dementiev 2013: 231]. Many researchers note that communication is a preferred Russian pastime, which manifests the characteristic Russian *sobornost’* [Sternin 2002: 11; Shamanova 2002: 62; Prokhorov, Sternin 2002: 95].

Russians are perceived by Italians as people who are cold in communication, serious, reserved, unsmiling, and apt to take umbrage — to offend a Russian is easier than to offend an Italian [Dalla Libera 2017: 40]. Russian coldness in communication is often perceived by foreigners as hidden or deliberate asociality [Dalla Libera 2017: 51]. However, Russians consider themselves sociable people, and one of the main cultural values is their free interaction with strangers [Sternina, Sternin 2003: 77; Larina 2009: 87]. The concepts *дружба* (friendship), *друг* (friend) are used to define exclusively close relations, while for superficial acquaintance, unlike in Italian, there are separate lexemes, such as *знакомый* (acquaintance), *приятель* (buddy), etc. Friendship occupies a special position in the value system of Russian culture. It is a comprehensive, honest, and sincere relationship that allows one to always count on the help and participation of another person. In the workplace the level of formality increases. Corporate ethics, role status, and communicators’ age, adherence to social roles and hierarchy come to play an important role. Upon closer acquaintance, the usual self-containment of the Russians gives way to sincerity and warmth, and even direct questions on quite personal topics become possible. In professional sphere and in workplace, relationships mainly develop horizontally, viz., between individuals occupying the same level in the social hierarchy. It is generally thought that the usual behavioral patterns apply even in non-working moments (sharing a cup of tea, smoking a cigarette together, lunch), which may have allowed for a less official level of communication [Dalla Libera 2017: 46].

In interaction, Russians constantly display such basic values of Russian culture as truthfulness and sincerity — values that are important for people used to living in a closely-knit group. This has been

repeatedly pointed out by researchers of Russian communicative behavior [Arutyunova 1995; Shmelev 2002; Wierzbicka 1992, 1997, 2002; 2003].

Russian non-verbal communication is characterized by a fairly large physical distance between the communicators, exceeding one meter: for a simple handshake it is often necessary to lean forward slightly and then return to the previous position. Reducing this distance can cause psychological discomfort [Dalla Libera 2017: 40]. A smile is considered a manifestation of emotion and is not welcome among strangers or unfamiliar people: Russians “save” their smile for communication with people with whom they are close. Russian facial expressions are rather limited. Russian non-verbal communication also includes a gestural element, namely, movements that Russians routinely use in communication. Their diversity reflects the social stratification and ethnic diversity of Russian society [Dalla Libera 2017: 52].

Status symbols play a large role in Russian culture: a demonstration of wealth is equivalent to a demonstration of authority or power [Dalla Libera 2017: 30]. While old-time behavioral patterns persist outside of the big cities, Western influence on behavioral patterns, on clothing styles, and status symbols is evident in Moscow and St. Petersburg.

In official (workplace) relationships, Russians prefer to use first name with a patronymic or surname as allocutives [Guseva, Eloeva 2019]. The transition from *mbi* (*T*-pronoun) to *Bbi* (*V*-pronoun) is never automatic. Most Russians agree that in most cases even long-standing workplace relationships between colleagues of the same rank continue being based on a respectful attitude, expressed in speech by the form of the 2nd person plural personal pronoun (*V*-pronoun). [Dalla Libera 2017: 46]. In any case, a subordinate cannot switch to *T*-pronoun on his/her own initiative: it is always the choice of the superior in the hierarchy, and such a switch can be unidirectional, when the superior starts addressing the inferior with a *T*-pronoun. In Russian culture, the degree of respect shown is not always directly proportional to the position held. It is necessary to distinguish between “acquired” social status and “assigned” status⁸⁷. In the first case, the respect is based on the value of the work performed by the person and his/her personal qualities, in the second case, the respect is due to the prestige of the position held.

Russian workplace relationships are formed as a hierarchical pyramid, implying subordination of those below to those above. All instructions, permissions, and orders come from the person vested with authority inside this pyramid, and, according to Italian researchers, in the workplace the will of the superior is interpreted by subordinates as an order, not a request [Dalla Libera 2017: 71]. The lack of flexibility of Russians in dealing with work issues and their inability to consider problematic situations

⁸⁷ It. “*acquisito*” and “*attribuito*”

with a certain degree of relativism may be related to the need to avoid uncertainty, explained by the level of stress in society in the face of an unknown future [Hofstede 2010].

According to some Italian observers, when asked whether an order is clear enough, Russians are unlikely to answer in the negative, which is tantamount to admitting their own failure to understand or loss of dignity. For the same reason it is not easy for Russians to admit their own mistakes or publicly apologize [Dalla Libera 2017: 77]. When a misunderstanding arises between communicators, a Russian does not seek to rearticulate the statement, but often repeats it in the same form, i. e. simply duplicates it [Dalla Libera 2017: 90]. Interrupting the interlocutor is considered inadmissible but is in fact very common [Sternina, Sternin 2003: 44]. Interruption by a superior of an inferior in the hierarchy may mean the end of the conversation [Dalla Libera 2017: 90].

In Russian culture, directives are not discussed if they come from someone of higher social status. However, for Russians a directive expressed in the less impositive form (*можно сделать так / you can do so*) corresponds to an order and can be perceived as disrespectful or distrustful [Dalla Libera 2017: 97].

According to Italians, Russians often do not observe the principle of political correctness and use words and expressions which are not free of prejudice [Dalla Libera 2017: 31]. Long pauses and silence in dialogue have a negative meaning for Russians and may influence a person's evaluation [Dalla Libera 2017: 104].

2.3. Directive strategies and tactics

2.3.1. The concept of communicative strategy and tactics

In most cases, different people carry out the same communicative action in different ways. On the one hand, any communicative action needs planning, that is, the choice of strategy to effectively achieve its goal, and the basis for this process is the choice of optimal linguistic means [Issers 2008: 10]. The latter choice is conditioned by cultural values, orientations, beliefs, and expectations inherent in the linguistic community. On the other hand, communication is an automatic process [Kellermann 1992: 288], and a speaker makes most linguistic decisions unconsciously [Issers 2008: 10] on the basis of behavioral stereotypes conditioned by linguocultural scripts. Speakers of different languages (and different variants of one language), following the conventions of communication accepted in their language communities, “can communicate differently in similar communicative situations, implementing the discursive style peculiar to their culture” [Grishaeva, Tsurikova 2007: 305]. The choice of certain means to achieve a certain goal in a certain situation is considered in discourse as the implementation of a certain strategy.

According to E. Goffman [Goffman 1967], strategic interaction between people is determined by ritual organization of social life in general. The “ritualization” of thinking and speech behavior is based on the economy principle. G. P. Grice’s postulate of quantity includes the principle of economy: “Do not make your contribution more informative than is required” [Grice 1975: 45]. For the speaker, the economy principle is realized in minimization of speech efforts and implicitness, while for the listener it is the economy of thinking efforts made to understand speech, and for him/her the explicitness of the perceived speech is important.

In contemporary linguistics, the concepts of speech and communication strategy are very often understood as synonyms and denote the most general planning processes in interpersonal communication. According to the definition given by T. A. van Dijk, strategy as a general concept provides means to control interaction in a communication situation [van Dijk, Kinch 1988: 160]. Strategies can be subdivided into strategies of speech and /or text production and strategies of its understanding. It seems possible to apply what was said above about the strategic process in relation to comprehension strategies to the strategies of production examined in the present study. T. A. van Dijk and W. Kintsch do not see a complete analogy between a strategy and an algorithm, since an algorithm offers a greater guarantee of success in achieving a goal. Strategies are more like “effective working hypotheses about the correct structure and meaning of a text fragment” [van Dijk, Kinch 1988: 1604].

Cognitive strategy, a special case of strategies involved in the communication process, is a plan of “helping” the addressee with the procedure of interpretation of the information communicated [van Dijk, Kinch 1988], and semantic strategies are defined as a way of inducing the desired semantics through the selection of certain linguistic means [van Dijk 1989; Issers 2008]. Communication strategy is best viewed as a global concept, covering the entire range of human actions that can be taken in order to achieve the set communicative goals. Sometimes communication strategy is understood as the implementation of a set of goals in the communication process. However, in any case, strategy is associated with the selection of linguistic means optimally corresponding to the existing goals [Makarov 2003: 193]. According to T. E. Yanko’s definition, communication strategy consists in the choice of communicative intention (varying from stating a fact to making a request), in the distribution of information quanta, and in the order of the communicative components [Yanko 2001: 38]. O. S. Issers believes that speech strategy is a set of speech actions aimed at achieving the communicative goal; it includes planning of verbal communication [Issers 2008: 54] or a communication plan, which can be creatively implemented in various ways [Issers 2008: 109].

Speech strategies are of particular interest in cross-cultural aspect. Idioethnic strategies of speech production and interpretation are part of the national tradition. Communication strategies and speech strategies combine individual cultural scripts with ready-made patterns that developed in a particular community (tactics of usus). In situational scenarios (scripts, frames), both types of behavioral patterns

are implemented: conventional rules and strategies as well as individual models of human cultural behavior, i. e., special ways of building relationships with oneself and with others. Among other definitions, culture can be thought of as the product of public and private interaction between people, which underlies the processes of production, interpretation, and further transmission of cultural flows, specific concepts, and notions of the world, society, and self [Matera 2007: 76]. In this context, one's own identity, a sense of belonging to a community (or being excluded from it) acquires a crucial cognitive function: self-identification becomes a criterion of differentiation, unification, and classification in opposition to the diversity of the world.

While strategies refer to the global level of communication awareness, individual rhetorical techniques and patterns of speech behavior corresponding to a general strategy are called tactics. The general plan of achieving the communication goal has to do with strategy, while a chain of specific moves the tactics are associated with tactics [Formanovskaya 1998: 72]. Communication tactics relate to individual communicative intentions. Communication strategy is characterized by flexibility and dynamics, as it depends on the context, which is constantly changing in the process of communication, and is subject to adjustment due to the use of various tactics. The ability to participate effectively in communication and to choose the right strategies and tactics constitutes the speaker's strategic competence. Strategic competence, along with other competencies (linguistic, pragmatic, socio-cultural, sociolinguistic, subject, discursive, etc.) constitutes an individual's communicative competence.

Speech-behavioral tactics reflect ethnocultural models of behavior. Speech-behavioral tactics has been defined as "a homogeneous (within the boundaries of a particular speech-behavioral situation) by its intention and implementation line of behavior of the communicator no. 1 that forms part of his/her efforts to achieve a strategic perlocutionary effect" [Vereshchagin, Kostomarov 2005: 525]. Supertasks may be universal, while speech-behavioral tactics are derivative from a national culture [Vereshchagin, Kostomarov 2005: 628]. Strategies are neutral and extra-cultural; they are non-ethnospecific. They determine the intentional aspect of communication and are implemented through the general speech act. For instance, the directive strategy is executed through the directive speech acts. Speech-behavioral tactics differ from strategies by their conventional and ethnospecific nature.

2.3.2. The problem of classifying directive strategies

In terms of their implementation, directive strategies coincide with directive speech acts. The nomination of these strategies raises the problem of taxonomy, which is similar to the problem of classifying the illocutionary functions of statements or speech acts, whose number varies from one author to another.

The first speech act theorists, J. Austin and J. Searle, distinguish three to five classes of model formations based on the nuclear meanings of illocutionary predicates [Austin 1962; Searle 1976; Searle and Vanderveken 1985]. These core meanings are defined as performative. According to J. Austin, imperative mood can be translated into an explicit performative, and depending on how the speaker wishes to formalize his/her will and induce the addressee, for example, to close the door, it will correspond to a specific performative: “Shut it, do” resembles the performative “I order you to shut it”, “Shut it — I should” resembles the performative “I advise you to shut it” or others [Austin 1962: 73]. According to the Searle-Vanderveken classification, directives and commissives are contrasted with assertives and expressives depending on whether the addressee is prompted to engage in a verbal or non-verbal activity.

J. D. Apresyan distinguishes between (a) descriptive meanings and senses of performative predicates underlying the grammatical meaning of the speech act and (b) pragmatic or structural meanings determined by the circumstances of communication and the polarity of the communicators’ roles; in doing so, he maximally expands the range of meanings and offers a more detailed nomenclature of illocutionary acts [Apresyan 1995b].

Table 2. Correspondence of basic taxonomies by different authors

J. Austin	J. Searle	Y. D. Apresyan
Expositives Verdictives	Assertives	Specialized messages and assertions Consents and objections
Commissives	Commissives	Promises
Exercitives Verdictives	Directives	Requests Suggestions and tips Warnings and predictions Demands and orders Prohibitions and permissions
Verdictives Exercitives	Declarations	Confessions Approval and condemnation Forgiveness Specialized acts of alienation Denominations and assignments
Behabitives	Expressives	Speech rituals Confessions Approvals Forgiveness Special acts of alienation

Generative linguistics similarly assumes the presence of performative verbs in the deep structure underlying different modally marked types of sentences [Cawley 1968: 155]. The deep structure of directives is represented by a matrix sentence (MS) basis (a performative verb and an empty slot) and a complement sentence basis (CS) (the object of the matrix sentence is identical with the subject of the constitutive sentence): “*Я приказываю тебе + compl, ты верн_ книгу_*” [Svobodová 1973: 265]. In the transition to the surface structure, the verbs in MS and CS acquire their specific morphological form: “*Верни книгу!*”, “*Я приказываю тебе вернуть книгу!*”, “*Я приказываю тебе, чтобы ты вернул книгу!*”. These variants depend on whether or not the performative verb is dropped” (“is explicitly expressed”).

There is a referentiality problem with directive sentences: their deep structure contains a performative verb, and all performative sentences have a non-standard relationship between the utterance and the reality, since they are autoreferential [Paducheva 2010: 20]. “Usually, only the sentences with a performative verb in the first person of present indicative mood may be used performatively. [...] However, a performative verb not in the first person may actually, too, produce a performative sentence, cf. *Пассажиры просят пройти на посадку в третью секцию* (lit. *Passengers are asked to board in the third section*); *Пассажиры приглашаются в салон* (lit. *Passengers are invited to the cabin*)” [Paducheva 2010: 21]. É. Benveniste points out a pragmatic peculiarity of performative verbs consisting in the fact that the meaning of these verbs essentially includes the component “to speak”; as example, he gives the Latin verb *salutare* (*to salute, to greet*) which can be paraphrased into “*to say Salus!*” [Benveniste 2010: 320]. Other forms are also recognized as possible performatives: *Пассажиры просят пройти на посадку* (lit. *Passengers are asked to go to boarding*) (announcement at the airport), *Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны* (lit. *The train is not going further, this is a request to vacate the carriages*) (announcement in the subway).

The examples above have used only two performative verbs in the matrix sentence, namely, *приказывать* (*to command*) and *просить* (*to ask*), but the specific meaning of the performative verb in the deep structure may be different and depend on the degree of imperativeness of the utterance, conditioned by the specifics of the situation. In order to cause a single action and obtain the desired perlocutionary effect, the speaker may take recourse to entreating, requesting, persuading, giving advice, etc.; therefore, the base of a directive sentence contains performative verbs *to entreat, to request, to persuade, to advise*.

There is a correlation between a particular performative verb in the deep structure and the formal structure of the directive utterance. Here are some examples of this correlation in Russian:

- *to command*: the most common form is the imperative or the infinitive — *Молчи! Молчать!* (*Silence!*).

- *to advise, to recommend*: subjunctive verb or infinitive with the particle *бы* — *Вы бы лечились! Вам бы лечиться!* (*You would do well to take treatment!*).
- *to suggest*: reciprocal verb — *Пошли! Пойдемте!* (*Let's go!*).

However, based only on performatives in deep structure, it is impossible to obtain a precise and unambiguous taxonomy of speech acts since different semantic aspects can coexist in a single verb, only some of which can fit into the class we have identified. E. V. Paducheva gives the example of the verb *угрожать* (*to threaten*), which can be classified as a commissive because it is close in meaning to the verb *обещать* (*to promise*), but at the same time it has a lot in common with verbs of demand: “by threatening, a person wants to force another to do something”; she further notes that “in contemporary semantics classifications play a limited role” [Paducheva 2004: 356]. In her studies of non-imperative directives and non-directive imperatives, A. Aikhenvald expresses the idea of pragmatic versatility of speech act [Aikhenvald 2010: 257].

If the structure of a speech act as envisioned as having four parts (locution, proposition, illocution and perlocution), then the content of the illocutionary act can be verbally expressed, i. e., it will correspond to the performative verb (*Я прошу тебя помириться с ним* (*I am asking you to make up with him*)). Depending on the performative verb in deep structure, a statement can be classified as belonging to one of the speech act types. The downside of these classifications is the exclusion of the speaker's intention from the perlocutionary aspect, since it is not a speech act proper. As has been repeatedly noted by critics of speech act theory, one of its drawbacks is its lack of attention to the processes of real communication and the regularities of dialogic interaction. “The basic universal dialogic principle thus rests on the insight that there is no individual speech act which is, taken on its own, communicatively autonomous. The smallest autonomous unit of communication is the sequence of action and reaction. The initiative action determines what reactions can be expected. These expectations result from the functional structure of the initiative action. The central problem of a dialogic speech act taxonomy is, therefore, to define the initiative acts functionally. As essential criterion for such a definition should be that we could grasp the nature of the individual action types in a way which shows that they are determined by our cognitive possibilities. Thus, at a decisive point the affinity between linguistic action and cognition would become obvious” (Weigand 2010: 22).

J. Leech believes that the issue of illocutionary force may be examined within the paradigm of problem-solving in terms of means-goal. Individual performatives identified on the basis of the classification of illocutionary functions turn out to be specialized and atypical: they have a specific illocutionary force and are abnormally categorical [Leech 1983: 229-230]. J. Leech builds on Grice's model based on the principles of cooperation and offers his own taxonomy, taking into account the abilities of various types of speech acts to maintain social harmony in intersubjective communication. Leech distinguishes between conflictives, convivials, competitives, and collaboratives. The first type

is contrasted with the second and the third, while the fourth remains neutral. The pragmatic category of politeness and irony is considered to be the means of achieving social harmony.

W. Stiles builds his classification upon the dependence of various speech acts on previous life experience and the referential structure used by the speaker and the addressee [Stiles 1981]. In communication process, communicators have to assess and take into account three criteria: 1) the degree of reflection of their life experience by the content of their statements; 2) the expression of their experience either from their own point of view or from the point of view shared with the addressee; 3) whether the focus is on the speaker or on the addressee, which depends on the degree of the speaker's certainty of their own awareness of the addressee's experience and referential structure.

The classifications discussed above identify the most important factors that a speaker must consider as they choose an illocutionary function and, consequently, a particular strategy:

- for what the speech interaction is initiated (Searle-Vanderveken classification);
- how harmony is achieved in communication (Leech's classification);
- how the spheres of the speaker and addressee are considered (Stiles' classification).

Based on the discussion in the Introduction and in the second chapter, we understand directive strategies as a set of planned speech acts, revealing, on the one hand, the will of the speaker and on the other hand, the stimulus for the addressee to act. The umbrella concept of directive strategy includes individual strategies correlated with speech acts with a specific illocutionary function. The naming of the strategies may be based on one or another classification of speech acts, for example: strategy of request, strategy of advice, strategy of demand, strategy of order, etc. However, it does not seem either necessary or too important to propose here an unambiguous classification of directive strategies, since the problem of multiple directive intentions has been repeatedly raised in the linguistic literature [Searle 1979; Butler 1988; Leech 1983; Xrakovskij, Volodin 2002; Xrakovskij et al. 1989; Bogdanov 1990; Formanovskaya 1998] and still remains unsolved. Some researchers have noted the practical impossibility of identifying a formal linguistic criterion on the basis of which one could distinguish, for example, an order from a request [Leech, Thomas 1990: 196]. It has been suggested that in order to divide the directive speech acts into subclasses, one must know the context of the situation [Stupin, Ignatiev 1980: 94]. In cross-linguistic research, such a classification seems even more difficult to achieve [Markkanen 1985: 23].

2.3.3. Tactics of directive strategies as a reflection of an individual's attitudes (dispositions) in speech activity

As noted above, strategy is the most general plan for achieving the communication goal, while tactics is a chain of specific moves leading to the execution of this plan in real-life communication.

Tactics are those elements of strategic planning which reflect the personality of the speaker, based on a whole set of features that distinguish people from each other and ultimately influence the nature of verbal communication. B. V. Bogdanov [Bogdanov 2007: 205] singles out nine of such attributes:

- 1) language competence;
- 2) nationality;
- 3) socio-cultural status;
- 4) biological data (sex, age, health status, etc.);
- 5) psychological type (temperament, pathology);
- 6) current psychological state;
- 7) the degree of the communicators' familiarity with each other;
- 8) tastes, predilections, and habits;
- 9) personal appearance (clothing, manners).

These attributes are unequally important in different communities and are manifested in speech interaction to varying degrees.

Within the communicative hierarchy, which differs from the social one, V. V. Bogdanov distinguishes between four communicative statuses: speaker, addressee, listener, and third parties not participating in the communication but mentioned in it [Bogdanov 2007: 206]. The speaker is the point of reference in verbal communication. Regardless of how his/her social status (requestor or superior) is defined in the process of communication, the speaker is communicatively in a more advantageous position and has communicative priority, because it is (s)he who sets the strategy in communication, and his/her own system of attitudes determines the set of individual tactics. The speaker knows what s/he wants to say and, in the case of a directive utterance, what it is that s/he wants to cause. S/he needs to select the most appropriate strategies and tactics in order to ensure success. The addressee or addressees are in a position to interpret the intent of the perceived utterance based on the interpretive strategies adopted in a particular community. Often the interpretation of the utterance is creative in nature.

Communicative attitudes are cognitive constructs reflecting the speaker's orientation in the communicative process: what is most important for him/her in a particular situational context and what extra-linguistic factors (s)he should consider. The attitudes result from analyzing the context of the communicative situation and comparing it with one's own intentions, to which specific strategies correspond, as well as with the conventions and rules of (non)speech behavior accepted in the community. Thus, communication tactics are determined by a system of attitudes that depend on objective and subjective factors and are subdivided into interpersonal and extrapersonal (see [Bogdanov 2007: 205-208]).

Interpersonal attitudes include the setting on the self (self-interpretation); the setting on the addressee, the most important in communicative terms, because it provides information exchange and

determines the entire range of illocutionary functions and other *modus operandi*; the setting on the listener, who is present during communication and influences the speaker's choice of communication strategies and tactics, for example, the presence of women or children in some cultures imposes restrictions on the use of certain expressions or certain information; the setting on third parties, who are neither the addressee nor the hearer, but are still within the sphere of interest of the speaker or the addressee (see also Lasswell's model of communication [Lasswell 1948]).

Non-personal attitudes include the settings for reality, for the propositional content of the utterance, and for linguistic means. The setting for reality is expressed in reference, i. e., the correlation of linguistic expressions and their components with extra-linguistic objects, situations, events, facts, and states of things in the real world [Paducheva 2010: 7]. Setting for the propositional content belongs to the sphere of illocutionary and modal operators, since the proposition always exists in one or another *modus* which determines the relationship between the world and the content of our thoughts (see also [Searle, Vanderveken 1985: 53]). The settings for linguistic means determine the linguistic inventory used by the speaker to embody their intention and express the propositional content. These settings influence the choice of functional style, the use of literary or dialectal forms, the possibility of using obsolete expressions, and the choice of specific syntactic constructions and vocabulary.

The communicative attitudes described above are valid for all strategies, but following our aims and objectives we will bring them into correlation with directive strategies and tactics in chapter four.

2.4. Conclusions

Every specific communicative turn should thus be considered not only as a process of encoding information and intentions but also as a process of their decoding, because human communication is dialogical and consists both of production and interpretation of statements. The holistic approach in communication studies makes it necessary to distinguish between the speaker's implicatures and the listener's inferences which may not coincide with each other. The speaker's implicature is determined by his/her communicative intention, but the inference depends on the context, part of which is the information which is mutually salient both for the speaker and the listener. A fundamental feature of the context is its ability to establish the meaning and/or significance of the result of any human activity, including speech.

Any language contains elements in its structure which connect the content of the utterance with the context. In addition to deictic elements, these are syntactic constructions, lexical units, and prosodic elements. The grammatical structure of the utterance, in particular, the division into topic and comment (theme and rheme), reflecting the speaker's point of view, has cognitive significance for the recipient who perceives the speaker's worldview and is aware of his/her place in it, which may or may not coincide

with his/her self-identification. The latter can determine the degree of success of communication. Prosodic phenomena, lexical and syntactic choices, linguistic clichés, verbal strategies, and tactics constitute contextualization cues, used for creation of the speaker's communicative implicatures.

During production of directive utterances, the context should provide situational embeddedness of the directive intention: why and for what purpose the utterance is made and how appropriate it is in this situation. Therefore, in communicative linguistics the functioning of linguistic units is examined on the basis of speech segments sufficient for an unambiguous interpretation of specific linguistic units.

Any natural language user has a certain style of communicative behavior, which covers not only the linguistic norm, but also the actual *usus*. Analysis of socially and communicatively significant variation of speech behavior in its cross-cultural aspect allows identifying a national style of communicative behavior. This becomes possible through the identification of individual features responsible for one's communication style, among which we note ways of expressing communicative intentions (direct or indirect), degree of formality in communication, and regular use of some communicative strategies and tactics and their characteristic linguistic and non-linguistic means. The description of a set of verbal means stereotypically used by a native speaker in each situation along with communicative scenarios allows understanding the lexico-semantic, grammatical, and pragmatic laws of a particular linguoculture. However, here we should note that no empirical description of such dynamic entities as language and culture can claim to be complete and fundamental.

Studies of national communicative behavior of the two linguocultures under consideration here have shown that the communicative behavior of Italians is characterized by increased kinesics, high emotionality, flexibility, and freedom of thought, viewed by Italians themselves as an ability to easily readjust and change strategy in order to achieve the goal. In Russian communicative behavior, the phatic component is of particular importance. There are certain differences between behavioral models observed in big cities and in the province: in Moscow and St. Petersburg behavioral patterns modelled after Western European and North American culture are widespread, while in small towns traditional models of behavior, including speech behavior, have been preserved. The first and most obvious difference between Italian and Russian speech behavior observed by the researchers is the system of allocutives: Russians, compared to Italians, are less willing and eager to switch from the *V*-pronoun "*Ы*" to *T*-pronoun "*мы*". In her study of Russian and Italian communicative behavior, C. Dalla Libera came to an intriguing conclusion regarding the perception of directives by Russian native speakers. The degree of impositiveness of directives is highly correlated with the position of the speaker in social hierarchy: the higher the person stands on the official or social ladder, the more impositive directive is expected from them. Any communicative action requires planning consisting in choosing strategies and tactics. The choice of latter is based on the selection of optimal linguistic means. Strategies refer to the most general planning processes: they belong to the global level of communication awareness. Idioethnic

strategies of speech production and interpretation are part of the national tradition. Strategies are associated with a general plan to achieve the communication goal, while tactics are associated with specific moves. Speech-behavioral tactics are more determined by national culture than strategies and are thus more conventional and ethnospecific.

Naming of various directive strategies is rendered difficult by general problems of taxonomy of illocutionary functions of speech acts, because both speech acts and strategies are defined on the basis of communicative intention. Since directive strategies are understood as a set of planned speech acts, revealing the will of the speaker, on the one hand, and expressing the stimulus for the addressee to act, on the other hand, various directive strategies can adopt their names from the speech acts of appropriate illocutionary force — strategy of request, strategy of advice, strategy of order, etc. Emphasizing the more global nature of the concept of strategy, we believe our task to be a general description of individual communicative moves (tactics) involved in the implementation of directive strategies, especially since it is in the tactics that the individuality of the speaker, including the ethnocultural one, manifests itself.

Communication tactics are determined by a system of attitudes that depend on objective and subjective factors and are divided into interpersonal and extrapersonal.

Chapter Three. Imperatives and directives as the primary ways of realization of directive strategies⁸⁸

3.1. The typology of linguistic means of directive strategies and tactics

In literature, directing has been understood as expression of the speaker's will, aimed at the implementation of the desired action by the addressee. The pragmatic meaning *I want you to do it* is realized in speech acts with various illocutionary functions: an order, an instruction, a request, an invitation, a demand, etc. The problem of the multitude of directive intentions has been repeatedly raised in the linguistic literature [Searle 1979; Butler 1988; Leech 1983; Xrakovskij, Volodin 2002; Xrakovskij 1989 et al.; Bogdanov 1990; Formanovskaya 1998]. Some scholars have noted the practical impossibility of singling out a formal linguistic criterion on the basis of which one could distinguish, for example, an order from a request [Leech, Thomas 1990: 196]. It has been suggested that one must know the situational context in order to be able to classify directive speech acts, [Stupin, Ignatiev 1980: 94]. In cross-linguistic research, such a classification turns out to be even more difficult [Markkanen 1985: 23]. In contemporary cross-cultural pragmatic studies, classification is usually made on the basis of formal features of commands which include imperatives (verbal forms morphosyntactically marked as imperatives and directives (also known as directive strategies [Van Olmen, Heinold 2017] or command strategies [Aikhenvald, Dixon 2017]), expressed in other morphosyntactic ways. In cross-cultural studies done within the framework of interactional linguistics and examining speech acts in the broader context of dialogic interaction, the term “imperative turns” is used to refer to directive strategies implemented by means of canonical imperatives [Sorjonen et al. 2107]. By analogy, in our study a directive utterance formed by means of unreal moods (subjunctive, conditional, optative, obligative) or by means of the real (indicative) mood characterized by temporal certainty will be called a “directive turn”.

3.1.1. Canonical imperatives

In the last two decades, several monographs have been published on imperatives both in a typological perspective [Aikhenvald 2010; Takahashi 2012; Gusev 2013; Jary, Kissine 2014] and in a formal perspective [Kaufmann 2012; Alcàzar, Saltarelli 2014], including one written within the framework of generative linguistics [van der Wurff 2007]. More specialized topics that have been studied include the relationship of the imperative with other grammatical categories such as time

⁸⁸ In this chapter and further, where not indicated separately, examples used are from the National Corpus of the Russian language (<https://ruscorpora.ru>) for the Russian language and from the Italian language corpus PAISA' (<https://www.corpusitaliano.it>) for the Italian language.

[Mastop 2011; Schwager 2011]; the word order in imperative constructions [Potsdam 2007; Fortuin 2010; Rupp 2003]; the nature of the imperative subject [Zanuttini 2008; Zanuttini et al. 2012]; the imperative in subordination (in indirect speech) [Kaufmann, Poschmann 2013; Medeiros 2015]. Typological studies of imperative in natural languages [van der Auwera et al. 2005; van der Auwera, Lejeune 2005a, 2005b; Aikhenvald 2010; Gusev 2013] have shown that imperative is a widely spread cross-linguistic phenomenon (cf. the statement about the universality of the imperative in [Sadock, Zwicky 1985]), although there are languages which lack specialized verb forms to express will [König, Siemund 2007].

Typologically, imperatives are characterized by the following formal features:

- 1) In terms of morphology, these are most often the simplest and the most straightforward forms in a language [Aikhenvald 2010: 89].
- 2) In many languages the grammatical subject of an imperative construction does not have to be overtly expressed [Aikhenvald 2010: 92].
- 3) Imperative paradigms often include forms other than canonical ones (2Sg, 2Pl), although complete imperative paradigms are not very common, and many languages use suppletive constructions for those positions in the paradigm where no specialized form exists [van der Auwera et al. 2005].
- 4) Prohibitive (negative imperative) in many languages is formed with markers other than the “standard negation” [Miestamo 2005; Van Olmen 2010: 500-501]; we note that in Italian the standard negation marker *non* is used, but the imperative verbal form is changed to the infinitive.
- 5) In syntactically complex sentences, imperative constructions occupy the position of the principal clause and only rarely can be used in bona fide subordinate clauses; most often the “subordination” is only apparent [Aikhenvald 2010: 109-110].

Despite the rather high interest of linguists in this question and their impressive productivity, the very subject of these studies is still debated: what, in fact, should be considered an imperative? M. Jary and M. Kissine present the imperative as a comparative concept and propose to define as imperative those constructions which include any constructions, morphologically and syntactically expressed by second person forms, and whose prototypical illocutionary function is to provide the addressee(s) with a reason to act [Jary, Kissine 2016: 132]. In this perspective, the imperative corresponds to all types of directive speech acts and appears as a multifunctional cross-linguistic fact. Imperative verb forms are used not only for orders but also for advice, permission, and warning, although in many languages speech acts such as permission, invitation, warning and suggestion have special markers [Aikhenvald 2010: 223-228]. As for imperative forms other than 2Sg and 2Pl, they are referred

to in the scientific literature as hortative and permissive (see, for example, [Podlesskaya 2003; Jary, Kissine 2016: 144]).

A broad overview of the interaction of imperative with other grammatical categories (person, number, aspect, and argument) is provided by A. Y. Aikhenvald [Aikhenvald 2010: 119-164]. Cross-cultural studies on pragmatics have revealed a correlation between certain speech acts and the expression of politeness [Ogiermann 2009; Van Olmen, Heinold 2017: 18]. In contrast to typological studies of grammatical features of imperative, cross-cultural pragmatic studies of imperative take as their starting point various means of realizing specific speech acts (in our case, strategies), the array of which depends on cultural conventions and constraints [Sorjonen et al. 2107: 2].

In the last decade, conversational analytic approach to the study of imperative turns in a natural dialogue has been developed. Observations made within the framework of this approach made it possible to draw some conclusions about the factors that influence the choice of directive tactics and the specific use of imperative forms [Craven and Potter 2010; Rossi 2012; Zinken and Ogiermann 2013].

3.1.2. Non-imperative directives

In contemporary linguistics, non-imperative directives have been studied mostly from a functional point of view, within the framework of speech acts and politeness theories [Blum-Kulka 1987; Brown, Levinson 1987], as well as conversation analysis and cognitive linguistics [Pérez Hernández, Ruiz de Mendoza 2002; Heinemann 2006; Curl, Drew 2008; Takahashi 2014, 2015]. These directives demonstrate a great morphosyntactic diversity across natural languages: the directive can be expressed by verbal and nominal forms, finite and non-finite verbs, dependent and principal clauses, simple exclamations and gestures. Interrogative sentences are considered the most common substitute for the imperative, and they are often classified as the politest way to get the listener to act [Searle 1969; Brown, Levinson 1987]. Declarative sentences can also be successfully used as a substitute for directives, as noted by L. A. Birjulin and V. S. Khrakovskij, in particular, for Germanic, Romance, Slavic, and Turkic languages [Birjulin, Xrakovskij 2001]. Directives have one characteristic in common with the future tense: both refer to a situation that has not yet occurred at the moment of speech. Some imperative forms historically derive from indicative forms with the present and future perspective, in some languages they are included in imperative paradigm “from the fact that all of them, as do specialized imperatives, denote actions which, although potentially realizable, have not been realized at the moment of speech” [Birjulin, Xrakovskij 2001: 28]. When used in a directive function, future tense allows avoiding direct confrontation between the communicants, since “an imperative may sound too embarrassingly imperious and imposing” [Aikhenvald 2014: 212]. Beside interrogative and declarative sentences, which are syntactically principal clauses, directive function can be carried by some kinds of free-standing

dependent clauses, for instance, a conditional clause which can be used as a request in contemporary Italian: *Se mi dice la pagina...* (*If you tell me a page...*) [Vallauri 2004: 196]. Quite often directive semantics is inherent in sentences with markers of oughtness, possibility, or desirability [Van Olmen, Heinold 2017: 29]. The fact that utterances with very diverse semantics may be interpreted as directives makes the number of possible directive tactics virtually unlimited (for example: *it is very cold in the room = close the window*). However, it should be noted that in some utterances the directive semantics is “read” much more easily than in others. How the addressee interprets an utterance largely depends on speech habits, conventions, and ethnography of communication in a language community [Aikhenvald 2010: 289].

The prototypical illocutionary meanings of non-imperative directives include *order*, *demand*, *request*, and *plea* [Searle 1976: 11; De Rycker 1990: 218]. The characteristics of advice, warnings, proposals, threats, invitations, permissions, etc. allow them to belong not only with directives, but also with other illocutionary acts. For example, permission can be argued to be both directive and commissive: it may both prompt the addressee to act and commit the speaker to allowing the action to take place [Van Olmen, Heinold 2017: 33].

The relationship between the imperative and the non-imperative directive has often been explained in terms of amount of impositivity inherent in them. For example, in the classic example *Pass me the salt* vs *Could you pass me the salt?* the interrogative form contains less threat to the addressee’s negative face [Brown, Levinson 1987], giving him/her more freedom regarding the acting. According to J. Searle and D. Vanderveken, the reason why a question about the addressee’s ability to perform the requested action has a pronounced politeness effect is that the addressee has the opportunity to understand the question literally, answer negatively and not pass on the salt, thus violating one of the preparatory conditions of the speech act of asking [Searle, Vanderveken 1985: 18]. In some languages, in situations characterized by social distance or inequality of role statuses of the communicators, the higher the risk of a face-threatening act and the lower the impositivity, the longer and/or more tentative the directive construction becomes (on English, see [Takahashi 2012: 110]).

Some studies within the framework of the corpus approach have shown that in terms of frequency in some languages “the infinitive is much more a competitor of the imperative in negative than in positive contexts”, i. e. almost half of negative directives takes the form of an infinitive [Van Olmen and Heinold 2017: 38]. This suggests that the choice of a particular strategy is conditioned both by the function of the utterance and by the syntax of the language.

3.2. Grammar and semantics of the imperative in Russian and Italian

3.2.1. Imperative paradigm

A particular imperative paradigm (IP) is a set of systematically organized verbal forms, regularly expressing the grammatical meaning defined as the speaker's expression of will concerning the performance of a certain action. In addition to the expression of will, the imperative form conveys information about the executor of the caused action. Content of the imperative forms includes constant and variable components. Constant components include the grammatical imperative meaning of the will and the reference to the executor, the nominative meaning of the action, i. e., naming the action to be performed, and information about the speaker, i. e., the person from whom the directive comes. Variable components include the grammatical meaning of the person and number of the executors, which changes depending on the situation, and the grammatical meaning of the number of the listeners [Xrakovskij and Volodin 2002: 17-18].

The formal requirements for the forms included in the IP are the following: regularity of their formation from all lexemes whose semantics allow imperative meaning, and their recognition in the context as forms with imperative meaning.

In determining the number of imperative forms in the paradigm, researchers' opinions vary. The reason for this divergence is the question who can be the executor. In the opinion of some scholars, only a verbal form which demands an action directly from the hearer may be considered an imperative, i. e. it may be only 2Sg, 2Pl and 1Pl forms (with an inclusive reading) [Apresyan 1995a: 2 p.9; Mel'chuk 1998: 155; Wierzbicka 1999c: 29]. Others extend the term "imperative" to all possible combinations of person and number [Xrakovskij, Volodin 2002: 16; Biriulin, Xrakovskij 1992: 7-9]. A. Aikhenvald divides all imperatives into canonical (2Sg, 2Pl) and non-canonical (all other forms) [Aikhenvald 2010: 17]. M. Jary and M. Kissine suggest that in cross-linguistic perspective imperative paradigms are not homogeneous: in some languages there are imperative forms at all persons and numbers, in others alternative strategies fill the gaps in an incomplete imperative paradigm [Jary, Kissine 2014: 40].

V. Y. Gusev has proposed a hierarchy of person-number forms of the imperative based on their prototypicality, the frequency of different forms of the imperative paradigm, and the correlation of direct and mediated causation [Gusev 2013: 54-55]:

2Sg — direct causation (simpler meaning as opposed to mediated causation).

2Pl — a combination of direct causation of the listener with mediated causation of third parties, or (in a rarer case) direct causation of several listeners.

1Pl.Incl. — obligatory combination of direct causation of the listener/listeners with mediated causation of the self.

3Sg, 3Pl — mediated causation of third parties.

1Sg/1Pl.Excl — mediated causation of the self (rarer than causation of third parties) / the self and others, but not the addressee.

3.2.2. Morphological and syntactic marking of the imperative

In Russian, imperative forms can be easily identified morphologically, although their formation is quite various and complex: their morphology depends on different characteristics of the verb, the ending of the verb stem, and the presence or absence of stress on the conjugational ending. In Italian, the imperative paradigm forms are marked both morphologically and syntactically. The latter marking includes, for example, the position of clitic pronouns: in the imperative form they occupy the enclitic position, while in the indicative they are in the proclitic position.

Linguists agree that the central form in IP is the 2nd person singular, present in the imperative paradigms of most natural languages. It most clearly expresses the meaning of volition and is the most frequent [Xrakovskij, Volodin 2002: 73; Gusev 2013: 45]. Specialists in Russian linguistics unanimously include 2Sg and 2Pl forms in Russian imperative paradigm. There are several ways of forming 2Sg imperative, which depend on the verb's conjugation. The imperative is formed from the present tense of imperfective (IMPF) verbs and from the future tense of perfective (PF) verbs. 2Sg may have three endings: *-й, -и* or *-ь*: *делай, пиши, сядь* (*do, write, sit*). 2Pl is formed by adding the ending *-те* to the infinitive: *делайте, пишите, сядьте* (*do, write, sit*). Verbs ending in *-ся* retain the particle in the imperative: *-ся* after a consonant and *-сь* after a vowel: *улыбайся, садись* (*smile, sit down*). Italian linguists are unanimous in considering only the forms of 2Sg and 2Pl as forms of the imperative paradigm, with a reservation that only 2Sg of the 1st conjugation is a proper imperative form, different from the other verb forms (indicative, subjunctive, and conditional) in this person, while the other imperative forms are homophonous with other non-imperative forms of the same person. M. Dardano and P. Trifone believe that Italian imperative has two tenses: present and future [Dardano, Trifone 1997: 324], referring to the IP forms *farai* (*will do*), *dirai* (*say*), *andrai* (*go*), etc. in statements like *farai quello che ti dico io!* (*You will do/do what I tell you!*). L. Serianni [Serianni 1989] and R. Cimaglia [Cimaglia 2010] are of the opinion that the use of the future tense is not a “future imperative”, but a transposition of future indicative forms, which is also observed in the present indicative forms, for example: future *domani ti presenterai all'appuntamento* (*tomorrow you will come to a meeting*) and present *ti siedì e mi racconti tutto* (*now you sit down and tell everything*). The 2Sg forms are specialized only in the 1st conjugation (where the ending is *-are*) and in some irregular verbs: *canta!* (*sing!*) (Ind *canti* (*you sing*)), *ama!* (*love!*) (Ind *ami* (*you love*)), *va' / va* (*go!*) (Ind *vai* (*you go*)), *abbi* (*have!*) (Ind *hai* (*you have*)), *da' / dà* (*give!*) (Ind *dai* (*you give*)), *fa' / fa* (*do!*) (Ind *fai* (*you do*)), etc. For all other verbs, the 2Sg form

is identical with 2Sg of present indicative: *temi!* (*be afraid!*) (Ind *temi* (*you are afraid*)), *dormi!* (*sleep!*) (Ind *dormi* (*you sleep*)). The indicative forms of the following verbs are also used as imperative forms: *vai* (*go!/you go*), *dai* (*give!/you give*), *fai* (*do!/you do*), *stai* (*stand!* or *stay!/you stand* or *you stay*), but only in the absence of a clitic pronoun. When one is present, only the specialized verb form of the imperative is allowed: *dammi!* (*give it to me!*) *fallo!* (*do it!*) *stammi!* (*be! stay!* literally, *be to me!*). The 2Pl forms coincide with the 2Pl present indicative forms: *cantate!* (*sing!/you sing*) *temete!* (*fear!/you fear*) *scrivete!* (*write!/you write*), except for a few irregular verbs whose 2Pl imperative forms are homophonous with the corresponding person of the present: *abbiate!* (*have!*) *siate!* (*be!*) *sappiate!* (*know!*) *vogliate!* (*want!/you want*). The homophony is removed by the clitic position, if there is one (see also [Maiden, Robustelli 2007: 247-248; Aikhenvald 2017: 9]).

The forms 1Pl.Incl in Russian are homophonous (except the suffix *-me*) with the indicative forms 1Pl.Fut, both for the PF and IMPF verbs, and 1Pl.Pres only for the IMPF verbs: *напишем(ме)!* (PF) (*Let's write*), *будем(ме) писать!* (IMPF) (*Let's write*), *идем! едем! бежим!* (IMPF) (*Let's go! Let's ride! Let's run!*). Another possible way of forming 1Pl.Incl in Russian is through causative constructions like *давай(ме) напишем(ме)* (PFV) (*let's write*) and *давай(ме) писать* (IMPF) (*let's write*). The inclusive forms mean that the executors are the hearer(s) together with the speaker. The presence of two variants of inclusive forms in Russian imperative finds its explanation in the fact that forms with the particle *-me* (*давай(ме) let*) are historically secondary and are used in order to eliminate the ambiguity with the imperative and the indicative [Xrakovskij, Volodin 2002: 122]. The inclusive 1Pl. forms in Italian language fully coincide with the form of the corresponding person in the indicative and the subjunctive (*congiuntivo*) of the present tense: *cantiamo!* (*let's sing!*) *scriviamo!* (*let us write!*) *facciamo!* (*let's do!*). In both Russian and Italian, the imperative can have no first person plural exclusive semantics or be formally marked as 1Pl.Excl ().

The 3Sg and 3Pl forms in Russian are formed with a causative marker that has permissive (not-factitive) semantics [Gusev 2013: 211]: *пусть/пускай он(а) напишет;* *пусть/пускай они напишут* (PF) (*let him/her write; let them write*); *пусть/пускай он(а) пишет,* *пусть/пускай они пишут* (IMPF) (*let him/her write, let them write*). The particles *пусть/пускай* (*let*) have identical semantics and are at free variance with each other [Xrakovskij, Volodin 2002: 122]. In Italian, L. Serianni speaks of the 3Sg and 3Pl imperative forms as adopted from the present subjunctive but having a special directive meaning, and refers to these forms as exhortative subjunctive (*congiuntivo esortativo*): *dia/diano qualcosa ai poveri* (*give something to the poor! let them give something to the poor!*) [Serianni 1989: 477].

In Russian, there are the following forms of 1Sg: *напишу(-ка), дай(ме)(-ка) напишу, дай(ме)(-ка) напишу,* *дай(ме)(-ка) написать* (PF) (*Let me write!*); *буду(-ка) писать, дай(ме)(-ка) буду писать, дай(ме)(-ка) буду писать* (IMPF) (*I will write! Let me write!*). These forms mean that the executor of the action is the speaker himself. It should be noted that forms like *буду писать* (IMPF),

напишу (PF) (*I will write*) are homophonous with the indicative forms of the future tense and are close to them in meaning, because, like the future indicative, the imperative expresses an action that has not yet taken place. The semantic peculiarity of all 1Sg forms “consists in the fact that the stimulus for their use is the situation observed by the speaker” [Xhrakovskij, Volodin 2002: 123]. As opposed to the analytical forms with the particle *дай(ме)/давай(ме)* (*let me/let us*), the homophonous forms like *бьдѹ писать/напишу* (*I will write*) express volition regarding the speaker that does not require the listener’s reaction and, therefore, these forms are also used in monological speech addressed to oneself. The particle *давай(ме)* (*let*) encapsulates the meaning of the speaker’s proposal to perform some action, with which the listener or listeners are invited to agree. As for the Italian imperative paradigm, R. Cimaglia includes the 1Sg form, borrowed, like the previous two, from the subjunctive, among the forms with imperative meaning: *che io la veda!* (*may I see her!*) [Cimaglia 2010]. Other authors do not mention 1Sg as a verbal form with imperative meaning. On the contrary, L. Serianni notes the absence of the 1Sg imperative form in Italian, stressing that such a gap in the IP occurs not only in Italian but also in other languages [Serianni 1989: 477; cf. Gusev 2013: 174].

Whenever the indicative/subjunctive and the imperative forms are homophonous in Italian, enclitic pronouns serve as the indicator of the imperative form [Fava 2001: 24]. With verbs in the indicative mood the pronoun stands in proclitic position: *lui lo guarda* (*he opens it*), *lui li apre* (*he opens them*), *glielo diciamo* (*we tell him about it*). In imperative forms, the pronoun is moved to the enclitic position: *Guardalo!* (*Look at him!*) *Aprili!* (*Open them!*) *Guardiamolo!* (*Let’s look at him!*) *Apriamoli!* (*Let us open them!*) *Guardatelo!* (*Look at him!*) *Apriteli!* (*Open them!*) *Diciamoglielo* (*Let’s tell him about it!*). In imperative forms that coincide with the subjunctive, the clitic pronoun retains its preposition: *Lo guardi!* (*Look at him! (V-pronoun allocutive)*) *Li apra!* (*Open them! (V-pronoun allocutive)*); *Che lo guardi!* (*Let him/her look at him!*); *Che li apra!* (*Let him open them!*). As we turn to Russian, let us note that the position of the pronoun vis-à-vis the verb has not a categorical but a stylistic function. Compare: *(По)смотри на него!* *На него (но)смотри!* (*Look at him! At him look!*): in these two examples, the position of the pronoun changes the emotional and expressive coloring of the directive utterance. In the first case there is a direct word order, the phrasal stress falls on the verb in the imperative form, which by virtue of its phatic function draws attention to the interlocutor to whom the statement is addressed. In the second case, there is an inversion, which allows focusing the attention of the speaker and the listener on the third person, the object of the caused action.

Imperative sentences may differ from interrogative and affirmative sentences by omission of the grammatical subject. In imperative statements the use of the subject becomes redundant. This phenomenon is explained by the fact that the imperative, like the vocative case in the nominal domain, does not refer to the fact itself, as other moods do; that is, it does not describe it, but rather refers to the speech situation and to its participants (I am a “speaker”, and you are (a) “listener(s)”). Person and

number markers of in the imperative no longer function as an agreement category but as a content category, allowing the listener to recognize the participants' roles in the communicative situation and determining the perlocutionary effect of the utterance. Across natural languages, the subject in the imperative is very often or almost always omitted, although many languages permit using nominative subject group for various purposes: when it is necessary to explicitly contradistinguish the listeners, to indicate which one of them is supposed to perform the action, or to modify the illocutionary force (by way of strengthening or softening categoricity) [König and Siemund 2007: 297]. A. Y. Aikhenvald opines that reduction of the subject in the imperative is not a language universal [Aikhenvald 2017: 13]. In Russian overt subject in the imperative is possible. It differs from the address form, expressed via intonation (in speech) or punctuation (in writing) [Gusev 2013: 166]: cf. *Ты, возьми чемодан!* (*You, take the suitcase!*) and *Ты возьми чемодан, а он пусть возьмет корзину* (*You take the suitcase, and let him take the basket*). E. Zemskaya notes that in Russian everyday language use of the imperative with overt subject pronouns is very frequent [Zemskaya 1979: 87]. Being in preposition to the imperative form, personal pronouns reinforce the categorical nature of an order, advice, or any other type of directing. Pronouns in postposition soften the tone of the directive if there is no tinge of invocation, invective, or wish (see also [Vinogradov 2001: 484]).

In Italian it is likewise possible to use both an address form and a pronominal subject in the imperative: *Lei, venga qui un momento, per favore* (*You, come here for a moment, please*) and *Tu dammi il tuo piatto e io ti do il mio* (*You give me your plate and I will give you mine*). As in Russian, the address pronoun is marked in oral speech with a pause, and in writing with a comma [Mazzoleni 2001: 392]. When the attention is focused on the executor, the subject pronoun in the imperative is in postposition to the verb: *Esci tu da questa stanza!* (*Get out of this room, you!*) [Salvi, Borgato 2001: 159]. In preposition to the verb, it is viewed as the theme in opposition to the rheme containing the imperative form, or as a vocative: *Tu, esci da questa stanza!* (*You, get out of this room!*), but if an opposition is necessary, the pronoun can occupy “the position of an introductory element not included in the grammatical structure” [Alisova 1971: 208]: *Tu, porta questa valigia, che io prendo le altre!* (*You carry this suitcase, and I'll take the others!*). Regarding Italian, let us add that presence or absence of the subject pronoun in the imperative is not a characteristic feature of the imperative, since omission of an overt subject is also possible in other moods.

3.2.3. Singular and plural, formal and informal address (T/V) markers in the imperative

In Russian, 2Sg and 2Pl imperatives are distinguished morphologically, while in Italian there is a morphological form only for 2Sg, and 2Pl is expressed syntactically. Personal pronouns belong to

allocutive linguistic means⁸⁹, as do imperative forms themselves without an overt nominative subject; they are explicit ways of expressing social relations between the participants of the speech act [Guseva 2021a]. By virtue of their pronounced conative and phatic functions, imperative verb forms in Russian and Italian indicate the relative or absolute social status of the addressee through the use of the so-called *T/V forms*. The capacity of the verb to indicate the social status of the addressee or the socio-psychological distance between the interlocutors places grammatical person among the grammaticalized means of social deixis. In Russian, the system of allocutive pronouns and their corresponding imperative forms includes two forms: 2Sg for informally addressing one person and 2Pl used both for informally addressing several people, for each of whom individually allocutive *T*-forms are used, and for formally addressing one person (*V*-form). In Italian, the normative allocutive system consists of five forms: the pronouns *tu* (informal with respect to one person), *voi* (informal with respect to several people, each of whom individually is addressed with *tu*), *Voi* (formal or distant with respect to one person in some diatopic variants of Italian), *Lei* (normative formal or distant address of one person), *Loro* (normative formal or distant address of several people, each of whom individually is addressed by the speaker with *Lei*) and their corresponding verb forms (the diachronic aspect of Italian allocutive system is studied in detail in [Guseva 2019]).

Contemporary Italian shows an example of a step-by-step evolution of allocutive pronouns expressing social deixis: historically a single allocutive 2Sg pronoun yielded its position in some contexts to the 2Pl pronoun, which in turn was later replaced by 3Sg pronouns (*tu - Voi - Lei*). In contemporary Italian, the pronoun *Voi* loses its position as a deictic and etiquette pronoun, and there is an allocutive shift along the axis of solidarity-distance: in the family circle *Voi* is replaced by the pronoun *tu*, and in the public sphere by the pronoun *Lei*. The etiquette form *Loro* used to refer to several people practically went out of use as early as the late 1960s and early 1970s (see, for example, [Benigni, Bates 1974; Benigni, Bates 1975]). Sometimes the allocutive pronoun *Lei* and its corresponding imperative forms are marked as “polite”, but they can also be used in very impolite contexts [Maiden, Robustelli 2007: 461]. This form reflects above all the social distance between the communicators, hence our label “etiquette”. The above also applies to the Russian *V*-form (*Ббt*). To distinguish between the etiquette forms and the homophonous 2Pl forms in Russian and 3Sg feminine in Italian, we will spell the former with a capital letter.

The allocutive pronoun *Lei* (as well as *Loro* in written sources from recent past) requires the verb in present subjunctive in directive utterances, including cases of subject omission. The subjunctive mood is one of the directive markers along with the imperative and the infinitive moods. The distinction

⁸⁹ Allocutive linguistic means are single words (pronouns, nouns, finite forms of the verb) and syntagmas or descriptive phrases used to denote the recipient participating in a speech act. In addition to referential meaning, they also denote his/her social status. (From Latin *alloquor* ‘to address, to speak; to cry out, to entreat’. See also *allocutor* in [Brown, Miller 2013].

between the imperative and the subjunctive paradigms is rendered difficult by the fact that the imperative paradigm of the Italian verb was borrowed almost entirely from other paradigms, namely, present indicative and subjunctive. The overlap between the imperative, the indicative, and the subjunctive paradigms was inherited by Italian from Latin.

The semantics of the subjunctive (*congiuntivo*) in Latin and Italian is closely connected with description of states and events regarded as “internal” or mental, as well as with expression of concepts that are not internalized as having an “external” objective reality. The subjunctive can be used when a particular event or state is contradicted by facts, because the actual reality of what is asserted is uncertain, unreliable, or doubtful, or this reality is simply in the background and perceived as unimportant. M. Maiden identifies four cases of subjunctive use: 1) in sentences where the content is presented as false; 2) when the reality of the event, action, or state expressed by the verb is unclear because the identity of the subject is unknown or the subject is not specified; 3) when the reliability of the statement is seen as unimportant; 4) in main or dependent clauses conveying a condition, an ideal representation of an action, state, or event that is usually unrealized [Maiden 1998: 223-224]. The latter case includes expressions of volition and forbidding when the desired or caused event or condition has not yet been fulfilled: *E' necessario che i treni rispettino l'orario* (*It is necessary that the trains keep the schedule*); *Voglio che venga* (*I want him/her to come*); *Impedirò che cantino* (*I will not let them sing*). In the examples above, the subjunctive is in the dependent clause. In main clause, the subjunctive usually expresses a desire or an urge: *Vengano domani!* (*Let them come tomorrow!*); *Non cantino* (*Let them not sing*); *Fosse vero!* (*If only it were true!*). In contrast to Latin, modern Italian allows using an additional element *che* as part of the main clause to express exhortation or desire *Che venga domani!* (*Let him/her come tomorrow!*); *Che non cantino!* (*Let them not sing!*). The frequent use of this construction, including in the main clause, may be explained by the close connection between the conjunction *che* and the subjunctive mood in the subordinate clause [Stefinlongo 1977]. In her fundamental work on the imperative, A. Aikhenvald argues that in some languages imperative statements may have a surface similarity to subordinate clauses [Aikhenvald 2010: 110] because of the obligatory use of markers, linking words, or conjunctions introducing the subordinate clauses, as in the case of Italian *che*.

Note also that the subjunctive can be used to convey a directive in indirect speech: *Ho detto a Veronica: “Vieni pure domani!”* (*I told Veronica: “Come tomorrow!”*) — *Ho detto a Veronica che venga pure domani.* (*I told Veronica to come tomorrow*). Other examples: *Il professore gli disse che parlasse ad alta voce* (*The professor told him to speak loudly*); *L'hanno incaricato di dire al commissario che esamini questo caso complicato* (*He was assigned to tell the inspector to study this complicated case*); *Ho detto al cameriere che mi portasse due caffè* (*I told the waiter to bring two coffees*). The subjunctive here implements the modality of volition in subordinate clause. In direct speech, when the expression of will is addressed to a third person, the directive is expressed in the main

clause using the same construction as in the above-mentioned dependent clauses: *Che venga domani!* (Let him come tomorrow!); *Che esami questo caso complicato!* (Let him study this complicated case!). Obviously, in both cases the subject of the action expressed with subjunctive is in the third person singular: *che (lei) venga domani* (let her come tomorrow); *che (lui) esami questo caso complicato* (let him study this complicated case). The present subjunctive is thus linked both to prototypical imperative and third person singular pronoun. Granted the allocutive pronoun *Lei* etymologically goes back to an abstract allocutive of the type *Vostra signoria!* (Your Grace!) [Guseva 2019], the directive — when addressing an abstract person in the third person singular feminine — may have the following deep structure: *pretendo che questa persona venga domani* (I demand that this person come tomorrow); *voglio che questa persona esami il caso complicato* (I want this person to study a complicated case).

In Russian, in the absence of any morphological markers, the subjunctive is formed by combining a past tense verb or an infinitive with the invariable particle *бы*, used in the enclitic position in respect to the conjunction *что* both in indirect speech and in the deep structure of the directive: *Хочу, чтобы ты пришел завтра* (I want you to come tomorrow). This corresponds to the Italian conjunction *che* and the morphologically expressed subjunctive. The use of an analytically expressed subjunctive in an independent clause in Russian can have a directive meaning with higher categoricity, for example, *чтобы завтра был у меня!* = *приходи завтра ко мне, пусть он придет завтра ко мне* (come to me tomorrow, let him come to me tomorrow), unlike Italian *Che venga domani!* (Let him/her come tomorrow) with a pronounced permissive meaning.

3.2.4. Verbal aspect in the imperative

In Russian, the expression of volition may have different modal and expressive connotations, depending on the verbal aspect. “The imperative does not have its own value of time, but when it is used, a certain relation to the moment of speech is established” [Rassudova 1982: 128]. The IMPF forms usually express a more categorical directive and make the utterance less polite. At the same time, it is usually obvious from the context that the execution of the caused action should take place immediately: *Выверните карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? Выворачивайте!* (N. Ostrovsky) (Empty your pockets! Come on, now! Do you hear? Empty your pockets!) The semantics of the IMPF includes “commencing an action at the moment of speech” [Rassudova 1982: 128]. If the utterance contains a directive to execute an action that is constant and repetitive, the imperative forms in IMPF do not have an expressive tone of categoricity: *Живи тихонько, спокойненько, а упрямо! Слушай всех, а делай, как тебе лучше* (M. Gorky) (Live quietly, quietly, but stubbornly! Listen to everyone but do as you please). However, “expressive connotations of aspectual meanings in imperative forms can change abruptly, almost to their complete opposite. Since in the PF form, the command is focused on the result,

given the right situation and the right relationship between persons this imperative form may sound more categorical and peremptory as a call for unconditional and unreserved fulfillment” [Vinogradov 2001: 485]. Differences between modal and expressive nuances of the directive due to verbal aspect are not always regulated by fixed and strict rules. Rather, one can only speak of regularities or “tendencies” [Bondarko, Bulanin 1967: 127]. The main factor that determines the use of one or another aspect is the speech situation. The communicative intention of the speaker determines the need to “characterize the course of action or present it as a holistic phenomenon, including its consequences” [Rassudova 1982: 128]. Imperative verb forms serve to convey request, order, advice, warning, prohibition, wish, invitation to action, recommendation. These expressive and modal meanings can be expressed either by one of the aspects, or by both. For some meanings, IMPF verbs are regularly used; for others, PF verbs are employed. Some meanings may be expressed by both aspects, in which case we speak of a “competition between aspects” [Rassudova 1982: 130].

When determining the rules governing the use of verbs of different aspects in the imperative, it is necessary to take into account the presence or absence of negation. In the prohibitive, almost all communicative intentions are expressed by the IMPF. Prohibitive sentences convey an expression of volition concerning the non-performance of an action [Xrakovskij 1990: 211]. When a PF verb is used for causation of a single action, the corresponding prohibition uses an IMPF verb: *Напомни ему о нашем разговоре* (*Remind him of our conversation*) – *Не напоминай ему о нашем разговоре* (*Do not remind him of our conversation*). Unpaired PF verbs do not have prohibitive forms, as, for example, the verbs *очнуться* (*to regain consciousness*), *опомниться* (*to regain self-control*), *юркнуть* (*to slip away*), *полежать* (*to lie down*), *нагуляться* (*to have a long walk*), etc. If necessary, one may resort to the use of another paired verb that is close in meaning and has both IMPF and PF forms: thus for *юркнуть* (*to slip away*) a semantically close verb is *прятаться/спрятаться* (*to hide*) with the prohibitive *не прячься* (*don't hide!*).

Besides prohibitives with IMPF imperatives and the negative particle *не* (*not*), there is another type of sentences with a negative form of PF imperative used in Russian, namely, preventives. Prohibitive and preventive sentences have in common the fact that they “express the speaker’s will addressed to the listener and concern the non-performance of an action”, but differ in the fact that “the will is presented as a wish that the executor should control the situation and would not perform the action which, in the speaker’s opinion, if performed, would cause damage to either the executor or the speaker or some other person” [Xrakovskij 1990: 213]. Unlike the prohibitives, preventives lack correlative imperative sentences. Let us also note that both in the imperative and in the prohibitive, the expression of will may refer to an action which at the moment of speech has not yet been performed or to an action which at the moment of speech has already been performed.

The category of verbal aspect in the imperative has not yet been fully defined and studied by linguists (see also [Forsyth 1970; Xrakovskij 1988; Durst-Andersen 1995; Benacchio 2002; Benacchio 2010]). It has been suggested that the IMPF verb in the imperative is more polite and “softer” than the PF which has a touch of formality [Forsyth 1970; Benacchio 1993; Benacchio 1997; Tyurikova 2008; Benacchio 2002; Benacchio 2010]. Another view of the semantic and pragmatic meanings of verbal aspects in the imperative is how the caused action is viewed: 1) as a new action (PF); 2) as an action arising from the present situation, or as a planned action [Forsyth 1970; Birjulin, Xrakovskij 2001].

In Italian, verbal aspect is not a grammatical category, but nevertheless the verb can have different aspectual meanings expressing how an action proceeds over time. In other words, the situation described may be seen as a whole, as a single process which cannot be broken down into constituent parts; an action may be described as being at a certain point in the process; the focus may be on the result of the action rather than on its process; the emphasis may lie on the recurrent and habitual nature of an action, a state, or a situation [Bertinetto 2001: 23]. The main aspectual meanings are assigned to certain forms of the verbal inflectional system. “In Romance languages, aspect as a verbal inflectional category exists only as a part of the tense paradigm, where the aspectual values of “completeness-incompleteness” serve as the basis for opposition between certain verbal tenses” [Alisova 2007: 345]. This is particularly obvious in the opposition between the imperfect and the perfect tenses, the use of which in the text is undoubtedly determined by the context. For example, the sentence *Quel mattino, Giovanni andava a scuola* (*Giovanni went to school that morning*) describes the moment when the subject was going to school. The sentence can be continued with *quando all'improvviso si sentì male* (*when he suddenly felt ill*). When the main clause is extended with a subordinate clause of time, both events (going to school, feeling ill) take place at a specific moment, which is limited to the time Giovanni needs to get to school. If the form *andò* (perfect) were used instead of *andava* (imperfect), this construction would not be possible: **Quel mattino, Giovanni andò a scuola quando all'improvviso si sentì male*. In this case, the action is described in its entirety. In the first case, the action is presented as a developing process, while in the second case the completion of the action is implied. Thus, we may speak of an imperfective form in the first case and a perfective form in the second. In Italian, imperfect describes an action in such a way that “the representation of its end point” is excluded, while the perfect tense includes it [Bertinetto 2001: 25]. The verbal aspect in Italian shows semantic valences inherent in tense forms; these are related to the way of representing the process, chosen by the speaker each time according to the situation. Since in Italian aspectual meaning is a part of the temporal meaning, and the imperative is outside of the category of tense, translation of Russian verbs with different aspectual meanings into Italian can only be made on the basis of the verb's semantics.

3.2.5. Indirect use of the imperative in Russian and Italian

One of the difficulties with defining the semantics of the imperative is related to the so-called pseudo-imperatives which are formally imperatives but do not have directive semantics [Dobrushina 2008; Franke 2008; Fortuin, Boogaart 2009]. Indirect use of the imperative is also characteristic for the two languages under consideration, Russian and Italian [Volodin 2003; Fortein 2008; Mencacci 1983]. E. Fortuin distinguishes five indirect imperative meanings in Russian:

- obligative (*Вы будете бездельничать, жрать и дрыхнуть, а я **иду** на передовую / You're going to loiter, eat and snooze, and I'm going to go to the front line*).
- narrative (*А он и **приди**! / And he came!*).
- optative (***Приди**-ка он к нам! / Let him come and see us!*).
- conditional (***Приди** он вовремя, ничего бы не случилось / If he had arrived on time, nothing would have happened*).
- concessive (*Куда я ни **приди**, везде знакомые / Wherever I come, there are familiar faces*) [Fortuin 2008: 3].

These constructions have non-imperative transforms, which are formed by irreal moods (subjunctive, debitative, optative, future, etc.), one of which is the imperative itself in its direct meaning (see [Volodin 2003]).

For a clearer distinction between the direct and indirect meanings of the imperative in Russian, E. Fortuin identifies the following linguistic and pragmatic contextual features of the imperative in its prototypical directive meaning:

- the speaker is willing to implement the action, or at least is not against it, if a permission is required.
- The verb has a meaning that implies human control of the situation.
- The caused action has either not yet been carried out at the moment of speech, or is supposed to be finished by this moment: 1) *Садитесь!*; 2) *Сидуме! Сидуме! (Sit down!)*.
- The moment of speech precedes the time at which the caused action is carried out [Fortein 2008: 6].

In Italian, the heterogeneity of the functions of imperative forms is clearly seen in the “gerundial” (*gerundiale*) and “narrative” (*descrittivo*) imperative in such sentences as *La predica comincia a ridere, e **ridi ridi** tanto che per buona pezza né detto il maestro poteva dire né altri ascoltare (The parish began to laugh, so hard that neither the preacher could say anything, nor everyone else could listen)* (Sacchetti, cit. in [Spitzer 1951: 449]), *Gira e rigira siamo sempre allo stesso punto (round and round we go, but at the end of the day, we are at the same place)* (Sacchetti, cit. in [Spitzer 1951: 450]). The terms “gerundial” and “narrative” were introduced by L. Spitzer (see [Spitzer 1918; Spitzer 1951; Spitzer

1952]), who insisted on a clear separation between the two uses, but from O. Mencacci's point of view they are difficult to distinguish [Mencacci 1983: 174]. The narrative imperative has a temporal meaning comparable to that of the indicative: in the first example, the imperative *ridi ridi tanto* (literally, *laugh and laugh a lot*) can be replaced by the indicative *rise tanto* (*laughed a lot*). The gerundial imperative has a causative-concessive meaning with a touch of hypotheticality, inherent in the Italian gerund, and is used to indicate the result expressed by the predicate: in the second example *gira e rigira* can be paraphrased into *girando* (literally, *turning; here, going round*) or *per quanto si giri* (*no matter how much you do*). However, a gerundial phrase can express both anteriority and simultaneity, in which case the gerundial and narrative imperatives are really hard to distinguish from one another: *E così, cammina cammina, il femminismo è arrivato a incidere sul pensiero di Jurgen Habermas* (*And so, feminism, following its own path, began to influence the ideas of Jurgen Habermas*) (La Repubblica Corpus). In this example, *cammina cammina* can be replaced either by the gerund *camminando* (*going, following*) or by the temporal adverbial clause *dopo il lungo cammino* (*after the long journey*).

Both forms of imperative with non-command semantics indirect imperative are used more often in a narrative discourse and less often in a dialogic one, in which imperative usually has its regulatory-appellative function. If the imperative is repeated, one of the forms may have the reffective prefix *re-* or *ri-*: *pensa e ripensa, batti e ribatti*. L. Spitzer explains the use of imperative forms in lieu of a neutral appellative gerund by the tendency of Italians and Mediterraneans to be theatrical and expressive in communication. The person who hears or reads such a statement becomes an addressee of prompting, an accomplice to the action, and moves from the category of a spectator into the category of an actor along with other participants of the described event [Spitzer 1951: 20; Spitzer 1952: 435]. The narrative imperative has also been called “dramatic” by other researchers [De Santis 2014: 182].

The indirect use of imperative in Russian and Italian is also attested in the function of a pragmatic marker in the structure of a dialogue. In linguistics, regular forms such as *извините* (*excuse me*), *будьте любезны* (*be so kind*), *слушай* (*listen*), *scusi* (*excuse me*), *sentì* (*listen*), *vedi* (*look*), etc. are most often classified as politeness formulas (see [Formanovskaya 1992: 14]), although in the structure of a dialogue these forms — along with other linguistic means — serve as supporting elements, a kind of framework for statements with a certain propositional content. Because these imperative verb forms retain their lexical meanings and acquire new pragmatic functions, we can speak of their pragmaticization. They are used in speech as pragmatic markers of an action: attracting attention; manipulating the listener's attention; announcing the next action; switch of communicative roles; agreement/disagreement (for more details see [Guseva 2016]).

3.3. Non-imperative directives

Imperatives are the main but not the only way of expressing one's will. An imperative meaning can be conveyed without the use of language at all. It can be a look, a gesture, a visual or acoustic way of conveying the urge to act (for example, conventional workplace safety signs). Non-imperative directive strategies, both verbal and non-verbal, are used when it is necessary to "save face" or avoid direct confrontation, to comply with existing hierarchies, social relationships and etiquette or to convey a certain nuance of directive speech act, which cannot be expressed through the imperative [Aikhenvald 2010: 256].

Many verbal non-imperative directives fall under the label of "conventionalized indirectness" [Brown & Levinson 1987: 70]. Thanks to their semantics, directive speech acts are considered to be "hazardous communicative activities" [Fasold 1990: 58]. The danger lies in an incorrect assessment of the situation by the speaker when choosing the appropriate directive tactics: either the speaker believes that there are sufficient grounds for the addressee to comply with the order or the request (higher social position of the speaker, closeness/solidarity between the communicators); or he/she is mistaken in the assessment of these grounds, and the addressee who does not share them may refuse to comply with the order or the request. In the latter case, there is a communicative failure. Many non-imperative directives avoid this danger: they can be seen as an indirect (*off-the-record*) way of solving a potentially hazardous situation.

3.3.1. Interrogatives

Interrogatives can convey a request, an invitation to action, or a proposal. In both Italian and Russian, it is possible to ask a yes/no question concerning the recipient's ability to perform an action: *Telefoni alla libreria?* / *Позвонишь в библиотеку?* (*Will you call the library?*); *Не могли бы вы закрыть окно?* / *Potresti chiudere la finestra?* (*Could you close the window?*). General questions, while not universal, can be negative or positive. In the 1977 publication by Italian linguists, which examines the ways of expressing a request with interrogative sentences, not a single example with negation is given [Benincà et al. 1977: 524-525]. In Russian, on the contrary, interrogative statements without a negation are not considered to be conventional expressions of request. According to B. Comrie, in everyday Russian language, questions like *Ты можешь убраться?* (*Can you take it away?*) are interpreted by the addressee as a peremptory command [Comrie 1984: 281]. Negative questions with a verb in conditional mood are perceived by listeners as a conventional polite request (see example above).

A. Aikhenvald classifies as directives questions with the modal *must, have, need, be necessary*, the semantics of which concerns the necessity of performing an action [Aikhenvald 2010: 260]. Such

questions express instructions not to do or to stop doing an action. In Italian it may be a question like *Devi stare proprio qui?*, equivalent to Russian *Ты должен стоять именно здесь?* (*Should you stand right here?*). Both questions in certain contexts may convey a command to move, step aside, or even leave.

Questions with the implicit semantics of causativity are also considered to be an indirect expression of directiveness: *Perché non chiudi la porta?* / *Почему ты не закрываешь/закрываешь дверь?* (*Why don't you close/shut the door?*). Such questions can be used as inclusive directives: *Почему мы не идем в кино?* / *Perché non andiamo al cinema?* (*Why aren't we going to the cinema?*). The negation in such questions has a differentiating role: the sentences *Perché chudi la porta?* / *Почему ты закрываешь дверь?* (*Why do you close the door?*) and *Perché andiamo al cinema?* / *Почему мы идем в кино?* (*Why are we going to the cinema?*) do not have a directive meaning, but are special questions. In Russian, a variant with the subjunctive mood is possible: *Почему бы нам не пойти в кино?* (*Why don't we go to the cinema?*) *Почему бы тебе не закрыть дверь?* (*Why don't you close the door?*).

3.3.2. Declaratives

Directiveness can be expressed by declarative sentences, including performative constructions expressing an order, a request, a plea, etc. In non-performative declarative sentences the present and the future tenses, and in Russian also the past tense may be used: *Сейчас ты идешь и рассказываешь ему все* / *Vai e gli racconti tutto* (*Now you go and tell him everything*); *Ты пойдешь и расскажешь ему все* / *Andrai e gli racconterai tutto* (*You will go and tell him everything*); *Пошел и рассказал ему все!* (*Go and tell him everything!*). In Italian, constructions with the passive-reflexive particle *si* are one of the ways of conveying deontic modality, representing a generalized subject as a role model: *Non si fa così* = *non si deve fare così* = *non fare così* (*do not do so*) or *Si dice "fate"*, *non "facete"* = *si deve dire "fate"*, *non "facete"* = *di "fate"*, *non "facete"* (*one should say "fate" and not "facete"*) [Salvi 2001: 121]. The future indicative, too, may have a similar directive meaning, but the future tense may express a directive regardless of whether the particle is present.

In many languages, the absence of any reference to the executor of the caused action, i. e. impersonality, is a tactic of reducing impositivity. This correlates with the tactics of going off record with a face-threatening act (FTA) by being vague [Brown and Levinson 1987: 226]. However, this is true only for passive or declarative sentences with a finite verb form [Aikhenvald 2010: 268]. In Russian the directive, addressed to one addressee and expressed with an infinitive, conveys a categorical order or a mandatory injunction and its inevitability [Vinogradov 1938: 604-605]. The increased categoricity and even rudeness characteristic of the infinitive in the directive function emphasize the power of the speaker over the hearer or his/her higher position in the social hierarchy.

Directives may take the form of free-standing dependent clauses with the main clause omitted, as does, for example, conditional clause in modern Italian used as a request: *Se mi dice la pagina...* (*If you tell me the page...*) [Vallauri 2004: 196]. It seems that in Russian a similar indirect directive is also possible: *Если ты мне скажешь страницу...* Free-standing conditionals have the same intonation as offers or invitations formulated in a different way [Cresti 2000]. They are characterized by less impositivity compared to other syntactic constructions, which is consistent with the strategy of the FTA-avoidance described by P. Brown and S. C. Levinson: “be incomplete, use ellipsis” [Brown, Levinson 1987: 227]. Conditional subordinate clauses contain an element of supposition, wish, future projection, and refer to actions that have not yet been performed. All of this makes them closer to a mildly expressed wish that something should happen rather than with a demand that it does [Aikhenvald 2010: 278].

3.3.3. Substantivized forms and elliptic constructions

Across languages, substantivized forms and elliptic constructions are among the most frequently recurring ways of conveying volition without using the canonical imperative, in addition to verbal forms mentioned above.

E. S. Skoblikova distinguishes between the following types in “verbless” directive sentences in Russian [Skoblikova 2006: 293-296]:

- Naming the state to which the interlocutor is brought: *Спокойно, спокойно, Дарья Дмитриевна* (A. Tolstoy) (*Easy, easy, Darya Dmitrievna*).
- Constructions with a direct object as the obligatory component, implying (with a directive intonation) an ellipsis of the verb *дать* (*to give*) in different meanings: *Прохор, шашку! Маузер!* (M. Sholokhov) (*Prokhor, the sword! The mauser gun!*); *Коней, - зычно крикнул Григорий, комкая в руках плеть* (M. Sholokhov) (*“The horses,” Grigory shouted, crumpling the lash in his hands*). The accusative case of a noun is a formal marker of the directive meaning.
- Constructions containing adverbial clauses indicating the direction of the desired movement: *Он скомандовал тихо: «За мной!» – и солдаты пошли* (O. Kozhukhova) (*He quietly ordered: “Follow me!” (lit. “Behind me!”) - and the soldiers moved along*); – *Егор Павлович! Сюда!* (K. Fedin) (*- Yegor Pavlovich! This way!*). In the presence of such adverbial clauses, the call to move is clear even without the corresponding verbs like *move, depart, go*, etc;
- Interjections and vocative directives: *Ну!* (*Well!*) *А ну-ка!* (*Come on!*) *Давай!* (*Come on!*). Such sentences express in the most general form a motivation to start or stop an action without specifying the action exactly: — *Давай!* – кричал он гармонисту. – *А ну ещё!* (Y. Nagibin)

(“Come on!” he shouted to the accordionist. “Go on!”). Other interjectional sentences have a more concrete semantics: – *На конюшню! Марш!* (M. Sholokhov) (— *To the stables! March!*).

In Italian, verbless directive sentences are used in cases similar to those discussed above for Russian and may consist either of a single adverb of place/direction or of a phrase with a noun and a preposition; they may be nominal or prepositional clauses consisting of a direct complement or a nominal part of the predicate with the verb omitted: *fuori!* (*out!*), *fuori da questa stanza!* (*out of this room!*), *giù la testa!* (*head down!*), *a casa!* (*home!*), *silenzio!* (*silence!*), *attenti!* (*attention!*).

The shorter the directive utterance, the less polite and more obligatory it is. Elliptic directives belong to hazardous speech acts, and the sphere of their use is therefore limited to certain discourses. A. Aikhenvald notes that such directives are not uncommon in language of the military where interpersonal relations are subject to a strict hierarchy [Aikhenvald 2010: 281].

3.4. Conclusions

Typologically, directive means in a language are divided into imperatives, which include verb forms of the imperative paradigm, and directives, which include all other morphosyntactic ways of expressing directiveness. In Russian, imperative forms are marked morphologically, whereas in Italian they are marked morphologically and syntactically. Syntactic marking is achieved through the position of clitic pronouns: in the imperative they occupy the enclitic position, while in the indicative they take the proclitic position; in other words, the position of the pronoun vis-à-vis the verb word form is a category feature, unlike in Russian. The imperative paradigm in Italian is formed using morphemes borrowed from the indicative paradigm. In Italian, only the 2Sg of the first conjugation in *-are* is a dedicated imperative form; for all other verbs the 2Sg form is identical to the 2Sg present indicative. The verbal aspect is not a grammatical category in Italian; in Russian, it imposes some restrictions on the use of verb forms in certain contexts.

Modern normative grammars of the Russian language describe the imperative paradigm as complete, i. e. having all possible forms, except 1Pl.Exl. Only 2Sg and 2Pl have dedicated morphological markers — the endings *-ŭ*, *-ŭ* or *-b* for singular and *-me* for plural, the latter is attached to the imperative singular. The other forms are formed analytically or by borrowing a form from the indicative paradigm (inclusive imperative). There is no consensus among Italian linguists regarding the completeness of the imperative paradigm: some of them exclude the 1Sg form. The Italian imperative paradigm is characterized by numerous borrowings from other verbal paradigms, namely, indicative and subjunctive. Whereas in Russian the markers of formal and informal address to one or more listeners coincide with the 2Pl form, i. e. formally the choice is limited to two imperative forms, in Italian four markers of

singular and plural, formal and informal address in the imperative are available. The singular and the plural are expressed by forms of the imperative paradigm, most of which are homophonous with the indicative forms. Formal (etiquette) address in the imperative is expressed by verbal forms borrowed from the present subjunctive paradigm: these are the so-called *Lei-* and *Loro-*forms. The overlap between the imperative, the indicative, and the subjunctive paradigms was inherited by Italian from Latin.

Imperatives are the canonical but not the only way of expressing will and directing. Non-imperative directives in the two languages seem to be similar in their constructions and are represented by interrogatives, declaratives, as well as substantivized forms and elliptic constructions.

This is a normative description of linguistic means of directive strategies. In Chapter Four we will begin to describe the linguistic means used in Russian and Italian spoken language in situations which are as close to the real ones as possible and to compare them with each other from the functional point of view.

Chapter Four. Tactics of directive strategies in Italian and Russian speech

4.1. Collection of examples

The collection of examples in our study is based on dialogues from contemporary films and TV series. The cinema is one of the most anthropological arts: its language is based on situational models of behavior peculiar to specific people living in specific sociocultural conditions and placed in specific circumstances. In our work, we analyze dialogues from films and TV series belonging to contemporary mass culture, the dominant role in which definitely belongs to cinema. In fact, cinema prevails over all other forms of cultural consumerism. The positive attitude towards mass cinema in this work is driven by pragmatic considerations: if a film attracts a large audience, it can tell us something about the contemporary society, about its culture and language in general. Therefore, we do not reject mass culture and its consumers but instead, based on our research interest, intend to study the language presented in films that have not garnered awards or have been noted by film critics. In the modern, dynamically developing society, mass culture is not only a mechanism of socialization: it also shapes behavioral, speech, and other patterns, determines the strategies and tactics of interpersonal communication. Mass culture is characterized by standardization and formularity, and this is what makes it interesting for a researcher: within mass culture, texts and communication perform primarily a social function, as they focus on the individual's adaptation to certain social and cultural contexts and on speech socialization, in particular. Taking into consideration the triviality, semantic and aesthetic secondariness of mass film culture, we turn first of all to the everyday experience it reproduces, to archetypal behavioral and speech patterns⁹⁰.

The main selection criterion was the contemporary nature of plots, events and the language used to narrate them. This selection allows covering a wide range of current trends in the two languages and of typical contexts in different social groups of contemporary societies. Dialogues used in the films are obviously not spontaneous speech production, unlike "live" conversations in a natural setting, and cannot be considered "pure" samples of certain speech genres. However, when choosing the examples for our research, we relied on the natural desire of the script-writers to create linguistic identities typical of their time, of a particular social status and communicative roles. Even though the authors of the dialogues are not linguists, they are professional word-smiths, and there is no doubt that they have an intuitive idea of how a teacher, a cab driver, a journalist, etc. speaks.

⁹⁰ The works by A. V. Kostina [2003] and A. V. Pavlov [2014] seem noteworthy in this respect.

4.1.1. Situational contexts, communicative and social roles

The contexts we examined determine the social roles of participants in a dialogic interaction and include both everyday conversations between people of the same or different age, parents and children, and professionally determined situations, such as legal and medical practice, communication between representatives of uniformed services, and pedagogical activity. Communicative roles are the roles of the speaker and the listener, which are not permanent in communication. Social roles are located on the axis of solidarity/power, reflecting either communication between equal participants, for example, dialogues between colleagues, friends, relatives, or communication within a hierarchical system, for example, between a supervisor and a subordinate or a parent and a child. Theoretical studies of small groups have shown that the concept of social role is extremely important, because the same communicator demonstrates changes in his/her speech behavior depending on the social role he/she has at that moment.

As for the communicators' communicative intentions, M. V. Kitaygorodskaya and N. N. Rozanova divide them into two groups, depending on the two types of communication: phatic and non-phatic. Phatic communication is implemented in meta-linguistic and poetic functions, while non-phatic communication tends to implement primarily informative, appellative, and prescriptive functions [Kitaygorodskaya, Rozanova 2003: 107]. The connection between the theory of social roles and issues of functional stylistics was demonstrated in the work by K. A. Dolinin in the late 20th century [Dolinin 1976; 1987].

We understand situational contexts as speech situations viewed as structured objects consisting of several variable elements: 1) a speaker and his/her social role; 2) an addressee and his/her social role; 3) psychological distance between the speaker and the addressee (formal, neutral or friendly); 4) communicative tonality; 5) purpose; 6) language code (standard language, local dialect, professional language, community jargon); 7) communication type (contact/remote or oral/written). This list is based on the set of features of speech situations proposed by R. Jakobson [Jakobson 1960], later elaborated upon by D. Hymes [Hymes 1964c] and L. P. Krysin [Krysin 1992] (see also [Mikhalchenko 2006: 194]). According to the definition given by the British sociologist A. Giddens, famous for his theory of structuration and holistic view of modern societies, social roles are “socially defined expectations that a person in a given *status*, or *social position*, follows” [Giddens 2009: 264]. Thus, a teacher, as a person occupying a special position, will act towards his/her students in precisely defined ways.

Situational variability is manifested in language in the preference for certain linguistic means, the most effective from the speaker's point of view, at the expense of others, depending on the situation [Mikhalchenko 2006: 199]. As no speech situation can take place outside of the social context, there is a close relationship between social variation and situational variation in language, which results in an

overlap between the differences caused by the social situation and the differences caused by the social stratification of society [Labov 1975: 150-151]. Social role can be viewed as a dynamic aspect of social status: the status answers the question “who is this person?” and the social role answers the question “what is (s)he doing?” [Krysin 2003: 21]. V. I. Karasik understands social role as “a steady pattern of behavior that includes one’s actions, thoughts, and feelings” [Karasik 2002: 13]. Social roles perceived by communicators are determined by our everyday behavior and interaction with others and help to construct personal *identities* containing information about oneself and others [Goffman 2000]. Role performers follow certain behavioral norms. For example, a buyer has the right to examine goods, to make comments about the price, to haggle (in some cases and in some cultures), but has no right to leave without paying [Shibutani 1969: 44].

The ability to vary speech depending on the situation implies a certain level of communicative competence of a native speaker. The concept of “situational variation” is not equivalent to the concepts of “speech style” (Russian *стиль речи*) or “functional style” (Russian *функциональный стиль*), the first of which has a fairly regular and stable character, while the second belongs into the domain of speech practice, not to the situation of communication.

Our work will also consider features of directive tactics in small social groups, one of which is the family. The study of family language in general and directive tactics in particular is of great interest in itself, because it touches upon the ontological problems of speech: it is in the family that the foundation of one’s linguistic, speech, and communicative identity is laid, and the process of language socialization begins. Family speech is understood as everyday spoken speech “of people living together, connected by ties of blood or acquired family ties” [Baikulova 2006: 7]. Specificity of family speech consists in shared background and socio-precedent (intrafamily) phenomena [Zanadvorova 2003: 279-280].

4.1.2. Social stratification in language

The presence of alternative socially conditioned elements in language is reflected in stratification variability, which is understood as the dependence of one’s speech behavior on one’s belonging to different social strata and social groups [Mikhalchenko 2006: 199]. In many societies, the speech of the upper and middle social strata is characterized by a standardized literary language in all communicative situations, while the lower strata are characterized by colloquialism or dialect. Quantitative and qualitative distribution of speakers of a language is relevant for our study first of all from the point of view of availability of education, and, hence, the level of formation of linguistic identity. Moreover, social stratification and the social statuses associated with it influence the choice of means of social categorization in directive utterances, which, as will be shown below, have a high cognitive potential.

The main criteria for defining social strata are 1) political potential, expressed in the extent of power and managerial functions; 2) economic potential, manifested in the amount of property, level of income, and standard of living; 3) socio-cultural potential, reflecting the level of education, qualification, and professionalism of employees, peculiarities of lifestyle and life quality, and finally, social prestige, which is a concentrated reflection of the attributes listed above [Zaslavskaya, Gromova 1998]. T. I. Zaslavskaya developed an empirical model of the social structure of Russian society, which includes five main strata:

- the ruling elite.
- the upper stratum, which consists of large and medium-sized business owners, directors, upper-level state bureaucracy with high potential.
- middle stratum (small business owners, middle-ranking managers and specialists).
- the base stratum, which is the most numerous one and includes salaried employees with various qualifications, low income, and low potential.
- “underclass” — social outcasts with no independent income and low potential [Zaslavskaya 1997; 2003; 2004].

According to N. E. Tikhonova’s 2003-2006 ESOMAR (European Society of Marketing Research Professionals) study, the middle class (approximately 33.3%) and the poor class (approximately 34.3%) prevail in contemporary Russia. [Tikhonova 2007]. The dynamic picture of stratification of Russian society, which is already beginning to show a tendency towards stability, shows that the society is in a state of transition to the capitalist type following the example of the West; “in the process of capitalism formation in Russia, class identity and class solidarity, which are important in the context of the identity of any socio-economic class, have been lost” [Gonashvili 2015: 16].

The most famous stratification model of Italian society is the 1974 model by Paolo Labini [Labini 2015], which is based on economic indicators: the level of income and the way it is obtained. In addition to the main categories of income (rent, salary, and economic profit), Labini also took into consideration mixed incomes derived from a combination of the three sources mentioned above, as well as the incomes of tertiary, quaternary and quinary sector employees engaged in maintaining social order and not producing material goods. Italian society is divided into three strata, comprising a total of six groups:

- “authentic” bourgeoisie: large landowners (rent income), upper-class business owners, and managers in joint-stock companies (economic profit and mixed income), independent entrepreneurs (mixed income);
- *petite* bourgeoisie (the middle class):
 - employees (salary),
 - relatively independent entrepreneurs (mixed income): farmers, craftsmen, traders, small business owners,

- special categories of the *petite* bourgeoisie, such as the military and the clergy (salaries);
- proletariat:
 - class of workers (salary);
 - lowlifes.

The social status of an individual in a society is inevitably determined by the presence and diversity of social strata in a given society. Modern literature in sociology and psychology attempts to reduce social status to a specific set of components, among which are income, career, power, lifestyle, age, gender, and others [Giddens 2009; Driskell, Mullen 2006]. Social status combines objectively inherent characteristics that determine an individual's position in a social group with the subjective perception of the individual by other members of the group [Andreeva 2002: 142]. A. Giddens quotes Irving Goffman as saying that in certain contexts or places social rules emerge and statuses are created: "When an individual enters the presence of others, they commonly seek to acquire information about him or bring into play information already possessed. ... Information about the individual helps to define the situation, enabling others to know in advance what he will expect of them and they may expect of him" (cited from [Giddens 2009: 265]). In our examples there are directive tactics based precisely on such information, known to both the speaker and the addressee. V. Karasik considers social status to be "the correlative position of a person within a social system which includes rights and responsibilities, as well as resulting mutual expectations of behavior [Karasik 2002: 5].

In linguistics, social status is seen as a phenomenon embedded in semantics of many linguistic units denoting human behavior. Social differentiation of language serves as the clearest manifestation of the connection between language and society. In some East Asian languages, including Japanese and Korean, the category of one's social status is encoded grammatically [Karasik 2002: 174].

In lexical semantics, the categorial feature of social status can become primary when a word's main function is the expression of social status (status appellatives and words denoting a person's position in a system of social hierarchy, for example, army ranks). In terms of informativity, the formulas of social etiquette may be viewed as phenomena of the same order as appellatives. Unlike many European languages, in Russian the number of special appellatives is very limited. In this regard, in Russian there is a problem with minimizing the face-threatening effect and increasing the perlocutionary effect due to the lack of generally accepted references to representatives of a social group. According to D. S. Likhachev's apt observation, "we are a country without reference to another"⁹¹. The most frequently used form of address for fellow citizens in a formal situation is by their name in combination with their patronymic because the appellatives *господин* (*mister*) and *госпожа* (*madam*) have not really taken roots, while the appellative *товарищ* (*comrade*) maintains a strong connection with the egalitarian

⁹¹ From an interview with D. S. Likhachev, "V lagere teh, kto ne materilsja, rasstrerivali pervymi" (<https://www.pravmir.ru/o-russkom-yazyke-i-nenormativnoj-leksike/> date of access: 07.05.2021).

ideology of the Soviet past, which has lost its relevance in the modern world. In general, proper names, which combine anthroponymic and vocative features, can indicate the difference in status between the communicators. “The status feature in proper names is actualized by certain combinatory variants of the personal name (components of the personal name) and the title or the rank” [Karasik 2002: 201]. In Italian, the appellative may be represented both by a combination of the title with the name (surname), as above, and by the title or the rank alone. In Russian, addressing a person by name and patronymic expresses respect.

The social status of a person is a category specific to pragmalinguistics [Karasik 2002: 142]. The status relations of communicators are reflected in the classification of speech acts, which are divided into status-specific and status-neutral. Injunctives (orders, demands), requestives (requests, pleas), and instructives (instructions, bans) belong to status-labeled speech acts, which, in turn, are divided into status-fixed and status-labile [Karasik 2002: 119]. The social status of communicators is manifested in the modus of the utterance.

4.1.3. A brief description of the current state of Russian and Italian languages

The empirical Russian language material we collected draws on colloquial speech; according to O. B. Sirotinina, the latter is an oral literary form of direct communication [Sirotinina 1969: 373], while according to E. A. Zemskaya, colloquial speech is either one of the two varieties of literary language or informal speech of literary language speakers [Zemskaya 1973: 5]. The language of educated urban class shows stratification based on the speakers’ language proficiency and depending on the social stratification. These strata are defined as “intranational types of speech culture”: elite speech culture; middle-literary speech culture; colloquial type of literary speech culture; familiar-colloquial and vernacular type of speech culture [Gol’din, Sirotinina 1998: 414-415]. From the viewpoint of the linguistic norm, the stratification is based on the relationship between informal, easy speech and the norm of the literary language. Colloquiality, as a feature of speech action, can be unconscious and natural and can characterize the speech of people of “vernacular culture”. Alternatively, it can be intentional and used to demonstrate solidarity (closeness) with the addressee [Kormilitsina 2007: 268]. Colloquial speech is characterized by heterogeneity, diffuseness, and use of substandard language [Chemist 2013: 164]. We take the liberty to apply to our study the words of W. Labov that “the ungrammaticality of every-day speech appears to be a myth with no basis in actual fact” [Labov 1971: 165], and that is why it is a point of interest for the research.

The factors that form the communicators’ language portraits include their educational background, related to such parameters as communication conditions (business, friendly or everyday), normativity and non-normativity of speech. T. A. Milyokhina also lists the general level of culture as

one of the determining factors [Milyokhina 2003: 518]. Stylistic variation of language, apart from being conditioned by the social factors of social status and the social role of the speaker, is also affected by situational factors, giving us a dynamic picture of the social stratification of the language [Krysin 2003: 20].

Thus, the nature of communication in a heterogeneous social environment, which correlates but does not coincide with the linguistic heterogeneity of communicators, is influenced by linguistic, social, and situational factors. In addition, when setting out to communicate, each communicator is focused on communicative “cooperation” (Grice’s cooperative principle), and, therefore, on the search for the most effective forms and means of communication.

The concept of language norm is of great importance for our study. In modern linguistics is used in two senses. In the broad sense, it is a set of traditionally and spontaneously formed ways of speech, fixed and consciously cultivated by the society. In this sense, the norm is close to *usus*, understood as generally accepted and established ways of using language [Krysin 2010: 10]. In the narrow sense, norm is a set of normative prescriptions concerning the use of linguistic means which can be found in dictionaries and grammars. As for directive constructions, we dealt with the linguistic norm in the third chapter. Violations of linguistic norm are viewed as displaying an insufficient knowledge of the codified form of language (literary language) and indicate a certain status of the speaker [Mikhailchenko 2006: 263]. *Usus* consists in the adherence of native speakers to normative prescriptions. It is obvious that in live colloquial speech there will be a mismatch between normative prescriptions and speech practice. One of the purposes of our study is to compare how *one is expected to speak correctly*, that is, the *prescriptive* norm, and how *one actually speaks* in Russian and Italian society, that is, the norm in its *descriptive* sense (see also [Koseriu 1963: 175]). Besides, one should remember that in speech practice one may observe deviations both from the prescriptive norm and from the traditional one [Krysin 2010: 12]. As for the speech practices of contemporary Russian speakers, linguists note a distinctive feature of the last decades of the 20th and early 21st centuriesnamely, loose style which has replaced impersonality and standard speech [Zemskaya 2010: 210]. More radical assessments have been made, too: O. B. Sirotinina argues that the boundaries of functional styles are currently being blurred because the majority of the population does not have command of the functional-stylistic differentiation of literary language since the communicative competence of speaker/writer is lacking [Sirotinina 2013: 33].

Contemporary Italian linguistics distinguishes between the notions of norm (*norma linguistica*) and the standard version of the national language (*italiano standard*). The former is understood as a set of rules relating to all levels of language (phonology, morphology, syntax, vocabulary, textuality) which is accepted by most native speakers within a certain cultural and historical period [Giovanardi 2010: 17]. Such a norm is also called “implicit”. A norm can also be understood as a neutral, unmarked variant of language from the point of view of stylistics and diatopic variation [Antonelli 2007: 46]. The notion of

standard refers to a variant of language subject to normative codification and serving as a model for the correct use of linguistic means [Berruto 2016: 26]. Codification refers to the existence of a certain corpus of model texts (literary works, grammars, dictionaries) and a set of rules relying on authorities in this field. This variant, by contrast with the previous one, is called the “explicit” norm. The standard variant of the Italian language is designed to meet the needs of native speakers in all contexts and in all areas of language use. This variant of the language is taught in school. The notion of a standard variant of the language is opposed to the notion of a dialect. The Italianization of dialects during the period of united Italy (the last 150 years) has led to the transition of the linguistic dichotomy “language / dialect” to the plurality “dialect / regional dialect / regional Italian / general Italian” [Pellegrini 1975: 11-54]. G. Berruto distinguishes between nine variants of the Italian language: noble (formal), scientific and technical, bureaucratic, standard literary, neo-standard, colloquial, popular regional, vernacular (informal), and slang [Berruto 2016: 24]. All these variants are organized hierarchically: standard literary and neo-standard constitute the core of the modern Italian language. The latter variant has the same status as the average Italian regional cultivated language, which makes clear the origin of the neo-standard language: on the one hand, it is the offspring of the standard literary language, on the other hand, it shows the effects of diatopic differentiation. The neo-standard language implies the existence of a linguistic base common to all educated speakers of the Italian language, including, first of all, unified morphology and syntax, as well as regional features, perceptible in the speech of most Italians [Berruto 2016: 26-27]. Most often regional peculiarities manifest themselves in pronunciation and intonation. The neo-standard is distinguished by simpler constructions, most often characteristic of colloquial language; in diaphasic variation it is characterized by the use of special functional styles (*linguaggi settoriali*) in everyday communication [Mioni 1983: 515].

This dissertation presents a continuous sampling of minimal dialogical entities (MDEs)⁹² with directive turns taken from Italian and Russian films and TV series released in 2014-2019. Such a short time interval was chosen intentionally in order to be as representative of contemporary colloquial speech as possible. A total of 291 MDEs (6.280 words) in Italian and 259 MDEs (6.580 words) in Russian (an average of 14 hours of screen time in each language) were analyzed. Examples of specific tactics abound in each of the films under analysis, but only some of them have been included in this dissertation as illustrative material. The apparent preference for examples taken from one film vis-à-vis another is due solely to the random ordering of the linguistic material during the analysis. In order to avoid repetition and cluttering the dissertation with similar examples, we limited their number to a minimum. At the end of the chapter, we provide a quantitative analysis of the identified tactics and the linguistic means

⁹² Minimal Dialogical Entity (MDE) is a set of initiating and responding lines in a dialogic interaction. It is a group of adjacent dialogue turns combined on a communicative-psychological basis. The length of the MDE is determined by the informative and psychological exhaustiveness of the given phase of communication from the position of speech partners [Matveeva 2010: 90-91].

involved. The name of the film from which the example was taken is given in parentheses. For the sake of clarity, the examples are accompanied by our own translation of the DE, sometimes in two versions: a literary and a word-for-word translation. We intentionally did not use the translated versions of Italian films because of the laboriousness of collecting the linguistic material, and because our task does not include a translation analysis of directive tactics. In some cases, we undertook syntactic transformations of the original utterances in order to affirm them in the above-mentioned corpora of Russian and Italian languages. The entire collection of examples is available in the appendix to this dissertation.

The criteria for selecting the filmography were the contemporarity of the linguistic material to the moment of the research and the largest possible representation of the social strata of modern society, and, consequently, the social stratification of the characters' speech. The plot, the topics, and the situations depicted were not taken into consideration.

4.1.4. Italian filmography

The choice of films as the most faithful and accurate reflections of sociolinguistic trends in the contemporary society was based on the representativeness of the linguistic material and, to some extent, on their popularity with the viewers.

Suburra (2017), 2 seasons (about 11 hours of screen time analyzed). The series is based on the novel by the same name by Giancarlo De Cataldo and Carlo Bonini. The series deals with the competitive awarding of the construction project for a tourist port in Ostia and the criminal events unfolding against this background, in which politicians, prelates of the Church, criminal elements, and ordinary citizens of Rome become the protagonists. Politicians, lawyers, and church prelates in Italian society often come from the upper or middle classes and traditionally speak a normative version of the language because of their origins, their education, and the historical continuity of generations. They often have an excellent command of different types of speech culture. The familiar-colloquial and vernacular type of speech culture in the series is characteristic of outright criminal elements, who use a certain sociolect. We did not take into consideration their utterances in the Roman dialect and in the Sinti language.

Non dire al mio capo (Don't Tell My Chief) (2016), Season 1 (about 3 hours of screen time analyzed). The characters of the series are a successful lawyer with a difficult character, a young woman who joins him as an assistant, her two children, and other employees of the law office. Even though the action takes place in Naples, the speech of the characters is completely free of dialectisms and regionalisms. The series is of considerable interest in terms of social roles: the plot touches on solidarity in the relationship between colleagues and friends, the relationship of power in the system of boss / employee and parent / child.

Smetto quando voglio (I Can Quit Whenever I Want) (2014), a film (about 100 minutes of screen time analyzed). This comedy tells the story of gifted Italian researchers in various fields of science, who, in search of a way out of the existential dead end of the precariat, team up to produce and distribute smart drugs that is not yet illegal under Italian law. The comicality of the situations, however, does not affect the speech style of the characters, which ranges from elite and middle-literary to the literary-colloquial type of speech culture.

4.1.5. Russian filmography

As in the case of the Italian filmography, the Russian-language films were selected according to the degree of popularity and representativeness of the sociolinguistic material. However, Russian society, as we have already pointed out above, is characterized by less diversity of historically established social strata and, consequently, by more homogeneous language portraits of the characters.

Mazhor (Silver Spoon) (2014), Season 1 (about 8 hours of screen time analyzed). A thrilling detective-crime series tells the story of a young native of Moscow who received a law degree. Dialogues in the series are samples of conversations between colleagues, friends, bosses and their subordinates, and lovers. The social stratification of Russian society, as represented in contemporary Russian movies, turns out to be not as definite and pronounced in speech as in Italian films. It seems possible to single out only the sub-standard language spoken by criminal elements. The speech interactions between policemen and unruly elements and law breakers allow observing the relationship of power, expressed through different linguistic means.

Shtorm (Storm) (2019), Season 1 (about 6 hours of screen time analyzed). At the center of the plot are two colleagues and friends. Both work at the police department, but neither is subordinate to the other. As long as their relationship remains friendly in everyday life and equal in the work environment, their dialogues are characterized by language expressing a relationship of solidarity. However, when one of them commits a malfeasance and the other begins to suspect it and tries to expose his friend, their speech interaction changes its character: the first one does not accept the other's attempts to force him to confess everything, while the second person becomes more imposing in prompting his friend to a certain behavior. There are other storylines in the series tracing different types of relationships in two male / female couples. While in one of them the partners are characterized by an open and rather caring treatment of each other, the other couple is characterized by reticence and demonstration of one's own freedom from the other.

Sadovoe Kol'zo (Garden Ring) (2016). At the center of the narrative is an affluent Moscow family. The wife is a psychotherapist, and the husband is a business owner. Their social status is quite high in modern Russia. It should be noted that the speech of modern Russian business owners is

characterized by colloquial syntactic structures, incomplete and interrupted syntax, and ellipsis, which corresponds to T. A. Milyokhina's comments [Milyokhina 2003]. The peculiarities of the dialogues in the series are determined by the plot: almost all of them take place in the circle of the family and close people, with the rare exception of the dialogues between the detective and the parents of the missing young man. The characters in the series have a good command of cultural norms and a variety of speech resources.

4.2. Interpersonal attitudes tactics

As we have already discussed in Chapter Two, verbal strategies and tactics are determined by a system of settings, divided into interpersonal and non-personal. The interpersonal settings include:

- setting on oneself. This attitude is influenced by self-interpretation.
- setting on the addressee. It is the most important setting in communicative terms, because it provides information exchange and determines the entire spectrum of illocutionary functions and other *modi operandi*.
- setting on third persons who may be present during communication as listeners and may influence the communicative strategy of the speaker.

Non-personal attitudes include:

- setting on reality. It is expressed in references, i. e. in the correlation of linguistic expressions and their components with extra-linguistic objects, situations, events, facts, states of things in the real world.
- setting on the propositional content of the utterance.
- setting on linguistic means. It determines the language inventory used by the speaker to turn their intention into words and to express the propositional content.

These settings influence the choice of functional style, the use of literary or dialectal forms of language, the possibility of using obsolete expressions, and the choice of specific syntactic structures and specific vocabulary.

When choosing one or another tactic the speaker cannot take into consideration only one of the settings: most times it is necessary to consider a complex of settings. Directing represents causation of some action or state, termination or prevention of action or state [Gusev 2013] and, as a consequence, a change of reality. Therefore, any directive statement has a setting on reality. Every action must have an agent. In directive statements, the agent of the future action is most often the listener (the addressee of the statement), though it can be both the speaker him/herself, a third person, the speaker together with the listener, or the listener with the third person(s). Thus, almost any directive utterance has interpersonal attitudes. In other words, there is no directive utterance that has only one type of attitude, interpersonal

or non-personal; however, one of the types is predominant. Below, we will consider all six types of basic settings, beginning with interpersonal attitudes, and analyze the tactics that correspond to them.

A. P. Volodin and V. S. Xrakovskij proposed a classification of “individual semantic interpretations of imperative meaning” [Xrakovskij, Volodin 2002: 132, 137], based on three binary features:

- 1) Impulse of causation:
 - comes from the speaker;
 - comes from the listener.
- 2) Interest:
 - implementation of an action for the speaker’s benefit;
 - implementation of an action for the listener’s benefit.
- 3) Subordination:
 - the speaker positions him/herself above the listener;
 - the speaker does not position him/herself above the listener.

Obviously, when choosing a directive tactic, the speaker must consider the features above. Thus, in the speech act of permission, which is in itself beneficial for the addressee, the impulse of causation comes from the listener. In practice, directing is a response to an explicit request for permission or to an expression of need for an action.

Different level of interest in the execution of the intended action is reflected in setting either on oneself (the speaker) or on the addressee (the listener). It makes sense to believe that if the caused action is beneficial for the listener, it considerably simplifies the task of successfully carrying out the speech act for the speaker, while the benefactivity of the caused action for the speaker will require more tactical creativity from the speaker.

Subordination is realized in power relations, and the absence of subordination is characteristic of solidarity relations. In the speech act of directing, the speaker may be in, or believe that he is in, a higher social position that allows him/her to force the interlocutor to perform the action (s)he is looking for. In this case, the intended action is considered obligatory for execution, and the speaker does not need to think about the success of the directive utterance. Such directive strategies include, for example, orders. In a different situation, the speaker may be in a lower social position in relation to the addressee or position him/herself below the listener, and then s/he needs to think particularly carefully about directive tactics in order to achieve the desired perlocutionary effect. In addition, there are relationships in which there is no subordination, and the interlocutors recognize each other as equals, standing in solidarity with each other. In this case, too, the speaker does not put him/herself above the listener, and his/her directive tactics will be constructed differently from the first two cases.

4.2.1. Tactics of settings on oneself (on the speaker)

The benefactivity of the action sought for the speaker can be reflected explicitly or implicitly in the used tactic. The speaker can openly inform the addressee of his/her own desire for a particular action to be performed, or speak of the importance and necessity of the action for him/herself, or use conventional linguistic markers to indicate the benefactivity of the action for him/herself, or signal his/her own interest in the execution of the caused action in other ways. Cases when a caused action is beneficial for the speaker fall into two categories: either the speaker believes that (s)he is in a higher social position, sufficient to make the addressee perform the intended action, or the relationship between the speaker and the addressee is characterized by such a degree of closeness (solidarity) that the addressee is ready to perform the action in the interests of the speaker, and the speaker is sure of this. The directive strategies of the first type include an order, a command, a demand, an instruction, etc., while the second type includes a request, a plea, and an exhortation. The interests of the speaker may be personal as well as non-personal (e. g., professional) in nature.

4.2.1.1. Desiderative. Many researchers connect the semantics of the imperative with the desire (will) of the speaker (see, for example, [Apresyan 1974: 22; Mel'chuk 1998 (I); 155]). Note, however, that a number of works exclude desire from the interpretation of the imperative, since some directive speech acts such as permission and advice are not motivated by the speaker's desire. In other words, desideratives have directive semantics if the caused action is beneficial for the speaker and not to the addressee.

In Italian language the speaker expresses a directive to perform a particular action in the form of his/her own wish, sometimes passed off for a wish shared with the addressee, by means of the subjunctive of desirability⁹³: *voglio che Subj.Preas (I want somebody to do something)*. In example (1), the cardinal addresses the members of the council of which he is the head and gives instructions on what is to be done. In example (2), the head of a mafia clan speaks to the politician he is trying to bribe.

(1)

Cardinale

Io voglio che ognuno di noi **pensi** bene a cosa è meglio per la Chiesa. E per pensare bene è necessario prendersi delle pause. La riunione è aggiornata, fratelli.
(Suburra)

(Cardinal

I want each one of us to **think** carefully about what is best for the Church. And to think carefully we need to take some time. The meeting is adjourned, brothers and sisters. (Suburra)

(2)

⁹³ In Italian the following conjunctive meanings are distinguished: volitional, dubitative (epistemic), thematic (factive) [Wandruszka 2001: 416-420].

- Samurai **Voglio che usi** tutto il potere che hai conquistato in questi anni per affidare la direzione dei musei di Roma a un amico comune. (Suburra)
- (Samurai **I want you to use** all the power you've won over the years to make sure a mutual friend of ours is given the director's job for all the museums in Rome. (Suburra)

In Russian language, there is a similar construction to express a directive by explicating one's own desire in the form of a compound sentence with a content clause in the subjunctive mood with a desirable meaning, similar to what we observe in Italian. The grammatical indicators of the subjunctive are different, but the volitional meaning is the same in both languages.

In example (3), a university professor addresses students during a lecture:

(3)

- Марина Так, дорогие мои, любимые. Я **хочу, чтобы вы не молчали**. Если у вас назревает вопрос, **чтобы вы** его сразу **произносили** вслух. Я должна знать, что вы сидите эти полтора часа не просто так. Договорились? Покивали головами. Молодцы. (Шторм)
- (Marina Alright, my dears, my favorite people. **I do not want you to be silent**. If there is a question popping up in your head, **bring it up**. I want to be certain that you are not just sitting around for an hour and a half. Do we have a deal? Give me a nod. Great job. (Storm))

(4)

- Марина Ну, хорошо, хорошо. Ладно. Давай тогда поговорим о каких-то насущных вещах. Я **хочу, чтобы мы обсудили**, как вы меня будете хоронить.
- Варя Мам, я не хочу это обсуждать. (Шторм)
- (Marina Alright, alright. Not a problem. Let's talk about something pertinent. **I want to discuss** how you will bury me.
- Varya Mom, I don't want to talk about it (Storm).

(5)

- Ольга Это понятно, но я бы хотела доверять вам.
- Градов А мне вы будете доверять априори.
- Ольга А что вы хотите?
- Градов **Я хочу, чтобы вы рассказали** все. Все, что вы знаете.
- Ольга Вот прямо здесь? Сейчас? (Шторм)
- (Olga That's clear, but I want to be able to trust you.
- Gradov You will trust me up from the get-go.
- Olga What is it that you want from me?
- Gradov **I want you to tell me** everything. Everything you know.

Olga

Right now? This moment? (Storm)

Directing explicating one's own desire indicates the hierarchy of social relations present between communicators. Only a superior who has the right to exercise power, understood as the opposition of solidarity [Brown, Gilman 1960], can believe that his/her desire is sufficient for the execution of the intended action. This assertion is confirmed in examples (1) and (3), where the speaker expresses his own, individual desire, whereas in example (6) a mutual desire is formally expressed, and the tactic moves into the category of cooperation tactics (see below), which in this case the speaker resorts to because the result depends on the actions undertaken by both the speaker and the addressee.

(6)

Monsignor Theodosiou	Vogliamo fare stasera?
Sara	Stasera? Perché no?
Monsignor Theodosiou	Mi fa sapere lei?
Sara	Ci penso io. (Suburra)
(Monsignor Theodosiou	Shall we make it this evening?
Sara	This evening? Why not?
Monsignor Theodosiou	You'll let me know?
Sara	I'll take care of it. (Suburra)

The latter example can be classified both with desiderative tactics and interrogative tactics.

The prohibitive used in the desiderative tactic can take the form of a negative desiderative, that is, one's own unwillingness to perform an action, in the following construction: *non voglio (più) Inf: non voglio più sentire parlare = non parlate più ((no longer) want Inf: no longer want to hear it said = no longer talk about it).*

(7)

Sara	Adesso, però, è necessario che Lei convochi al più presto la Commissione.
Monsignore	Non voglio più sentire parlare di questa storia.
Sara	Certo. Lo so. (Suburra)
Sara	But right now you must convene the Commission as soon as possible.
Monsignor	Don't mention this business again.
Sara	Of course. I know. (Suburra)

In Russian, one may also use a construction containing negation of one's own wish: *Я не хочу, чтобы об этом говорили = не говорите об этом (I don't want the people to talk about it = don't talk about it).* The difference is that in Russian the variants with an impersonalized and a definite performer do not differ in their subordinate clause structure (cf. *я не хочу, чтобы ты об этом говорил = не говори об этом (I don't want YOU talk about it)*), while in Italian the subjunctive is used when indicating a specific performer (2), whereas the infinitive is used when impersonalizing the performer of the action (7). In Russian, there is another prohibitive construction that may be used in the desiderative tactic: in

example (3) in our collection the negation goes not with the desiderative verb, but with the verb denoting the caused action: *Я хочу, чтобы вы не молчали = не молчите* (*I do not want you to be silent = do not keep silent / speak up*). In Italian, a construction with negation on the verb denoting the intended action is grammatically correct but practically not used in speech: *Voglio che non tacciate* (*I do not want you to keep silence / I want you to speak up*). Our collection of examples in Italian does not contain any examples of this construction.

Based on the examples discussed above, we can conclude that the desiderative tactic in both languages is implemented by means of a verb with the semantics of desire (*volere/xomеть* (*want*)) and a subordinate clause, which follows the relevant grammatical rules in each language. The caused action is denoted by a verb in the subordinate sentence and is expressed in Russian by the past tense, and in Italian by the subjunctive. In this tactic, the directive is in a dependent syntactic position: it cannot exist independently and therefore needs syntactic expansion. In the prohibitive — understood as a negative imperative — the desiderative tactic in Russian can be implemented through two almost equivalent constructions: with the negation of the lexical marker of desiderative and with the negation of the verb denoting the caused action. The Italian examples we collected use the variant with the negation of the lexical marker of desiderative, but the variant with the negation of the lexical verb in the conjunctive is found in PAISA' Italian corpus: for example, *Ma vogliamo che non vengano mai usate* (*But we want them never to be used*); *Vorrei che non si dimenticasse il prezzo della vita* (*I wish the people wouldn't forget the price of life = do not forget / have in mind the price of life*).

4.2.1.2 Highlighting the importance of the caused action for the speaker. A directive that takes the form of a request or a plea signals “subjective critical importance for the speaker of the future action performed by the addressee, regardless of the objective value of such action” [Formanovskaya 1998: 193].

The request can be expressed by highlighting the necessity and importance of some object, condition, or state of things for the speaker. Most often, lexical means are used for this purpose, as in example (8), where the causer informs about the necessity for him/her to personally arrange a meeting, using the vocabulary with appropriate semantics: *mi servirebbe* (*I need*), *è molto importante* (*it is really important*). The fact that this is a directive is clear from the husband's response, refusing any action in this regard, and from the wife's concluding move, the metapragmatic construction *ti prego* (*please*). The choice of the conditional mood (*servirebbe*) here is illustrative because of its potential to reduce the face-threatening effect compared to that of using indicative.

(8)

Sara	Ho bisogno di un favore. È l'ultimo che ti chiedo. Mi servirebbe con urgenza un appuntamento col suo sostituto, il Cardinal Nascari.
Marito	Non spendo più il mio nome per te in Vaticano.

- Sara Ma **è molto importante...** Sandro. **Ti prego.** (Suburra)
 (Sara I need a favor. I won't bother you again. I **need an urgent appointment** with your deputy, Cardinal Nascari.
 Husband I'm not calling in favors ever again in the Vatican for you.
 Sara But **it's really important...** Sandro. **Please.** (Suburra))

In Russian, the statement of the causer's interest in the execution of some action can also be expressed through the necessity marker. In order to convince the addressee that the execution of an action is indispensable, the tactic can be further developed by additional argumentation. In example (9) it is a reference to the importance of the caused action. Then there is a transition from the setting on the self to the setting on the addressee. The speaker changes the tactics and in various ways indicates the benefactivity of the action for the addressee: from intimidation (*муж находится в опасности (husband is in danger)*) to the exercise of office duties (*провести официальный обыск (to search the place)*) and assessment of the decision made by the addressee (*глупый поступок (a stupid thing to do)*).

(9)

- Градов Евгений Анатольевич на допросе мне рассказал про запись. **Мне необходимо, чтобы вы ее мне передали. Это очень важно.**
- Жена Маркина Но я...
- Градов Дело в том, что Крюков, он узнал о существовании записи и ваш муж сейчас находится в опасности.
- Жена Маркина Я не могу вам ее отдать. Это невозможно.
- Градов Послушайте, я могу провести официальный обыск. Это все время.
- Жена Маркина Я отдам запись только тогда, когда Женя мне об этом скажет. И тому, кому он скажет. Понятно? [...] Ну, тогда снимите видео, где мне он сам скажет о том, что я должна отдать эту запись именно вам.
- Градов Вы сейчас делаете очень глупый поступок. (Шторм)
 (Gradov During the interrogation, Evgenij Anatoljevich told me about the recording. **I need you to hand it over. This is very important.**
- Markin's wife But I...
- Gradov The thing is, Krykov learned that the recording existed, and your husband is in danger now.
- Markin's wife I cannot give it to you. It's impossible.
- Gradov Listen, I can search the place. It will take time, though.
- Markin's wife I will only hand the recording over when Zhenya tells me to do so. And only to the person he tells me to give it to. Is this clear? [...] Well, make a video in

which he himself says that I should give the recording to you.

Gradov That's a really stupid thing to do, what you're doing right now. (Storm)

In examples (10) and (11) the speaker also explicitly points out the necessity and importance of the intended action for himself:

(10)

Сотрудник полиции Помощник прокурора готов его сдать за неоднократное получение взяток от Крюкова.

Осокин Цена?

Сотрудник Пока не знаю. Уточню.

Осокин **Достань** мне это. **Мне нужно, чтобы прокуратура ужом вилась.**

Сотрудник Сделаем. (Шторм)

(Policeman The assistant prosecutor is willing to turn him in for multiple bribes received from Kryukov.

Osokin How much?

Policeman I don't know yet. I'll find out.

Osokin **Get** this for me. **I need the prosecutor's office to tie itself** into knots.

Policeman Will do. (Storm)

(11)

Градов Смотри. (*протягивает конверт*) Здесь бабушка с двумя детьми. Не доехали до отеля в Греции. Вообще непонятно. Они границу пересекли в Финляндии и куда-то пропали. **Их нужно найти.**

Ассистент Окей.

Градов **Это очень важно. Они мне дороги.**

Ассистент Сергей Михайлович, да я понял. Сделаю.

Градов Давай. (Шторм)

(Gradov Look. (*hands him over an envelope*). A grandma with two little kids. Never made it to their hotel in Greece. Totally weird. They crossed the border in Finland and disappeared. They have to be found.

Assistant OK.

Gradov **This is really important. I care about them.**

Assistant I got it, Sergei Mikhajlovich. Will do.

Gradov Get on with it. (Storm)

The tactic can be accompanied by additional argumentation emphasizing the benefactivity of the action for the speaker, as in example (12). Directing and argumentation are in a cause-and-effect relationship.

(12)

- Садись поближе. Мне тяжело говорить громко. (Мажор)
 (- **Sit closer. It's hard for me** to speak loudly. (Silver Spoon))

A directive to the benefit of the speaker may be expressed in either of the following ways: directly (imperative form of the verb) or indirectly. The statement of the benefactivity and importance of the action for the speaker may either be syntactically independent or be in a cause-and-effect relation with the directive. The reference to the benefactivity of the caused action may be expressed both explicitly, with the help of markers of necessity and importance (8)-(10), and implicitly: the listener him/herself establishes the cause-and-effect relation between the directing and its cause (12). In the Russian examples above the marker of importance is in postposed position, which, however, is not the only possible option: cf. *Мне тяжело говорить. Садись поближе. (It's hard for me to speak. Sit closer.)* In Italian example (8) the first step of the dialogic move *Ho bisogno di un favore (I need a favor)* (the indicator of beneficence for the speaker) is preceded by an indirect directive. After receiving a refusal from the interlocutor, the expression of importance becomes explicit: *è molto importante (it's really important)*.

4.2.1.3. Increase of directive intensity. Any directive is aimed at the achievement of a certain perlocutionary effect: execution of the desired action. In order to ensure the success of a directive, the causer must evaluate its effectiveness, and in case of the listener's failure or demonstration of unwillingness or unreadiness to perform the action, the causer may increase the intensity of the directive, which we consider to be a sign of increased interest of the speaker in the implementation of the caused action.

In Italian, the intensity of the directive can be increased by changing the form of the same verb. In example (13) the speaker switches from the imperative form of the verb to the indicative present tense. It leads to the conclusion that the indicative present tense is more impositive than the imperative tense.

(13)

Professore	Maurizio! Accosta immediatamente perché io e te dobbiamo parlare! [...] Maurizio, adesso tu accosti e mi dai i soldi che mi devi! (Smetto quando voglio)
(Professor	Maurizio! Pull over right now because you and I need to talk! [...] Maurizio, pull over now and give me the money you owe me! (Smetto quando voglio))

In Russian example (14), the intensity of the directive increases due to the repetition of imperative verb forms and the change of the PF form into the IMPF form. IMPF imperative is perceived as a stimulus to act that must be performed immediately. Here the IMPF is a "signal to act" (Benacchio 2007: 241).

(14)

Врач посетителю	Уйдите отсюда. Выйдите , пожалуйста. Выходите . (Мажор)

Doctor to the patient **You have to leave. Please leave. Leave.** (Silver Spoon)

The intensity of the directive in both languages increases due to a change in the verb form. In Italian it is a change of the imperative form of the verb into the indicative present tense, in Russian it is a change of the verbal aspect.

4.2.1.4. Syntactic repetition. The concept of plea as an expression of subjectively vital importance for the speaker of a future action includes insistent repetition of the request. In our corpus of examples we have identified the tactics of repetition of separate linguistic units (words) with the meaning of plea within one dialogical unity. Lexical repetitions (repeated words/expressions) do not have a clear interpretation in linguistics, because depending on the focus on one or another feature they have been classified either as syntactic units or as compound words (see, for example [Shansky 1968; Akhmanova 1966: 327; Wierzbicka 1999a; Plungian 2003; Rozhansky 2011]). Repetitions of one lexeme such as *рабомай-рабомай* (*work, work*), *давай-давай* (*come on!*), *parla, parla!* (*speak, speak!*), *corri, corri!* (*run, run!*) still tend to the syntactic end of the spectrum: they exist in the linguistic consciousness “not as inventory units, but as constructive units, as a kind of derived words in speech, freely (just like syntactic structures) produced by speakers during their speech activity” [Kryuchkova 2004: 80].

F. I. Rozhansky notes that word repetition at the sentence level is common in many languages: “if an adjective is repeated, it implies a high degree of the corresponding quality, if a verb is repeated, it is a repeated or continuing action, etc.” [Rozhansky 2011: 27]. Some researchers treat syntactic reduplication as a way of “intensification” [Wierzbicka 1999a]. However, the research has mostly considered reduplication of adjectives, adverbs, and adverbial expressions. As for verb reduplication, it has been noted that repeated verbs express the “idea of quantity” [Pankov, Ovtina 2018: 147]. In particular, in languages in which the imperative is a grammatical category, it can be repeated “for emphasis” [Wierzbicka 1999a: 229]. In Italian one can say *Parla, parla!* (*Speak, speak!*), in Russian *Говори, говори!* (*Speak, speak!*). A repetition of the whole clause has been termed clausal repetition by A. Wierzbicka, even if the clause consists of one word. According to her observations⁹⁴, clausal repetition occurs more often in Italian than in English. However, if in English clausal repetition can be decoded as “I want you to do something NOW” and indicate the urgency of the action, in Italian such repetition expresses the desire to influence the addressee, but “not necessarily to make him do something quickly” [Wierzbicka 1999a: 232].

Syntactic repetition is interpreted as an assurance of extreme necessity of the caused action. The repetition can be accompanied by an argument for the necessity of a particular action (15), it can be purely word repetition (16), (17), or include a paraphrase of what has been said using a different tactic

⁹⁴ All the examples in her study come from the texts of A. Manzoni (nineteenth century) and their translations by A. Colqhoun (1954).

as in (18). Syntactic repetition can be accompanied by paralinguistic means of compulsion, such as raising the tone or the volume, as in (17).

(15)

Livia a Aureliano	Non lo fare perché ti ha chiesto papà. Fallo per me. Fallo perché te lo chiedo io. (<i>Aureliano non risponde</i>) Oh! Mi rispondi? (Suburra)
(Livia to Aureliano)	Don't do it because dad asked you. Do it for me. Do it because I'm asking you. (<i>Aurelian doesn't answer</i>) Hey! Answer me? (Suburra)

(16)

– **Per favore, vai** di là. **Vai** di là. (Suburra)
(– **Please, go** over there. **Go** over there. (Suburra))

(17)

Sara a Gabriele	Voglio sapere chi è. Tu la devi trovare, perché lei è sicuramente coinvolta
Lele	Tu mi devi comunque ancora pagare.
Sara	Trova la ragazza. (<i>urlando</i>) Trovala . (Suburra)
(Sara to Gabriele)	I want to know who she is. You have to find her, because she's definitely mixed up in this.
Lele	Anyway, you still have to pay me.
Sara	Find the girl. (<i>shouting</i>) Find her . (Suburra)

(18)

– E tu **trovala**. Capito? **La devi trovare!** (Suburra)
(– And you **find her**. Got it? **You have to find her!** (Suburra))

(19)

Poliziotto	Zitto e fermo , pezzo di merda!
Spadino	Ma che vuoi?
Poliziotto	Zitto , stronzo.
Spadino	Io non ho fatto un cazzo.
Poliziotto	Devi stare zitto . (Suburra)
(Policeman)	Shut up and don't move , you piece of shit!
Spadino	What do you want?
Policeman	Shut up , turd.
Spadino	I didn't do fuck.
Policeman	You need to shut up . (Suburra)

The number of syntactic repetitions is not limited. In example (19) the repetition demonstrates not only the persistence of the causer, but also the lack of a variety of tactics, which can be explained by the peculiarity of the situational context: after a long chase the policeman manages to catch and immobilize the person suspected of committing a crime. Recognizing his communicative failure, the causer does not change the tactics, does not point out, for example, the benefactivity of the action for the addressee (to keep quiet and not move) or the possible negative consequences, but continues to repeat

the same thing. In this case it is not a request, but an order, which does not imply that argumentation is possible.

In examples (18) and (19), the syntactic repetition culminates in the use of the marker of deontic modality (*devi*) with a content word expressing a directive. In these examples, directing is expressed by the imperative form of the verb, although in the second case we observe its ellipsis: *zitto = stai zitto* (literally, *be silent*). As the intensity of the directive increases with repetition, the tactic of deontic modality (see below) seems to be more impositive and has a greater illocutionary force compared to the canonical imperative (see example (19)).

If an action is beneficial for the speaker, (s)he is likely to insist on its implementation in every way possible. In Russian linguoculture, syntactic repetition is one of the linguistic ways to get the addressee to perform a particular action, and it is interpreted by the listener as a signal of the action importance for the speaker and that (s)he does not intend to give up his intention. This tactic does not engage lexical indicators of importance. As in examples (16), (17) in example (20) there is word repetition without argumentation. However, we should note the disparity in the social status of the two communicators: Gradov is the oldest; Varya is a young girl, the daughter of Gradov's partner. In addition, Gradov is a policeman and is used to speaking with a commanding tone.

(20)

Градov	Дай мне с ней поговорить.
Варя	Сереж, она не хочет, понимаешь?
Градov	Она спит сейчас?
Варя	Нет, она не хочет говорить.
Градov	Дай ей трубку.
Варя	Сереж.
Градov	Дай ей трубку.
Варя	Сейчас. (Шторм)
(Gradov	Let me talk to her
Varya	Seryozha, she does not want to, get it?
Gradov	Is she asleep?
Varya	No, she just does not want to talk
Gradov	Give her the phone.
Varya	Seryozha.
Gradov	Give her the phone.
Varya	Just a moment. (Storm)

In Russian, the syntactic repetition in directing may be identical to the original construction, or the construction may be extended by additional constituents or, on the contrary, abbreviated. In example (21), the nominal syntagma expressing the object is replaced by a pronoun, and the adverb of manner *просто (just)* is introduced: the speaker is trying to convince the listener that it will not be difficult to perform the action (s)he is looking for.

(21)

Моргулис	Оль, шутки кончились. Отдай мне отчет Лукьянова.
Ольга	Какой отчет?
Моргулис	Операция бесполезна. Просто отдай его мне.
Ольга	Но у меня его нет. (Шторм)
(Morgulis)	Olya, enough with the jokes. Give me Lukyanov's report.
Olga	What report?
Morgulis	The operation is useless. Just give it to me.
Olga	But I don't have it. (Storm)

The repetition may be synonymic, as in example (22). In this context, the words *смон* (*stop*) and *хватит* (*enough*) are semantically very close and both express the urge to stop the action in process.

(22)

- **Стоп, стоп, стоп. Хватит.** (Мажор)
- (- **Stop, stop, stop. Enough.** (Silver Spoon))

In example (23), there is a syntactic repetition with a paraphrase that includes the modal marker of deontic necessity *надо* (to be more precise, its negative form *не надо*, since this is a prohibitive). Formally, personal and impersonal expressions of directing alternate with one another in this example. The intensity of the directive is increased by the repeated use of the metapragmatic element, i. e. the performative verb *просить* (*to beg*).

(23)

- **Не говори. Слышишь? Не надо,** так лучше будет. День **не говори.** Я прошу тебя, Игорь. За день мы все уберем. **Прошу тебя,** Игорь, **не надо.** (Мажор)
- (- **Don't tell them. Are you listening? Just don't,** it will be better this way. **Don't tell them** for a day. **I am begging you,** Igor'. We'll clean everything up in a day. **I am begging you,** Igor', **don't.** (Silver Spoon))

In this example there is an analogy with the Italian example with the deontic modality marker *dovere* (*must, to have to*): the impersonal *надо* (*should*) seems to be a milder version of the modal *не должен* (*should not*), which requires a personal form of the verb. The impersonal form reduces impositiveness.

It is clear from the examples above that syntactic repetition applies to directive constructions containing an imperative verb form, an infinitive, a marker of deontic modality, or consisting of a nominative element or an adverb with an omitted verb. Repetition is preferred for brief expressions of directing: it is difficult to imagine in repetition, for example, an articulate question with directive semantics. Syntactic repetition is used both in requests and in orders, i. e. in both status-marked and status-neutral communication. In a request, syntactic repetition requires mitigation of the illocutionary force by means of politeness, metapragmatic units that reveal deep performative constructions, and mitigation markers of modality.

4.2.1.5. Interrogative. Many languages use questions with directive semantics to get the listener to act. A. Aikhenvald distinguishes between four types of interrogative sentences [Aikhenvald 2010: 257-265]. Three of them refer to general questions (*yes/no questions*), one to special questions using a *wh*-word:

- Ability questions which typically start with *can you, could you, is it possible (for you)*, etc. For Russian and Italian the ability questions may be of the following type: *He могли бы Вы закрыть окно? = закройте окно; Potresti chiudere la finestra? = chiudi la finestra (Could you close the window? = close the window)*. Such questions contain the modal marker of possibility/ability. Aikhenvald noted that positive ability questions in Russian are not conventionalized as commands [Aikhenvald 2010: 259].
- Necessity questions that involve *must or have, need, be necessary*, etc.: for example, *Do you have to stay here?* which has a negative bias as a question. Aikhenvald observed that in Russian necessity questions used as negative commands (*Тебе это надо? = не делай этого*) have a colloquial speech or regional overtone [Aikhenvald 2010: 291]. Such questions should contain modal marker of necessity.
- Desire/willingness questions which include *will you/would you, would you like to/care to/be so kind as to*, etc.: *Are you going to tidy your room? = tidy your room*. In Russian and Italian such questions could be of the following type: *He хочешь мне все рассказать? = расскажи мне все (Won't you tell me everything? = tell me everything)* and *Vuoi chiudere la porta? = chiudi la porta (Would you close the door? = close the door)*. Such a question correlates with the listener's desire to perform the action (s)he is looking for.
- Reason question: *Почему бы тебе не остаться? = останься, Perché non resti? = resta, non andare via (Why don't you stay? = stay)*. In both Russian and Italian these questions have the question marker of causality as part of their structure.

However, while examining the collection of examples in both languages, we also found general questions without any modal markers or correlation with the addressee's desire. The caused action in such a question is denoted by a lexical verb.

(24)

Sara	Hai fatto un gran casino, lo sai?
Lele	Oh. Ti calmi? (Suburra)
(Sara	You really messed up, you know that?
Lele	Hey. Chill, why don't you? (Suburra)

(25)

Il padre ad Aureliano	A me, queste cose non me le devi dire, Aurelia'! Adesso mi spieghi perché?
-----------------------	---

- Aureliano Non mi devi toccare. [...] T'ho detto che non mi devi toccare! (Suburra)
- (Aureliano's father Don't speak to me like that, Aureliano! **Now explain why!**)
- Aureliano Don't you touch me. [...] I told you not to touch me! (Suburra)

Direct directive using canonical imperative is considered to be a face-threatening speech act [Brown & Levinson 1987]. Many directives that do not contain an imperative form of the verb (interrogatives and declaratives) avoid direct confrontation between communicators, and “a directive cast as an interrogative tends to be more polite” [Aikhenvald 2010: 256]. However, in the Italian examples we have provided above, the general question about the addressee's willingness to perform an action (willingness question) is perceived by native speakers as more impositive and less polite than the prototypical imperative: *calmati!* < *ti calmi?* (*calm down/chill*), *spiegami!* < *mi spieghi?* (*please explain why*). The fact that in the interrogative tactic the speaker shows no interest in “saving the face” of the interlocutor allows us to refer this tactic to the settings on the self.

A general question with a directive semantics in Italian can be accompanied by the politeness marker *per favore* (*please*). In Russian this combination is not possible (cf. *Оставишь меня в покое, пожалуйста?*).

(26)

- **Mi lasci, per favore?** (Suburra)
- (– **Will you let go of me, please?** (Suburra))

In Russian, general questions can also have directive semantics, but in our examples, unlike in Italian, such questions express solidarity between communicators. They are acceptable when communicating with a socially equal interlocutor and are not interpreted as a directive with increased impositiveness.

(27)

- (Игорь задерживается)
- Игорь, **идешь?** (Мажор)
- ((*Igor' is delayed*)
- Igor', **are you coming?** (Silver Spoon))

(28)

- **Подождешь меня?** Я сейчас. (Мажор)
- (– **Can you wait for me?** I'll be right there. (Silver Spoon))

In a general question, the speaker seems to demonstrate that (s)he is in search for the executor of the action, the usefulness of which has already been decided upon and is not under discussion. The answer “yes” implies the addressee's consent to perform the caused action. Unlike general questions, *wh*-questions about motivation reveal rather a search for benefactivity for the executor himself.

In Italian, the question about the motivation of an action has a semantics opposite to the formal one: if the question contains a negation, it is a command; if the question is positive, it is a prohibitive: *perché non resti qua?* = *resta qua* (*stay*), *perché resti qua?* = *non restare qua* (*don't stay*).

(29)

- **Perché non resti** qua? A me piace che stai qua. (Suburra)

(- **Why don't you stay** here? I'd like you to stay here. (Suburra))

In Italian, the reason question *perché non* (*why don't you*) + 2Sg/PlPres presents the caused action as a more resultative alternative to the action currently carried out:

(30)

- **Perché non gli proponi** un'altra cosa? Se non te lo vuole dare, non te lo dà.
(Suburra)

(- **Why don't you suggest** something else? If he doesn't want to give you it, he won't give you it. (Suburra))

(31)

Samurai Passavo di qui ed ero curioso di conoscerla.

Sara Conoscermi?

Samurai Beh, ho sentito molto parlare di lei. Del fatto che adesso sta in quella Commissione del Vaticano. **Perché non si siede?**

Sara (*non si siede*) Senta, che cosa vuole da me? (Suburra)

(Samurai I was just passing and I wanted to meet you.

Sara Meet me?

Samurai Well, I heard a lot about you. The fact that you're now in that Vatican Commission. **Why don't you take a seat?**

Sara (*doesn't sit*) Look, what do you want from me? (Suburra)

Similar questions with negation in Russian have not been documented in our collection of examples, but their existence can be easily verified in the National Corpus of the Russian language: *А почему бы тебе не съездить в командировку от нашей газеты?* (*Why don't you go on a business trip from our newspaper?*), *Почему бы тебе не рассказать сейчас о себе?* (*Why don't you tell us about yourself now?*).

An example of a prohibitive expressed as a question of motivation is found in our corpus of examples in Russian (32): *ты чего так гонишь?* (*why are going so fast?*) = *не гони* (*don't go so fast*). The conventionality of this directive is confirmed by the listener's interpretation, who demonstrates his consent to stop the action being performed.

(32)

Жена адвоката Гриш, **ты чего так гонишь-то?**

Адвокат Глушаков Все-все, больше не буду. (Шторм)

(The attorney's wife Grisha, **why are you going so fast?**

Attorney Glushakov No problem, I won't. (Storm))

In the last example, the general question does not formally contain a negation, but it has negative semantics: it also expresses prohibition, which is prototypically formed in Russian by the negation marker *не* (*not*). In example (33), the question contains the negative particle *не*, but its directive meaning is not negative: *не спросишь меня?* = *спроси меня* (*won't you ask me?* = *ask me*). In other words, we observe here a complete analogy with the Italian examples discussed above.

(33)

Марина	Осокин, ты даже не спросишь меня , где я ночую?
Осокин	Нет. (Шторм)
(Marina	Osokin, are you going to ask me at all where I am
	spending the night?
Osokin	No. (Storm)

The negation contained in the predicate (category of state [Letuchij 2017]) of the question about the addressee's ability to perform the action *вам нетрудно подождать?* = *подождите* (*could you wait for a little bit?* = *wait*), acts as a directive marker: a positive version of the same question will be perceived as a general question to which a *yes* or *no* answer is expected.

(34)

- Вам **нетрудно** будет **подождать**? Мне нужно сделать один звонок.
- Конечно. (*встает и отходит*) (Мажор)
- (- **Would you mind waiting** for a little bit? I need to make a phone call.
- Not at all. (*gets up and steps aside*) (Silver Spoon))

Not every general question can be interpreted as a directive. A general question, as we know, implies a *yes* or *no* answer, i. e., by asking a general question, the speaker wants information about the truth or falseness of the stated proposition. In examples (35) and (36) we observe just such questions. The question *Вы можете сделать так [...]?* (*Can you make [...]?*) the addressee probably understands as a directive, because his answer can be interpreted as follows: *Yes, of course, no problem at all* or *Yes, of course, I will do it*, i. e. as a verbal response to the directive. In (36), the addressee explicitly responds about his own ability to perform the action (confirms the truth of the proposition expressed). However, we consider both of these questions to be interrogative-directive (Rus. *собственно-вопросительные*) utterances [Valgina 2003: 70], because it is difficult to make a clear distinction between strictly interrogative sentences and interrogative-directive ones⁹⁵.

(35)

- Я только очень вас прошу. Вы, пожалуйста... Вы **можете сделать так**, чтобы никто не знал, что она [запись] у вас от меня?
- Да-да, конечно, естественно. Можете за это не переживать.
- Я могу идти?
- Да-да. Вот вам мой личный телефон. Звоните, если что.

⁹⁵ For more details see [Grammatica 1980: 394-321; Bulygina, Shmelev 1982: 314-326; Xrakovskij, Volodin 2002: 207-210; Filatova 2005: 147-162].

- Хорошо. Спасибо. (Шторм)
- (- I just really have to ask you... Could you, please... **Can you make sure** no one knows that I gave you the recording?
- Yes, of course, no problem at all. Don't worry about that.
- Am I free to go?
- Absolutely. Here is my number. Don't hesitate to give me a call.
- Okay. Thank you. (Storm))

(36)

- Слушай, до дома меня сегодня **подбросишь?**
- Могу.
- Здорово. Через час тогда поедем. (Мажор)
- (- Listen, **can you give a ride** home today?
- I can.
- Great. Let's get going in an hour. (Silver Spoon))

In example (37), the general question *сходишь купишь?* (*Can you go get one?*) can be equated with the duplicate imperative construction *сходи купи* (*go and buy*).

(37)

Ольга	Артем, ты как думаешь, здесь алкоголь можно купить?
Артем	Да. Там бар на ресепшене. Думаю, можно.
Ольга	Слушай, давай купим, а? А то я сейчас с ума от всего этого сойду. Сходишь купишь? (Шторм)
(Olga	Artyom, what do you think, can we buy alcohol here?
Artyom	Sure. There is bar at the reception. I think we can.
Olga	Listen, let's get a drink there or else I'll just go crazy because of all this. Can you go get one for me?
(Storm))

A question about the presence of an object serves as a directive to give that object to the speaker:

(38)

Соколовский	Телефон (номер телефона) есть?
Агапов	Сокол, а тебе зачем?
Соколовский	Надо. (Мажор)
(Sokolovskij	Do you have the number?
Agapov	Sokol, why would you need it?
Sokolovskij	I just do. (Silver Spoon))

A directive question may contain a shade of doubt about the possible performance of the intended action, as in examples (39) and (40). It is interesting that both lines belong to the same person. It is possible that the illustrated tactics are a characteristic feature of this speaker's particular linguistic identity.

(39)

Родионова	Может, пропустишь? (Мажор)
(Rodionova	Do you mind if I go ahead of you? (Silver Spoon))

(40)

Родионова
(Rodionova)

Может, работать поедешь? Чего время теряем? (Мажор)
Maybe you should go to work? Why lose time? (Silver Spoon)

A directive construction with the parenthetical word *может*, which adds a connotation of doubt to a question, implies a lexical verb in a personal form (2Sg in the given examples), which defines and distinguishes the addressee of the statement and the executor of the action from all others: *может, пропустишь?* = *пусти!* (*let me go ahead!*); *может, работать поедешь* = *езжай работать* (*go to work*).

We can also observe conventionality in a rhetorical question or a question that the speaker addresses to him/herself. In example (41), Sarah asks herself if they can do certain things to preserve the good memory of the prelate. The interlocutor, taking up Sarah's idea, interprets it as an urge to do exactly as described in the question. The content of the directive is not quite clear to the listener, as becomes clear from his question, but he understands the illocutive force of the indirect question as a request: *che cosa mi sta chiedendo?* (*what are you asking me to do?*).

(41)

Sara

Stiamo parlando di un uomo di Chiesa, dottore. **Mi chiedevo** se potevamo⁹⁶ **fare qualcosa** assieme **per farlo riposare in pace**. Un gesto di umanità che ne salvi la memoria.

Dottore

Una cosa compassionevole.

Sara

Esatto.

Dottore

Va bene. Ma, in concreto **che cosa mi sta chiedendo?**

Sara

Una dichiarazione che attesti che padre Theodosiou ha avuto un malore. In conseguenza di quello è caduto dalla finestra. Una cortesia, che potrei contraccambiare. (Suburra)

(Sara

We're talking about a man of the Church. **I was wondering** if we could **do something** together **for his eternal soul**. A kind gesture to protect his memory.

Doctor

We should be compassionate.

Sara

Right.

Doctor

Fine. But what are you actually **asking me to do?**

Sara

A written declaration that Father Theodosiou took a turn and as a result he fell out of the window. A favour I could repay. (Suburra)

A general question in Italian can be formulated with a modal verb in the conditional mood. This way of indirect causation is considered to be the least face-threatening and therefore the most polite: *mi*

⁹⁶ Sic!

saprebbe dire? (Could you tell me?). A similar indirectness is observed in the affirmative variant of the proposition *potrebbe mandare/dire (you could send/tell)*, which also has a directive meaning.

(42)

Cardinale	Dottore, scusi, permette? Mi saprebbe dire il numero esatto delle persone che dobbiamo accogliere?
Amministratore del centro accoglienza	Sono 514, eminenza.
Sara all'amministratore	Noi potremmo accogliere tutti.
Sara al suo collaboratore	Cerchiamo almeno di non dividere le famiglie.
Suora	La struttura della Monaschi è nata da poco e serve gente di esperienza per mandarla avanti.
Cardinale	Potrebbe mandare il suo personale nella struttura della Monaschi e darle una mano?
Suora	E i soldi chi li prende?
Cardinale	Sorella! In una situazione come questa, lei si preoccupa dei soldi?
Amministratore	Prenda lei le famiglie, dottoressa.
Sara	Va bene.
Amministratore (Cardinal	Venga con me. (Suburra) Excuse me, may I? Could you tell me the exact number of people we have to take in?
Administrator of reception centre	We have 514, Your Eminence.
Sara to administrator	We could take them all in.
Sara to her co-worker	Let's try not to split up families at least.
Nun	The Monaschi centre has just opened and they need experienced people to run it.
Cardinal	Could you send your staff to the Monaschi to help out ?
Nun	And who gets the money?
Cardinal	Sister! In a situation like this how can you worry about money?
Administrator	You take the families.
Sara	Fine.
Administrator	Come with me. (Suburra))

A general question can mean the causation of an action directly opposite to the one denoted by the lexical verb in the question. In (43) the question *ancora qua stai? (you still here?)* is equivalent to the directive *go away*:

(43)

Livia	Ancora qua stai?
Fidanzato di Livia (Livia	Non ti lascio sola, Livia. (Suburra) You still here?

Livia's boyfriend I'm not leaving you on your own, Livia. (Suburra)

In (44) the general question sounds like a disapproval of the described behavior. The effect of the prohibitive is strengthened by the appellative *sorella* (*sister*) and the use of the *V*-subject which would normally be expected to be reduced: the question is addressed to the only addressee and is interpreted as advice or even an order, since it comes from a person of higher rank in the hierarchy, to send his staff to help a third person and not to think about the consequences: *Lei si preoccupa dei soldi?* (*how can you worry about money?*) = *Non si preoccupi dei soldi* (*don't worry about money*).

(44)

Cardinale	Potrebbe mandare il suo personale nella struttura della Monaschi e darle una mano?
Suora	E i soldi chi li prende?
Cardinale	Sorella! In una situazione come questa, lei si preoccupa dei soldi?
Amministratore	Prenda lei le famiglie, dottoressa.
Sara	Va bene.
Amministratore	Venga con me. (Suburra)
(Cardinal	Could you send your staff to the Monaschi to help out?
Nun	And who gets the money?
Cardinal	Sister! In a situation like this how can you worry about money?
Administrator	You take the families.
Sara	Fine.
Administrator	Come with me. (Suburra)

In Italian and Russian, interrogative sentences can thus be used in their directive sense. They may be general questions with or without modal markers. Special questions with an interrogative causal marker such as *nočemy/perché* (*why*) are also used as directives. Verbs in directive questions may be in the indicative as well as in the subjunctive (Italian examples) mood. The subjunctive mood in Italian is used in status-marked communication and serves as an indicator of the lofty and literary variant of the language. The negation in a general question in Russian signals a directive meaning, just as the negation in reason questions (special questions) does in Italian. A general question in Italian does not use negation. A special reason question has a directive meaning in both languages if the verb denoting the caused action is negated, while a positive version of a reason question is prohibitive.

The directiveness of a question about the presence of some object is determined by the context: when there are no prerequisites for a simple *yes/no*-answer and knowing about an object's presence is not a necessary condition to continue (non)verbal interaction, such a question is conventionally interpreted as a command to give this object to the speaker. In general questions with directive semantics, the caused action is denoted by the verb *Ind.Pres* in Italian and *Ind.Fut.Pvf* in Russian. In our Russian corpus, the form of *Ind.Pres.* has only been recorded with a verb of motion. In Italian, general questions

are mostly used in relations of power, while in Russian they are used in relations of solidarity, meaning that in Italian such questions are more impositive.

In normative grammars, a general question appears to be less face-threatening. It is believed that the listener always has the opportunity to interpret the question as a request for information and, therefore, to answer *yes* or *no*, thus disguising a refusal to perform the action. A directive expressed in the interrogative form causes an action in the interest of the speaker.

4.2.2. Tactics of settings on the addressee

Act of directing reflects the will of the speaker, and a necessary condition for a successful causation or an attempt of causation is the speaker's control over the intended action. Two aspects are distinguished in the concept of "control": propositional and communicative. The first one means that the action itself should be controlled by its performer [Bulygina, Shmelev 1997: 99-100]. Verbs denoting uncontrolled actions, states, or properties may have no imperative or use it only in indirect contexts [Dobrushina 2014]. The second is related to the degree of influence that the speaker has, or believes s/he has, on the executor [Bergelson 1990: 14], which is realized in the tactics of settings on the addressee. The degree of control in its communicative aspect may vary [Dobrushina 2001: 80]. For example, the so-called "polite" imperatives mean reducing the degree of control on the part of the speaker [Gusev 2013: 26].

4.2.2.1. Indication of the benefactivity for the addressee. Benefactivity of an action for the addressee can be expressed through a positive subjective evaluation of the intended action by the speaker (causer). In Italian, this kind of advice may be syntactically framed as hypotaxis with the imperative form of the verb in the subordinate clause. In the main clause there is a nominative predicate expressing the evaluation of the caused action in invariably positive terms: *è meglio/bene che Conj.Pres. (You'd better / it's better / it's best)*.

(45)

Lele Lo stanno venendo a prendere. **È meglio che ti sbrighi**
a decidere. (Suburra)

(Lele They're coming for him. **You'd better get a move on** and
decide. (Suburra))

(46)

— Guardi, **è meglio che se ne vada.** (Suburra)

(— Look, **it's better if you leave.** (Suburra))

(47)

Monsignore Io non voglio vedere più quelle persone. Mai più.

Sara Ecco, appunto. Allora mi dia retta. **È bene che se ne vada** da Roma. Si faccia dimenticare. Finché tutti non si sono scordati di quello che è successo. (Suburra)

(Monsignor I don't want to see these people here any more. Never.

Sara Yes, exactly. So, just listen to me. **It's best if you leave** Rome. Disappear. Until everybody forgets what happened. (Suburra)

There is a similar way of expressing a positive evaluation of the caused action in Russian, which formally coincides in its predicative part with the Italian expression just described, but differs in the expansion of the predicate: *лучше (better) Inf.*

(48)

- Я думаю, **тебе лучше** домой **поехать**. (Мажор)
 (- I think **you'd better go** home. (Major))

In Italian, an infinitive can be used to indicate benefactivity as an expansion of the predicate, in this case the verb — *ti/Le/vi conviene (be worth your) + Inf*, as in example (49). In this dialogical unity, there is another directive that is, however, perceived as far from being polite. It is the construction with the causative verb *lasciare (here to leave)*. The reaction of the third person (the listener) allows us to understand how impolite the directive turned out to be.

(49)

Giornalista Non oggi, venga in radio quando sapremo i risultati.
 Cinaglia Le **conviene invitare** quelli che vincono.
 Giornalista Cinaglia, guardi che lei sarà la sorpresa di queste elezioni.
 Cinaglia **Lasci perdere** le sorprese.
 (Il giornalista si allontana)
 La moglie di Cinaglia Che rispostaccia. (Suburra)
 al marito
 (Reporter Not today, come to the radio studios when we know the results.
 Cinaglia It'll be **worth your while to invite** whoever wins.
 Reporter Cinaglia, you'll be surprised by these elections, mark my words.
 Cinaglia **Leave** surprises out of this.
 (The reporter leaves)
 Cinaglia's wife to That was rude. (Suburra)
 her husband)

The benefactivity for the addressee may not be obvious, and then the speaker has to give reasons for causation of the action. In example (50) the addressee's interest (here in the speaker's opinion) is expressed directly: *это в ваших интересах (it is in your own interest)*.

(50)

- Игорь Михаил Ефимыч действительно просил вас **вернуться** к работе. А мы пока будем с вашей семьей. И вы **должны поступить** правильно. Понимаете меня? Очень правильно.
- Ольга Да-да, я поняла.
- Игорь Вам **нужно подъехать** по адресу: Гончарова, дом 9. Скажите, как скоро вы можете быть там?
- Ольга Я просто сейчас далеко. Я... я не близко. Я поняла. Постараюсь как можно быстрее.
- Игорь Ольга Андревна, **это в ваших интересах**. Пожалуйста, постарайтесь. Мы пока будем с вашей семьей. Телефон вашей дочери будет у меня, и, если что, звоните. Всего доброго. (Шторм)
- (Igor' Mikhail Efimych strongly urged you **to get back** to work. In the meantime, we will be with your family. And **you should make** the right move. Do you understand me? The right move.
- Olga Yes, I understand
- Igor' **You should come to** this address: 9 Goncharova street. How soon can you be there?
- Olga I am far from there. I... I am not in the area. I understood. I'll be there as soon as I can.
- Igor' Olga Andreevna, this is **in your own interest**. Please, do your best. In the meantime, we will be with your family. I'll keep your daughter's phone: please call if you need to. All the best. (Storm))

Sometimes minimal effort is enough to achieve a beneficial result, and this fact may be communicated in the directive utterance. In example (51), the speaker urges the listener to be more attentive or careful, without, however, using a directive tactic. The addressee should perform the action specified by the speaker as sufficient to obtain a beneficial result by means of the construction *basta che Pres.*

(51)

- Aureliano a Livia **Basta** che stai **attenta**. (Suburra)
 (Aureliano to Livia **Just** be very **careful**. (Suburra))

Example (52) points to an inappropriate state of affairs: the listener is late, and being late has negative connotations. Such a statement can be interpreted as *it would be better if you hurry up = hurry up!* In this case, we can speak about an implicit instruction, and the listener must be aware of the norms of behavior in a particular society in order to understand it.

(52)

- Адвокат жене Маш, **собирайся**. **Опоздываешь уже**.
 Attorney to his wife Masha, **get ready**. **You're late**.

Argumentation may be in postposition to the directive (53), (56), or it may precede it or alternate with it (55). The directive may be expressed through the imperative mood or in any other grammatically possible way in a particular language.

In our collection of Italian examples, the argumentation in benefactivity for the addressee is realized according to the following models:

- *Dir + Indep. clause:*

(53)

Segretario	Signori consiglieri, un attimo di silenzio , per favore. Il sindaco sta facendo il suo ingresso. (Suburra)
(Secretary	Ladies and gentlemen, just a moment's silence , please. The mayor is about to enter. (Suburra))

Note that the noun clause *un attimo di silenzio* is less imperative than a canonical imperative would be, e. g., *fate silenzio*.

Argumentation can constitute a separate sentence (53) or be expressed as a consecutive clause (54). In this case, the tactic of pointing to benefactivity for the addressee coincides with the tactic of pointing to negative consequences for the addressee, which has been analyzed among the tactics of settings on the reality.

- *Imp, così Pres.*

(54)

Samurai	Accendi la radio stasera, così senti in diretta quello che c'ho da dirti. (Suburra)
(Samurai	Turn on the radio tonight, so you can hear live what I have to say to you. (Suburra))

When indicating that an action is beneficial for the addressee, the argumentation may be in a causal relation with the directive, i. e. the directive may stem from some undesirable situation for the addressee, and the speaker advises to perform a particular action in order to avoid this situation.

- *Dir + Dep. Clause*

(55)

Giulia	Maurizio senti, ma secondo me, tu un bel check-up generale dovresti fartelo . Perché con tutte le volte che ti addormenti potrebbe essere un principio di narcolessia. È una cosa grave, lo sai? (Smetto quando voglio)
(Giulia	Listen Maurizio, if you ask me, you should have a full general check-up. Look at how often you fall asleep. You might be developing narcolepsy. It's serious, you know? (Smetto quando voglio))

Here the directive (advice) is expressed by conditional mood (in Italian “condizionale presente attivo”) of the verb *dovere* with the lexical verb denoting the intended action (55). The conjunction *perché* indicates the reason why the advice should be heeded.

The predicate of the independent clause can be in the present or future indicative. In the previous two examples (53) and (54) it takes the form of present indicative. In the following (56) and (57), the future tense is used.

- *Indep.Clause (Pres) + Imp + Indep.Clause (Fut)*

(56)

<p>Il marito di Sara a Lele</p> <p>(Sara's husband to Lele</p>	<p>Lei è giovane. Si trovi una ragazza della sua età che le voglia bene. Senza pretese. Sara non le darà mai quello che cerca. Non è in grado. Si fidi. (Suburra)</p> <p>You're young. Find a girl your own age to love you. Not too demanding. Sara will never give you what you're looking for. She doesn't know how. Trust me. (Suburra))</p>
--	--

The following models were identified in the collection of examples in Russian:

- *Imp + Indep.Clause.*

(57)

<p>Медсестра Градову Nurse to Gradov</p>	<p>Сходите лучше перекусите, ничего с ней без вас не случится. (Шторм)</p> <p>You'd better go get a bite, nothing will happen to her while you're away. (Storm)</p>
--	---

(58)

- С ним надо что-то решать, Семен.
- Я уже решаю, Миш.
- Вот **иди и решай.** (Шторм)
(- Semyon, we need to decide what to do about him.
- I am figuring this out, Misha.
- **Go and figure it out.** (Storm))

Example (57) uses a construction with doublet forms of imperative (see [Gradinarova 2006: 16]), which causes a sequence of actions: to go and to eat. The sequence of two imperatives is often used in colloquial speech, however, from the point of view of pragmatics, it is necessary to distinguish between two constructions: *Imp + Imp* and *Imp + u (and) + Imp*. The first construction is milder than the second one and is perceived as advice (57), while the second has a shade of categoricity and sounds like an order (58).

Argumentation can consist in a simple expression of purpose: for what purpose an action is being caused. The purpose clause is one of the most common ways of indicating the aim of the directive:

- *Imp. + Dep.Clause*

(59)

Врач	Слушайте, дайте мне ключ от квартиры, чтобы я мог зайти , если вы мне не сможете открыть.
Градов	Нет, не надо. Все нормально. Спасибо.
Врач	До завтра.
Градов	Спасибо. (Шторм)
(Doctor	Listen, give me the key for the apartment so that I could enter if you're unable to open the door.
Gradov	No, there is no need. It's okay. Thank you.
Doctor	See you tomorrow.
Gradov	Thank you. (Storm))

In the last example, the purpose indicated in the subordinate clause may seem beneficial to the speaker. However, the context allows us to interpret it as necessary for the well-being of the addressee, who has difficulty moving around the apartment.

The tactic of indicating the benefactivity for the addressee can also be used in a prohibitive with further argumentation about the benefits of not performing a particular action for the addressee:

(60)

– Пожалуйста, не отправляйте меня обратно. Я готов с вами сотрудничать. Как угодно, чем угодно. (Шторм)
(- Please do not send me back . I am willing to cooperate. In any way, anything you want. (Storm))

We have thus seen that either the interest of the potential performer of the action or adequate argumentation about the benefactivity of the action for the addressee plays a large role in the success of the directive speech act. The argumentation can be both explicit and implicit. The explicit ways of indicating benefactivity for the addressee include predicative constructions with an expansion, the grammar of which depends on the structure of the language. Examples of indicating the benefactivity for the addressee in Italian turned out to be more numerous than in Russian. This allowed us to distinguish between four recurrent models of this tactic's realization vis-à-vis two models in Russian. Only one of the models is used in both languages.

4.2.2.2. Politeness markers. The politeness theory of P. Brown and S. Levinson [Brown, Levinson 1987] views politeness as a system of strategies and tactics contributing to the success of communication. Politeness is divided into two types: positive, based on the desire of the communicants to be related positively (solidarity), and negative, based on the desire not to be imposed upon (distance). In natural communication, these two types of politeness constantly interact: on the one hand, in communication it is necessary to bring the interlocutor closer and, on the other hand, to display mutual deference and distancing. The polite style of communication implies that the communicators observe a balance between the demonstration of solidarity and distance. Therefore, it does not seem appropriate to rigidly separate the two types of politeness from one another, although different types of politeness are

associated with different speech acts. Since the main purpose of negative politeness is to demonstrate compliance with the addressee's individual autonomy, it is a necessary condition for communication in directive speech acts, in which the speaker exerts communicative pressure on the addressee. "Negative politeness is viewed as minimizing the impoliteness of impolite illocutions, and positive politeness as maximizing the politeness of polite illocutions" [Sifianou 1992: 29].

The category of politeness is realized at different levels of language: intonational, morphological, lexical, and syntactic levels. We do not consider here the intonational level due to the laboriousness of working with audio materials, but this research trajectory may be of interest in the future.

The lexical means of expressing politeness primarily include politeness markers and clichés. In Italian, such clichés (*per favore*) may be used both in imperative directive statements and in non-imperative directives.

(61)

- Stai calmo! **Vai** di là, **per favore**! (Suburra)

(- Keep calm! **Go** into the other room, **please**! (Suburra))

The etiquette cliché can be either in postposition to the imperative (61) or in preposition to it (62).

(62)

- **Per favore**, **vai** di là. **Vai** di là. (Suburra)

(- **Please**, **go** into the other room. **Go** into the other room. (Suburra))

(63)

Maurizio **Per favore**, **chiudi** sta porta, fa un sacco di luce e mi scoppia la testa! 5 minuti e arrivò. Va bene?

Pietro No, niente 5 minuti. Ma pensa tu! (Smetto quando voglio)

(Maurizio **Please**, **close** that door, it's really bright and my head is exploding! I'll be there in five. OK?

Pietro No, to hell with five. What the hell! (Smetto quando voglio))

(64)

- Basta! Basta! **Spegni** questo arnese **per favore**! È una lapide commemorativa di Teodosio il Grande, non puoi andarci con un martello pneumatico. (Smetto quando voglio)

(- Stop! Stop! **Turn off** that contraption **please**! It's a commemorative plaque to Theodosius the Great, you can't go at it with a pneumatic drill. (Smetto quando voglio))

(65)

Sara Questa (*la rete del letto*) va qua, la **sistemiamo** qua, **per favore**. Sorella, appena possibile facciamo anche questi due. [...] Michela, mi fai vedere la lista degli arrivi? (Suburra)

(Sara That (*bedspring*) goes here, we'll **set it up** here, **please**. Sister, as soon as you can, let's make up these two as well [...] Michela, can you show me the list of arrivals? (Suburra))

In Russian, the politeness marker *пожалуйста* (*please*), similar to the Italian *per favore*, is used both in preposition and in postposition to the directive expressed by an imperative form of the verb.

(66)

Врач пациенту И, **пожалуйста, не спорьте**. (Мажор)
(Doctor to the patient And **please do not argue** with me. (Silver Spoon))

(67)

Служащий посетителю Уйдите отсюда. **Выйдите, пожалуйста**. (*посетитель медлит*)
Выходите. (Мажор)
(Associate to Leave this place. **Please, step outside**. (*the visitor*
the visitor *drags his feet*) Leave. (Silver Spoon))

(68)

Марина Сергею Серж, **прости, пожалуйста**. Ну, прости, пожалуйста.
(Шторм)
(Marina to Sergei Seryozha, **please forgive me**. Pretty please. (Storm))

(69)

Женя **Не заводись, пожалуйста**.
Осокин Я не заводжусь. (Шторм)
(Zhenya **Please don't get all worked up**.
Osokin I am not getting worked up. (Storm))

The Italian politeness marker *per favore* is used with an imperative form of the verb in most examples, but it can also be used with other means of expressing directives. In example (70) it is the nominative syntagma *un attimo di silenzio* (*just a moment's silence*).

(70)

– Signori consiglieri, **un attimo di silenzio, per favore**. Il sindaco sta facendo il suo ingresso. (Suburra)
(– Ladies and gentlemen, **just a moment's silence, please**. **The mayor is about to enter**) (Suburra))

In example (71) the politeness marker is used in combination with a present tense indicative form in an interrogative construction. This use is considered normal in Italian but not in Russian. However, we have recorded the use of the marker *пожалуйста* (*please*) in interrogative-directive sentences in Russian (72) and (73), which appear to be calques from English usage.

(71)

Gabriele Sara, **per favore, parliamo?**
Sara Zitto.
Gabriele Mi dispiace.
Sara (*urlando*) Stai zitto, ho detto! (Suburra)
(Gabriele Sara, **please, can we speak?**)

Sara Shut up.
 Gabriele I'm sorry.
 Sara I said shut up! (Suburra)

(72)

- Дядя, **а можно, пожалуйста, мячик?** (девочка просит у Игоря мячик, который он поймал, сидя на скамейке у детской площадки) (Мажор)
 (- **Can I please have my ball back?** (a little girl is asking for her ball, which Igor' caught while sitting on a bench next to the playground) (Silver Spoon))

(73)

Вера примеру **Помаду можно, пожалуйста?** (Садовое кольцо)
 Vera to the **Can I please have the lipstick?**
 make-up artist (Garden Ring)

In both languages politeness markers can be used in combination with other pragmatic means that reduce the impositiveness of the directive. One of them is using a proper name as a marker of solidarity relations.

(74)

Lele Ci provo.
 Sara Non mi basta un tentativo.
 Lele Sara. Non mi chiami da tre mesi.
 Sara **Dai, Gabriele, per favore.**
 Lele Va bene.
 Sara Ti prego. (Suburra)
 (Lele I'll try.
 Sara Not enough.
 Lele Sara. You haven't called me for three months.
 Sara **Come on, Gabriele, please.**
 Lele Fine.
 Sara Please. (Suburra)

(75)

Isabel Sono due giorni che non ti vedo.
 Aureliano **Isabel, per favore, non ti ci mettere** pure te. [...] Dimmi che è successo.
 Isabel Chiedilo a tua sorella.
 Aureliano Cosa ha fatto mia sorella? (Suburra)
 (Isabel I haven't seen you for two days.
 Aureliano **Isabel, please, don't you start** too. [...] Tell me what happened.
 Isabel Ask your sister.
 Aureliano What did my sister do? (Suburra)

(76)

- **Сереза, я тебя очень прошу, пожалуйста, останови машину.**
 - **Seryozha, I am asking you, please, stop the car.**

In Russian, a proper name is used in combination with imperative more frequently than in Italian. This is obviously due to the peculiarity of the Russian anthroponymic system, which contains etiquette forms (a combination of one's first name with one's patronymic) and has an enlarged functional paradigm of hypocoristic and diminutive formations, which serve to establish or demonstrate relations of solidarity.

(77)

Градов	Марин. (пауза) Марин (пауза) Живи , как хочешь. Делай , что хочешь. Но будь , пожалуйста, рядом. Я тебя умоляю. Мне никак без тебя. Просто рядом будь, ничего не попрошу.
Марина	Варя где?
Градов	Уехала.
Марина	Ладно. Поехали домой? (Шторм)
(Gradov)	Marina. (pause) Marina (pause) Live as you please. Do what you want. But please be around. I am begging you. I cannot live without you. Just be around, I'm not going to ask for anything.
Marina	Where is Varya?
Gradov	She left
Marina	Fine. Let's go home? (Storm)

(78)

- **Ольга Андреевна**, это в ваших интересах. **Пожалуйста, постарайтесь**. Мы пока будем с вашей семьей. Телефон вашей дочери будет у меня, и, если что, звоните. Всего доброго. (Шторм)

(- **Olga Andreevna**, this is in your own interests. **Please, do your best**. In the meantime, we will be with your family. I'll keep your daughter's phone: please call if you need to. All the best. (Storm))

(79)

- **Марин**, ты в порядке? **Открой дверь, пожалуйста. Марин, не надо закрываться, а?** Ну, правда. Это опасно. (Шторм)

(- **Marina**, are you okay? **Please open the door. Marina, do not lock up, please?** Really. It's dangerous. (Storm))

In Italian, the pragmatic marker of politeness *prego* used in isolation is highly contextbound. It may precede the directive, which in this case has the function of explicitation, as in (80), or be in postposition to it (81). In the second case, the command is indirect, and the *prego*-marker is pragmatically related to the reduced imperative expressing the command to enter, to go out, to pass, to sit down, to start talking, etc. We include the *prego*-marker with substitutes of directives (see Section 4.3.3.2. "Substitutes").

(80)

- **Prego. Si accomodi!** (Suburra)

– **Please. Sit!** (Suburra)

(81)

Presidente	Signori, per oggi abbiamo finito. Prego.
dell'assemblea	(Suburra)
(Chairman	Ladies and gentlemen, we've finished for today. Thank
of the meeting	you. (Suburra))

Positive politeness (politeness of solidarity) in a speech act of permission in Italian may consist in a special expression of directive, not limited by any additional conditions. For this purpose, constructions with the coordinate conjunction *pure* are used, which — combined with the imperative or the conjunctive — can express a concession in the broadest sense of the word or an encouragement to perform an action. The dialogical move in (82) also has an additional marker of politeness, namely, expression of gratitude for an action that has not yet been performed:

(82)

– **Stampi pure** le copie e le consegne. **Grazie.**
 – Va bene. (Suburra)
 (– **Print** the copies and hand them out. **Thank you.**
 – OK. (Suburra))

(83)

– È tutto a posto, Anna. **Vada pure.** (Suburra)
 (– It's all in order, Anna. **You can go.** (Suburra))

In Italian speech, titles can be used to maintain socio-psychological distance, as in (84), where the female protagonist of the film contradicts the cardinal, asking him “not to say that” and, to mitigate the face-threatening effect, addresses him with the special appellative, emphasizing her awareness of the need to maintain hierarchical distance.

(84)

Sara	Non dica così, Monsignore. Non è così. [...] Mi ascolti.
	(Suburra)
(Sara	Don't say that, Monsignor. It's not like that. [...]
	Listen to what I have to say. (Suburra))

The face-threatening effect is reduced by strict adherence to etiquette. An officer of the papal gendarmerie first makes sure that there is the right person in front of him, then introduces himself in a very generalized manner, and only then gives the directive to follow him. The directive is preceded by an expression of regret about the situation:

(85)

Gendarme	Eminenza Pascagni? Gendarmeria Vaticana. Ci dispiace
	disturbarla, ma ci deve seguire. (Suburra)
(Gendarme	Cardinal Pascagni? Vatican Gendarmerie. Sorry to bother
	you, but you have to come with us. (Suburra))

In Russian, one of the main lexical markers of politeness is the personal form of the verb *извинить* (*to excuse/to forgive*) used in the preposition to the directive as a request for forgiveness for the yet unexpressed directive and the discomfort that the recipient may experience when performing the intended action or because of it. Example (86) represents the reaction of the policewoman to the cleaner's entrance in the office. The dialogic move begins with an apology for the request to come to clean the office later, expressed indirectly in the form of a general question about the deontic possibility.

(86)

- **Извините, можно попозже?** Мы поговорим. (Мажор)
 (- **My apologies; can we do this later?** We'll talk. (Silver Spoon))

It is interesting that the personal form of the verb *извинить* as a pragmatic marker of politeness in preposition to the directive is found only once in our corpus of examples in Russian. This marker is also used in an interrogative-directive utterance in example (86). In the remaining cases (e.g. (87), (88), (89)), this verb is used in its primary meaning as an apology for the action performed or being performed by the speaker, while when used as a pragmatic marker the verb has no semantic load and serves to draw the recipient's attention to what is about to be said (example (86)).

(87)

Марголис	Оль, посиди, подожди минутку. Олег. Давай, давай.
Олег Ольге	Ольга, извините еще раз! (Шторм)
(Margolis	Olya, can you please take a seat and wait for a minute? Oleg. Go ahead, go.
Oleg to Olga	Olga, my apologies once again! (Storm))

(88)

- Здравствуйте. **Извините, что так поздно.** (Шторм)
 (- Hello. **I am sorry for the delay.** (Storm))

(89)

Марина	Знаешь, чего я хочу?
Варя	Ну?
Марина	Я выпить хочу, вот чего хочу.
Варя	Ну, тогда пойдем выпьем.
Марина	Но мне же нельзя.
Варя	Тогда извини. Нельзя так нельзя. (Шторм)
(Marina	Do you know what I want?
Varya	What?
Marina	I want to have a drink, that's what I want.
Varya	Let's go have a drink then.
Marina	But I shouldn't.
Varya	Sorry then. If you shouldn't, you shouldn't. (Storm))

The speaker thus resorts to the tactics of politeness markers either in order to reduce the impositiveness of the directive, in which the speaker is not sure of the addressee's interest, or in order to demonstrate the relationship of solidarity with the addressee. The basic politeness markers *per favore*

and *пожалуйста* are used similarly in the two languages, mostly in combination with an imperative form of the verb, with one exception: their use is different in interrogative-directive sentences. In Italian it is normative, in Russian it is not. However, in Russian the pragmatic marker of politeness (the imperative of the verb *извинить*) is used in Russian in questions. The markers of politeness in both linguistic cultures also include vocatives, which are combined with the imperative form of the verb. In solidarity relations, the addressee's proper name is used more often in Russian than in Italian, while in Italian, unlike Russian, in status-marked situations titles are used more often, playing the role of an additional etiquette marker used to mitigate the impositiveness of the directive.

4.2.2.3. Deontic modality. Directive meanings are viewed as modal by many scholars (see, e. g., [Grammatika 1980 (I): 215; Bondarko et al. 1990]). The terms “modality” and “mood” are not semantically opposed: “mood is any grammatical category whose grammemes express modal meanings [...] Mood is simply ‘grammaticalized modality’” [Plungian 2011: 423]. J. Lyons, for example, notes the semantic proximity between imperative and deontic modality: in particular, when it is necessary to regulate behavioral patterns based on moral and social norms, directive sentences are used along with deontic ones⁹⁷ [Lyons 1977: 828]. There are three conceptual centers identified in the domain of modality: a) the relation between the utterance and the reality; b) the attitude of the speaker towards the content of the utterance; c) the communicative purpose of the utterance [Paducheva 2016b: 23]⁹⁸. In Russian linguistics, the domain of subjective modality includes, among others, appeals, commands, and warnings, which have traditionally been attributed to the illocutionary domain [Grammatika 1980 (II): 216].

Deontic modality is a category describing the necessity or possibility of actions. Possibility and necessity are the main concepts of modal logic (see, for example, [Feys 1965]), the conceptual apparatus of which is used in describing modality in natural languages and, in particular, in describing the synonymous relations between possibility and necessity.

Deontic possibility characterizes an agent's action and is asserted by a morally or socially responsible entity or institution. Deontic possibility correlates with the notion of duty, norms of behavior, and a system of rules. The prototype of deontic possibility is the permission received from the authority [Paducheva 2016b: 67]. In a natural dialogue such an authority can be the speaker who controls a deontic possibility freely used in directive speech acts: *Можете идти!*, *Идите!*, *Разрешите пройти!*, *Можно пройти?* Deontic necessity is associated with obligations to perform certain actions. These obligations result from moral principles or social attitudes, or the recognized authority of a person

⁹⁷ “The range of utterances whereby parents and those in authority over him regulate the behavior of the child and inculcate in him (if they are successful) a set of moral and social norms and patterns of behavior includes not only directives, but also statements. The parent can say, not only *Don't tell lies*, but also, *It's wrong to tell lies*.”

⁹⁸ V. A. Plungian distinguishes two conceptual centers of the modality sphere: “the speaker's attitude towards the situation (or “evaluation”) and [...] the status of the situation in relation to the real world (or “irreality”)” [Plungian 2011: 423].

or an institution. The notions of moral duty, obligation, law-abiding behavior are associated with deontic necessity [Paducheva 2016b: 70], so for our research purposes, we also distinguish the deontic modality of obligation, i. e. in addition to the possibilitive and debitative we introduce the concept of obligative.

Deontic modality touches upon various aspects of our social life, regulated by notions of right and wrong, good and evil, and the common behavioral standards derived from these notions. The tactic of deontic modality includes appeal to the individual's duties, which cover the domains of morality (moral imperatives) and social duties. Deontic modality refers to common human universals and can be ethnospecific only in terms of a specific social structure, which imposes certain duties on its members.

An appeal to moral imperatives or to a moral necessity frees the speaker from the role of the causer. In this case s/he is not the initiator of the intended action: instead, it is required by certain norms of behavior.

In Italian, the modal verb *dovere* is the most frequently used marker of deontic modality. Example (90) is taken from a conversation between two close friends, and friendship, as we know, imposes some obligations on relationships:

(90)

Sara a Gabriele	Devo organizzare una festa stasera. Mi devi dare una mano. (Suburra)
(Sara to Gabriele)	I have to organize a party for this evening. I need a hand. (Suburra)

Example (91) from the Russian collection is a dialogue between husband and wife, the parents of two minor children, in which the father “instructs” the mother on how to behave with the children.

(91)

Крюков	Как дети?
Ольга (жена Крюкова)	Марк очень сильно подавлен.
Крюков	Потому что ты сама нервничаешь. А ты должна быть спокойна. Мы ни в чем не виноваты. И тебе надо транслировать это через свое спокойствие. Что Агата?
Ольга	Сидит у себя в комнате, гнобит Марка. Говорит всякую чушь.
Крюков	Про меня?
Ольга	Да.
Крюков	Ты должна заткнуть ей рот любым способом. Если она ляпнет про меня что-нибудь в интернете, ты представляешь, что будет? Отруби ей доступ.
Ольга	Я не буду этого делать. (Шторм)
(Kryukov)	How are kids?
Olga (Kryukov's wife)	Mark is very depressed.

- Kryukov That's because you're anxious. And **you must be calm**. We are not guilty of anything. And **you should relay** this through your calmness. What's with Agata?
- Olga She is in her room, berating Mark. She is speaking all sorts of nonsense.
- Kryukov About me?
- Olga Yes.
- Kryukov **You must shut her up**, any way you can. If she blabs about me on the Internet, can you imagine what would happen? **Cut her off**.
- Olga I won't do that. (Storm)

A moral imperative is a moral maxim accepted in a society that forces a person to determine the importance, and hence the priority, of an action when a moral choice arises. In everyday life, these are mostly actions related to the fulfillment of family duties. In examples (91) and (92) these are the duties of a mother to her children. In both cases, the Russian language uses both the modal markers *надо* and *должна*, and the canonical imperative.

(92)

- Адвокат Глушаков Короче, я думаю, **надо валить**.
- Ольга Куда?
- Адвокат Глушаков Пока не знаю, куда, но **надо**. У меня семья.
- Ольга Да нет, я понимаю, но ...
- Адвокат Глушаков **И тебе тоже надо**, Оля.
- Ольга Я не могу. У меня контракт на подписании по фондам.
- Адвокат Глушаков Ну, **отправь** детей, хотя бы.
- Ольга Куда я их отправлю? Как? Им сейчас так плохо.
- Адвокат Глушаков Вот именно поэтому и **отправь**. На море, чтобы они отвлеклись, были в безопасности. И никому **не надо говорить**, куда они уехали. **Уезжай**, Оля. **Вместе с детьми. Пока не поздно**. (Шторм)
- (Attorney Glushakov It's just, I think **we have to hit the road**.
- Olga Where to?
- Attorney Glushakov I don't know where yet, but **we have to**. I have a family.
- Olga Yeah, I understand, but ...
- Attorney Glushakov **You should do the same**, Olya.
- Olga I cannot. I have a contract for the funds ready to sign.
- Attorney Glushakov **Send the kids away**, at least.
- Olga Where can I send them? How? They are doing so poorly now.
- Адвокат Глушаков Вот именно поэтому и **отправь**. На море, чтобы они отвлеклись, были в безопасности. И никому **не надо говорить**, куда они уехали. **Уезжай**, Оля. **Вместе с детьми. Пока не поздно**. (Шторм)

Attorney Glushakov This is exactly why **you have to send them away**. To the seaside, so that they are distracted and safe. And **don't tell anyone** where they are. **Leave, Olya. Along with the kids. Before it gets too late.** (Storm)

The appeal to moral imperatives is set by the social context that conditions the speaker's right to appealing. In some cases, it seems difficult to distinguish between the moral and social obligations of the individual.

We understand social duties as professional and civic duties of communicators because of the fact that we are all members of one or another society. The tactic of deontic modality can be used in the context of a reference to a duty (professional or interpersonal) as in (93) or advice as in (94).

(93)

Sara Io non ho più potere in Commissione.
 Samurai **Devi convincere** Theodosiou a far vendere quei terreni a noi. (Suburra)
 (Sara I don't have any power in the Commission now.
 Samurai **You have to persuade** Theodosiou to sell that land to us. (Suburra))

(94)

(al funerale del padre di Gabriele)

Un poliziotto a Gabriele **Ti devi fare** coraggio, Lele. Questo è un mestiere infame. Tu **non lo devi fare**, dammi retta. Lasciali perdere i sogni di tuo padre. Vai a riposare. Ti porto a casa?
 Gabriele No. Non ti preoccupare. (Suburra)
((Gabriele's father's funeral))
 A policeman to Gabriele **You have to be strong**, Lele. This is a shit job. You **shouldn't do it**, listen to me. Forget about your dad's dreams. Go and get some rest. Want me to take you home?
 Gabriele No. Don't worry. (Suburra)

In Italian, mitigation in the speech act of advice in the deontic modality tactic is achieved using the subjunctive mood of the modal verb:

(95)

Un poliziotto a Gabriele Queste sono le cose che tuo padre teneva in ufficio. Per il resto **dovresti aspettare** un attimo, stanno svuotando l'armadietto, ma hanno bisogno di tempo perché devono verbalizzare tutto. (Suburra)
 (A policeman to Gabriele These are things your dad had in the office. For the other stuff, **you'll have to wait** a minute, they're emptying his locker, but they need time as everything has to be listed. (Suburra))

(96)

– **Dovresti smettere** [di fumare] anche te. Ti fanno male. (Suburra)

(– **You should stop** [smoking] too. It's bad for you. (Suburra))

In examples (95) and (96), advice is accompanied by argumentation that is semantically linked to the directive.

In Italian, the indicative and the subjunctive moods of the modal verb *dovere* can alternate in communicative turns. The choice of the mood does not seem to have clearly defined criteria. In example (97), we can assume that in the first case the indicative mood is used to indicate the deontic obligation of the addressee as a citizen (member of civil society) to perform an action, namely, to proceed to the police station. In the second case, the same modal verb is used in the subjunctive mood, which is considered a means of mitigation. In our opinion, one possible explanation could be precisely the mitigation of the first more rigid command, given the general tendency of Italian society to reduce rigid social hierarchy and the increasing popularity of the discourse of solidarity.

(97)

Poliziotto Aureliano Adami?

Aureliano Sì.

Poliziotto **Deve venire** con noi in commissariato.

Aureliano Perché? Che è successo?

Poliziotto C'è una richiesta d'informazione sommaria. **Dovrebbe rispondere** a qualche domanda. (Suburra)

(Policeman Aureliano Adami?

Aureliano Yes.

Policeman **You have to come** with us to the station.

Aureliano Why? What's happened?

Policeman We've been asked to take a statement. **We need to ask you** some questions. (Suburra))

When the addressee does not agree to fulfill certain obligations, the tactic of deontic obligation develops towards argumentation in favor of the latter. In both (97) and (98), the argumentation is caused by the communicator's questions:

(98)

1-й сотрудник полиции Мы долго думали, какое может быть решение, и поняли, что оно единственное. **Ты должна пойти** к Маркину и **сказать**, чтобы он ни при каких обстоятельствах не открывал свой рот.

Женя Я?

1-й сотрудник полиции Ну, а кто?

Женя А почему я?

2-й сотрудник полиции Ну, я по-твоему? Меня весь город в лицо знает...

Женя А если меня там кто-нибудь узнает?

1-й сотрудник полиции Жень, не смеси.

Женя	Нет, все равно нет. Это опасно. Ну, вы что?
1-й сотрудник полиции	Женечка, такого ответа у тебя нет: ты сядешь.
2-й сотрудник полиции	Жень, деньги брала? Сядешь.
1-й сотрудник полиции	Женечка, так надо. Давай, давай. (Шторм)
(The 1 st policeman	We thought about this for a long time and we realized that this is the only solution. You have to go to Markin and tell him to keep his mouth shut no matter what happens.
Zhenya	Me?
The 1 st policeman	Who else?
Zhenya	Why me?
The 2 nd policeman	Well, do you think it should be me? The entire town knows who I am...
Zhenya	What if anyone recognizes me there?
The 1 st policeman	Zhen', don't be ridiculous.
Zhenya	No, absolutely not. It's too dangerous. What are you talking about?
The 1 st policeman	Zhenechka, this is not a possible answer: you will get behind bars.
The 2 nd policeman	Zhen', you took the money, right? You'll go to jail.
The 1 st policeman	Zhenechka, you have to. Come on, come on. (Storm))

In debitative, the action to be caused is expressed by the infinitive construed with the main verb. In the two languages, predicates differ because of the grammatical structure of each language: in Italian it is a personal form of the verb *dovere*, in Russian it is the predicative words (in Russian linguistics 'предикативные слова') *должен, надо*. Since in Italian the debitative marker is a verb, it is possible to use a grammatical way of command mitigation by putting the verb in subjunctive mood (e. g., *deve > dovrebbe*). The verb expressing the intended action is a part of the predicate. In Russian, no grammatical way of mitigation seems to be possible, at least, we could not find one in the Russian National Corpus.

Instead of debitative, deontic modality can be expressed in a milder form of necessity:

(99)

Aureliano a Spadino	Guarda che i [...] tuoi dentro a `sta casa non esistono, Spadi. Bisogna che te lo ricordi. (Suburra)
(Aureliano to Spadino	Look [...] your folks don't exist in this house, Spadino. You need to remember that. (Suburra))

(100)

Sara	Adesso, però, è necessario che lei convochi al più presto la Commissione.
Monsignore	Non voglio più sentire parlare di questa storia.
Sara	Certo. Lo so. (Suburra)

- (Sara But right now you must convene the Commission as soon as possible.
- Monsignor **Don't mention** this business again.
- Sara Of course. I know. (Suburra)

The caused action in Italian debitatives is expressed by a present conjunctive form in hypotaxis if the necessity marker is the verb *bisognare* or a nominal predicate with the adjective *necessario*. In the examples above, the predicate in the main sentence is impersonal, while in the dependent position the verb is in a personal form. The deontic necessity here seems to have no author, it is impersonal, but the task of its realization is assigned to the addressee. The predicate of necessity and the directive are in a syntactic relationship.

In the examples above, necessity is realized through the addressee's actions, i. e. necessity is contextually linked to the addressee, unlike example (101), in which necessity is reported to be in the speaker's interests: the police officer's order to present documents for identification. This example refers to the tactic of highlighting the importance of the caused action for the speaker. That is, if the necessity marker semantically and grammatically correlates with the speaker, in this case we are talking about settings on oneself (the speaker).

(101)

- Agente di polizia **Ho bisogno dei documenti**, di tutti. (Suburra)
- (Policeman **I need** everyone's **documents**. (Suburra))

In Russian, the impersonal necessity markers *надо*, *нужно* govern infinitives, that is, impersonal forms. It means that the executor of the action is not expressed grammatically. The speaker has to use lexical means to indicate the executor: in example (102) it is a name, in example (103) it is the pragmatic marker *listen* in its appellative function and the semantic expansion of the modal impersonal *надо* *решать* with a personal form of the verb *think*. The verb expressing the intended action, just like in the Italian examples, is in subordination and takes the impersonal form. The predicate of necessity and the directive verb are in a syntactic relationship.

(102)

- Полицейский Крюков? Семен Александрович? Ознакомьтесь с постановлением.
- Крюков Так, **Оля**, **нужно** срочно **звонить**...
- Полицейский На выход!
- Крюков Оля, срочно **звони** Грише. (Шторм)
- (Policeman Kryukov? Semyon Alexandrovich? Here is a warrant.
- Kryukov So, **Olya**, **we need to call**...
- Policeman Step outside!
- Kryukov Olya, **call** Grisha immediately. (Storm))

The necessity marker in Russian does not indicate the addressee, i. e., the agent of the action remains non-defined. Therefore, an impersonal deontic causation of an action is often followed by a personal form of the verb, namely imperative (102), (103).

(103)

Градов	Слушай , с этим надо что-то делать . Он наша проблема.
Олег	Ну, вы же не думаете, что эту проблему надо решать радикальными средствами.
Градов	Вот эту проблему надо решать любыми средствами. Думай как. (Шторм)
(Gradov	Listen, we need to do something about this . He is a problem for us.
Oleg	Well, surely you don't think that this problem should be solved with radical means, do you?
Градов	Вот эту проблему надо решать любыми средствами. Думай как. (Шторм)
Gradov	This problem should be solved by all manner of means. Think . (Storm)

In Russian, modality of necessity mitigates the illocutionary force in directive statements. It is clearly visible in dialogical entities with semantic repetition (paraphrase). In example (102), Kryukov believes that the situation will be under control if his wife calls a lawyer. He uses the modality of necessity. But realizing that it must be done urgently, he repeats the directive using the imperative form of the verb.

Modality of necessity (or absense thereof) is used in Russian as a prohibitive.

(104)

Адвокат	Сереза, вы знаете, как я к вам хорошо отношусь. Зря вы все это.
Сергей Градов	Не очень понимаю.
Адвокат	Не нужно к нему лезть . Не нужно под него копать . Понимаете?
Сергей Градов	Вы про кого?
Адвокат	Давайте мы сейчас без фамилий обойдемся. (Шторм)
(Attorney	Seryozha, you know that I care about you. You really shouldn't do this.
Sergei Gradov	I am not sure I understand.
Attorney	You shouldn't bother him. You shouldn't dig into him. Do you understand?
Sergei Gradov	Who are you talking about?
Attorney	Let's not use any names now. (Storm)

(105)

Олег Слушай, давай договоримся. Не будем терять твое время, мое. Просто возьмем как аксиому: я все знаю. Хорошо? **Не надо мне вот это: бубнить.** (Шторм)

(Oleg Listen, let's make a deal. Let's not waste your or my time. Let's just take for granted that I know everything. Alright? **Cut it out, all this mumbling.** (Storm))

In examples (104) and (105), the negative form of the modal words *нужно, надо* combined with a lexical verb is syntactically synonymous with the canonical prohibitive with a lexical verb: *не лезь (don't bother)*, *не копай (don't dig)*, *не бубни (don't mumble)*. In deontic modality tactics in Russian, modal words are used in the impersonal form, which emphasizes the listener's detachment from the role of the executor. This directive is grammatically impersonal and is addressed to no one.

Another example of the use of the negative form of the modal word *надо* with a noun: *не надо меня опасаться = не опасайся меня (don't be wary of me)*.

(106)

Градов Олег, послушай. Мы сейчас здесь с тобой одни. Я тебя не записываю, ни к чему не принуждаю. В общем-то я нормально к тебе отношусь. **Не надо меня опасаться.** (Шторм)

(Gradov Oleg, listen to me. It is just you and me here. I am not recording the conversation, I am not putting any pressure on you. I don't have a problem with you. **There is no reason for you to be wary of me.** (Storm))

The interchangeability of these two syntactic forms of the prohibitive can be seen in the example (107), where we find semantic repetition: *не женись (don't get married) = не надо это тебе (you don't need this)*.

(107)

Градов Осокину А хочешь совет? **Не женись. Не надо это тебе.** (Шторм)

(Gradov to Osokin Would you like a piece of advice? **Don't get married. You don't need this.** (Storm))

In example (108) we can observe a combination of two prohibitive tactics: the descriptive tactic sufficient to express the directive (*ты со своими подругами так разговаривай (save this tone for your girlfriends) = не разговаривай со мной в таком тоне (don't use this tone with me)*), and the tactic of appealing to moral imperatives (*со мной — не надо = не надо так разговаривать со мной (don't talk to me this way)*), followed by argumentation (*я твой начальник (I am your boss)*).

(108)

- Ты со своими подругами **так разговаривай. Со мной — не надо**, я твой начальник. (Мажор)

- **Save this tone** for your girlfriends. **Don't talk to me this way**, I am your boss. (Silver Spoon)

In Italian, deontic possibility is expressed by means of the modal verb *potere*. In (109) the addressee interprets the admission of the possibility that an action can be performed as a directive and expresses his consent to perform it:

(109)

Sara	Si, ma intanto lei può cambiare le cose.
Taccon	E farò del mio meglio. (Suburra)
(Sara	Yes, but in the meantime you can change things.
Taccon	I'll do my best. (Suburra)

In example (110), the negation *non* creates a prohibitive in the modality of possibility: *non ci puoi stare* (you can't stay here) = *non stare qui* (don't stay here)).

(110)

Alberto	Pietro, qua non ci puoi stare! (Smetto quando voglio)
(Alberto	Pietro, you can't stay here! (Smetto quando voglio)

In Italian, the question about the possibility of performing an action may also be formulated in an impersonal form when the speaker does not intend to distinguish between the performer of the action and all possible listeners. In example (111), Amedeo addresses one listener, which is obvious because of the allocutive pronoun *tu* (*scusa*), but the following question does not contain a personal form of the verb *potere*:

(111)

Amedeo	Scusa, si può alzare il volume? (Suburra)
(Amedeo	Excuse me, can you turn up the volume? (Suburra)

The question about the possibility of doing something (possibilitive) using the verb *potere* in conditional mood is one of the most traditional in Italian and is considered to be the least face-threatening and therefore the most polite: *potrebbe mandare/dire?* (could you send/tell?).

(112)

Cardinale	Dottore, scusi, permette? Mi saprebbe dire il numero esatto delle persone che dobbiamo accogliere?
Amministratore del centro accoglienza	Sono 514, eminenza.
Sara all'amministratore	Noi potremmo accogliere tutti.
Sara al suo collaboratore	Cerchiamo almeno di non dividere le famiglie.
Suora	La struttura della Monaschi è nata da poco e serve gente di esperienza per mandarla avanti.
Cardinale	Potrebbe mandare il suo personale nella struttura della Monaschi e darle una mano?
Suora	E i soldi chi li prende?

Cardinale	Sorella! In una situazione come questa, lei si preoccupa dei soldi?
Amministratore	Prenda lei le famiglie, dottoressa.
Sara	Va bene.
Amministratore (Cardinal)	Venga con me. (Suburra) Excuse me, may I? Could you tell me the exact number of people we have to take in?
Administrator of reception centre	We have 514, Your Eminence.
Sara to administrator	We could take them all in here.
Sara to her co-worker	Let's try, at least, not to split up families.
Nun	The Monaschi centre has just opened and they need experienced people to run it.
Cardinal	Could you send your staff to the Monaschi to help out ?
Nun	And who gets the money?
Cardinal	Sister! In a situation like this how can you worry about money?
Administrator	You take the families, Ms Monaschi.
Sara	Fine.
Administrator	Come with me. (Suburra))

In Italian, other verbs with the debitative semantics can be used to express deontic modality, as in the following example with the verb *toccare*:

(113)

Samurai	So come farti uscire da questa prigione. Però, ti tocca andare il più lontano possibile. (Suburra)
(Samurai)	I know how to get you out of this cage but you have to get as far away as possible. (Suburra)

Here, the caused action is expressed by an infinitive, and the reference to the executor of the action is contained in the personal pronoun *ti*.

In Russian, modality can also be expressed without any lexical markers, as in example (114), where one of the communicators tells that she does not know what to do and the other gives her a fairly detailed plan of action, which is interpreted as an encouragement to act in this way and not otherwise. All future actions to be performed are expressed in the infinitive form: *не делать* (*to do nothing*), *вести* (*to stay*), *молчать* (*to keep silent*), *не думать* (*to do not think*). The same semantics could be conveyed by imperatives form of the verb: *ничего не делай* (*do nothing*), *веди себя* (*stay calm*), *молчи* (*keep your mouth shut*), etc. The infinitive, which has a greater illocutionary power in Russian than a canonical imperative, indicates here the modality of necessity [Paducheva 2016b: 21].

(114)

- Я вообще не знаю, что теперь делать.

- Женечка, послушай. Ничего **не делать**. **Вести** себя спокойно. **Молчать**. Понимаешь? **Не думать** про глупости. **Не думать** про плохое. Поняла меня? Вот и молодец.
(Шторм)

(- I have no idea what to do.

- Zhenechka, listen. **Do nothing**. **Stay calm**. **Keep your mouth shut**. Do you understand? **Do not think** stupid thoughts. **Do not think** about bad stuff. Got it? Good girl. (Storm)

(115)

- И что мне делать?

- Пока ничего. **Сдавать** билет и **оставаться** дома. Дальше посмотрим.

- Понятно. (Шторм)

(- So what should I do?

- Nothing so far. **Return** the ticket and **stay** home. We'll see what happens.

- Understood. (Storm)

In examples (115) and (116) the initiator of the deontic modality tactic is not the causer, but the potential executor of the action. This happens when a potential executor is asking for advice. That is, the directive tactic receives its impulse not from the causer of the action, but from the executor him/herself, who “looks for” external causation, as it were.

(116)

Крюков

Что мне делать?

Адвокат

Сидеть тихо. **Ничего делать** сейчас **не надо**. (Шторм)

(Kryukov

What should I do?

Attorney

Just **sit** tight. You **don't have to do** anything now.

(Storm)

Here, as in (115), the verb expressing the intended action is in the infinitive form. There are no markers referring to the executor because the directive is purposefully designed this way. Necessity and directing are contextually dependent.

The tactic of deontic modality is thus based on the lexical modal markers of oughtness, necessity, and possibility, which are semantically similar in the two languages, but grammatically represent different parts of speech: for example, *dovere* (*V*) – *должен, должна, должны* (*Adj*); *bisogna* (*V*) – *необходимо* (*Adv*). In the tactic of deontic modality, the form of the verb expressing the intended action depends on the type of the modal predicate. If it is a predicate of debitative, both in Russian and in Italian the verb of the caused action is in the infinitive. In the case of a necessity predicate, Italian grammar requires a subordinate clause with the present subjunctive expressing the caused action. In Russian, the caused action is expressed by an infinitive. The modality of possibility in Russian has not been recorded in our examples, but it is similar to the Italian constructions: *si può alzare il volume?* = *можно прибавить громкость?*; *potrebbe mandare il suo personale?* = *не могли бы Вы прислать своих работников?* In both languages, the modality of possibility with a directive meaning is realized through

interrogative sentences. In Italian, impersonality is achieved through the particle *si*, and in Russian through the uninflected predicate word *можно*.

4.2.2.4. Appeal to a person. There are often situations in natural dialogues when the speaker simply calls the listener by name or uses another form of address, and the subsequent reaction of the addressee demonstrates that the name of the person or another appellative has been interpreted as a directive. In example (117), the daughter does not actively participate in the dialogue but is simply present. At a certain point, she urges her father to stop the argument: the word *papà* (*dad*) alone is interpreted by the father exactly as it was intended by the daughter, meaning that such directive appellatives have a conventional character: in this context *Papà* = *non parlare* (*do not speak*), *fermati* (*stop*), *lascia fare a me* (*leave it to me, let me do it*). The father immediately stops the discussion with his son and invites his daughter to continue persuading her brother.

(117)

Aureliano	Porca di quella puttana, ma ce li hai gli occhi? Tu lo vedi o no la gente che locali vuole frequentare? Su quel chiosco ci butti due spicci e si riempie. Un certo tipo di clientela, oltre a mangiare e bere, vuole pippare.
Il padre a Livia	Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi.
Aureliano a Livia	Quel posto non è tuo, era di mamma.
Il padre a Aureliano	Oh! Oh!
Aureliano	"Oh" che?
Il padre a Aureliano	Te l'ho detto duemila volte! Tua madre lasciala perdere.
Livia	Papà.
Il padre a Livia	Vedi se con te ragiona questo coglione.
Livia ad Aureliano	Pure te non insistere, no? Lo sai che gli dà fastidio.
Aureliano	Lasciami perdere. (Suburra)
(Aureliano	Holy shit, are you blind? Can't you see the kinds of places people want to go to? Invest a few euros in that kiosk and they'll be queuing up. Some customers want to eat, drink, and snort.
Father to Livia	Livia, listen to this for a laugh! He wants to teach me how to make money.
Aureliano to Livia	It's not your place. It was mom's.
Father to Aureliano	Hey! Hey!
Aureliano	"Hey" what?
Father to Aureliano	I've told you a million times! Leave your mother out of things.
Livia	Dad.
Father to Livia	Let's see if you can get any sense out of this dickhead.

Livia to Aureliano And cut it out, why don't you? You know it gets on his nerves.

Aureliano Leave me alone. (Suburra)

In some cases, previous contextual experience (an earlier agreement) serves as the basis for interpreting one's own name as a directive to do a certain action:

(118)

- **Sara!**

- Arrivo! (Suburra)

(- **Sara!**

- Coming! (Suburra))

The addressee interprets the vocative as a causation of a particular action and reveals its perlocutionary effect for the causer for the purpose of communicative cooperation: *Sara = vieni qua (come here)*.

Another similar example:

(119)

Professore

Maurizio!

Maurizio

Altri 5 minuti, professò.

Professore

No no, niente 5 minuti. (Smetto quando voglio)

(Professor

Maurizio!

Maurizio

Five more minutes, prof.

Professor

No no, no more minutes. (Smetto quando voglio))

We did not record any examples with a proper name in our collection of examples in Russian, although it is obvious for any native speaker that the saying the listener's name out loud may have different meanings depending on the intonation, ranging from prohibition to command to immediately proceed with the action. One example of this tactic may be (168), in which the son tries to stop his father from performing an undesirable action (soft prohibition).

4.2.2.5. Search for an approval of the action. In Russian colloquial speech there are constructions which resemble tag questions: in the first part, there is an imperative form of a verb and in the second part we find either an adverb with the semantics of agreement (*хорошо, ладно (good, okay)*), pronounced with a question intonation, or the interrogative particle *a*. Here the speaker seems to invite the addressee to reflect on the directive and accept it as a necessity, agreeing with its inevitability.

(120)

Врач Градову

Вы, пожалуйста, отлежитесь. **Не ходите** никуда, **ладно?**
(Шторм)

(Doctor to Gradov

Please, stay in bed. **Don't go** anywhere, **okay?** (Storm))

(121)

- Короче, опросите всех еще раз. И всю инфу мне по инженеру. Жена, дети, кто посещал его здесь. Да **побыстрее, ладно?**

- Хорошо. Сделаем. (Шторм)

(- Alright, debrief everyone one more time. And give me full info on the engineer. His wife, kids, whoever came to visit him. **Make it quick, okay?**

- Okay. Will do. (Storm)

(122)

Осокин А хочешь совет?

Градов Нет.

Осокин Серез, ну просто **включи** логику, **а?** Мы все любим очень Маринку. Она супер! Ты рискуешь. Заразишься гепатитом. Это навсегда.

Градов Юр, **отвали, а?** (Шторм)

(Osokin Mind if I give you advice?

Gradov I do.

Osokin Seryozh, just **use your brains**. We are all fond of Marinka. She is terrific. But you're running a risk. What if you contract hepatitis? That's for a lifetime.

Gradov Yur, **get lost**. (Storm)

(123)

Осокин Либо ты мне все выкладываешь, либо я тебя арестовываю к чертям собачьим и все.

Градов Слушай, **давай без ультиматума, а?** Надо меня арестовывать - арестовывай, не надо - не арестовывай. Че ты орешь-то? (Шторм)

(Osokin You either come clean or I am arresting you, dammit.

Gradov **Drop the ultimatum**. If you have to arrest me - arrest away, if you don't have to arrest me - then don't. What's with all the yelling? (Storm)

(124)

- Жека, **помоги, а?** (Мажор)

(- Zheka, **give me a hand, could you?** (Silver Spoon))

It follows from the examples above that in this tactic, inducement can be expressed in almost any possible way.

In Italian we recorded the following example of this tactic:

(125)

- Durante l'identificazione voglio provare a entrare.

- Da solo?

- Sì. L'unico agente che mi sarei portato sei tu, però **mi servi fuori, va bene?**

- Va bene. (Suburra)

(- I'm going to try and get in during the identification.

- Alone?

- Yes. You're the only officer I'd have taken in but **I need you outside. Got it?**

- Fine. (Suburra)

Here the directive is expressed implicitly: *mi servi fuori (I need you outside) = rimani fuori (remain outside)*.

Based on the examples collected, it seems possible to state a greater frequency of the tactic of seeking approval of the action in Russian compared to Italian.

4.2.3. Tactics of cooperation

The benefactivity of the action for the addressee does not exclude its benefactivity for the speaker, i. e. both interlocutors may be interested in the execution of a certain action. The prototypical meaning of the 1Pl indicative verb form is to denote a joint action. In a directive context, it refers to both speaker's and listener's interest in the caused action, which may be either real or imaginary according to the subjective opinion of the speaker, as in the examples in Italian (126), (127).

(126)

– Lo sai chi sono io, sì? Meno male, così **evitiamo** le presentazioni e **arriviamo** subito al dunque. **Facciamo** due passi, **vieni**. (Suburra)

(– You know who I am, yeah? Just as well, so we can **skip** introductions and **get** straight to business. **Let's take** a stroll, **come on**. (Suburra))

(127)

Livia a Aureliano **Facciamo** una cosa. Tu chiedi scusa allo zingaro e io parlo con papà. E **vediamo** che si può fare. [...] Pareggia 'sta storia e io parlo con papà. (Suburra)

(Livia to Aureliano **Let's** do it this way. You tell the gyppo you're sorry and I'll talk to dad. **Let's see** what we can do. [...] **Get** this mess sorted out and I'll talk to dad. (Suburra))

The inclusive imperative in Italian can be combined with further argumentation in a subordinate clause:

(128)

– **Andiamo a mangiare che si fredda**. (Suburra)

(– **Let's eat before it gets cold**. (Suburra))

In example (129), inclusive causation is preceded by a justification for the necessity of the the action:

(129)

Poliziotto **Non c'è, continuiamo** a cercare. (Suburra)

(Policeman **No luck, we keep on** looking. (Suburra))

In Italian, an inclusive directive can also be expressed by a construction with the proper meaning of intention or “intentional” desire (see [Plungian 2011: 435]), as in examples (130), (131).

(130)

Professore **Vogliamo provare** a risincronizzare il cellulare?

Pietro Professore, io starei proprio scappando, glielo faccio domani. (Smetto quando voglio)

(Professor **Should we try** re-synching the mobile?)

Pietro Professor, I'm in a bit of rush, I'll do it for you tomorrow. (Smetto quando voglio)

(131)

Monsignore Theodosiou **Vogliamo fare** stasera?

Sara Stasera? Perché no?

Monsignore Theodosiou Mi fa sapere lei?

Sara Ci penso io. (Suburra)

(Monsignor Theodosiou **Shall we** make it tonight?

Sara Tonight? Why not?

Monsignor Theodosiou You'll let me know?

Sara I will. (Suburra))

Tactics of cooperation can also involve an explicit distribution of roles in the performance of a series of actions necessary to achieve a specific goal. In example (132) in Russian, the tactic begins with an offer of cooperation or joint action (*давайте сделаем так (let's do this)*), followed by an indication of what the addressee does (*вы расскажете (you will explain)*), and what the speaker does alone or together with the addressee (*мы закончим (we will call it a day)*).

(132)

- Поэтому **давайте сделаем** таким образом: **вы** мне сейчас просто **расскажете**, что происходит, и на этом **мы закончим**. (Мажор)

(- So **let's do** the following: **you will** simply **explain** to me what is going on, and **we'll call it a day**. (Silver Spoon))

Role assignment can also take the form of a coordinate clause with the conjunction *a* with a contrastive meaning, where one part contains a command to action addressed to the listener (*вы работайте (continue with your work)*) and the other part contains a description of the actions of the speaker him/herself (*мы поедem (we go)*), which (s)he intends to perform together with a third person.

(133)

- Ладно, Иван Петрович, **вы работайте**, а **мы поедem** побеседуем с задержанными. (Мажор)

(- Okay, Ivan Petrovich, **continue with your work**, while **we go** have a chat with the detainees. (Silver Spoon))

The 1Pl indicative verb form can alternate with the 2Sg and 1Sg indicative forms, expressing a distribution of roles in the communicators' overall activity that appears clear and implies cooperation in (134) or only creates the appearance of clarity by sequentially combining the 1Pl and 2Sg forms as in (135):

(134)

Livia a Aureliano **Facciamo** una cosa. **Tu chiedi** scusa allo zingaro e **io parlo** con papà. E **vediamo** che si può fare. [...] **Pareggia** 'sta storia e io **parlo** con papà. (Suburra)

(Livia to Aureliano) **Let's** do it this way. You tell the gyppo you're sorry and I'll **talk** to dad. **Let's see** what we can do. [...] **Get** this mess sorted out and I'll **talk** to dad. (Suburra)

(135)

– **Dobbiamo corrompere** chi verrà al suo posto e **deve essere lei a farlo**. (Suburra)

(– **We need to bribe** whoever takes over and **it has to be you to do it**. (Suburra))

(136)

Padre di Gabriele Stammi a sentire. Io adesso **faccio** 'sta cosa. Poi però **mi racconti** per bene tutto. [...] **Sistemiamo** tutto, Gabriele'. Tutto. (Suburra)

(Gabriele's father) Listen, **I'll do** this thing now. But then **you tell** me everything that's going on. [...] **I'll sort** it, Gab. All of it. (Suburra)

The distribution of roles can be expressed by a combination of the 2Sg and 1Sg indicative:

(137)

– Inventati qualcosa, **tu parli** e **io entro**. (Suburra)

(– Think of something to say, **you talk** and **I go in**. (Suburra))

The distribution of roles in Russian and Italian follows a similar pattern: a joint action is denoted by 1Pl, the performer's action by 2Sg.Imp in Russian and 2Sg.Ind in Italian, the action by the speaker is expressed by 1Sg form.

The 1Pl form can indicate both a joint action and an action to be performed by the addressee him/herself. In the example (138) it is a prohibitive, but so-called “supposed” cooperation is also possible in the non-prohibitive sense (139). It is called “supposed” on the grounds that the action is to be performed by the addressee alone, but the causer's interest in it makes him/her a participant of the action. In example (138), the countess addresses her butler. It is obvious that she does not intend to be involved in organizing a parking space, but she considers herself a participant in the action.

(138)

Contessa al maggiordomo Mi raccomando col parcheggio, **non facciamo** il solito casino. (Suburra)

(Countess to butler) **Don't make** the usual mess with the parking. I mean it. (Suburra)

The tactic of supposed cooperation can be observed when the causation comes from a superior in the social hierarchy, as in (139), where Sarah directs the work of organizing an immigrant reception center. Her instructions contain 1Pl verbs, but it does not mean that she will be involved in the execution of the intended actions. Cooperation expressed in that way can only be explained by shared responsibility for the action being performed.

(139)

Sara Questa [la rete del letto] va qua, la **sistemiamo** qua, per favore. Sorella, appena possibile **facciamo** anche questi due. [...] Michela, mi fai vedere la lista degli arrivi? (Suburra)

(Sara That (bedspring) goes here, we'll **set it up** here, **please**. Sister, as soon as you can, **let's make up** these two as well [...] Michela, can you show me the list of arrivals? (Suburra))

In Russian, *давай* is a grammaticalized directive marker expressing a call to cooperation. It may be used with verbs both in PF and IMPF aspect. In the following example, we can observe a colloquial variant without a lexical verb. While such a construct implies a joint action, in this example no joint action is supposed: the caritive construction is addressed only to the addressee.

(140)

- Кошмар какой.
- Жень, **давай** только **без этого**, ладно? (Шторм)
(- This is awful.
- Zhenya, **cut it out**, okay? (Storm))

In example (141) we can observe a non-canonical use of the directive marker for joint action: *давай* + *ты* + 2*Sg.Fut.Pf*. The change of tactics in the above example is rather interesting, it makes evident the impositivity of different ways of causing the same action: *to fly to Moscow*. The construction with the cooperation marker *давай* is the “softest”, then follows a directive with the statement of the addressee’s future action and, finally, the speaker states his future action which has as the consequence the inevitable execution of the originally caused action. The statement of the speaker’s future action as a command for the addressee seems to be the most categorical and impositive, because the factor of the addressee in terms of the execution of the action is not considered at all.

(141)

Градов Знаешь что? **Давай-ка ты** завтра **полетишь** в Москву.
Варя Да щас. Никуда я не полечу, пока она не найдется, и я не пойму, что она опять пьет лекарства.
Градов **Завтра ты полетишь** в Москву.
Варя Нет.
Градов Да.
Варя Да почему?
Градов Потому что я так сказал.
Варя И что, что ты так сказал? Ты понимаешь, что я тоже человек? И ты понимаешь, что у меня тоже есть чувства? И я не могу лететь, пока она не найдется! Ты понимаешь, что это моя мама? А сейчас я пойду и буду расклеивать

ЭТИ долбанные объявления, чтобы хотя бы что-то делать.
(ВЫХОДИТ ИЗ МАШИНЫ)

- Градов **Завтра возьму тебе билет.** (Шторм)
 (Gradov) You know what? **How about you fly** to Moscow tomorrow?
 Varya Yeah, right. I am not flying anywhere until she has been found and I know for sure that she is taking her medications again.
- Gradov **Tomorrow you're flying** to Moscow.
 Varya No.
 Gradov Yes.
 Varya Why?
 Gradov Because I said so.
 Varya So what? Don't you understand that I am a person, too? That I have feelings, too? And that I cannot fly away until she has been found! Do you even understand that she's my mother? Right now I am going to put up these damned ads, just to be doing something.
- Gradov **I am getting a ticket for you tomorrow.** (Storm)

A tactic of cooperation is often used in conversation with children. In example (144) this tactic is formally represented by the construct *давай ты + 2Sg.Fut.Pf*. According to the normative grammars, *давай* is used with *1Pl.Pfv* or *Inf.Impfv*. But in our example, the imperative of the verb *давать*, which is not the lexical verb here, acts as a directive marker, since the verb denoting the caused action is in the 2nd person singular form in the future indicative mood of PF aspect (*сходишь*). Such a directive can be interpreted as follows: *Давай мы сделаем так: ты сходишь с Наташей* (*Let's do this: You go with Natasha*).

(142)

- Ребенок Пап, мне в туалет надо.
 Отец Ты что, сынок? Ну, потерпи немного.
 Ребенок Не могу.
 Отец А ты через не могу. Мне же сейчас выступать идти.
 Ребенок Пап, мне очень надо. Я не дотерплю.
 Отец Ну, **давай ты** с Наташей **сходишь**.
 Ребенок Пап, я не могу с Наташей. Я хочу с тобой.
 Отец Боже мой. Пойдем. Только быстро. (Шторм)
 (Child) Dad, I need to go to the bathroom.
 Father What's that, son? Can you hold a little bit?
 Child I cannot.
 Father Yes you can. I'm on in a few minutes.
 Child Dad, I really have to go. I cannot hold.
 Father Okay, **how about you go with Natasha?**
 Child Dad, I cannot go with Natasha. I want to go with you.

Father Oh my God. Let's go. Make it quick. (Storm)

Note that in the Russian National Corpus (НКРЯ) such constructions were found in a remarkably small number: 11 occurrences in the main corpus and 8 in the spoken corpus.

The tactic of cooperation in Russian can be expressed by some 1Pl past tense verbs. This group of verbs mostly includes verbs of motion. Here we should necessarily distinguish between inclusive and non-inclusive meaning, i. e. to differentiate situations in relation to how the speaker is involved in the execution of the caused action. Using the verb in the past tense with the meaning of non-inclusive directive (*пошел, пошла, пошли (go)*) sounds very crude, reflects a rigid hierarchy between communicators, and generally belongs to low style, whereas inclusive meaning of the plural form has no negative coloring and is freely used as a replacement for the regular form borrowed from the present paradigm: *пошли=пойдем (let's go)*.

(143)

- Послушай, а можешь мне показать дело Крюкова?
 - **Пошли.** (Шторм)
 (- Listen, can you show Kryukov's file to me?
 - **Follow me.** (Storm))

(144)

Градов Осокину **Поехали, поехали.** Пацанов уже отпустили. На, бери свой телефон. Куртку одевай⁹⁹. (Шторм)
 (Gradov to Osokin **Come on, come on.** The guys have been released already. Here is your phone. Put on your jacket. (Storm))

(145)

Родионова Так, все. **Забыли.** Не сейчас. (Мажор)
 (Rodionova Ok, that's it. **Forget about it.** Not now. (Silver Spoon))

Since not all verbs can be used in the past tense as directives, in a sentence one of two or more verbs may be used in the past tense, while another is used in the present tense. In example (146), the past tense of the PF verb is necessary to indicate the desired completion of an action, and the present tense of the IMPF verb is necessary to indicate a continuous action.

(146)

Родионова Хватит! Я больше глаза на это закрывать не буду. Табельный из-за него потерял, он тебе его вернул. Ты ему губу разбил, он тебе руку порезал. Все! **Закончили и работаем.** (Мажор)
 (Rodionova Enough! I am not going to look the other way any longer. You lost your firearm, he returned it to you. You hit him in the face, he cut your arm. That's it! **Over and done with it. Moving on.** (Silver Spoon))

⁹⁹ Sic!

In Italian, the tactic of supposed cooperation, if used in the context of solidarity rather than power, can signal to the addressee the possibility of refusing to perform the required action or of delegating it to another person. In (147), the wife of a candidate in a political election addresses one of her husband's collaborators. Obviously, she has no social rights to manage other people's actions. Therefore, she expresses the causation of the necessary action in the 1Pl form, as an invitation to decide together who will perform the intended action. The context of solidarity is also confirmed by the employee's use of the allocutive pronoun *tu (dimmi)*. The conventionality of this tactic is confirmed by its perlocutionary effect: Chiara immediately agrees to perform the caused action. Note that this tactic takes the interrogative form, and a question, as we know, leaves room to the listener for refusing to perform the action, which is a sign of a collaborative relationship.

(147)

La moglie di Amedeo	Secondo me, mancano le cose da bere. Chiara.
Chiara	Dimmi.
La moglie di Amedeo	Prendiamo qualcos'altro da bere al bar?
Chiara	Ci vado al volo, prendo la borsa. (Suburra)
(Amedeo's wife	I think we're short of drinks. Chiara.
Chiara	Yes.
Amedeo's wife	Let's get more drinks from the bar.
Chiara	I'll dash over. Let me get my bag. (Suburra)

In Russian, the tactic of supposed cooperation is likewise used to reduce impositivity. In the situation presented in example (148), the only one who tries to "put pressure" is Gradov, but the lawyer, instead of the imperative form *не дави (do not pressure)*, uses the 1Pl forms that allow presenting the future action as a joint one. The tactic of supposed cooperation here is combined with the tactic of deontic modality.

(148)

Адвокат	Слушай, Сергей, я думаю нам не стоит на первой же встрече пытаться давить друг на друга. Может, мы обсудим какой-то план? Ты говорил, что у тебя есть план. Вот мы пришли. Как нам действовать?
Градов	Послушайте, вы меня, наверное, неправильно поняли. Мы будем сотрудничать, если вы будете мне полностью доверять. Понятно? (Шторм)
(Attorney	Listen, Sergei, I don't think we should be putting pressure on each other in our first meeting. Maybe we could discuss a plan? You told me you had one. Here we are. What should we do?
Gradov	You must have misunderstood me. We can only work together as long as you fully trust me. Is this clear? (Storm)

Some situations require the speaker to continuously assess the perlocutionary effect which becomes possible thanks to the listener's reactive turns. In example (149) the speaker receives a refusal to perform the caused action (namely, to sign the arrest warrant), but since his intention is to get the action performed, he applies the tactic of semantic repetition (the paraphrase tactic); the illocutionary intention is strengthened through the use of the personal pronoun 2Sg as the subject of the action, usually omitted, with the imperative form of the verb. The first communicative move taken by the causer (colleague 2) in order to compel the addressee to act is a construction with the future tense verb form. The main illocutionary functions of future tense forms used as imperatives include order, instruction, and permission. The differentiation between these illocutionary meanings is based on the "subordination" feature: "the future tense is characterized by imperative uses, in which the speaker is hierarchically "above" the addressee, but not vice versa" [Stoynova 2016]. The move under consideration in our example seems to be an order. The aspectual choice is conditioned by the general preference for the PF aspect in the context of an order (cf. [Paducheva 1996: 76]). The second move is the imperative form of the verb with an explicit subject. The third is a construction containing imperative forms of two verbs, one of which is a semantic component, and the other has the pragmatic function of illocutionary intensification. From the point of view of normative grammar, this construction is characterized by pragmatic redundancy. The fourth move is the tactic of supposed cooperation in order to find a solution to the problem. From the previous lines it is quite obvious that no joint action is expected, and only one speaker will "look at it from a different angle".

(149)

Коллега 1	Знаете, что я вам скажу? Вы забудьте об этом деле. У вас не получится ничего. Там такие люди. Вы даже не представляете. Вы даже не представляете. Вам никто не даст арест.
Коллега 2	Ты дашь арест.
Коллега 1	Нет, это невозможно.
Коллега 2	Ну, ты подпиши.
Коллега 1	Даже если я вам дам постановление, вас в этот же вечер заставят его отпустить.
Коллега 2	Ты давай подписывай.
Коллега 1	Нет, нет. Вы же понимаете, что ко мне придут. Не просите меня, невозможно.
Коллега 2	Давай зайдем с другого конца. [...]
Коллега 1	[...] Не просите меня, невозможно. (Шторм)
(Colleague # 1	Let me tell you something. Forget about this case. You won't get anywhere. Such people are involved. You have no idea. No one will issue an arrest warrant.
Colleague # 2	You will give me the warrant.
Colleague # 1	No, it's impossible.

- Colleague # 2 **Well, you can sign one.**
- Colleague # 1 Even if I issue a warrant, you will be forced to release him the same night.
- Colleague # 2 **Go ahead, sign it.**
- Colleague # 1 Absolutely no way. You understand that people will come to see me. Don't ask me, it's not possible.
- Colleague # 2 **Let's look at it** from a different angle. [...]
- Colleague # 1 [...] Don't ask me to do this, there is no way. (Storm)

The tactic of supposed cooperation is used when the speaker is interested in the action and does not want to use the tactic of direct command in order to avoid being rejected, i. e. the speaker is aware of the high risk of getting pushback from the recipient, so he presents the future action as a joint one thus reducing the impositivity. In example (150) the directive to perform a joint action *давай купим* (*let's get*) is followed almost immediately by the interrogative-directive sentence *сходишь купишь? can you go get one?* The sentence implies only the addressee in the role of the executor.

(150)

- Ольга Артем, ты как думаешь, здесь алкоголь можно купить?
- Артем Да. Там бар на ресепшене. Думаю, можно.
- Ольга **Слушай, давай купим, а?** А то я сейчас с ума от всего этого сойду. **Сходишь купишь?**
- Артем Меня просили вас одну не оставлять.
- Ольга **Ну давай вместе сходим купим.**
- Артем Ладно. **Давайте я по-быстрому сгоняю** сейчас. Что купить? Вино? (Шторм)
- (Olga Artyom, what do you think, can we buy alcohol here?
- Artyom Sure. There is bar at the reception. I think we can.
- Olga Listen, let's get a drink there or else I'll just go crazy because of all this. **Can you go get one for me?**
- Artyom I was asked not to leave you alone.
- Olga **Okay, let's go together.**
- Artyom Fine. **Let me run** there quickly right now. What should I get? Wine? (Storm))

The tactic of supposed cooperation using the marker of inclusive action *давайте* (*let's*) can be used not to command, but to inform the addressee of his future actions. Although, this dialogical move can also be interpreted as a prohibitive: *have no illusions*.

(151)

- Адвокат Глушаков **Давайте я сразу лишу вас иллюзий:** вы либо мне полезны, либо вы мне врете, значит, вы мне бесполезны. Значит, я отправляю вас обратно в СИЗО и вы разбираетесь со всем сами... (Шторм)
- (Attorney Glushakov **Let me disillusion you** right now: either you are helping me or you are lying to me, which means that you're not

helping me. In the latter case, I am sending you back to the detention facility, and you figure everything out on your own. (Storm)

The tactic in the following example seems similar: the mother presents her daughter with a ban on discussing certain topics and uses the inclusive imperative marker *давай*. However, it is obvious that the directive is addressed only to the daughter, and only she must perform the required action of not accusing the father.

(152)

Дочь	Офигеть! Ты правда его будешь выгораживать?
Мать	Так, Агата. Давай сейчас не надо этих наездов. Ему сейчас очень сложно. (Шторм)
(Daughter	Holy crap! Are you really going to be defending him?
Mother	Stop, Agata. Let's hold off with putting him down. He is having a really hard time right now. (Storm)

The command in example (153), expressed in the inclusive form, does not imply any action on the part of the speaker. There is a formal contradiction in the semantics of this directive: the speaker urges his audience and himself not to threaten himself and his defendant. It is clear that the speaker does not refer the directive to himself and does not intend to do anything towards the caused action.

(153)

Адвокат Глушаков	Давайте все-таки не будем угрожать нам расправой. Мы очень сожалеем о гибели детей. (<i>адвокат после заявления следователя, что родители погибших детей с готовностью разорвали бы виновников трагедии</i>) (Шторм)
(Attorney Glushakov	Let's not threaten us with a reprisal. We are deeply sorry about the death of the children. (<i>in response to detective's statement that the parents of deceased children would eagerly tear apart those responsible for the tragedy</i>) (Storm)

The supposed cooperation tactic can be used to mitigate impositivity. In example (154), the speaker first uses inclusive imperative three times, demonstrating the speaker's intention to cooperate for the purposes that are of interest to both communicators, and then takes recourse to the tactic of impersonal deontic modality, through which the addressee seems to remove himself from the role of an agent. Thus, the intention of this dialogic move is prohibition (*don't mumble*), which, however, is a face-threatening act, and therefore the speaker reduces the impositivity in his own way. Nevertheless, the general tone is patronizing and does not suggest cooperation, solidarity, or an equal relationship; such moves therefore belong to the tactics of supposed cooperation. By contrast to the Italian example (147), the implemented tactic is presented in the form of an affirmative (not interrogative) sentence and does not imply the recipient's disagreement with the execution of the action.

(154)

Олег Слушай, **давай договоримся. Не будем терять** твое время,
мое. Просто **возьмем** как аксиому: я все знаю. Хорошо? **Не
надо мне вот это: бубнить.** (Шторм)

(Oleg Listen, **let's make a deal. Let's not waste** your or my
time. Let's just take for granted that I know
everything. Alright? **Cut it out, all this mumbling.**
(Storm))

In cooperation tactics it seems appropriate to distinguish between three types of tactics depending on the degree of the speaker's involvement in the caused action, ranging from complete identity of the actions performed by the speaker and the listener, to interaction with a clear distribution of roles, and to supposed cooperation, when the speaker imitates a joint action. The canonical directive of joint action in Italian is the present indicative of the 1st person singular, and in Russian it is the analytical construct *давай(ме) + 1Pl.Pfv* or *давай(ме) + Inf.Impfv*. In Russian, some verbs in past tense are used to induce joint action. If the semantics is inclusive, these constructions are neutral in terms of impositivity, categoricity and politeness and are characteristic of solidarity relationship. In non-inclusive semantics, they are stylistically low, impositive, and categorical.

For role distribution, both languages use the canonical 2nd person imperative or the 2nd person indicative with the subject *ты/ту* or *Вы/Lei* to denote the action to be performed by the listener, and the 1st person singular indicative to denote the speaker's own action. In Russian, colloquial (non-normative) usage, a construction with the marker of joint action *давайте + я + 1Sg.Pfv.Fut* is possible. Another non-canonical construction with the marker of joint action *давай(ме)* is used in Russian in the tactic of supposed cooperation: *давай + ты + 2Sg.Pfv.Fut*. Semantic or syntactic extension is not characteristic of the tactic of cooperation.

4.2.4. Tactics of settings on a third person

The setting on a third person can manifest itself in two ways: the speaker can invite a third person, who is present during the dialogue but is not participating in it, to join the conversation and influence the addressee, as in the Italian example (156), or, as in the Russian example (155), the presence of a third person can influence the form of the command. In example (155), one of the detectives wants to interview the witness himself and tries to send an unpleasant colleague out of the room. The presence of the witness prevents him from categorically (and rudely) commanding his colleague to leave the room. Both communicators are trying to appear polite.

(155)

Соколовский свидетельнице А как его звали?
Королев Соколовскому Ты слышал меня? **Иди** бомжей **опрашивай.**

- Соколовский Королеву Вот и нетушки. Вика сказала, тут быть. Помогать, учиться. Ой, не Вика, капитан Родионова.
- Королев Соколовскому Два раза повторить?
- Соколовский Королеву Что?
- Королев свидетельнице Извините, служебные разногласия.
- Соколовский свидетельнице Ну, так, значит, как его звали, не помните? Где работал? (*свидетельница не отвечает*) Ну, **вы не спешите**, мы особо никуда не спешим.
- (*Королев теряет терпение*)
- Королев Соколовскому **Встань! Ты спешишь.**
- Соколовский свидетельнице Извините, служебные разногласия.
- (*Даня выталкивает Игоря за дверь*)
- Королев Соколовскому **Ты спешишь.** (*свидетельнице*) Извините.
- (*Игорь возвращается*)
- Королев Соколовскому Ты не понял, что ли?
- Соколовский Королеву Да я воду забрать.
- Королев Соколовскому **Пошел отсюда.** (*потасовка*) (Мажор)
- (*Sokolovskij to the witness*) What was his name?
- Korolev to Sokolovskij Did you hear what I just said? **Go and cross-examine** the bums.
- Sokolovskij to Korolev No way! Vika told me to stay here. To help out, to learn. Sorry, not Vika, but Captain Rodionova.
- Korolev to Sokolovskij Should I repeat what I said?
- Sokolovskij to Korolev What?
- Korolev to the witness Our apologies: we are figuring out some work-related differences.
- Sokolovskij to the witness So, do you remember what his name was? Where did he work? (*the witness does not answer*) **Take your time, there is no rush.**
- (*Korolev's patience is wearing thin*)
- Korolev to Sokolovskij **Get up! You are in a hurry.**
- Sokolovskij to Korolev Apologies: we are figuring out some word-related differences.
- (*Danya is pushing Igor' out the door*)
- Korolev to Sokolovskij **You are in a hurry.** (*to the witness*) I am sorry.
- (*Igor' is back*)
- Korolev to Sokolovskij You didn't get it, did you?
- Sokolovskij to Korolev I just wanted to get my water.
- Korolev to Sokolovskij **Beat it!** (*they fight*) (Silver Spoon)

In the polylogue (156), an emotional conversation between a father and two adult children, a whole series of directive tactics is observed, among which we find the tactic of appealing to a third person who is present during the conversation: *Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi*

a fare i soldi (Livia, listen to this for a laugh! He wants to teach me how to make money) and *Vedi se con te ragiona questo coglione (Let's see if you can get any sense out of this dickhead)*. The first of the two communicative moves aims to attract the attention of the third person and to communicate to her information about the listener, which in this case is a “reflected” third-person prohibition that should have been communicated to the immediate recipient *non insegnarmi a fare i soldi (do not teach me to make money)*. The second communicative move is undertaken in order to delegate the communicative task, in which the speaker has failed, to a third person: *vedi se con te ragiona (literally, see if he will reason with you) = fallo ragionare (literally, make him reason)*.

(156)

Aureliano	Porca di quella puttana, ma ce li hai gli occhi? Tu lo vedi o no la gente che locali vuole frequentare? Su quel chiosco ci butti due spicci e si riempie. Un certo tipo di clientela, oltre a mangiare e bere, vuole pippare.
Il padre a Livia	Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi.
Aureliano a Livia	Quel posto non è tuo, era di mamma.
Il padre a Aureliano	Oh! Oh!
Aureliano	“Oh” che?
Il padre a Aureliano	Te l’ho detto duemila volte! Tua madre lasciala perdere.
Livia	Papà.
Il padre a Livia	Vedi se con te ragiona questo coglione.
Livia ad Aureliano	Pure te non insistere, no? Lo sai che gli dà fastidio.
Aureliano	Lasciami perdere. (Suburra)
(Aureliano)	Holy shit, are you blind? Can’t you see the kinds of places people want to go to? Invest a few euros in that kiosk and they’ll be queuing up. Some customers want to eat, drink and snort.
Father to Livia	Livia, listen to this for a laugh! He wants to teach me how to make money.
Aureliano to Livia	It’s not your place. It was mum’s.
Father to Aureliano	Hey! Hey!
Aureliano	“Hey” what?
Father to Aureliano	I’ve told you a million times! Leave your mother out of things.
Livia	Dad.
Father to Livia	Let’s see if you can get any sense out of this dickhead.

Livia to Aureliano	And cut it out, why don't you? You know it gets on his nerves.
Aureliano	Forget it. (Suburra)

4.3. Non-personal attitudes tactics

4.3.1. Tactics of settings on reality

The goal of any directive is to change the state of things in real life. The tactics of settings on reality and of changing it are realized through exclusion of references to the personal and interpersonal aspects of the situation. But as we noted above, directive tactics are characterized by a certain synergy of interpersonal and non-personal attitudes. In this section, we consider tactics with a focus on action.

4.3.1.1. Impersonality of the causer or the executor of the action. The tactic of the executor's impersonality is used by the speaker when s/he cares about the action itself and does not care about its executor. The speaker leaves to his/her listeners the decision about the executor's choice. Impersonality of the executor of a caused action can signal the generalized obligatoriness of a particular action and the absence of an alternative for everyone. In Italian, the use of the modal verb *dovere* in the impersonal form makes it clear that it does not matter to the speaker who will perform the action or how it will be performed.

(157)

Livia a Aureliano	La storia con gli zingari si deve risolvere . È importante. (Suburra)
(Livia to Aureliano)	The business with the gypsies has to be sorted . It's important. (Suburra)

In example (158), the speaker is addressing one listener, which is obvious from the allocutive pronoun *tu (scusa)*, but the following question does not contain a personal form of the verb *potere*. The speaker either does not intend to single out the performer of the caused action among all possible listeners or leaves this choice to the addressee:

(158)

Amedeo	Scusa, si può alzare il volume? (Suburra)
(Amedeo)	Excuse me, can you turn up the volume? (Suburra)

Impersonality in Italian can be achieved by generalizing the performer. In the following example, the listener is disassociated from the role of the executor through the usage of the negative pronoun *nessuno* instead of a direct address 2Sg or 2Pl pronoun:

(159)

Samurai	Sono io quello pericoloso, Eminenza. È bene che nessuno se lo dimentichi . (Suburra)
---------	---

(Samurai I'm the dangerous one, Your Eminence. Best if **no one forgets it**. (Suburra))

In Russian, impersonality of the executor can be achieved through the use of infinitive constructions or other types of impersonal sentences. In example (160) there is a shift from a directive in an infinitive form, in which the executor is not named, to a directive in a second person singular imperative form.

(160)

Родионова С Соколовским как быть?
 Подполковник Пряников **Отстранить** его **надо**, если правильно. [...]. Лучше его **держат** под постоянным присмотром. [...] При себе его **держи** постоянно, **смотри** внимательно: или проколется, или нервничать начнет, или и то, и другое, или еще что.
 (Мажор)

(Rodionova What should I do with Sokolovskij?
 Colonel Properly, **he should be suspended**. [...] It's best **to keep** an eye on him at all times. [...] **Keep** him near you and **watch** carefully: he might make a mistake, or get nervous, or both, or something else. (Silver Spoon))

Another conventional variant of the tactic of impersonality of the executor in Russian is an interrogative sentence containing the modal *можно* and naming the action or the object of this action. In this case, naming of the object in accusative means a request to give it to the speaker. In Russian, the unexpressed subject can be reconstructed from the context (*лучше тебе держать его под присмотром; а можно мне еще чашечку?* (*You keep him near you and watch carefully; could I have another cup?*)).

(161)

– А **можно** еще **чашечку**?
 – Да, конечно.
 – Спасибо. (Мажор)
 (– **Could I have another cup?**
 – Yes, of course
 – Thank you. (Silver Spoon))

In the Italian example (162), the speaker refers to the performer of the action that he is trying to cause by using future indicative. The indicative of the future tense here carries the meaning of categoricity or “non-negotiability” of what is said. The speaker seems to remove himself from the role of the causer, describing a situation in which he assigns the role of the doer to the listener.

(162)

Samurai Quando avrà smesso di litigare con la sua coscienza, convochi la Commissione e chieda una modifica all'ordine del giorno. **Sarà lei a chiedere** di discutere la pratica di Ostia per prima. (Suburra)

(Samurai When you make peace with your conscience, convene the Commission and get the agenda amended. **You're going to ask** to discuss the Ostia file first. (Suburra))

In our collection of Russian examples, we identified an example in which the directive comes not from the speaker but from a third person or persons who are not included among the communicators: *тебя в 17-й просили зайти* (*they asked you to stop by room 17*). The impersonal construction here depersonalizes the causer of the action:

(163)

Коллега Соколовского	Соколовский, тебя в 17-й просили зайти .
Соколовский	Кто просил?
Коллега	Давай! Срочно. (Мажор)
(Sokolovskij's coworker	Sokolovskij, they asked you to stop by room 17 .
Sokolovskij	Who did?
Coworker	Go on! It's urgent. (Silver Spoon))

Impersonality of the performer in a directive is thus achieved through non-personal grammatical forms. In Russian it is the infinitive or the impersonal predicate *можно* in an interrogative-directive sentence. In Russian spoken language, use of infinitive in the tactic of the impersonality of the executor is appropriate in advice given in response to a request for one. In Italian, this tactic is used more widely by employing the particle *si*, which is used to form the impersonal verb form.

4.3.1.2. Setting the goal. Sometimes the speaker does not have a clear plan of action and is unable or unwilling to determine which action is to be caused and to whom the causation is to be addressed. In this case, the speaker takes recourse to an impersonal directive. The speaker's indifference as to how the goal will be achieved can be explicated, as in example (164).

(164)

– Lo sapevo che dovevo passare a trovarti. Non m'importa come, ma **Taccon dev'essere nostro**. (Suburra)
 (– I knew I should have come round to see you. I don't care how you do it, but we need **Taccon on our side**. (Suburra))

The naming of the purpose may not be accompanied by a specific program of action that the speaker communicates to the listener, but it may include an urge to perform one or more actions. In example (165) there is only a call to pay attention. The goal is designated as not yet achieved, and in order to achieve it, unmarked performers must execute some actions, also unmarked.

(165)

– **Tieni** gli occhi aperti, che Samurai **non l'abbiamo ancora fregato**. (Suburra)
 (– **Keep your eyes** peeled. **We haven't got the better of** Samurai yet. (Suburra))

In order to achieve a particular result, a whole sequence of actions may be necessary. The cause often does not name them, but only indicates the final goal. Since in-between actions are not specified,

the goal must be named explicitly. In the Russian example (166), it is the action expressed by the infinitive *договориться* (*to negotiate*).

(166)

Градов	Это тебе.
Ассистент	Не надо мне, вы чего?
Градов	Теперь надо. Держи, держи. Теперь главное. Сегодня полетишь в Германию.
Ассистент	Так.
Градов	Марине назначили операцию. Твоя задача - договориться с клиникой, чтобы оплата была наличными. (Шторм)
(Gradov	This is for you.
Assistant	I don't need it, why?
Gradov	Now you do. Keep it, keep it. Now the important stuff. Today you are flying to Germany.
Assistant	Okay.
Gradov	Marina will have a surgery. Your task is to negotiate with the clinic to pay in cash. (Storm)

The performer does not always remain impersonal when designating the goal. He or she may be named explicitly, either lexically (166) or contextually (167), (168), and (169).

In the Russian example (167) the imperative form of the verb *опросите* (*debrief*) allows us to classify the sentence as addressed to the listener. Then the speaker shifts to verbless imperative structures — *всю инфу мне, побыстрее* (*give me full info, make it quick*), while also detailing the ultimate goal of the performer's actions (partially unspecified). The information requested concerns the wife, children and other persons who visited the named person. But the addressee and performer of the action are the same person, i. e. we here observe a contextual designation of the performer through a personal form of the verb in the linguistic context. The tactic of setting the goal shows that the caused action lies in the domain of the speaker's knowledge and responsibility. The goal can be expressed either by a verb if it is an action or by a noun if the goal is to obtain an abstract (167) or a concrete object (168)

(167)

- Короче, опросите всех еще раз. И **всю инфу мне** по инженеру. Жена, дети, кто посещал его здесь. Да **побыстрее**, ладно?

- Хорошо. Сделаем. (Мажор)

(- Alright, debrief everyone one more time. And **give me full info** on the engineer. His wife, kids, whoever came to visit him. **Make it quick**, okay?)

- Okay. Will do. (Storm)

(168)

(отец требует отдать кошелек, лишает сына денег в воспитательных целях)

Соколовский отец	Кошелек.
Соколовский сын	Ну, пап.
Соколовский отец	Кошелек давай сюда. (отбирает сам) (Мажор)

((father demands son's wallet, taking the money away as a punishment)

Sokolovskij Sr.	The wallet.
Sokolovskij Jr.	Dad, come on.
Sokolovskij Sr.	Give me your wallet. (<i>forcibly takes it himself</i>) (Silver Spoon)

Sometimes these two ways of expressing the goal, the verb and the noun, can be combined in one phrase, as in example (169).

(169)

СОКОЛОВСКИЙ	Телефон, ключи и документы – вернуть.
Подозреваемый	Телефон продал. Ключи и документы выбросил.
СОКОЛОВСКИЙ	Полчаса, чтобы найти. (Мажор)
(Sokolovskij	The phone, the keys, and the documents have to be returned.
Suspect	I sold the phone and tossed away the keys and the documents.
Sokolovskij	You have half an hour to find them. (Silver Spoon)

When discussing motion in Russian, a directive may be expressed by a verbless construction in which only the goal of the movement or its direction is indicated. Thus, in example (170) the speaker states only the destination. The situational context itself — one gets a cab in order to go somewhere — excludes a misinterpretation of the directive.

(170)

Градов	До города. (Шторм)
(Gradov	To the city. (Storm)

The case system of the Russian language makes ellipsis of the verb possible: the rules of verbal government allow the listener to correctly reconstruct the lexical verb. In examples (167), (168) and (169) it is the accusative case construed with a transitive verb. With verbs of motion, often used in directives, the accusative case with a preposition or other prepositional constructions are also used. In Italian examples, we have not recorded the tactic using indirect caseforms. This suggests that in Italian, which does not have an extended inflectional paradigm for nouns, the tactic of setting the goal is limited to non-elliptical statements.

4.3.1.3. Focus on action or state. In terms of temporal references, a caused action may belong either to the the present or the future tense.

The action, performed as a result of one's directive or at the initiative of the performer him/herself, can be subjected to correction both in respect to the way and in respect to the rapidity of its performance. In this case, we can observe referential connections with the present or with the past: when correcting the way or the manner of performing an action, lexical means are used, indicating how the action that is being performed (or was already performed) should be corrected. In example (171), the father asks his little son to proceed faster without designating the action itself. However, the son

understands the father: the situational context provides the correct interpretation. The adverb in the comparative degree indicates precisely how the way or the manner of implementing the action should be corrected.

(171)

Отец	Сынок, ну что копаешься? Давай побыстрее.
Сын	Я стараюсь.
Отец	Да ты плохо стараешься! Мне же сейчас выступать. (Шторм)
(Father	Son, what's taking so long? Hurry up.
Son	I am trying.
Father	Try harder! It's my turn to be on stage now. (Storm))

The comparative degree of an adverb may be combined not only with the imperative form of the verb *давать* (171), but also with the modal *можно* (172). In both cases, the lexical verb is omitted.

(172)

- **Поспокойней можно?** (*начальник делает замечание следователю за его излишне эмоциональную реакцию – мат*)
- Но она врет! (Шторм)
- (- **Can you calm down?** (*the boss rebukes the detective for responding too emotionally and cussing*))
- But she is lying! (Storm))

A directive correction of the manner in which an action is executed is possible in power relations, as in our examples. There is a referential link between the comparative degree of the adverb and the action being performed. Which action the correction refers to becomes clear from the context.

In the corpus of examples in Italian, we have not recorded directives with a comparative degree of an adverb.

The comparative degree indicates specifically a correction to the action being performed, while an adverb in the positive degree denotes the preferred way of performing a future action: cf. *давай быстро* – *давай побыстрее*. In example (177) both the prohibitive *не надо никого искать* (*no need to find anyone*), and the directive *давай быстро собирайся и мухой ко мне* (*pack up and get here in a flash*) refer to future actions that the addressee must perform.

Sometimes the speaker expresses a directive but adds that the action must (or can only) be carried out in a certain way. In example (173), the father speaking with his son uses the imperative 1Pl *пойдем* (*let's go*), but then specifies that they will perform this particular action on one condition: they should do it quickly. While the tactic of correcting method and manner refers to an already performed action, the tactic of focusing on conditions of action realization points to a future action, i. e. a condition for the execution of the action is set. The above example uses the construction with *только* + *Adv*.

(173)

Ребенок	Пап, мне в туалет надо.
Отец	Ты что, сынок? Ну, потерпи немного.

Ребенок	Не могу.
Отец	А ты через не могу. Мне же сейчас выступать идти.
Ребенок	Пап, мне очень надо. Я не дотерплю.
Отец	Ну, давай, ты с Наташей сходишь.
Ребенок	Пап, я не могу с Наташей. Я хочу с тобой.
Отец	Боже мой. Пойдем. Только быстро. (Шторм)
(Child	Dad, I need to go to the bathroom.
Father	What's that, son? Can you hold a little bit?
Child	I cannot.
Father	Yes you can. I'm on in a few minutes.
Child	Dad, I really have to go. I cannot hold.
Father	Okay, how about you go with Natasha?
Child	Dad, I cannot go with Natasha. I want to go with you.
Father	Oh my God. Let's go. Make it quick. (Storm)

Whereas in example (173) there is a detached construction, in example (174) the syntactic construction is uninterrupted.

(174)

- Градов, **ты только не очень пугайся.**
- Хорошо.
- Готов, да? (Шторм)
- (- Gradov, **just don't get too scared.**
- Okay.
- You're ready, right? (Storm))

The detachment in example (173) correlates with the imperative form of the verb, while in example (175) the directive is implicit: the imperative form is omitted.

(175)

- Что кому взять? **Быстро только, в темпе.** Я схожу.
- Мне кофе с молоком.
- Мне пирожки какие-нибудь сладкие.
- Ок. Сидите, я сейчас. (Шторм)
- (- What should I get for you? **Quick, hurry up.** I'll go.
- I'll have coffee with milk.
- Some sweet pastry for me.
- Okay. Stay here, I'll be right back. (Storm))

The question *что кому взять?* (*what should I get for you?*) contains an implicit directive to communicate one's preferences: *говорите, что вы хотите* (*tell me what you want*); *решайте, что взять* (*decide what to take*). The adverb *быстро* (*quickly*) can be seen as referring to this implicit directive. In any case, there is a detached construction here: the adverb of manner *быстро* is singled out into a separate sentence.

There is another example of syntactic detachment correlated with an explicit directive:

(176)

Жена адвоката	Гриш, ты что?
Адвокат Глушаков	Все нормально. Проснулась? Молодец. Собирайся. Буди Антоху и собирайся.
Жена адвоката	Гриша, что происходит?
Адвокат Глушаков	Ничего не происходит. Просто мы уезжаем в путешествие.
Антон	Пап, ты что, уезжаешь?
Жена адвоката	Мы, Антош, мы уезжаем.
Адвокат Глушаков	Давай, собирайся. Быстренько, бегом-бегом.
Антон	Класс. А что со школой?
Жена адвоката	Это из-за Крюкова, да?
Адвокат Глушаков	Я тебе потом все объясню. Сейчас, пожалуйста, не трать время. Давай, собирайся. (Шторм)
(Attorney's wife	Grisha, what's up?
Attorney Glushakov	Everything's fine. You're up? Great. Get ready. Wake Antokha up and pack.
Attorney's wife	Grisha, what is going on?
Attorney Glushakov	Nothing is going on. We're going on a trip, that's all.
Anton	Dad, are you leaving?
Attorney's wife	We are leaving, Antosha, it's us.
Attorney Glushakov	Go on, pack up. Quickly, hurry up.
Anton	Cool. And what about the school?
Attorney's wife	It's because of Kryukov, isn't it?
Attorney Glushakov	I'll explain everything later. Don't waste your time now, please. Go on, pack up. (Storm)

Among various functions of syntactic detachment there is the descriptive one, the purpose of which is to add specific detail, in our case, to the action or state the speaker is looking for. One of the tasks of this function is to single out details from the general picture, i. e., a certain image of the intended action [Skovorodnikov 1980].

The prohibitive, which combines imperative and negative semantics, has the function of causing the end of the action performed either currently or in the future. An action correction can be a combination of a prohibition referring to a future action and a causation of substitute actions. The linguistic means of action correction include the construct *не надо + Inf (no need to + Inf)*, which in modern Russian has no distinction from the canonical negative imperative [Gusev 2013: 60]: *не надо искать (no need to look for) = не ищи(те) (don't look for)*.

(177)

Артем	Сергей Михалыч, она сбежала.
Градов	Поздравляю.
Артем	Я сейчас ее найду.
Градов	Не надо никого искать . У нее в кармане маячок. Она едет в сторону города. Давай быстро собирайся и мухой ко мне . Ты мне нужен. Все, давай.

Артем	Есть. (Шторм)
(Artyom	Sergei Mikhalych, she ran away.
Gradov	Congratulations.
Artyom	I'll find her straight away.
Gradov	No need to find anyone. She has a tracking device in her pocket. She is driving towards the city. Pack up and get here in a flash. I need you. That would be all, talk to you later.
Artyom	Aye. (Storm)

The action whose way or manner of performance the speaker is trying to change can be designated either by him/herself or by the interlocutor when describing his/her own future actions, as in examples (177) and (178). The naming of a future action comes from the interlocutor: *я сейчас ее найду* (*I'll find her straight away*); *мы будем звонить* (*we'll call you*). The prohibition in example (177) completely cancels the intended action, while in example (178) the action remains the same, namely, *to call*, but its frequency and localization change: not only *from every city*, but also *from every little town*. (178)

Марина	Мы будем звонить тебе из каждого города , который мы будем проезжать.
Градов	И из каждого поселка , пожалуйста, тоже. (Шторм)
(Marina	We'll call you from every city we'll pass on the way.
Gradov	And every little town , too, please. (Storm)

The description of a certain state of the interlocutor can be seen as a directive to be the same. In example (179), the first dialogic move is the directive to be a man of his word. The subsequent reactive move does not reveal a correct interpretation by the addressee, so the initial indirect command is supported by an explicit prohibition to err in the execution of the required action, namely, *non deludere*. (179)

Mafioso 1	Però mio padre dice che sei un uomo di parola .
Mafioso 2	Tuo padre conosce gli uomini.
Mafioso 1	E allora non lo deludere. (Suburra)
(Mafioso 1	My old man says you're a man of your word .
Mafioso 2	Your father gets it.
Mafioso 1	So don't let him down. (Suburra)

Informing the addressee of his/her future action is a conventional way of commanding. In particular, the future tense is characterized by imperative use. This semantics is possible in situations in which the speaker is hierarchically “above” the addressee. The 2nd person imperative and the future indicative forms have the same temporal reference, to a situation in the future. The difference lies only in their illocutionary force: causing the action in the future by a specialized imperative form vs. informing the addressee of his/her actions in the future. “The directive is deliberately presented by the speaker under the guise of informing the addressee of his future action” [Stoynova 2016].

In Italian, the present with a directive meaning is defined as the “jussive” present (*presente “iussivo”*) and is less impositive than the imperative form of the verb [Bertinetto 2001: 71].

(180)

- Tu adesso li **chiami** e gli **dici** che non te la senti, che **ti tiri** indietro.

(Suburra)

(- **Call** him and **tell him** you can't do it, that you're **pulling out**. (Suburra))

Example (181) illustrates the conventionality of such descriptions: the listener perceives it as a command to do the action described but finds it necessary to verify his own interpretation:

(181)

- Bravo, **hai fatto bene** a venire, **così ti porti via** la roba tua.

- **Mi stai cacciando?**

- Guarda che a casa mia non puoi fare come ti pare. Mettitelo in testa.

(Suburra)

(- Good man, **you did the right thing** to come, **that way you can take** your stuff.

- **You kicking me out?**

- You think you can do what you like on my patch. Get your head round it.

(Suburra)

A follow-up question requiring the addressee's consent is a possible strategy of making a descriptive statement of the desired state of things interpretable as a directive.

(182)

Poliziotto 1 Durante l'identificazione voglio provare a entrare.

Poliziotto 2 Da solo?

Poliziotto 1 Sì. L'unico agente che mi sarei portato sei tu, però **mi servi fuori, va bene?**

Poliziotto 2 **Va bene.** (Suburra)

(Policeman 1 I'm going to try and get in during the identification.

Policeman 2 Alone?

Policeman 1 Yes. You're the only officer I'd have taken in but **I need you outside. Got it?**

Policeman 2 **Fine.** (Suburra)

In Russian, a directive realized through a description of the addressee's actions may be expressed by the forms of the present abstract tense, used for an ordinary action, typical for the situation at hand [Shvedova 1980: 629]. In this case, the imperfective form of the verb is used in its unlimited-iterative sense. In example (183) Sokolovsky was the first to arrive at work, but his office was closed. A colleague passing by tells him where and how he can get the key. The message was: *get the key from the guard*.

(183)

- **Ключ** у дежурного **берут. Под роспись.** (Мажор)

- **You can get the key** from the guard. **You have to sign** for it. (Silver Spoon)

The collection of examples in Russian does not contain a large number of present tense verbs with directive meaning. The descriptions of the addressee's future actions using verbs in the present tense may alternate with verbs in the future tense or imperative forms of the verb, as in examples (184) and (185).

(184)

Градов	Значит, смотри . На машине едешь до Таллинна. На таможене пропустят, предупреждены. Потом машину бросай , на автобусе до Риги. В Риге свяжись вот с этим человеком (дает визитку). Он тебя переправит в Тбилиси. Ну а там затеряйся . Отсидишься пару лет.
Артем	Больше не увидимся?
Градов	Больше не увидимся. Все будет нормально. Я все рассчитал. Тебя не возьмут. (Шторм)
(Gradov	Okay, look . You are driving up to Tallinn. The customs will let you through, they've been notified. Then you have to abandon the car and take the bus to Riga. Once there, contact this person (<i>hands him a business card</i>). He will send you to Tbilisi and there you will disappear . Wait it out for a couple years.
Artyom	We won't see each other again?
Gradov	We won't. Everything is going to be fine. I have planned everything. They won't catch you. (Storm))

(185)

Родионова	Подождите . Пишите заявление. Потом поедете на место происшествия с одним из наших сотрудников. (<i>обращается к сотрудникам</i>) Даня, ты можешь заниматься своими делами. Жека, возьмешь новенького и поедете . Заодно введете его в курс дела. Соколовский, будешь делать все, что Жека говорит. (Мажор)
(Rodionova	Wait . Write down your statement. Then you will go on site with one of our associates. (<i>talking to the associates</i>) Danya, you can go about your work . Zheka, take the newbie and go . You can bring him up to speed while you're at it. Sokolovskij, you will be doing whatever Zheka tells you to do. (Silver Spoon))

The future tense used in the imperative function reflects unequal relations between communicators, in which the speaker is hierarchically "above" the addressee [Stoynova 2016]. Hierarchy can be both absolute, i. e. presuppose superiority of the speaker in any situation and over any interlocutor in a particular society (senior by age, by rank, etc.), and relative, i. e. present only in this situation. In example (186) Gradov is in possession of information that allows him to dictate his

conditions. The future tense in this context represents the action as the only possible one for the addressee.

(186)

Градов	Послушайте, вы меня, наверное, неправильно поняли. Мы будем сотрудничать, если вы будете мне полностью доверять. Понятно?
Ольга	Это понятно, но я бы хотела доверять вам.
Градов	А мне вы будете доверять априори. (Шторм)
(Gradov	You must have misunderstood me. We can only work together as long as you fully trust me. Is this clear?
Olga	That's clear, but I want to be able to trust you.
Gradov	You will trust me up from the get-go. (Storm)

(187)

Градов Маркину	Я вам сейчас даю одну минуту. За это время вы решите : либо вы со мной, и я вас защищаю, либо вы с Крюковым, и я сообщаю ему о записи. (Шторм)
(Gradov to Markin	You have one minute to decide : either you're on my side, and I protect you, or you're on Kryukov's side, and I inform him about the recording. (Storm)

(188)

Адвокат Глушаков	Ну хорошо, давай я сейчас довезу их до Хельсинки, отправлю, а потом вернусь.
Градов	Ты вернешься сейчас домой. Маргулис не должен почувствовать, что ты его боишься или что-то лишнее знаешь. Я тебе позвоню, когда понадобится. (Шторм)
(Attorney Glushakov	Okay, let me take them to Helsinki, see them off, and come back.
Gradov	You will return home right now. We cannot let Margulis feel that you are afraid of him or know something you should not know. I will call you when I need you. (Storm)

(189)

Марина	Я тебе сказала, я не буду пить эти таблетки.
Градов	Марин, ты будешь пить эти таблетки.
Марина	Я не буду пить эти таблетки.
Градов	Будешь .
Марина	Я тебя вообще не слышу. Я тебя не хочу слышать.
Градов	Ты будешь пить эти таблетки!
Марина	Не ори на меня, я не буду пить эти таблетки!
Градов	Ты не имеешь права! Понимаешь? Ты не имеешь права!

(кричит на Марину) **Ты будешь пить** эти гребанные таблетки! Если не будешь, я тебя заставлю! Я приколочу тебя гвоздями и буду впихивать тебе их в рот!

Марина Мне больно. Отпусти!

Градов Мне тоже больно! Нельзя умирать! Ты понимаешь? Ты не имеешь права так делать! (Шторм)

(Marina) I told you, I am not going to take these pills.

Gradov Marina, **you will take** these pills.

Marina I won't take these pills.

Gradov Yes, **you will**.

Marina I am not listening to you. I don't want to listen to you.

Gradov **You will take** these pills!

Марина Не ори на меня, я не буду пить эти таблетки!

Marina Don't yell at me, I won't take these pills!

Gradov You have no right! Do you understand? You have no right! **You will take** these damned pills! If you won't, I'll make you! I'll nail you down and will force them down your throat!

Marina It hurts. Let me go!

Gradov I am hurting, too! You cannot die! Do you understand? You have no right to do that! (Storm)

The prescriptive meaning of future tense in Russian is conventional and can easily be “read” by the listener. In example (190) the interlocutor formally asks for confirmation of the speaker’s intention expressed by the future tense *вы посмотрите* (literally *you will watch*), not because she finds it difficult to interpret the interlocutor’s statement, but because she puts forth her own conditions: *я выполню то, что вы хотите, но при соблюдении одного условия (I will do what you want (you cause), but under one condition)*. The question *Вы хотите, чтобы я посмотрела?* (*Do you want me to watch it?*) is rhetorical, not clarifying.

(190)

Градов У вас есть пара минут? Мне нужно вам кое-что показать.
(достаёт флешку)

Ольга Что это такое?

Градов Здесь видео. Оно недолгое. Есть на чем посмотреть?

Ольга Ну да, давайте, я посмотрю, и я перезвоню вам.

Градов **Вы посмотрите при мне**, и мы с вами поговорим.

Ольга Послушайте, я не знаю, что на этом видео и не буду его смотреть при вас. **Вы хотите, чтобы я посмотрела?** Давайте я посмотрю, но одна.

Градов	Хорошо. (отдает флешку) Я подожду здесь. Если вы через десять минут не выйдите, я уйду, и разбирайтесь тогда со всем сами. Это понятно? (Шторм)
(Gradov	Do you have a minute? I have something to show to you (<i>pulls out a memory stick</i>).
Olga	What's this?
Gradov	There is a video on it. It's short. Is there something here you can watch it on?
Olga	Okay, give it to me, I'll take a look and call you back.
Gradov	Why don't you watch it with me, and we'll talk?
Olga	Listen, I don't know what's in this video, and I am not going to watch it in your company. Do you want me to watch it? Okay, I will, but I'll do it by myself.
Gradov	Okay. (<i>hands her the memory stick</i>) I'll wait here. If you are not back in ten minutes, I am leaving, and you can deal with all this on your own. Is that clear? (Storm)

In example (191), the speaker uses only verbless sentences denoting the action to be performed. The first of these sentences is a conventional way of directing, characteristic of societies with a rigid hierarchy, organized according to the military type: *марш* (literally *march*) = *иди* (*go*). The second is a command with an ellipsis of a lexical verb: *на бумагу все* = *занеси/перенеси/положи все на бумагу* = *напиши/изложи* (literally *all on paper* = *put it all on paper* = *write down/explain*). The double accusative case of the nominal group is associated with the dynamic situation of movement, in this case the metaphorical movement of thought onto paper. The metaphorical (conventional) nature of this directive explains the inappropriateness of using a lexical verb: it does not seem possible to direct with one of the mentioned Russian verbs, and the functional synonym would be the verb *write* without specifying the spatial localization of the result of the action. The third directive sentence consists of one manner adverb. The percentage of verbless constructions in written speech is not high, but examples with double accusative in the Spoken Corpus of Russian occur more frequently, especially in the records of colloquial speech and movies of the early 21st century. [Voejkova 2011].

(191)

- Корольев, **марш в кабинет. На бумагу все,** что было. **Подробно.** И Аверьянов пусть пишет. (Мажор)
(- Korolev, **off to the office. Write down everything** that happened. **In detail.** Averyanov should do the same. (Silver Spoon))

Causation of an action can be implemented by asserting a state that needs to be corrected by a specific action. In (192) the statement about the lack of a signature on a document from the speaker's point of view implies a directive to sign, which is proved by the speaker's subsequent action.

(192)

- Un funzionario a Taccon L'appalto sull'area viene attribuito alla società Specchio Azzurro. Dott. Taccon, **manca solo la sua ratifica sull'atto.** (*passa le carte per la sottoscrizione*) (Suburra)
- (An official to Taccon The contract for that area has been awarded to the Specchio Azzurro company. Mr. Taccon, **all we need is your signature on the deed of sale.** (*hands over the papers to be signed*) (Suburra))

Such description can also include extra-linguistic means, as in example (193), when the wife, wanting to convince her husband to go to the refugee camp and thus become the first politician to visit the camp after the night fire, puts his car keys in front of him, while communicating her ideas about the benefactivity of the trip, as well as the location of the parked car.

(193)

- Moglie di Amedeo Stanno in diretta da stamattina.
 Amedeo Sì, e allora?
 Moglie E allora stavo pensando che ancora non ci è andato nessun politico. **Tu saresti il primo.** E forse l'unico (*mette davanti ad Amedeo le chiavi della macchina*). **L'ho parcheggiata qua davanti.** (*Amedeo va*) (Suburra)
- (Amedeo's wife They're live this morning.
 Amedeo Yes, and ...?
 Wife Well, I was thinking no politician has been there yet. **You'd be the first.** Maybe the only one (*she hands Amedeo the car keys*). **It's parked here on the street.** (*Amedeo leaves*) (Suburra))

We have thus seen that focus on the action being performed means that a corrective is warranted. In Russian, this can be expressed lexically with the help of the comparative degree of adverbs: how the action is being performed compares to how it should be performed in the speaker's view; in other words, a directive with the comparative degree contains referential links with the present. In Italian, such connections are not observed.

The focus on the future (action not yet performed) is realized by means of present and future tense verbs in both languages. Certain asymmetry is observed in the frequency with which one or the other tense is used: in Italian, the present "jussive" is less impositive in comparison with the imperative form of the verb. In Russian, the present abstract tense expresses actions typical of a given situation. The differentiation in the tense of a verb in Russian is also based on the aspectual differences between synonymous verbs. One of the meanings of PF aspect is completeness of an action, i. e. the PF verb expresses the focus on the result in the directive sentence. The future tense of an IMPF verb in the directive function implies unlimited-iterative action. Since PF verbs do not have present tense forms, the statistical frequency of future tense forms is increased.

In the case of verbless directives, the tactic of focus on future action in modern colloquial Russian tends to express a command by a noun phrase or an adverb. The accusative case, including in a double noun phrase, is associated with the ellipsis of the transitive lexical verb or with the dynamic situation of motion, including metaphorical movement. Italian has no such grammatical means of expressing a command.

4.3.1.4. Focus on the conditions of execution of an action. The execution of an intended action may be postponed to a later time, determined by the emergence or expiration of specific circumstances. In the Italian example (194), the condition is expressed by a subordinate clause with a verb in the future tense (the condition refers to the future) and the command is expressed by an imperative form of the verb:

(194)

– **Quando avrà smesso** di litigare con la sua coscienza, **convochi** la Commissione e **chieda** una modifica all'ordine del giorno. Sarà lei a chiedere di discutere la pratica di Ostia per prima. (Suburra)

(– When you make peace with your conscience, convene the Commission and get the agenda amended. **You're going to ask** to discuss the Ostia file first. (Suburra))

In example (195), the subordinate clause of time expresses future action by using the present tense form of the verb. As in the previous example, the directive is expressed by an imperative form of the verb:

(195)

– **Chiudi** la porta **quando esci** per favore. (Suburra)

(– **Close** the door **behind you** please. (Suburra))

In examples (196) and (197) the subordinate clause is introduced by the conjunction *appena*, which has a temporal meaning (*subito dopo che = immediately after*). The verb tense used in the subordinate clause (*passato prossimo*) is conditioned by this conjunction, even though the action in question is in the future.

(196)

Samurai a Gabriele **Appena l'hai presa, parliamo** del resto. (Suburra)

(Samurai to Gabriele **As soon as you get it, we'll discuss** the rest.
(Suburra))

(197)

Poliziotto **Appena hai finito, mettila** [la relazione] sulla mia scrivania. (Suburra)

(Policeman **As soon as you're done, put it** [the report] on my desk. (Suburra))

The conditions necessary for the execution of an intended action may be contained in a conditional subordinate clause, as in example (198). The verb in this case is in the present tense.

(198)

Poliziotto **Se vedi** qualcosa di strano, **avvertimi**. (Suburra)

(Policeman **If you see** anything odd, **let me know.** (Suburra))

In Russian, a sentence containing an imperative form of the verb, just as in Italian, is positioned as the main one. The condition for the execution of the action expressed by the imperative is identified in the subordinate clause, temporal or conditional. In example (199) the subordinate clause is introduced by the conjunction *когда* (*when*), in examples (200) and (201) the conjunction *если* (*if*) is used.

(199)

- Я тогда пойду покурю на улице, а вы меня **наберите, когда они закончат**, да?
 - Хорошо. (Шторм)
 (- I'll go smoke one outside, and **you can give me a ring** when they are done, okay?
 - Okay. (Storm))

(200)

Марина	Так, меня хорошо слышно?
Студенты (хором)	Да.
Марина	А видно?
Студенты	Да. (раздается звонок телефона)
Марина	Звук у телефона выключили. Итак, вопросы можно задавать по ходу лекции, не в конце. понятно? Кивните. Отлично. Если вы будете просто полтора часа тупо записывать конспект, считайте , что моя лекция провалилась. (Шторм)
(Marina	Alright, can you hear me well?
Students (altogether)	Yes.
Marina	Can you see me?
Students	Yes. (a phone rings)
Марина	Звук у телефона выключили. Итак, вопросы можно задавать по ходу лекции, не в конце. понятно? Кивните. Отлично. Если вы будете просто полтора часа тупо записывать конспект, считайте , что моя лекция провалилась. (Шторм)
Marina	Mute your phones. You can ask questions during the lecture, not at the end, is that clear? Give me a nod. Great. If all you do for an hour and a half is plainly taking notes, consider my lecture failed. (Storm))

In Russian, the tense in a conditional subordinate clause may be expressed by the future tense of a PF verb if the caused action is singular and not repeated, as in example (199), or by the future tense of an IMPF verb (200) if the action is intended to be continuous or indefinitely repeated. The present tense in a subordinate clause indicates a repeated or normally performed action under certain conditions, as in example (201)

(201)

- Вот ваша комната. **Если** вам **что-то нужно, вы говорите.** (Шторм)

(- This is your room. **Let me know whenever there is anything you need.**

(Storm)

The tactic of focusing on the conditions of execution of an action is implemented through subordinate temporal or conditional clauses. The intended action is expressed by canonical imperative in both Italian and Russian. The difference between the two languages lies in the tense forms used in subordinate clauses. In Russian it is either the future of IMPF or PF or the present tense, depending on the type of action. If the action is intended to be prolonged or indefinitely repeated, then an IMPF verb is used in both the main and the subordinate clauses. The imperative of PF verb is used to indicate the action, the main characteristic of which is completeness. The PF verb in a subordinate clause refers to a sequence of actions: first the action of the subordinate clause must take place, then the action in the main sentence.

In Italian, the tense used in a subordinate clause may be *presente*, *futuro semplice*, or *passato prossimo*. The present tense denotes an immediate sequence of two or more actions, or their simultaneity. The action expressed by the future tense in the subordinate clause precedes the caused action. The past tense used with the conjunction *appena* means that the action will be completed in the future.

4.3.1.5. Warning about the consequences of (not) performing the action. A command to perform or not to perform a particular action may be expressed by a warning about its consequences, expressed by a directive construction with the reduced imperative *attento a + Inf/NegInf (stai attento a fare/non fare/qualcosa)*. This warning can be interpreted by the listener as a statement with varying degrees of illocutionary force, as can be seen in (202), where the hearer is trying to clarify whether it is a threat or advice.

(202)

- **Attento a quello che fai.**

- È una **minaccia** o un **consiglio**?

- Non lo so, fai tu. (Suburra)

(- **Mind what you do.**

- Is that a **threat** or **advice**?

- No idea. You decide. (Suburra))

The dialogic turn of warning in (203) has more than one move, completing the picture of the possible developments in case of performing or non-performing of the action. This action is indicated in the first move: *Attento a fare scoppiare la guerra = non fare scoppiare la guerra (Mind you don't start a war)*. The second move *La perdi! (You'll lose!)* serves to strengthen the illocutionary effect and explicitly informs about the consequences of the action indicated in the warning construction.

(203)

- È la prima e l'ultima volta che vengo in questo posto [...] a dirtelo. **Attento a fare scoppiare la guerra. La perdi!** (Suburra)

(- This is the one and only time I'm coming here [...] to tell you this. **Mind you don't start a war. You'll lose!** (Suburra))

Explicit naming of the consequence is not obligatory: it may remain unexpressed, as in example (204). Such a construction, unlike the previous one (*attento a + Inf*), has no opposite semantics: *tu vedi di sbrigarti = sbrigati*.

(204)

- Tu **vedi di** sbrigarti. (Suburra)
 (- You just **get on** with it. (Suburra))

The intended action here is expressed by the infinitive. The canonical imperative in this construction plays the role of a pragmatic marker, which has the semantics of warning, stipulating that the action must be performed more carefully and thoroughly [Guseva 2016].

A warning about the consequences of performing or non-performing of a caused action may follow a directive in the form of a disjunctive construction: (*o Imp/Proh + o Pres*). (205)

(205)

Aureliano al cane **Stai** zitto. Ho detto di stare zitto **o ti butto** sotto la
 macchina. (Suburra)
 (Aureliano to dog **Shut up**. I said shut up **or I'll push** you in front of
 the car. (Suburra))

In (206), the addressee correctly interprets the speaker's intention and asks a clarifying question, followed by an explicit directive using the tactic of deontic modality:

(206)

Samurai Non hai molta scelta, Gabriele'. **O fai quello** che ti dico
o tuo padre muore.
 Gabriele Che dovrei fare?
 Samurai Devi ammazzare un Adami. (Suburra)
 (Samurai You don't have much choice, Gab. **Or you do** as I say **or**
your dad's a dead man.
 Gabriele What do I have to do?
 Samurai Kill an Adami. (Suburra))

A warning about the consequences of failure to perform an action, which is caused under the guise of convincing the addressee that the action is beneficial to him, is expressed by the construction *ti conviene Inf + o Pras*.

(207)

Aureliano a Lele **Ti conviene stare** qua quando torno **o ti vengo a cercare**.
 (Suburra)
 (Aureliano to Lele **You better be here** when I get back **or I'll come looking**
for you. (Suburra))

Consequences can also be designated through hypotaxis: *Imp/Proh + che Pres*, as in example (208)

(208)

Aureliano Zitto, **non ti muovere** che **ti sparo** in faccia. (Suburra)
 (Aureliano Shut it, **don't move** or you'll get a **bullet** in the face.
 (Suburra))

In Russian, a warning about consequences can be expressed through a coordinative construction using adversative conjunctions *а то, иначе*, as in examples (209), (210).

(209)

- Ты **не гони, а то** мы за тобой не угонимся. (Шторм)
 (- **Don't go too fast or else** we won't catch up with you. (Storm))

(210)

- Женья, **не надо молчать. Иначе** я буду вынужден вызвать тебя на допрос несмотря на то, что мы близкие люди. (Шторм)
 (- Zhenya, **don't keep silence. Otherwise** I'll be forced to summon you to an interrogation, even though we are close. (Storm))

Example (210) is similar to example (211), in which the subjunctive mood with a directive meaning is used instead of the imperative form of the verb.

(211)

Артем Ольге **Вы бы шли спать** на самом деле. **А то завтра будет** не очень. После такого количества. (Шторм)
 (Artyom to Olga **Why don't you go to bed** in fact? **Otherwise tomorrow things will be tough.** After this amount of drinking.
 (Storm))

While in example (209) the directive and the reference to the consequences are bound syntactically and intonationally, in example (212) there is no syntactic link between the directive and the reference to the consequences for the addressee.

(212)

Моргулис Так и что ты думаешь?
 Ольга Я думаю, что ты все сделаешь как всегда все правильно.
 Моргулис Ну, это разумеется. Я соскучился. **Только попробуй сбегать** от меня. Или что-то глупенькое сделать. **Я тебя убью лично.** (Шторм)
 (Morgulis So what do you think?
 Olga I think that you will do everything perfectly as usual.
 Morgulis That much is clear. I've missed you. **Don't you dare running away** from me or do something stupid. **I'll kill you with my own hands.** (Storm))

In examples (212) and (213), the particle *только* serves to strengthen the illocutionary force. The strengthening particles *только, смотри, же*, are used in the act of warning caused by anxiety.

(213)

Юрий Тогда в следующий раз **не спрашивай.** Ты же знаешь, что я не умею врать. [...]

- Женя **Только выключи** телефон, чтобы больше никто не звонил.
(Шторм)
- (Yuri Then **don't ask the next time**. You know that I cannot
lie.
- Zhenya **Just turn off** your phone so that no one else could call
you. (Storm)

Designation of undesirable consequences is not always explicit: in example (213), the consequence seems to be implicit. Semantically, it is related to the situational context, namely, to the directive expressed by the interlocutor: *не спрашивай* (*don't ask*). The purpose of the directive *выключи телефон* (*turn off the phone*) is to prevent the action which is determined from the context — *я буду спрашивать* (*I will ask*).

In Russian, a warning about the consequences of not performing a particular action may be expressed in the second part of a coordinating sentence, as in examples (214) and (215). The directive here is expressed by the present indicative of the IMPF verb in the first part of the sentence: *либо сдаешь* = *сдавай* (*either you tell me = tell me*); *либо выкладываешь* = *выкладывай* (*you either come clean = come clean*).

(214)

- А это никого не волнует. **Либо сдаешь** мне эту всю ситуацию, **либо убил** именно **ты**.
- Я не знаю никакой ситуации.
- (хлопая рукой по столу) **Либо сдаешь** мне все, **либо пойдешь** по 105-ой.
- Да не я это, не я.
- (делает знак головой дежурному, чтобы тот увел задержанного) (задержанному)
Ну, думай. (Шторм)
- (- Nobody cares about this. **Either you tell me** all about this situation **or you're the murderer**.
- I don't know anything about any situation.
- (slams the desk) **Either you turn everything in or you'll be charged** with article 105.
- It wasn't me, not me.
- (gives a nod to the officer on duty to take the detained person away) (to the detained person) Well, think about it. (Storm))

(215)

- Осокин **Либо ты** мне все **выкладываешь**, **либо я** тебя **арестовываю**
к чертям собачьим и все.
- Градов Слушай, давай без ультиматума, а? Надо меня арестовывать
- арестовывай, не надо - не арестовывай. Че ты орешь-
то? (Шторм)
- (Osokin **You either come clean or I am arresting you**, dammit.

Gradov Drop the ultimatum. If you have to arrest me - arrest away, if you don't have to arrest me - then don't. What's with all the yelling? (Storm)

While in our examples the directive is expressed by the present indicative of an IMPF verb, consequences are expressed by means of the past or future tense of a PF verb or the present tense of an IMPF verb, depending on the speaker's need to emphasize the singularity of the action (214a), its effectiveness (214b), or the immediate temporal proximity of the action (215).

In order to ensure the performance of the desired action, the speaker uses a conditional subordinate clause to construct a situation that is disadvantageous from the addressee's point of view. In this case the speaker leads the addressee to perform an action that is formally opposite to the meaning of the utterance: *если я узнаю, что вы ведете себя неосторожно = ведите себя осторожно (if I learn that you've been careless = be careful)*. The consequences of the described disadvantageous situation are specified in the main sentence.

(216)

Градov	Куда уехали дети с бабушкой? (Ольга не отвечает, колеблется) Вы что, хотите, чтобы Маргулис нашел их раньше, чем я?
Ольга	Они в Греции, в Салониках.
Градov	Адрес! (Ольга достает карточку из сумки)
Ольга	Это отель.
Градov	Если я узнаю, что вы ведете себя неосторожно, я перестану вам помогать. (Шторм)
(Gradov	Where did the kids and the grandma go? (<i>Olga is hesitating to respond</i>) Do you want Morgulis to find them before I do?
Olga	They are in Greece, in Saloniki
Gradov	Street address! (<i>Olga takes a business card out of her purse</i>)
Olga	This is the hotel.
Gradov	If I learn that you've been careless, I stop helping you. (Storm)

The tactic of warning about negative consequences for the addressee is used to enhance the illocutionary meaning, i. e. this tactic can be considered a mirror-like opposite to the tactic of indicating the benefactivity for the addressee, which focuses attention on the positive consequences of the execution of the caused action. The reference to negative consequences can be explicit or implicit. The directive itself is aimed at causation of the action intended to prevent undesirable consequences. The semantics of the directive may be opposite to the one formally expressed. In Italian, the directive is expressed by means of imperative verb forms in a coordination (syntactic extension) with verbs in the present tense denoting the consequences. Another way of implicitly warning about negative

consequences in Italian are constructions with the semantics of threat or advice *attento a + Inf* and *vedi di + Inf*. The former is an advice to not do the indicated action (semantics of the directive are opposite to the one formally expressed). The consequences may be left unspecified, i. e. these constructions may or may not have a semantic extension.

In Russian, one finds the semantics of the directive opposite to the one formally expressed in constructions *только попробуй + Inf* (*don't you dare + Inf*), in which the infinitive is interpreted as a prohibition: *только попробуй съесть = не ешь* (*don't you dare eating = don't eat*); *только попробуй сбежать = не беги* (*don't you dare running off = don't run off*); *только попробуй украсть = не кради* (*don't you dare stealing it = don't steal it*). Similar semantics is also found in conditional subordinate clauses, where negative consequences are specified in the main clause.

Russian construction *либо... + либо...* is similar to the disjunctive construction in Italian *o... + o...*. In the Russian construction, the verbs of command and consequence take the indicative form. In the case of syntactic coordination using adversative conjunctions *а то, иначе* the directive is expressed through an imperative or subjunctive form of the verb.

4.3.1.6. Obligatory or authoritarian prescriptive. Authoritarianism, understood as the speaker's claim to absolute domination over the listener, is characteristic of situational contexts with a rigid social hierarchy (absolute or relative), in which the speaker feels entitled to express the command in a certain manner, caused by necessity of some kind. In authoritarian directive, the caused action appears obligatory for the addressee and subject to immediate execution. Authoritarianism relates to the communicative category of categoricity. Examples of such directives are commands in various kinds of emergency situations, for example, in situations that threaten people's life and well-being. The conventional nature of such brief directives is explained by the necessity to save time due to the need for a quick response and action. Conventional verbless directives such as *вон! via! (get out!)* presuppose an immediate reaction and execution of the command by the listener. This feature is characteristic of many natural languages [Aikhenvald 2017: 25]. In the Italian example (217), in the situation of chasing criminals, the directive is expressed by a verbless statement *libera!* which is an elliptical version of the sentence *strada libera!*

(217)

Poliziotto	Libera! (la strada) (Suburra)
(Policeman	Keep moving! (on the street) (Suburra))

A detailed listing of the actions to be taken increases authoritativeness. The present “jussive” (*presente “iussivo”*) is preferable when directing a whole series of actions (see also example (221)).

(218)

- No, invece tu adesso **vai** lì, gli **vai a chiedere scusa** e gli **porti** i soldi!
(Suburra)

(- No, what you do now is **go** there, go and **say you're sorry** and **hand over** take the money! (Suburra))

(219)

- Tu adesso **li chiami** e **gli dici** che non te la senti, che ti tiri indietro. (Suburra)

(- Now **call** him and **tell him** you can't do it, that you're **pulling out**. (Suburra))

A verbless directive with a reference to the manner or direction of the action is perceived in Italian as more authoritarian and requiring immediate action.

Obligatoriness of the action does not imply introducing the addressee to the situation, arguing the necessity of performing the action, demonstrating its benefactivity for the addressee, etc. Therefore, directives are as short as possible, containing only basic information. In example (220), it is an indication of the number of performers (*due agenti (two policemen)*) and the time and place of the action (*qua fuori tra cinque minuti (outside in five minutes)*). The previous question *volevi l'azione? (you wanted action?)* explicates the required action: the superior orders to be ready for the operation.

(220)

Poliziotto 1	Dove sono gli altri?
Poliziotto 2	Il turno è finito, ispettore. Sono appena andati via.
Poliziotto 1	Richiamali. Mi servono ora.
Poliziotto 2	Che è successo?
Poliziotto 1	Volevi l'azione? Con due agenti. Qua fuori tra cinque minuti. (Suburra)
(Policeman 1	Where are the others?
Policeman 2	Shift is over, sir. They just left.
Policeman 1	Call them back. I need them now.
Policeman 2	What happened?
Policeman 1	You wanted action? Get two officers. Outside in five minutes. (Suburra))

The reduction of the verb in a directive often occurs in societies with rigid hierarchies: example (221) is an order from a police officer to a subordinate; example (222) is a dialogue between members of two mafia clans.

(221)

Poliziotto al suo inferiore	Massoli, tu vicino alle scale così aiuti gli anziani.
L'inferiore	Va bene. Grazie, non vedevo l'ora.
Poliziotto	Qualcosa non va?
L'inferiore	No, va benissimo. Lei è il mio capo e io eseguo. Posso?
Poliziotto	Prego. (Suburra)
(Policeman to his subordinate.	Massoli, take the stairs so you can help the old folks.

- Subordinate All good. Thanks, I couldn't wait.
 Policeman Something wrong?
 Subordinate No, that's fine. You're the boss and I follow orders.
 May I?
 Policeman Of course. (Suburra)
- (222)
- Livia E in cambio?
 Samurai **Niente più sangue. Nessuna vendetta** sugli zingari.
 (Suburra)
 (Livia What's in it for me?
 Samurai **No bloodshed. No payback** on the gypsies. (Suburra)

The obligatoriness of the action for the addressee can be conveyed by multiple repetition of the directive, sometimes using a paraphrase. Various directive constructions may alternate with metapragmatic questions *hai capito?* (*understood?*) *chiaro?* (*is it clear?*) The combination of repeated directive with metapragmatic questions provides the interpretation of the directive as obligatory.

- (223)
- Lele Non ci siamo capiti, non sto più al servizio tuo.
 Samurai No, forse sei tu che non hai capito bene. Tu **devi fare** quello che ti dico io. Ieri Livia non me l'hai portata. È un miracolo che stai ancora in piedi, l'hai capito o no? Oggi **devi rimediare. Chiaro?** Fra due ore **fai quello che t'ho detto.** (Suburra)
- (Lele You don't get it. I don't work for you now.
 Samurai No, sounds like it's you who doesn't get it. You **do** what I tell you to do. You didn't bring Livia yesterday. It's a miracle you're still standing, got that or not? Today **you sort it out. Clear?** In two hours **go do what I told you to do.** (Suburra)

In Russian, the infinitive is the main but not the only means of demonstrating power relations and increased categoricity (compared to the canonical imperative). A verbless directive indicating the manner or direction of action is also perceived as more categorical and requiring an immediate execution of the action. The combination of three differently structured categorical motivations in example (224) increases the categoricity and impositivity of the directive.

- (224)
- Охранник задержанному **Встать. Руки назад. На выход.** (Штурм)
 Guard to the detained person **Get up. Hands backward. To the exit.** (Storm)

In Russian example (225), there is a repetition of essentially the same construction consisting of two elements, *прижмись к обочине* (literally *pull over*) first with the ellipsis of one and then the other element. The repetition of the directive is accompanied by the metapragmatic *я сказал* (*I said*) to strengthen the obligatoriness of the command.

(225)

Полиция	Прижмись. К обочине, я сказал. (приказ водителю в параллельно идущей машине, отдаваемый через громкоговоритель) (Мажор)
(Police	Pull over. Pull to the side of the road, I said. (an order via the loudspeaker to the driver of the vehicle) (Silver Spoon))

The communicative category of categoricity is associated with such characteristics of the statement as determination, peremptoriness, and confidence in the truth of what is reported. A categorical directive is a command that does not allow objections. The speaker's intention is directed exclusively at the execution of the action, i. e., the directive utterance is dominated by the setting on reality, or rather, on changing it.

Categoricity in a statement can be due by various reasons: it may be the obligatoriness of the action, its urgency, or the rigid hierarchy between communicators, when orders and instructions are not subject to discussion, and the speaker does not seek the consent of the addressee.

Within a single dialogical entity, categoricity may increase or decrease. In example (226), Kryukov asks the lawyer to leave, but the lawyer refuses. Kryukov repeats the command to leave several times. Its form, the canonical imperative, remains unchanged, but its distribution changes. The first dialogic move is an imperative form, followed by the vocative. The personal name here acts as a way of mitigating the directive and as a marker of the relationship of solidarity. The second move consists of a single imperative of a verb of similar semantics. The third move is an imperative, preceded by a justification for the need to perform the action. And the fourth move consists in the use of a metapragmatic element *я сказал* (*I said*) to further strengthen the categoricity, understood as the obligatoriness of the action for the addressee. In addition to all this, the very fact of syntactic repetition, even without any distributive variations, serves as a sign of increased impositivity.

(226)

Крюков	Выйди, Гриш.
Адвокат	Семен, это неправильно.
Крюков	Уйди.
Адвокат	Я не могу. Как твой представитель, я должен присутствовать при всех твоих контактах со следствием.
Крюков	Это не официальная встреча. Уйди. (адвокат мотает головой) Уйди, я сказал! (Шторм)
(Kryukov	Grisha, step outside.
Attorney	Semyon, this is not right.
Kryukov	Leave.
Attorney	I cannot. As your representative, I have to be present during all your contacts with the investigators.

Kryukov

This isn't an official meeting. **Leave.** (*the attorney shakes his head "no"*). **Leave, I said!** (Storm)

The dialogue (224) discussed above is an example of an extremely impositive directive conditioned by a hierarchically unequal relationship between the interlocutors, i. e., by a relationship of power. Power in such cases refers to the ability or right of one of the interlocutors to influence certain aspects of the other's life. Thus, in example (224), the guard can impose sanctions; the well-being of the arrestee depends on the guard. Hierarchy-bound directives usually are face threatening or impolite. However, in example (227) all the norms of politeness and strategies of avoiding face-threatening acts are formally observed, but the context of the dialogue (an attempt to blackmail Olga into performing certain actions) allows the recipient to correctly interpret the directive as categorical, that is, not subject to discussion and not requiring her consent. Thus, the obligatoriness of the intended action can be determined not by the face-threatening acts in the speaker's dialogical moves but by the context and the consequences that the execution or non-execution of the action has for the addressee.

(227)

Игорь

Михаил Ефимыч **настоятельно просил** вас **вернуться** к работе. А мы пока будем с вашей семьей. И вы **должны поступить** правильно. Понимаете меня? Очень правильно.

Ольга

Да-да, я поняла.

Игорь

Вам **нужно подъехать** по адресу: Гончарова, дом 9. Скажите, как скоро вы можете быть там?

Ольга

Я просто сейчас далеко. Я... я не близко. Я поняла. Постараюсь как можно быстрее.

Игорь

Ольга Андреевна, **это в ваших интересах. Пожалуйста, постарайтесь.** Мы пока будем с вашей семьей. Телефон вашей дочери будет у меня, и, если что, **звоните.** Всего доброго. (Шторм)

(Igor'

Mikhail Efimych **strongly urged you to get back** to work. In the meantime, we will be with your family. And **you should make the right move.** Do you understand me? The right move.

Olga

Yes, I understand

Игорь

Вам **нужно подъехать** по адресу: Гончарова, дом 9. Скажите, как скоро вы можете быть там?

Igor'

You should come to this address: 9 Goncharova street. How soon can you be there?

Olga

I am far from there. I... I am not in the area. I understood. I'll be there as soon as I can.

Igor'

Olga Andreevna, **this is in your own interests. Please, do your best.** In the meantime, we will be with your

family. I'll keep your daughter's phone: **please call** if you need to. All the best. (Storm)

In Russian spoken language, the categorical nature of volition can be enhanced by replacing the finite verb form with the infinitive [Grammatika 1980, II: 111]. In example (228) an infinitive is used in combination with lexical means of increasing authoritarianism, which include adverbs. Here, it is an adverb *только*, which limits the action exclusively to one object or one group of objects. The authoritarian nature of volition expressed with such a lexical element consists in the speaker's assumption of the right to choose the particular object(s). Each expression of will leaves the addressee with various degrees of freedom in the execution of the action, ranging from simply naming the action and ignoring the manner or completeness of its performance to precisely specifying the degree of the completion of the action or limiting its extension to certain objects. The less freedom the speaker gives the addressee in performing the action, the greater is the level of authoritarianism, understood as a greater awareness of the action and the right to demand its performance.

(228)

Градов Ольге	Если что-то понадобится - еда, сигареты, все через Артема. Он останется с вами. Звонить только мне и только с его телефона. В другие места никуда не звонить . Это понятно? (Шторм)
--------------	---

(Gradov to Olga	If you need anything, food, cigarettes, it all goes through Artyom. He is staying with you. You may only call me and only from Artyom's phone. Do not call anywhere else. Is this clear? (Storm))
-----------------	--

The infinitive with directive meaning is characteristic of situations featuring a rigid interpersonal hierarchy, as in example (229), as well as of emergency situations where the command must sound brief and clear for reasons of saving time, as in a situation of a chase (230). The first example represents a routine exchange between a superior and a junior in rank; the second example is a chase. The prohibitive may also be expressed by an infinitive with the negation *not*.

(229)

(Сотрудник ниже по званию встает при входе капитана)

Младший чин	Добрый день.
Капитан	Сидеть. (Мажор)

((An officer who is inferior in rank gets up from his seat when a captain enters the room)

Junior officer	Good afternoon.
Captain	Sit. (Silver Spoon)

(230)

(Погоня)

— **Стоять! Лежать! Не двигаться!** (Мажор)

((Chase)

- **Freeze! Down! Do not move!** (Silver Spoon)

In other situations of increased impositivity, the use of an imperative verb form implies a choice between the IMPF and the PF. Example (231) is a dialogue between two close people: an IMPF verb is used, and the main grammatical meaning of IMPF in the imperative mood is inchoative [Paducheva 1996: 66-83]. The opposition between aspects in the imperative is associated with manifestations of positive and negative politeness. The PF form guarantees interpersonal distance, the IMPF form is stylistically neutral, characteristic of informal contexts and can express both positive politeness (politeness of solidarity) and insistence, impatience and even irritation [Benacchio 2002: 171]. In the above example, the IMPF verb satisfies the principle of solidarity and, at the same time, expresses insistence and a call to immediately perform the action.

(231)

Родионова	Садись.
Королев	Я не еду.
Родионова	Садись, у нас разговор есть.
Королев	Я никуда не еду. (Мажор)
(Rodionova	Sit down.
Korolev	I am not going.
Rodionova	Sit down, we need to talk.
Korolev	I am not going anywhere. (Silver Spoon)

In Russian, the very semantics of the statement may provide evidence of authoritarianism, as in example (232): *вы свободны* (*you are dismissed*). Only a person who has the right to judge the measure of a person's freedom can inform the addressee that (s)he is free. It is followed by the permissive *можете идти* (*you may leave*): granting permission is likewise the right of the person who is hierarchically above the addressee (see examples (233) and (234)).

(232)

- **Вы свободны. Можете идти.** (Мажор)
 (- **Dismissed. You may leave.** (Silver Spoon))

(233)

Родионова	Все свободны. (Мажор)
(Rodionova	Everyone has been dismissed. (Silver Spoon)

(234)

Родионова	Тогда - свободен. Иди в отдел. (Мажор)
(Rodionova	In this case - you're dismissed. Go to the department. (Silver Spoon)

Example (235) contains an indirect expression of the same meaning as in example (234): *Вы свободны. Можете идти* = *Идите* (*Dismissed. You may leave* = *Leave!*); *На сегодня всё* = *Все свободны. Всем до свидания* = *Идите.* (*That would be all for today. Goodbye, everyone* = *Leave!*).

(235)

- **На сегодня всё. Всем до свидания.** (Мажор)

(- **That would be all for today. Goodbye, everyone.** (Silver Spoon))

Authoritarianism is conditioned by the right of the speaker to express the directive in the more categorical form of the two possible in a particular situation. Only a superior can give a short order *со мной!* (*come along!*). In the same situation but in a relationship of solidarity, this directive would have the full form: *пойдем со мной* (*come with me*).

(236)

Родионова	Соколовский – со мной! (Мажор)
(Rodionova)	Sokolovskij – come along! (Silver Spoon)

In Russian, the forms of the past tense in its directive function serve as the marker of authoritarianism and increased categoricity in the performance of a caused action (cf. [Aikhenvald 2010: 42-43]). However, our data reveal that when the speaker includes him/herself among the action performers, i. e. uses inclusive past tense forms, the directive loses its categoricity and authoritarianism: in this case it is a tactic of cooperation (see Section 4.2.3 “Tactics of cooperation”).

(237)

Градов	Так, орлы, отошли от нее. Руки убрал .
Осокин	Да все нормально. Свободны .
Полицейский	Мы по вызову, надо оформить. (Шторм)
(Gradov)	Okay, pals, leave her along. Hands off her, now.
Osokin	Everything is fine. You may leave .
Policeman	There was a call, we need to fill out the paperwork. (Storm)

Example (237) is emblematic because authoritarian orders are given by people who are strangers to the addressees, i. e. the addressees have not been made aware of their social status ahead of the conversation, but the tactical choice of the speakers — the use of the past tense (*отошли* (literally *I/you/(s)he/we/they left*), *руки убрал* (literally *I/you/(s)he/we/they removed my/your/her/his/our/their hands*) and the elliptical construction with a short adjective (*свободны* (*free*)) — makes the listeners realize that they are facing people who, for some reason, have the right to command in a categorical way. The past tense form, which has no inclusive meaning, is often perceived as aggressive, and aggression, as we know, is associated with force. Therefore, a directive expressed by a past tense verb has a connotation of increased categoricity. In situations of command, the categorical meanings of the indicative and the past tense are preserved: the action appears to have already taken place [Russian Grammar 1980, I: 618].

In a conflict situation, understood as a conflict of interests between two or more personalities and a refusal of one of them to do what the other demands, a change in the directive tactics by the person with a higher social status is clearly visible. In example (238), during the conflict between a teacher who is under the influence of strong psychotropic drugs due to her illness and a student, the teacher, ordering the student to leave the classroom, switches from an unmarked imperative to a crude form of directive

through a past tense verb: *пошла вон отсюда* (literally *I/you/she went out of here / Get out!*). In this example we can clearly see the increase of authoritarianism. We will analyze lexical choices separately in Section 4.3.3, “Tactics of settings on the linguistic means”.

(238)

Марина	Ваш тон, ваше стремление к противоречию, оно переходит всякие границы. Выйдите.
Студентка	Я буду сидеть здесь. (каждое слово произносится отдельно от другого)
Марина	Хорошо. Тогда я сяду и буду молчать, пока ты не уйдешь.
Студентка	Пожалуйста.
Марина	А ну пошла вон отсюда , сказала! (Шторм)
(Marina	Your tone, your zest for contradiction is outrageous. Please leave the room.
Female student	I - will - be - sitting - here.
Marina	Okay. Then I am going to sit down and stay silent until you leave.
Female student	Be my guest.
Marina	Beat it , I said! (Storm))

An increased categoricity in prohibitive means a demand to stop a particular action immediately. The canonical prohibitive in Russian is *не + Imp* (*not + Imp*). Prohibition can also be expressed by lexical means. In Russian it is the verb *хватать*. The action or condition that must be stopped is expressed by a lexical verb in the infinitive: the impersonal construction *хватит + Inf.* = *не + Imp*.

(239)

Осокин	Хватит мне врать!
Градов	Юр, Марина уехала в Германию. Мне одному дома было хреново. Пошел прогуляться. Всё. (Шторм)
(Osokin	Stop lying to me!
Osokin	Yura, Marina left for Germany. It was hard for me to stay at home by myself. I went for a walk. That's it. (Storm))

(240)

- **Хватит целоваться!** (Мажор)
- (- **Enough with the kissing!** (Silver Spoon))

The verb *хватит* can be used without a lexical verb. The action to be stopped is inferred from the context:

(241)

- Успокойся. **Хватит.** (Мажор)
- (- Calm down. **Snap out of it.** (Silver Spoon))

(242)

Соколовский	У меня есть причины здесь работать, и здесь учиться. Если будете мешать, а не помогать, всем будет хуже.
Королев	А ты что, угрожаешь?
Родионова	Хватит! Соколовский прав, ему нужно помогать, а не мешать.
Родионова	Мне он уже помог! (показывает забинтованную руку)
Родионова	Это приказ! (Мажор)
(Sokolovskij	I have my own reasons to work and study here. If you're in my way, instead of helping me, everyone will be worse off for it.
Korolev	Are you threatening us?
Rodionova	Enough! Sokolovskij is right, we need to help him, not to be in his way.
Korolev	He helped me already! (<i>shows his bandaged arm</i>)
Rodionova	This is an order! (<i>Silver Spoon</i>)

The Russian exclamation *всё!* also serves as a signal to stop the action in progress. Like *xvatum!* from the previous example, it does not name the action to be cut off, but the situational context allows the listener to correctly interpret the directive. In addition, the semantics of the word *всё* implies cessation of any action being performed at the moment.

(243)

Родионова	Так, всё! Забыли. Не сейчас. (Мажор)
(Rodionova	Ok, that's it. Forget about it. Not now. (<i>Silver Spoon</i>)

To conclude, we have recorded Italian directive constructions with a reduced verb form used in the tactic of the obligatory prescriptive. The Russian linguistic culture seems to have a greater variety of means, among which the main ones are an infinitive without semantic and syntactic extension and past tense verb forms that do not carry the semantics of joint action. In both languages, obligatoriness in the prescriptive utterance is provided by the repetition of directive constructions, as well as by the use of linguistic means of metapragmatic control.

4.3.1.7. Indicating the urgency of an action. Short commands addressed to the listener in the form of an imperative most often have the implication of urgency. They may sound quite harsh and rude, depending on the tone.

(244)

- Entra e chiudi la porta. (Suburra)
(- Come in and close the door. (Suburra))

(245)

Sara a Gabriele	Voglio sapere chi è. Tu la devi trovare, perché lei è sicuramente coinvolta
Lele	Tu mi devi comunque ancora pagare.
Sara	Trova la ragazza. (urlando) Trovala. (Suburra)

- (Sara to Gabriele I want to know who she is. You have to find her, because she's definitely mixed up in this.
- Lele Anyway, you still have to pay me.
- Sara **Find** the girl. (*shouting*) **Find her.** (Suburra)

In Italian, the semantics of the verb itself may provide a reference to urgency, for example, *sbrigarsi*, as in Russian *поморониться* (*to hurry up*). These verbs are most often used as vicarious verbs (substitutes), i. e. without a lexical verb: the action to be performed becomes clear from the situational context.

(246)

- Tu **vedi di** sbrigarti. (Suburra)
 (– You **get a move on.** (Suburra))

The urgency and immediacy of the desired action can be expressed by the lexical explication of its priority:

(247)

- **Prima di tutto**, quando ti dico una cosa io, **stai muto.** (Suburra)
 (– **First thing is**, when I speak to you, **shut up.** (Suburra))

In Italian, the urgency of the action can also be expressed by other lexical means, such as the adverb *adesso* (*now*) (248) or the adverb *subito* (*now*) (249). The effect of urgency is intensified by detached constructions:

(248)

- Spadino Senti, però vediamo di metterci d'accordo. Perché io ci devo alzare bei soldi col prete.
- Samurai **Libera** il prete. **Adesso.** (Suburra)
- (Spadino Listen, let's see if we can work something out. Because I have to make some good money from the priest.
- Samurai **Let** the priest **go.** **Now.** (Suburra))

(249)

- Cardinale Cosa succede? Cosa vuole?
- Sara **Deve lasciare** Roma. **Subito.** (Suburra)
- (Monsignor What's going on? What do you want?
- Sara **You have to get out of** Rome. **Now.** (Suburra))

One Russian example in our collection describes a situation when there is no time for argumentation or explanation: during an attack on an election headquarters, one of the male staffers throws a brief *бегу* (*run!*) to a female staffer. In this situation, he gives a brief authoritarian order by virtue of being the first to have noticed the danger. In another situation, the same imperative will not necessarily label the caused action as urgent. The tactic of indicating urgency here is provided by the situational context.

The urgency of the intended action in Russian can be expressed by lexical markers. In the following examples it is the construction *Imp + уже* (*already*) with the subject *мы* (*you*) in postposition

to the verbal form to be more expressive and convincing (*беги ты уже* (*go off already*)), or simply an adverb of time to indicate a deadline closer than the one suggested by the performer.

(250)

- Да **беги ты уже**. Заплачу я. (Шторм)
- (- **Go off already**. I'll pay. (Storm))

(251)

- С вами свяжется Гриша. На днях деньги будут у вас.
- **Сегодня**.
- Это сложно.
- **Сегодня**. (Шторм)
- (- Grisha will contact you. In a couple of days you'll have the money.
- **I need it today**.
- That will be hard.
- **Today**. (Storm))

In (252), as in (250), the adverb *уже* (*already*) has a strongly pronounced inchoative meaning: since the addressee is slow to begin the action, the speaker explicitly orders to start immediately.

(252)

Моргулис	За тобой не следят?
Ольга	Нет. Думаю, что нет.
Моргулис	Могут следить. Оля, осторожнее.
Ольга	Я пойду. Ты прости. Я просто побоялась тебе звонить.
Моргулис	Иди. Иди уже , Оля. Я тебе сам позвоню. Когда смогу.
(Шторм)
(Morgulis	Has anyone followed you?
Olga	No. I don't think so.
Morgulis	They may. Olya, be careful.
Olga	I'm going to go. Sorry. I was too afraid to call you.
Morgulis	Go off. Go , Olya. I will call you myself. When I can.
(Storm))

The reference to urgency borders on the categorical nature of the directive. An urgent action lies in the sphere of the speaker's knowledge and responsibility: s/he knows why this particular action should be performed quickly. For time-saving reasons, the speaker does not provide argumentation in support of his/her directive. On the other hand, the brevity of the directive correlates with the social status of the speaker in the hierarchy between communicators: the higher his/her position, the shorter will be his/her commands, and the more dependent on the addressee s/he feels, the longer will be his/her directives. In example (253), urgency is expressed lexically by the adverb *срочно* (literally *urgently*), and categoricity by detachment, as well as by the metapragmatic question *ты слышал меня?* (*did you hear me?*).

(253)

Градов	Срочно. Делай . Ты слышал меня?

Костик	Делаю, говорю же, делаю. (Шторм)
(Gradov	This is urgent. Go ahead, do it. Did you hear me?
Kostik	I am on it, I am telling you, I am doing it. (Storm))

The urgency of the action may be expressed through the time limit set by the speaker. The sentence *полчаса, чтобы найти* (*you have half an hour to find them*) contains both elements necessary for this tactic: the indication of the time period (*half an hour*) and the naming of the action (*find*).

(254)

Соколовский	Телефон, ключи и документы – вернуть.
Подозреваемый	Телефон продал. Ключи и документы выбросил.
Соколовский	Полчаса, чтобы найти. (Мажор)
(Sokolovskij	The phone, the keys, and the documents have to be returned.
Suspect	I sold the phone and tossed away the keys and the documents.
Sokolovskij	You have half an hour to find them. (Silver Spoon)

(255)

Соколовский	Сейчас у тебя есть два часа. Иди в полицию. Сам.
Подозреваемый	Игорь, ты чего?
Соколовский	Два часа. (Мажор)
(Sokolovskij	You have two hours. Go to the police. On your own.
Suspect	Igor', what's wrong?
Sokolovskij	You have two hours. (Silver Spoon)

Example (256) combines several tactics at once: indicating urgency, authoritarianism, and indicating consequences. We should note the “chopped” syntax as a marker of the tactic with increased categoricity.

(256)

– Королева, Соколовского –	ко мне в течение часа. Час, Родионова. Иначе – ты меня знаешь. (Мажор)
(– Korolev and Sokolovskij	should be in my office within the hour. One hour, Rodionova. Otherwise – you know me. (Silver Spoon))

The main means of indicating the urgency of an action in both languages are lexical. The directive is expressed by imperative forms with a semantic extension in the form of adverbs or adverbial modifiers of time. In both languages, detached constructions play the role of an illocutionary amplifier.

4.3.2. Tactics of settings on the propositional content

A proposition is understood as a semantic invariant common to all members of the modal and communicative paradigms of sentences and sentence-derived constructions (nominalizations). The content of the proposition and the fact of reality, expressed in this proposition, may be in different

relations with each other. Affirmative and interrogative statements do not touch upon the fact reported or asked, while an imperative statement “directly affects the meaning of its proposition; actually, it creates it (by the meaning of the proposition is meant the fact that it expresses)” [Gusev 2013: 39]. The setting on the propositional content are manifested in the case when the addressee’s correct interpretation of the content and meaning of an imperative utterance is important for the speaker.

4.3.2.1. Taking recourse to precedents. The notion of precedent came to linguistics from law, where it is interpreted as a dichotomy “something has or has not happened before”. In communicative linguistics and cultural studies, precedence is understood as a primary phenomenon [Karaulov 1987: 190], used as a reference model for creating a secondary phenomenon that follows the image and likeness of the primary one. One’s previous experience or knowledge of an individual becomes a precedent; appealing to a precedent provides linguistic parsimony, mentioned already by the scholastic philosopher W. Occam: “It is futile to do with more things that which can be done with fewer”¹⁰⁰. In modern theories of communication, precedence, which functions as a “stereotype image-associative complex” [Bagaeva et al. 1997] and, like all stereotypes, serves as a principle of language parsimony, falls under G. P. Grice’s quantity postulate: “Do not make your contribution more informative than is required” [Grice 1975: 45]. Economy of speech effort presupposes implicitness in the speaker’s interests, whereas the listener’s interests warrant economy of cognitive effort undertaken to interpret the statement, i. e. the listener prefers explicitness in the speaker’s speech [Panov 2007]. A precedent, which is one of the main elements of the cognitive base, is a set of communicators’ knowledge and perceptions [Bagaeva et al. 1997]. Precedent phenomena are understood as phenomena “(1) significant for one or another person in cognitive and emotional aspect, (2) having a superpersonal nature, i. e., well known to the broad circle of an individual, including his/her predecessors and contemporaries, and, finally, such phenomena (3) references to which are repeatedly renewed in the discourse of a particular linguistic individual” [Karaulov 1987: 216]. Obviously, not all precedent texts can be comprehensible and accessible to all linguistic identities without exception.

Explicit precedence consists in pointing to events or states that occurred or were recorded earlier in time, using lexical means. In examples (257) and (258), these are the verbs of speech *dire* (*to tell*) and *npedyneдyмb* (*to warn*) in the past tense. Formally, such utterances are indirect speech: the speaker reproduces his/her own directive, which (s)he expressed earlier.

(257)

- Pure tu con `sta storia di tua madre. Ragazzi, **vi ho detto di lasciarla perdere.** (Suburra)

(- And you’re on about you’re mother again. Kids, **I told you to leave her out of this.** (Suburra))

¹⁰⁰ Translation from Latin “*Frustra fit per plura quod potest fieri per pauciora*” by Kneale and Kneale [1962: 243].

(258)

- Я **предупреждала**: бросай пить. Ты не смог. (Мажор)

(- **I warned you** to stop drinking. You weren't able to. (Silver Spoon))

In the Russian example (259), the verb is in the present tense, but the adverbial modifier of manner *последний раз* (*last*) makes it clear that the speaker addressed the listeners with this directive in the past as well.

(259)

- И **предупреждаю последний раз** - чтобы никаких сюрпризов! (Мажор)

(- **Last warning**: no surprises! (Silver Spoon))

In the Italian example (260), one of the interlocutors, having received an implicit refusal from the barista to fulfill his request, does not simply repeat the communicative move of directive but accompanies it with the metalinguistic construct *ti ho detto/I said (to you)*. Both the repetition and the metalinguistic element reinforce the illocutionary effect. In (261) the reference to an already expressed prohibitive occurs within a single dialogical move.

(260)

Spadino al barista Oh. Dammene un altro.

Barista Giovanotto, siamo al quinto. Vattene a casa.

Spadino **Ti ho detto**: "Dammene un altro". (Suburra)

(Spadino to barman Hey. Give me another one. (Suburra))

Barman Young fella, that's five you've had. Time to go home.

Spadino **I said** give me another one. (Suburra))

(261)

Il padre ad Aureliano A me, queste cose non me le devi dire, Aurelia'! Adesso mi spieghi perché?

Aureliano Non mi devi toccare. [...] **T'ho detto che non mi devi toccare!** (Suburra)

(Aureliano's father Don't speak to me like that, Aureliano! Now explain why?)

Aureliano Don't touch me. [...] **I told you not to touch me!** (Suburra))

The construct with the verb *dire (to say)* often serves as the final communicative move, increasing the categoricity of the directive:

(262)

Gabriele Sara, per favore, parliamo?

Sara **Zitto.**

Gabriele Mi dispiace.

Sara (*urlando*) **Stai zitto, ho detto!** (Suburra)

(Gabriele Sara, please can we talk?)

Sara **Quiet.**

Gabriele I'm sorry.

Sara (*shouts*) **I said be quiet!** (Suburra))

When the elements of the communicators' cognitive bases do not match in terms of precedent phenomena, there is a communicative failure, which, however, can be corrected by the person using the precedent text through the explication of the associative image. In the following polylogue the father does not utter an explicit prohibition to talk about his son's mother but limits himself to exclaiming *Oh! Oh!* However, the son is unable or unwilling to interpret the exclamation correctly, and the father is forced to explicate the prohibitive by mentioning that the prohibition has already been uttered many times.

(263)

Aureliano	Porca di quella puttana, ma ce li hai gli occhi? Tu lo vedi o no la gente che locali vuole frequentare? Su quel chiosco ci butti due spicci e si riempie. Un certo tipo di clientela, oltre a mangiare e bere, vuole pippare.
Il padre a Livia	Livia, senti questa che fa ridere! Questo vuole insegnarmi a fare i soldi.
Aureliano a Livia	Quel posto non è tuo, era di mamma.
Il padre a Aureliano	Oh! Oh!
Aureliano	"Oh" che?
Il padre a Aureliano	Te l'ho detto duemila volte! Tua madre lasciala perdere.
Livia	Papà.
Il padre a Livia	Vedi se con te ragiona questo coglione.
Livia ad Aureliano	Pure te non insistere, no? Lo sai che gli dà fastidio.
Aureliano	Lasciami perdere. (Suburra)
(Aureliano	Holy shit, are you blind? Can't you see the kinds of places people want to go to? Invest a few euros in that kiosk and they'll be queuing up. Some customers want to eat, drink and snort.
Father to Livia	Livia, listen to this for a laugh! He wants to teach me how to make money.
Aureliano to Livia	It's not your place. It was mum's.
Father to Aureliano	Hey! Hey!
Aureliano	"Hey" what?
Father to Aureliano	I've told you a million times! Leave your mother out of things.
Livia	Dad.
Father to Livia	Let's see if you can get any sense out of this dickhead.
Livia to Aureliano	And cut it out, why don't you? You know it gets on his nerves.
Aureliano	Forget it. (Suburra)

Implicit precedence in a directive can be expressed by precedent names. In example (264), mentioning the affiliation with the Coast Guard allows the speaker to avoid explaining the need for

listeners to perform the required action, since the precedence of this name allows the listener to easily interpret the obligatoriness of the caused action:

(264)

Ufficiale della GC	Non si può stare qui, il porto è chiuso. (<i>sirene</i>) Guardia Costiera! Fermatevi. (Suburra)
(Coast Guard officer	You can't stay here. The port is closed. (<i>sirens</i>) Coast Guard! Stop right there! (Suburra))

In both Italian and Russian, an explicit precedent is framed as indirect speech: the speaker reproduces the directive already expressed earlier. In Italian, there is a significant frequency of the verb *dire* (to say) in “passato prossimo” (*ti ho detto*). The tactic of implicit precedence seems to be the most culturally dependent one.

4.3.2.2. Metapragmatic control. A directive with an imperative verb does not merely report information: it is a speech act, similar to performative sentences, which are equipollent to executing an action. Each performative verb corresponds to a speech act of a certain type. As we have already shown in Chapter 3, the deep structure of the imperative sentence is performative: *Do R = I am asking you to do R*. J. Searle [1969] describes speech acts through the conditions of success, one of which is the listener's correct interpretation of the utterance. In order to facilitate interpretation, and thus to make it more likely that the caused action will be performed, the speaker resorts to an explication of the deep performative, which in natural speech is metalinguistic and metapragmatic in nature.

If the interpretation is erroneous, the causer metapragmatically corrects it. In (265) the addressee demonstrates an understanding of the directive as a request, but the speaker clarifies that it should be understood more categorically:

(265)

– Però le regole le facciamo noi. Ci dai il 75 %.
– Non si può fare.
– Ma io **non te lo sto a chiedere**. O è così o niente. (Suburra)
(– But we make the rules. We want 75%.
– No can do.
– Well, **it's non-negotiable**. It's that or nothing. (Suburra))

In the collection of Russian examples, we recorded a similar example, the only difference being that in the Italian version we can talk about metapragmatic control *ex contrario*: the speaker specifies what the expressed directive is not, while in the Russian version — what the directive actually is.

(266)

Соколовский	У меня есть причины здесь работать, и здесь учиться. Если будете мешать, а не помогать, всем будет хуже.
Королев	А ты что, угрожаешь?
Родионова	Хватит! Соколовский прав, ему нужно помогать, а не мешать.

- Korolev Мне он уже помог! (показывает забинтованную руку)
 Родионова **Это приказ!** (Мажор)
 (Sokolovskij I have my own reasons to work and study here. If you're
 in my way, instead of helping me, everyone will be worse
 off for it.)
- Korolev Are you threatening us?
 Rodionova Enough! Sokolovskij is right, we need to help him, not
 to be in his way.
- Korolev He helped me already! (*shows his bandaged arm*)
 Rodionova **This is an order!** (Silver Spoon))

Metapragmatic control tactics can be used both to prevent a possible misinterpretation of the directive by the addressee, as in example (268), and to correct a misinterpretation that has already taken place, as in (267).

(267)

- Соколовский Можно мне на пару часов уехать?
 Родионова Это ответ на мой вопрос?
 Соколовский Нет, **это просьба**. Мне очень нужно уехать на два часа.
 Родионова Может, ты скажешь?
 Соколовский Личное. (Мажор)
 (Sokolovskij May I leave for a couple hours?
 Rodionov Is this an answer to my question?
 Sokolovskij No, **it's a request**. I really need to leave for two
 hours.)
- Rodionova Can you tell me what's going on?
 Sokolovskij It's personal. (Silver Spoon))

(268)

- Если что-то понадобится - еда, сигареты, все через Артема. Он останется с вами. Звонить только мне и только с его телефона. В другие места никуда не звонить. **Это понятно?** (Артему) Сейчас я тебя наберу. Запиши мой номер. (Шторм)
 (- If you need anything, food, cigarettes, it all goes through Artyom. He is staying with you. You may only call me and only from Artyom's phone. Do not call anywhere else. **Is this clear?** (Storm))

In (269) the speaker, realizing the communicative failure, changes her tactics: she switches from deontic modality to the negation of the addressee's reaction as erroneous and enhances her already expressed directive with pragmatic markers: strengthening particles, the address by name, the politeness marker (*dai, Gabriele, per favore*). The dialogical entity ends with a metapragmatic performative, which as an explicit expression of the addressee's communicative intention does not allow the addressee to misinterpret the speaker's communicative move.

(269)

- Sara Devo organizzare una festa stasera. Mi devi dare una mano.

Gabriele Ci provo.
 Sara Non mi basta un tentativo.
 Lele Sara. Non mi chiami da tre mesi.
 Sara Dai, Gabriele, per favore.
 Lele Va bene.
 Sara **Ti prego.** (Suburra)
 (Sara I have to organize a party for this evening. I need a
 hand.
 Gabriele I'll try my best.
 Sara That's not enough.
 Lele Sara, you haven't called me for three months.
 Sara Come on, Gabriele, please.
 Lele Fine.
 Sara **I'm begging you.** (Suburra))

The performative *ti prego* may precede the request, expressed in one of the possible ways. In Italian, it is used as an introductory phrase.

(270)

Gabriele a Sara Sara, **ti prego**, mi servono adesso (*i soldi*). Mi **devi aiutare.** (Suburra)
 (Gabriele to Sara Sara, **please**, I need it now (*money*). **You have to help**
 me. (Suburra))

Or, in order to strengthen the perlocutionary effect and to ensure that it is mandatory (in (271), to prevent an act of suicide), the speaker uses directive tactics that overlap: a frame performative construction with repetition of the verb *pregare* (*to pray*) and a triple imperative with minor modifications such as adverb replacement.

(271)

(*Scena del tentato suicidio*)
 Sara Monsignore!
 Monsignore Ho molto pregato per te. Sara.
 Sara Ma adesso sono io che **prego lei, venga via, venga qua. Venga qui** da me. **La prego!** Non c'è niente a cui non si possa porre rimedio. Il Signore perdona. Gli uomini perdonano. (Suburra)

((*Attempted suicide scene*))

Sara Monsignor!
 Monsignor I have prayed so much for you, Sara.
 Sara Well now, I am **praying for you, come away, come away. Come with** me. **Please!** We can sort this out. The Lord forgives. People forgive. (Suburra))

In example (272), in which the sister asks her brother to talk to her, there is an increasing intensity of the directive according to the following scheme: first the sister pronounces her brother's name to

attract his attention, then an imperative form of the lexical verb follows and finally she resorts to a metapragmatic construction that expresses her intention. The speaker's insistence indicates, among other things, the importance of the action for her.

(272)

Livia a Aureliano	Aureliano. Parlami. Ti prego. (Suburra)
(Livia Aurellano.	Aurellano, don't be silent. I beg you.)

In the Russian example (273) in which the prosecutor addresses the judge by handing him a folder, unlike the previous example from Italian, the verb *просить* (*to ask*) is not detached, but is part of the verbal phrase.

(273)

Обвинитель	Здесь показания обвиняемого. Прошу ознакомиться. (Шторм)
(Prosecuting counsel	Here is the statement of the accused. Please take a look. (Storm))

In contrast to the Italian examples, we find here a formula of the formal language (Rus.: официально-деловой стиль): *прошу* + *Inf* (literally *I am asking you* + *Inf*). The feature of metapragmatic control is the absence of a lexical verb and of the indication on the person to whom the request is addressed. In the tactic of metapragmatic control, the performative formula is syntactically not linked to the directive.

Example (274) explicates the advice:

(274)

- Le consiglio di prendersi un bravo avvocato. (Suburra)
(- I suggest you find a good lawyer. (Suburra))

Metapragmatic constructions can precede or follow directive speech acts, depending on their function. In the former case, the construction performs the function of a pragmatic marker.

(275)

Samurai	Ascoltami bene. Perché è l'ultima volta che te lo dico a parole. Per prima cosa... mandi via i profughi, e fai partire i lavori del porto prima delle elezioni. Poi torni con chi ti pare. (Suburra)
(Samurai	Listen hard. Because this is the last time I'm telling you this in words. First of all... send the refugees away and get the port work started before the elections. Then come back with whoever you like. (Suburra))

To achieve the necessary perlocutionary effect, the speaker is able to manipulate the addressee's attention using the metapragmatic imperative of the verb *ascoltare* (*to listen*), after which he denominates the action that the addressee must perform. The causation of the action can be expressed in different forms. In (276) it is the conjunctive mood *voglio che Conj.Pres*, in (275) it is the present indicative.

(276)

- Sara al Monsignore Non c'è molto tempo. Quindi **mi ascolti bene**. Andrò io all'appuntamento al posto suo e risolverò tutto. In cambio, però, **voglio che lei esca** da qui e **venga** in Commissione alle 20:00 dove farà votare tutti come ci siamo messi d'accordo. Va bene?
- Monsignore Lei non è diversa da quelle persone.
- Sara Ci vediamo alle otto. (Suburra)
- (Sara to Monsignor There isn't much time. So **listen hard to what I'm saying**. I'll go to the appointment in your place and clear everything up. In return, however, **I want** you to **leave here** and **come** to the Commission at eight o'clock tonight, and you'll tell everyone to vote as we agreed. Understood?
- Monsignor You're no different to the rest of them.
- Sara See you at eight. (Suburra))

In Russian, as well as in Italian, the speaker resorts to this tactic to ensure the correct interpretation of his/her own utterance by the listener. In the case of example (277), the speaker precedes the directive in the form of the imperative *сбрось* (*send*) with an explication how the listener should perceive this directive: not as an order or a demand, but as a request. Here the metapragmatic utterance about the request *у меня к тебе просьба* (*I have a favor to ask*) precedes the request.

(277)

- Градов Слушай, **у меня к тебе просьба**. Ты, если узнаешь, что меня слушают, какую-нибудь дурацкую **смс-ку сбрось**.
- Сотрудник Какую?
- Градов «Печенье». Нет, «печенька». Да? Спасибо. Пока. (Шторм)
- (Gradov Listen, **I have a favor to ask**. If you learn that I'm being tapped, could you **send me a silly text**?
- Associate What kind?
- Gradov "Pastry". No, "cookie". Okay? Thanks! Talk soon. (Storm))

Such a phrase cannot stand in postposition to the request: more appropriate would be a construction with the performative verb *прошу тебя* (literally *I am asking you*) (or *умоляю* (literally *I beg you*), as in (280)), if this is a request, or *это приказ* (*this is an order*) if the speaker gives an order (279). A construction like *прошу тебя* can be either in preposition or postposition to the request. In example (278) we can observe the variant in preposition.

(278)

- Градов Она [Марина] нашлась.
- Варя Где?
- Градов Где-то у знакомых, в квартире.
- Варя Ну поехали.

Градов	Нет, Варя. Я еду один. Тебе я взял билеты. И прошу тебя, улетай.
Варя	Так, Градов...
Градов	Послушай меня. Ты не можешь ее взять и привязать к стулу и заставить лечиться. Ты не можешь за нее ничего решать, и я не могу. (Шторм)
(Gradov	They found her [Marina].
Varya	Where?
Gradov	At her friend's place.
Varya	Okay, let's get going.
Gradov	No, Varya. I am going alone. I bought tickets for you. I am asking you, please, take the flight.
Varya	Here we go, Gradov...
Gradov	Listen to me. You cannot tie her to a chair and force her to get treatment. You cannot decide for her, nor can I. (Storm))

The expression of metapragmatic control, *это приказ (this is an order)*, cannot stand in preposition to the directive, because its construction is an explication formula (cf. Italian *è un ordine!*).

(279)

Соколовский	У меня есть причины здесь работать, и здесь учиться. Если будете мешать, а не помогать, всем будет хуже.
Королев	А ты что, угрожаешь?
Родионова	Хватит! Соколовский прав, ему нужно помогать, а не мешать.
Королев	Мне он уже помог! (показывает забинтованную руку)
Родионова	Это приказ! (Мажор)
(Sokolovskij	I have my own reasons to work and study here. If you're in my way, instead of helping me, everyone will be worse off for it.
Korolev	Are you threatening us?
Rodionova	Enough! Sokolovskij is right, we need to help him, not to be in his way.
Korolev	He helped me already! (<i>shows his bandaged arm</i>)
Rodionova	This is an order! (Silver Spoon))

In example (280) the metapragmatic *я тебя умоляю (I am begging you)* is in postposition, after a series of imperative forms.

(280)

Градов	Марин. (пауза) Марин (пауза). Живи , как хочешь. Делай , что хочешь. Но будь , пожалуйста, рядом. Я тебя умоляю . Мне никак без тебя. Просто рядом будь, ничего не попрошу.
Марина	Варя где?

Градов	Уехала.
Марина	Ладно. Поехали домой? (Шторм)
(Gradov	Marina. (pause) Marina (pause) Live as you please. Do what you want. But please be around. I am begging you. I cannot live without you. Just be around, I'm not going to ask for anything.
Marina	Where is Varya?
Gradov	She left.
Marina	Fine. Let's go home? (Storm)

A syntactic repetition or paraphrase of a directive may also be accompanied by the metapragmatic question *hai capito?* (282), *capito?* (281) (*understood?*), *это понятно?* (*is this clear?*) (288), focusing on the correctness of the addressee's interpretation:

(281)

- E tu **trovala. Capito?** La devi trovare! (Suburra)

(- **Find her. Understood?** You have to find her! (Suburra))

(282)

- Tu da oggi sei gli occhi e le orecchie mie dentro la famiglia di Adami. **Mi devi dire** tutto. Soprattutto quello che fa Aureliano. **Hai capito?** Ora puoi andare. (Suburra)

(- From today you're my eyes and ears in the Adami family. **You have to tell me** everything. Especially what Aureliano does. **Understood?** You can go now. (Suburra))

Certain linguistic individuals use metapragmatic statements more often than others. As the result, their speech creates the impression of being more categorical than that of others. For example, Samurai, the head of the Mafia organization, frequently resorts to metapragmatic constructions throughout the film, which are not always associated with directives (see (283) and (284)). In (285) the verbless directive also shows the individual's impositive style of communication, which, among other things, confirms the individual preferences in tactics.

(283)

Lele	Non ci siamo capiti, non sto più al servizio tuo.
Samurai	No, forse sei tu che non hai capito bene. Tu devi fare quello che ti dico io. Ieri Livia non me l'hai portata. È un miracolo che stai ancora in piedi, l'hai capito o no? Oggi devi rimediare. Chiaro? Fra due ore fai quello che t'ho detto. (Suburra)

(Lele) You don't get it. I don't work for you now.

Samurai	No, sounds like it's you who doesn't get it. You do what I tell you to do. You didn't bring Livia yesterday. It's a miracle you're still standing, got that or not? Today you sort it out. Clear? In two hours go do what I told you to do. (Suburra)
---------	--

(284)

Samurai I voti li hai presi con l'aiuto mio e li dai a chi dico io, **è chiaro?** (Suburra)

(Samurai You got the votes with my help and you do what I say with them, **got it?** (Suburra))

(285)

Livia E in cambio?

Samurai **Niente più sangue. Nessuna vendetta** sugli zingari. (Suburra)

(Livia What's in it for me?

Samurai **No bloodshed. No payback** on the gypsies. (Suburra))

In (286) the metapragmatic question completes a series of communicative moves aimed at achieving a single goal, namely, the causation of actions necessary from the speaker's point of view. The directive tactic changes from the deontic modality *deve sparire* (*has to go*) without the performer's indication to the metalinguistic construct *te lo ripeto* (*I am telling you one last time*), then to the personal form of the deontic modality *devi fare sparire* (*you have to get rid of*), then to the present indicative *stai tranquillo* (*you lie low*) and as the final move the metapragmatic question *intesi?* (*Ok?*) aimed at determining the accuracy of the listener's interpretation.

(286)

Livia a Aureliano Primo: 'sto cane **deve sparire**. [...] Forse non ci siamo capiti. **Te lo ripeto** per l'ultima volta, Aureliano. Con papà ti copro io ma tu **devi fare sparire** 'sto cane. E poi te ne **stai tranquillo** fino a quando non abbiamo capito se t'ha visto qualcuno. **Intesi?** (Suburra)

(Livia to Aureliano One: this **dog has to go**. [...] Maybe you don't understand. I'm telling you **one last time**, Aureliano. I'll cover you with dad **but you have to get rid of this** dog. Two: you **lie low** until we figure out if anyone saw. **OK?** (Suburra))

The Russian example (287) uses the lexical equivalent of the Italian metapragmatic elements *capito? hai capito? — ты понимаешь?* (*do you understand?*). The directive, which does not lead to the addressee's refusal, remains outside the given dialogical entity, but the causer (Olga) is not sure of the addressee's correct interpretation of the directive and emphasizes some details of the caused action to the addressee: the payment is to be made in cash and urgently.

(287)

Моргулис Хорошо, я подумаю. Я подумаю, как сделать так, чтобы вы получили деньги.

Ольга Только **ты понимаешь**, что нужно налом, да?

Моргулис Сделаем, Оль.

Ольга И это надо срочно, **ты понимаешь?**

- Моргулис Не торопи меня. Я же тебе сказал: сделаем.
- Ольга Спасибо. (Шторм)
- (Morgulis Okay, let me think about it. I'll come up with a way for you to get the money.
- Olga One thing: **you understand that** it has to be cash, don't you?
- Morgulis Will do, Olya.
- Olga And **do you get that** it has to be urgent?
- Morgulis Don't rush me. I told you: will do.
- Olga Thank you. (Storm))

Metapragmatic control with the same semantics in Russian can also be carried out through questions like *(это) понятно/ясно?* (*is this clear?*) (similarly to Italian *è chiaro?*):

(288)

- Градов Ольге Если что-то понадобится – еда, сигареты, все через Артема. Он останется с вами. Звонить только мне и только с его телефона. В другие места никуда не звонить. **Это понятно?** (Шторм)
- (Gradov to Olga If you need anything, food, cigarettes, it all goes through Artyom. He is staying with you. You may only call me and only from Artyom's phone. Do not call anywhere else. **Is this clear?** (Storm))

An example from the Russian corpus (289) appears to be analogous to example (262), in which the verb *dire* is used in the 1Sg.Pass.Pross. form: *Stai zitto, ho detto!* (*I said be quiet!*). In the Italian example the object determinant is absent, the focus of attention is on the speaker, while in the Russian example (exclamation *кому сказал!* (*I am talking to you!*)) the logical emphasis is on the nominal constituent of the verbal phrase, which expresses the addressee. In both Russian and Italian, the metapragmatic exclamation is in postposition to the imperative.

(289)

- Не дергайся! **Кому сказал!** (Мажор)
- (– Do not move! **I am talking to you!** (Silver Spoon))

(290)

- Отпустите его. Отпустите, **я сказал.** (Мажор)
- (– Let him go. Let him go, **I am telling you.** (Silver Spoon))

The tactics of metapragmatic control in Russian and Italian show many similarities. Metapragmatic constructions are not syntactically related to the directive. Their position in relation to the directive depends on their function: drawing attention to the directive that will follow or explication of the illocutionary force in order to ensure a correct interpretation.

4.3.2.3. Sententia. The tactic of sententia can only be correctly interpreted in context. In example (291) the statement *Мой клиент не дает взятки. Он честный человек* (*My client does not bribe. He*

is an honest man) in this context has the following prohibitive transform: *Не ждите взятка от моего клиента (Don't expect bribes from my client)*:

(291)

Адвокат	Мой клиент не дает взятка.
Градов	С кем я говорю?
Адвокат	Не валяй дурака. Все ты знаешь с кем ты говоришь.
Градов	Я вас не понимаю.
Адвокат	Все, что нужно, ты понял. Мой клиент взятка не дает. Он честный человек.
Градов	Представьтесь, пожалуйста.
Адвокат	До свидания. (Шторм)
(Attorney	My client does not bribe.
Gradov	Do I know you?
Attorney	Don't be ridiculous. You know me.
Gradov	I don't understand.
Attorney	You understand everything all right. My client does not bribe. He is an honest man.
Gradov	Can you please introduce yourself?
Attorney	Good bye. (Storm)

In this tactic, the prohibitive is realized through the description of actions or states as irrelevant to the addressee's sphere of activity *non è roba di cui ti devi occupare tu (it's none of your business) = non occuparti di questo (you shouldn't be on this)*:

(292)

- **Non è roba di cui ti devi occupare tu.** I patti sono chiari. E adesso io voglio solo risultati. (Suburra)
 (- **It's none of your business.** You know the score. Now I want to see results and nothing else. (Suburra))

The prohibitive can be expressed as a description of a situation that may not be changed or interfered with:

(293)

Врач полицейским	Любые разговоры в его состоянии исключены. (Мажор)
(Doctor to policemen	In his condition, any conversation is out of the question. (Silver Spoon))

4.3.3. Tactics of settings on the linguistic means

4.3.3.1. Style reduction. Among the Russian examples, we have recorded a number of examples in which the lexical choice is due to the speaker's intention to use substandard vocabulary in order to increase the expressivity of the statement.

In Russian, indirect commands most often take the form of general questions with the verb *мочь* (*may*) in the subjunctive mood: *Вы не могли бы передать мне соль?* (*Could you pass me the salt?*). Such an indirect command is considered a polite and face-preserving speech act. However, in example (294), the lexical choice (*каркать* (*to croak*)) relegates the phrase to the impolite category. Indirectness and syntactic conventionality can thus not be considered an indicator of face preservation. As we can see from the example, the face-preserving strategy can be violated by the speaker's lexical choice, conditioned by his intention to immediately stop the action produced by the listener, while expressing his evaluative judgment with the connotations of the lexeme used. Here it was possible to use the neutral *говорить так, предсказывать несчастье* (*to say so, to predict misfortune*), however, the choice was made in favor of a negatively colored synonym.

(294)

Женя	Как можно человека успокоить, если Марина все равно умрет?
Осокин	А ты не могла бы сейчас не каркать? Ты что, вообще? Эти слова вслух даже нельзя произносить! ... Можно просто помолчать вместо того, чтобы пороть эту ерунду? (Шторм)
(Zhenya)	How can one calm down if Marina is going to die no matter what?
Osokin	Could you not be croaking disaster right now? What's wrong with you? ... Why not just keep your mouth shut instead of talking nonsense? (Storm)

In examples (295) and (296), the speakers try to persuade Olga to act in a certain way, and by the end of the dialogical entity the speaker's insistence increases. But if in the first case (husband and wife talking) the speaker uses lexical means showing the degree of his irritation with his wife's disagreement — *должна заткнуть* (*you must shut her up*), *отрубь* (*cut her off*), in the second case (the dialogue between the lawyer and his client's wife) the relations between the communicators and, probably, the speaker's speech culture determine his tactics: he resorts to detachment which belongs to the phenomena of expressive syntax [Akimova 1990: 87] and indicates the extreme need for specific actions in the given circumstances.

(295)

Крюков	Как дети?
Ольга (жена Крюкова)	Марк очень сильно подавлен.
Крюков	Потому что ты сама нервничаешь. А ты должна быть спокойна . Мы ни в чем не виноваты. И тебе надо транслировать это через свое спокойствие. Что Агата?
Ольга	Сидит у себя в комнате, гнобит Марка. Говорит всякую чушь.
Крюков	Про меня?
Ольга	Да.

Крюков **Ты должна заткнуть** ей рот любым способом. Если она ляпнет про меня что-нибудь в интернете, ты представляешь, что будет? **Отруби** ей доступ.

Ольга Я не буду этого делать. (Шторм)

(Kryukov How are kids?)

Olga (Kryukov's wife) Mark is very depressed.

Kryukov That's because you're anxious. And **you must be calm**. We are not guilty of anything. And **you should relay** this through your calmness. What's up with Agata?

Olga She is in her room, berating Mark. She is speaking all sorts of nonsense.

Kryukov About me?

Olga Yes.

Kryukov **You must shut her up**, any way you can. If she blabs about me on the Internet, can you imagine what would happen? **Cut her off**.

Olga I won't do that. (Storm)

(296)

Адвокат Глушаков Короче, я думаю, **надо валить**.

Ольга Куда?

Адвокат Глушаков Пока не знаю, куда, но **надо**. У меня семья.

Ольга Да нет, я понимаю, но ...

Адвокат Глушаков **И тебе тоже надо**, Оля.

Ольга Я не могу. У меня контракт на подписании по фондам.

Адвокат Глушаков Ну, **отправь** детей, хотя бы.

Ольга Куда я их отправлю? Как? Им сейчас так плохо.

Адвокат Глушаков Вот именно поэтому и **отправь**. На море, чтобы они отвлеклись, были в безопасности. И никому **не надо говорить**, куда они уехали. **Уезжай**, Оля. **Вместе с детьми**.

Пока не поздно. (Шторм)

(Attorney Glushakov It's just, I think **we have to hit the road**.)

Olga Where to?

Attorney Glushakov I don't know where yet, **but we have to**. I have a family.

Olga Yeah, I understand, but ...

Attorney Glushakov **You should do the same**, Olya.

Olga I cannot. I have a contract for the funds ready to sign.

Attorney Glushakov **Send the kids away**, at least.

Olga Where can I send them? How? They are doing so poorly now.

Attorney Glushakov This is exactly why **you have to send them away**. To the seaside, so that they are distracted and safe. And **don't**

tell anyone where they are. **Leave, Olya. Along with the kids. Before it gets too late.** (Storm)

In the conflict situation discussed in the section “Obligatory or authoritarian prescriptive” (4.3.1.6), where we noted the rise of authoritarianism within a single dialogical entity, the speaker’s lexical choice also deserves attention. As we have already noted, the past tense, if it is not used in the inclusive form 1Pl, has a touch of rudeness (297) and even invective (298).

(297)

Марина	Ваш тон, ваше стремление к противоречию, оно переходит всякие границы. Выйдите.
Студентка	Я буду сидеть здесь. (каждое слово произносится отдельно от другого)
Марина	Хорошо. Тогда я сяду и буду молчать, пока ты не уйдешь.
Студентка	Пожалуйста.
Марина	А ну пошла вон отсюда , сказала! (Шторм)
(Marina)	Your tone, your zest for contradiction is outrageous. Please leave the room.
Female student	I - will - be - sitting - here.
Marina	Okay. Then I am going to sit down and stay silent until you leave.
Female student	Be my guest.
Marina	Beat it , I said! (Storm)

Example (298) is a dialogue between two co-workers, one of whom harbors a clear dislike for the other. Using the past tense instead of the canonical imperative has the purpose of demonstrating one’s power and superiority over the interlocutor.

(298)

Соколовский	Ну, что? Куда ехать-то? (из машины)
Королев	Вьшел.
Соколовский	Прыгай, я тебя до метро докину.
Королев	На пару слов. (Мажор)
(Sokolovskij)	What now? Where should I go? (from the vehicle)
Korolev	Out of the vehicle.
Sokolovskij	Hop in, I’ll give you a ride to the subway station.
Korolev	I need a word. (Silver Spoon)

The tactic of substandard directive has been recorded in the collection of Russian examples, and we consider it a distinctive feature of Russian colloquial speech both in relations of solidarity and power. In Italian, the substandard vocabulary has been noted not in directives but in appellatives (see example (19): *zitto e fermo, pezzo di merda* (shut up and don’t move, you piece of shit); *zitto, stronzo* (shut up, turd)).

4.3.3.2. Substitutes. Words with the semantics of causation, regardless of their lexical meaning, can act as directives. Often these are common words or constructions that may either differ from language to language or reveal similarities. Pragmatically, they can be associated with quite different actions. Their interpretation depends entirely on the context. Formally, these words replace lexical verbs in the imperative form. The following examples in Italian use 2Sg.Ind.Pres. of the verb *dare*: *dai, su = dalle la mano* (shake her hand); *dai che è tardi = andiamo che è tardi* (let's go, it's late).

(299)

Dai. Forza. (Suburra)

(Do it. Come on. (Suburra))

(300)

Dai, su, dalle la mano. (Suburra)

(Do it, now, shake her hand. (Suburra))

(301)

Dai che è tardi. (Suburra)

(Do it. It's late. (Suburra))

The directive may be expressed by the pragmatic marker *per favore*, which changes its semantics depending on the context. In the context (304) it has the same meaning as the prohibitions *smettila* (stop it) or *non dire così* (don't say this).

(302)

Gabriele	Sara, ti prego, mi servono adesso [i soldi]. Mi devi aiutare.
Sara	Ma io no ho proprio idea di come trovare tutti questi soldi.
Gabriele	O magari non sai come trovarli per me, eh, Sara?
Sara	Per favore. (Suburra)
(Gabriele)	Sara, please, I need it now [the money]. You have to help me.
Sara	But I have no idea how to find that kind of money.
Gabriele	Or may be you just don't want to find it for me, eh, Sara?
Sara	Oh, please. (Suburra)

Another pragmatic marker capable of replacing a lexical verb is *prego*. Its meaning for both speaker and addressee depends solely on the context. Its meanings can range from invitation to permission. In example (303) it is an invitation to leave the room, in example (305) it is a permission to enter the room, and in (304) it is a permission to perform the previously indicated action.

(303)

Presidente dell'assemblea	Signori, per oggi abbiamo finito. Prego.
	(Suburra)
(Chairman of the meeting)	Ladies and gentlemen, we've finished for today. Please. (Suburra)

(304)

Poliziotto al suo inferiore Massoli, tu vicino alle scale così aiuti gli anziani.

L'inferiore Va bene. Grazie, non vedevo l'ora.

Poliziotto Qualcosa non va?

L'inferiore No, va benissimo. Lei è il mio capo e io eseguo. Posso?

Poliziotto **Prego.** (Suburra)

(Policeman to his subordinate. Massoli, by the stairs so you can help the old folks.

Subordinate All good. Thanks, I couldn't wait.

Policeman Something wrong?

Subordinate No, that's fine. You're the boss and I follow orders. May I?

Policeman **Of course.** (Suburra))

(305)

Contessa (*entrando*) È permesso?

Sara **Prego.** (Suburra)

(Countess (*enters*) May I?

Sara **Please do.** (Suburra))

Italian has so-called “vicarious” verbs, of which the verb *fare* (*to do*) is one of the clearest examples: its lexical meaning allows this verb to replace verbs with an agential subject¹⁰¹ [Frison 2001: 96]. The above characteristic is the reason for the frequent use of this verb in directives. In example (306), the speaker urges the cardinal to listen to him, using the indirect command with the vicarious verb *fare*, which in this case replaces the verb *ascoltare* (*to listen*) from the previous affirmative sentence, stating the fact that the cardinal is not listening to the speaker.

(306)

- Eminenza, lei non mi sta ascoltando. Farebbe bene **a farlo** invece. (Suburra)

(- Your Eminence, you're not listening to me. But it would be in your best interests **to do just that.** (Suburra)).

Similarly to the Italian examples with the light verb *dare*, in Russian we recorded the tactic of substitutes using the imperative form of the verb *давать*, which loses its lexical meaning and indicates only a command. In example (307), the father commands his son to perform the action he is already doing faster. Such a directive can be formed without the imperative *давай*: the comparative degree of the adverb *быстрее/побыстрее* (*faster*), used separately, can also serve as a command to hurry up.

(307)

Отец Сынок, ну что копаешься? **Давай побыстрее.**

Сын Я стараюсь.

¹⁰¹ The verbs *succedere*, *accadere*, *capitare* are vicarious when replacing verbs with a non-agential subject.

Отец	Да ты плохо стараешься! Мне же сейчас выступать. (Шторм)
(Father	Son, what's taking so long? Hurry up.
Son	I am trying.
Father	Try harder! It's my turn to be on stage now. (Storm)

In example (308), the lexical verb *иду* (*go*) is replaced by the substitute *давай*. As in the previous example, it is used in combination with a manner adverb.

(308)

Коллега Соколовского	Соколовский, тебя в 17-й просили зайти.
Соколовский	Кто просил?
Коллега	Давай! Срочно. (Мажор)
(Sokolovskij's coworker	Sokolovskij, they asked you to stop by room 17.
Sokolovskij	Who did?
Coworker	Go on! It's urgent. (Silver Spoon)

Tactics of substitutes may have conventional forms. For example, in Russian we have identified examples with the adverb *ладно*, which cannot be attributed to the tactic of reduced directive, because the combinatorial properties of this adverb do not allow reconstructing a directive with the imperative form. In example (309), the presence of the argument *про эти компенсации* (*about these compensation payments*) ensures a correct interpretation on the part of the addressee as a prohibitive *stop speaking on this topic*.

((309)

Крюков адвокату Глушакову	Ладно, Гриша, ладно про эти компенсации. С ними все понятно. (Шторм)
(Kryukov to attorney Glushakov	Enough, Grisha, say no more about these compensation payments. Everything is clear. (Storm))

The tactic of substitutes in both languages is represented by the conventional forms of the verbs *dare/давать*, which are similar to each other in regard to their semantics. Their meaning in each specific situation is conditioned entirely by the context (context-bound meaning). Substitution is also possible in the prohibitives (*basta, ладно, хватит*). In Italian, vicarious verbs may be used due to the existence of a whole class of verbs capable of replacing lexical verbs.

4.4. Quantitative analysis of recorded linguistic means

The collection of examples in the two languages contains 259 DE in Russian and 291 DE in Italian with a total of 6,580 and 6,280 words, respectively. The directive utterances expressed in canonical imperative forms number 304 in Russian and 278 in Italian, which on the one hand indicates the universality of the imperative in Russian in various directive strategies, and on the other hand shows that the frequency of the imperative in Italian is anything but low, as expected. The use of pragmatic

markers in the imperative form in the two languages is approximately the same. Despite similar extra-linguistic contexts in the movies, in Russian the V-imperatives (etiquette) occur less frequently than in Italian: 19 vs. 39. However, for other politeness indicators (proper names, titles, kinship terms, as well as politeness markers) the Russian language appears to be more productive. The number of directives using proper nouns, including the vocative, in Russian reaches 43, while in Italian it is only 20, although in regard to the use of titles and kinship terms Italian is ahead of Russian: 8 vs. 1. Politeness markers are used more frequently in Russian than in Italian: 15 vs. 9.

In our comparative analysis of directive tactics and the linguistic means used in them, Russian is more productive in the tactic of substitutes (38 vs. 22), in the tactic of metapragmatic control (33 vs. 24), and in the tactic of setting the goal (19 vs. 6). The tactic of syntactic repetition, where the tally is also in favor of Russian (31 vs. 12), is not only much more frequent in Russian, but also more diverse: while in Italian we found only repetitions of imperative forms, in Russian we counted 10 different grammatical forms being repeated. The total number of examples of deontic modality is approximately the same in Russian and Italian: 57 vs. 53, but in Russian it is expressed in impersonal form much more frequently than in Italian: 29 vs. 4. In addition, in various tactics it is more typical for Russian than for Italian to use the future tense (PF): 12 vs. 2. We recorded the past tense of inclusive-directive semantics in Russian in 13 examples, while in Italian this form is completely ungrammatical.

The Italian language is characterized by a quantitative advantage in such tactics as tactics of cooperation (34 vs. 24), with imperative forms being the main means of its realization in both languages; the desiderative tactic (12 vs. 3); the obligatory or authoritarian prescriptive tactic (25 vs. 17); the tactic of indication of the benefactivity for the addressee (8 vs. 3). Of all the indicative forms used in the various tactics in Italian compared to Russian, the present tense is the most frequent 13 vs. 2.

Table 3. Quantitative distribution of the directive linguistic means.

		Russian	Italian
DE		259	291
imperative forms	total	304	278
	markers	20	22
	V-imperatives	19	39
nouns	total	46	31
	proper names	22	14
	abbreviated names		6
	kinship	1	4
	titles		4
	others	2	3
	vocative	21	
politeness marker		15	9
substitute		38	22
metapragmatic control		33	24
impersonality of the causer		1	
tag question		9	5
deontics	total	57	53

	impersonality	29	4
	conditional mood		4
cooperation	imperative	22	33
	deontics	2	1
interrogative		25	23
repetition	total	31	12
	imperative	15	12
	substitute	4	
	paraphrase	4	
	future	1	
	inclusive past	2	
	marker	1	
	infinitive	1	
	goal	1	
	deontics	1	
	metapragmatics	1	
desiderative		3	12
indicative	present	2	13
	future IMPF	1	2
	future PF	12	
	inclusive past	13	
	non-inclusive past	7	
substandard		4	2
goal		19	6
urgency		16	12
obligatoriness		17	25
consequences		12	12
condition		7	6
usage		18	
sententia		2	2
benefactivity	for the addressee	3	8
	for the speaker	6	5

4.5. Conclusions

The fourth chapter analyzed a wide range of modern speech tendencies in the two languages, manifested in typical contexts in different social groups of the two linguocultures. The linguistic directive means used in both solidarity and power relations were recorded; situational and social language variation was taken into account. On the one hand, the identified tactics were affected by the speakers' creativity; in some cases, it was possible to observe repeated tactics and certain constructions in the speech of the same character, which confirms the existence of an individual cultural code along with the general ethno-cultural one. On the other hand, many of the tactics were conventional in nature and were "expected" by other participants. In the examples, there is a greater uniformity of socially determined linguistic means in tactics (*T/V* forms) in Russian than in Italian, due to the fact that the social stratification of Russian society is not as clearly reflected in the language, compared to Italian.

All tactics of directive strategies have been identified on the basis of interpersonal or non-personal attitudes. **Interpersonal attitudes** give rise to tactics of settings on oneself, on the addressee, on a third person not actively participating in dialogue, as well as tactics of cooperation.

The tactics of settings on oneself (on the speaker) reflect the speaker's self-interpretation: either (s)he believes that (s)he is in a higher social position, sufficient to make the addressee perform the caused action, or the relationship between the speaker and the addressee is characterized by such a degree of closeness (solidarity), that the addressee is ready to perform the action in the speaker's interest and the speaker is sure of it. Five tactics have been identified among them: desideratives, statement of the importance of the caused action for the speaker, increase of directive intensity, syntactic repetition, and interrogatives.

The tactic of desiderative is characterized by the presence of a lexical element with the meaning of desire (*volere* or *хотеть* in our examples), which indicates the speaker's will; the directive is expressed implicitly (without canonical imperative). The desired action is indicated by the verb in the subordinate clause, which has the morphological features of the subjunctive mood both in Russian and in Italian. Two constructions are possible in prohibitives: one with a negation of the lexical marker of the desiderative and another one with a negation of the verb denoting the caused action. These constructions occur in both languages, although their frequency in each language is unclear. In order to verify the existence of constructions with the negation of the lexical verb, it was necessary to turn to the online corpus of the Italian language. Besides stating one's own desire to perform the action, the speaker may resort to stating **the importance of this action for oneself**. The urge in this case is expressed directly (canonical imperative) or indirectly in both languages. Importance can be indicated explicitly by necessity and importance markers: in our examples they are *нужно, необходимо, важно* in Russian and *importante* in Italian. This indication of the benefactivity of the caused action may be either syntactically independent or in cause-and-effect relation with the directive. In the absence of lexical necessity and importance markers, the listener independently establishes the cause-and-effect relation between the directive and its cause. It is impossible to establish formal differences in the implementation of this tactic in Russian and Italian on the basis of the collected examples. The importance of the caused action for the speaker is also evident in the **tactic of increasing the directive intensity**, as it shows his/her interest in the action. We recorded a change in the verb form as a way to increase the intensity: in Italian it is the switch from the imperative form to the indicative of the present tense, in Russian — the change of the verbal aspect. In this case, practically, we find a repetition of the directive with a different verbal aspect. This kind of repetition differs from **syntactic repetition** because in the latter the directive structure (imperative, infinitive, modal marker or noun element) is repeated without change. This tactic is preferable for short directives in both status-neutral and status-marked communication. Repetition is associated with insistence and therefore needs mitigating the illocutionary force, which is

realized using politeness devices, mitigating modal markers and metapragmatic elements revealing deep performative constructions. As the last tactic, demonstrating settings on oneself, we identified **the interrogative tactic**, in which the speaker in both linguocultures uses a general question to demonstrate that he is in search for an executor for the action, the worthwhileness of which has in fact already been defined. By contrast to general questions, special questions about motivation with the causality marker *почему/perché* reveal a search for benefactivity for the executor him/herself, especially if these questions are negative in form. The absence of such interrogative-directive statements in Russian in the corpus of our examples, while they are well documented in the National Corpus of the Russian language, raises the question of their reduced frequency in Russian informal speech. The analysis of the social context of the interrogative tactic allows us to conclude that in Italian it is used in power relations, while in Russian it is used in solidarity relations, i. e. in Italian, general questions with the verb in the indicative mood have a greater impositivity. The subjunctive mood is used in status-marked communication, serves as a sign of noble and literary language, and does not express increased impositivity.

The real or supposed speaker's control over the addressee manifests itself **in settings on the addressee**. The control is determined by the degree of dominance and manipulative influence on the executor of the desired action. Among these attitudes we include the tactics of indication of the benefactivity for the addressee, the tactics of negative and positive politeness, the tactics of deontic modality, the tactics of appeal to a person, and the tactics of seeking approval of the caused action.

The addressee's interest in performing the desired action ensures success of the directive for the speaker: for this purpose (s)he resorts to the tactics of **indication of the benefactivity for the addressee**, which consists in explicit or implicit argumentation in support of the necessity of this action for the executor. The explicit ways of indicating benefactivity for the addressee include predicate constructions with an extension, the grammar of which depends on the structure of a particular language, but in general, they can be divided into subordinate and independent. The impact on the addressee can be also provided by **the tactics of politeness markers** used by the speaker in situations requiring reduction of impositivity and increase of the addressee's interest in the performance of the action. The main politeness markers *per favore* and *пожалуйста* in the two languages are used similarly, most often in combination with an imperative form, with one exception: their use is different in interrogative-directive utterances. In Italian it is normative, in Russian it is not. However, the Russian language uses the pragmatic marker of politeness in the imperative form of the verb *извинить* (*to excuse*) in questions with the directive semantics. The markers of politeness in both linguistic cultures also include vocatives, which are combined with an imperative form. In Russian, the addressee's proper name is used more often in solidarity relations than in Italian, while in Italian, in status-marked situations (power relations), titles are used more often, playing the role of an additional etiquette marker, aimed to mitigate the impositivity of the directive. A proper name can play quite a significant role in directive tactics. **The tactic of**

appealing to a person allows the speaker to cause the desired action quickly and with the least amount of speech effort. However, this tactic is very much oriented to the extra-linguistic context, which is why the number of examples showing it is very small. The action being caused can be seen by the speaker as an action that falls within the addressee's sphere of duty or opportunity. This approach to causation finds expression in **the tactics of deontic modality**, based on the lexical modal markers of obligatoriness, necessity, and possibility, which are semantically similar but grammatically different in the two languages. In Italian, the verb dominates the sphere of deontic modality, while in Russian the most frequently used means are predicative adverbs and short adjectives. Even though deontic modality implies an appeal to the duties of the individual, i. e. the directive should be addressed to a specific person, in both languages personal and impersonal commands are possible: in Italian impersonality is achieved through the particle *si* with a verb, and in Russian — through the invariability in persons of the predicate word. The last of the tactics with a predominant addressee orientation is **the tactic of searching approval of the caused action**. Formally, this directive resembles a tag question. At the same time, in Russian the directive can be expressed in different ways, ranging from canonical imperative to implicit ways of conveying the directive. The high frequency of this tactic in Russian in situations of social solidarity suggests that it is peculiar to Russian spoken language. As for the Italian language, the data was insufficient.

The cases where the speaker and the addressee are (or are supposed to be) equal performers of the caused action have been grouped under a separate rubric: **tactic of cooperation**. The linguistic means used in this tactic describe the situation of cooperation of three types: 1) the speaker and the listener perform the same action; 2) a division of roles in achieving the specified goal is established between the speaker and the listener; 3) quasi-cooperation in which only the listener is the executor of the action. In both languages canonical 1Pl imperatives are used to induce cooperation, including quasi-cooperation, while 1Sg.Ind and 2Sg.Imp. forms are used to indicate division of roles between the speaker and the listener. In Russian, in addition to the forms mentioned above, past tense forms, which do not have a directive meaning in Italian, have been recorded in the tactic of cooperation. One fairly frequent construction used in the corpus of Russian examples in the distribution of roles contains the marker of joint action *двaмь*.

The tactic of settings on a third person is expressed either in the choice of linguistic forms depending on the presence of a third person in the dialogue or in the involvement of a third person as a witness, which also affects the illocutionary force of the directive.

The prevalence of **non-personal attitudes** in the production of directive utterances gives rise to the tactics of settings on reality, settings on the propositional content, and settings on the linguistic means.

In **the tactics of settings on reality**, the speaker focuses on changing reality through the caused actions. At the same time, references to the personal and interpersonal aspects of the situation are kept to a minimum. First of all, this can be realized by depersonalizing the participants of the directive communicative act: the causer and the executor of the action. **The impersonality of the causer** is achieved through constructions that allow the speaker to remove him/herself from the role of the causer of the action, i. e. the speaker only transmits the directive: in Russian this can be done by putting the verb expressing the directive strategy in the 3Pl form (in our corpus of examples it is the verb *просили*); in Italian we have recorded a variant indicating the role of the listener in the future tense (*sarà Lei*). **The impersonality of the executor** in both languages is achieved by non-personal grammatical forms, indicating the intended action, but not explicating the executor. Sometimes not only the executor but also the action itself remains undefined, and then the speaker may resort to **the tactic of setting the goal**, which can be expressed either by describing the desired situation without indicating the specific action to be taken, or by indicating the object, if the goal is to obtain it. No great differences have been observed in the first case both in Italian and in Russian, but the second case seems to be specifically characteristic of Russian, since the case system of Russian makes possible the ellipsis of the transitive verb and using only the noun in the accusative case. **The tactic of focusing on the action or state** in the linguistic expression is reduced to the correction of the way the action is performed or to the increase of impositivity in the directive. In Russian, the main linguistic means of correcting the manner of executing the action is the comparative degree of the adverb, while in Italian we have not recorded this use of the comparative degree. The increase of impositivity in the two languages is realized through the change of the form of the lexical verb, which includes not only the change of tense (from present to future or vice versa) but also the change of aspect, which is typical for the Russian language. The change of verbal aspect also affects the focus on one or another aspect of the action: PF emphasizes a focus on outcome, while IMPF emphasizes unlimited frequency. When commanding to perform a particular action, the speaker may specify the conditions under which it will have to be performed, i. e. use **the tactic of focusing on the conditions of execution of an action**. As the name suggests, this tactic is realized with the help of a conditional or temporal clause in both languages. In this case, the caused action is expressed with the canonical imperative, and in the subordinate clauses with the future tense in Russian (where further differentiation of the action can be achieved by means of the verbal aspect: precedence relation with the action in the imperative — PF; prolonged or indefinitely repeated action — IMPF) and with a greater choice of tense forms in Italian (*presente, future semplice* and *passato prossimo*, expressing the completion of the action in the future and semantically corresponding to Russian PF). The focus on the importance of an action can be expressed through **a warning about the consequences of (not) performing the action**. Most often the speaker warns the addressee of negative consequences. This warning may be explicit, i. e., it is openly stated what will happen in the future, and the directive itself

is aimed at causation of the action intended to prevent undesirable consequences. The warning may also be implicit, in which case constructions with the semantics of a threat or advice are used. In the latter case, we have observed semantics opposite to the formal one in both languages, namely, prohibitive. In **the tactic of the obligatory or authoritarian prescriptive**, the action is presented as binding, regardless of the social context (power or solidarity relations). The linguistic means of this tactic in both languages are repetition of directive constructions and use of linguistic devices of metapragmatic control. In addition, in Italian we have observed directive constructions with omitted verb form, while the Russian language has a large variety of means for this purpose, among which the main ones are the infinitive without semantic and syntactic expansion and past tense forms that do not have the meaning of joint action. The setting on the reality may be manifested in **an indication of the urgency of the action**. The main linguistic means of this tactic in both Russian and Italian are lexical ones. The directive is expressed by imperative forms with a semantic extension in the form of adverbial modifiers of time. In both languages, detachment plays the role of an illocutionary enhancer. This tactic appears to be context-bound.

Under the **tactics of settings on the propositional content** we included the tactics of recurrence to precedent situations, the tactics of metapragmatic control, and the tactics of sententia. All these tactics demonstrate the speaker's concern for the correct interpretation of his/her directive by the addressee. **The tactic of taking recourse to precedents** is based on the overlap (complete or partial) between the communicators' cognitive bases. The precedent may be explicit or implicit. The former is understood as as references to events or states that took place or were recorded in the past, while the latter refers to precedent names. In both Italian and Russian, an explicit precedent is framed as indirect speech: it reproduces a directive expressed in the past. In Italian, there is a significant frequency of the verb *dire* in the *passato prossimo* (*ti ho detto*). The tactic of referring to an implicit precedent seems to be the most culturally dependent one. **The tactic of metapragmatic control** represents the most explicit way of achieving a correct interpretation of the directive utterance. Russian and Italian show many similarities in this tactic. Metapragmatic constructions are syntactically unrelated to the directive. Their position in relation to the directive depends on their function: drawing attention to the directive that follows or explication of the illocutionary force in order to ensure a correct interpretation of the preceding directive. **The tactic of sententia** consists in description of actions or states. The meaning of such descriptions can only be correctly interpreted in a context that allows to identify the directive semantics in the sententia.

The tactics of settings on the linguistic means include the tactics of style reduction and the tactics of substitutes. We identified **the tactics of style reduction** only in the corpus of examples in Russian, both in the context of power relations and in the context of solidarity relations. The linguistic means of this tactic are lexical ones expressing an evaluation, in addition to the command itself. **The**

tactics of substitutes in both languages are represented by conventional forms of the verbs *dare/давать*, which are similar in their semantics. Their meaning in each specific situation is conditioned entirely by the context (context-bound meaning). Tactics of substitutes are also possible in prohibitives (*basta, ладно, хватит*). In Italian, due to the existence of a whole class of verbs capable of replacing lexical verbs, vicarious verbs may be used.

Conclusion

The purpose of the present study was to compare and thoroughly analyze directive statements in spoken Italian and Russian against the background of the corresponding communicative acts. The analysis has been focused on identifying the general principles of directive strategies and tactics, i. e. on describing a specific aspect within the system of colloquial language, as well as on formulating the norms of its application according to communicative situations.

The object of this research is not exceptionally new, but it is among the phenomena that in recent years have predictably attracted the attention of linguists of different research profiles, from specialists in cognitive and communicative linguistics to comparative linguists. It is worth noting that dialogical entities (and, within them, directives), have, as a rule, been the object of studies based on a single language. Recently, this research has been undertaken within the framework of interactive linguistics. Close attention to certain strategies and tactics used by native speakers in order to achieve their communicative goals makes it possible to identify features that are characteristic of a particular society and to define their degree of conventionality. The next step in these studies can be a comparison of the identified means and ways of implementing strategies and tactics in different languages to be undertaken in the framework of the theory of intercultural communication in its cross-cultural aspect. In the present case, our comparative comprehensive synchronic analysis of the ways of implementing directive strategies and tactics in Russian and Italian spoken languages was preceded by several separate studies, more limited in their volume (research articles and conference papers) dedicated to one of the two languages. The list of these works is given in the appendix to this dissertation.

The main purpose of our research was a comparative and contrastive description of semantics and pragmatics of directive strategies and tactics in the two languages. This research is of considerable practical value for designing both theoretical and practical courses on the pragmatics of Russian and Italian as foreign languages, as well as courses on the theory and practice of translation. From the theoretical point of view, our task was to expand the field of research in communicative linguistics by including cross-cultural pragmatic study into its problem field, with the ultimate goal of identifying ethno-specific, socio-cultural, and linguistic factors influencing the choice of directive tactics. In addition, we hope that this study can contribute to the development of comparative communicative grammar and pragmatics of the Russian and Italian languages, since directiveness as a grammatical and functional-semantic phenomenon represents one of the main categories of language.

The dissertation has four chapters, each of which contributes to the solution of the tasks set for the study. **The first chapter** deals with the theoretical and methodological background for the cross-cultural study of communicative strategies and tactics. It situates the directive as a linguistic and speech phenomenon within the theory of communication and speech interaction. Narrowing the field of our

study, we focused on dialogics, because we consider directiveness as an interactive activity in either of the two possible cases: in interpersonal communication and in the case of an internal dialogue. The study of dialogue as the basis of communication is not limited to the observation of individual facts of language use but is carried out in a broad social and psychological context, which becomes especially interesting and revealing when two languages are compared. One of the essential features of dialogue is the collaborative interpretation of meaning and sense generated in communication. In the first chapter we motivated the necessity of taking into consideration in cross-cultural research such aspects of intercultural communication as typology of cultures, verbal and non-verbal markers of culture, regularities of codifying the knowledge about the world and its activation in a particular culture, peculiarities of social perception and culturally bound discursive strategies. The binomial of communication and culture is one of the reasons why there are differences in verbal interaction between different languages. We consider an individual's speech behavior to be part of his/her culture because a holistic understanding of culture includes not only knowledge, beliefs, art, morals, etc., but also the habits acquired in society, his/her feelings, thoughts, acquired and cultivated behavior patterns in general, and speech activity in particular. For this reason, we consider language, thought, and culture to be in an inseparable connection, giving preference to nomothetic methods of research. Following the principle of functional relativity, which has allowed many researchers in recent years to take a fresh look at the ideas predicated on the hypothesis of linguistic relativity in its weak version, we have shown that a study of how language forms both reflect people's social situation and related circumstances and codify the social picture of the world deserves attention.

In the second chapter, the theoretical framework for this research was presented in accordance with one of the tasks set forth in the introduction to the dissertation, namely, the explication of conceptual and terminological tools used in the study of particular communicative strategies and tactics. The main factors influencing the way of implementation and interpretation of tactics are context and culture. In other words, individual tactics reveal a high degree of dependence on context, i. e., the recipient deals with communicative implicatures when interpreting the directive. Context is a universal phenomenon in human communication. Modern literature distinguishes between the following types of contexts: dialogic, communicative, prospective, retrospective, syntactic, semantic, and pragmatic. Their relevance for the present study varies. We understand context not only as the totality of phenomena on the basis of which the meaning and/or sense of an utterance is defined but also as that what is constructed and created in the process of interaction through the coordinated interpretation of the situation. In order to communicate successfully, the speaker has to decide which implicatures are acceptable and which are not and how to express his/her own intention; this decision is made on the basis of his/her own assumptions about the listener's background knowledge and his/her previous contexts and world vision. The recipient, in turn, has to decode the speaker's intentions based on his/her own knowledge, and only

when the speaker's implicatures coincide with the recipient's intentions, it is possible to speak about a successful transfer of intentions. The development of the dialogue is based on this coordinated interpretation.

When analyzing two different languages, the cultural factor becomes an indicator of ethnospecific tactics. Ethnicity of communication is formed as a result of the regular use of certain communicative strategies and linguistic and non-linguistic (proxemic, kinesic, tactile) means peculiar to these strategies. Comparison of communicative strategies and tactics in two (or more) languages allows us to identify the national style of communicative behavior. This becomes possible through observing and identifying certain style-forming features of communication, among which the following are particularly relevant: the ways of expressing communicative intentions (direct or indirect), the degree of formality in communication, and the regular use of certain communicative strategies and tactics and linguistic and non-linguistic means peculiar to these strategies.

The second chapter also analyzed the studies of the national communicative behavior of Italians and Russians that have been available to us; these studies showed that the communicative behavior of Italians is characterized by increased kinesics, high emotionality, flexibility, and freedom of thought, seen by Italians themselves as an ability to easily readjust and change strategy to achieve the goal. In Russian communicative behavior, the phatic component is of particular importance. There are certain differences between behavioral patterns observed in the big cities and outside of them: while old-time behavioral patterns persist outside of the big cities, the Western influence on behavioral patterns, clothing styles, and status symbols is evident in Moscow and St. Petersburg.

In the remainder of the second chapter, our attention was focused on the object of the research: strategies and tactics. Naming of directive strategies is complicated by general problems of classification: the strategies are defined on the basis of communicative intention similarly to the illocutionary functions of speech acts. Since directive strategies are understood as a set of planned speech acts, revealing the speaker's will, on the one hand, and expressing the command to the addressee, on the other hand, various directive strategies can adopt their names from the speech acts with corresponding illocutionary force: strategy of request, strategy of advice, strategy of order, etc. Tactics are a series of concrete moves that lead to the fulfillment of the strategy's intention. Tactics are those elements of strategic planning, which reflect the speaker's individuality, based on the whole set of features that distinguish people from each other and ultimately influence the verbal communication. Tactics are generated on the basis of communicative attitudes, which are a cognitive construct reflecting the speaker's orientation in the communicative process: what is most important to him/her in a particular situational context. These attitudes result from analyzing the context of the communicative situation, comparing it with one's own intentions, conventions accepted in this society, and the rules of (non)verbal

behavior. Thus, communicative tactics are determined by a system of attitudes that depend on objective and subjective factors and are subdivided into interpersonal and non-personal.

In the **third chapter** we examined the linguistic means of directive strategies and tactics in Russian and Italian. At the beginning we focused on the general typology of these means, using as basic terms “imperatives” (referring to canonical imperatives or verb forms of the imperative paradigm in Russian and Italian) and “directives” (to refer to all other forms of expression of directiveness, which included interrogatives, declaratives, substantivized forms, and elliptic constructions). We then moved on to a normative description of the linguistic means of directive strategies and tactics in Russian and Italian. Imperatives are the canonical but not the only way of expressing volition and directiveness in the languages under comparison. Non-imperative directives in Italian and Russian appear to be similar in their constructions.

In the **fourth chapter** we proceeded to enumerate and compare linguistic means in Russian and Italian spoken languages under conditions as close to real life as possible. The focus was placed on the situational variation of language, which manifests itself in the preference for some linguistic means at the expense of others. We also took into consideration stratification variation, which is understood as the dependence of the individuals’ speech behavior on their belonging to different social strata and groups. The linguistic material for the study was drawn from dialogues taken from modern popular movies. The selection criterion was the presence of a plot addressing contemporary events and using the modern language. This choice made it possible to cover a wide range of current trends in the two languages and typical contexts in different social groups of contemporary society. Since our study engaged with the spoken variant of the language, it was necessary to take into account the heterogeneity, diffusion, and different degrees of substandard in the recorded material, while keeping in mind the notion of linguistic norm in its prescriptive and descriptive form and the possible mismatch between normative prescriptions and speech practices.

The identification of individual directive tactics was made on the basis of a system of interpersonal and non-personal attitudes. The names of the tactics denomination are due to our linguistic creativity: they do not claim to be definitive or universal but only serve the purpose of classification and enumeration of the tactics. This issue is further complicated by the fact that when choosing one or another tactic, the speaker cannot take into account only one attitude: almost always one has to consider a complex of attitudes. Any directive utterance has an attitude towards reality, because the directive is the causation, cessation or prevention of an action or state, leading, as a consequence, to a change of reality. This means that directive has settings on reality at its core. Further, every action must have an agent. In directive statements, the agent of future action is most often the listener, although it may be the speaker him/herself, or a third person, or the speaker together with the listener, or the listener with (a) third person(s). Therefore, almost any directive utterance has interpersonal attitudes. In other words,

there is no directive that has only one type of attitude, interpersonal or non-personal; nevertheless, one of these types is predominant.

In the fourth chapter we solved the task of determining and describing the most frequent directive tactics in the two linguocultures, establishing ethnospecific tendencies and preferences conditioned by sociocultural, functional and stylistic order, and defining the degree of influence of sociocultural and national-linguistic factors on the choice of directive tactics.

We analyzed the tactics in minimal dialogical entities, which include the listener's reaction, the collaborative construction of meaning, as well as the change of tactics, allowing us to define the degree of categoricity and impositivity of a tactic in comparison with others. Special attention was given to **the context** in which directiveness was expressed. The context factor made it possible to observe a great similarity between the two linguocultures in terms of dependence of the utterance meaning on the context: this is not surprising, since communicative implicatures are a universal phenomenon in interpersonal communication. In both linguocultures, construction of context is observed in the process of implementing specific steps in individual tactics. For example, in the tactics of indicating benefactivity for the addressee and stating the importance of the caused action for the speaker, argumentation in favor of benefactivity or importance is provided. Argumentation — which may follow or precede the directive — consists in a semantic connection with the directive. The most context-bound tactic is the tactic of substitute. From a formal point of view, it is more productive in Italian because of the greater number of vicarious verbs in this language. In the tactic of interrogative in both languages, the directiveness of a question about an object is determined entirely by the context.

At the beginning of the study, we proposed as a **preliminary hypothesis** that communicative directive tactics are ethnospecific due to their being determined by socio-contextual factors, different for different linguocultures. Russian and Italian are two unrelated languages, belonging, however, to the same linguistic family and, to some extent, culture, and the most frequent directive tactics differ in the sociolinguistic and cognitive potential of the means used.

In order to verify our hypothesis, we have identified a number of statements to be confirmed on the basis of the analysis of the collected linguistic material. Let us review each of the **thesis statements submitted for defense** separately:

- 1) Directive tactics have the form of patterns determined by the cultural norms accepted in a society which occur in speech in accordance with the grammatical means available in each language. The recurrent use of syntactic constructions involved in directive utterances allowed identifying the models (patterns), according to which the directive tactics in the Italian and Russian linguocultures are constructed. The total number of tactics we recorded in the corpus of over 6,000 words in each language was 24. The coincidence between the number of tactics based on the prevalence of an individual's interpersonal attitudes and the number of tactics determined by

non-personal attitudes was unintended. As a result of a comparative description of the linguistic material, as well as the use of methods of contextual analysis and content analysis, followed by a meaningful interpretation of the numerical regularities, we uncovered the universality of most of the recorded tactics for the two languages. However, some tactics turned out to be more frequent in one language compared to the other one: in similar extralinguistic contexts the tactics of substitute, of metapragmatic control, of syntactic repetition, and of setting the goal were more frequent in Russian than in Italian; in Italian the frequency of tactics of cooperation, of desiderative, of obligatory or authoritarian prescriptive, and of indication on the benefactivity for the addressee was higher than in Russian. These correlations allow us to draw the following conclusions: in the Russian linguoculture directiveness demonstrates a greater dependence on the context and, as a consequence, implicitness (tactics of substitute and setting the goal). At the same time one observes the speaker's pragmatic awareness of the increased implicitness of the directive: the tactics of syntactic repetition and metapragmatic control show that the speaker is uncertain that their utterance was correctly interpreted by the addressee. In Italian linguistic culture, there is a greater focus on the addressee seen in the construction of the addressee's interest in the execution of the action (the tactic of indication on the benefactivity of the action for the addressee), as well as the relationship of solidarity between communicators (the tactic of cooperation and desiderative). Examples of the tactic of indication on benefactivity for the addressee turned out to be more frequent in Italian than in Russian. This allowed us to identify four recurrent models of this tactic against two models in Russian. Only one of the models coincides in both languages. The more frequent use of the obligatory or authoritarian prescriptive tactic in Italian indicates a clearer social stratification of Italian society.

- 2) Among the factors that determine the choice of a particular directive tactic, an essential role is played by the speaker's interpersonal and extrapersonal attitudes, which are based largely on the self-interpretation of the individual. Any utterance, including a directive, is produced with a definite purpose. The intention of the directive tactic consists in causation, cessation, or prevention of some action or state and, as a consequence, change of reality. The success of a speech action aimed at changing reality depends on the match of the chosen tactic with the extralinguistic context, on how properly the speaker assesses the relationship between him/her and the addressee. In case a directive speech act is beneficial for the speaker him/herself, it will be successful if the speaker is correct in assuming either that s/he is in a higher socio-psychological position, sufficient for making the addressee perform the action, or that the relationship between the speaker and the addressee is characterized by such a degree of closeness (solidarity) that the addressee is ready to act in the speaker's interests and the speaker is sure of this. In this case we are talking about tactics, determined by the settings on oneself (on the speaker), with the

emphasis laid on the speaker's direct interest in the execution of the action. If the difference in the socio-psychological position between the two communicators is not enough to compel the addressee to perform the action, the speaker can resort to manipulative influence on the executor and forge the interest of the executor in the action, possibly at the level of empathy. In this case we are talking about tactics based on settings on the addressee. Obviously, before formulating a directive, the speaker needs to evaluate his/her position in the system of "me-you" coordinates and choose the most appropriate tactic, which allows to achieve the goal in the shortest possible time. The individual's self-interpretation, on the basis of which the assessment of the socio-psychological distance between communicators occurs, can be interdependent or independent. Interdependence correlates with concern for other people's feelings, while independence of self-interpretation correlates with concern for clarity in the expression of thoughts in dialogue. More accuracy in communication is characteristic of individuals with independent self-interpretation, and indirect communication is more characteristic of interdependent self-interpretation. The observations we made in point 1 concerning the increased implicitness of directiveness in Russian compared to the Italian linguoculture allow us to conclude that in the Russian linguoculture the interdependent self-interpretation prevails, which confirms the high-context nature of communication, while the prevalence of independent self-interpretation is observed among Italian native speakers, as seen in the direct statement of one's desires and intentions (tactics of desiderative) and the ready assumption of desires and intentions of the interlocutor (tactic of indication of the benefactivity of the action for the addressee).

- 3) The sociocognitive nature of directiveness manifests itself in tactics. This statement is based on the premise that speech verbally objectifies mental content, and this process is regulated by a stable, socially and culturally determined tradition of human communication. At the core of cognitive activity are means of rapid and functional processing of information: strategies and devices necessary for the process of hypothetical interpretation, allowing the listener to quickly make assumptions about the possible meaning of the statement and the speaker's intention. The agreement in social category between two communicators influences the success of the directive utterance: the addressee's concept of "I" may or may not coincide with the representation of the concept offered in the message. In the first case it is possible to speak about successfully chosen communicative tactics, while in the second case inadequacy of representation to the addressee's cognitive concept can compromise the perlocutionary effect. The status self-interpretation of individuals is formed on the basis of the norms accepted in the given society. Obviously, the sociocognitive nature of the directiveness is universal, but the linguistic means in which it manifests itself may differ across different languages. This difference is uncovered in the following two statements.

- 4) The tactics of commands contain socially significant information concerning the social status of the speaker and the addressee. Socio-deictic information constitutes the sociolinguistic dimension of directiveness, and can be of two kinds in natural languages: relative and absolute. In the first case, the deictic center is the speaker, who determines the social status of others relative to his/her own, based both on the subjective perception of objective reality and on self-interpretation. Absolute social deixis indicates the social attributes of the referent(s), regardless of their relationship with the speaker. The main grammaticalized means of social categorization in both languages under consideration is the imperative form of the verb. In Russian, the imperative takes the form of 2Sg or 2Pl: the former corresponds to the *T*-address (*mbi*), while the latter is used either for etiquette address (*Bbi*) with a single person or to address several people, regardless of the etiquette level used to address each one of them separately. In Italian, there are 2Sg, 2Pl, 3Sg, and 3Pl imperative forms. In our corpus of examples in Italian, only two of the four possible forms (*tu* and *Lei*) have been recorded. When addressing one person, the 2nd person imperative forms allow differentiating the addressee based on the socio-psychological distance or the state of superiority or power that exists between the speaker and the addressee. Despite similar extralinguistic contexts based on the examples given in our dissertation, in the Russian linguistic culture *V*-imperatives (etiquette *Bbi*) occur less frequently than in the Italian one, which can be explained by a more definite social stratification of Italian society and its reflection in speech. The 1st person plural, which is used in directive sentences, can be regarded as a way of reducing the social and psychological distance due to its inclusive nature. In Italian tactics of cooperation, the 1Pl imperative occurs almost 30 % more frequently than in Russian. This confirms the more pronounced tendency towards solidarity relations in Italian society. Another socially marked linguistic means of directiveness are non-imperative verb forms: their use means that the speaker occupies a higher position. Russian and Italian linguocultures here demonstrate approximately the same frequency of the use of indicative verb forms, but in Italian present tense forms are preferred, while in Russian future tense (PF) forms are more frequent. In Russian, in addition, past tense forms of some verbs can be used to add emphasis on the speaker's socio-psychological superiority over the addressee, a means that is completely absent in Italian. Thanks to these forms, Russian shows greater variety in the grammaticalized means of social categorization of the addressee. Lexical means of social categorization, primarily nominal ones, can, too, be used for the purposes of social categorization. Thus, in Russian the unmarked form of address is a combination of the first name and a patronymic with the verb in second person plural or a combination of other types of personal names with the verb in second person singular. The inverse combinations are marked. It means that they reduce the socio-psychological distance expressed by the verbal form and indicate situations with status-role relations in the foreground.

In Italian, titles are widely used in addition to proper names, emphasizing the socio-psychological distance between communicators. It follows from our analysis of directive tactics that the anthroponymic system of Russian linguoculture conceptualizes the social hierarchy of society in more detail despite the complete absence of titles as lexical means of social categorization: the variety of forms of proper names from full to diminutive is confirmed by the quantitative analysis presented in the work. The differences we have recorded between the two linguocultures are formal, while the sociolinguistic dimension of directives remains universal.

- 5) In the interpretation of the addressee, a directive has a formative influence on his/her consciousness: the addressee perceives the speaker's social perspective and is aware of his/her own place in it. This is the cognitive dimension of directiveness. Contemporary linguistics is characterized by interest in the structure of the conceptual system of an individual, as well as the role of language forms in the conceptualization of reality and the transfer of objective and subjective results of cognitive process to the process of communication. Subjective results are here understood as different types of assessments and opinions. The use of language means to comprehend the surrounding reality is inseparably connected with the interpretation of evaluative subjective meanings, which is mediated by language and objectified by language forms. Means of social deixis, as elements of social categories, translate both personal and conventional attitudes and evaluations of an individual, because social categorization differs from other forms of categorization primarily by the involvement of the subject of speech in the category itself. In addition to the means of social deixis discussed in the previous thesis statement, the cognitive dimension of directiveness is formed by such tactics as indication on the urgency of the action, the tactics of obligatory or authoritarian prescriptive, and the tactics of recurrence to the precedents. The feature of urgency of the action belongs to the sphere of the speaker's knowledge and responsibility, which (s)he conveys in the tactic of indicating the urgency to the addressee, thus forming his/her worldview. The speaker's tactical choice in favor of the tactic of obligatory or authoritarian prescriptive actualizes the contextualization cue, which contributes to the creation of communicative implicatures; the latter, in turn, are involved in the construction of the general cognitive base. This base is particularly important for the correct shared formation of the meaning of the dialogue when employing the tactics recurrence to precedent situations, the implicative variety of which seems to be the most culturally dependent. We have also noted another detail concerning the cognitive potential of the directive utterance in the formation of a listener's worldview, namely, the features of the tactic of style reduction: in Russian we have recorded stylistic reduction within the directive itself, while in Italian it was observed within the appellatives used in directives.

- 6) The mechanisms involved in the tactical use of directives in a dialogue are based on a cognitive analysis of the dynamics of the extralinguistic situation and its variables, the communicators' social roles and socio-psychological conditions for the implementation of directiveness. Such categories of directive statements as categoricity, mitigation, politeness, etc. were evaluated on the basis of the reactions by the addressee or third parties as well as on the change of directive tactics in order to achieve the desired perlocutionary effect. Considering the recorded shifts from one tactic to another, we can infer that a transition from the canonical imperative (prototypical means of directiveness) to the deontic modality of obligatoriness in Italian, and in Russian to the infinitive is used to increase impositivity and illocutionary force. We also recorded a transition from the canonical imperative to the tactic of supposed cooperation in Italian and to the modality of necessity in Russian used to reduce impositivity and reduce illocutionary force.

In the analyzed Russian material there is a fairly significant number of deviations from the prescriptive norm of directives: 18 cases against 0 cases in the Italian corpus of examples. Most often these are usage-based constructions with the marker of joint action *давай(те) + я + 1Sg.Pfv.Fut* or non-canonical use of the singular number *давай* in the tactic of supposed cooperation: *давай + ты + 2Sg.Pfv.Fut*. We have also recorded the use of the politeness marker *пожалуйста* in the Russian interrogative-directive sentences, which we consider a borrowing from the English language. The Russian language thus demonstrates a greater flexibility than Italian in generating new ways of directives, not yet fixed in normative prescriptions.

The ethnospecificity of directive strategies and tactics in the Russian and Italian linguocultures is thus observed most clearly in their dependence on the socio-psychological context, which is conveyed in various ways through the language means used in the tactics, as well as in their cognitive potential, which forms the recipient's worldview. Such means include, first of all, allocutive pronouns, non-imperative forms used to convey directiveness, proper names, titles and vocatives. These means tend not to coincide in the two languages, and it is precisely when they are used that a non-native speaker can expect a communicative failure.

The cognitive potential of directiveness is caused by the importance of the interactive aspect in realization of directive tactics. In addition to the expression of will in the directive tactic, the speaker also conveys other information to the listener, which may or may not coincide with the information in the cognitive listener's base, and, therefore, modifies it. Such information includes, first and foremost, the knowledge about the relationship between the communicators, viz. the relationship in "me-you" coordinates: whether the speaker "has the right" to ask or demand the performance of a particular action. Since in Russian and Italian societies these relations are regulated by a number of communicative conventions, linguistic means which are incorrectly used in directive tactics and which may seem insignificant to non-native speakers, may provoke a conflict between the speaker's implicature and the

listener's inference. These "problematic" means in Russian and Italian include indicative verb forms: tense forms of verbs and aspectual pairs of the Russian verb. The change of tactics also can create the risk of communicative failure.

The general ethnospecificity of directive tactics in the linguocultures under discussion is characterized in Russian by their fatic character (vocatives, various patterns of syntactic repetition) and increased implicitness (metapragmatic control, substitutes) and in Italian by a greater flexibility in formulating directives (few examples of repetitions) and a trend toward solidarity in relationships, including supposed cooperation.

In conclusion, we believe it is possible to outline directions for future research on directive strategies and tactics in Russian and Italian:

- 5) a more detailed study of each of the tactics described separately on the basis of additional linguistic material;
- 6) a study of directive tactics in spoken language in the framework of interactive linguistics;
- 7) a translational analysis of directive strategies and tactics;
- 8) an analysis of the intonation used in directive strategies and tactics.

Abbreviations

<i>Adj</i>	adjective
<i>Adv</i>	adverb
<i>Conj</i>	subjunctive mood
<i>Dep.Clause</i>	dependant/subordinate clause
<i>Dir</i>	directive
<i>Doubl.Imp</i>	double imperative
<i>Fut</i>	future tense
<i>Imp</i>	imperative
<i>Impfv</i>	imperfective
<i>Ind</i>	indicative
<i>Indep.Clause</i>	independent clause
<i>Inf</i>	infinitive
<i>Pass.Pross</i>	passato prossimo
<i>Pfv</i>	perfective
<i>Pl</i>	plural
<i>Praes</i>	present tense
<i>Sg</i>	singular

References

In Russian

1. Akimova 1998 — Akimova G. N. New in the syntax of the modern Russian language: textbook. Moscow: Vysshaya shkola. 1990. 168 p.
2. Alisova 1971 — Alisova T. B. Essays on the syntax of the modern Italian language: Semantic and grammatical structure of a simple sentence. Moscow: Moscow State University. 1971. 293 p.
3. Alisova 2007 — Alisova T. B. Introduction to Romance Philology. Moscow: Vysshaya shkola. 2007. 453 p.
4. Amosova 1963 — Amosova N. N. Fundamentals of English Phraseology. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo Universiteta. 1963. 216 p.
5. Andreeva 2002 — Andreeva G. M. Social psychology. 5 ed., revised and supplemented. Moscow: Aspect Press. 2002. 363 p.
6. Apollonov 2002 — Apollonov A. V. Life and Legacy of William Ockham // Ockham W. Selected Works / ed. Appolonov A. V. Moscow: Unitary URSS. 2002. P. v-xlvi.
7. Apresyan 1974 — Apresyan Yu. D. Meaning and nuance of meaning // Izvestiya AS USSR. Series of Literature and Language. 1974. № 4. P. 320-330.
8. Apresyan 1995a — Apresyan Yu. D. Lexical semantics: Synonymic means of language // Y. Apresyan. D. Selected works. In 2 vols. Moscow: School "Languages of Russian culture". 1995. T. 1. 480 p.
9. Apresyan 1995b — Apresyan Yu. D. Performatives in grammar and vocabulary // Y. D. Apresyan. Selected works. In 2 vols. M.: School "Languages of Russian culture". 1995. V. 2, P. 199-218.
10. Arutyunova 1995 — Arutyunova N. D. Truth and Ethics // Logical analysis of language: Truth and verity in culture and language. Moscow: Nauka. 1995. P. 7-23.
11. Akhmanova 1966 — Akhmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. 1966. 271 p.
12. Baeva 2010 — Baeva E. I. Stereotypes of Italian communicative behavior in Russian consciousness // Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series "Modern Linguistic and Methodological-Didactic Studies", Vol. 2 (14). 2010. P. 172-180.
13. Baeva 2012 — Baeva E. I. Features of Italian communicative behavior (nonverbal component). Autoref. diss. Candidate of Philological Sciences: 10.02.05. Voronezh, 2012. 21 p.

14. Bagaeva et al. 1997 — Bagaeva D. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V. Cognitive base, and precedent phenomena in the system of other units and in communication // *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. 1997. № 3. P. 62-85
15. Baikulova 2006 — Baikulova A. N. Verbal communication in the family. Autoref. diss. Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Saratov. 2006. 24 p.
16. Bakhtin 1977 — Bakhtin M. M. The plan for finalizing the book "Problems of Dostoevsky's Poetics" // *Context: Literary and Theoretical Studies*, vol. 1976, Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. 1977. P. 293-316.
17. Bakhtin 1994 — Bakhtin M. M. Papers 1920s. Kiev: Next. 1994. 384 p.
18. Bakhtin 1996 — Bakhtin M. M. The problem of speech genres. From archival notes to the work "The Problem of Speech Genres". *The Problem of the Text* // Bakhtin M. M. *Collected Works*: In 5 vols. Moscow: Russkoe slovo. 1996. T. 5. Papers from the 1940s to the beginning of the 1960s. 731 p.
19. Bakhtin 2002 — Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics // *Collected Works in 7 volumes*. T. 6. "Problems of Dostoevsky's Poetics." Papers 1960-1970. Moscow: Russian Dictionaries. Languages of Slavic Culture. 2002. 799 p.
20. Benacchio 2002 — Benacchio R. The competition of verb aspects, politeness and etiquette in the Russian imperative // *Russian Linguistics*. 26. 2002. P. 149-178.
21. Benacchio 2010 — Benacchio R. Verb aspect and category of politeness in the Slavic imperative. A comparative analysis. München: O. Sagner Verlag [Slavistische Beiträge, 472]. 2010. 210 P.
22. Benacchio 1993 — Benacchio R. "Forms of politeness" and "polite forms" in the Russian imperative // *Category of predicate in Slavic languages: modality and actualization. Acts of an international conference* / F. Fici Giusti, S. Signorini (eds.). Certosa di Potignano (Siena), 26-29.03.1992, München: Verlag Otto Sagner. 1993. P. 15-28
23. Benacchio 1997 — Benacchio R. The expression of politeness by imperfect and perfect forms in Russian // *Proceedings of the Aspectological Seminar of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University*. 3. Moscow, 1997. P. 6-17
24. Benacchio 2002 — Benacchio R. Aspectual competition, politeness, and etiquette in the Russian imperative // *Russian Linguistics*. 26. 2002. P. 149-178.
25. Benveniste 2010 — Benveniste E. *General Linguistics*. 4th ed. Moscow: URSS, 2010. 448 p.
26. Bergelson 1990 — Bergelson M. B. The problem of control in imperative utterances // *Functional-typological aspects of the analysis of the imperative* / L. A. Biryulin, V. S. Xrakovskij (eds.). Vol. II Leningrad: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR (1990). P. 162-173.

27. Bibikhin 1987 — Bibikhin V. V. Communication before language // Dialectics of communication. Gnoseological and worldview problems. Moscow: Philosophy Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1987. P. 110-125.
28. Biriulin 1992 — Biriulin L. A. Generalized imperative in the speech act // Modality in its relations with other categories: Interuniversity Miscellanea of Scientific Works. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Press. 1992. P. 13-17
29. Biriulin, Xrakovskij 1992 — Biriulin L. A., Xrakovskij V. P. Imperative sentences: problems of theory // V. S. Xrakovskij (ed.). Typology of imperative constructions. SPb: Nauka. 1992. P. 5-49
30. Bogdanov 1990 — Bogdanov V. V. Verbal communication: pragmatic and semantic aspects. Leningrad: Leningrad State University. 1990. 88 p.
31. Bogdanov 2007 — Bogdanov V. V. Sentence and text in the substantial aspect. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2007. 278 p.
32. Bolotnova 2009 — Bolotnova N. S. Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1998. 384 p.
33. Boldyrev 2006 — Boldyrev N. N. Linguistic categories as a format of knowledge // Voprosy kognitivnoj lingvistiki, № 2 (008), 2006. P. 5-22.
34. Bondarko 1971 — Bondarko A. V. Grammatical category and context. Leningrad: Nauka, LO. 1971. 114 p.
35. Bondarko 1984 — Bondarko A. V. Functional grammar. Leningrad: Nauka. 1984. 136 p.
36. Bondarko 1990 — Bondarko A. V. Structure of the imperative situation (on the material of the Russian language) // L. A. Biriulin, V. S. Xrakovskij (eds.). Functional-typological aspects of the analysis of the imperative. In 2 parts. Semantics and pragmatics of imperative sentences. Moscow: Akademija nauk SSSR, Institut Jazykoznanija. 1990. P. 4-9.
37. Bondarko et al. 1990 — Bondarko A. B. (ed.). The theory of functional grammar. Temporality. Modality. Leningrad: Nauka, 1990. 263 p.
38. Bondarko 2002 — Bondarko A. V. The theory of meaning in the system of functional grammar: on the material of the Russian language. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2002. 736 p.
39. Bondarko, Bulanin 1967 — Bondarko A. V., Bulanin L. L. Russian verb. Leningrad: Prosveshchenie, 1967. 191 c.
40. Borisnev 2003 — Borisnev S. V. Sociology of Communication: Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Unity-Dana. 2003. 270 p.
41. Brandes 2004 — Brandes M. P. Text Stylistics. Theoretical course: a textbook. 3rd ed., revised and extended. Moscow: Progress-Tradition: INFRA-M. 2004. 413 p.
42. Buber 1993 — Buber M. I and You // M. Buber. Two Images of Faith. Moscow, 1995. P. 16-92.

43. Bulygina, Shmelev 1982 — Bulygina T. V., Shmelev A. D. Dialogical functions of some types of interrogative sentences // *Izv. AS USSR. Series of Literature and Language*. T. 41. 1982. № 4. P. 314-326.
44. Bulygina, Shmelev 1997 — Bulygina T. V., Shmelev A. D. Linguistic conceptualization of the world (on the material of Russian grammar). Moscow: School "Languages of Russian culture". 1997. 576 p.
45. Bühler 1993 — Bühler K. Theory of language. The representative function of language. Moscow: Progress. 1993. 504 p.
46. Valgina 2003 — Valgina N. S. Modern Russian. Syntax. Moscow: Vysshaya shkola. 2003. 416 p.
47. Wierzbicka 1997 — Wierzbicka A. Speech genres // *Speech genres*. Saratov: College, 1997. Vol. 1. P. 99-111.
48. Wierzbicka 1999a — Wierzbicka A. Culture-conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication // *Speech genres: Miscellanea of scientific articles*. Saratov: Publishing house of the State Educational and Scientific Center "College". 1999. P. 112-133.
49. Wierzbicka 1999b — Wierzbicka A. Reduplication in Italian: cross-cultural pragmatics and illocutionary semantics // A. Wierzbicka. *Semantic universals and language description*. Moscow: Languages of the Russian culture, 1999. P. 224-259.
50. Vezbitskaya 2005 — Wierzbicka A. Russian cultural scripts and their reflection in language. // A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. *Key ideas of the Russian linguistic worldview: Collected articles*. Moscow: Languages of Slavic culture. 2005. P. 467-499.
51. Vereshchagin, Kostomarov 2005 — Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture. Three linguo-cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema / ed. and with an afterword by Y. S. Stepanov. Moscow: Indrik. 2005. 1040 p.
52. Vinogradov 1938 — Vinogradov V. V. Russian language. Moscow-Leningrad. 1938. 159 p.
53. Vinogradov 2001 — Vinogradov V. V. Russian language: Grammatical doctrine of the word / edited by G. A. Zolotova. 4th ed. Moscow: Russian language. 2001. 720 p.
54. Voejkova 2011 — Voejkova M. D. Accusative case. Materials for the draft of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). On the rights of manuscript. Moscow. 2011.
55. Volodin 2003 — Volodin A. P. Non-imperative uses of the imperative (to the problem of the connection of the imperative and other grammatical verb categories) // *Grammatical categories: hierarchies, connections, interaction*. Materials of the international scientific conference Saint-Petersburg. 22-24 September 2003. pp. 34-36
56. Voloshinov 1926 — Voloshinov V. N. Word in life and word in poetry. On the questions of sociological poetics // *Zvezda*, 6, 1926. P. 244-267

57. Get'manenko 2010 — Get'manenko N. I. Perception of Russian culture: prototypes and stereotypes. Moscow: Academia. 2010. 256 p.
58. Giddens 2005 — Giddens E. Sociology. Moscow: Editorial URSS. 2005. 632 p.
59. Gol'din, Sirotinina 1998 — Gol'din V. E., Sirotinina O. B. Speech culture // Yu. N. Karaulov (ed.). Russian Language: Encyclopedia. 2nd ed. Moscow. 1998. P. 413-415.
60. Gonashvili 2015 — Gonashvili A. S. Social stratification of Russian society. // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. No. 1, 2015. P. 13-16.
61. Goncharova 2018 — Goncharova N. Yu. Linguistic representation of traditional values of Italian linguoculture // Modernization of culture: The fate of values in the modern world. Materials of the VI International scientific and practical conference. Edited by S. V. Solovieva, V. I. Ionesov, L. M. Artamonova. 2018. P. 71-75.
62. Goffman 2000 — Goffman E. The presentation of self in everyday life. Moscow: CANON-Press-C, Kuchkovo Pole. 2000. 304 p.
63. Grice 1985 — Grice G. P. Logic and COntersation. // Novoye v zarubezhnoj lingvistike. Vol. 16. 1985. P. 217-237
64. Gradinarova 2006 — Gradinarova A. Russian target asyndeton infinitive: conditions of use. // Bulgarskaya russistika, 2006, no. 3-4. P. 11-20.
65. Grammar 1980 — Shvedova N. Y. (Ed.). Russian grammar. Moscow: Nauka. 1980
66. Greenberg 2004 — Greenberg J. Anthropological Linguistics: An Introductory Course: Translated from English. Moscow: Editorial. 2004. 224 p.
67. Grishaeva, Tsurikova 2007 — Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Introduction to the theory of intercultural communication: textbook. Moscow: Academia Publishing Center. 2007. 336 p.
68. Humboldt 1985 — W. von Humboldt. Language and philosophy of culture. Moscow: Progress. 1985. 450 p.
69. Gusev 2013 — Gusev V. Yu. Typology of the imperative. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013. 336 p.
70. Guseva 2016 — Guseva N. K. Imperative verbal forms as pragmatic markers (on the material of Russian and Italian) // Science Journal of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2016. T. 15. № 4. P. 179-189.
71. Guseva 2019 — Guseva N. K. Pronouns of address and corresponding imperative verb forms in the Italia language // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Ser. Philology, 2019, no. 3. P. 187-196.
72. Guseva 2021a — Guseva N. K. Primary and secondary means for the social categorization of addressee in Russian imperative statements // Proceedings of Petrozavodsk State University. 2021. T. 43, № 1. P. 52-59.

73. Guseva, Eloeva 2019 — Guseva N. K., Eloeva F. A. Socio-cognitive dimension of the directives in the institutional discourse of Russian and Italian linguocultures: common and ethnospecific features // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15.2. P. 363-391.
74. van Dijk 1989 — van Dijk T. A. *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress, 1989. 310 p.
75. Dementjev 2010 — Dementjev V. V. *Theory of Speech Genres*. Moscow: Znack, 2010. 600 p. (Communicative Strategies of Culture).
76. Dementjev 2013 — Dementjev V. V. *Communicative values of Russian culture: the category of personality in lexis and pragmatics*. Moscow: Global Kom, 2013. 336 p.
77. Demjankov 1982 — Demjankov V. Z. *Conventions, rules, and strategies of communication: (An Interpretive Approach to Argumentation)* // *Izv. AS USSR. Ser. lit. i laz.* 1982. T.41. № 4. P. 327-337.
78. Dobrushina 2001 — Dobrushina N. R. *The problem of controllability of an imperative situation in the typological aspect* // *Proceedings of the International Seminar "Dialogue 2001" on computer linguistics and its applications. Vol. I: Theoretical Problems*. Aksakov, 2001. P. 77-83.
79. Dobrushina 2014 — Dobrushina N. R. *Imperative. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar* (<http://rusgram.ru>). On the rights of manuscript. Moscow. 2014.
80. Dokuchaev 2013 — Dokuchaev I. I. *Fundamentals of communication theory: textbook*. Komsomolsk-on-Amur. 2013. 105 p.
81. Dolinin 1976 — Dolinin K. A. *Role structure of communication and colloquial speech*. // *Theory and practice of linguistic description of colloquial speech. Vol. 7. Part 1*. Gor'kij. 1976. P. 149-156.
82. Dolinin 1987 — Dolinin K. A. *Stylistics of the French language*. Moscow: Prosveshchenie, 1978. 344 p.
83. Dubrovskaya 2011 — Dubrovskaya O. G. *Cognitive and communicative foundations of the context theory* // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, № 4 (029), 2011. P. 14-25.
84. Zhdanova 2010 — Zhdanova E. V. *Identity and communication: a workshop on speech interaction*. Moscow: Flint, 2010. 174 p.
85. Zhrebilo 2010 — Zhrebilo T. V. *Dictionary of linguistic terms*. Ed. 5-th, revised and supplemented. Nazran': Pilgrim, 2010. 486 p.
86. Znadvorova 2003 — Znadvorova A. V. *The reflection of the social differentiation of language in the linguistic life of small social groups (family case study)* // L. P. Krysin (ed.). *Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. P. 277-340.

87. Zaslavskaya 1997 — Zaslavskaya T. I. Social structure of modern Russian society // Social Sciences and Modernity. 1997. No 2. P. 5-23.
88. Zaslavskaya 2003 — Zaslavskaya T. I. Vector of sociostructural shifts // Russia we are acquiring. Novosibirsk: Nauka. 2003. P. 59-74.
89. Zaslavskaya 2004 — Zaslavskaya T. I. Modern Russian society. Social mechanism of transformation. Moscow: Delo. 2004. 400 p.
90. Zaslavskaya, Gromova 1998 — Zaslavskaya T. I., Gromova R. G. On the Middle Class of Russian Society // Mir Rossii. 1998. No 4. C. 3-22.
91. Zemskaya 1973 — Zemskaya E. A. (ed.). Russian colloquial speech. Moscow: Nauka. 1973. 485 p.
92. Zemskaya 1979 — Zemskaya E. A. Russian colloquial speech: linguistic analysis and teaching problems. Moscow: Russian Language. 1979. 239 p.
93. Zemskaya 2010 — Zemskaya E. A. Literary norm and non-usual word formation // L. P. Krysin (ed.). Modern Russian Language: System — norm — usus. Moscow: Languages of Slavonic cultures. 2010. P. 207-253.
94. Ivin 2004 — Ivin A. A. (ed.). Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki. 2004. 1072 p.
95. Issers 2008 — Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Ed. 5-th. Moscow: LKI Publishing House. 2008. 288 p.
96. Karasik 2002 — Karasik V. I. Language of social status. Moscow: ITDGK Gnozis. 2002. 333 p.
97. Karasik 2007 — Karasik V. I. Language keys. Volgograd: Paradigma. 2007. 520 p.
98. Karaulov 1987 — Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic identity. Moscow: Nauka, 1987. 363 p.
99. Kasevich 2001 — Kasevich V. B. The theory of communication and the theory of language // The speaker and the listener: Language Identity, Text, Problems of Learning. St. Petersburg: Soyuz. 2001. p.70-75
100. Kas'janova 2003 — Kas'janova K. O. On the Russian national character. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business Book. 2003. 558 p.
101. Kashkin 2000 — Kashkin V. B. Introduction to the theory of communication. Voronezh: VGTU Publishing House. 2000. 175 p.
102. Kecskes 2014 — Kecskes I. Word, context and communicative meaning. // Russian Journal of Linguistics, No. 1, 2014. P. 7-18.
103. Kirillova 2012 — Kirillova N. N. Communicative strategies and tactics from the point of view of moral categories // Bulletin of the NSTU in memory of R. E. Alekseev. Series "Management in Social Systems. Communicative Technologies". 2012. №1. P. 26-33.

104. Kitaygorodskaya, Rozanova 2003 — Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Modern urban communication: types of communicative situations and their genre implementation (Moscow case study) // L. P. Krysin (ed.). Modern Russian language: social and functional differentiation. Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. P. 103-126.
105. Klyuev 2002 — Klyuev E. V. Speech Communication. Moscow: Ripol Classic, 2002. 320 p.
106. Kolshansky 1980 — Kolshansky G. V. Contextual Semantics. Moscow: Nauka Publisher. 1980. 150 p.
107. Kolshansky 2007 — Kolshansky G. V. Communicative function and structure of language. Ed. 3-th. Moscow: LKI Publishing House. 2007. 176 p.
108. Komarova 2012 — Komarova Z. I. Methodology, method, technique, and technology of scientific research in linguistics: textbook. Yekaterinburg: Ur-FU Publishing House. 2012. 818 p.
109. Kormilitsina 2007 — Kormilitsina M. A. Conversationality as the realization of the strategy of proximity to the addressee in the modern press // E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk (eds.). Language in motion: To the 70th anniversary of L. P. Krysin. Moscow: Slavic languages. 2007. P. 268-276.
110. Koseriu 1963 — Koseriu E. Synchrony, diachrony and history // New in Linguistics. Vol. 3. Moscow: Progress, 1963. P. 143-343.
111. Kostina 2020 — Kostina A. V. Mass culture as a phenomenon of post-industrial society. Moscow: URSS. 2020. 352 p.
112. Krasnykh 2003 — Krasnykh V. V. "At Home Among Strangers". Moscow: ITDK Gnosis. 2003. 375 p.
113. Krysin 1992 — Krysin L. P. On futures for sociolinguistic research in Russian linguistics // Rusistika. Berlin, 1992, no. 2. P. 96-106.
114. Krysin 2003 — Krysin L. P. The problem of social and functional differentiation of language in modern linguistics // L. P. Krysin (ed.). Modern Russian language: social and functional differentiation. Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. P. 11-29.
115. Krysin 2010 — Krysin L. P. The problem of correlation of linguistic system, norms and usus // L. P. Krysin (ed.). Modern Russian language: System-norm-usus. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2010. P. 9-28.
116. Kryuchkova 2004 — Kryuchkova O. Ju. Issues of linguistic approach to lexical reduplication in the Russian language // Russian Language and Linguistic Theory. No. 2 (8), Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. P. 63-85
117. Kubryakova 2012 — Kubryakova E. P. In search of the essence of language: Cognitive studies of language. / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Znack, 2012. 208 p.

118. Kulikova 2009 — Kulikova L. V. Communicative style in intercultural communication. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 286 p.
119. Kulikova, Salmina 2009 — Kulikova I. S., Salmina D. V. Training dictionary of linguistic terms. Saint Petersburg, Moscow: Saga, FORUM, 2009. 144 p.
120. Labov 1975 — Labov U. The study of language in its social context // *New in Linguistics. Issue VII. Sociolinguistics*. Moscow: Progress, 1975. P. 96-181.
121. Larina 2009 — Larina T. V. The category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguocultural traditions. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Rus. 2009. 512 p.
122. Larina 2013 — Larina T. V. Communicative ethnicity as a way to systematize ethnocultural features of behavior // *Cuadernos de Rusística Española*, No. 9, 2013. P. 193-204.
123. Levitsky 2006 — Levitsky Y. A. Linguistics of the text: a textbook. Moscow: Vysshaya shkola, 2006. 207 p.
124. Leontovich 2003 — Leontovich O. A. Russia and the USA: Introduction to Intercultural Communication. Volgograd: Peremena, 2003. 399 p.
125. Letuchiy 2017 — Letuchiy A. B. Predicative. Materials for the corpus description project of Russian grammar. (<http://rusgram.ru>). On the rights of manuscript. M. 2017
126. Losev 1995 — Losev A. F. The problem of symbol and realistic art. Moscow: Art, 1995. 320 p.
127. Lotman 1992a — Lotman Yu. M. Selected articles in 3 volumes. V. 1, Articles on Semiotics and Topology of Culture. Tallinn: Alexandra. 1992. 479 p.
128. Lotman 1992b — Lotman Yu. M. Culture and the Explosion. Moscow: Gnozis, 1992. 272 p.
129. Makarov 2003 — Makarov M. L. Fundamentals of the Discourse Theory. Moscow: Gnozis. 2003. 280 p.
130. Matveeva 2010 — Matveeva T. V. Full dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don: Phoenix. 2010. 563 p.
131. Melchuk 1998 — Melchuk I. A. A course of general morphology in 4 volumes. V. 1. Moscow, Vienna: Languages of Slavic Culture. 1998-2001. 416 p.
132. Milyokhina 2003 — Milyokhina T. A. Speech portrait of the businessman // L. P. Krysin (ed.). *Modern Russian language: social and functional differentiation*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. P. 515-526.
133. Mikhalskaya 1996 — Mikhalskaya A. K. Fundamentals of rhetoric: Thought and word: Textbook for students of 10-11 classes of general educational institutions. Moscow: Prosveshchenie. 1996. 416 p.
134. Mikhalschenko 2006 — Mikhalschenko V. Yu. (ed.). Dictionary of sociolinguistic terms. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 2006. 312 p.

135. Morgan 1934 — Morgan L. G. Ancient Society or a Study of the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. Leningrad: Publishing house of the peoples of the North CEC of the USSR. 1934. 374 p.
136. Motorina 2013 — Motorina N. V. Linguocultural scripts of traditional communicative behavior in Russia and England: Ph. Candidate Dissertation of Philological Sciences: 10.02.20. Volgograd. 2013. 184 p.
137. Austin 1986 — Austin J. How to do things with words // New in foreign linguistics. Moscow: Progress. 1986. Vol. XVII. P. 22-130.
138. Pavlov 2014 — Pavlov A. V. Shameful pleasure: Philosophical and sociopolitical interpretations of mass cinema. Moscow: National Research University Higher School of Economics Publishing House. 2014. 360 p.
139. Pavlovskaya 2014 — Pavlovskaya A. V. Italy through the eyes of the Russians. Moscow: Algorithm. 2014. 368 p.
140. Paducheva 1996 — Paducheva E. V. Semantic studies. Moscow: JARC. 1996. 480 p.
141. Paducheva 2004 — Paducheva E. V. Dynamic models in lexical semantics. Moscow: Languages of Slavic culture. 2004. 608 p.
142. Paducheva 2010 — Paducheva E. V. Speech and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns. Moscow: LKI Publishing House. 2010. 296 p.
143. Paducheva 2016 — Paducheva E. V. Modality. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). On the rights of manuscript. Moscow. 2016.
144. Pankov, Ovtina 2018 — Pankov F. I., Ovtina E. A. Linguistic worldview and the mechanism of reduplication: a fragment of the linguodidactic model of Russian grammar // Pedagogical Journal, Vol. 8. Is. 1A. 2018. P. 140-158.
145. Panov 2007 — Panov M. V. Linguistic antinomies as internal stimuli of language evolution // Panov M. V. Proceedings on General Linguistics and Russian Language. T. 2. Moscow: Languages of Slavic culture. 2007. P. 17-22.
146. Permyakova 2007 — Permyakova T. M. Modeling and typology of intercultural communication // Intercultural communication in the light of discourse theory: monograph. Perm: Publishing house of Perm University. 2007. P. 70-78.
147. Petrov 1990 — Petrov V. V. Ideas of modern phenomenology and hermeneutics in the linguistic representation of knowledge // Topics in the study of language. 1990. № 6. P. 102-109.
148. Plungian 2003 — Plungian V. A. General Morphology. Introduction to Problematics. Moscow: Unitorial URSS. 2003. 384 p.

149. Plungian 2011 — Plungian V. A. Introduction into grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Russian State University of Humanities. 2011. 672 p.
150. Podlesskaya 2003 — Podlesskaya V. I. Permissive and hortative: Russian discourse data in typological context. // Grammatical categories: hierarchies, relations, interaction. Materials of the International Scientific Conference St. Petersburg, 22-24 September 2003, pp. 125-128.
151. Prokhorov 2008 — Prokhorov Yu. E. National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners. Moscow: LKI. 2008. 226 p.
152. Prokhorov, Sternin 2002 — Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russian communicative behavior. Moscow: A. S. Pushkin State Institute of Russian Language. 2002. 277 p.
153. Rassudova 1982 — Rassudova O. P. The use of verb aspects in the modern Russian language. Moscow: Russian language. 1982. 150 p.
154. Rozhansky 2011 — Rozhansky F. I. Reduplication: Experience of typological research. Moscow: Znak. 2011. 256 p.
155. Romanov 1988 — Romanov A. A. A systematic analysis of the regulatory means of dialogic communication. Moscow: AS URSS, Institute of Linguistics. 1988. 181 p.
156. Rylov 2002 — Rylov Yu. A. Gogol translator? // Proceedings of the International Conf. "Nikolai Gogol: between Italy and Russia" (Rome, 30 September — 1 October 2002). Moscow: Russian State University of Humanities. 2002. P. 221-235.
157. Saiko 1999 — Saiko E. V. On the Nature and Space of the Dialog "Action" // Sociocultural Space of Dialog. Moscow: Nauka. 1999. P. 9-32.
158. Sapir 1993 — Sapir E. Language. Introduction to the study of speech // Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies: translated from English. Moscow: "Progress", "Univers". 1993. 656 p.
159. Searle 1986 — Searle J. R. Classification of speech acts // New in foreign linguistics. Moscow: Progress. 1986. Issue XVII. P. 170-194.
160. Sivenkova 2006 — Sivenkova M. A. Non-assertive components of the meaning of the statement in different types of dialogic contexts: Dissertation of Ph. Candidate of Philological Sciences: 10.02.19. Minsk. 2006.
161. Sirotinina 1969 — Sirotinina O. B. Spoken language: definition of the concept, basic problems // Voprosy sotsial'noj linguistiki. Leningrad: Nauka. 1969. P. 373-391.
162. Sirotinina 2013 — Sirotinina O. B. Russian language: system, usus and created risks. Saratov: Publishing house of the Saratov University. 2013. 116 p.
163. Skoblikova 2006 — Skoblikova E. P. Modern Russian Language. Syntax of the simple sentence (theoretical course). Moscow: Flinta: Nauka. 2006. 320 p.

164. Skovorodnikov 1980 — Skovorodnikov A. P. On the functions of detached constructions in modern Russian literary language // Russian language at school. № 5. 1980. P. 86-91.
165. Solly 1999 — Solly M. These strange Italians. Moscow: Egmont Russia. 1992. 72 p.
166. Sternin 2015 — Sternin I. A. Models of describing communicative behavior. 2nd ed. Voronezh: Garant. 2015. 52 p.
167. Sternin 2002 — Sternin I. A. Russian communicative consciousness // Russian and Finnish communicative behavior. Iss. 3. Voronezh: Istoki. 2002. P. 5-13.
168. Stepanov 1975 — Stepanov Yu. S. Fundamentals of General Linguistics. 2nd ed., revised. Moscow: Prosveshcheniye. 1975. 271 p.
169. Stepanov 1981 — Stepanov Yu. S. In Search of Pragmatics (Problems of the Subject). Moscow: Izv. AS USSR, Ser. lit. and lang. 1981. T. 40. № 4. P. 325-332.
170. Stoynova 2016 — Stoynova N. M. Non-futuristic uses of the future tense forms. Materials for the corpus description project of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). On the rights of manuscript. Moscow. 2016.
171. Stupin, Ignatiev 1980 — Stupin L. P., Ignatiev K. P. Modern English speech etiquette. Leningrad: LSU. 1980. 143 p.
172. Sukhikh 1986 — Sukhikh S. A. Speech interactions and strategies // Linguistic communication and its units. Kalinin. 1986. P. 71-77.
173. Tylor 1989 — Tylor E. B. Primitive Culture: Translation from English. Moscow: Politizdat. 1989. 573 p.
174. Tikhonova 2007 — Tikhonova N. E. Social stratification of contemporary Russia: empirical analysis. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 2007. 320 p.
175. Tolstoy 1995 — Tolstoy N. I. Ethnolinguistics in the circle of humanitarian disciplines // Tolstoy N. I. Language and folk culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow: Indrik. 1995. P. 27-40.
176. Fedorova 2007 — Fedorova L. L. Speech communication theory and dialogic grammar. // Basovskaya N. I., Butorina E. P., Krasovitskaya T. Ju. et al. Communicative Strategies of Culture and Humanitarian Technologies: Scientific and Methodological Materials. Saint-Petersburg: OOO "Book House". 2007. P. 105-134.
177. Feys 1974 — Feys R. Modal Logic. Moscow: Nauka. 1974. 520 p.
178. Filatova 2005 — Filatova E. A. Directive statements as speech acts in contemporary language. Diss. ... candidate of philological sciences: 10.02.01. Moscow. 1993. 253 p.
179. Fitch 2013 — Fitch W. T. The Evolution of Language. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2013. 824 p.

180. Formanovskaya 1992 — Formanovskaya N. I. Speech Etiquette. Russian-Italian correspondences. Handbook. Moscow: High School. 1992. 143 p.
181. Formanovskaya 1998 — Formanovskaya N. I. Communicative-pragmatic aspects of communication units. Moscow: Institute of Russian Language. 1998. 291 p.
182. Formanovskaya 2002 — Formanovskaya N. I. Speech communication: a communicative-pragmatic approach. Moscow: Russian language. 2002. 216 p.
183. Formanovskaya 2005 — Formanovskaya N. I. Culture of communication and speech etiquette. 2nd ed. Moscow: IKAR Publishing House. 2005. 250 p.
184. Fortuin 2008 — Fortuin E. Polysemy of the imperative in Russian // *Voprosy Linguistics*, № 1, 2008. P. 3-24.
185. Frege 1997 — Frege G. Meaning and denotation // *Semiotics and informatics. Opera selecta: Collected scientific articles*. Moscow: Languages of Russian culture. 1997. № 35. P. 352-379.
186. Khimik 2013 — Khimik V. V. Russian colloquial speech: aspects of stratification. // *Theses of the international conference "Stratification of the national language in contemporary Russian society" (St. Petersburg, October 30 — November 2, 2013)*. St. Petersburg: Zlatoust. 2013. P. 159-165.
187. Xrakovskij et al. 1988 — Xrakovskij V. S., Biriulin L. A., Bondarko A. V. The imperative in unrelated languages. Abstracts of the conference "The functional-typological direction in grammar. Imperativeness". Leningrad: LO IYAZ. 1988. 158 p.
188. Xrakovskij 1990 — Xrakovskij V. P. Imperativeness // A. V. Bondarko (ed.). *The theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad: Nauka. 1990. 263 p.
189. Xrakovskij, Volodin 2001 — Xrakovskij V. S., Volodin A. P. Semantics and typology of the imperative. *The Russian imperative*. Moscow: Editorial URSS. 2002. 272 p.
190. Chernoskutov 2005 — Chernoskutov Yu. Yu. Context and Logical Theories of Presupposition // *Logico-Philosophical Studies*. Iss. 3. Saint Petersburg. 2005. P. 220-238.
191. Shamanova 2002 — Shamanova M. V. To the study of the category of interaction in Russian consciousness // *Language and national consciousness*. Iss. 3. Voronezh: Istoki. 2002. P. 56-62.
192. Shanskiy 1968 — Shanskiy N. M. *Essays on Russian Word Formation*. Moscow: Moscow University Press. 1968. 310 p.
193. Shvedova 1980 — Shvedova N. Yu. (head ed.). *Grammar of the Russian language in 2 volumes*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 1980.
194. Shibutani 1969 — Shibutani T. *Social Psychology: Translation from English*, Moscow: Progress. 1969. 535 p.
195. Shmelev 2002 — Shmelev A. D. *Model of Russian Linguistic Worldview: Materials for the Dictionary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2002. 224 p.

196. Shmeleva 1990 — Shmeleva T. V. Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching // *Russistik. Scientific journal of actual problems of teaching Russian language*. № 2. Berlin. 1990. P. 20-32.
197. Shmeleva 1995 — Shmeleva T. V. Speech genre: the experience of general philological reflection // *Collegium*. № 1-2. Kiev. 1995.
198. Shmeleva 1997 — Shmeleva T. V. Model of speech genre // *Speech genres*. Iss. 1. Saratov. 1997. P. 88-98.
199. Yjm 1985 — Yjm H. Ya. Pragmatics of speech communication // *Theory and models of knowledge: Works on Artificial Intelligence*. Vol. 714. Tartu. 1985. P. 196-207.
200. Eco 2006 — Eco U. The absent structure. Introduction to semiology. St. Petersburg: Symposium. 2006. 548 p.
201. Jakobson 1985 — Jakobson R. O. Selected works. Moscow: Progress. 1985. 460 p.
202. Jakobson 1972 — Jakobson R. O. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Translated from English by A. K. Zholkovsky // B. A. Uspensky (ed.). *Principles of typological analysis of languages of different structures*. Moscow: Nauka. 1972. P. 95-113.
203. Jakovlev 2001 — Jakovlev I. P. Fundamentals of communication theory: a textbook. SPb, 2001. 116 p.
204. Janko 2001 — Janko T. E. Communicative strategies of Russian speech. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2001. 384 p.

In other languages

205. Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Y. Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press. 2010. 520 p.
206. Aikhenvald 2014 — Aikhenvald A. Y. On future in commands // P. De Brabanter, M. Kissine, A. Sharifzadeh (eds.) *Future times, future tenses*, Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 205-218.
207. Aikhenvald 2017 — Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands: a cross-linguistic view. In: Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) *Commands: A Cross-Linguistic Typology*, Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 1-45.
208. Aikhenvald, Dixon 2017 — Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) *Commands: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 354 p.
209. Alcàzar, Saltarelli 2014 — Alcàzar A., Saltarelli M. *The Syntax of Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 236 p.
210. Antonelli 2007 — Antonelli G. *L'italiano nella società della comunicazione*. Bologna: il Mulino. 2007. 206 p.
211. Auer 1996 — Auer P. From Context to Contextualization. In: *Links & Letters*, 3, 1996. Pp. 11-28.

212. Bach 1994 — Bach K. Conversational implicature // *Mind and Language*. Vol. 9. No. 2. Oxford, Cambridge. 1994. P. 124-162
213. Bach 2006 – Bach K. The top 10 misconceptions about implicature // B. J. Birner, G. Ward (eds.) *Drawing the Boundaries of Meaning. Neo-Gricean studies in pragmatics and semantics in honor of Laurence R. Horn*. John Benjamins Publishing Company, 2006. xii, 350 p. P. 21-30.
214. Balboni 2009 — Balboni P. E. La comunicazione interculturale tra italiani e sloveni // B. M. Da Rif (a cura di). *Civiltà italiana e geografie d'Europa*. XIX Congresso AISLLI 19-24 settembre 2006 Trieste Capodistria Padova Pola, Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste. 2009. P. 131-145
215. Balboni, Caon 2015 — Balboni P.E., Caon F. *La comunicazione interculturale*. Venezia: Marsilio. 2015. 170 p.
216. Benigni, Bates 1975 — Benigni L., Bates E. Rules of Address in Italy: A Sociological Survey // *Language in Society*, 1975. No. 4. P. 271–288.
217. Benigni, Bates 1974 — Benigni L., Bates E. Interazione sociale e linguaggio: analisi pragmatica dei pronomi allocutivi italiani // *Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea*. Atti dell'VIII congresso internazionale di studi, Bressanone. 1974. 31 maggio – 2 giugno / Ed. Raffaele S., Giulianella R. Roma: Bulzoni. P. 141–165.
218. Bauman 1992 — Bauman R. Contextualization, Tradition, and the Dialogue of Genres: Iselandic Legends of the Kraftaskald // Duranti A., Goodwin C (eds.), *Rethinking Contest. Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 125-145.
219. Benacchio 2007 — Benacchio R. Aspetto verbale e cortesia linguistica nell'imperativo slavo. In: *Gli studi slavistici in Italia oggi*. Atti del IV Congresso Italiano di Slavistica (Udine, 20-23 settembre 2006), 2007. P. 231-248.
220. Benincà et al. 1977 — Benincà P., Cinque G., Fava E., Leonardi P., Piva P. 101 modi per richiedere // R. Simone, G. Ruggiero (a cura di) *Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea*. Atti dell'VIII Congresso internazionale di studi (Società di Linguistica Italiana), Bressanone, 31 maggio – 2 giugno 1974, vol. II. Roma: Bulzoni. 1977. P. 501-533.
221. Benveniste 1966 — Benveniste E. De la subjectivité dans le langage // *Problèmes de la linguistique générale*. Paris: Gallimard, coll. «Bibliothèque des sciences humaines». 1966. P. 258-266.
222. Berlin, Kay 1969 — Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press. 1969. 178 p.
223. Berruto 2016 — Berruto G. *Sociolinguistica dell'italiano*. Roma: Carocci editore, 2016. 278 p.
224. Berry 1969 — Berry J. W. On cross-cultural comparability // *International Journal of Psychology*, 4 (2). P. 119-128.

225. Bernstein 2003 — Bernstein B. *Class, codes and control: Vol. 1 Theoretical studies toward a sociology of language*. London: Routledge & Kegan Paul, 2003. 280 p.
226. Bertinetto 2001 — Bertinetto P.M. *Il verbo // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi. Vol. II, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 13-162*
227. Bidney 1946 — Bidney D. *The Concept of Cultural Crisis*. In: *American Anthropologist*, vol. 48, no. 4, pt. I. 1946. P. 534-552.
228. Birjulin, Xrakovskij 2001 — Birjulin L. A., Xrakovskij V. S. *Imperative sentences: Theoretical problems // V. S. Xrakovskij (ed.) Typology of Imperative Constructions*. Munich: Lincom. 2001. P. 3-50
229. Blum-Kulka 1987 — Blum-Kulka S. *Indirectness and politeness in requests: Same or different? // Journal of Pragmatics*. 11 (2), 1987. P. 131-146.
230. Boas 1938 — Boas F. (ed.) *General Anthrolopogy*. Boston, New York: D. C. Heath and Company. 1938. 718 p.
231. Boas 1966 — Boas F. *Introduction // F. Boas (ed.) Handbook of American Indian Languages*. Lincoln: University of Nebraska Press. 1966. P. 1-79.
232. Brown, Gilman 1960 — Brown R., Gilman A. *The pronouns of power and solidarity // T. A. Sebeok (ed.). Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 252-281.
233. Brown, Levinson 1987 — Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 358 p.
234. Brown, Miller 2013 — Brown K., Miller J. E. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 494 p.
235. Butler 1988 — Butler C. S. *Politeness and semantics of modalised directives // J. Benson et al. (eds.) Linguistics in a Systematic Perspective*. North Holland: John Benjamins, 1988. P. 119-154.
236. Capone, Mey 2015 — Capone A., Mey J. (eds.) *Interdisciplinary studies in pragmatics, culture and society*. Cham: Springer. 2015. 990 p.
237. Carbaugh 2013 – Carbaugh D. *On Dialogue Studies // Journal of Dilogue Studies* 1.1. 2013. P. 9-18.
238. Carston 2002 — Carston R. *Linguistic meaning, communicated meaning and cognitive pragmatics // Mind and Language, Special Issue on Pragmatics & Cognitive Science* 17 (1/2). P. 127-148.
239. McCawley 1968 — McCawley J. D. *The Role of Semantics in a Grammar // Universals in Linguistics Theory*, New York, 1968. P. 124–169.
240. Cimaglia 2010 — Cimaglia R. *Imperativo // Enciclopedia dell’Italiano. Il Vocabolario Treccani. Istituto della Enciclopedia italiana*. 2010. P.630-632.

241. Comrie 1984 — Comrie B. Plenary session discussion // W. S. Jr. Chisholm (ed.) *Interrogativity: a colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages*. Amsterdam: John Benjamins, 1984. P. 255-287
242. Craig 1999 – Craig R. T. *Communication Theory as a Field* // *Communication Theory*, Volume 9, Issue 2, 1 May 1999. P. 119-161.
243. Craven, Potter 2010 — Craven A., Potter J. *Directives: Entitlement and Contingency in Action* // *Discourse Studies* 12 (4), 2010. P. 419-442.
244. Cresti 2000 — Cresti E. *Corpus di italiano parlato*. 2 vol. Firenze: Accademia della Crusca. 2000. 671 p.
245. Curl, Drew 2008 — Curl T. S., Drew P. *Contingency and action: A comparison of two forms of requesting* // *Research on Language and Social Interaction* 41 (2). 2008. P. 129-153
246. Dalla Libera 2017 — Dalla Libera C. *Tra Lingue e culture: La comunicazione interculturale fra russi e italiani*. Venezia: Edizione Ca' Foscari. Digital Publishing, 2017. 140 p.
247. Dardano, Trifone 1997 — Dardano M., Trifone P. *La nuova grammatica della lingua italiana*. Zanichelli. 1997. 768 p.
248. De Rycker 1990 — De Rycker T. *Imperative subtypes in conversational British English: an empirical investigation*. Unpublished PhD dissertation. Department of Linguistics, University of Antwerp, 1990.
249. De Santis 2014 — De Santis C. *Cresci, cresci, cresci... La reduplicazione espressiva come strumento di espressione di relazioni transfrastiche* // *Le relazioni logico-sintattiche*. Dicembre 2014. P. 181-207.
250. Diadori 2000 — Diadori P. *Comunicazione non verbale nell'insegnamento dell'italiano a stranieri in prospettiva interculturale* // Catricalà M. (a cura di), *Lettori e oltre... confine*, Atti del corso di aggiornamento per lettori di italiano all'estero organizzato dal MAE, dal MPI e dall'Università per Stranieri di Siena (Siena, 11-15 ottobre 1999), Aida, Firenze. 2000. P. 69-109.
251. Dobrushina 2008 — Dobrushina N. *Imperatives in conditional and concessive subordinate clauses* // E. J. Vaida (ed.) *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*. Amsterdam: John Benjamins. 2008. P. 123-141.
252. Duranti, Goodwin 1992 — Duranti A., Goodwin C (eds.). *Rethinking Contest. Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 372 p.
253. Durst-Andersen 1995 — Durst-Andersen P. *Imperative frames and modality: direct vs. indirect speech acts in Russian, Danish, and English* // *Linguistics and Philosophy* 18 (6), 1995. P. 611-653.
254. Ellingsworth, Clevenger 1967 — Ellingsworth H. W., Clevenger T. *Speech and social action: a strategy of oral communication*. Englewood Cliff: Prentice-Hall. 1967. 202 p.

255. Ervin-Tripp 1964 – Ervin-Tripp S. An analysis of the interaction of language, topic, and listener // *American Anthropologist*. 1964, Vol. 66, Issue 6 Part 2. P. 86-102.
256. Ervin-Tripp 1969 – Ervin-Tripp S. M. Sociolinguistics. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1969, 4: 91-165
257. Ervin-Tripp 1976 — Ervin-Tripp S., Is Sybil here? The structure of American English directives // *Language in Society*, 5, 1976. P. 25-66.
258. Evans-Pritchard 1956 — Evans-Pritchard E. E. *Nuer Religion*. Oxford: Clarendon Press, 1956. 336 p.
259. Farese 2020 — Farese G. The Ethnopragmatics of English Understatement and Italian Exaggeration: Clashing Cultural Scripts for the Expression of Personal Opinion. // Mullan K., Peeters B., Sadow L. *Studies in Ethnopragmatics, Cultural Semantics, and Intercultural Communication: Ethnopragmatics and Semantic Analysis*. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2020. P. 59-73.
260. Fasold 1990 — Fasold R. *The Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell, 1990. 342 p.
261. Fava 2001 — Fava E. Tipi di atti e tipi di frasi // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi*. Vol. III, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 19-48.
262. Ferro-Luzzi 1992 — Ferro-Luzzi G. E. If Whorf had known Tiruvalluvar: Universalism and cultural relativism in a famous work of ancient Tamil literature // *Anthropos*, 87. 1992. P. 391-406.
263. Firth 1957 — Firth J. R. *Papers in Linguistics 1934-1951*. London: Oxford University Press, 1957. 233 p.
264. Fishman 1971 – Fishman J. *Advances in the sociology of language*. The Hague: Mouton. 1971. 418 p.
265. Fishman 1972 – Fishman J. *The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society*. Rowley, Mass: Newbury House. 1972. 250 p.
266. Fitch 1998 — Fitch K. *Speaking relationally: Culture, communication, and interpersonal communication*. New York: Guilford. 1998. 239 p.
267. Fodor 1983 — Fodor J. A. *The modularity of mind*. Cambridge: MIT Press. 1983. 145 p.
268. Forsyth 1970 — Forsyth J. *A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: CUP. 1970. 386 p.
269. Fortuin, Boogaart 2009 — Fortuin E., Boogaart R. Imperative as conditional: From constructional to compositional semantics // *Cognitive Linguistics* 20 (4), 2009. P. 641-673
270. Fortuin 2010 — Fortuin E. Explicit second-person subjects in Russian imperatives: semantics, word order, and a comparison with English // *Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences*, Vol. 42, Issue 2. Mar. 2010. P. 431-486

271. Franke 2008 — Franke M. Pseudo-imperatives and other cases of conditional conjunction and conjunctive disjunction // C. Fabricius-Hansen, W. Ramm (eds.) 'Subordination' versus 'Coordination' in Sentence and Text. A Cross-linguistic Perspective, Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 255-279.
272. Frison 2001 — Frison L. L'ordine degli elementi della frase e le costruzioni marcate: Struttura della frase semplice // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi. Vol. I, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 55-239.
273. Füchsel 1773 — Füchsel Georg Christian (Anonymus). Entwurf zu der ältesten Erd- und Menschengeschichte nebst einem Versuch, den Ursprung der Sprache zu finden. Fraankfurt, 1773.
274. Garfinkel 1984 – Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Cambridge: Polity, 1984. 288 p.
275. Gigante 2011 — Gigante C. 'Fatta l'Italia, facciamo gli Italiani'. Appunti su una massima da restituire a d'Azeglio // Incontri. Rivista europea di studi italiani, 26(2), 2011. P. 5–15.
276. Gilbert et al. 2006 — Gilbert A. L., Regier T., Kay P., Ivry R. B. Whorf Hypothesis Is supported in the Right Visual Field But Not the Left // Proceedings of the National Academy of Sciences, 103, 2006. P. 489-494.
277. Giora 1997 — Giora R. Understanding figurative and literal language. The grades salience hypothesis // Cognitive linguistics 7, 1997. P. 183-206.
278. Giora 2003 — Giora R. On our mind: Salience, context, and figurative language. Oxford: Oxford University Press. 2003. 259 p.
279. Giovanardi 2010 — Giovanardi C. L'italiano da scrivere. Strutture, risposte, proposte. Napoli: Liguori, 2010. 189 p.
280. Goffman 1959 – Goffman E. The presentation of self in everyday life. N.Y.: Garden City, Doubleday, 1959. 255 p.
281. Goldsmith, Fitch 1997 — Goldsmith D., Fitch K. The normative context of advice as social support // Human Communication Research, 23, 1997. P. 454-476.
282. Goldschmidt 1966 — Goldschmidt W. Comparative Functionalism: An Essay in Anthropology Theory. Berkeley, CA: University of California Press, 1966. 149 p.
283. Grice 1975 — Grice H. Logic and conversation // P. Cole, J. Morgan (eds). Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. New York: Academic Press. 1975. P. 41–58.
284. Goffman 1967 — Goffman E. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Doubleday Anchor Books, 1967. 270 p.
285. Gudykunst, Ting-Toomey 1988 — Gudykunst W. B., Ting-Toomey S. Culture and interpersonal communication. Newbury Park, CA: Sage. 1988. 278 p.
286. Gudykunst et al. 1996 — Gudykunst W. B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T, Kim K.S., Heyman S. The influence of cultural individualism-collectivism, self-construals, and

- individual values on communication styles across cultures // *Human Communication Research*, 22, 1996. P. 510-543.
287. Gudykunst, Mody 2002 — Gudykunst W. B., Mody B. *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. 2002. 606 p.
288. Gumperz 1964 – Gumperz J. J. *Linguistic and Social Interaction in Two Communities* // “*American Anthropologist*” 66, 6, 1964. P. 137-153.
289. Gumperz 1971 — Gumperz J. J. *Language in social Groups*. Stanford, California: Stanford University Press 1971. 350 p.
290. Gumperz 1982 — Gumperz J. J. *Discourse strategies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982. 225 p.
291. Gumperz, Hymes 1972 — Gumperz J. J., Hymes D. *Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1972. 598 p.
292. Gumperz, Hymes 1964 — Gumperz J. J., Hymes D. *Preface* // *American Anthropologist*, vol.66, no. 6. 1964. № 66/6. P. v-v. <http://www.jstor.org/stable/668158>
293. Gumperz, Levinson 1996 — Gumperz J. J., Levinson S. C. (eds.). *Rethinking linguistic relativity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. 500 p.
294. Guseva 2017 — Guseva N. *Il mediatore linguistico-culturale al centro della comunicazione interculturale con la realtà russa* // G. Moracci (a cura di). *Incontri fra Russia e Italia. Lingua, letteratura, cultura*. Milano: LED. Edizioni Universitarie di Lettere, Economia, Diritto. 2017. P. 79-93.
295. Guseva 2021b — Guseva N. K. *Imperatività nel linguaggio per l’azienda. Problemi di equifunzionalità nei testi russi e italiani* // M. C. Ferro (a cura di). *La mediazione linguistico-culturale. Voci e istanze dall’accademia*. Milano: LED. Edizioni Universitarie di Lettere, Economia, Diritto. 2021. P. 227-248.
296. Hall 1959 — Hall E. T. *The silent language*. New York: Doubleday, 1959. 192 p.
297. Hall 1976 — Hall E. T. *Beyond culture*. Garden City. New York: Doubleday/Anchor. 1976. 298 p.
298. Hall 1983 — Hall E. T. *The dance of life*. New York: Doubleday. 1983. 134 p.
299. Halliday 1973 — Halliday M. *Explorations in the functions of language*. New York: Elsevier, 1973. 140 p.
300. Halliday 1978 — Halliday M. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Baltimore: University Park, 1978. 256 p.
301. Harkins, Wierzbicka 2001 — Harkins J., Wierzbicka A. (eds.). *Emotions in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2001. 421 p.

302. Hart 1999 — Hart W. B. The historical contribution of Boasian anthropology to the interdiscipline of intercultural relations. Ph. D. dissertation. Albuquerque: University of New Mexico, Department of Communication and Journalism. 1999.
303. Hatim, Mason 1994 — Hatim B., Mason I. Discourse and the translator. London, New York: Longman, 1994. 258 p.
304. Heider 1972 — Haider E., Universals in color naming and memory. In: *Journal of Experimental Psychology*, 93, 1972. Pp. 10-20.
305. Heinemann 2006 — Heinemann T. “Will you or can’t you?”: Displaying entitlement in interrogative requests // *Journal of Pragmatics* 38 (7), 2006. P. 1081-1104.
306. Hofstede 1980 — Hofstede G. Culture’s consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. 328 p.
307. Hofstede 2001 — Hofstede G., Culture’s consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations (2nd edn). Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.
308. Hofstede et al. 2010 — Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations. Software of the mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. 3-rd ed. New York: McGraw-Hill Education, 2010. 576 p.
309. Horn 2004 – Horn L., Implicature // Horn L., Ward G. (eds.). *The Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell. 2004. P. 3-28
310. Horn 2005 — Horn L. Current issues in neo-Gricean pragmatics // *Intercultural Pragmatics*. Vol.2. No.2. 2005. P. 191-204.
311. Humboldt 1827 — von Humboldt W. Über den Dualis. (Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827) // W. von Humboldt. *Schriften zur Sprachphilosophie*. Vol. 3, A. Flitner, K. Giel (eds.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1827. P. 113-143.
312. Hymes 1962 — Hymes D. The ethnography of speaking // T. Gladwin, W. Sturtevant (eds.). *Anthropology and human behavior*. Washington, DC: Anthropological Society of Washington. 1962. P. 13-53.
313. Hymes 1964a — Hymes D. H. *Language in Culture and Society*. New York: Harper & Row. 1964. 764 p.
314. Hymes 1964b — Hymes D. H. Directions in (ethno-)linguistic theory // *American Anthropologist*, 66(3), part 2. 1964. P. 6–56.
315. Hymes 1964c — Hymes D. H. Introduction: towards ethnographies of communication // *American Anthropologist*. Vol. 66. Num. 6, part 2. 1964. P. 1-34.
316. Hymes 1967 — Hymes D. H. Models of the interaction of language and social setting // *Journal of Social Issues*, 23(2). 1967. P. 8-38.

317. Hymes 1971 — Hymes D. H. Sociolinguistics and the ethnography of speaking // E. Ardener (ed.). *Social anthropology and language*. London: Routledge. 1971. P. 47–93.
318. Hymes 1972 — Hymes D. H. Models of the interaction of language and social life // J. Gumperz, D. Hymes (eds.). *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1972. P. 35-71.
319. Hymes 1974a — Hymes D. H. Ways of speaking // R. Bauman, J. Sherzer (eds.). *Explorations in the ethnography of speaking*. London: Cambridge University press, 1974. P. 433-451.
320. Hymes 1974b — Hymes D. H. *Foundations in sociolinguistics: An ethnographic approach*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1974. 260 p.
321. Hymes 1977 — Hymes D. H. Qualitative/quantitative research methodologies in education: A linguistic perspective // *Anthropology and Education Quarterly*, 8, 1977. P. 165-176.
322. Jakobson 1960 — Jakobson R. Concluding statement: linguistics and poetics // *Style in Language*. Ed. by T. A. Sebeok. M.I.T. Press and Wiley. 1960. P. 350-377
323. Jary, Kissine 2014 — Jary M., Kissine M. *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 326 p.
324. Jary, Kissine 2016 — Jary M., Kissine M. When terminology matters: The imperative as a comparative concept // *Linguistics* 54 (1). 2016. P.119-148.
325. Katriel 1986 — Katriel T. *Talking straight: Dugri speech in Israeli Sabra culture*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1986. 160 p.
326. Kashima et al. 1995 — Kashima Y., Yamaguchi S., Kim U., Choi S.-C., Gelfand M. J., Yuki M. Culture, gender, and self: A perspective from individualism-collectivism research // *Journal of Personality and Social Psychology*, 69. P. 925-937.
327. Kaufmann 2012 — Kaufmann M. *Interpreting Imperatives*. Dordrecht: Springer, 2012. 284 p.
328. Kaufmann, Poschmann 2013 — Kaufmann M., Poschmann C. Embedded imperatives: Empirical evidence from colloquial German // *Language*, 89 (3), 2013. P. 619-637.
329. Kay, McDaniel 1978 — Kay P., McDaniel C. K. The linguistic significance of the meaning of basic color terms // *Language*, 54. 1978. P. 610-646.
330. Kay, Regier 2007 — Kay P., Regier T. Color Naming Universals: The Case of Berinmo // *Cognition*, 34, 4. 2007. P. 843-858.
331. Kecskes 2008 – Kecskes I. Dueling context. A dynamic model of meaning // *Journal of Pragmatics*. Vol.40. Issue 3. P. 385-406
332. Kecskes 2013 – Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford, UK: Oxford University Press. 2013. 288 p.
333. Kecskes 2016 – Kecskes I. A dialogic approach to pragmatics // *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4). 2016. P. 26-42.

334. Keenan 1974 — Keenan E. Norm-makers, norm-breakers: Uses of speech by men and women in a Malagasy community // R. Bauman, J. Sherzer (eds.). *Explorations in the ethnography of speaking*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1974. P. 125-143.
335. Keesing 1974 — Keesing R. Theories of culture. // *Annual Review of Anthropology*, 3. 1974. P. 73-97.
336. Keesing 1994 — Keesing R. M. Theories of culture revisited // R. Borofsky (ed.). *Assessing cultural anthropology*. New York: McGraw-Hill, 1994. P. 310-312.
337. Kellermann 1992 — Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // *Communication Monographs*. Vol. 59, 1992. Issue 3. P. 288-300.
338. Kim et al. 1994 — Kim M. S., Sharkey W. F., Singelis T. M. The relationship between individual's self-construals and perceived importance of interactive constraints // *International Journal of Intercultural Relations*, 18. 1994. P. 117-140.
339. König, Siemund 2007 — König E., Siemund P. Speech act distinction in grammar // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. P. 276-324
340. Labini 2015 — Labini P. S. *Saggio sulle classi sociali*. Laterza, 2015. 211 p.
341. Labov 1972 – Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1972. 362 p.
342. Labov 1975 — Labov W. Academic ignorance and black intelligence // M. Maehr, W. Stallings (eds.). *Culture, child, and school: Sociocultural influences on learning*. Monterey, CA: Brooks/Cole. 1975. P. 63-81.
343. Lalumera 2016 — Lalumera E. *Che cos'è il relativismo cognitivo*. Roma: Carocci, 2016. 110 p.
344. Lammers 1976 — Lammers C. J. Towards the internationalization of the organization sciences // G. Hofstede, M. S. Kassem (eds.). *European Contributions to Organization Theory*, Assen. Netherlands: Van Gorcum. P. 25-42.
345. Lasswell 1948 – Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // L. Bryson (ed.). *The Communication of Ideas*. New York, Harper & Row. 1948. P. 37-51.
346. Leech 1983 — Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 250 p.
347. Leech, Thomas 1990 — Leech G., Thomas J. Language, meaning and context pragmatics // N. E. Collinge (ed.). *An encyclopedia of language*. London, New York: Routledge. 1990. P. 173-207.
348. Driskell, Mullen 2006 — Driskell J. E., Mullen B. Status, Expectations, and Behavior: A Meta-Analytic Review and Test of the Theory // J. M. Levine, R. L. Moreland. *Small Groups*. New York, NY: Psychology Press. 2006. P. 73-82.
349. Levinson 2000 — Levinson S. C. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge, MA: MIT Press. 2000. 480 p.

350. Levy-Leboyer 1988 — Levy-Leboyer C. Success and failure in applying psychology. // *American Psychologist*, №43. 1988. P. 779-785.
351. Lewin 1951 — Lewin K. *Field theory in social science: Selected theoretical papers*. New York: Harper and Row. 1951. 346 p.
352. Lim 2002 — Lim T. S. *Language and Verbal Communication Across Cultures* // W. B. Gudykunst, B. Mody (eds.). *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. 2002. P. 69-87.
353. Linell 2006 – Linell P. *Towards a dialogical linguistics* // *Proceedings of the XII International Bakhtin Conference, Jyväskylä, Finland, 18–22 July, 2005*. P. 157-172.
354. Lobasso et al. 2007 — Lobasso F., Pavan E., Caon F. *Manuale di comunicazione interculturale tra italiani e greci*. Perugia: Guerra, 2007. 125 p.
355. Lucy 1992 — Lucy J. A. *Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. 328 p.
356. Lucy 1996 — Lucy J. A. *The scope of linguistic relativity: An analysis and review of empirical research* // J. J. Gumperz, S. C. Levinson (eds.). *Rethinking linguistic relativity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. P. 37-69.
357. Lucy 1997 — Lucy J. A. *Linguistic Reality* // *Annual Review of Anthropology*, 26, 1997. P. 291-312.
358. Lucy, Shweder 1979 — Lucy J. A., Shweder R. Whorf and his critics: Linguistic and nonlinguistic influences on color memory // *American Anthropologist*, 81, 1979. P. 581-615.
359. Lyons 1977 — Lyons J. *Semantics*. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1977. 897 p.
360. Maher 2006 — Maher B. *Sfogarsi: a semantic analysis of an Italian speech routine and its underlying cultural values* // B. Peeters. *Semantic Primes and Universal Grammar: Empirical evidence from the Romance languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins publishing Company. 2006. P. 207-233.
361. Maiden 1998 — Maiden M. *Storia linguistica dell'italiano*. Bologna, il Mulino. 1998. 307 p.
362. Maiden, Robustelli 2007 — Maiden M., Robustelli C. *A reference grammar of modern Italian*. 2nd ed. London: Arnold. 2007. 478 p.
363. Malinowski 1926 — Malinowski B. *The problem of meaning in primitive languages* // C. K. Ogden and A. Richards (eds.). *The meaning of meaning*. London: Kegan Paul. 1926. P. 296-336.
364. Malinowski 1935 — Malinowski B. *Coral Gardens and their magic*. 2 vol. London, 1935. 850 p.
365. Markkanen 1985 — Markkanen R. *Cross-language studies in pragmatics*. Jyväskylä: Jyväskylä Cross-language studies no. 11. Department of English, University of Jyväskylä. 1985. 99 p.
366. Markus, Kitayama 1991 — Markus H.R., Kitayama S. *Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation* // *Psychological Review*, 98. 1991. P. 224-253.

367. Martinez-Flor, Usò-Juan 2010 — Martinez-Flor A., Usò-Juan E. *Speech act performance: Theoretical, empirical and methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 277 p.
368. Mastop 2011 — Mastop R. Imperatives as semantic primitives // *Linguistic and Philosophy* 34 (4), 2011. P. 147-170.
369. Matera 2007 — Matera V. *Etnografia della comunicazione. Teorie e pratiche dell'interazione sociale*. Roma: Carocci, 2007. 169 p.
370. Mazzoleni 2001 — Mazzoleni M. Il vocativo // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. III. Bologna: Il Mulino. 2001. P. 377–402.
371. Medeiros 2015 — Embedded ancient Greek Imperatives: A feature transfer analysis // *Syntax* 18 (2). 2015. P. 124-156.
372. Mencacci 1983 — Mencacci O. L'imperativo nell'italiano contemporaneo // *Gli Annali. Università per stranieri di Perugia, Supplemento al n°4*. 1983. P. 143-188.
373. Miestamo 2005 — Miestamo M. Standard Negation. The Negation of Declaration Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. 490 p.
374. Mioni 1983 — Mioni A. Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione // P. Benincà et al. (a cura di). *Guida all'educazione linguistica in onore di Giovan Battista Pellegrini*. 2 vol. Pisa: Pacini. 1983. P. 495-517.
375. Murray 1993 — Murray S. *Theory groups and the study of language in North America: A social history*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. 594 p.
376. Myers 2001 – Myers D. A Pox on All Compromises: Reply to Craig (1999) // *Communication Theory*, Vol. 11, Issue 2. 1 May 2001. P. 218-230.
377. Naumov, Puffer 2000 — Naumov A. I., Puffer S. M. Measuring Russian Culture Using Hofstede's Dimensions // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 49, issue 4. October 2000. P. 709-718.
378. Neuliep, Mattson 1990 — Neuliep J. W., Mattson M. The Use of Deception as a Compliance-Gaining Strategy // *Human Communication Research*. Vol. 16, Issue 3. March 1990. P. 409-421.
379. Newman 1954 — Newman S., *Semantic problems in grammatical systems and lexemes: A search for method* // H. Hoijer (ed.). *Language in culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 82-91.
380. Ogiermann 2009 — Ogiermann E. Politeness and Indirectness Across Cultures. A Comparison of English, German, Polish and Russian Requests // *Journal of Politeness Research* 5 (2), 2009. P. 189-216.
381. O'Sullivan et al. 1994 – O'Sullivan T., Hartley J., Saunders D., Montgomery M., Fiske J. *Key concepts in communication and cultural studies*. London, New York: Routledge, 1994. 367 p.

382. Pease, Pease 2004 — Pease A., Pease B. *The Definitive Book of Body Language*. Buderim: Pease International, 2004. 386 p.
383. Pellegrini 1975 — Pellegrini G. B. *Saggi di linguistica italiana*. Torino: Boringhieri, 1975. 496 p.
384. Pérez Hernández, Ruiz de Mendoza 2002 — Pérez Hernández L., Ruiz de Mendoza F. J. Grounding, semantic motivation, and conceptual interaction in directive speech acts // *Journal of Pragmatics* 34 (3). 2002. P. 259-284.
385. Philipsen 1975 — Philipsen G. Speaking “like a man” in Teamsterville: Culture patterns of role enactment in an urban neighborhood // *Quarterly Journal of Speech*, 61. 1975. P. 13-22.
386. Philipsen 1989 — Philipsen G. An ethnographic approach to communication studies // B. Dervin (ed.). *Paradigm dialogues: Research exemplars*. Newbury Park, CA: Sage. 1989. P. 258-268.
387. Philipsen 1992 — Philipsen G. *Speaking culturally: Explorations in social communication*. Albany: State University of New York Press. 1992. 154 p.
388. Philipsen 2002 — Philipsen G. Cultural Communication // Gudykunst W. B., Mody B. *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, London, New Dehli: Sage Publications. 2002. P. 51-67.
389. Potsdam 2007 — Potsdam E. Analysing the word order in the English Imperative // W. van der Wurff (ed.). *Imperative Clauses in Generative Grammar. Studies in Honour of Frits Beukema [Linguistik Aktuell/Linguistic Today 103]*. Amsterdam: John Benjamins. 2007. P. 251-271.
390. Rogers 1994 — Rogers E. M. *A history of communication study: A biographical approach*. New York: Free Press, 1994. 576 p.
391. Rossi 2012 — Rossi G. Bilateral and Unilateral Requests: The Use of Imperatives and *Mi X?* Interrogatives in Italian // *Discourse Processes* 49 (5). 2012. P. 426-458
392. Rupp 2003 — Rupp L. *The Syntax of Imperatives in English and Germanic. Word Order Variation in the Minimalist Framework*. New York: Palgrave MacMillan. 2003. 204 p.
393. Sacks 1972 — Sacks H. An initial investigation of the usability of conversational data for doing sociology // D. Sudnow (ed.). *Studies in social interaction*. New York: The Free Press. 1972. P. 31-63.
394. Sadock, Zwicky 1985 — Sadock J., Zwicky A. M. Speech act distinctions in syntax // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description, Vol. I: Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 155-196.
395. Salvi 2001 — Salvi G. La frase: La frase semplice // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi. Vol. I*, Bologna: Il Mulino. 2001. P. 37-128.

396. Salvi, Borgato 2001 — Salvi G., Borgato G. Tipi di frasi principali: Il tipo iussivo // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds) Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi. Vol. III, Bologna: Il Mulino. 2001. Pp. 152-159
397. Sapir 1949 — Sapir E. The selected writings of Edward Sapir in language, culture, and personality. D.G. Mandelbaum (ed.). Berkley: University of California Press. 1949. 617 p.
398. Saul 2002 – Saul J. What is said and psychological reality: Grice's project and relevance theorists' criticisms // *Linguistic and Philosophy* 25. 2002. P. 347-372.
399. Schank, Abelson 1977 — Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1977. 248 p.
400. Searle 1969 — Searle J. R. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.
401. Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts // *Language in society*, Vol. 5, No. 1. Cambridge: Cambridge University Press. Apr. 1976. P. 1-23.
402. Searle 1979 — Searle J. R. *Expression and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 187 p.
403. Searle, Vanderveken 1985 — Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 227 p.
404. Serianni 1989 — Serianni L. *Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria*. Utet Università. 1989. 750 p.
405. Schwager 2011 — Schwager M. Imperatives and tense // R. Musan, M. Rathert (eds.). *Tense across Languages*. Berlin: De Gruyter. 2011. P. 37-58.
406. Shannon, Weaver 1949 – Shannon C. E., Weaver E. *Mathematical theory of communication*. Univ. of Ill. Press, Urbana, Ill. 1949. 117 p.
407. Sherzer 1987 — Sherzer J. A diversity of voices: Men's and women's speech in ethnographic perspective // S. Philips, S. Steele, C. Tanz (eds.). *Language, culture, gender, and sex in comparative perspective*. New York: Cambridge University Press. 1987. P. 95-120.
408. Sifianou 1992 — Sifianou M. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 1992. 254 p.
409. Singelis, Brown 1995 — Singelis N., Brown W. Culture, self, and collectivistic communication // *Human Communication Research*, 21. 1995. P. 354-389.
410. Schiffrin 1994 — Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford: Blackwell. 1994. 470 p.
411. Sorjonen et al. 2017 — Sorjonen M.-L., Raevaara L., Couper-Kuhlen E. (eds.). *Imperative Turns at Talk. The design of directives in action*. 2017. 435 p.
412. Sperber, Wilson 1986 — Sperber D., Wilson D. *Relevance*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 279 p.

413. Spitzer 1918 — Spitzer L. Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik. Bern, 1918. 392 p.
414. Spitzer 1951 — Spitzer L. Sur quelques emplois métaphoriques de l'imperatif. Un chapitre de syntaxe comparative // "Romania" 20, LXXII. 1951. P. 433-478.
415. Spitzer 1951 — Spitzer L. Sur quelques emplois métaphoriques de l'imperatif. Un chapitre de syntaxe comparative. "Romania" 81, LXXIII. 1952. P. 16-63.
416. Stefinlongo 1977 — Stefinlongo A. Completive col congiuntivo e con l'indicativo in italiano antico // "Critica letteraria" 5. 1977. P. 253-277.
417. Sternina, Sternin 2003 — Sternina M. A., Sternin I. A. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh: Istoki Publishing House. 2003. 94 p.
418. Stiles 1981 — Stiles W. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society, Vol. 10, No. 2. Aug. 1981. P. 227-249.
419. Svobodová 1973 — Svobodová H. Poroždenije russkich pobuditel'nych predloženij // Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích", Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně. 1973. P. 265-268.
420. Takahashi 2012 — Takahashi H. A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative. With Special Reference to Japanese imperatives. Amsterdam: John Benjamins. 2012. 242 p.
421. Takahashi 2014 — Takahashi H. A usage-based analysis of indirect directives in English (1): A preliminary quantitative survey // The Annual Report on Cultural Science 143. 2014. P. 99-135.
422. Tomasello 2003 — Tomasello M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Harvard University Press. 2003. 388 p.
423. Triandis 1995 — Triandis H. C. Individualism & collectivism. Boulder, CO: Westview. 1995. 259 p.
424. Triandis, Gelfand 1998 — Triandis H., Gelfand M. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 74, No. 1. January 1998. P. 118-128.
425. Tyurikova 2008 — Tyurikova Y. Expression of Politeness/Impoliteness via the Aspectual Forms Imperative in Russian. PhD dissertation, Ohio State University. 2008. 253 p.
426. Vallauri 2004 — Vallauri E. L. Grammaticalization of syntactic incompleteness: free conditionals in Italian and other languages // SKY Journal of Linguistics 17. 2002. P. 189-215.
427. van der Auwera et al. 2005 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. Imperative-hortative systems // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 294-297.
428. van der Auwera, Lejeune 2005a — van der Auwera J., Lejeune L. The morphological imperative // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 286-289

429. van der Auwera, Lejeune 2005b — van der Auwera J., Lejeune L. The prohibitives // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil and B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press. 2005. P. 290-293
430. van der Wurff 2007 — van der Wurff W. Imperative clauses in generative grammar: An introduction // W. van der Wurff (ed.). *Imperative Clauses in Generative Grammar*. Studies in Honour of Frits Beukema [Linguistik Aktuell/Linguistic Today 103]. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 1-94.
431. van Dijk 2009 — van Dijk T. A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 287 p.
432. van Dijk, Kintsch 1983 — van Dijk T.A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. Chap. 1: Toward a model of strategic discourse processing; Chap. 10: The Cognitive Model. New York etc.: Academic Press. 1983. P. 1-19; p. 333-404.
433. Van Olmen, Heinold 2017 — van Olmen D., Heinold S. (eds.). *Imperatives and Directive Strategies*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017. 324 p.
434. Van Olmen 2010 — Van Olmen D. Typology meets usage: The case of the prohibitive infinitive in Dutch // *Folia Linguistica* 44 (2). 2010. P. 471-508.
435. Wandruszka 2001 — Wandruszka U. Frasi subordinate al congiuntivo. // L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti (eds.). *Grande grammatica italiana di consultazione in tre volumi*. Vol. II. Bologna: Il Mulino. 2001. P. 415-481.
436. Wason, Johnson-Laird 1977 — Wason P., Johnson-Laird P. N. (eds.). *Thinking: readings in cognitive science*. Cambridge: Cambridge University Press. 1977. 615 p.
437. Weigand 2010a – Weigand E. *Dialogue: the mixed game*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins. 2010. 304 p.
438. Weigand 2010b – Weigand E. *Language as dialogue // Intercultural Pragmatics*. Vol. 7. No. 3. 2010. P. 505-515.
439. Whorf 1956 — Whorf B. *Language, thought, and reality*. New York: John Wiley. 1956. 278 p.
440. Wierzbicka 1985 — Wierzbicka A. Different languages, different cultures, different speech acts: English vs. Polish // *Journal of Pragmatics* 9. 1985. P. 145-178.
441. Wierzbicka 1992 — Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York, London: Oxford University Press, 1992. 487 p.
442. Wierzbicka 1997 — Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, and Japanese*. New York, London: Oxford University Press, 1997. 317 p.
443. Wierzbicka 1999c — Wierzbicka A. A semantic basis for linguistic typology // Rahilina E. V., Testelec Ja. G. (eds.). *Typology and Theory of Language: from Description to Explication*. (in Russian). Moscow: Languages of Russian Culture. 1999. P. 26-35.

444. Wierzbicka 1999d — Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.
445. Wierzbicka 2002 — Wierzbicka A. *Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and its Applications* // *ProQuest Psychology Journals*, 30 (4). *Ethos*: Dec. 2002. P. 401-432.
446. Wierzbicka 2003 — Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2003. 502 p.
447. Wierzbicka 2006 — Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press. 2006. 352 p.
448. Zanuttini 2008 — Zanuttini R. *Encoding the addressee in syntax: Evidence from English imperative subjects* // *Natural Language and Linguistic Theory*, 26 (1). 2008. P. 185-218.
449. Zanuttini et al. 2012 — Zanuttini R., Pak M., Portner P. *A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects* // *Natural Language and Linguistic Theory*, 30 (4). 2012. P. 1231-1274.
450. Zinken, Ogiermann 2013 — Zinken J., Ogiermann E. *Responsibility and Action: Invariants and Diversity in Requests for Objects in British English and polish Interaction* // *Research on Language and Social Interaction* 46 (3). 2013. P. 256-276.

Electronic resources

1. Russian National Corpus: <https://ruscorpora.ru>
2. Italian Corpus: <https://www.corpusitaliano.it>